ДЖОН А. ГОБСОН

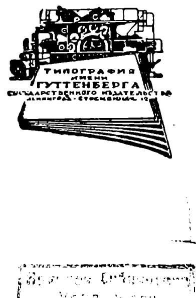
РАЗВИТИЕ ЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

МАШИННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
МОСКВА — 1926 — ЛЕНИНГРАД

ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ
ГУТТЕНБЕРГА

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ннига Дж. Гобсона «Развитие современного капитализма» выхорусском переводе не впервые.

ище в 1898 году она вышла в издании ОНП.

здание это к настоящему времени разошлось полностью. Наший перевод сделан с нового переработанного издания, вышедв конце 1916 года, когда можно было уже учесть некоторые гты, связанные с империалистической фазой развития капитического общества и, в частности, войны 1914 года. Ценность Гобсона в богатом фактическом материале, который в таком лии собран автором в этой его работе.

лавы, посвященные вопросам происхождения современного капизма и первых стадий его развития, прочтутся с интересом ле аналогичных работ Зомбарта.

аличие к настоящему времени крупных работ, посвященных иализму (Гильфердинг, Ленин, Бухарин и др.), не лишает еса и те главы книги Гобсона, в которых он описывает «работу» ов и вообще всю систему господства финансового капитала.

емало интересного дает автор и в других частях своей книги, юду интерес этот связан, главным образом, с сообщаемым автоактическим материалом.

Іто касается его теоретических рассуждений, то они для искуого в марксизме русского читателя покажутся мало поучиыми и представляют интерес лишь как образчик социального зма и непонимания основных двигателей общественного раз-1.

Для характеристики теоретических взглядов Гобсона достаточно сти его определения капитала, которые он устанавливает в сои с «окружающим деловым миром».

«Деловой мир знает два вида капитала, но они вполн суются между собою. Абстрактно капитал означает деньги и можность распоряжаться деньгами, именуемую иногда кр Конкретно капиталом являются формы материи, подлежащ даже и представляющие собою воплощенный труд. Земля рода исключаются, кроме тех случаев, когда в них были в улучшения; человеческая энергия исключается, ибо она не м блага, находящиеся в руках потребителей, исключаются, и не продаются. Таким образом, фактически конкретной фор питала являются сырые материалы в производстве, включа ключительную стадию — товар в магазине, и завод с обо нием, употребляемым при различных процессах промыш деятельности, включая и денежные средства, обслуживающие Конкретный капитал предприятия состоит из этих эле и только из них».

Для Гобсона остается, таким образом, совершенно сн социально-классовый смысл понятия «капитал», хотя он и с Марксом. Впрочем, касаясь этого знакомства, следует от что Маркса он цитирует, главным образом, в связи с характе кой технической структуры машины, выгод машинного про ства по сравнению с ручным и т. д., т.-е. с вопросами дост нейтральными в социально-политическом отношении.

Концепция Маркса в ее революционности чужда Гобсон типичный «фабианец», сторонник мирного перерождения к лизма в социалистическое общество. Классовые антагонизм него отнюдь не являются решающим моментом в жизни кап стического общества. Он способен говорить об общности инт труда с капиталом (стр. 404), поощряемой участием рабочих былях предприятия. Он считает возможным «обеспечение бочими более солидной доли во владении и управлении пр ятием, на котором они трудятся (стр. 505), и это «при сохра руководящей роли работодателя в общем ведении предприятия организации и т. д.». Он, в сущности, исходит во всех этих и д своих рассуждениях из возможности примирения классовых гонизмов между трудом и капиталом и их, в известной мере, мичности.

Он с надеждой взирает на происходящий процесс «коллек зации» различных отраслей народнохозяйственной жизни, п

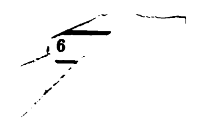
в усилении общественного контроля основной путь к социалистическому переустройству всего общества.

В усилении «интернационализма», в «освобождении иностранной политики от использования ее для частных деловых интересов», в освобождении, которое должно вестись «совместными усилиями держав», — в этом видит Гобсон единственное спасение человечества. Перед нами ясно выявившаяся психология демократического социализма, со всей его утопичностью, боязнью классовой борьбы, верой в спасительность учреждения типа «Лиги Наций» и тому подобной социальной близорукостью. В этих своих частях книга Гобсона является несомненно слабой, ее сила в фактах, в выявлении отдельных моментов и черточек, свидетельствующих о большой наблюдательности и эрудиции автора.

Книга Гобсона несомненно найдет своего читателя, интересующегося фактической историей развития капиталистического общества.

Ив. Удальцов.

6

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРЕРАБОТАННОМУ ИЗДАНИЮ.

Предлагаемое новое расширенное издание «Развития современного капитализма» содержит такие крупные изменения и дополнения, что фактически получилась новая книга.

Главы, трактующие о концентрирующих силах современной промышленности, о развитии промышленных комбинатов, трестов, картелей и т. д., написаны совершенно заново. Мы широко использовали новейшие данные английской и американской действительности и посвятили много внимания новым формам развития капитализма в транспорте и фабричной промышленности Соединенных Штатов за последнее время.

В главе X дан анализ роли, которую играет в современной промышленности финансовый капитал; для иллюстрации взяты факты из новейшего развития Южной Африки и Америки.

Сохранив большую часть содержания тех глав первого издания, которые посвящены были более ранним периодам истории, мы сделали в них многочисленные исправления и добавления. Кроме того, мы добавили вводную главу о «Происхождении современного капитализма», построив ее, в значительной степени, на исследованиях проф. Зомбарта в его большом труде «Современный капитализм».

Я хотел бы выразить здесь мою глубокую признательность В. Г. Макрости, в сочинениях которого я нашел материал по вопросу о капиталистических комбинатах в Великобритании. Собранные им данные и их анализ представляют лучший, единственный в своем роде источник информации. Что касается новейших американских данных относительно трестов, то я широко пользовался отчетами «Промышленной Комиссии» и сочинениями проф. Ричарда Эли и проф. Иеремии Дженкса.

Д. А. Гобсон.

Октябрь 1906 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НОВОМУ, ПЕРЕРАБОТАННОМУ ИЗДАНИЮ.

Подготовляя это новое издание «Развития современного капитализма», я добавил длинную дополнительную главу. Первая часть ее касается развития промышленности и торговли за предшествовавшее войне десятилетие.

1914 год является годом решительного перелома в истории как хозяйства, так и других сторон жизни человечества. Ибо широчайшая арена военных действий, число и могущество воюющих стран, продолжительность и разрушительная сила военных и морских операций отразились бесчисленными путями в ряде важных отношений на торговле и промышленности всего земного шара. Ни одна из прежних войн не отражалась так на экономическом положении нейтральных стран, включая сюда не только ближайших соседей воюющих стран, но и отдаленнейшие государства Америки. Повсюду судоходству, финансам и мировой торговле, орудиями которой они являются, был нанесен ущерб отчасти непосредственными военными действиями, отчасти новым напряжением ресурсов мирового хозяйства, которого потребовала война, и специальными мероприятиями правительств, принятыми для удовлетворения этих потребностей.

Поэтому мы сочли нужным сформулировать в этой дополнительной главе процесс экономического развития начала XX века, а затем установить некоторые новые данные и тенденции хозяйственной жизни, обнаруженные опытом войны, исследовать проблемы, которые они выдвигают, и тенденции, которые в них проявляются, отдавая этим дань теоретическому предвидению путей капиталистического развития в ближайшем будущем.

Август 1916 г.

РАЗВИТИЕ
СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

ГЛАВА I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА.

§ 1. Основные предпосылки капиталистического развития. § 2. Хранилища богатств в средние века. § 3. Рента как источник ранней стадии капитализма. § 4. «Сокровище» как основа денежной системы. § 5. Дворяне, горожане и должностные лица как первые «деловые люди». § 6. Начало эксплоатации колоний и «принудительного труда». § 7. Возникновение британского пролетариата из экспроприированных земледельцев. § 8. Аналогичный процесс в континентальной Европе. § 9. Медленный рост пользования машинами. § 10. Дух экономического рационализма. § 11. Причины приоритета Англии в капиталистическом развитии.

§ 1. Капитализм можно предварительно определить как организацию предприятия на широких началах предпринимателем или компанией предпринимателей, владеющих запасом накопленных богатств для приобретения сырых материалов и орудий и для найма рабочих рук с целью производства большего количества благ, которое должно дать прибыль. Где бы ни появлялась в течение исторического развития комбинация из некоторых основных экономических и духовных сил, всюду существовала в тех или иных формах и объеме капиталистическая промышленность. Такими основными условиями можно считать нижеследующие:

Во-первых, производство богатств, не нужных для удовлетворения текущих потребностей их собственников, и потому сберегаемых.

Во-вторых, наличие пролетариата или класса трудящихся, — лишенного возможности независимого существования путем приложения своей производительной рабочей силы к материалам, которые они могли бы свободно приобретать, покупать, брать напрокат, потребляя или продавая продукт в свою собственную пользу.

В-третьих, такое развитие промышленной техники, которое давало бы вспомогательным методам производства возможность применять с выгодой наемный труд для групповой организации труда, пользующейся орудиями или машинами.

В-четвертых, наличие крупных и доступных рынков с населением, которое хочет и экономически в состоянии потреблять продукт капиталистической промышленности.

В-пятых, капиталистический дух или желание и умение использовать накопленное богатство для извлечения прибыли при помощи организации промышленных предприятий.

Разумеется, эти условия нельзя считать совершенно независимыми друг от друга. Наоборот, они тесно связаны между собою. Причины, способствующие накоплению богатств в руках одного класса нации или другой социальной группы, обычно содействуют образованию пролетаризированного рабочего класса. Наличие населения, способного создавать новые потребности, будет не только стимулировать накопление, открывая возможность широкого и выгодного сбыта, но и поднимет развитие промышленной техники, которое, в свою очередь, окажет обратное влияние на потребителей, вызывая новые потребности. Такого рода атмосфера технического прогресса, как в формах производства, так и в формах потребления, воспитает стремление и умение, свойственные капиталистическому строю.

§ 2. Формы капиталистических предприятий бывают чрезвычайно различны в зависимости от сравнительного развития указанных составных элементов или условий.

Если не считать капиталистическими предприятиями военные и морские экспедиции с целью грабежа, в которые вкладывалась такая крупная часть накопленных богатств в древнем мире и в течение всего средневековья, то сфера деятельности более старого капитализма ограничивалась фактически некоторыми общественными или полуобщественными работами, каковы: дворцы, храмы, мавзолеи, замки и прочие сооружения, служащие для украшения или для защиты; проведение дорог, водопроводов и других постоянных транспортных усовершенствований; горное дело, особенно добывание драгоценных металлов, и некоторые случайные и дорого стоящие отрасли торговли с отдаленными областями. Рабский или крепостной труд в сельском хозяйстве следует также считать разновидностью капитализма древних времен. В древнем мире были лишь ничтожные следы наиболее характерной отрасли современного капитализма — фабрики, организованной на широких началах.

Вплоть до конца периода, который мы называем средними веками, не было налицо ни одного из условий, перечисленных нами, в качестве необходимых для общего широкого развития капитализма, а по меньшей мере два из них не достигли значительных размеров вплоть до восемнадцатого столетия.

Отмечая вкратце появление этих сил в современном мире, мы должны подчеркнуть определенные черты современного капитализма, отличающие его от прежнего, а также дать объяснение быстрому росту капиталистического хозяйства.

В своем тщательном исследовании источников накопления в средние века Зомбарт находит пять главных мест концентрации накопленных богатств:

1. Папская казна в Риме, питавшаяся приношениями верующих и чудовищно увеличившаяся за период крестовых походов.

2. Рыцарские ордена, среди них главным образом темплиеры, учреждения которых были распространены по всему известному тогда миру, от Греции до Португалии, от Сицилии до Шотландии.

3. Королевские казначейства Франции и Англии.
4. Высшие слои феодального дворянства.
5. Городские фонды важных торговых центров: Венеции, Милана, Неаполя, в первую очередь, а за ними Болоньи и Флоренции — в Италии, Парижа, Лондона, Барселоны, Севильи, Лиссабона, Брюгге, Гента (позднее Антверпена), Нюрнберга и Кельна [1].

В поисках действительных источников этого первоначального накопления, мы прослеживаем их «до почвы» в виде ренты с сельскохозяйственных и городских земель, в виде разработки рудников, открытия или грабежа древних сокровищ Востока. В средние века внутренняя торговля и ремесленная промышленность никогда не давали больше, чем сколько необходимо для существования, ибо их размеры и условия, в которых они велись, не давали возможностей значительного накопления. Хотя в последний период средневековья и получались большие прибыли от колониальной торговли и ссуды денег, но эта деятельность требует предварительного наличия крупных накоплений, необходимых для этих операций; кроме того, дальнейший анализ колониальной торговли и ссуды денег приводит к труду на земле, как к первоисточнику приносимых ими прибылей.

§ 3. Исторической основой капитализма является рента, продукт труда на земле, остающийся сверх и кроме того, что требуется для поддержания существования работников; силами политического или экономического характера этот излишек присваивается королем, феодальным сюзереном или землевладельцем и может им потребляться или сберегаться.

Посредством налогов и пошлин, штрафов, аренды и даже в виде добровольных приношений король, церковь, помещик имели возможность извлекать из земледелия избыточный продукт, приносимый более плодородной почвой, и большую часть того повышения производительности сельского хозяйства, которое обусловливалось усовершенствованием методов обработки. Системы обложения и аренды земли развивались в том направлении, чтобы выжать в пользу политических и экономических хозяев возможно большее количество этих естественных излишков. Однако, само по себе такое право — отнимать у земледельца значительную часть продукта, хотя и предоставляло в распоряжение помещика или феодального сюзерена большие излишки богатств для их личного потребления и для прокормления свиты праздных приспешников, не дала бы им возможности накопления, ибо богатства, которые они таким образом получали, состояли бы почти целиком из портящихся продуктов; даже принудительный труд, который они иногда вымогали вместо продуктов, прилагался, по необходимости, главным образом к постройке мостов, зданий, дорог и т. д., что, хотя и приносило более длительную пользу, мало могло содействовать такому накоплению, какое требуется для капитализма.

[1] «Современный капитализм», вторая книга, десятая глава.

К избыточному продукту сельского хозяйства следует добавить и ренту с городских земель. Хотя мелкий городской торговец или ремесленник в примитивной обстановке редко был в состоянии сделать из своих доходов сбережения, достаточные для того, чтобы стать хотя бы местным ростовщиком, однако, рост самых мелких городов приносил собственникам земли, на которой они были расположены, известное количество мелких рентных доходов, ставших источником значительных богатств. Подобно тому, как феодал в своих сельских поместьях мог выжимать из крестьян плоды усовершенствованной обработки и упорядоченного управления своими владениями, так он из своих городских земель мог извлекать ценность, приносимую совершенствованием промышленной техники. Зачатки богатств городов представляют собою накопленную земельную ренту [1]).

Исследования записей ранней истории развивавшихся городов показывают, что почти всегда первые капиталисты являются представителями фамилий, первоначально владевших землей, на которой построен город. Владельцы земли обязательно контролировали распланирование улиц; они либо сами устраивали мельницу, кузницу, рынки, либо контролировали их деятельность; они часто строили дома, лавки и мастерские. Они получали приращение городских ценностей в виде наследственной или пожизненной арендной платы или в виде платы за временную аренду; между тем продажа этих городских земель и их выкуп дали большие суммы представителям земельной аристократии, которые уже в тринадцатом столетии оказались в Италии и Фландрии крупными «капиталистами».

«Именно медленный, постепенный, незаметный трудовому населению процесс вытягивания мелких частиц труда должен был послужить с течением времени основой капиталистического хозяйства [2])». Здесь важно признать, что, — независимо от того, является ли отрасль хозяйства, излишки которой (остаток сверх поддержания существования рабочего) образуют прибыль, земледелием, городскими ремеслами или торговлей, — первым орудием присвоения является собственность на землю.

§ 4. Но для того, чтобы создать технические предпосылки успешного накопления, мы должны обратиться к другого рода приложению труда — к земле. Арендные платежи натурой за сельские и городские земли не могли бы создать капитализма. Для завершения этого необходимо было открытие и присвоение драгоценных металлов. Чтобы обладание капиталом могло само по себе стать основой получения прибыли, необходимо раньше, чтобы первоначальное право взимать аренду было монетизировано. Пока в Западной Европе не было возможности получать «сокровища» и удерживать их, современный капитализм не мог фактически вступить

---

[1]) См. Sombart, том I, стр. 291.
[2]) Ibid, том I, стр. 268.

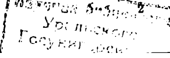
в период серьезного развития. Первые казнохранилища находились на Востоке, и в течение раннего средневековья сношения Запада с этими более древними цивилизациями означали постоянное выкачивание на Восток драгоценных металлов в уплату за товары, доставлявшиеся в Европу левантинской торговлей. Хотя Германия и Австро-Венгрия добывали значительные количества золота и серебра, они шли через руки итальянских купцов на Восток. Только после того как падение Византийской империи открыло для грабежа и эксплоатации итальянских правителей и купцов Эгейское и Азиатское побережье, начался обратный поток, и Западная Европа получила запас денежных средств, необходимых в качестве основы капиталистического развития.

Историки экономического развития часто изображают роль, которую играли деньги, в ложном свете. Развитие горного дела и большая добыча благородных металлов способствуют росту капитализма тем, что дают владельцу этих драгоценных металлов возможность направить избыток производственной энергии, извлеченной из производителя в виде пошлин, налогов, ренты и т. д., в русло производства не непосредственно на потребителя. В качестве предпосылки требуется достаточное развитие земледельческой и прочей промышленной техники, чтобы создать этот избыток. Наличие в обществе драгоценных металлов дает возможность типу, известному под именем «делового человека», появиться и начать действовать, направляя поток «избыточной промышленной энергии» от производства непосредственно потребляемых благ к производству не непосредственно потребляемых; или, другими словами, от непосредственного производства потребляемых благ к производству промышленного и торгового капитала—товаров. Это не должно неизбежно быть результатом открытия золота и серебра, даже во вполне цивилизованной стране. Собственники богатств, добытых в рудниках, могут — и часто это и делают — употреблять их главным образом для целей украшения Но наряду с такого рода использованием появляется признание и применение благородных металлов и драгоценностей в виде запаса ценностей, который при случае мог дать их собственнику возможность распоряжаться другими формами богатств и человеческой энергией.

Короли, дворяне и города сначала занялись таким собиранием запасов сокровищ на случай оборонительной или наступательной войны. Для защиты и для нападения необходимо быстро экипировать и содержать большие отряды людей, доставать оружие, суда и остальной дорого стоящий военный аппарат. Поэтому самой ранней формой широких предприятий, напоминающих капиталистическую промышленность, было снаряжение морских и сухопутных экспедиций для завоеваний и грабежа. Первые денежные фонды не только монархов, но и итальянских городов предназначались и использовались в средние века главным образом для ведения войны.

Пока избыточный продукт труда переходил в форме податей, налогов и ренты в руки королей и дворянства, церкви, орденов и

в городские фонды, — независимо от того, тратился ли он на предметы роскоши или накоплялся в виде сокровища, — он не мог дать толчка развитию капитализма.

§ 5. Было необходимо, чтобы масса этого избыточного богатства перешла в руки «деловых людей», которые старались бы сделать его основой «выгодного» использования. Теперь литература намечает два источника происхождения такого класса.

Рост огромного торгового могущества итальянских городов ясно указывает на один источник — вхождение членов земельной аристократии в городскую жизнь, начало перехода их к занятиям горожан. С установлением в стране большей оседлости и порядка и более изнеженного, более роскошного образа жизни, многие из сельских дворян переселились в города, привозя с собой свои арендные списки и покупая большее количество городской земли. Особенно младшие ветви дворянских фамилий, не занятые уже целиком войной, вошли в жизнь городов. Это поглощение земельного дворянства городской жизнью произошло в итальянских и фламандских государствах раньше и легче, чем во Франции и в Германии, и большее количество денег, привлеченное таким образом в города «монетизацией» ренты их поместий, немало способствовало раннему развитию крупных коммерческих предприятий торговых фирм Италии и Фландрии. Также и в Англии, начиная с тринадцатого столетия, низшее дворянство стало легче смешиваться с жизнью горожан, и «младшие сыновья сельских рыцарей искали себе в городах жен, занятий и недвижимое имущество» [1]). «Во времена Елизаветы, когда еще не начали проявляться противоречия интересов собственников земли и денег, значительная часть учеников лондонских ремесленников вербовалась среди семей мелкого сельского дворянства [2])». И в Германии ранний расцвет торговли в таких городах, как Аугсбург, Нюрнберг, Базель и Кельн, питался из тех же источников. К несчастью, в течение позднего средневековья история Германии имеет тенденцию все сильнее отрывать сельское дворянство от мирной жизни и городских занятий — обстоятельство, много способствовавшее задержке коммерческого и промышленного развития этой страны.

Между тем как многие крупные деловые люди средневековой Италии, Фландрии, Германии происходили, таким обрзаом, из сельской аристократии, владея в качестве коммерческого яйца-подкладня сельскохозяйственной арендой, налогами и поборами, более мелкие собственники городских земель, исконные семьи горожан, играли не менее важную роль в тех случаях, когда городские земли не были крепко захвачены дворянством или церковью. Эти исконные жители, — в начале мелкие фермеры, — образовали, увеличивая свои владения, часто захватывая или разделяя по взаимному соглашению общинные земли, сильные местные олигархии, высасывающие

---

[1]) Stubbs, 197.
[2]) Cunningham, «Growth of English Industrie», том I, стр. 126 (in 8[vo] 1903).

растущую стоимость городских земель для образования капитала, который они вкладывали затем в торговлю.

К таким дворянам или мелким земельным собственникам, которые пришли в торговлю с сбережениями, имеющими своим непосредственным источником земельную ренту, надо добавить чиновников. При феодальной системе они жили на общественный счет, занимая прибыльные государственные должности, или имели полномочия собирать или брать на откуп налоги и пошлины. Не только оклады канцлеров, маршалов и других высших чинов были чрезвычайно высоки, но все чиновники, имевшие дело с получением и расходованием общественных денег, имели возможность расхищать их, что и практиковалось весьма широко. Таким образом, правящие в городах фамилии могли добавлять к своим частным доходам от земельной ренты также и часть городских фондов. Так, значительная доля основных сбережений королевской и папской казны, городских и монастырских рент и вкладов перешла в руки деловых людей, бывших доверенными лицами этих крупных общественных источников дохода [1]).

Управление поместьями и финансами частных землевладельцев, как светских, так и духовных, часто поручалось классу деловых чиновников, которые получали свою долю богатств землевладельцев в качестве сборщиков ренты, управляющих, судебных приставов, судей, интендантов и т. д. Но не следует забывать, что, в какой бы форме эти общественные и частные чиновники и агенты ни получали свои доходы, в форме ли жалованья, взятки, барышей или расхищенных сумм, — почти единственным источником их была земельная рента.

При наличии класса деловых людей, с такими источниками накопления в руках, нетрудно понять, какое наиболее выгодное применение они могли найти этому «капиталу». Самой важной отраслью примитивного капитализма является «ростовщичество» или «ссуда денег», и стоит отметить роль, которую это сыграло в превращении богатств феодалов в богатства горожан [2]). Крупные духовные землевладельцы были вынуждены занимать деньги, чтобы посылать Риму усиленные денежные приношения, которых требовал «век веры»; светские властители, стесненные в деньгах, благодаря растущим расходам на войну и постройку зданий (два главных денежных расхода), запутывались все больше в долгах «банкирским домам» Италии, Фландрии и Германии. Крестовые походы служат главным отправным пунктом растущей мощи нового делового класса, заставляя крестоносцев занимать деньги для покрытия расходов по снаряжению и путешествию, давая больше власти их управляющим и агентам и привозя обратно с Востока новую волну привычек роскошной жизни, которые требовали еще большей расточительно-

---

[1]) Так стали крупными банкирами папства Спини, Спилиати, Барди, Черки, Пульчи, Альфани, а позднее Медичи (Зомбарт, том I, стр. 251).

[2]) См. Sombart, том I, стр. 255.

сти. В Италии и других местах аристократические собственники лишались таким образом все большего количества земель, конфискованных за долги. Когда в эпоху Возрождения более сильное влияние Востока коснулось варварской Европы, и города начали гордиться своей роскошью и приобрели влияние. как «общественные центры», сельская знать и мелкое дворянство, желая приобщиться к этой новой жизни, увидали, что у них не хватает денег, и были вынуждены занимать у богатых горожан. Начавшись в Италии уже в тринадцатом столетии, это движение достигло Германии в пятнадцатом, а Англия в царствование Елизаветы показала, что профессия «ссуды денег» была настолько крупной и доходной, что соблазняла не только континентальный капитал, но и голландцев из Амстердама и других мест конкурировать с еврейскими и ломбардскими фирмами в Лондоне [1]).

Роскошь одежды была уже сама по себе значительным фактором, способствовавшим обычаю брать взаймы деньги, что создало богатство городских финансистов.

§ 6. Но все эти пути, которыми капитал перешел из рук земельных собственников в руки деловых людей, не дают достаточного объяснения быстрого роста богатств в Западной Европе. Без гораздо более сильного притока монетизированных сокровищ, как орудия концентрированного накопления, без более широких возможностей собирать материальные средства для развития промышленной техники, современный капитализм в его настоящем масштабе был бы невозможен. Западная Европа не получала из своих рудников достаточного количества добываемых драгоценных металлов; ее земледельческое население не давало в виде ренты роста продукции, достаточного, чтобы создать широкий поток накопляющихся богатств, а производительность промышленной техники городов также не могла дать быстрого роста прибыли. Хозяйство средневековой Европы еще не могло предоставить для свободной эксплоатации стремящихся к прибыли хозяев широких масс безземельного пролетарского населения. Не хватало трудовой базы современного капитализма.

Эксплоатация других частей света при помощи военного грабежа, недобросовестной торговли и принудительного труда была важнейшим непременным условием роста европейского капитализма. «Богатства итальянских городов совершенно необъяснимы без эксплоатации остальной части Средиземного моря, так же как и благосостояние Португалии, Испании, Голландии, Франции и Англии немыслимо без предварительного разрушения арабской цивилизации, ограбления Африки, обнищания и разорения Южной Азии и ее островов, плодородной Ост-Индии и цветущих государств инков и ацтеков [2]).

---

[1]) Cunningham, том I, стр. 324.

[2]) Sombart, том I, стр. 326.

Итальянские республики первые взялись за это дело. К концу крестовых походов они негласно хозяйничали во многих городах Сирии, Палестины, Эгейского и Черного морей. С начала двенадцатого века Генуя, Пиза и Венеция запустили свои экономические когти в города Цезарею, Акр, Сидон, Тир и т. д. Крушение Восточной империи дало Венеции громадную колониальную мощь, не менее трех восьмых империи подпало под ее исключительное господство; в то время ее соперница Генуя также приобрела обширные владения на Ионических островах и на материке. Малая Азия и Эгейские острова изобиловали естествеными богатствами, имели большое культурное население, унаследовавшее искусные приемы промышленной техники, еще не известные западному миру. Итальянские города не претендовали на колонизацию этой громадной империи в современном смысле, а устроили торговые центры в главных городах и взимали с мануфактур богатую подать. В Антиохии, Триполи, Тире они нашли процветающую шелковую промышленность; в Армении хлопок; стекло и гончарное производство в Сирии и значительные разработки рудников в Фокиде и других местах. Их метод эксплоатации был, кажется, применением феодальной системы: в качестве верховных властелинов, они взимали в свою пользу крупную долю, — обычно одну треть, — всей продукции земли, рудников и промышленности. Эта форма феодализации, введенная впоследствии в Америке испанцами под именем «Энкомиэндас», существовала задолго до того в этих итальянских колониях Леванта. Впоследствии феодальная форма отпала, уступая место господству привилегированных компаний, владевших королевской или государственной монополией.

Истинное значение этой ранней «колонизации» для развития современного капитализма заключается в том, что она открыла впервые возможность получения прибыли в крупном масштабе, предоставив в распоряжение итальянских хозяев большое количество квалифицированного крепостного труда. Не только собственность целых провинций конфисковывалась в пользу завоевателей, но широкие массы населения жили, по старому обычаю, в условиях замаскированного рабства, так как «все права и все имущество в мужчинах, женщинах и детях» переходили к новым феодальным владыкам.

Итальянские завоеватели получили также чрезвычайно доходное наследство в торговле рабами, которую с древних времен вели византийцы и арабы. Они чрезвычайно расширили эту работорговлю при помощи премиальной системы, доставляя в больших количествах пленных мусульман; так, например, за время их господства население одного Крита возросло с 50.000 до 192.725 человек.

Таким образом, было заложено первое основание той доходной торговли, которая дала Западной Европе накопление богатств, необходимое для дальнейшего развития капиталистических методов отечественного производства. Обширные массы «пролетариата», рабского или номинально свободного, впервые предоставил в распоря-

жение Европы Ближний Восток. Сокровища Востока, его груды золота и рабы, его богатые ткани, его пряности и прочие собранные там богатства текли через руки итальянских купцов и банкиров в Западную Европу. Урок, преподанный этими первыми опытами, был таков: главные выгоды завоеваний заключаются не в открытиях и захвате припрятанных накопленных сокровищ, — какую бы важную роль этот момент ни играл в случае с первой Восточной Империей, — а в длительной эксплоатации принудительного труда в больших количествах.

Португальцы и испанцы хорошо запомнили этот урок, признавая, что «истинным богатством вновь открытых земель является их население». Эти первые опыты усовершенствовали испанцы в Мексике и Перу, португальцы в Восточной и Западной Африке, голландцы в Малакке, на Яве и Цейлоне, построив свое экономическое господство на еще более прочной основе «принудительного» или «рабского» труда, с лучшей организацией снабжения рабами. Черное население Африки стало, конечно, громадным резервуаром для новой хозяйственной организации европейской колониальной системы в тропических странах. Эта система распространилась по всей Центральной Америке, Бразилии и Вест-Индии, пустив впоследствии корни и в Северной Америке. Размеры этой торговли у португальцев были с самого начала ее развития в начале шестнадцатого столетия колоссальны: фактическое число работоспособных рабов в любой данный момент дает только слабое представление о размерах торговли, — так велика была там непроизводительная трата человеческих жизней, так коротка была продолжительность хозяйственной жизни рабов. В 1830 г. в европейских колониях было всего около двух с половиной миллионов рабов, но в течение трех столетий поток бесчисленных миллионов вливался туда, чтобы послужить «сырым материалом» для тех продуктов колониальной промышленности, которые создали первые состояния испанских, португальских, голландских и английских купцов.

Барыши европейских компаний, занимавшихся ранней колониальной торговлей, были очень велики, ибо хозяйство на основе рабовладения плохо не само по себе и не при всех условиях. Мирвейль ясно указывает главные условия, при которых оно бывает доходным. «Когда плотность населения заставляет свободных людей предлагать свои услуги в обмен на заработную плату, лишь немногим превышающий ее естественный минимум, — как это происходит во всех старых странах, — то такой труд несомненно более продуктивен и обходится дешевле рабского труда. Исходя из этого, очевидно, что как только население становится настолько плотным, что дешевле пользоваться свободным трудом по найму — пределы выгодного существования системы рабства достигнуты» [1]).

Другими словами, до девятнадцатого столетия Западная Европа не имела широких масс безземельного рабочего населения, необхо-

[1]) Merivale, «Lectures on Colonisation», том I, стр. 297 — 298.

димых в качестве предпосылки развитого и доходного капитализма. И поэтому такого рода колониальную экономическую систему надо считать одним из необходимых условий современного капитализма. Ее торговля, — часто принудительная, — сплошь и рядом мало чем отличалась от замаскированного грабежа, и ни в каком отношении не являлась справедливым обменом благами. Торговые барыши дополнялись промышленными прибылями, представлявшими «прибавочную стоимость» рабского или принудительного труда, и доходами от налогов и грабежей.

«Особое значение колониальной экономической системы заключается в том, что она дает предпринимательскую прибыль раньше, чем созрели условия для настоящего капитализма, раньше, чем совершилось необходимое денежное накопление, раньше, чем появился пролетариат, и раньше, чем исчезли свободные земли» [1].

§ 7. Появление в Западной Европе широких масс пролетариата было необходимым условием для развития капиталистической промышленности. Это означает прирост сельского населения, превышающий для него возможности прокормиться от земли при данном уровне сельскохозяйственной техники и земельных отношений, и рост городского населения, не могущего добывать средства к существованию в качестве независимых ремесленников и мастеров. Но процесс образования пролетариата чрезвычайно затянулся вследствие слабого роста населения в европейских государствах. В течение всего средневековья голод, чума и войны препятствовали росту населения: процент детской смертности был огромен, и производительный период жизни был для массы населения очень коротким. Хотя не существует сколько-нибудь достоверных статистических данных, однако вполне установлено, что вплоть до восемнадцатого столетия общая цифра прироста населения в Европе увеличивалась очень медленно и даже в течение восемнадцатого столетия не дает большого увеличения. В Германии после Тридцатилетней войны население в течение долгого времени фактически шло на убыль и оправилось только в восемнадцатом веке. Франция приблизительно к середине восемнадцатого столетия достигла той цифры, которой она достигала в первой половине четырнадцатого века и все еще не дошла до 18.000.000, которые она насчитывала после смерти Людовика XIV. Голландия и Бельгия вряд ли увеличили свое население за три столетия. Италия оставалась неподвижной на цифре, приближавшейся к 11.000.000, со второй половине шестнадцатого века до начала восемнадцатого. В Испании число населения обнаруживало чрезвычайное падение в течение шестнадцатого и семнадцатого столетий.

Население Англии оценивалось во времена кадастровой «книги страшного суда» приблизительно в 2.000.000, как будто поднялось немного за три столетия, и в 1377 г., в последний год царствования Эдуарда III, составляло не больше двух с половиной миллионов.

---

[1]) Sombart, том I, стр. 358.

В течение следующих двух с четвертью столетий темп роста населения ускорился, так как в конце царствования Елизаветы его исчисляли приблизительно в 5.000.000 человек. С тех пор коэффициент прироста снова упал, и 6.000.000 были достигнуты лишь в середине восемнадцатого столетия [1]).

Однако, в странах, где значительные площади земли не обрабатываются или плохо обрабатываются, один рост населения сам по себе не объясняет образования пролетариата. Подобно тому, как мы свели зачатки «капитала» к накоплению земельной ренты, мы должны свести зачатки класса ничем не связанных рабочих, живущих заработной платой, к переменам в сельском хозяйстве и промышленности, выбившим большое количество сельского населения из его прежнего положения мелких земельных собственников, арендаторов или рабочих, имеющих долю в доходах фермы, на которой они помогают работать. Главным двигателем перемен была реформа сельского хозяйства, которая заключалась в более производительном использовании земли и лучших методах ведения дела. И в Великобритании, и на континенте примитивное земледелие феодального общества требовало мало «капитала» и не давало простора «деловой» предприимчивости. «Землевладелец» мало заботился о том, чтобы получать денежную ренту или извлекать из своей земли крупные барыши; его съемщики, «коттэджеры» и другие рабочие фермы пользовались правом постоянной аренды на определенных условиях, обрабатывали землю согласно обычаю, чтобы иметь средства к существованию, получая свою долю продукции и удовлетворяя почти все потребности собственными силами.

Главным руслом нового течения была торговля продуктами сельского хозяйства. Она внесла в экономику сельского хозяйства большее количество денег и дала собственникам и съемщикам земли стимул к более тщательной и более интенсивной обработке, чтобы получить больше денег в виде ренты или прибыли. Фламандский

---

[1]) Г. Кэннингэм приводит следующие выборки данных о населении Англии и Уэльса, начиная с 1688 г. («Growth of English Industry», том III, стр. 935).

1688 —	5.500.520	Г. Кинг, в «Davenant Works», том II, стр. 184.
1700 —	5.475.000	«Statistical Journal», том XLIII, стр. 462.
1710 —	5.240 000	
1720 —	5.565.000	
1730 —	5.796.000	
1740 —	6.064.000	
1750 —	6.467.000	
1760 —	6.736.000	
1770 —	7.428.000	
1780 —	7.928 000	
1790 —	8.675.000	
1801 —	8 892.536	«Accounts and Papers», 1852—53. LXXXV—XXXIII.
1811 —	10.114.226	
1821 —	12.000 237	
1831 —	13.896.798	
1841 —	15.914.146	
1851 —	17.927.609	

спрос на шерсть, появившийся в Англии в век Тюдоров, когда политические и социальные условия сложились благоприятно, дал возможность широкой и выгодной эксплоатации пастбищ. Это повело к огораживанию громадного количества общественных земель и пустошей и к образованию больших скотоводческих ферм с новыми владельцами, которые, получив поместья разорившихся баронских фамилий и конфискованные земли церкви и гильдий, управляли ими через своих доверенных лиц в духе современного лэндлорда. Этот иностранный рынок для сбыта шерсти и рост рынка для сбыта зерна, создавшийся благодаря росту Лондона и других центров населения и спорадической экспортной торговле, дал начало тому процессу превращения мелких йоменов и коттэджеров в простых наемных рабочих, который достиг полного развития в огораживаниях конца восемнадцатого и начала девятнадцатого века. В то время как в начальный период этого движения главным двигателем было огораживание для устройства пастбищ, в течение последнего периода им явилось огораживание для земледелия.

Первый период огораживаний причинил много несправедливости, лишив мелких фермеров и рабочих их законных и традиционных прав на пользование землей и выбросив на произвол судьбы значительные массы безземельного люда, который вел существование «бродяг и бездельников» или находил пристанище в городах. Но масса сельского населения и сельскохозяйственных рабочих все-таки сохранила, очевидно, вплоть до восемнадцатого столетия некоторую, хотя и слабую, связь с землей, что отличает их от чистого пролетариата, необходимого для современного капитализма, как одно из условий его развития. Одновременное улучшение методов земледелия, скотоводства и овцеводства в восемнадцатом столетии наткнулось в Англии на положение, при котором треть земель все еще оставалась под общественными полями со связанной с этой системой небрежной и непроизводительной обработкой земли. Значительная часть страны была в руках мелких йоменов, обрабатывавших свою собственную землю, коттэджеров или огородников, арендовавших мелкие участки и пользовавшихся не только долей в общественных полях, но и другими правами на пастбища, леса и пустоши. Платную работу на фермах выполняли отчасти они, а отчасти рабочие фермы, которые, если были одиноки, «принимались в дом»; если же они были женаты, то им давался домик при ферме и некоторые мелкие права на пастбище для коровы и пр. Кроме того, во многих местах фермер сдавал клочки земли более мелким съемщикам, основным занятием которых было ткачество или другие виды домашней промышленности и которые обрабатывали землю в свободное время.

Система огораживаний и новые условия фермерского хозяйства изменили все. Научный севооборот, глубокая запашка, искусственное удобрение, рост применения машин требовали таких денежных затрат и такого ведения дела, с которыми мелкий фермер не мог

Йомены и остальные мелкие собственники и съемщики не могли удержать землю в своих руках. Судебные издержки и прочие расходы на акт об огораживании, стоимость ограды и других приспособлений разорили многих из них, и они не могли бороться с крупными землевладельцами, защищая свои сомнительные юридические или обычные права. Требующее сложного расчета предприятие, производящее для рынка с его колеблющимися ценами, также не подходило для их средств и для их способностей. Много народа из этого класса, которому не удалось сохранить независимого положения, пошло в города и увеличивало собою новую промышленную армию.

Коттэджеры, огородники и остальные рабочие еще менее были в состоянии удержать что-либо из прав, которые обычай предоставлял им на бенефициальное пользование землей. Старая патриархальная жизнь фермеров, сохранившая элементы участия в доходах, отступила под давлением новых условий, дополнительная заработная плата натурой исчезла или превратилась в ничтожное добавление к денежной плате, которую закон о бедных в конце восемнадцатого столетия свел к ничтожному уровню.

Новая хозяйственная система, основанная на производстве пшеницы, имела еще и тот результат, что уменьшила количество зимней работы. Еще более серьезное значение имеет влияние машин на уничтожение вспомогательных промышленных занятий, которые помогали мелким крестьянам платить денежную аренду и даже рабочих делали вполне независимыми от фермера. Правда, нельзя предполагать, чтобы увеличившаяся количественно и улучшившаяся качественно запашка, явившаяся следствием огораживаний, увеличение посевной площади благодаря дренажу и распашке пустошей и другие улучшения в сельском хозяйстве уменьшили общий спрос на труд. Но, очевидно, они и не увеличивали его в достаточной мере, чтобы поглотить быстрый прирост сельского населения; ибо уже в последней декаде восемнадцатого столетия поднялись многочисленные жалобы на перенаселение как сельских областей, так и городов, и, как известно, такое положение продолжалось в течение первой половины следующего века.

Новая экономическая система крупного земледелия, которая лишала всякой собственности или связи с землей громадные массы сельского населения, еще не стала достаточно интенсивной, чтобы втянуть их в новую систему, как простых наемных рабочих. С другой стороны, силы, которые гонят лишние рабочие руки в города или в заграничную эмиграцию, еще не достигли полного развития. Война с Наполеоном задержала на некоторое время развитие машинной промышленности и спрос на рабочие руки в промышленных городах; транспорт был слишком плох и слишком дорог, чтобы мог создаться широкий поток эмигрантов в колонии или в Америку; стеснения, установленные законом о бедных и законом о бродяжничестве, очень мешали свободе передвижения рабочего населения.

И, однако, именно в этом росте многочисленного сельского населения, лишенного всякой собственности на землю или гарантий аренды, мы должны искать главного объяснения появления «пролетариата», необходимого для современного капиталистического развития. Этот класс, постепенно утративший свою хозяйственную и правовую оседлость на земле, все быстрее и быстрее вовлекался в новую промышленную жизнь фабрики, рудника, городской лавки и пакгауза. Там он сливался с выросшей в городе массой наемных рабочих, поденщиков, которые с пятнадцатого столетия все упорнее исключались из гильдейских организаций, и образовал городской пролетариат. Впоследствии в него влились мелкие хозяева [1]), не сумевшие отстоять свою независимость в борьбе с исключительной монополией ремесленных гильдий, и квалифицированные рабочие с континента, политические или религиозные эмигранты, а в первый период промышленной революции и массами эмигрировавшие необученные рабочие из Ирландии.

§ 8. В Германии можно вполне ясно проследить тот же самый источник происхождения промышленного пролетариата; то же самое разрушение, отчасти благодаря аграрной реформе 1811 — 16 г.г., отчасти благодаря Силезскому закону 1845 г., пережитков патриархальной фермерской семьи, где рабочий имел полагающуюся ему по закону или по обычаю небольшую долю земли, скота и продуктов фермы и получал часть своей платы в виде доли в урожае; то же огораживание общественных полей, сокращение и постепенное исчезновение прав рабочих и вытекающее отсюда превращение мелких, получающих долю доходов фермеров в наемных рабочих. Здесь действовали те же принудительные силы, что и полстолетия раньше в Англии, — развитие интенсивных методов земледелия, применение машин, уменьшение зимних заработков в сельском хозяйстве и подсобных отраслях промышленности [2]).

В Италии, Франции, Бельгии, Швейцарии фактически по всей Западной Европе ясно виден тот же общий процесс. Его темп определяется отчасти ростом населения, отчасти величиной поместий, отчасти условиями агрономической техники. В Бельгии быстрый рост ценности земли от середины девятнадцатого столетия вместе с упадком сельской промышленности разрушил хозяйственную систему ярко выраженной крестьянской аренды. То же самое одинаково относится и к мелким крестьянским участкам центральной Италии и к крупным поместьям южной. Преобладание в этих странах, как и во Франции, участков, хотя несомненно задерживало процесс внедрения капиталистического земледелия и передвижения сельского населения, не предотвратило, однако, постоянного роста волны излишних пролетарских рук, вливающихся в городскую про-

---

[1]) Unwin, «Industrial Organisation in the XVI ad XVII Centuries», ch. VII.

[2]) Увеличение количества летней работы и уменьшение зимней произошло вследствие: a) увеличения запашки, уменьшения пастбищ, особенно сокращения овцеводства и льноводства; b) машинной молотьбы, вместо ручных цепов; c) уменьшения лесных работ. (Ср. Sombart, II. 126.).

мышленную жизнь. Повсюду вместе с лишенным земельной базы классом фермерских рабочих тянулись в города и дети мелких собственников-крестьян. Не желая долее мириться с экономическим укладом жизни старой патриархальной фермерской семьи, они стремились к лучшим условиям и большей независимости фабричной жизни.

§ 9. Однако, наличие накопленных богатств и широких масс населения, живущих продажей своей рабочей силы, не могло бы создать современную систему промышленного капитализма, пока промышленная техника не достигла высокого уровня развития. Капитализм древнего и даже средневекового мира, давая несколько редких примеров широкой организации рабочих под единым управлением, работающих за плату с целью доставления прибыли предпринимателям, отличался от современного капитализма в одном очень важном отношении. Повсюду: в громадном рабовладельческом сельском хозяйстве раннего периода Римской империи, в рудниках Фракии и Сицилии, и еще раньше при великих сооружениях Египта, Вавилона и Индии, — элемент «постоянного» капитала был очень мал. Он состоял из простых орудий и сравнительно несложных и не имевших большого значения «машин». Капитал «предприятия» состоял из продовольствия и сырых материалов, которые выдавались рабочим в виде «аванса».

Первые накопления «капитала» состояли из (α) сокровищ, (β) сырых материалов и запаса продовольствия; или с точки зрения отдельного капиталиста либо из α, либо из β.

И финансовый капитализм ростовщиков и банкиров, давая ссуды и авансы фермерам и ремесленникам, и коммерческий капитализм купцов, выдавая рабочим сырые материалы, собирая, закупая, и сбывая на рынке сфабрикованные ими продукты, являются, как мы далее увидим, важными ступенями развития капиталистической системы. Но организация их предприятий существенно отличается от структры большой фабрики, железоделательных заводов, железных дорог, рудников или судоходных компаний, в которых современный промышленный капитализм находит наиболее типичное выражение.

Конкретной основой современного промышленного капитализма является величина и сложность структуры его «постоянных» факторов, заводов и машин, масса дорого стоящих инструментов, которыми пользуется рабочий при дальнейших производственных процессах. Хозяйственная система дорого стоящих машин и развитие косвенных или «окольных» методов производства были главными двигателями промышленной революции в мануфактурах. Странно, что изобретение и применение машин шло таким медленным темпом и что оно так мало продвинулось вперед с древних времен вплоть до середины восемнадцатого столетия. Те, кто считает эволюцию главным образом результатом «случайных изменений», припишут изобретение машин в промышленности «счастью», которое наделяет некоторые века и страны множеством творческих гениев и ничего

не дает другим векам и другим странам. Более научное понимание истории объясняет медленный рост механических изобретений наличием неблагоприятных факторов и отсутствием факторов, благоприятных для приложения сил человеческого ума к определенным вопросам прогресса механики. Однообразие интересов и консерватизм методов тогдашних промышленных каст и организация их в гильдии делали средневековый город неподходящей почвой для введения «сберегающих труд» машин или других революционизирующих опытов: небольшие размеры рынка, суженного отчасти политическими стеснениями, отчасти естественными границами, не давали выгодного сбыта для большой продукции. В средневековом городе не было большого рынка «свободного» труда; честолюбие и таланты хорошо подготовленных организаторов предприятий не могли проявиться и развиться в век, когда образование оставалось почти исключительной монополией тех классов, которые с презрением относились к полезным искусствам и ремеслам. В эпоху, когда первая жажда золота и любовь к физическим исследованиям заставляли людей «науки» и людей, одаренных изобретательным умом, отдаваться «алхимии» и проблемам perpetuum mobile, человеческий ум не «воспитывался» для того, чтобы итти скромной тропой совершенствования механических деталей практической техники.

Значение этих неблагоприятных факторов подчеркивает еще сильнее то обстоятельство, что единичные примеры успешно развившейся капиталистической организации в сколько-нибудь значительных размерах встречались фактически в конце средневековья, в тех редких случаях, где машины играли свою роль. Типографское дело рано обнаружило тенденцию к концентрации в крупные капиталистические предприятия, что объясняется большим количеством ценного «постоянного» капитала в виде прессов. К концу пятнадцатого столетия мы находим в Нюрнберге большую типографию с двадцатью четырьмя прессами и сотней рабочих — наборщиков, печатников, корректоров, переплетчиков и т. д. В четырнадцатом и пятнадцатом столетиях мы встречаем также в Нюрнберге и Базеле бумажные фабрики, устроенные на капиталистических началах. В Болонье мы находим уже в 1341 г. сведения о больших прядильнях, работавших водяной силой; и даже там, где нельзя было пользоваться никакой двигательной силой, кроме человеческого труда, сравнительная дороговизна прялок и ткацких станков способствовала организации в Генуе и других городах Италии фабрик с большим количеством рабочих [1]). В Ульме была организована на капиталистических началах большая шелковая мануфактура, при чем ткацкий станок сыграл заметную роль. На первых шагах капиталистического развития в металлообрабатывающей промышленности можно видеть важное значение заводского оборудования и орудий, а появление в первой половине пятнадцатого века доменной печи, с угольной топкой и водяным двигателем для чеканки, ковки и т. д.,

[1]) Sombart, том I, стр. 405.

было уже значительным прогрессом на пути к современному капитализму.

Транспортные затруднения и несколько неправильная структура рынков очень виноваты в медленном темпе развития технических изобретений и капиталистической организации мануфактур. Вышеупомянутые ранние попытки ограничиваются предметами, удовлетворяющими одновременно требованиям прочности, портативности и высокой ценности. Узость отдаленных рынков, где разносчики и ежегодные ярмарки были важным звеном между производителем и потребителем, мало побуждала к производству даже таких товаров, как книги, шелк, сукно и скобяной товар.

§ 10. При таких условиях воспитание типа делового человека, в особенности приложение организующей мысли к фабричному делу, было неизбежно медленным процессом. Трудно себе представить, насколько капиталистический дух, желание и умение вложить накопленное богатство в дальнейшее производство для получения прибыли, является детищем современности. Ранние денежные накопления не вызывались такого рода побуждениями. Короли, дворянство, рыцарские ордена, церковь, — все они искали денег, чтобы потратить на войну, на удовлетворение личного честолюбия, дары или на милостыню. Не было рациональных постоянных мотивов и методов ни в добывании денег, ни в их расходовании. Быстрое приобретение сокровищ путем грабежа, вымогательства и авантюр, быстрое проматывание их на цели «непроизводительного потребления»,—что вытекает из такого образа жизни, — характерны для духа господствующих классов в средние века. Даже тогда, когда развитие роскоши в жизни городов распространяло ненасытную жажду денег, мысль о торговле или промышленности, как о постоянном орудии для получения денег, с трудом прокладывала себе дорогу. В бо́льшей моде был разбой, угнетение крестьян и горожан арендами, поборами и налогами, или более романтичная, хотя и менее выгодная, погоня за приключениями в поисках за кладами, или алхимия. Лишь тогда, когда накоплением заинтересовался менее высокий и более мирный сорт людей, ссуда денег и торговля начинают признаваться средством добывать деньги путем использования денег. «Экономический рационализм» — вот то полное смысла имя, которое Зомбарт дает превращению духа романтичной, авантюристической погони за деньгами в средние века в современный коммерческий дух. Он уделяет значительную роль в этом процессе изобретению и использованию технических деловых приемов счетоводства, приложению к промышленности точных расчетов. Два имени отмечают первые шаги по пути к современной бухгалтерии. Первое — Леонардо Пизано, о книге которого «Liber Abbaci», вышедшей в 1202 г., можно сказать, что она отмечает своим появлением зарождение современной промышленности, совпадающее, как и она, с венецианским походом на Константинополь. И второе имя — Фра Лука; его законченная система двойных записей была необходима для капиталистического счетоводства. Развитие бухгалтерии, вместе с самым широким

применением во всех областях торгового дела рациональных и математических систем в форме точных измерений времени и места, форм контрактов, топографических работ, современных методов измерения и взвешивания, городских планов, общественной отчетности — стало сразу необходимым орудием современной промышленности и одной из ее форм. Оно рационализировало предприятие, освободив его от зависимости, от каприза и удачи и придав ему прочный и объективный характер, с точки зрения соблюдения выгоды. Это было самым определенным и непосредственным вкладом эпохи Возрождения в промышленность, со свойственным этой эпохе подчеркиванием интересов индивидуума, личной ответственности и свободной конкуренции — тот же самый дух, который Возрождение внесло в искусство, литературу, религию и политику.

Таковы были технические условия развития современного делового духа, рационального содержания entrepreneur'a (предпринимателя), приближающегося к типу, известному под названием «хозяйствующего субъекта». Такого рода субъект впервые встречается среди торгового и финансового класса итальянских и германских городов конца средних веков. О великом Якове Фуггере рассказывали следующее: один богатый конкурент, собираясь в пожилых годах уйти от дел, подошел к старому банкиру и предложил ему: — «Давайте, уйдем оба; мы прожили долгую жизнь, сколачивая капитал, дадим другим возможность попытать счастья». Фуггер ответил, что «он совсем другого мнения об этом. Он хочет продолжать сколачивать капитал, пока только будет в состоянии».

Этому духу, тогда еще новому, ограниченному кругом нескольких банкиров-коммерсантов, суждено было расти, пока он не стал жизнью современной промышленности, поглощая большую часть мозговой и волевой силы правящих классов современного мира. Воин - аристократ, спортсмен, духовные лица, дворянин-землевладелец — все, кто давал пример и направление чувствам, мыслям и действиям наших предков в средние века, не имели вкуса к «прибыли» и не знали постоянного импульса к накоплению, для того, чтобы производить богатство. Для умственного и нравственного багажа entrepreneur'a, требуемого для ведения современной капиталистической промышленности, необходимы особые взгляды на жизнь и такая ее оценка, на которую были способны очень немногие, даже в наиболее передовых промышленных городах четырнадцатого и пятнадцатого столетий. Вплоть до восемнадцатого столетия этот тип не получил достаточного развития, чтобы вполне использовать новые условия в промышленности [1]). Вплоть до этого периода во всех пере-

[1]) Hume, «Essays», том II, стр. 57, дает ярко очерченный образ нового entrepreneur'a: — «Если дело, которое вы ему дасте, выгодно, особенно, если барыши связаны с каждым отдельным промышленным моментом, прибыль так часто мелькает перед его глазами, что постепенно его охватывает страсть к ней, и для него нет большего удовольствия, как наблюдать изо дня в день рост своего состояния. В этом причина того, что занятия торговлей увеличивают скупость, и что среди купцов встречается больше скупцов, чем расточителей, ровно настолько же, насколько среди землевладельцев наблюдается обратное».

довых промышленных странах не появилось большого количества людей, которые взялись за управление коммерческими и фабричными предприятиями на крупной капиталистической основе и за наем большего количества рабочих в целях извлечения прибыли.

§ 11. Этот краткий очерк главных условий, необходимых для развития современного капитализма, дает нам возможность понять, почему Англия первая восприняла новые промышленные методы, и почему запоздала промышленная революция на Европейском континенте и в Америке. Ибо большинство вышеуказанных условий было полнее осуществлено в Великобритании, чем в какой-либо другой стране к середине восемнадцатого столетия.

К этому времени Великобритания несомненно уступала Голландии в смысле уровня развития промышленных и торговых ресурсов. Адам Смит считал Голландию, «сравнительно с площадью территории и численностью населения, страной, далеко превосходящей по богатству другие страны Европы», и приписывал ей «крупнейшую долю посреднической торговли Европы» [1]). Низкий уровень процента по публичным и частным долгам свидетельствовал о большом количестве капитала, находившемся в ее распоряжении, а об уровне ее заработной платы говорили, что она выше английской [2]). Но Великобритания, страна с бо́льшей территорией и бо́льшим населением, уже перегонявшая Голландию в отношении количества капитала, колониального могущества и посреднической торговли, была в других отношениях лучше приспособлена для новых путей промышленного развития. Абсолютное количество капитала и труда, пригодного для новых промышленных предприятий, было в Англии бо́льшим, чем где-либо. Рост земельных ценностей как в городе, так и в деревне, доходы от колониальной торговли, появление крупных отечественных предприятий — в банковском деле, пивоваренном, горнопромышленном — торговля шерстью доставляли ей бо́льшие накопленные фонды, чем можно было найти в какой-либо другой стране. Наряду с большой склонностью к росту, обнаруженной трудящимся населением Великобритании, шла более свободная эмиграция из Ирландии и из континентальных стран, а ранее проведенная, более полная реформа системы сельского хозяйства выбросила в новые городские центры бо́льшее количество людей. Эти бо́льшие резервы капитала и рабочей силы, пригодной для новой промышленности, совпали с сильным развитием промышленной техники, которое они, конечно, вызвали, а открытие богатых залежей угля и железа в различных областях страны дало солидный материальный базис новому машинному хозяйству.

Наконец, мысли британских деловых людей более настойчиво направлялись на разработку деловых методов организации капитала и труда и на развитие рынков, а возможность принять выгодное участие в этом деле была открыта для более широкой части населения, чем где бы то ни было.

[1]) «Wealth of Nations», книга II, глава V.
[2]) «Wealth of Nations», книга I, глава IX.

ГЛАВА II.

ОРУДИЯ КАПИТАЛИЗМА.

§ 1. Научные изобретения и экономическое руководство. § 2. Значение термина «капитал». § 3. Роль машины в капитализме. § 4. Финансовая сторона капитализма.

§ 1. Условия капиталистического развития, изложенные в предыдущей главе, открывают нам возможность различного подхода к изучению капитализма, но действительную причинную основу эволюционного процесса надо искать в приложении научных изобретений к промышленной технике и в новом искусстве экономического руководства, как оно выявляется в методах современного entrepreneur'a. С точки зрения этих двух пунктов, мы сможем наиболее целесообразно исследовать развитие структуры и функций капиталистического предприятия. Изучая историю применения новых научных методов, мы остаемся все время в тесном контакте с теми изменениями производственных процессов, которые усиливают роль «постоянного» капитала в виде машинного оборудования и энергии, вызывают радикальные изменения в пользовании рабочей силой, а косвенно и в структуре рынков, и в жизни промышленных стран. Если же мы пойдем другим путем, то основные цели нашего изучения меняющегося рационального содержания деловых предприятий отступят на задний план перед более полным обследованием изменений отношений между лицами, которые работой своей мысли и воли — в качестве предпринимателей, капиталистов [1]), рабочих, — участвуют в различных процессах производства и капиталистической организации, понимаемой, как органическое сотрудничество различных упорядоченных видов человеческой деятельности. Кроме того, при последнем методе исследование велось бы в более тесном контакте с финансовой и бухгалтерской стороной предприятия, точно регистрирующей покупку и продажу, где все экономические процессы отражаются и записываются в количественных терминах.

Тесная связь между тем, что можно, не рискуя быть непонятым, назвать объективной и субъективной стороной промышленной организации, — ясна сама собой. При всестороннем исследовании современного капитализма придется постоянно переходить от одной стороны к другой, наталкиваясь на постоянное взаимодействие между

[1]) Включая и землевладельцев.

конкретными изменениями в самой промышленности и вызванными ими изменениями руководящей и планирующей работы человеческой мысли. Любое новое изобретение в области машинной техники, или новое приложение химии к производству, вытесняющие посредством фабрики систему простой ручной работы на дому, изменяют не только способ производства, но и управление производящими силами: изменяется количество, качество и состав человеческой энергии, вложенной в промышленность.

При изучении этого сложного взаимодействия каждое упрощение требует некоторых жертв в смысле точности, но такого рода жертвы приходится приносить в каждом элементарном труде. Мы предполагаем здесь проследить в качестве основного задания конкретное развитие капитализма, как оно выразилось в возрастающем значении материальных форм капитала в работе современного предприятия, довольствуясь более общим рассмотрением субъективной стороны делового предприятия, поскольку она подвергается воздействию капитализма.

§ 2. Писатели политико-экономы проявили много метафизической изобретательности при определении термина «капитал», и пришли к чрезвычайно различным выводам относительно значения этого термина. Они не имели понятия о ясном и вполне согласованном значении этого слова в окружающем их деловом мире. Деловой мир знает два вида капитала, но они вполне согласуются между собой. Абстрактно капитал означает деньги или возможность распоряжаться деньгами, именуемую иногда кредитом. Конкретно капиталом являются все формы материи, подлежащие продаже и представляющие собой воплощенный труд. Земля и природа исключаются, кроме тех случаев, когда в них были вложены улучшения; человеческая энергия исключается, ибо она не материя; блага, находящиеся в руках потребителей, исключаются, ибо они не продаются. Таким образом, фактически конкретной формой капитала являются сырые материалы в производстве, включая и заключительную стадию — товары в магазине, — и завод с оборудованием, употребляемым при различных процессах промышленной деятельности, включая и денежные средства, обслуживающие обмен. Конкретный капитал предприятия состоит из этих элементов и только из них[1]).

---

[1]) Проф. Маршалл считает это ограничение понятия капитал «вводящим в заблуждение», справедливо утверждая, что «есть еще много других предметов, которые в действительности выполняют функции, обычно приписываемые капиталу («Principles», кн. II, гл. IV). Но если мы расширим наше определение, включив в него все эти «другие предметы», мы дойдем до той политической экономии, которая так расширит и термин «промышленность» в нашем теперешнем понимании этого слова, что в него войдет всякое знание и искусство, поскольку они связаны с человеческими стремлениями и их удовлетворением. Если для некоторых научных целей допустимо и законно принимать модное теперь узкое частное значение термина «промышленность», то логически оправдывается и приведенное выше ограничение понятия «капитал» понятием торгового капитала. Для более полного рассмотрения вопроса об употреблении термина «капитал» при составлении описательной терминологии элементов промышленности мы отсылаем читателя к главе VII.

Делая явления современной промышленности предметом научного исследования, лучше принять ту терминологию, которой всюду вполне согласованно пользуются деловые люди. Это будет лучше, чем либо изобретать новые термины, либо придавать некоторым принятым терминам частное значение, которое будет отличаться от значения, приданного им другими научными работниками, и в смысле логической точности будет, если судить по опыту прошлого, хуже обычного значения, принятого в деловом мире.

§ 3. Главным материальным фактором развития капитализма является машина. Рост числа и сложности машин, применяемых в производстве, транспорте и добывающей промышленности, занимает особенно выдающееся место в повествовании об экспансии современной промышленности.

Поэтому мы должны сосредоточить наше главное внимание на развитии машины и на ее влиянии на промышленность, принимая следующий метод исследования. Прежде всего необходимо получить ясное представление о структуре промышленности или «промышленного организма», как целого, и о его составных частях до момента, когда начали действовать новые силы промышленного развития. Затем мы должны попытаться установить законы развития и приложения новых сил к различным видам промышленности и различным областям промышленного мира, исследуя на примере некоторых типичных отраслей машинной индустрии порядок и темп применения при различных процессах новых машин и двигателей. Обращая затем наше внимание снова на промышленный организм, мы будем стремиться установить главнейшие изменения, происшедшие в размерах и структуре промышленности, в соотношениях различных областей промышленного мира, различных отраслей, составляющих промышленность, процессов внутри этих отраслей, предприятий или единиц, которые охватывает данная отрасль или данный рынок, и единиц капитала и труда, входящих в состав предприятия. Затем нам останется предпринять более детальное исследование некоторых важных и специальных результатов машинного и фабричного производства. Это исследование распадается на три класса: (1) Влияние машинного производства на величину единиц капитала, на усиление и ограничение конкуренции, на естественное образование трестов и других форм хозяйственной монополии капитала; депрессии в торговле и тяжелые расстройства в промышленности, объясняемые противоречиями между индивидуальными и социальными интересами в механизме современных способов производства. (2) Влияние машины на труд, на количество работы и ее регулярность, на характер работы и ее оплату. (3) Влияние на производящие классы, в смысле потребительной мощности, развитие крупных промышленных центров и их влияние на физическую, умственную и нравственную жизнь общества. В заключение мы сделаем попытку охватить совокупность влияний современного капиталистического производства в их отношении к другим силам социального прогресса и отметить те их соотношения, которые наиболее способствуют общественному

благу, измеряемому общепринятыми нормами свойств и счастья человека.

§ 4. Поскольку каждое произведенное действие имеет в современном обществе свое денежное отображение и его значение измеряется обычно в денежных единицах, было бы, очевидно, весьма целесообразным изучать развитие капитализма с его денежной стороны. Соответственно изменениям в способах производства при господстве механического машинизма, мы найдем быстрый рост сложной денежной системы, выражающийся в ее интернациональном и национальном характере и в детально разработанной структуре кредита, основные характерные черты которых мы встречаем в системе современного производства и распределения. Всю эволюцию промышленности можно рассматривать с финансовой или денежной точки зрения. Но хотя такой метод исследования и мог бы осветить многие пункты в эволюции конкретных факторов промышленного развития, было бы слишком трудно для психики изучающих вопрос вести одновременно двойное исследование. Постоянные переходы от более конкретного к более абстрактному рассмотрению промышленных явлений требовали бы слишком большого напряжения умственных способностей и значительно уменьшили бы количество шансов на точное понимание сущности обеих сторон современной промышленности. Поэтому мы посвятили в этом исследовании наше внимание, главным образом, конкретной стороне капитализма, изложив лишь в одной главе основные контуры новейшего развития финансового механизма и того места, которое он занимает в структуре и в практике современного капитализма.

ГЛАВА III.

СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДО ВВЕДЕНИЯ МАШИНЫ.

§ 1. Размеры международной торговли в начале восемнадцатого столетия. § 2. Естественные препятствия для международной торговли. § 3. Политические, псевдоэкономические и экономические препятствия. — Протекционистская теория и практика. § 4. Природа международной торговли. § 5. Размеры, структура и связь различных отраслей промышленности между собой. § 6. Слабое развитие территориальной специализации. § 7. Природа и условия специализации. § 8. Структура рынка. § 9. Соединение земледелия с промышленностью. § 10. Связь между процессами в отдельных производствах. § 11. Структура кустарного предприятия: первые этапы переходного периода. § 12. Начало концентрации промышленности и возникновение фабрики. § 13. Ограничения размеров и сферы приложения капитала. — Торговый капитализм.

§ 1. Чтобы получить ясное представление о законах функционирования новых промышленных сил, господствующих при машинном производстве, необходимо прежде всего точно знать структуру и функциональные свойства «промышленного организма», на который им приходится воздействовать. Нарисовать ясную картину промышленности можно, пользуясь одним из двух методов исследования. Приняв за первичную клетку или единицу ту комбинацию труда и капитала с единым промышленным назначением и единым управлением, которая называется предприятием, — мы можем исследовать структуру и жизнь данного предприятия, затем рассмотреть его связь с другими предприятиями, образующую рынок и, наконец, местные, национальные и международные соотношения отдельных рынков, дающие сложную структуру промышленности, как целого. Или, наоборот, мы можем взять промышленность, как целое, промышленный организм в том виде, как он существует в любой данный момент, рассмотреть природу и размеры связей между его различными частями и, затем, разлагая эти части на их составные элементы, получить точное представление о степени дифференциации промышленных функций в различных областях.

Хотя в каждом социологическом исследовании оба эти метода одинаково законны, или, говоря точнее, равноценны, в смысле их достоинств и недостатков, здесь следует предпочесть последний метод, так как, идя от целого к составным частям, он определеннее выявляет слабость связи и единства промышленности вне национальных границ и подчеркивает национальный и узко местный характер,

отличающий промышленность начала восемнадцатого столетия. Таким образом, мы лучше сумеем ознакомиться с природой и размерами работы, произведенной современными промышленными силами, которые являются главным объектом изучения.

В наше время рынок или торговля все меньше и меньше ограничиваются национальными или политическими рамками, и поэтому национальный фактор утрачивает свою роль в современной экономической науке. Но господство политики в области крупной торговли в течение последнего столетия, в связи с действием других расовых и национальных сил, заставляет каждое добросовестное исследование промышленности восемнадцатого века сразу ясно подчеркивать слабость взаимных торговых связей между странами в то время. Значение, которое государственные деятели и экономисты придавали внешней торговле, по сравнению с внутренней, и роль, которую она играла в обсуждении и выработке руководящих начал общественной жизни, придали ей в исторических писаниях гораздо большее влияние, чем она имела в действительности [1]).

Несомненно, что в течение средних веков ряд европейских стран получил преобладающее значение, благодаря развитию мореплавания и международной торговли: Италия, Португалия, Испания, Франция, Голландия и Англия; но эта торговля не играла первостепенной роли ни по размерам, ни по качеству. Даже в тех странах, где она достигла наибольшего развития, она составляла лишь очень небольшую долю всей экономической жизни страны, и ограничивалась, главным образом, пряностями, слитками золота, узорчатыми тканями и другими предметами искусства и роскоши.

Важно отметить, что в первой половине восемнадцатого века международная торговля еще в значительной степени сохраняла эти свойства. Она не только составляла гораздо меньшую долю всей промышленности различных стран, чем в наше время, но она все еще мало занималась транспортом предметов первой необходимости и элементарных удобств. Каждая страна должна была обходиться собственными средствами в области наиболее важных продуктов потребления, основных продуктов питания, одежды, домашнего обихода и основного промышленного оборудования, производя малое количество предметов не для собственного потребления, потребляя малое количество предметов не собственного производства.

В 1712 г. экспортная торговля Англии исчислялась официально в 6.644.103 фунтов стерлингов [2]), или много менее одной шестой части внутренней торговли того времени, по вычислениям Смита в его «Записках о шерсти». Тем не менее, эта цифра дает преувеличенное представление об отношении внешней торговли к внутренней, так как в последней не принято во внимание производство большого количества товаров и услуг на дому, не вошедшее ни в какие статистические подсчеты. Более подробные источники оценивают все по-

---

[1]) A. Smith, «Wealth of Nations», кн. IV, гл. I.

[2]) Macpherson, «Annals of Commerce», том II, стр. 728.

требление английского народа в 1713 г. в сорок девять или пятьдесят миллионов, из которых около четырех миллионов падает на потребление иностранных товаров [1]). В 1740 г. импорт достигал 6.703.788 фунтов стерлингов, а экспорт — 8.197.788 фун. стерл. В 1750 г. они соответственно поднялись до 7.772.339 фун. стерл. и 12.699.081 фун. стерл. [2]), а через 10 лет — до 9.832.802 фун. стерл. и 14.694.970 фун. стерл. Макферсон, «Торговые анналы» которого представляют собою залежи сокровищ по истории внешней торговли в восемнадцатом веке, отметив невозможность получить верные данные относительно внутренней торговли, ссылается на вычисления, которые показывают, что она в тридцать два раза больше экспортной торговли. Сам Макферсон удовлетворяется выводом, что «ее сумма несравненно больше, чем вся сумма внешней торговли» [3]). Есть все основания верить, что тот же самый вывод окажется правильным и в отношении Голландии и Франции, единственных двух стран в Европе с значительной внешней торговлей.

Незначительная роль, которую внешняя торговля играла в промышленной жизни, означает, что в первой части восемнадцатого столетия надо рассматривать промышленный организм, как целое, в виде некоторого числа более или менее самоудовлетворяющихся, и, следовательно, гомогенных национальных форм, связанных друг с другом малочисленными и слабыми узами. В национальной промышленности была еще слабо развита специализация, а поэтому была слаба и связь между национальными отделами мировой промышленности.

§ 2. Поскольку уничтожение международных преград и укрепление промышленных нитей, связующих отдельные страны, считается одним из важнейших результатов развития машинного производства, необходимо дать краткие сведения относительно природы этих преград и их влияния на размеры и характер международной торговли.

Хотя к началу восемнадцатого века Англия и Голландия сделали большие успехи в деле усовершенствования гаваней, установки маяков и развития морского страхования [4]), мореплавание все еще было сопряжено с большим риском жизнью и капиталом, при чем эти «естественные» опасности увеличивались еще ростом пиратства. Передвижение совершалось медленно и требовало больших расходов, торговля между отдаленными странами ограничивалась мало портящимися товарами, которые могли выдержать перевозку. Торговля

---

[1]) Smith, «Memoirs», том II, гл. III. Как приблизительные данные, вычисленные очень компетентным деловым человеком, эти цифры заслуживают большего доверия, чем официальные цифры экспорта и импорта, на пригодности которых в восемнадцатом веке очень отражается то обстоятельство, что они все еще исчислялись на основании индексов 1694.

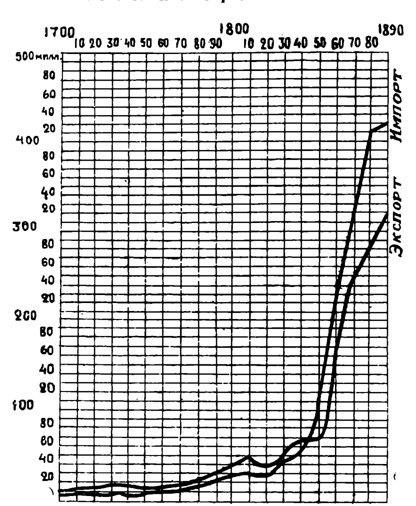
[2]) «State», Whiteworth'a, цит. у Macpherson, том III, стр. 283.

[3]) Annals, том III, стр. 340.

[4]) Annals, том III, стр. 340. Данные относительно суммы экспорта и импорта между 1613 и 1832 г. см. у Cunningham, «Growth of English Industrie» стр. 931, приложение F.

свежими съестными припасами, которая составляет такую значительную часть современной торговли, была возможна лишь вдоль берегов смежных стран. К этим естественным препятствиям можно добавить недостаточное знакомство с положением, ресурсами и потребностями значительных частей земного шара, что теперь занимает такое видное место в торговле. Новый свет был лишь недавно

Рост внешней торговли Англии.

открыт, и его уже известные богатства не могли быть широко использованы до соответствующего развития транспортной техники. Мы едва ли в состоянии представить себе все неудобства, расходы и риск, сопряженные с отраслями более отдаленной внешней торговли во времена, когда капитан торгового судна грузил свой корабль за свой собственный счет, и когда каждое путешествие было самостоятельной спекуляцией. Даже в начале девятнадцатого века фабрикант обычно грузил избытки своей продукции на свой собственный риск, сдавая их купцу на комиссию; а торгуя с Индией, Китаем или Южной Америкой, он часто должен был ждать своих денег или

обратного груза индиго, кофе, чая и т. д. в течение целых полутора или двух лет, и нести расходы по хранению товаров и порче их от времени и сырости.

§ 3. Затем следует ряд препятствий отчасти политического, отчасти псевдо-экономического характера, в которых антагонизм между народами принимает вид и форму политических и экономических теорий, направлявших торговые сношения между народами в определенное узкое русло.

Две экономические доктрины, стоящие отдельно в мире ложных идей, — хотя благодаря их совместному приложению в мире практической жизни многие путают их, — оказали наибольшее влияние на количественное сокращение и качественный состав международной торговли восемнадцатого столетия. Эти доктрины соответственно относились и к созданию и охране отечественной промышленности и торгового баланса. Первая доктрина, бывшая не столько сознательно выработанной теорией, сколько близорукой гипотезой, искусственно подогнанной к практическим результатам, благодаря сильнейшим стимулам определенных интересов, учила, что, с одной стороны, импортная торговля должна быть ограничена товарами, которые не производились и не могли производиться с выгодой внутри страны, и доставлением дешевых материалов для существующих мануфактур. Между тем, экспортную торговлю следует, с другой стороны, поощрять системой премий и возвратных пошлин. Эта доктрина была сначала применена в точности французским министром Кольбером, но политику Франции неизменно копировали Англия и другие торговые страны; ее сделали ортодоксальной теорией международной торговли.

Доктрина торгового баланса определяла ценность сношений одной страны с другой избытками вывоза над ввозом, который давал вывозящей стране известное количество золота. Таким образом, эта теория получила широкое распространение, хотя ясно, что ее повсеместное применение означало бы разрушение всей международной торговли. Более свободное толкование этой теории довольствовалось благоприятным превышением всем экспортом всего импорта страны, но точное толкование, на деле господствовавшее повсюду, требовало, чтобы в торговле с каждой отдельной страной баланс был благоприятным. В торговле Англии с другими странами о каждом превышении суммы импорта над экспортом говорили, как об «убытке для Англии». Англия добровольно прекратила всякую торговлю с Францией в течение периода с 1702 г. по 1763 г. при помощи системы запретительных тарифов, опасаясь двух вещей: чтобы баланс не оказался не в нашу пользу, и чтобы французские текстильные товары не могли успешно конкурировать с английскими товарами на отечественных рынках. С другой стороны, мы культивировали торговлю с Португалией, потому что «Португалия дает нам лучший баланс, чем какая-либо другая страна». Практическая политика, господствовавшая в 1713 г., формулирована одним из ее пламенных приверженцев следующим образом: «Мы терпим, чтобы продукты и то-

вары Голландии, Германии, Португалии и Италии ввозились и потреблялись у нас; и мы поступаем правильно, ибо мы рассчитываем сбыть этим странам на гораздо большие суммы наших товаров, чем мы получаем от них. Так что потребление этих стран платит гораздо большие суммы за ренту наших земель и труд наших рабочих, чем мы платим за них. Но мы избегаем, как можем, французских товаров и продуктов, ибо наше потребление их помешало бы потреблению наших собственных продуктов и значительно уменьшило бы сумму в сорок два миллиона, которую Франция платит теперь за ренту наших земель и труд нашего народа» [1]). Таким образом, наша политика стремилась ограничить нашу импортную торговлю предметами роскоши и сырыми материалами для фабрик, которые не могли быть произведены у себя, ввозимыми исключительно из стран, где эта торговля не могла невыгодно отразиться на нашем торговом балансе, и, с другой стороны, форсировать наш экспорт в каждую страну, которая принимала его. Так как европейские страны находились под сильным влиянием этих идей и мотивов и навязывали своим колониям и зависимым от них странам ту же линию поведения, то вследствие этого не состоялось множество обоюдно выгодных торговых операций, и торговля была ограничена узкими и искусственными рамками, между тем как промышленная энергия нации непроизводительно расточалась на производство у себя многих предметов, которые можно было дешевле получить путем обмена из других стран.

Следующего примера достаточно, чтобы показать всю сложность законодательства, нужного для проведения этой политики. Он говорит об изменении деталей политики, направленной на поддержку и регулирование текстильной промышленности:

«Иностранное полотно было обложено пошлиной, чтобы собрать фонд для культуры льна и пеньки у себя; в то время, как давались премии за ввоз этих необходимых предметов из наших колоний, были уничтожены премии за вывоз пеньки. Были уничтожены пошлины на льняную пряжу. Выдавались премии за экспорт британского холста; поощрялась выработка батиста, отчасти путем запрещения иностранного ввоза, отчасти путем создания новых стимулов для отечественных фабрикантов батиста, правда, без успеха. Разрешался свободный ввоз индиго, кошенили и кампешевого дерева, — элементов, необходимых для производства красок» [2]).

Политика поощрения английского судоходства (по мотивам отчасти политического, отчасти коммерческого свойства) нашла себе тщательно разработанную форму в «Навигационных актах», изданных с целью обеспечения английским судам монополии в посреднической торговле между Англией и всеми другими странами, отправлявшими товары к берегам Англии или ее колоний. Этой политике помогала сеть менее важных мероприятий, назначавших премии нашим колониям за вывоз судостроительных материалов, смолы, дегтя.

---

[1]) Smith, «Memoirs of Wool», том II, стр. 113.

[2]) Chalmers, «Estimate», стр. 148.

еньки, скипидара, мачт и брусов, а в своей стране дававших премии на постройку судов, способных выдержать нападение. Такая политика в области судоходства дала крепкий фундамент всей протекционистской политике. Вероятно, движущие мотивы этой политики были не столько экономического, сколько политического характера. Голландия, первая страна, систематически применявшая этот метод, колоссально укрепила свое господство на море. Франция следовала за ней, но с меньшим успехом. Несомненно, в Англии было много здравомыслящих людей, которые, сознавая весь вред, приносимый торговле нашим ограничительным регулированием судоходства, считали, что могущественный флот для защиты королевства и его колониальных владений давал преимущества, которые перевешивали этот вред [1]).

Эгоистичная и близорукая политика системы протекционизма достигла кульминационной точки в отношении к Ирландии и американским плантациям. Первой запретили всякую промышленность, которая могла прямо или косвенно конкурировать с английской, и принудили иметь дело исключительно с Англией. Американским колониям было запрещено ткать полотно, делать шляпы и выделывать болты; их заставляли выписывать все продукты фабричного производства, нужные для потребления, из Англии.

Кроме того, свободе и росту международной торговли препятствовала политика передачи монополий на колониальную и внешнюю торговлю замкнутым привилегированным компаниям. Хотя эту политику и можно защищать, как поощрение первого предпринимательства в области торговли, но в восемнадцатом столетии она выходила далеко за пределы этих законных рамок. Ост-Индская компания была самой могущественной из английских компаний и вела дело наиболее успешно, но передача привилегированным компаниям торговли с Турцией, Россией и другими странами определенно препятствовала развитию иностранной торговли.

По степени поощрения государством нашу иностранную торговлю того времени можно сгруппировать или классифицировать следующим образом:

Импорт распадается на четыре класса:

1. Импорт, запрещенный или (а) путем законодательного запрета, или (б) запретительным обложением.
2. Импорт, допущенный, но обложенный пошлинами.
3. Свободный импорт.
4. Импорт, поощряемый премиями.

Экспорт можно классифицировать соответственно:

1. Запрещенный экспорт (напр., овцы и шерсть, сырые кожи, дубленые кожи, шерстяная пряжа, оборудование текстильной промышленности [2]), некоторые виды квалифицированного труда).
2. Экспорт, с которого взимаются пошлины (напр., уголь) [3]).

[1]) Cunningham, «Growth of English Industry», том II, стр. 292.
[2]) Smith, «Wealth of Nations», кн. IV, гл. VIII.
[3]) Ibid.

3. Свободный экспорт.
4. Экспорт, поощряемый премиями или возвратом пошлин.

Противоестественный и вредный характер большинства этих законодательных мероприятий лучше всего доказывается всем известной невозможностью заставить действительно выполнять их. Привилегированные компании постоянно жалуются на нарушение их монополий частными предпринимателями, и не одна компания обанкротилась благодаря невозможности уничтожить эту нелегальную конкуренцию. Суровый приговор нашей политике в отношении Франции был вынесен громадным ростом запрещенной торговли, составлявшей, несмотря на сопряженные с ней трудности, значительную долю всей внешней торговли в течение всего века. Основным заблуждением, лежавшим в основе этих ограничений, было отсутствие сколько-нибудь ясного понимания обоюдности выгод при внешней и колониальной торговле. Профессор Кэннингем говорит совершенно справедливо о колониальной политике Англии, будто она «стремилась к тому, чтобы каждый из членов укреплял голову, а не к тому, чтобы все члены взаимно укрепляли друг друга» [1]).

Стараясь, таким образом, извлечь максимум из наших колоний, мы еще строже применяли тот же метод и к другим странам, считая каждую полученную нами прибыль доходом, который целиком ушел бы к другому народу, если бы мы не обеспечили его за собой своей твердостью и предприимчивостью.

Но слабое развитие связей с заграницей объясняется отчасти причинами, которые приходится считать подлинно экономическими. Жизнь и житейский опыт громадных масс населения всех стран были чрезвычайно ограничены. Это было разбросанное крестьянское население с простыми, несложными доморощенными и традиционными вкусами и потребностями. Постоянные нормы потребления, медленно вырабатывавшиеся в соответствии с местным производством, мало способствовали развитию внешней торговли. Кроме того, экономические теория и практика того времени требовали, чтобы, в целях удовлетворения новых вкусов и более разнообразных потребностей, постепенно нараставших в стране, предпочиталось возникновение новых отраслей отечественной промышленности, пользующихся в случае нужды иностранной рабочей силой, ввозу продуктов этой рабочей силы из-за границы. Что же касается, в частности, Англии, этой ее позиции благоприятствовали политические и религиозные преследования французского правительства, которые снабжали Англию в начале восемнадцатого столетия постоянным притоком квалифицированных ремесленников. Многие английские фабриканты выгодно использовали их. Особенно много обязаны ввезенным таким образом новым методам производства наша текстильная промышленность в шелковой, шерстяной и полотняной отраслях, ситценабивное, бумажное, стеклянное и гончарное производства.

---

[1]) «Growth of English Industrie», том II, стр. 303.

В числе экономических препятствий следует отметить и слабое развитие международного кредита и техники обмена.

§ 4. Эти препятствия развитию международных связей, естественного, политического, социального, экономического характера, бросают яркий свет на общую структуру мировой промышленности восемнадцатого века. На практике эти препятствия определяли и ограничивали международную торговлю не только в количественном, но и в качественном отношении. Так, например, английская экспортная торговля сводилась в 1730 году к шерстяным изделиям и другим материям, небольшому количеству кожи, железа, свинца, серебряной и золотой посуде, и небольшому количеству экспортируемых продуктов иностранного происхождения, каковы табак и индийские хлопчатобумажные ткани. Импортную торговлю составляли вина и спиртные напитки, иноземные продукты питания, — как, например, рис, сахар, кофе, масло, меха, некоторое количество шерсти, пеньки, шелка и льняной пряжи, как материал для наших фабрик, пользовавшихся особым покровительством. В смысле пропорционального соотношения различных товаров, не было бы преувеличением формулировать нашу внешнюю торговлю словами, что мы вывозили шерстяные товары и ввозили пищевые продукты. Они составляли главную массу нашей внешней торговли [1]). Если исключить шерстяные товары и небольшое количество металлов, то кожа окажется единственным продуктом промышленности, бывшим в сколько-нибудь значительных размерах предметом нашего экспорта в 1730 г. Ясно, что в это время и английская промышленность и английское сельское хозяйство работали, главным образом, на удовлетворение потребностей самой Англии. То же самое можно сказать и относительно других промышленных стран. Голландия и Франция, делившие с Англией господство на море, имели внешнюю торговлю, которая, хотя и считалась в те времена значительной, в процентном отношении ко всей промышленности этих стран была не больше английской. Германия, Россия, Испания, Италия и даже Португалия жили почти исключительно собственными продуктами.

Рассматривая известный и доступный в те времена мир, как индустриальный организм, мы должны признать его организмом, в котором были еще слабо развиты процессы интеграции и дифференциации частей, который все еще состоял из ряда однородных и не связанных между собой национальных ячеек.

Эта однородность изменяется, конечно, в зависимости от различий в производстве и потреблении, обусловленных климатом, естественными богатствами, национальным характером, политическим строем и развитием промышленной техники в различных странах.

§ 5. Эта приблизительная однородность национальных единиц мировой промышленности придает бо́льшую научную ценность анализу одной типичной промышленной страны, как, напр., Англии,

---

[1]) Macpherson, «Annals», том III, стр. 155, 156.

чем он имел бы в наше время, когда разделение промышленных функций между народами ушло далеко вперед.

Поэтому, делая национальную промышленность Англии предметом специального исследования, мы постараемся составить себе ясное представление о размерах, структуре и связях различных отраслей промышленности, обращая особое внимание на производства, ставшие, главным образом, местом приложения новых промышленных сил.

Получить вполне точные данные о сравнительном значении различных отраслей промышленности можно лишь двумя путями: или измеряя денежную ценность их продукции, или определяя сумму труда, занятого в их производстве. Как мы видели, статистика восемнадцатого столетия не давала точных данных об общем доходе нации или о цифрах промышленности на дому. Так как до 1805 г. не производилось непосредственно переписи населения Англии, его число никогда не было точно известно, и экономисты восемнадцатого столетия тратили много времени и изобретательности, пытаясь установить данные о росте народонаселения путем вычислений, основанных на числе обитаемых домов или путем обобщения скудных и недостоверных данных местной статистики, не достигая в конце концов никакого согласованного результата. Еще менее достоверны данные относительно сравнительных размеров и важности различных отраслей промышленности.

Однако, есть две попытки, из которых можно почерпнуть общие указания относительно сравнительного значения крупных отраслей промышленности, сельского хозяйства, мануфактурного производства, распределения и торговли. Первая из них относится к периоду несколько более раннему, чем исследуемый нами, а вторая — к несколько позднейшему.

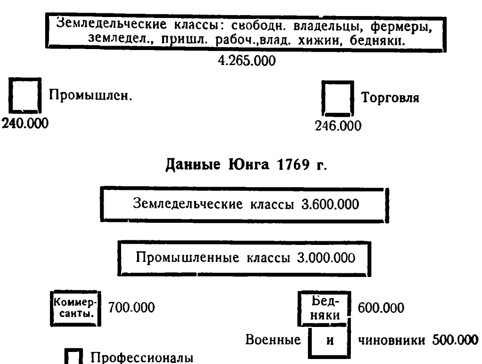
Первой была попытка Грегори Кинга в 1688 г. Но расчеты Кинга следует считать грубо приблизительными. Количество населения, соединяющего занятия сельским хозяйством с занятиями промышленностью, и общая цифра домашней промышленности для домашнего потребления делают данные промышленности, как бы тщательно они ни собирались, неверными. Критически, хотя и в меньшей степени, приходится относиться и к данным Артура Юнга, от 1769 г.

Если мы добавим к юнговской цифре населения, связанного с земледелием, класс землевладельцев и состоящих при них лиц, а также соответствующий процент неработающей бедноты, которые, хотя и не могут быть причислены к какой-нибудь группе, тем не менее существуют на счет продукции земледелия, то окажется, что можно с полным правом считать производительность сельского хозяйства в 1769 г. почти равной общей производительности торговли и промышленности.

Обращаясь к различным отраслям промышленности, мы видим, что ненормальное развитие одной из них, — а именно шерстяной, — для целей внешней торговли является первым и единственным значительным случаем специализации английской промышленности до

оявления паровой машины. Почти все мануфактуры Англии, за сключением производства шерстяных товаров, работали для впуреннего рынка. В начале восемнадцатого столетия и вплоть до 770 г. ни одна мануфактура не играла подобной роли в нашей экспортной торговле.

По Чалмерсу[1]) в период 1699 — 1701 гг. ежегодная цифра экспортируемой шерсти превышала два с половиной миллиона фунтов

составляла около двух пятых всего экспорта, а в 1769 — 1771 гг. а все еще доходила приблизительно до одной трети всей суммы, нимая целиком или отчасти не менее «полутора миллиона люй», или половину цифры, которую Юнг уделяет промышленности.

Следующим после шерстяного было производство железа, но о сильно отставало от первого по размерам и значению. В 1720 г. нглия так плохо разрабатывала свои горные богатства, что вынуждена была ввезти из-за границы 20.000 тонн из 30.000, нужных для производства скобяного товара[2]). За исключением скобяных товав, насильственно навязанных американским колониям, которым прещалось собственное производство, почти все это железо предзначалось для потребления внутри страны. Вычислено, что

[1]) Chalmers, «Estimate», p. 208. См., однако, Бэйнза (Baines), который дает сколько меньшую цифру, «History of the Cotton Manufacture», p. 112.

[2]) Macpherson, «Annals», том III, стр. 114.

в 1720 г. добывание и обработка железа и скобяных товаров занимали 200.000 человек [1]).

Обработка меди и латуни занимала в 1720 г. до 30.000 человек [2]).

Единственной высоко развитой и значительной по размерам из остальных отраслей производства была шелковая мануфактура. Но она должна была бороться с конкуренцией Индии, созданной Ост-Индской компанией, т.-е. с импортированными хлопчатобумажными тканями [3]). В 1750 г. в Англии было около 13.000 ткацких станков, продукция которых использовалась почти целиком внутри страны. Фабрикация хлопчатобумажных тканей и полотна была очень слабо развита в первую половину восемнадцатого века. В начале столетия торговля полотном сосредоточивалась, главным образом, в руках России и Германии; она пустила также корни в Ирландии уже к концу семнадцатого века и развилась до некоторой степени в Ланкашире, Лейчестершире и вокруг Дарлингтона в Йоркшире, так как эти округа доставляли льняную основу ткачам [4]). Что же касается хлопчатобумажных тканей, то даже в 1760 г. в его производстве было занято не более 40.000 человек, и в 1764 г. вывоз хлопчатобумажных тканей составлял всего одну двадцатую экспорта шерсти [5]). Следующие цифры показывают слабое развитие торговли хлопчатобумажными тканями и дают заранее представление о ее последующем колоссальном развитии:

	Внутренний рынок.	Экспортный рынок.	
1766 . . .	379.241 ф. ст.	220.750 ф. ст.	(Postletwayte).
1819—21 . .	13.044.000 »	15 740.000 »	(Ellisson) [6]).
1829—31 . . .	13.351.000 »	18.074.000 »	

Многие другие появившиеся мелкие отрасли промышленности, как стекло, бумага, жесть, производили исключительно для внутреннего рынка и имели лишь небольшое количество рабочих.

§ 6. Переходя от изучения размеров английской промышленности и ее различных отраслей к анализу ее структуры и ее отношения к различным областям торговли, мы встречаем те же признаки недостаточного органического развития, с которыми мы столкнулись в мировой промышленности, хотя здесь они выражены не так сильно. Как каждая страна в общем сама удовлетворяла свои потребности, так и каждый округ в Англии (за незначительными исключениями) занимался производством преимущественно для собственного потребления. Местная специализация промышленности была развита гораздо слабее, чем в наше время. Основные отрасли промышленной

---

[1]) Ibid, том III, стр. 73.

[2]) Ibid, том III, стр. 73.

[3]) Smith, «Memoirs of Wool», том II, стр. 19, 45.

[4]) Smith, Ibid, том II, стр. 270; ср. Cunningham, «Growth of English Industry», том II, стр. 300.

[5]) Toynbee, «Industrial Revolution», стр. 50.

[6]) Schultze Gaewernitz, «Der Grossbetrieb», стр. 77. Цифры ежегодного ввоза шерстяной ваты в течение восемнадцатого столетия, ср. с Cunningham, том III стр. 624.

еятельности, — хлебопашество, животноводство, — и отрасли, связанные с изготовлением предметов одежды, меблировки, топлива i других предметов первой необходимости, были широко распространены по всей стране.

Хотя внутренняя торговля между отдаленными пунктами Англии ушла вперед больше, чем связь с заграницей, тем не менее на была еще очень слаба. В этом сильно виноваты, конечно, плохие редства связи и транспорт.

Физические препятствия для современной свободы торговли были восемнадцатом столетии очень велики. Главные дороги в стране ыли в начале столетия в таком состоянии, что очень замедляли удорожали перевозку товаров. Продукты сельского хозяйства потреблялись почти полностью на месте, за исключением скота птицы, которые перегонялись гуртом в Лондон и на другие крупные рынки из соседних графств [1]). Зимой плохие дороги очень мешали торговле даже вокруг Лондона. Невозможность доставлять скот Лондон позднее октября часто вела к монополии на снабжение Лондона в течение зимы и к высоким ценам [2]). Появление больших дорог с заставами, которые быстро развивались в течение первой половины века, вызвало замену повсюду вьючных лошадей повозками. Но Артур Юнг находит «отвратительными» даже эти дороги, а вне почтовых дорог, вдали от Лондона, сообщение было сопряжено с большими трудностями. «Большие дорожные пути Англии оставались до 1752 г. и 1754 г. в прежнем состоянии, когда путешественник редко встречал заставу на протяжении двухсот миль после того, как он выезжал за пределы окрестностей Лондона» [3]).

Реки служили торговыми путями чаще, чем дороги; в начале восемнадцатого столетия было издано много «актов» для повышения судоходности таких рек, как Трент, Азу и Мерсей, отчасти с целью облегчить ведение внутренней торговли, отчасти же для того, чтобы дать возможность городам, вроде Лидса и Дерби, вести непосредственно морскую торговлю [4]), и чтобы связать между собою смежные города, как Ливерпуль и Манчестер. В 1755 г. был прорыт первый канал, и в конце столетия каналы сыграли большую роль в развитии новой фабричной системы. Но, несмотря на все усилия улучшить способы перевозки в начале восемнадцатого века, очевидно, что главная толща промышленности должна была производить продукты для местного потребления, и что рынки для большинства предметов были чрезвычайно узкими.

Необходимая для высокого развития локальной специализации промышленности легкость перемещения и капитала, и труда замедлилась не только благодаря малой осведомленности о местах их выгодного приложения, но и из-за юридических ограничений, ко-

[1]) Defoe, «Tour», том II, стр. 371.
[2]) Ibid том II, стр. 370.
[3]) Chalmers, стр. 124, 125.
[4]) Defoe, «Tour», том III, стр. 9 и сл.

торые мешали свободе передвижения и приложения рабочей силы. Надо считать «Уложение об ученичестве» [1]), требовавшее в некоторых ремеслах семилетнего ученичества, и закон о бродяжничестве, препятствовавший свободе передвижения рабочих, главными мерами защиты от концентрации капитала и труда, необходимой для специализации промышленности.

Внутри страны существовал по большей части ряд самоудовлетворяющихся общин, или, другими словами, были мало развиты специализация функций в различных областях и единство национальной промышленности. За исключением одной Голландии, где прекрасные естественные и искусственные водные пути сообщения объединяли ее торговлю, промышленность всех остальных европейских стран — Франции, Германии, Италии, Испании, России — была еще более разъединена.

§ 7. Что касается тех округов Англии, где появились определенные признаки развития специализации в промышленности, то важно отметить степень и характер этой специализации.

Мы находим, что различные отрасли шерстяной, шелковой, хлопчатобумажной, железной, скобяной и прочей промышленности были приурочены к определенным округам. Но если мы будем сравнивать эту специализацию с современной, то мы заметим большую разницу.

Во-первых, она не была так распространена. Английская шерстяная промышленность распадается на три округа: — первый состоит из восточных графств с главными центрами в Норвиче, Колчестере, Сэндвиче, Кентербюри, Мэйдстоне; второй на западе — в Тоутоне, Дивайзесе, Брэдфорде (в Уилтсе), Фроме, Троубридже, Страуде и Экзетере; и третий — в западном Ридинге. Фактически она распределяется почти по всей Англии к югу от Темзы, и по значительной части Йоркшира, не считая широко распространенного производства для частных потребностей или на рынок в Вестморлэнде, Кэмберлэнде и, конечно, по всему северу Англии. Там, где страна была богаче пастбищами, и там, где было легче доставать большие запасы шерсти, производство сукна достигало большого развития и давало больше занятий рабочим, но по всем южным графствам и в большинстве северных существовала та или иная форма выработки шерстяных тканей.

Единственной частью Англии, которую Дефо считает определенно специализировавшейся на промышленности, является часть западного Ридинга, ибо, хотя здесь и ведется кое-какое сельское хозяйство, но главный промышленный округ зависит в смысле большинства продуктов питания от соседних округов [2]).

Следующая отрасль промышленности, железоделательная, имевшая гораздо меньшее значение, по необходимости, была распространена гораздо слабее. В 1737 г. пятьдесят девять действующих печей

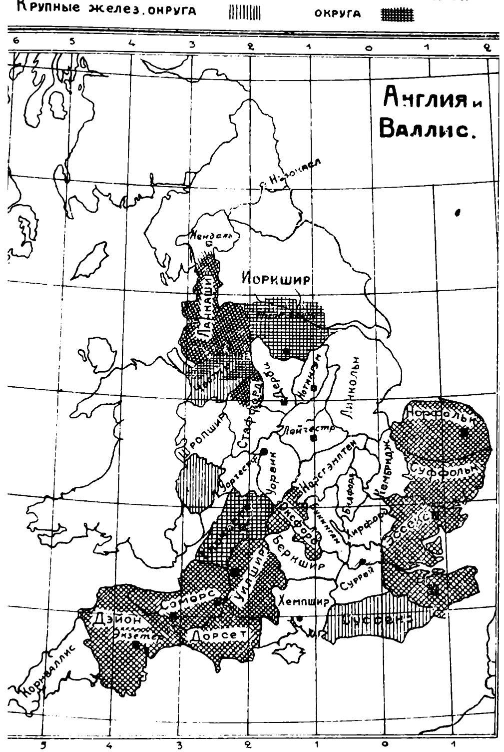
---

[1]) Smith, «Wealth of Nations», том I, гл. X, часть 2.

[2]) Defoe, «Tour», том III, стр. 84.

Промышленная Англия в 1730 г.

Крупные текстильн. округа
текстильн. центры
Крупные желез. округа
Желез. центры
Текстильн. и желез. округа

распределялось на пространстве не меньше пятнадцати графств с Суссексом, Глаучестером, Шропширом, Йоркширом и Нортумберлэндом во главе [1]). Таким образом, отрасли промышленности, занятые производством металлических товаров, были также гораздо слабее сконцентрированы, чем в наши дни. Хотя и во времена Дефо Шеффильд и Бирмингам являлись крупными производственными центрами, большая часть товаров, потребляемых в стране, производилась в мелких мастерских, разбросанных по всей Англии.

Ноттингам и Лейчестер начали специализироваться на хлопчатобумажном и шерстяном трикотаже, но большая часть его производилась в окрестностях Лондона и вообще в богатых шерстью южных графствах. На шелковом производстве специализировались Спитальсфильд, Стокпорт, Дерби и несколько других городов, благодаря ввозу квалифицированного труда и специальных машин. В Ковентри в 1727 г. оно было лишь производством второстепенной важности [2]).

Мелкие разобщенные мастерские колесников, кузнецов, плотников, токарей выполняли многие вспомогательные работы по постройке зданий, изготовляли экипажи и мебель, что является теперь по большей части высоко концентрированными отраслями промышленности.

Рассматривая структуру различных отраслей промышленности, мы видим, что даже те из них, которые приурочены к определенному месту, были гораздо слабее сконцентрированы в пределах этого района, чем теперь.

Но хотя мы подчеркивали здесь слабость локальной дифференциации промышленности, не следует полагать, что в восемнадцатом столетии Англия была простой промышленной общиной без всякой заслуживающей внимания специализации.

В начале восемнадцатого столетия можно отметить три ясно выраженных условия промышленной специализации — условия, которые всегда являются главными определяющими моментами.

1. Физические свойства почвы, например: — так как для плавки употреблялся почти исключительно лес, то железоделательные заводы находились в местах, где было много леса или где его легко можно было достать, благодаря речным путям сообщения. Так, богатейшие луга Глаучестера и Соммерсета привели к специализации этих округов на тонких сортах шерстяных изделий. Еще более разительный пример дает южный Ланкашир. По своей природе он был мало пригоден для земледелия, и поэтому его население усиленно занималось хлопчатобумажной и шерстяной промышленностью. Масса мелких речек, стекавших с холмов в близлежащее море, давали в изобилии водяную энергию, и сделали, таким образом, этот округ родиной первых фабрик и колыбелью машинной индустрии [3]).

---

[1]) Scrivener, «Hisry of the iron trade».
[1]) Defoe, «Tour», том III, стр. 323.
[2]) Schultze-Gaewernitz, «Der Grossbetrieb», стр. 52.

«Песчаник» местных точильных камней обеспечил Шеффильду ервое место в производстве ножей, а тяжелая глина, необходимая ля «муфелей» или ящиков, в которых обжигаются гончарные изделия, определила специализацию Страффордшира на этом произодстве [1]).

2. Доступность рынка. Местности в окрестностях ондона, Бристоля и других больших городов специализировались эльше, чем более населенные, но менее доступные районы, так как отребности населения большого города заставляли окрестные круга специально заниматься сельским хозяйством; коттэджеры огли легче сбывать свои промышленные изделия; лучшие дороги более удобные средства сообщения вызывали специализацию, евозможную в чисто сельских районах.

3. Природа изделий. Когда все средства связи еще мало азвиты и медленны, степень специализации весьма зависит от спообности товаров сохраняться. С этой точки зрения скобяные и тестильные изделия более пригодны для территориальной специалиации, чем легче портящиеся сорта продовольствия. Там, где пути эобщения затруднены и дороги, изделия, громоздкие сравнительно их ценностью, менее пригодны для территориальной специализаии производства, чем изделия, имеющие большую ценность при ебольшом объеме и весе. Так, сукно более удобно для торговли, чем эрно [2]); а уголь невыгодно было перевозить совсем, если не было одных путей [3]).

Таким образом, в производстве продуктов первой необходимоти, каковы пища, топливо и жилище, была невозможна никакая ерьезная специализация.

§ 8. Рассмотрев свойства товаров и транспортные средства, граничивавшие качественно внутреннюю торговлю и определявшие азмеры рынка, мы перейдем к изучению структуры рынка, ценрального пункта в механизме внутренней торговли.

Точный термин, определяющий группу органически связанных редприятий, — это не промышленность, а рынок. Насколько Англия влялась национальным рынком? Насколько районный или чисто естный рынок являлся типичным?

Единственным крупным национальным рынком был Лондон. олько в него стекались продукты со всей Англии, только там можно ыло достать в любое время года любые товары сельского хозяйства промышленности, произведенные в любом месте Англии или приезенные из-за границы. Этот поток беспрерывно шел к центру, где

---

[1]) Ср. Marshall, «Principles», стр. 328. В Страффордшире существовало, днако, раньше производство деревянной посуды, обусловленное качеством леса традиционным искусством. Когда туда проникло гончарное искусство, новое роизводство, появившееся в той же местности, вытеснило старое, хотя в смысле атериала там не было никаких местных преимуществ.

[2]) Smith, «Wealth of Nations», книга III, глава III.

[3]) Вестморлэндский уголь не конкурировал на ньюкэстльском рынке.— «Wealth of Nations», книга I, глава XI, стр. 2.

концентрировалась громадная масса населения, и беспрерывно же шел от него и достигал самых далеких окраин страны. Другие большие города, как Бристоль, Лидс, Норвич, поддерживали постоянную и тесную связь с соседними районами, а с более отдаленными частями страны обменивались продуктами по большей части не непосредственно.

Улучшение путей сообщения в восемнадцатом столетии дало возможность суконщикам и другим наиболее крупным фабрикантам сбывать большее количество товаров в самых отдаленных районах страны, но ценности, полученные в обмен за товары, доходили до продавцов медленными и косвенными путями, проходя, по большей части, через столицу.

Но хотя Лондон и был единственным постоянным национальным рынком, национальная торговля широко пользовалась ярмарками, открывавшимися ежегодно на несколько недель в Страурбридже, Винчестере и других подходящих центрах. На наиболее важных ярмарках крупные торговцы и промышленники встречались со своими постоянными покупателями, и между отдаленными районами страны совершались сделки на всевозможные товары как английские, так и иностранные. Таким образом, у нас был один постоянный и два или три периодических центра свободной национальной торговли. Но главная масса рынков ограничивалась гораздо меньшим районом действия.

Для достигшей большого развития и специализации текстильной промышленности образовались известные регулярные рынки, имевшие большое местное значение. Наиболее крупными из этих специальных районных рынков были Лидс, Норвич, Галифакс и Экзетер. Здесь главные местные фабриканты сукна, крученой шерсти или крепа встречались с торговцами и посредниками и предлагали им свои товары.

Но большинство торговых операций производилось в городе графства или более мелких населенных центрах. Масса мелких работников на земле и в промышленности приносила сюда продукты своего труда и продавала их, покупая все необходимое для жизни и дальнейшей работы. Лишь в довольно больших городах можно было найти в начале восемнадцатого столетия несколько постоянных лавок, где можно было в любой момент купить всевозможные товары. Главным местом торговли для широких масс населения был еженедельный базар в городе.

Мы видим, что в области общей структуры промышленности не только международные связи были слабы и случайны, но что и внутри страны элементы национальной связи были по сравнению с современностью слабы. Мы видим ряд мелких местных общин, связи которых, будучи более или менее крепкими с соседними общинами, сильнейшим образом ослабевали с увеличением расстояния. По большей части эти мелкие общины жили и работали, удовлетворяя свои потребности собственными средствами, и зависели от

тдаленных и неизвестных им производителей только в отношении предметов комфорта и роскоши.

Торговля велась по большей части в узком местном масштабе с знакомыми постоянными покупателями; рынки не знали таких колебаний в количестве товаров и ценах, как в наши дни.

Вне сельского хозяйства элементы изменчивости и спекуляции ограничивались почти исключительно внешней торговлей. Капитал и труд были связаны с данной местностью и данным предприятием [1]).

§ 9. Переходя к структуре различных отраслей промышленности, мы видим, что различные виды занятий не были резко отграничены друг от друга. Прежде всего, сельским хозяйством и промышленностью занимались не только в одних и тех же районах, но и одни и те же лица. Такие соединения сельского хозяйства с промышленностью принимали различные формы.

Текстильная промышленность часто велась в комбинации с сельским хозяйством. Там, где прядильная промышленность велась в сельскохозяйственных районах, существовало, по большей части, разделение труда внутри семьи. Женщины и дети пряли, а мужчины занимались полевыми работами [2]). Каждая женщина и каждый ребенок старше пяти лет были полностью заняты в ткацком и прядильном производстве Сомерсета и западного Ридинга [3]).

Эта система находила более повсеместное применение в прядильном производстве, чем в ткацком, так как до появления прядильных машин (Дженни) ткацкая промышленность была более централизована. Например, большое количество ткацкой работы производилось в городе Норвиче, между тем как начальные стадии процесса выполнялись в коттэджах, разбросанных на большом пространстве. Но даже и эти рабочие не занимались специально промышленностью так, как в наше время. Многие из них были связаны с землей, которой они уделяли часть своего времени, многие имели права на пастбища и держали на общественных землях скот. Это относится не только к текстильной промышленности, но и к другим ее отраслям. В западном Бромвиче, главном центре металлообрабатывающей промышленности, сельское хозяйство все еще существовало в качестве подсобного промысла рабочих металлистов [4]). И пожовщики в Шеффильде, жившие на окраинах города, имели свои участки земли и немного занимались земледелием; этот обычай сохранился почти до нашего времени. Соединение земледелия с промышленностью часто принимало форму сезонного разделения труда. Там, где ткачество не было сконцентрировано в городах, оно давало зим-

[1]) Адам Смит, писавший в более поздний период того же столетия, говорит, несколько преувеличивая: «Купец, как было сказано очень справедливо, не является непременно гражданином определенной страны. Ему в высокой степени безразлично, в каком месте вести торговлю. При малейшем неудобстве он готов перенести свой капитал, а с ним и все дело, в которое он вложен, из одной страны в другую», книга III, гл. IV.

[2]) Defoe, том II, стр. 37.

[3]) Ibid, том II, стр. 17.

[4]) «Annals of Agriculture», гл. IV, стр. 157.

нюю работу многим людям, отдававшим свое летнее время сельскому хозяйству. Вообще прекрасное изображение промышленных районов Англии дает картина, которую нарисовал Дефо, говоря о положении дел в окрестностях Галифакса. Он нашел, что «земля разделена на огороженные участки от двух до шести или семи акров в каждом, редко больше; при каждых трех или четырех полосках земли был дом — одна длинная деревня, при чем дома отстояли друг от друга чуть ли не на расстоянии человеческого голоса, — у каждого дома стояла рама и почти на каждой раме кусок сукна или бумажной ткани или легкой шерстяной — каждый суконщик держал лошадь, каждый также обычно имел одну или две коровы для семьи [1]).

Но, помимо соединения сельского хозяйства с многими видами промышленности, не достигло большого развития и разделение труда или дифференциация производственных процессов внутри различных отраслей промышленности. В начале восемнадцатого века все еще господствовало примитивное хлебопашество на общинных землях; хотя быстрый процесс огораживания общинных полей и вызвал значительные, с точки зрения производства благ, благотворные перемены, он не способствовал специализации хозяйства на скотоводстве или культуре тех или иных зерновых хлебов. Каждая маленькая деревушка собирала сено, пшеницу, ячмень, овес, бобы и выполняла другие работы, необходимые для общины, живущей собственными средствами. Это обусловливалось отчасти системой держания (аренды) земли, отчасти неумением извлекать выгоды из особых свойств и положения земли, отчасти системой самообслуживания, вызванной трудностями транспорта. С течением времени огораживание общинных земель, рост крупных ферм, приложение новых знаний и новых капиталов привело к быстрой диффренциации сельского хозяйства. Но в первой части века специализация земледелия была очень слабо развита, за исключением Вест-Ридинга и окрестностей крупных центров шерстяной промышленности и в меньшей степени некоторых частей графств около Лондона, положение которых заставляло их специализироваться на каких-либо продуктах для столичного рынка.

§ 10. Как мелкий земледелец на самоудовлетворяющейся ферме должен был выполнять целый ряд различных производственных процессов, так и рабочий мануфактуры не был ограничен одним единственным процессом в производстве. Значительная часть примитивной промышленности была производством на дому для домашнего потребления, и овец пасли те же самые руки, которые вырабатывали шерсть, пряжу и ткали шерстяные ткани для семьи. Кузнец делал подковы, гвозди и болты в гораздо более полном смысле этого слова, чем теперь: колесник, плотник и другие ремесленники выполняли гораздо большее количество различных производственных процессов, чем в наше время Кроме того, каждое домашнее хозяйство, кроме основных занятий сельским хозяйством или промышлен-

[1]) Defoe, том III, стр. 78, 79

ностью, выполняло много других мелких производственных функций, вроде хлебопечения, пивоварения, сбивания масла, шитья одежды, стирки, которые теперь являются, по большей части, отдельными и независимыми профессиями.

В отраслях текстильной и металлообрабатывающей промышленности, достигших более высокого уровня развития, с первого взгляда кажется, будто разделение производственных процессов выявлялось резче, чем теперь. Чесальщики, прядильщики, ткачи, сукновалы работали в различных процессах производства сукон, превращающих сырую шерсть в готовое сукно, и были связаны друг с другом только при помощи ряда посредников, которые снабжали их материалом для работы и получали его обратно с добавлением приложенного ими труда, чтобы снова сдать его для следующего процесса обработки [1]).

Но хотя современное машинное производство соединяет эти различные процессы в непосредственной близости друг от друга, производя их иногда под одной и той же крышей, пользуясь часто одной и той же паровой машиной, мы увидим, что главным результатом и заданием этой более тесной локальной координации процессов является более точное разграничение или сужение функций каждого рабочего и ограничение прядильщика или ткача выполнением лишь части всего процесса прядения или тканья. Таким образом, мы видим, что в начале восемнадцатого века английская промышленность отличалась, с одной стороны, отсутствием точной дифференциации отраслей производства, а с другой стороны, отсутствием детальной дифференциации производственных процессов внутри отдельных отраслей промышленности.

§ 11. От объема и структуры рынка зависят размеры и характер производственной единицы, т.-е. предприятия. «Таким образом, система гильдий или ручного ремесла связана с э к о н о м и к о й г о р о д а, система работы на дому или раздаточная система — с н а ц и о н а л ь н о й э к о н о м и к о й, а фабричная система — с м и р о в о й э к о н о м и к о й» [2]).

При изучении состава капитала, труда и управления предприятием основное значение имеют следующие пункты:

Капитал:
- α Собственность на сырые материалы.
- β » » орудия (и источники механической энергии).
- γ » » рабочее помещение.

- δ Рабочая сила.
- ε Работа по надзору и управлению.
- ζ Работа по сбыту.

Другими словами, хозяин, ведущий промышленное предприятие, организует и управляет приложением рабочей силы, пользующейся орудиями и сырым материалом в мастерской или на фабрике, и про-

[1]) Ср. Burnley, «Wool and Wool-combing», стр. 417.

[2]) Industrial organisation in the Sexteenth and Seventeenth Centuries, Unwin, стр. 10.

дает продукт. Все эти шесть функций могут быть объединены в одном лице или в одной семье, или они могут быть различным образом распределены между двумя или многими лицами. Простейшей формой промышленного предприятия была бы такая, при которой семья трудящихся, выращивая или покупая материалы и орудия, работая своими руками в собственном помещении под руководством главы дома, производит товары отчасти для собственного потребления, отчасти для небольшого местного рынка.

Не рассматривая действительно самоудовлетворяющихся хозяйств фермеров и коттэджеров, которых нельзя считать предпринимательской единицей в нашем смысле слова, мы находим еще в восемнадцатом столетии в Англии большое количество городских и сельских отраслей промышленности, которые только что начали дифференцироваться из этого примитивного типа.

Простейшей структурой «домашней промышленности» является такая структура, при которой фермер-«промышленник» закупает за свой счет материал, сырую шерсть или лен, если он прядильщик, основу и пряжу, если он ткач, и, работая вместе с семьей, производит пряжу или ткань, которые он сам продает или на местном рынке, или постоянным мастерам-ткачам, или торговцам. Таково было положение смешанной хлопчатобумажной ткацкой промышленности в первые годы восемнадцатого столетия. «Мастерской ткача была деревенская изба, откуда он мог, когда уставал от сидячей работы, ускользнуть в свой садик и с помощью лопаты или мотыки выращивать там продукты для своей кухни. Хлопок и шерсть, из которых делалась его основа, очищались руками его младших детей, чесались и прялись старшими дочерьми при помощи жены, а он сам с сыновьями ткал пряжу» [1]).

Слабое место этой хозяйственной системы заключалось в трудностях и необеспеченности сбыта продукта. Именно здесь торговец, представляющий собою форму промышленного капитализма, начинает давить на ремесленника-капиталиста, пользующегося своей собственной рабочей силой. Забирая продукт у мелкого производителя, уплачивая ему за него, беря на себя все трудности, трату времени и риск по приисканию покупателя по цене, которая дала бы ему барыш, торговец освобождает ремесленника от функций, для выполнения которых он наименее пригоден.

От привычки продавать продукт профессиональному посреднику всего один шаг до получения от него «заказов». Но если сырые материалы или часть их покупаются, по обыкновению, производителем, он может найти, что ему почти так же трудно закупать их, как продавать продукт, и он легко приходит к тому, что берет основу и уток ткани или другие материалы у того же торговца, который забирает у него продукт.

Таким образом, собственность на сырые материалы переходит часто от «независимого» мелкого ремесленника в руки торговца-

[1]) Ure. «History of the Cotton Manufacture», том I, стр. 224.

организатора или посредника, который в суконной промышленности узурпировал название «мануфактуриста» уже в семнадцатом столетии.

Эта ступень развития, на которой ремесленник получает «заказы» и «материалы» от другого лица, сохраняя еще свободу распоряжения своей рабочей силой, работая собственными орудиями в собственном доме или мастерской, господствовала в текстильной промышленности сельских местностей Англии.

Условия хлопчатобумажной промышленности в Ланкашире около 1750 г. яснее всего рисуют переход от самостоятельного ткача к ткачу несамостоятельному. Льняную основу для своего производства он уже давно привык получать от более крупного промышленника в Бостоне или Манчестере, но хлопчатобумажную пряжу он раньше доставал сам, прядя ее у себя в семье или покупая сам по соседству. Трудность достать ее всегда в нужном количестве и непроизводительная трата времени на поиски этого необходимого материала все сильнее давали себя чувствовать по мере расширения рынка хлопчатобумажных изделий и необходимости быстрой работы [1]. Именно эта необходимость работать быстро явилась главным стимулом для применения в прядильном деле новых изобретений [2]. Между тем развилась привычка получать от торговцев или посредников не только льняную основу, но и бумажную пряжу. Таким образом ткач окончательно утратил собственность на сырые материалы, хотя и продолжал попрежнему заниматься своим ремеслом на дому [3]. К 1750 г. такие условия производства стали нормой. Чулочная промышленность дает иллюстрацию дальнейшего поглощения домашнего производства капиталистической системой. В этой отрасли промышленности не только материал раздавался торговцам, но и «рамы», употребляемые при тканье, также принадлежали им и давались напрокат рабочим, которые продолжали, однако, работать в своих собственных домах.

Но эта стадия организации производства, когда материал доставляется со стороны, и продукт забирается таким же образом купцом или другим покупателем, ни в коем случае не ограничивалась сельским ткачеством. Ее часто можно проследить, как одну из стадий городских промышленных гильдий периода упадка. Когда, например, производственные процессы фабрикации сукна дифференцировались, и ткачи, сукновалы, выщипывальщики, ворсильщики, красильщики стали представителями отдельных ремесл, случалось иногда, что тот или другой из этих связанных между собой ремесленников становился достаточно сильным, чтобы стать самостоятельным предпринимателем и начать раздавать работу остальным. Так, в конце XIII столетия часть выщипывальщиков (bureller) в Лондоне раздавала работу ткачам, а среди самих ткачей появились крупные

[1]) Baines. «History of the county Palatine of Lancashire», том II, стр. 413.
[2]) Ure, «History of Cotton Manufacture», том I, стр. 224 и след.
[3]) D-r Aikin, «History of Manufacture» (цит. у Бэйна, стр. 406).

мастера, раздававшие пряжу более бедным мастерам, и нанимали сукновалов и красильщиков [1]).

Когда сырой материал выдается ремесленнику торговцем или другим промышленником, ясно, что он утрачивает свою независимость, особенно, когда это сопровождается и получением напрокат орудий или машин. В Лондоне уже в XII столетии крупные ткацкие мастера отдавали мелким ткачам напрокат ткацкие станки [2]). Так же и в чулочной промышленности в более позднюю эпоху «станки» и материал давались торговцами напрокат рабочим, продолжавшим работать у себя на дому [3]).

§ 12. Для перехода от системы «работы на дому» к системе «мастерских» остается сделать еще два шага; один из них относится к области собственности на «энергию», другой к помещению, где производится работа; (a) замена физической силы рабочей внечеловеческой энергией, принадлежащей предпринимателю; (b) прекращение работы на дому и концентрация рабочих на фабричках и в мастерских, принадлежащих капиталисту.

Хотя эти шаги не были завершены, пока не утвердился полностью век паровых двигателей, но еще до середины XVIII столетия отдельные фабрики, имевшие уже все его существенно характерные черты, существовали рука об руку с более ранними формами домашней промышленности, постоянно конкурируя с ними.

Конечно, капиталистическая собственность на «внечеловеческую энергию» в промышленности была до эпохи паровых двигателей весьма ограничена. Применялась водяная сила, лошадиная сила и в значительно меньших размерах сила ветра. Но вода оказывала промышленности наиболее важные услуги еще до великих изобретений, облегчая транспорт товаров и некоторые второстепенные процессы промышленности, как, например, окрашивание. Хотя значительное число фабрик, работающих водяной силой, существовало уже в начале столетия, они не играли большой роли в производстве. Силы природы, так сильно ограниченные количественно и связанные местом приложения, подвержены таким большим непроизводительным тратам, благодаря слабому развитию механической техники, что не могли в сколько-нибудь значительной степени заменить мускульную энергию человека или помочь ей. Но хотя экономическая система, построенная на механической энергии, еще не оказала в сколько-нибудь значительной степени воздействия на концентрацию труда, некоторые другие известные системы производства в широком масштабе уже начали утверждаться в основных отраслях промышленности. Конечно, некоторые факторы разделения труда и кооперации играют такую роль даже при примитивном состоянии техники, что проф. Эшли не считает невероятным, чтобы крупная мануфактура могла стать значительной или даже господствующей

---

1) Unwin, стр. 27, 29.
2) Ibid, стр. 29.
3) Cooke Taylor, «The Modern Factory System», стр. 69.

формой шерстяной промышленности уже в XVI столетии, если бы этому не препятствовали законодательные мероприятия [1]). На деле эти ранние централизующие силы, заставляющие рабочих жить и работать компактной и сплоченной массой, вначале не могли заполучить их на фабрики в сколько-нибудь значительном количестве. Они продолжали, по большей части, работать у себя на дому, хотя и зависели от какого-нибудь торговца или крупного мастера-предпринимателя, в смысле получения материала, а иногда и орудий труда. Таковы были условия промышленности в районе Лидса в 1725 г. «Дома не разбросаны и рассеяны по одиночке, как в приходе Галифакса, а расположены деревнями; дома полны народа, и вся местность чрезвычайно густо заселена» [2]). Но в достигших более высокого развития отраслях суконной промышленности, где лучшие ткацкие станки являлись сравнительно дорого стоющей формой капитала, было уже определенно заложено основание фабричной системы. В Норвиче. Фроме, Тоунтоне, Дивайзесе, Страубридже и других центрах суконного производства Дефо нашел сильно концентрированную ткацкую промышленность и богатых предпринимателей, имеющих большое количество ткацких станков. Часть этой работы раздавалась мастерами-предпринимателями на сторону, но остальная работа производилась в больших сараях или других помещениях, принадлежащих мастеру. Это «предприятие», организованное на широких началах, полуфабрика, полу-домашняя промышленность продолжало господствовать в суконной промышленности западной Англии вплоть до конца восемнадцатого столетия. «Мастер-суконщик из западной Англии покупает готовую шерсть у импортеров, если ему нужна заграничная, или в руне, если ему нужна шерсть местного производства; после этого в различных производственных процессах, через которые проходит шерсть, он должен нанимать столько же различных сортов рабочих; иногда они работают у себя на дому, иногда в доме мастера-суконщика, но все они занимаются только своей специальностью. Каждый класс рабочих приобретает большую сноровку в выполнении своей специальной операции, откуда, может быть, и происходит признанное превосходство и до недавнего времени первое место, которое занимали сукна западной Англии» [3]).

В хлопчатобумажной промышленности Ланкашира власть, которую торговцы приобрели над ткачами, снабжая их основой и пряжей, также привела во многих случаях к появлению еще до середины века мелких фабрик, имеющих от 20 до 40 станков, на которых ткали наемные рабочие. Несколько позднее, хотя задолго до паровой машины, Артур Юнг встретил в Дармингтоне фабрику с пятьюдесятью ткацкими станками, в Бойнтоне фабрику с 150 рабочими и в Шеффильде шелковую фабрику со 152 рабочими. В до-

[1]) «Economic History», том II, стр. 237.
[2]) Defoe «Tour», том III, стр. 89.
[3]) «Report of the Commission in the Woollen Manufacture of England» (180?).

стигших более высокого развития отраслях текстильной промышленности это преобразование производства почти завершилось к концу восемнадцатого столетия. Усовершенствованные средства транспорта начали увеличивать размеры рынка, расширенные предприятия дали возможность более выгодного разделения труда и требовали более действительного контроля рабочих, чем можно достичь над разбросанными, занятыми земледелием работниками.

Таким образом, путем ряда экономических перемен у независимого ремесленника отнимались различные функции, пока он не остался собственником только своей рабочей силы, которую он должен был продавать предпринимателю, доставлявшему материал, орудия и машины, помещение для работы и надзор, владевшему продуктами его труда и сбывавшему их на рынке. Из свободного ремесленника он стал «наемными рабочими руками».

В этом развитии капиталистической организации встречались, конечно, отсталые области, преходящего или длительного характера. Мелкий ремесленник или другого рода производитель, работающий в собственном помещении, собственными орудиями или машинами, иногда собственной энергией, пользуясь или своим трудом, или трудом нескольких наемных рабочих, продолжал существовать во многих отраслях промышленности.

С давних пор многие виды ремесленников получали «заказы» и материал непосредственно от потребителей. В деревне ткачи, мельники, пекари, сапожники, портные, кузнецы были заняты, по большей части, работой из материала потребителей. Еще до совсем недавнего времени во многих областях Германии и Швейцарии сапожники, портные, бочары, а иногда и седельщики, плотники и колесники были кочевым народом, работавшим не только из материала своих заказчиков, но и у них на дому. В средние века заказчики отдавали свой материал для переработки в мастерскую ремесленника, главным образом, в тех случаях, когда нужна была какая-нибудь постоянная оборудованная мастерская или машины, вроде мельниц, печей, кузниц, ткацких станков и т. д. [1]).

Даже в наиболее передовых странах в тех областях, где орудия и машины легко портативны, до сих пор продолжают существовать бродячие ремесленники, например: медники и бочары, из женщин — портнихи и белошвейки. В менее передовых европейских странах значительная часть труда до сих пор остается на этой ступени развития. «В России и в южных славянских странах существуют сотни и тысячи наемных рабочих, особенно в строительном деле и суконной промышленности, которые ведут постоянно скитальческую жизнь, и благодаря большому пространству, которое они обходят, часто по полугоду и больше остаются вне дома» [2]).

Хотя обычно получение сырых материалов и «заказов» от торговцев или других производителей было первой ступенью в про-

[1]) Ср. Bücher, «Industrial Evolution», стр. 63.
[2]) Bücher, стр. 164.

ессе крушения независимого ремесла, но это отнюдь не везде было ак. Существует много примеров, где сохраняются все элементы езависимого предприятия, кроме собственности на сырые матеиалы. В текстильной промышленности крупные капиталистичекие предприятия, занятые окраской, белением, печатанием и т. д., стаются на этой стадии производства, а в судостроительном деле в машинной и металлообрабатывающей промышленности многие трасли, связанные с ремонтом, работают на этих началах.

Еще одна разновидность встречается в пищевых и питьевых роизводствах. Солодовщик, пивовар, мельник были в средние века обственниками сушильни, пивоваренного завода или мельницы, уда заказчики не только приносили свой материал, но где они ично наблюдали за изготовлением своего продукта, между тем как озяин завода или помещения смотрел за работой своих машин и даал энергию и другие технические элементы производственного роцесса.

§ 13. Рассматривая предприятие, как комбинацию труда и каитала, мы замечаем, что вполне определенной характерной чертой о-машинной эпохи является ничтожная величина капитала по отошению к труду в производственной единице. Это обстоятельство ало возможность производителям, работавшим «на дому», сохраиться в стольких отраслях промышленности, в качестве владельцев мостоятельных предприятий. Пока техника производства слабо разита, а орудия несложны, отношение «постоянного капитала» к оборотам предприятия незначительно и не выходит за пределы средств емесленника, ведущего производство у себя на дому. Пока орудия есложны, производственные процессы протекают медленно, поэтому количество сырых материалов и прочего «оборотного капитала» езначительно, и ремесленник в состоянии их приобретать. Рост азделения в промышленной единице собственности на капитал собственности на труд является непосредственным и наиболее важым результатом усовершенствования техники производства, которое утем беспрерывного увеличения отношения капитала к труду все ольше и больше делало собственность на капитал недоступной для ех, кто давал рабочую силу, необходимую для ведения произодства.

В середине последнего столетия существовало еще очень мало римеров производственных предприятий, которые требовали бы рупных капиталов, или в которых капитал стоял бы к труду отношениях сколько-нибудь похожих на нынешние. Несомненно, редставителем самой прогрессивной формы капитала восемнадцаого столетия был не промышленник, а торговец. Еще задолго до ого, как д-р Джонсон открыл, что «английский купец является овой разновидностью джентльмена», Дефо отметил появление короэй торговли в суконной торговле Запада, отмечая, что «многие з известных фамилий, которые теперь считаются в графствах дворянскими, ведут свое происхождение от этого истинно благородного

производства»[1]). Этих богатых antrepreneurs (предпринимателей) иногда называли «промышленниками», хотя они не претендовали ни на старое, ни на новое значение этого слова. Они не работали собственноручно, не имели машин и не надзирали за работавшими на них рабочими. Они были, как было показано выше, торговцами-посредниками. Наиболее развитая суконная промышленность создала различные виды посредников, понимая под этим словом всех скупщиков и распределителей сырых материлов или готовых продуктов.

(a) Один важный класс посредников занимался покупкой шерсти у фермеров и продажей суконщикам, при чем они, кажется, иногда злоупотребляли и тиранически пользовались властью, которую приобретали над суконщиками при помощи беззастенчивого использования системы кредита, развивавшейся при торговых операциях[2]).

(b) Самих суконщиков следует считать в значительной степени посредниками-скупщиками, соответствующими по своим функциям раздатчикам, которые существуют до сих пор, как одна из форм посредничества при изготовлении дешевого готового платья в Лондоне[3]).

(c) После того, как сукно изготовлялось, оно достигало розничного торговца через три группы посредников: (1) разъезжающие торговцы или оптовики, которые появлялись на больших ярмарках или на базарах в Лидсе, Галифаксе, Экзетере и т. д., и делали крупные закупки, отправляя товар вьюком по всей стране розничным торговцам; 2) посредники, продававшие товар на комиссионных началах лондонским факторам и оптовым торговцам, которые, в свою очередь, продавали его лавочникам или экспортерам; 3) купцы, занимавшиеся непосредственно экспортом.

За исключением судоходства по морям и каналам (приобревшим значение к середине столетия) не существовало крупных отраслей производящей промышленности, где были бы вложены крупные капиталы в постоянные оборудованные мастерские. Помещение капиталов в постоянные улучшения земли, игравшее такую важную роль в развитии сельского хозяйства, относится, главным образом к последним годам восемнадцатого века. Почти единственными лицами, распоряжавшимися внутри страны крупными капиталами были купцы, торговцы и посредники, капитал которых всегда состоял из большого запаса сырых материалов или готовых товаров. Даже они были сильно ограничены в размерах сделок недостаточным развитием механизма финансовой и кредитной системы. В 1750 г. вне Лондона было не более двенадцати банкирских контор[4]). Вплоть до 1759 г. английский банк не выпускал банкнот меньше двадцатифунтового достоинства.

[1]) Tour, том II, стр. 35.

[2]) Интересное изложение хитрых выдумок «факторов» см. у Smith'а «Memoirs of Wool», том II, стр. 311 и след.

[3]) Ср. Booth, «Labour and Life of the people», том I, стр. 486 и след.

[4]) Toynbee, «Industrial Revolution», стр. 55.

Коллективная собственность на капитал и выгодные комбина-
ии единиц труда в производстве только начали развиваться.
"unded Debt», Английский банк, Ост-Индская компания были почти
инственными примерами действительно крупного и безопасного
мещения капиталов в начале восемнадцатого столетия. Коллек-
ивная собственность на крупные капиталы в производственных
лях мало подвигалась вперед до середины восемнадцатого столетия,
исключением привилегированных компаний, ведших внешнюю
рговлю, каковы: Ост-Индская компания, Гудзоновская компания,
урецкая, Русская, Восточная и Африканская компании. Стра-
вое дело стало излюбленной формой акционерных предприятий
царствование Георга I. Колоссальные банкротства акционерных
едприятий, достигшие кульминационной точки в крахе компании
жного моря, ясно показывают, какие узкие границы оставались
я здорового капиталистического сотрудничества. Даже внеш-
яя торговля могла вестись успешно на акционерных началах только
и условии отсутствия конкуренции со стороны частных пред-
инимателей.

Акционерный капитал еще не вторгался в производство, так как
ним из первых представителей его была компания, основанная
1764 г. с капиталом в 100.000 ф. ст. для производства тонкого
тиста [1]).

Адам Смит указал границы акционерного капитализма к началу
охи промышленной эволюции в очень важном отрывке: «Един-
твенными областями, где акционерная компания могла бы, кажется,
спешно работать без исключительных привилегий, являются такие
расли производства, где все операции могут быть сведены к тому,
то называется рутиной, или к такому однообразию приемов, которое
е допускало бы совсем или допускало бы мало вариаций. Таково,
-первых, банковское дело; во-вторых, страхование от огня, от риска
а море и от захвата во время войны; в-третьих, устройство и содер-
ание судоходных каналов и проходов; и, в-четвертых, аналогичная
рганизация снабжения водою больших городов» [2]).

Другими словами, предприятиями, подходящими для организа-
ии акционерных компаний, являются такие, где может быть све-
но к минимуму умелое руководство, и где размеры предприятия
ли естественная монополия ограничивают или не допускают конку-
енции извне.

[1]) Cunnigham, том II, стр. 350.
[2]) «Wealth of Nations», глава I, часть 3.

ГЛАВА IV.

КАК РАЗВИВАЛОСЬ МАШИННОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

§ 1. Машина развилась из инструмента. § 2. Влияние машины на характер ручного труда. § 3. Влияние машины на развитие производительных сил. § 4. Основные факторы развития машинного производства. § 5. Значение хлопчатобумажной промышленности в деле развития машины. § 6. История опровергает «героическую» теорию изобретений. § 7. Применение машины в других отраслях текстильной промышленности. § 8. Обратный ход развития в железообрабатывающей промышленности. § 9. Основные моменты, определяющие общее применение машин и парового двигателя. § 10. Ход развития современных способов производства в различных странах, в зависимости от естественно-исторического, расового, политического и экономического факторов.

§ 1. Хотя в начале восемнадцатого столетия и существовали образцы различных типов организации производства, различные фазы системы работы на дому можно считать формой производства, характерной для того времени. Темой этой главы является исследование природы тех изменений в технике производства, которые вызвали замену ремесленного производства на дому или в мелких мастерских машинным производством на фабриках и в громадных мастерских; ее целью является отыскать экономическую основу этих изменений.

Совершенный индуктивный подход потребовал бы, может быть, чтобы мы предпослали этому исследованию подробную историю изобретений, отмечающих в разных отраслях промышленности возникновение фабричной системы и усвоение капиталистических методов. Но это выходит за пределы данной работы и не имеет тесной связи с нашим научным заданием, которое состоит не в том, чтобы писать повествование о промышленной революции, а в том, чтобы дать анализ, основанный на учете изменений в производстве, который позволил бы нам точно выяснить законы этих изменений.

То центральное место, которое машина занимает в современном промышленном развитии, как ее основной материальный фактор, требует от нас определенного ответа на вопрос: что такое машинное оборудование?

Изучая отличие машины от простого инструмента или ремесленного орудия, следует обратить особое внимание на два пункта: сложность структуры машины и деятельность человека при ней. Современное машинное оборудование в своей наилучше развитой форме состоит, как доказывает Карл Маркс, из трех частей, которые, будучи

язаны механически, различны по существу: двигательного механизма, трансмиссии (передаточного механизма), и исполнительного эханизма или собственно рабочей машины.

«Двигательный механизм действует как движущая сила всей ашины. Он или сам порождает свою двигательную силу, как, напр., ровая машина, калорическая машина (действующая нагретым возхом), электро-магнитная машина и т. д., или же получает импульс вне от какой-либо готовой силы природы, как водяное колесо от адающей воды, крыло ветряной мельницы от ветра и т. д. Передачный механизм, состоящий из маховых колес, подвижных валов, бчатых колес, эксцентриков, стержней, передаточных лент, ремней, омежуточных приспособлений и принадлежностей самого различго рода, регулирует движение, изменяет, если это необходимо, его рму, напр., превращает из перпендикулярного в круговое, распреляет его и переносит на исполнительные механизмы. Обе эти части ханизма существуют только затем, чтобы привести в движение полнительный механизм, благодаря чему последний охватывает едмет труда и целесообразно изменяет его» [1]).

Хотя развитие современного машинного оборудования очень льно зависит от двигателя и передаточного механизма, но для го, чтобы получить точное представление о различиях между маинами и инструментами, мы должны изучать рабочий механизм шины.

Инструмент может быть очень простым по форме и по дейвию, как нож, игла, пила, вал, молоток, или же его конструкция жет воплощать более сложный замысел, его движения могут быть лее разнообразны, и он может требовать бо́льшего уменья в обраэнии с ним человека. Такими инструментами или орудиями являся: ручной ткацкий станок, токарный и гончарный станки. Челок находится с этими орудиями в двоякой связи. Он является ресленником, поскольку он распоряжается ими и направляет их при мощи свойственного ему уменья в пределах тех операций, для торых они предназначены. Он дает также деятельностью своих скулов движущую силу, при помощи которой инструмент работ. Инструмент отличается от машины благодаря первой из этих ух связей. Когда инструмент изымается из прямого и личного возйствия человека и помещается в механизм, который управляет его йствиями при помощи заранее приспособленного движения какогобо другого инструмента или механического приспособления, он рестает быть инструментом и становится частью машины. Экономическая выгода первых машин состояла, главным образом, в преуществе одновременной работы ряда одинаковых инструментов йствием одного мотора. В первых машинах прежний инструмент нимает центральное место, но его движение уже не регулируется

[1]) Karl Marx, «Capital», т. I, стр. 367. Перев. под ред. И. Степанова, изд. 3 стр. 350.

прикосновением человеческой руки[1]). Достигшие более высокого развития современные машины обычно представляют собой последовательный порядок производственных процессов, что сообщает техническое единство работе, некогда совершавшейся целым рядом отдельных лиц или групп отдельных лиц, при помощи разного сорта инструментов. Но система первых машин была, в общем, другого свойства. По большей части она состояла не в гармонической связи ряда различных процессов, а скорее во множественности одного и того же процесса, достигая иногда больших размеров и большой быстроты благодаря техническим приспособлениям. Таким образом, главная экономическая ценность первых машин, употребляемых при прядении, состояла в том, что они давали возможность каждому прядильщику работать на бо́льшем количестве веретен, выполняя на каждом тот же самый простой процесс, который он раньше выполнял на одном. В других случаях элемента множественности не было. и первоначальная выгодность машины заключалась в том, что, благодаря замене постоянной и непосредственной человеческой работы механической работой инструментом, достигалось бо́льшее искусство, регулярность, быстрота или экономия энергии. Среди современных машин швейная машина является иллюстрацией последнего случая, в то время как машина для полировки ножей является иллюстрацией первого.

Машине присуща более сложная организация, чем инструменту. потому что в состав ее должны входить механические приспособления для направления работы инструмента или даже комбинированной работы многих инструментов, которые направлялись раньше рукой человека. При пользовании инструментом человек является непосредственно действующим элементом, при пользовании рабочим механизмом машины непосредственно действующим элементом является передаточный механизм, так как характер различных производственных операций не влияет на форму самой работающей машины. Человек, наблюдающий за машиной, определяет, должна ли она работать, но он может лишь очень мало влиять на то, как она должна работать. Две характерные черты, обнаруженные нами в машине, — сложность операций и самоуправление или автоматический характер ее, — являются на деле объективным и субъективным выражением одного и того же фактора, а именно: изменившейся связи между человеком и работой, в которой он принимает участие.

Некоторые направляющие психические усилия, сноровка, искусство, замысел, должны быть воплощены в машине, т.-е. это значит, что некоторыми процессами должен управлять не непосредственно рабочий, а другие процессы, примененные при выработке конструкции машины. Таким образом, машина становится сложным инструментом, в котором сравнительно твердо установлены некото-

---

[1]) Маркс показывает, как во многих из наиболее высоко развитых машин продолжает существовать первоначальный инструмент, иллюстрируя это на примере старого механического ткацкого станка («Capital», том I, стр. 368), перев. под ред. И. Степанова, т. I. стр. 351.

ıe производственные процессы и который не является непосред-:венным выражением деятельности человека. Можно считать, что ɩбочий, питающий машину материалом, может до известной степени ıспоряжаться темпом и характером первого процесса, но он влияет ішь косвенно на дальнейшие процессы, которые регулируются по-гоянными законами конструкции машины, что ставит их в абсо-ютную зависимость от первых процессов. По самому характеру воей работы машина в высокой степени независима от личной воли воего «рабочего», ибо она является по своей конструкции вопло-ɛением индивидуальной воли и искусства ее изобретателя. Следо-ıтельно, машину можно определить, как сложный инструмент ‹определенным соотношением производственных процессов, выпол-няемых ее частями. Но даже теперь мы не можем сказать, что нашли пределение, которое дает нам возможность во всех случаях точно пределить отличие машины от инструментов. Легко допустить, что опата-есть инструмент, а не машина, но если считать инструмен-ıми ножницы, рычаг или кран, и считать, что они выполняют олько единичные и простые производственные операции, а не ряд рганически связанных процессов, то мы можем, искусно подобрав яд ступеней, дойти до того, что назовем инструментами все машины. ти трудности, конечно, из тех, с которыми бывают сопряжены все пределения.

Но если нелегко отличать в любом случае инструмент от ма-иины по сложности структуры, мы ничего не выигрываем, если при-ем за отличительный признак машины пользование паровым или ругим внечеловечским двигателем.

Большое количество современного машинного оборудования на-равлено, несомненно, не на комбинирование инструментов, или яда производственных процессов, с которыми тесно связана и сно-овка человека, а на замену мускульной силы человека другими дви-ıтелями. Но, хотя некоторые инструменты и некоторые формы чело-еческих усилий заменены здесь машиной, эти орудия обычно поме-цены в машину не с целью генерирования или передачи новой энер-ии. Поэтому одно только различие роли, которую играет рабочий, ак источник энергии, еще не помогает нам определить разницу ме-:ду машиной и инструментом. Ясно, что пишущую машину и рояль ледует отнести к машинам, хотя они и получают импульс от муску-ов человека. Несомненно, что и та и другая, подобно другим аппа-атам того же рода, являются исключением среди машин не только отому, что их двигательная сила сообщается им человеческими ıускулами, но и потому, что raison d'être этого механизма был в пре-оставлении простора человеческому искусству, а не в сведении его нулю. Но хотя и верно, что для первого процесса работы на рояли ли пишущей машине требуется высокая степень искусства, не ме-ее верно и то, что «инструмент» — приспособление, которое уда-яет по струне или ставит письменный знак — не допускает непо-редственного прикосновения человека. Искусство требуется только при первом процессе, а механизм, как целое, должен быть отнесен

к машинам. Если мы оставим указанные нами раньше характерные черты машины и ограничим это понятие механическими приспособлениями, получающими энергию из внечеловеческих источников, — обстоятельство, которое обычно отделяет современные формы машинного производства от более ранних форм, — мы, несомненно, ничего не выиграем в смысле логической ясности, ибо мы увидим, что эта замена человеческой энергии внечеловеческой являлась также вопросом степени, и что самые сложные современные паровые машины не могут вполне обойтись без какого-нибудь руководящего импульса человеческих мускулов, как, например: помешивание угля в печи, хотя их тенденция всегда направлена к сведению к минимуму человеческой энергии в каждой данной операции.

Этот разбор затруднений, связанных с выработкой точного определения машины, не является праздным времяпрепровождением, ибо он дает нам более ясное представление о строго постепенной эволюции, изменившей характер современной промышленности не катастрофическим насаждением радикально новых методов, но постоянным упорным развитием некоторых элементов, общих для всех видов промышленной деятельности, и соответственным постоянным отмиранием некоторых других элементов.

§ 2. Таким образом, развитие машинного производства можно измерять ростом числа и сложности производственных процессов, связанных друг с другом в механической единице или машине, и соответственным уменьшением зависимости продукта от искусства и воли человеческого существа, которое работает на машине или сотрудничает с ней [1]). Каждый продукт, произведенный инструментом или машиной, является как бы продуктом производительной энергии или способом выражения замысла и воли человека; но, по мере того как развивается машинное производство, продукт все больше и больше выражает замысел и волю изобретателя, и все меньше и меньше замысел и волю непосредственно действующего человека, т.-е. работающего при машине рабочего. Но, очевидно, недостаточно сказать, что экономящая труд машина просто заменила воплощенным и сконцентрированным усилием изобретателя, труд ремесленника, который она сэкономила. Это означало бы игнорирование экономии мускульной энергии, получившейся вследствие замены мучительных усилий человека силами природы — водяной, паровой, электрической энергией. Человеческий труд в процессе производства благ сэкономлен замыслом изобретателя плюс действие различных

---

[1]) Это не всегда подразумевает и соответственное развитие технической сложности самой машины, ибо, как замечает Адам Смит: «Все машины бывают обычно в момент изобретения чрезвычайно сложными по принципу, и часто бывает, что для каждого отдельного движения, которое они должны выполнять, имеется особый движущий принцип. Лица, работающие над дальнейшим усовершенствованием машины, замечают, что один принцип может быть применен для целого ряда этих движений, и, таким образом, машина постепенно все более и более упрощается и дает те же результаты с меньшим количеством колес и меньшим количеством разного сорта движений. «Moral Sentiments», цит. у Hirst'a «Adam Smith», стр. 64.

ханических и прочих физических сил. Дальнейший вопрос — какой степени компенсируется эта экономия рабочей силы в отно- нии данной машины ростом количества благ, к которым прила- этся человеческий труд,—является предметом исследования одной следующих глав.

При изучении результатов приложения современного машин- го оборудования к английской промышленности, мы встречаемся двумя сложными факторами, которые требуют отдельного рассмо- ения в определенных целях — с развитием усовершенствованного ханического аппарата и с развитием внечеловеческой двигатель- й энергии.

Мы называем промышленность, которая господствовала со сре- ны восемнадцатого столетия, машинным производством не потому, о до этого времени не было машин, а, во-первых, потому, что почти всей промышленной технике с этого периода начинается сильный ст изобретения сложных машин, а, во-вторых, потому, что тогда ервые начали пользоваться в больших размерах внечеловеческой игательной энергией.

Важность внешних результатов и признак серьезности этих менений выражаются в ускорении процесса, начало которого жно было отметить уже до эпохи великих изобретений. — в замене стемы работы на дому фабричной системой.

Особая связь между машинным производством и фабричной стемой заключается в том, что размеры, сложность и дороговизна шин, с одной стороны, и пользование внечеловеческой энергией, другой, совместными силами заставили труд променять домашние стерские на крупную специально оборудованную мастерскую — брику.

«Водяная рама, чесальная машина и другие машины, которые окрайт привел в законченный вид, требовали больше места, чем жно было уделить в избе, и большей энергии, чем могла дать рука ловека. Их тяжесть требовала также их помещения в зданиях креп- й стройки, и из всех известных в то время видов энергии их можно ло приводить в движение с выгодой для предприятия только водя- й энергией. Кроме того, применение машин сопровождалось боль- им разделением труда, и потому требовалось более тесное сотруд- ичество, чтобы гармонизировать все производственные процессы д одним центральным руководством» [1]). Поэтому развитие машин- го производства в значительной степени совпадает с развитием временной фабричной системы.

§ 3 Человек производит работу, двигая материю, поэтому ма- ина может помочь ему только увеличением двигательной энергии, ходящейся в его распоряжении.

(1) Машина дает возможность более целесообразного приложе- ия сил человека или природы при помощи различных механиче-

[1]) Cooke Taylor, «History of the Factory System», стр. 422.

ских приспособлений, состоящих из рычагов, воротов, клиньев, винтов и т. д.

(2) Машина дает возможность человеку использовать различные двигательные силы, находящиеся вне его тела, — воду, ветер, пар, электрическую и химическую энергию и т. д. [1]).

Таким образом, машина совершенствует промышленную технику, доставляя новые производительные силы, и давая возможность более экономного использования всех производительных сил.

Машина может расширить пределы производственной мощности человека двумя путями. Трудность сконцентрировать в одно и то же время большое количество человеческой энергии на данном пункте создает некоторые количественные пределы производственной мощности человеческого тела. Паровой молот может выполнять такую работу, которая количественно выходит за пределы физической силы любого числа людей, работающих простыми инструментами и извлекающих двигательную энергию из собственного тела. Другая ограниченность производственной силы человека является результатом недостаточной непрерывности человеческого усилия и несовершенства управления им. Трудность поддерживать слабое, ровное и точное давление или точно повторять одно и то же движение, ставит больше качественные, чем чисто количественные пределы. Бо́льшая уверенность и регулярность машинной работы дает возможность выполнять некоторые функции, которых один человек совсем не сумел бы выполнить или выполнил бы хуже. Работы типографской мышины человек не мог бы выполнить. Машина улучшила систему тканья и качество некоторых шерстяных изделий [2]); новейшие усовершенствования мельничного дела дают в результате муку лучшего качества и т. д. Машина может также выполнять работу, которая слишком тонка и деликатна для человеческих пальцев или которая требовала бы из ряда вон выходящего искусства, если бы ее делать руками. Экономия времени, которую Бэбэдж [3]) считает экономией особого рода, по справедливости должна быть отнесена к вышеупомянутым выгодам. Большая скорость некоторых производственных процессов, например, окрашивания, является результатом возможной для машины большей концентрации и непрерывности подачи энергии. Тем же причинам следует приписать все преимущества, вытекающие из ускорения транспорта.

Непреывность и регулярность машинной работы отражаются также на некоторой экономии в области измерений. Возможность саморегистрирования, которая в потенции относится ко всем машинам и применяется с каждым днем все больше и больше, оказывает различные услуги, которые можно формулировать словами, что они дают нам возможность точно знать, что происходит. Когда же к саморегистрации добавляется и возможность саморегулирования, то это

---

[1]) Ср. Babbage, стр. 15.
[2]) Burnley, «Wool and Wool-combing», стр. 417.
[3]) «Economy of Machinery», стр. 6.

дает в известных пределах новую экономию сил и знания. Но машина может также регистрировать и регулировать расход человеческой энергии. Бэбэдж говорит совершенно справедливо: «Одним из наиболее удивительных преимуществ, которые дает машина, является гарантия, которую она представляет против невнимательного отношения, лености или мошенничества человека» [1]. Этот контроль машины над человеком дает известные результаты, которые относятся к другого рода преимуществам машины [2].

Таковы источники всех экономических преимуществ машинного производства. Все касающиеся промышленной техники усовершенствования машины принимают поэтому одну из следующих форм:

(1) Реорганизация или усовершенствование машины с целью более полной утилизации производительной силы, природы или человека. К такого рода усовершенствованиям относятся изменения, дающие одному человеку возможность управлять бо́льшим количеством веретен или одному и тому же механизму при том же самом паровом давлении вращать большее число колес.

(2) Экономия источников энергии. Они распадаются на четыре рубрики:

1. Замена более дорогих видов человеческой энергии более дешевыми. Замена мужского труда женским и детским.

2. Замена человечской энергии механической. Под эту рубрику подходят самые крупные усовершенствования в области «экономии труда».

3. Экономия топлива или пара. Важнейшей иллюстрацией ее является применение горячего дутья и замена сырого угля коксом в железоделательной промышленности.

4. Замена старого механического двигателя новым, действующим при помощи того же самого или иного вида энергии. Например, замена водяной силы паровой; силы пара газовым двигателем.

(3) Расширение применения машин. Новая промышленная техника, обязанная своим происхождением научным изобретениям и своим практическим применением машинному производству, начинает утилизировать бросовые продукты. Под «бросовыми продуктами» мы понимаем: (а) естественные материалы, польза которых была неизвестна до машины, или которые нельзя было утилизировать без нее, например, нитраты и другие «бросовые» продукты почвы; (b) отбросы производственных процессов, которые считались «бросовыми», пока для них не находилось какого-нибудь применения, о котором раньше не подозревали. Яркие примеры такого рода экономии можно найти во многих отраслях производства. Многие из главных усовершенствований в промежутках между крупными новыми изобретениями в области машин или приложения энергии были этого порядка. Карболовое масло, которое раньше выбрасывалось в реки в таком количестве, что грязнило их, или смешивалось

---

[1] «Economy of Machinery». стр. 39.

[2] См. ниже, стр. 340.

с углем и сжигалось как топливо, представляет собою теперь «сырой материал, из которого производятся прекрасные краски, некоторые из наших наиболее ценных медикаментов, сахаристое вещество в триста раз слаще сахара и лучше дезинфецирующие средства, уничтожающие болезненные микробы».

«Весь аппарат таких крупных отраслей промышленности, как красильная и ситценабивная, пережил революцию благодаря новым красящим веществам, которые получены из старого бросового материала; карболового масла» [1]). Мы в значительной степени обязаны как экономией в топливе, так и утилизацией бросового материала, развитию крупного производства, появляющемуся вместе с развитием машинного производства. Многие бросовые продукты можно утилизировать только тогда, если они имеются в больших количествах.

§ 4. Если мы проследим историческое развитие современных капиталистических отношений в различных отраслях промышленности, то мы увидим, что они распадаются в общем на три периода:

1. Период первых механических изобретений, характеризующихся вытеснением домашней промышленности фабричной.

2. Развитие нового двигателя в производстве. Приложение пара к производственным процессам.

3. Эволюция передвижения при помощи пара и его влияние на промышленность.

Так как эти периоды не исключают друг друга в смысле своего материального содержания, то между развитием машины и двигателя и между усовершенствованиями в производстве и развитием транспорта существует тесная экономическая связь. Но, чтобы понять природу той иррегулярности, которая отмечается в истории развития машины, необходимо рассматривать оба эти фактора отдельно в их исторической и экономической связи друг с другом. С этой целью мы исследуем две крупные основные отрасли промышленности: английскую текстильную и железную промышленность, чтобы проследить на основных этапах их развития законы эволюции современного машинного производства.

Текстильная промышленность представляет для такого исследования специальное удобство. Наиболее сильная и наиболее распространенная из всех отраслей английского производства, она дает наиболее яркие примеры различных форм промышленности начала восемнадцатого столетия. Самые ранние из великих изобретений применялись в различных отраслях этой промышленности. Это первенство в промышленном развитии она сохраняла и в дальнейшем, так что и сейчас наиболее прогрессивные формы современной фабрики мы встречаем в текстильной промышленности. Кроме того, внимание, которое уделялось отдельным отраслям этого производства, в особенности в ланкаширской хлопчатобумажной промышленности, и тщательная отчетность, которая там велась, дает нам возможность

[1]) Sir Lyon Playfair, «North American Review», ноябрь 1896 г.

проследить здесь действие новых промышленных сил с большей точностью, чем в какой-либо другой промышленности. Так, Шульце-Геверниц в своем мастерском исследовании о хлопчатобумажной промышленности говорит: «Английская хлопчатобумажная промышленность является не только наиболее старой отраслью производства, но во многих отношениях она представляет собой ту современную промышленность, в которой наиболее ярко выявились характерные черты современных методов производства как в экономическом, так и в социальном отношениях» [1]).

Железную промышленность мы выбрали вследствие ее тесной связи с приложением паровых машин к различным отраслям производства. Она является самой основной промышленностью нашего времени в том смысле, что создает материальное окружение великих экономических сил современности. Кроме того, мы имеем здесь то преимущество, что можем проследить развитие железоделательной промышленности ab owo, ибо, как мы уже видели, до индустриальной революции она играла в английской торговле самую ничтожную роль.

Наконец, изучение соотношений между развитием железоделательной и текстильной промышленности окажет нам особую услугу тем, что поможет выяснить характер взаимодействия различных отраслей производства при развивающейся интеграции современной промышленности [2]).

§ 5. Изучая ход изобретений в текстильной промышленности, приходится отметить в первую очередь, что хлопчатобумажная промышленность — мелкая отрасль производства, не выходившая за пределы одной части Ланкашира и вплоть до 1768 г. не умевшая вырабатывать костюмную ткань без льна, — заняла первое место.

Как мы видели, в первой половине восемнадцатого столетия шерстяное производство занимало гораздо большее число людей и играло более важную роль в нашей торговле. В шелковой промышлености новую струю жизни влил приток интеллигентных рабочих из Франции, и первая современная фабрика со сложным машинным оборудованием была устроена Ломбом для трощения шелка. Но гораздо большее число важных изобретений, сделанных в текстильной промышленности в восемнадцатом веке, или применялись сначала в хлопчатобумажном производстве и уже затем перенимались, иногда много лет спустя, в производстве шерсти, крученой шерсти и прочих текстильных изделий, или же изобретение, сделанное для шерстяной промышленности, не имело успеха, пока не прилагалось к хлопчатобумажной [3]).

---

[1]) «Der Grossbetrieb», стр. 85

[2]) Важная роль, которую хлопчатобумажная и железоделательная промышленность играют в экспортной торговле Англии, дает им право на специальное внимание в качестве представительниц мировой промышленности. Из 283.000.000 английского экспорта в 1903 г. хлопчатобумажные ткани составляли 72.000.000 £, железо и сталь — 35.000.000 £.

[3]) Cunningham. глава II. стр. 450.

Хотя импульс и творчество изобретательского гения не подчиняются никаким известным нам законам и относятся пока что к царству «случая», существуют известные причины, которые благоприятствовали ходу развития хлопчатобумажной промышленности. Ее сконцентрированное положение в южном Ланкашире и Стаффордшире облегчало ей, по сравнению с разбросанной шерстяной промышленностью, быстрое применение новых открытий и методов производства. Кроме того, хлопчатобумажное производство, возникшее позже и существовавшее в незначительных городах и деревнях, ускользнуло от воздействия официального регулирования и традиций, которые господствовали в центрах шерстяной промышленности и создавали серьезное препятствие введению новых способов производства [1]). Даже в самом Ланкашире правительственные инспектора регулировали шерстяную промышленность в Манчестере, Рочдэле, Блэкбэрне и Бюри [2]).

Хлопчатобумажная промышленность была с самого начала свободна от всех этих пут. Строгий, практический, деловой характер, отличающий современный Ланкашир, и является, по всей вероятности как причиной, так и результатом интенсивного промышленного развития последнего столетия.

Кроме того, было установлено еще до великих изобретений, что хлопчатобумажные товары при свободной конкуренции с шерстяными, благодаря своей более дешевой цене, вытесняли их в народном потреблении. Это открывало перспективы неслыханного обогащения перед изобретателем, который сумел бы сломать при помощи машины узкие рамки, поставленные этому производству ограниченным числом умелых рабочих в некоторых производственных процессах изготовления хлопчатобумажной пряжи.

Но стимулы, сообщаемые одним изобретением другому, дают применению новых методов аккумулятивную силу. Это наблюдалось особенно ярко в применении изобретений к двум главным процессам: прядению и ткачеству.

Еще до изобретения Джоном Кеем самолетного челнока, вдвое увеличивающего количество дневной выработки ткача, мы видим, что прядильщикам было очень трудно доставлять ткачам достаточное количество пряжи. Это относилось одинаково как к хлопчатобумажной промышленности Ланкашира, так и к шерстяному производству Йоркшира. Когда самолетный челнок вошел во всеобщее употребление, это давление спроса на прядильщиков, очевидно, возросло, и самая искусная организация посредников не могла доставить нужного количества пряжи. Эти экономические соображения все более и более приковывали внимание к попыткам создать прядильную машину, и мы видим, что еще задолго до изобретения Дженни и ватер-машины изобретательные люди, вроде Джона Кей из Бюри, Уайта, Поля и др.

---

[1]) Schultze-Gaewernitz, «Der Grossbetrieb», стр. 34.

[2]) Ure, «The Cotton Manufacture», стр. 187.

испробовали множество патентов на усовершенствования прядильного дела. Великие изобретения Харгривса, Аркрайта и Кромптона помогли прядильной промышленности догнать и перегнать ткацкую, и когда около 1790 г. к значительному количеству прядильных фабрик применили паровую энергию, задерживающим процессом при изготовлении шерстяных и хлопчатобумажных тканей было уже не прядение, а ткачество. Это давление на ткацкое производство, которое увеличилось за период крупных усовершенствований в прядильном деле, послужило для Картрайта, Горрокса и других специальной побудительной причиной для усовершенствования практического применения механического ткацкаго станка сначала в шерстяной промышленности, а затем и в хлопчатобумажной. Только в девятнадцатом столетии, когда паровая энергия и ее применение были вполне разработаны при помощи многих второстепенных изобретений, прядильная и ткацкая техника пошли вполне нога в ногу. Вполне развитая фабрика, где различные процессы, — чесание, прядение, тканье (и даже окраска и отделка), — производятся под одной крышей и в соответствии друг с другом, знаменует полный разрыв с прежними формами домашней промышленности, где семья выполняла под крышей своего дома целый ряд различных процессов при помощи простейших орудий [1]).

§ 6. История этих изобретений в текстильной промышленности в значительной степени разрушает «героическую» теорию изобретений — теорию об идее, внезапно сверкнувшей в одном гениальном мозгу и вызвавшей быструю революцию в промышленности. Ни одно из изобретений, давших наибольшие результаты, — Дженни, ватермашина, тонкопрядильная машина, механический ткацкий станок,— нельзя приписать по существу работе или способностям одного человека; каждое из них представляет в своей удачной форме совокупность многих последовательных изобретений; в большинстве случаев удачное изобретение было лишь несколько лучшей и укрепившейся формой из ряда аналогичных попыток. «Современные прядильные машины, которыми мы пользуемся теперь, составились, как предполагают, приблизительно на основе восьмисот изобретений [2]). Современная чесальная машина составлена, приблизительно, на

---

[1]) Современная экономика относится положительно к специализации фабрики, а часто и целого предприятия по какой-нибудь одной группе производственных процессов, например, на прядении, тканье или окраске, как в хлопчатобумажной, так и шерстяной промышленности. Но это относится, главным образом, к основным отраслям текстильного производства. Во второстепенных отраслях, как, например, в хлопчатобумажном ниточном производстве, развитие идет все еще в направлении объединения всех различных процессов под одной крышей как в Англии, так и в Соединенных Штатах.

[2]) П. Р. Ходж, гражданский инженер, показание перед комитетом палаты лордов в 1857 г.

В Германии прялкой пользовались очень долго для прядения льна; на деле эта прялка является предшественницей тонкопрядильной машины (the thorstle) (ср. Karmarch «Technologie», том II, стр. 844, цит. у Schultze Gaewernitz'a; стр. 30), а о ткацкой машине говорят, что она была в Данциге уже в 1579 г.

основе шестидесяти патентов». Такова история большинства изобретений.

Давление промышленных условий направляет мысли многих умственных работников на изучение какой-либо одной основной трудности, общий уровень знаний века наводит многих на одинаковое разрешение вопроса: то его решение, которое несколько лучше подходило к обстоятельствам или сумело «уцепиться за полу счастья», выходит победителем, и изобретатель, поставщик, а иногда и вор, увенчиваются как великие гениальные изобретатели. Пренебрежение такого рода соображениями дает неправильное толкование истории индустриальных изобретений, придавая действию сил, которое по своим внутренним свойствам является гораздо более закономерным, чем его внешнее выражение, незакомерный и катастрофический вид. Первые опыты великих промышленных изобретений не фигурируют в исторических летописях, ибо они не оплачивались. А последние опыты, которые добились оплаты, получают всю славу, хотя действительное значение и изобретательский гений могли быть в первой попытке такими же или даже большими.

В творчестве изобретателей нет ничего случайного или таинственного. Матерью изобретений является необходимость, а это значит, что они происходят по линии наименьшего сопротивления. Когда возникали известные трудности, люди, вроде Кея, Харгривса, Аркрайта, Картрайта, начинали прилагать силы своего ума и свое усердие, чтобы побороть их. Почти все великие изобретатели в области текстильной промышленности были людьми практики, большинство из них работало, погружаясь в мелочи своей профессии, постоянно лицом к лицу с какой-либо определенной трудностью, которую нужно было преодолеть, с какой-нибудь специальной экономией, которой хотелось достичь. Размышляя над этими конкретными фактами, пробуя то то, то другое, учась на опытах и неудачах других практиков и совершенствуя их попытки, они, наконец, наталкивались на какое-нибудь приспособление, которое преодолевало данное затруднение, давало эту специальную экономию. Если мы возьмем какое-нибудь определенное изобретение и подробно исследуем его, то мы увидим, что почти в каждом случае оно добивалось своего осуществления путем мелких усовершенствований. Ученые, в строгом смысле этого слова, имели очень слабое отношение к великим открытиям. Среди великих изобретателей в области текстильной промышленности только один Картрайт был человеком, занимавшимся наукой [1]). Когда деятельность прядильных машин была парализована примитивными методами чесания, Лис и Аркрайт взялись за разработку усовершенствований, которые подсказывались здравым смыслом и опытом; когда механический ткацкий станок Картрайта начал с успехом применяться в шерстяном производстве, Гор-

[1]) Ср. Brentano, «Über die Ursachen der heutigen Socialen Not, Der Grossbetrieb», стр. 30.

рокс и его друзья выдумали точно такое же усовершенствование, которое сделало его выгодным для хлопчатобумажной промышленности.

Таким образом, в данной отрасли промышленности, где имеется несколько важных производственных процессов, усовершенствование одного процесса, находящегося в связи с другими, стимулирует изобретения в этих последних, и каждое из них, в свою очередь, вызывает работу изобретательской мысли, необходимой, чтобы поставить его вровень с наиболее передовым процессом. Поскольку последние изобретения, имея за собой новые знания и новую энергию, часто опережали предыдущие, мы находим известный закон колебаний в различных процессах, который способствует прогрессу при помощи стимулов, постоянно сообщаемых наиболее передовым производственным процессом, который «отбивает темп». В этом нет ничего таинственного. Если один производственный процесс отстанет в развитии, каждое новое изобретение, с успехом примененное здесь, дает бо́льшие результаты, чем если оно прилагается к более передовому процессу. Таким образом, ход изобретений можно свести к обычному закону «спроса и предложения», действующему при помощи обычных экономических причин. Когда изобретение самолетного челнока дало преимущество ткацкому производству, внимание все более и более концентрировалось на процессах прядения и появилась Дженни. Недостатки Дженни в прядении основы вызвали появление ватер-машины, которая впервые эмансипировала хлопчатобумажную промышленность от зависимости от льняной основы; спрос на более тонкую и более однородную пряжу вызвал изобретение тонкопрядильной машины (Мюль). Эти известные усовершенствования в машинном прядении, с их второстепенными принадлежностями, поставили прядильное производство впереди ткацкого и вызвали ряд изобретений в механическом ткацком станке. Оказалось, что механический ткацкий станок приносит сравнительно мало пользы, пока процессы шлихтования и обработки крахмалом не были доведены усилиями Горрокса и других до уровня машинного производства. Равновесие в развитии основных процессов было достигнуто только после 1841 г. Подобным же образом каждый заметный шаг вперед в машинном оборудовании основных процессов вызывал рост изобретательской энергии во второстепенных и вспомогательных процессах — белении, окраске, печатании и т. д. Даже в наше время первый процесс очистки хлопчатой бумаги от семян не был доведен до общего уровня, несмотря на громадные усилия, которые были направлены, особенно в Соединенных Штатах, на преодоление трудностей, вытекавших отсюда в подготовительной стадии хлопчатобумажной промышленности.

Следующая таблица показывает соотношение развития хлопчатобумажной промышленности, измеряемого потреблением сырого хлопка, с основными усовершенствованиями машинного обору-

Годы.	Ввоз хлопка в фунтах.	Изобретения.	
1730	1.545.472	1730	Цилиндрическая прялка Уайта (патентована в 1738 г.).
1741	1.645.031	1738	Самолетный челнок Кея.
		1748	Чесальная машина Поля (оставалась бесполезной до усовершенствования Лием, Аркрайтом, Вудом в 1772—78 гг.).
1764	3.870.392	1764	Прядильная машина Дженни, Харгрифа (патентована в 1770 г.) только для уточной нити.
		1764	Появление в Ланкашире ситценабивной промышленности.
		1768	Аркрайт совершенствует прядильный станок Уайта (патентован в 1769 г.), эмансипировавший хлопок от зависимости от льняной основы.
1771 до 1775	4.764.589	1771	Постройка прядильной фабрики Аркрайта в Кромфорде.
		1775	Аркрайт берет патенты на чесальную, волочильную, трощильную и прядильную машины.
		1779	Окончена тонкопрядильная машина (Мюль) Кромптона (соединяющая Дженни с ватермашиной, производит более тонкую и более ровную пряжу).
1781	5.198.775		
1785	18.400.384	1785	Механический ткацкий станок Картрайта. Первая паровая машина Уатта и Болтона для бумагопрядильни.
1792	34.907.497	1792	Кардочесальная машина Уитнея.
1813	51.000.000	1813	Гладильная машина Горрокса.
1830	261.200.000	1830	Тонкопрядильная машина «Throstle» (в Англии употребляется почти исключительно для прядения основы).
1832	287.800.000	1832	Усовершенствование автоматической тонкопрядильной машины (Мюль) Робертса.
1841	489.900.000	1841	Усовершенствованный механический ткацкий станок Беллофа. Круговая прядильная машина (широко распространена в Северо-Американских Соединенных Штатах, недавно введена в Ланкашире).

Из этой таблицы ясно, что историю хлопчатобумажной промышленности можно с большей или меньшей точностью разделить на четыре периода:

(1) Подготовительный период изобретательских опытов Уайта, Поля и т. д. до 1770 г.

(2) 1770 г. до 1792 г. (приблизительно).) Век великих механических изобретений.

(3) 1792 — 1830 гг. Приложение к производству паровой энергии и совершенствование великих изобретений.

(4) 1830 г. и далее. Влияние на промышленность парового транспорта (1830 г. — открытие Ливерпульско-Манчестерской ж. д.).

Измеряя действие этих различных промышленных сил в пределах четырех периодов, поскольку они отразились на расширении хлопчатобумажной промышленности, мы должны выяснить аккумулятивный характер великого промышленного движения и составить себе более или менее точное представление о сравнительной важности развития механических изобретений и новой двигательной силы.

§ 7. В общих чертах история хлопчатобумажной промышленности является также историей прочих отраслей текстильного производства. У нас нет для изучения шерстяной промышленности в период революции таких же статистических данных; но, поскольку, с одной стороны, многие изобретения в области прядильного и ткацкого производства быстро заимствовались шерстяной промышленностью от хопчатобумажной, а преимущества паровой энергии и влияние парового транспорта распространялись и на эту старшую отрасль производства, — развитие этой промышленности подходит, в общем, под то же самое разделение на периоды. Цифры импорта шерсти не дают таких ценных данных, как цифры импорта хлопка, ибо здесь не учтено отечественное производство, но нижеследующие статистические данные относительно ввоза в Англию иностранной колониальной шерсти освещают развитие нашей шерстяной промышленности.

Статистика английского импорта шерсти.

Годы.	Фунты.	Годы,	Фунты.
1766	1.926.000	1830	32.3(5 000
1771	1.829.000	1840	49.436.000
1780	323.000	1850	74.326.000
1790	2.582.000	1860	151.218.000
1800	8.609.000	1870	263.250.000
1810	10.914.000	1880	463.309.000
1820	9.775.000	1890	635.340.000
		1902	647.204.376

В шелковой промышленности влияние машин осложнялось различными обстоятельствами, касающимися специально этой отрасли производства. Несмотря на изобретательность и предприимчивость, с которой Ломбы ввели в трощении шелка сложное машинное оборудование за много лет до того, как оно было успешно введено в какой-либо другой отрасли текстильной промышленности, производство не начало развиваться, как того можно было ожидать, и великие механические изобретения лишь медленно и в незначительной степени задели шелковую промышленность. Для этого были специальные причины; некоторые из них были связаны с органическими свойствами этого продукта, другие с социальным регулированием данной промышленности.

Тонкость, присущая многим производственным процессам, капризный характер шелкового рынка, дороговизна производства, делающая шелк предметом роскоши и требующая специального приспособления ко вкусам и моде, сделали производство многих фабрик более тонких сортов шелка предметом ремесленного искусства или же допускали машинное производство в гораздо меньшей степени, чем хлопчатобумажная и шерстяная промышленность.

Кроме того, обременительные пошлины на сырой и крученый шелк вследствие строгого запрещения ввоза готовых шелковых тканей в 1765 г. увеличивали издержки производства, суживая рынок в самый момент эпохи великих механических изобретений. Они мешали какому бы то ни было серьезному росту потребления шелка и лишали его всякой возможности выдерживать конкуренцию более молодой и более предприимчивой хлопчатобумажной промышленности. После введения в начале девятнадцатого столетия печатания в красках, бумажные ткани вытеснили шелк на многих рынках.

Даже на фабриках более грубых шелковых тканей, где ткацкие машины с успехом применялись с ранних пор, медленный прогресс «трощения» значительно замедлил расширение производства, и после отмены в 1826 г. пошлин на ввоз шелка число тростильных фабрик все еще не могло итти в ногу со спросом со стороны ткачей [1]).

Последовательное усовершенствование тростильных фабрик и применение остроумных ткацких машин Джекарда и позднейших усовершенствователей сообщили многим из отраслей этого производства в течение последних пятидесяти лет широкое развитие.

Однако, следующие статистические данные потребления сырого и крученого шелка от 1765 г. до 1844 г. показывают, как слабо и неравномерно развивалась эта промышленность в Англии в течение эры великих изобретений и применения паровых двигателей, и как разрушительно влияли на эту отрасль производства налоги на сырой и крученый шелк.

---

[1]) Porter, «Progress of the Nation», стр. 219.

Средние данные ввоза[1]).

Годы.	Фунты.	Годы.	Фунты.
1765		1823	2.468.121
1766	715.000	1824	4.011.048[2])
1767		1825	3.601.058
1785		1826	2.253.513
1786	881.000	1827	4.213.153
1787		1828	4.547.812
1801		1829	2.892.201
до	1.110000	1830	4.693.517
1812		1831	4.312.330
1814	2.119.974	1832	4.373.247
1815	1.475.389	1833	4.761.543
1816	1.088.334	1834	4.522.451
1817	1.686.659	1835	5.788.458
1818	1.922.987	1836	6.058.423
1819	1.848.553	1837	4.598.859
1820	2 027.635	1838	4.790.256
1821	2.329.808	1839	4.665.944
1822	2.441.563	1840	4.819.262

В льняной промышленности искусственное поощрение ирландской промышленности, которая, существуя привилегиями и монополией британского рынка, естественно медленно воспринимала новые способы производства, и непрочность положения английского производства, вследствие жестокой конкуренции хлопка, мешали быстрому усвоению новых машинных методов производства. Хотя Адам Смит и считал лен многообещающей отраслью производства, оно все еще оставалось в первобытном состоянии. Только к самому концу восемнадцатого столетия в Англии и Шотландии появились льнопрядильни, и только после 1830 г. был введен механический ткацкий станок; а в Ирландии прядильные машины, в размерах достаточных для снабжения ткацких станков, были введены гораздо позднее.

Мы видим, что этот первый период опытов хлопчатобумажной промышленности не отразился ощутительным образом на размерах

---

[1]) Данные выбраны у Портера, стр. 218.

[2]) В 1824 г Хэскиссон ввел принцип свободы торговли, что уменьшило пошлины на сырой и крученый шолк, а в 1825 и 1823 гг. было проведено дальнейшее значительное понижение (ср. Ure «Philosophy of Manufacture», стр. 454 и т. д.), но охрана английских шелковых товаров продолжалось до торгового договора с Францией в 1860 г.

промышленности. Период между 1700 г. и 1750 г. был периодом застоя [1]). Шерстяная промышленность значительно выросла благодаря самолетному челноку. Сильный рост хлопчатобумажной промышлености в 1770 — 90 гг. показывает нам значение механических изобретений, действующих без помощи нового двигателя. Результаты введения парового двигателя смогли вполне проявиться только впоследствии, благодаря войне с Францией. Хотя 1800 г. отмечает начало крупного и постоянного роста как в хлопчатобумажном, так и шерстяном производстве, однако только в 1817 г., когда новый двигатель утвердился во всех крупных промышленных центрах и население могло вернуться к мирным занятиям, новые силы развернулись полностью. Период, начинающийся с 1840 г., характеризуется влиянием революции в торговле, вызванной применением нового двигателя к целям транспорта, связанным с этим удешевлением сырья, особенно хлопка, открытием новых рынков для закупки сырых материалов и продажи изделий промышленности. Уменьшение издержек производства и рост спроса на мануфактурные изделия вызвал в текстильной промышленности быстрый рост вследствие открытия первых английских железных дорог и появления пароходного сообщения.

§ 8. Развитие текстильной промышленности, особенно хлопчатобумажной, было вызвано изобретением новых машин. Новый двигатель ускорил распространение этих машин и облегчил их применение. Железнодорожная промышленность развивалась в обратном порядке. Она обязана своим значением в первую очередь открытию нового двигателя. Механические изобретения в производстве железа стимулировались запросами, предъявленными новым двигателем.

В 1740 г. трудность получить достаточное количество леса и неудача попыток утилизировать каменный уголь, держала железоделательную промышленность на очень низком уровне. По словам Скривенера, в это вермя «производство железа чахло, незначительное и презираемое» [2]).

Первые ступени подъема железоделательной промышленности после такого упадка характеризуются увеличением потребления каменного угля и уменьшением потребления древесного угля.

Ход процесса был следующий:

(1) Применение первых уаттовских усовершенствований машины Ньюкомена, патентованной в 1769 г., сопровождалось увеличением средней выработки печей, работавших древесным углем. Средняя выработка возросла с 294 тонн в 1750 г. до 545 тонн в 1788 г.

(2) Замена древесного угля коксом, происходившая одновременно с усовершенствованием методов плавления, дала в 1788 г. среднюю выработку работавших на коксе печей в 903 тонны. К этой

[1]) Cp. Ure, «History of the Cotton Manufacture», том I, стр. 223.
[2]) Scrivener, «History of the Iron Trade», стр. 56.

поxе относится и изобретение Корта в области пуддлингования и рокатки (патенты 1783—84 гг.), которые произвели революцию производстве полосового железа.

(3) Введение уаттовской машины двойного действия 1888—890 гг. В 1796 г. производство чугуна в болванках было вдвое ольше, чем в 1788 г., и средняя выработка с печи поднялась до .048 тонн.

(4) Замена холодного дутья горячим в 1829 г., давшая эконоию угля до 2 тонн 18 центнеров на тонну чугуна.

(5) Пользование сырым углем вместо кокса в 1833 г. вызвало альнейшее сокращение расходов топлива с 5 тонн 3½ центнеров до тонн 5¼ центнеров на 1 тонну чугуна.

Таковы были главнейшие этапы развития нашей железоделательой промышленности. Следующая таблица показывает рост произодства железа в Англии с 1740 г. до 1840 г.

Годы.	Число печей.	Средняя выработка в тоннах.	Общая продукция в тоннах.
1740	59	294	17.350
1788	77	909 кокса 545 древ. угля	61.300
1796	121	1048	125.079
1806	133	1546	258.206
1835	364 (261 домна).	2228	703.184
1828	365 (277 домен).	2530	—
1839	378	3592	1.347.790

Мы видим здесь, что экономия энергии больше способствует развитию промышленности, чем усовершествование машин, или, точнее, что экономия энергии опережает и вызывает те или иные шаги области усовершенствования техники.

Замена древесного угля коксом и применение силы пара не только чрезвычайно увеличили размеры производства, но и отразились на местах его концентрации. Суссекс и Глаучестер — два главых графства по производству железа, когда источником энергии ыл лес, потеряли всякое значение в 1796 г., когда главным услоием развития стала возможность получать уголь. Следует отметить, что в 1796 г. во главе железоделательной промышленности тояли четыре округа: Стаффорд, Йоркшир, южный Уэлльс и Салоп.

Открытие горячего дутья и замена кокса сырым углем, совпавшие с началом постройки железных дорог, кладут начало новой связи между отраслями промышленности в век машинного производства.

Железо стало основой каждой отрасли машинной промышленности. Металлообрабатывающая промышленность, такая ничтожная в восемнадцатом столетии, достигла в девятнадцатом небывалого роста первостепенного значения.

Применение машин в металлообрабатывающей промышленности дало в этом столетии гениальную творческую работу изобретателей, не менее замечательную, чем изобретения в текстильной промышленности восемнадцатого века.

«В текстильной промышленности усовершенствование машин потребовало сначала нового двигателя; в металлическом производстве новый двигатель сделал необходимым усовершенствование машин... Старое ремесленное оборудование очевидно устарело для всех современных целей. Непосредственным результатом этих запросов было появление ряда замечательных людей — Бриндлея, Смитона, Модслея, Клеменца, Брама, Насмиза и т. д. Они выработали механизм соответственной мощности и точности для работы новым двигателем, и конечным результатом этого был переход крупных инструментальных и инженерных мастерских, а также и самих металлообрабатывающих мануфактур к современной фабричной системе. «Так выросла постепенно» — говорит Джексон — «система машинного труда, замена человеческих рук железными руками, без которой было бы невозможно машиностроение в его современном виде» [1]).

В течение следующего периода развития машинного производства придавалось все большее значение усовершествованию машиностроения. Великие изобретения, соединенные с именами Модслея и Насмиза, удешевление стали при помощи Бессемеровского процесса и различные шаги, при помощи которых в машиностроении машинное производство заменяло ручное, — все это оказывало косвенное, но быстрое и сильное влияние на каждую отрасль машинного производства, занятого изготовлением благ, предназначенных для непосредственного потребления человека. Экономия промышленной энергии требует, чтобы все большая и большая доля творческого гения и предприимчивости отдавалась постоянному вытеснению ремесла машиной в машиностроительном деле, и все меньшая доля ее шла на сравнительно неважную работу усовершенствования машинного оборудования в детальных процессах каждого производства, занятого непосредственным удовлетворением каких-либо человеческих потребностей.

Общий обзор развития новых способов производства в текстильной и железоделательной промышленности обнаруживает три периода необычайной активности развития современной промышленности.

[1]) Cooke Taylor, «Modern Factory System», стр. 164. Ср. также Karl Marx, «Capital», стр. 381.

Первый — от 1780 г. до 1795 г., когда созрели плоды первых изобретений благодаря успешному приложению силы пара к машинному производству. Второй — от 1830 г. до 1845 г., когда промышленность, оживая после европейской завирухи, начала шире использовать новые изобретения и расти под влиянием новых стимулов, сообщенных паровым транспортом. Третий период — от 1856 г. до 1866 г. (приблизительно), когда постройка машин при помощи машин стала твердо установленным принципом промышленности.

§ 9. Принимая во внимание, что изобретение новых специальных форм машин в различных производственных процессах происходит одновременно с применением новой двигательной энергии, мы не в состоянии определить ту сумму промышленного прогресса, которая приходится на долю каждого из этих моментов; но поскольку вся современная промышленность находится в зависимости от своего нового фундамента — угля и железа, — очевидно, что нити, связующие такие отрасли промышленности, как текстильная и железоделательная, должны становиться все теснее и крепче. В прежние времена взаимная зависимость отраслей производства друг от друга была слабой и косвенной, и прогресс каждой отдельной отрасли зависел почти исключительно от развития специфической сноровки или приложения специальных механических изобретений. Но начало восемнадцатого века развило, несомненно, чрезвычайную деятельность в области этих специальных форм изобретений. Для примера стоит только обратиться к шелкопрядильне Ломба в Дерби, к булавочной фабрике, ставшей знаменитой, благодаря Адаму Смиту, к фабрике скобяных изделий Болтона в Сого и к известным открытиям Ведвуда. Но весь этот рост производительности, вызванный этими специальными усовершенствованиями, совершенно несравним с тем ростом, который явился результатом открытия пара, как источника энергии и механических изобретений, обеспечивших ему повсеместное применение, что характеризует период с 1790 г. по 1840 г. Этим путем различные специальные отрасли промышленности были связаны тесным единством и стали базироваться на общей основе техники горного дела, обработки железа и инженерного дела, которой им нехватало раньше.

Из этих соображений следует, что путь, каким различные отрасли промышленности подпали под власть современных способов производства сильно зависит от их приспособленности к пользованию работающими паром машинами. Главными характерными чертами данного производства, которые определяют ход, размеры и темп машинного прогресса этой отрасли, являются следующие:

(а) Размеры и сложность организации. — Значение различных основных текстильных производств, тот факт, что некоторые из них были чрезвычайно централизованы и уже перешли к фабричной системе, под управлением богатых и интеллигентных предпринимателей, — являются главными причинами, давшими возможность новым машинам и новому двигателю утвердиться в них

быстрее и успешнее, чем в мелких, более разбросанных и менее развитых отраслях.

(b) Количественная и качественная определенность спроса. — Машинное производство специально приспособлено для выполнения однородной работы. Машины можно с выгодой применять там, где есть постоянный спрос на те же самые сорта товаров. Там, где мода колеблется, или где индивидуальный вкус потребителя играет большую роль, машина не может привиться так легко. В текстильной промышленности есть много отделов, где машина не имела успеха. Фабрикация многих сортов кружев, вышивок, некоторых тонких тканей все еще производится руками человека при помощи сложных машин, или без них. В требующих большого искусства отраслях портняжного, сапожного дела и других видов изготовления одежды индивидуальный характер спроса, т.-е. элемент нерегулярности, ставит границы применению машин. Те же причины заставляют в некоторых случаях соединять двигательную силу человека с управлением сложными машинами, как это бывает при швейной машине.

Однородность спроса является первым необходимым элементом «стандартизации», которая дает возможность машине выполнять данный процесс. Во многих производствах, где механические методы очень развились, полной стандартизации все еще нельзя достичь. «Сомнительна возможность стандартизации судостроения, по крайней мере в такой степени, какой мы уже достигли при постройке мостов, паровозов и неподвижных установок. Современный пароход является более сложной конструкцией, чем локомотив или мост, и хотя в производстве некоторых сооружений стандартизация может найти гораздо большее распространение, чем теперь, несомненно, что в современной практике стандартизация не всегда бывает наиболее распространена в изготовлении кузовов и судовых механизмов, за исключением тех случаев, когда суда строятся по определенному стандарту осмотров и чтобы подойти под низкие ставки страховых тарифов [1]).

(c) Однородность материала и производственных процессов. — Органическая иррегулярность материала является препятствием для применения машин, поэтому к сельскохозяйственным процессам медленно прививалась паровая энергия, особенно к тем, которые непосредственно связаны с обработкой почвы. И даже там, где работающие паром машины применяются, их выгодность по сравнению с ручным трудом менее заметна, чем в промышленности. Пар и другие виды механической энергии медленнее и с меньшими результатами применялись при добыче угля и других минералов, чем после извлечения их из земли. Вытеснение менее однородного материала — дерева — более однородным — сталью при сооружениях, изготовлении железнодорожных вагонов, барж, судов,

[1]) Charman, «Foreign Competitian», стр. 106.

мебели и т. д. связано с большим прогрессом машинного производства.

(d) Предохранение от порчи ценных продуктов. — Производство быстро портящихся продуктов, будучи по необходимости местным и непосредственным во времени, требует большого количества человеческого труда, который не может быть выгодно заменен машиной или широко пользоваться ее помощью. Работа мясника и пекаря медленно поддавалась машинизации. Там, где мясное дело стало до некоторой степени машинным производством, прямой причиной этого явилось открытие консервирующих процессов, которые уменьшили возможность порчи мяса. Что касается других пищевых производств, то только быстрота современного транспорта дала им возможность постепенно перейти к машинному производству. До совсем недавнего времени печение и более тонкие виды продуктов хлебопечения были чисто местными и ремесленными изделиями.

(e) Легкость или несложность трудового процесса. — Там, где можно получить в изобилии необходимый для работы дешевый труд, особенно в отраслях, где широко пользуются женским и детским трудом, развитие машинного производства шло в общем медленнее. Это обстоятельство в соединении с фактором (b) или (c) сохраняет данную отрасль промышленности в стадии производства «на дому». Громадная масса главным образом «нерегулярной» работы, требующей известной тонкости манипуляций, легко достигаемой благодаря небольшому их количеству и не требующей мускульной силы или уменья, осталась вне машинного производства. Важные отрасли промышленности, в состав которых входят такого рода процессы, медленнее переходили к законченным формам фабричной системы. Этим обстоятельством объясняется медленное развитие механического ткацкого станка в хлопчатобумажном и шерстяном производстве вплоть до периода, начавшегося после 1830 г. Вязальный станок еще дольше выдерживал борьбу с машинами, а в различных процессах обработки шелка ручной труд до сих пор играет большую роль. Даже в наше время в самом центре фабричной системы Болтоне мы встречаем кое-какие запоздалые пережитки старинного ручного ткачества [1]).

(d) Ремесленное искусство. — Большое уменье в обращении и операциях с материалом, элемент искусства в работе ремесленника дает ремеслу преимущество над самой искусной машиной, или над машинами, которые экономически в состоянии конкурировать с ремесленником. В некоторых металлических производствах, в гончарном и стекольном производстве, есть много процессов, где нельзя было обойтись без человеческого искусства. Кроме того, в этих отраслях производства развитию больше способствовали специальные изобретения, чем общеупотребительные машины и дви-

[1]) Schultze-Gaevernitz, стр. 140.

гатели, которые здесь непригодны в крупном масштабе для большинства важных процессов.

§ 10. Новые промышленные силы, впервые нашедшие себе применение в бумагопрядильном производстве южного Ланкашира и быстро проложившие себе дорогу в других отраслях текстильного производства, изменив затем более постепенно способы производства скобяных товаров, машин и других основных отраслей английской промышленности, перешли на западную часть Европейского континента и в Америку [1]), разрушая старую домашнюю промышленность и утверждая во всех цивилизованных странах царство паровых машин.

Факторы, определявшие порядок и темп нового развития, были в различных странах разнообразны и сложны. Изучая ход машинного развития, надо помнить, что в начале эпохи великих изобретений различные страны стояли не на одинаковом уровне. В начале восемнадцатого столетия Англия утвердила своего рода преобладание в торговле. Рост ее колониальных владений со времени революции и ее энергичная и удачная морская политика дали ей возможность перегнать Голландию. Хотя, как мы видели, фактическая сумма внешней торговли наиболее передовых коммерческих стран восемнадцатого века составляла лишь очень небольшую часть их внутренней торговли, развитие английского текстильного экспорта шло так быстро, что сыграло большую роль, не только создавая в соответственных отраслях промышленности новые процессы машинного производства, но и вызывая косвенно развитие производства железа и судостроения. В 1729 г. для целей судостроения в Англию ввозилось, по большей части, шведское железо из Готенбурга [2]). К концу семнадцатого столетия Грегори Кинг ставил Англию, Голландию и Францию в смысле продуктивности их труда [3]) во главе промышленных стран. Италия и Германия очень мало отстали от них в отношении способов производства, хотя господство на море и колониальное владение давали преимущество в торговле вышеуказанным странам. В 1760 г. Англия укрепила свое положение во внешней торговле, и ее шерстяная промышленность стала самой крупной и высоко развитой промышленностью мира. Но что касается самой производственной техники Англия не настолько превзошла другие страны, чтобы она могла надеяться на то положение, которое она получила к началу девятнадцатого

---

[1]) «Только около 1840 г. фабричный способ производства получил широкое распространение в различных отраслях промышленности и начал быстро вытеснять с рынка продукты ручного труда, которыми до тех пор снабжало себя, по преимуществу, каждое общество. Не лишено вероятности, что только в 1850 г. главная масса общего производства Соединенных Штатов велась в мелких мастерских и в домашнем хозяйстве при помощи труда членов семьи или отдельных хозяев с помощью учеников». (Двенадцатая перепись, том VII, стр. 51).

[2]) Yeats, «The Growth and Vicissitudes of Commerce», стр. 248.

[3]) Средний доход на душу в Англии он принимал в 1888 г. в 7 ф. 18 ш., в Голландии 8 ф. 1 ш. 4 п, во Франции 6 ф. — (стр. 47), но эти данные не имеют большой ценности.

столетия. Во многих областях текстильной техники, особенно в шелкопрядении и окраске, в гончарном, типографском и других производствах континент проявил больше творческого гения и больше искусства. А priori не было никаких оснований к тому, чтобы Англия так далеко оставила за собой своих конкурентов.

Главные факторы, определяющие ход развития современных методов производства в различных странах, делятся на естественные, политические и экономические.

(а) Естественные факторы. 1) Структура и положение отдельных стран. — Островной характер Великобритании, ее естественные данные в смысле получения сырого материала для производства и иностранного продовольствия, дававшего возможность ее населению специализироваться на промышленных занятиях, количество и разнообразие легко доступных рынков для ее изделий давали ей громадное преимущество перед другими странами. Прибавьте к этому умеренный климат, прекрасные внешние пути сообщения по рекам (и каналам) и отсутствие горных хребтов, мешающих сообщению между различными округами. Эти преимущества играли сравнительно большую роль до организации парового транспорта, но они оказали большую услугу и в смысле облегчения устройства хорошего парового сообщения в Англии. Протяженность береговой линии и хорошие гавани в значительной степени направляли развитие современной промышленности, давая Англии, Голландии, Франции и Италии преимущества, которых еще не в состоянии были уравновесить нивеллирующие тенденции современного машинного производства. Медленное развитие Германии до недавнего времени и все еще медленное развитие России объясняется больше этими физическими препятствиями свободе внешних и внутренних путей сообщения, чем какой-либо другой причиной. Органические ресурсы почвы, пригодность ее для земледелия, близость больших запасов угля, железа и других продуктов, необходимых для машинного производства и добывания энергии, являются важными условиями прогресса. Развитие машинного производства во Франции особенно замедлилось, отчасти благодаря медленности открытия ее естественных промышленных районов, тех округов, где уголь и железо расположены близко друг к другу в легко доступном виде. Это же относится к Германии и Соединенным Штатам. В конце последнего столетия, когда железоделательная промышленность Англии быстро развивалась, производство железа во Франции все еще было ничтожно и чрезвычайно слабо прогрессировало в течение первых годов девятнадцатого века [1].

(2) Расовый и национальный характер. — Расовые свойства, тесно связанные с климатом и почвой, оказывают громадное влияние на развитие промышленности. Мускульная сила

[1] В 1810 г. общая продукция составляла . . 140.000 тонн.
» 1818 г. » » » . . . 114.000 »
» 1824 г. » » » . . . 164.000 »
(Scrivener, «History of the Iron Trade», стр. 153).

и физическая выносливость, свойственная умеренному климату, дают равномерность и постоянство силе физического напряжения; любовь к материальному комфорту способствует предприимчивости и изобретениям; жажда накопления и стремление проявить себя во вне; моральная способность к труду, к честности, к упорядоченному сотрудничеству; все эти основные факторы определяли способность и склонность отдельных народов к восприятию новых способов производства. Несомненно, что моральные качества рабочего населения Англии сыграли большую роль в завоевании ею господствующего положения. «Британскую торговую марку считали гарантией превосходного качества, между тем как к продуктам других стран относились подозрительно, что вполне оправдывалось их худшим качеством, проверенным на опыте» [1]). Таким образом, наиболее культурные народы извлекали выгоды из своей цивилизованности, и расстояние, отделявшее их от менее цивилизованных, увеличивалось. Англия, Франция, Германия, Голландия и Соединенные Штаты гораздо дальше ушли в отношении богатства и способов производства от Испании и России, чем сто лет назад.

(b) Политические факторы. — Правительственная политика играла большую роль в ходе и темпе промышленного прогресса. Обширные колониальные владения и другие политические связи в различных частях мира, охватывающие чрезвычайно разнообразные материальные источники, дали громадное преимущество Англии и в меньшей степени Франции, Голландии и Испании. Тиранические методы, которыми пользовались эти народы в отношении своих колоний, чтобы создать промышленность в метрополии, дали им возможность широкого и безопасного развития тех отраслей, в которых прежде всего были применены новые способы производства. Даже после отделения северо-американских колоний политика репрессий, которую Англия применяла по отношению к их нарождающейся промышленности, дала ей возможность удержать за собой в значительной степени рынки, созданные таким образом для изделий ее промышленности.

Крупные аннексии, сделанные Англией в течение восемнадцатого и начале девятнадцатого века, дали ей на многих лучших рынках монополию на покупку сырья и сбыт изделий промышленности. Такой большой спрос на текстильные и металлические товары не только стимулировал новые изобретения, но дал ей возможность утилизировать многие усовершенствования, которые было выгодно применять только в крупных производствах с большим и обеспеченным рынком.

Но важнейшим фактором, обусловившим первенство Англии, было политическое состояние континентальной Европы как раз в тот период, когда новые машины и двигатели начали завоевывать доверие новому промышленному строю. В то время как тонкопрядильная машина Кромптона, механический ткацкий станок Картрайта

---

[1]) Yeats, «Growth and Vicissitudes of Commerce», стр. 285.

и машины Уатта преобразовывали английскую промышленность, ее соперники на континенте тратили всю свою энергию на войны и политические революции. Соединенные Штаты и Швеция, оставаясь нейтральными, были единственными сколько-нибудь значительными торговыми странами, получавшими от европейской завирухи крупные непосредственные выгоды. Но Англия, несмотря на колоссальные потери кровью и деньгами, далеко обогнала, благодаря развитию нового двигателя, конкуренцию этих государств. Хотя ей пришлось дорого заплатить за безопасность от нападения, она обеспечила себе этим громадные выгоды в области современного машинного производства. До 1320 г. она была хозяином положения. Она имела на деле монополию на торговлю в Европе изделиями своей быстро развивающейся хлопчатобумажной промышленности.

Именно эта монополия, используемая без всяких церемоний, чтобы удержать цены на самом выгодном уровне и понижать заработную плату до голодного уровня, создала в век максимальной и почти всемирной нищеты масс колоссальные состояния хлопчатобумажных королей. Только после установления мира текстильные и прочие фабрики появились на континенте, и много лет прошло, прежде чем они могли успешно конкурировать с Англией. Швейцария была первой континентальной страной, усвоившей на деле новые способы производства. Большое количество водяной энергии сослужило ей хорошую службу, и народ охотнее переходил к фабричной системе, чем в других странах [1]). Франция развивалась медленнее, несмотря на строгую протекционистскую систему, которой она стремилась, — хотя и без большого успеха, — изгнать английские хлопчатобумажные товары. Падение цен и прибылей в английской хлопчатобумажной промышленности между 1820 и 1830 гг. определенно отмечает крушение английской монополии под влиянием дешевого труда в Эльзасе и дешевого сырья в Соединенных Штатах, организованных теперь по фабричной системе с новыми машинами [2]). В этой наиболее передовой отрасли промышленности впервые ясно выявилась мировая конкуренция, действующая теперь в тысяче различных производств, измеряющая и нивеллирующая экономические выгоды. И в 1836 г. Юр отмечает успешную конкуренцию континентальных стран и Америки с Англией на таких рынках, которые до тех пор принадлежали ей одной.

(с) Экономические условия. — Преобразование английского сельского хозяйства и рост крупных ферм погнали в го-

---

[1]) Schultze-Gaevernitz, «Der Grossbetrieb», стр. 48.

[2]) Эллисон в «Истории хлопчатобумажной промышленности» приводит следующую интересную таблицу (пряжа, 40 мотков на 1 англ. фунт).

	1779		1784		1799		1812		1830		1882	
	ш.	пен.	ш.	пен.	ш.	пен.	ш.	пен.	ш.	пен.	ш.	пен.
Продажная цена	16	0	10	11	7	6	2	6	1	2½	0	10½
Стоимость хлопка (18 унц.)	2	0	2	0	3	4	1	6	0	7¾	0	7½
Труд и капитал	14	0	8	11	4	2	1	0	0	6¾	0	3¾

рода громадные массы английского крестьянства и доставили новому машинному производству громадный запас дешевой рабочей силы. Это движение ускорилось благодаря недостаткам наших земельных отношений. Во Франции и Германии, где сельское население было больше заинтересовано в земле и в большей степени являлось ее собственником, фабрика не так легко отрывала его от нее. Но в Англии, где рабочий не имел земельной собственности, новые методы земледелия вместе с законом о бедных побуждали крупных земельных собственников и фермеров избавляться от излишнего населения в сельских местностях и ускорили миграцию в города. Здесь население росло с неслыханной дотоле быстротой. Рост населения в Англии и Уэлльсе за тридцать лет, — от 1770 до 1800, — исчислялся в 1.959.590 или 27,1 процентов, между тем как в течение следующих тридцати лет, от 1800 до 1830, он поднялся до 5.024.207, или $56^3/_5$ процента [1]). Этот большой запас дешевого труда в городах дал возможность фабрикам Ланкашира и Уоркшира развиваться с поразительной быстротой. Опустошение, произведенное наполеоновскими войнами, политические неустройства и отсутствие безопасности, господствовавшие на континенте, надолго задержали успешное развитие конкуренции других европейских стран, которые отстали от Англии в искусстве, знаниях, обладании рынками. Американская промышленность, выросшая после революции, сделала большой шаг вперед, но завоевание и заселение новых пустынных территорий и колоссальные возможности производства сырья задержали развитие ее промышленности надолго после начала девятнадцатого века. Только около 1840 г. хлопчатобумажная промышленность начала развиваться в Соедин. Штатах быстрыми шагами. В течение предыдущих двадцати лет прогресс был очень невелик, но между 1845 г. и 1859 г. начался значительный и, принимая во внимание колебания урожая хлопка, довольно постоянный прогресс [2]).

Другим большим экономическим преимуществом Англии было то обстоятельство, что она больше чем какая-либо другая европейская страна разрушила старый промышленный строй с его гильдиями, тщательно разработанной системой ограничений и консервативностью методов. Личная свобода, неприкосновенность собственности, свобода жить и работать в любом месте и в любой профессии существовали в Англии в неизвестных континенту до Французской революции размерах. Следующее описание положения германской хлопчатобумажной промышленности в восемнадцатом веке указывает, какое препятствие стояло на пути преобразованиям способов производства: — «все делалось по правилам, прядение подлежало официальной инспекции и пряжу собирали чиновники. Привилегии на ткачество ограничивались только членами гильдий. Методы производства были точно предписаны; официальные инспектора

---

[1]) Porter, «Progress of the Nations», стр. 13. Но цифрам восемнадцатого столетия нельзя доверять. Первая перепись была в 1801 г.

[2]) Ure, «Philosophy of Manufactrue», стр. 531.

контролировали их. Недостатки в ткачестве проверялись и наказывались. Кроме того право торговли хлопчатобумажными товарами ограничивалось членами гильдий и купцами; быть мастером-ткачом почти значило занимать общественную должность. Кроме других видов квалификации, условием ставился формальный экзамен. Продажа также совершалась под строгим надзором: в течение долгого времени господствовали твердые цены, и каждому торговцу был официально предписан определенный максимум проданных товаров. Торговец должен был предлагать свои товары ткачу, потому что последний гарантировал ему монополию экспорта» [1]).

При таких условиях новое машинное производство не могло развиваться как следует. За исключением шерстяной промышленности, Англия уже до 1770 г., по большей части, отбросила старое регулирование. В частности хлопчатобумажная промышленность, шедшая во главе движения, благодаря своему недавнему развитию и местонахождению вне гильдейских городов, никогда не знала таких ограничений и поэтому перешла к новому строю гораздо легче, чем более старые производства. Кроме того Англия была свободна от бесчисленных и раздражающих местных пошлин и ограничений, господствовавших во Франции и в мелких государствах Германии. Хотя большая часть этого глупого и вредного регулирования была уже давно сметена в Германии и других континетальных странах, их задерживающее влияние, вместе с широким применением системы протекционизма, — все еще существующей, — не давало развиваться хлопчатобумажной промышленности, так что Германия все еще в этом отношении далеко отстает от Англии [2]).

Следующие цифры показывают, какое господствующее положение занимала Англия в хлопчатобумажной промышленности незадолго до середины столетия.

Число веретен на хлопчатобумажных фабриках в 1846 г.
(по Ure, «Philosophy of Manufactures», стр. 515.)

Англия и Уэлльс	15.554.619
Шотландия	1.727.871
Ирландия	215.503
Австрия и Италия	1.500.000
Франция	3.500.000
Бельгия	420.000
Швейцария	650.000
Россия	7.585.000
Соединенные Штаты	3.500.000
Государства таможенного союза	815.000
	35.467.993

[1]) Schultze-Gaevernitz, «Der Grossbetrieb», стр. 34.

[2]) В 1882 г. 42 процента германской текстильной промышленности все еще производилось на дому или в домашних мастерских и только 38 процентов производилось на фабриках, где работало больше 50 рабочих. Все еще больше ткачей работало на ручных станках, чем на механических; а этот последний был так

Считаясь со всеми неизбежными неточностями такой таблицы, можно с полным правом считать, что в средине столетия Великобритания производила половину хлопчатобумажной пряжи всего цивилизованного мира.

Наконец, английская торговая политика давала громадное преимущество развитию машинного производства. Прежняя протекционистская система положила, благодаря расширению ее транспортного посредничества и росту ее колониальных владений, основу широкой сложной торговле с отдельными частями света, хотя временно эта система и парализовала нашу европейскую торговлю.

Хотя несомненно, что благодаря этому политическому курсу мы приносили в жертву наши другие интересы, — в общем приходится допустить, что «английская промышленность не развилась бы так быстро без протекционизма» [1]). Но создав свою промышленность при помощи протекционизма, мы также, несомненно, сохранили и укрепили ее при помощи фритредерства — во-первых, понизив пошлины на сырье для машиностроения и обрабатывающей промышленности, а затем, допустив свободный ввоз продуктов питания, что было элементарно необходимо для нации, которая должна была специализироваться на промышленности. Франция, наш главный конкурент, ослабила свое положение двойной протекционистской политикой. Она не только отказывалась допускать на свои рынки иностранные изделия, но обложила большими пошлинами ввоз иностранного угля и железа — основных элементов машинного производства. Эта протекционистская политика народов, искусство, промышленное развитие и естественные богатства которых сделали бы их опаснейшими конкурентами английских фабрикантов, сильно мешала действию экономических сил, заставлявших старые и густо населенные страны специализироваться на торговле и промышленности, и тем задержала общее развитие современного машинного производства. Но хотя протекционистские тарифы несомненно действовали в этом направлении, определить размеры их влияния невозможно. В большом государстве с богатыми ресурсами возможна высокая степень промышленной специализации, несмотря на протекционистскую политику. Давление высокой заработной платы является самым сильным экономическим фактором, стимулирующим применение сложных машин [2]). Соединенные Штаты как

мало развит, что ручной станок все еще оправдывал себя при выработке многих изделий. Вязание, выделка кружев и другие второстепенные отрасли текстильного производства все еще были в своей главной массе домашней промышленностью. («Social Peace», стр. 113) «Между тем, как в Англии в 1885 г. каждая прядильная или ткацкая фабрика имела в среднем 191 рабочего, каждая германская прядильная фабрика имела в 1882 г. в среднем только 10 человек рабочих» (Brentano: «Hours, Wages and Production», стр. 64).

[1]) Toynbee, «Industrial Revolution», стр. 79.

[2]) Чрезвычайно высоко развитое американское машинное производство часов дает поразительный пример влияния высокой заработной платы. Ср. Schultze-Gaevernitz, «Social Peace», стр. 125.

в текстильной, так и железоделательной промышленности, дают примеры даже более прогрессивного фабричного развития, чем Англия.

Некоторые процессы снования и наматывания производятся в Америке машинами, в Англии же они все еще производятся ручным способом [1]). Производство цепей и гвоздей, в котором занято в Южном Стаффордшире и Ворчестершире большое количество женщин, в Америке производится дешевле машинами [2]). Кроме того более высокий жизненный уровень и бо́льшая сноровка американских рабочих дает им возможность управлять бо́льшим числом машин.

На германских фабриках ткач управляет двумя, редко тремя станками; в Ланкашире женщина справляется с четырьмя, а в Массачузетсе часто с шестью, а иногда и восьмью [3]).

Таким образом, мы видим, как ход развития новых промышленных сил определялся характером и условиями различных стран: их географическим положением и физическими ресурсами, элементами расового характера, политическими и хозяйственными учреждениями, обдуманной экономической политикой, а больше всего поглощавшими их военными и политическими событиями в момент, совпавший с разгаром изобретательского творчества. Сочетание этих сил определило различные линии наименьшего сопротивления, по которым развивалась новая промышленность.

Измерить такую многообразную величину невозможно. Желательно, однако, дать сравнительное изображение уровня современного промышленного развития, достигнутого главными цивилизованными странами мира. С этой целью мы выбрали критерием материального прогресса главные отрасли горной промышленности, производство железа и стали и важнейшие отрасли текстильной промышлености; транспорт представлен лучше всего статистикой железнодорожного сообщения и судоходства. Но потребление, на деле, более поучительно, чем производство, для характеристики истинного промышленного развития страны; поэтому мы добавили некоторые цифры, показывающие сравнительное потребление некоторых основных товаров в главных промышленных странах. И, наконец, мы выбрали кое-что из сравнительной статистики занятий, составленной на основании последних официальных сообщений министерства торговли.

Приложенные диаграммы и таблицы покажут нам: (1) сравнительное развитие главных промышленных стран в некоторых основных областях производства и потребления; (2) абсолютные размеры некоторых отраслей национальной промышленности.

---

[1]) Schochhof, «Economy of High wages», стр. 279.

[2]) Ibid, стр. 225, 226.

[3]) Schultze-Gaevernitz, стр. 66 (прим.); эта работа на шести или восьми станках отражается, однако, на быстроте.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ДИАГРАММЫ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕ НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ.

ЭКСПОРТ, ПРОМЫШЛЕННОСТЬ (в фунт. стерл.).

СОЕД. КОРОЛЕВСТВО	6,8
РОССИЯ	0,6
СОЕД. ШТАТЫ	3,9
АВСТРО-ВЕНГРИЯ	1,7
ФРАНЦИЯ	4,7
ИТАЛИЯ	1,7
ГЕРМАНИЯ	3,9
БЕЛЬГИЯ	10,5

ПРОТЯЖЕНИЕ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ (на 10.000 душ насел.)

СОЕД. КОРОЛЕВСТВО	5,28
СОЕД. ШТАТЫ	25,52
АВСТРО-ВЕНГРИЯ	4,66
ФРАНЦИЯ	7,46
ГЕРМАНИЯ	6,40
БЕЛЬГИЯ	6,05

ПРОИЗВОДСТВО СТАЛИ (в тоннах на душу).

СОЕД. КОРОЛЕВСТВО	0,120
РОССИЯ	0,014
СОЕД. ШТАТЫ	0,170
АВСТРО-ВЕНГРИЯ	0,030
ФРАНЦИЯ	0,040
ГЕРМАНИЯ	0,110
БЕЛЬГИЯ	0,100

ПОТРЕБЛЕНИЕ ПШЕНИЦЫ (фунтов на душу).

СОЕД. КОРОЛЕВСТВО	350
РОССИЯ	145
СОЕД. ШТАТЫ	274
АВСТРО-ВЕНГРИЯ	223
ФРАНЦИЯ	473
ИТАЛИЯ	283
ГЕРМАНИЯ	200
БЕЛЬГИЯ	418

ПОТРЕБЛЕНИЕ ЧУГУНА (тонн на душу).

КОРОЛЕВСТВО	0,18
ИЯ	0,02
ШТАТЫ	0,20
О-ВЕНГРИЯ	0,03
ЦИЯ	0,06
АНИЯ	0,14
ГИЯ	0,13

ПОТРЕБЛЕНИЕ КАМЕННОГО УГЛЯ (тонн на душу).

. КОРОЛЕВСТВО	3,89
ИЯ	0,15
. ШТАТЫ	3,30
РО-ВЕНГРИЯ	0,40
ЦИЯ	1,15
ИЯ	0,15
АНИЯ	2,70
ГИЯ	2,79

СЫРОЙ ХЛОПОК (в кипах).

Д. КОРОЛЕВСТВО	39
СИЯ	3
Ц. ШТАТЫ	26
ГРО-ВЕНГРИЯ	6
НЦИЯ	10
ЛИЯ	9
МАНИЯ	13
ЬГИЯ	11

Сравнительная таблица производства и пот на душу населения.

Страны.	Экспорт (отечеств. промышл.) в фунтах ст.	Железные дороги (протяжение на 10.000 насел.).	Сталь (продукция в тоннах на душу).	Пшеница (потребление в фунтах на душу).	Чугун (потребление в тоннах на душу).
Соед. королевство .	6,8	5,28	0,12	350	0,18
Россия	0,6	—	0,014	145	0,02
Америк. Соед. Штаты	3,9	25,52	0,17	274	0,20
Австро-Венгрия . .	1,7	4,66	0,03	223	0.03
Франция	4,7	7.46	0,04	473	0,06
Италия	1,7	—	—	283	—
Германия	3,9	6,40	0,11	200	0,14
Бельгия	10,5	6,03	0,10	418	0,13

Таблица занятий населения в (тысяч

Страны.		Хлопок.	Шерсть.	Горное дело.	Железо. Сталь. Машиностр.	Кожа.	Бумага.	Стекло.	Кирпич. Гонч. изд.
Великобрит. .	1901	606	252	872 (1903)	1.198	384	74	33	136
Соед. Штаты.	1900	331	135	518)[1] (1902)	1.150	329	72	61	122
Германия . .	1895	255	262	609 (1902)	1.115	555	85	58	223
Франция. .	1896	187	214	181 (1902)	573	323	52	39	80
Россия. . .	1897	360	151	377 (1900)	432	37	47	36	88
Голландия . .	1899	23	8	—	62	40	4	3	7
Бельгия . . .	1896	20	23	136 (1902)	119	58	9	23	23
Швейцария	1901	26	4	—	35	9	7	1	7
Австрия . . .	1900	111	53	74 (1902)	370	238	17	41	70
Швеция . . .	1901	11	11	—	60	6	14	6	70
Италия . . .	1901	171	78	63 (1902)	324	407	20	8	13
Япония . . .	1902	72	11	—	33 неполн.	—	7	—	37
Индия. . . .	1903	178	3	—	—	—	5	—	—

[1]) Только уголь.

Рост мировой продукции угля [1]).

Страны.	Среднее годовое увеличение продукции угля. Малые тонны в 2.000 англ. ф. (в тысяч.).			Общее фактич. количество в 1900 г.	Процентное отношение увеличения.		
	1870 до 1880	1880 до 1890	1890 до 1900		1870 до 1880	1880 до 1890	1890 до 1900
Соед. Штаты	3.468	8.623	11.191	269.683	94	121	71
Великобритания	4.092	3.880	4.879	252.203	33	24	24
Германия [2])	2.767	3.322	6.641	164.805	74	51	67
Франция	682	741	806	36.812	47	35	28
Австрия	711	1.401	1.269	43.011	77	86	42
Бельгия	352	384	340	25.856	23	21	15
Россия	283	306	1.117	17.799	385	85	168
Япония	—	292	526	8.187	—	—	180
Испания	—	1.336	134	2.947	—	—	120
Италия	9	28	11	530	137	170	27
Индия	1.000[3])	144	244	6.853	—	144	189
Канада	1.425[3])	143	312	5.322	—	119	71
Нов. Южн. Уэлльс	67	179	274	6.168	69	109	80
Нов. Зеландия	363[3])	38	51	1.225	—	142	72
Квинслэнд	4	31	18	557	160	483	47
Прочие страны	176	389	422	4.082	—	121	8

Уголь. Количество тонн, добытых в 1900 г.

Великобритания	252.000.000
Соед. Штаты	270.000.000
Германия	165.000.000
Франция	37.000.000
Австрия	43 000.000
Бельгия	26.000.000
Япония	8.000.000

[1]) «British Industries under Free Trade» (изд. Harold Co), стр. 351, Fisher Unwin.

[2]) Включая лигнит.

[3]) Итоговая продукция в 1890 г.; за декаду увеличения не было.

Сталь. Количество тонн, добытых в 1901 г.

Великобритания	4.904.000
Соед. Штаты	13.474.000
Германия	6.394.000
Франция	1.425.000
Австрия	1.500.000
Бельгия	653.000

Судостроение. Тоннаж судов от 100 тонн и выше, построных в 1900 г. по статистике Ллойда.

Соединенное королевство	1.459.407
Соед. Штаты	297.931
Германия	211.850
Франция	101.318
Австрия	14.945
Бельгия и Голландия	39.793
Япония	13.335

Торговый флот главных морских стран в миллионах тонн (паровой и парусный вместе).

Годы.	Соед. Королевство.	Брит. владения.	Германия.	Соединен. Штаты.	Франция.	Норвегия.	Италия.	Япония.
1850	3,6	0,7	—	1,6	0,7	0,3	—	—
1860	4,6	1,0	—	2,5	1,0	0,5	—	—
1870	5,7	1,4	0,9	1,5	1,1	1,0	1,0	—
1880	6,6	1,9	1,2	1,3	0,9	1,5	1,0	0,1
1890	8,0	1,7	1,4	0,9	0,9	1,7	0,8	0,1
1900	9,3	1,4	1,9	0,8	1,0	1,5	0,9	0,8
1901	9,6	1,5	2,1	0,9	1,1	1,5	1,0	0,9
1902	10,0	1,5	—	0,9	—	—	—	—

Паровой торговый флот главных стран в 1901 году.

	Тонн.
Соед. Королевство	7.617.793
Британские владения	571.836
Германия	1.506.659
Соед. Штаты	429.722
Франция	546.541
Норвегия	531.142
Италия	424.711
Япония	583.067

(Chiozza-Money, «Elements of the Fiscal Question», стр. 166—167.

ГЛАВА V.

РАЗМЕРЫ И СТРУКТУРА СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ.

§§ 1. Нормальное развитие предприятия. § 2. Факты сравнительной выгодности крупных и мелких предприятий в Соединенных Штатах. § 3. Данные относительно Великобритании, Германии и Франции. § 4. Процесс концентрации в транспортной промышленности. § 5. Процесс концентрации в банковом и страховом деле. §§ 6. Процесс концентрации в распределении. § 7. Процесс концентрации в сельском хозяйстве. § 8. Сохранение мелких ферм. § 9. Краткий обзор тенденций техники. § 10. Экономия производительных сил в крупном производстве. § 11. Экономия сил конкуренции. § 12. Сохранение мелких предприятий. § 13. Нездоровые пережитки мелкого потогонного производства. § 14. Общий обзор антагонистических тенденций. § 15. Типичные размеры предприятия.

§ 1. Насколько можно проследить в современной промышленности общую тенденцию к образованию больших единиц предприятий, в которых капитал играет сравнительно бóльшую роль, чем труд, и которые стремятся заменить конкуренцию различными формами промышленных объединений?

В нашем распоряжении находится статистический материал об увеличении размера предприятий, о растущем значении капитала, уменьшающемся числе промышленных предприятий, относящийся к различным отраслям производства.

Большинство материала заимствовано из сравнительного обзора двенадцатой переписи в Соед. Штатах и относится к производству. Мы находим там сравнение общих условий промышленного развития в различных отраслях и территориальных подразделениях производства за последнее десятилетие. Хотя некоторые изменения в методах нумерации, с одной стороны, и трудность точной регистрации, с другой, ослабляют точность данных [1]), эти ошибки не так велики, чтобы подорвать значение общих результатов обследования.

---

[1]) Сравнение переписей 1890 г. и 1900 г. сделано лучше, чем сопоставление 1880 и 1890 гг., в особенности в отношении капитала. Новый метод вычисления количества рабочих, занятых в 1900 г., получен с некоторым видоизменением из средних чисел обеих переписей. Кроме того, группы «мастеров» и надсмотрщиков», включенные в 1890 г. в рубрику «наемных рабочих» были в 1900 г. оттуда

Год.	Число предприят.	Капитал.	Число рабочих.	Стоимость продукта.
1900	512.191	9.813 834.310 долл.	5.306.143	13.000.149.159 долл.
1890	355.405	6.525.050.759 »	4.251.535	9.372.378.843 »
1880	253.852	2.790.272.606 »	2.732.595	5.369.579.191 »

На основании этой таблицы кажется, что в Соединенных Штатах средний размер предприятия увеличивается как в отношении капитала, так и в отношении труда; что капитал растет быстрее, чем труд, а стоимость продукта только успевает итти нога в ногу с трудом и отстает от роста капитала. Но на единице предприятия рост стоимости продукта сказывается несколько больше [1]).

Совершенно очевидно, что эти цифры не дают общего представления о быстрой концентрации капитала по всей американской промышленности. Имея в виду развитие промышленных комбинатов, которые отдали в руки нескольких громадных предприятий большую часть рынков в целом ряде отраслей промышленности, мы не можем не видеть в этом росте числа отдельных предприятий, в росте вдвое быстрейшем, чем рост американского населения, поразительного доказательства роста мелких предприятий [2]).

§ 2. Если при исследовании групп промышленности [3]) мы обратимся к тем группам, где капиталистические методы сделали наибольшие успехи, к текстильной, пищевой, железоделательной, сталеи металлообрабатывающей промышленности, к выделке кож, бумаги, средств передвижения, к типографскому и химическому производству, мы увидим следующее: в то время, как количество капитала на предприятие значительно возросло, а количество труда увеличилось еще более, общий прирост количества учреждений идет так же быстро, как и рост населения (исключая кожевенное производство): рост стоимости продуктов, хотя и был больше прироста числа предприятий, ни в одной из этих групп не может итти в ногу с ростом капитала.

В этих отраслях промышленности, являющихся капиталистическими по преимуществу, мы находим совершенно убедительные данные относительно жизненности и роста мелких мастерских — тенденция, обратная капиталистической концентрации. Текстильная промышленность, в которой раньше всего было применено ма-

---

[1]) Общее число промышленных предприятий увеличилось между 1880—1900 гг. на 101,8 процента, а общая стоимость продукта возросла на 142,2 процента.

[2]) Процентное отношение роста:

	Населения.	Промышленных предприятий.
1890—1900	20,7	44,1
1880—1890	24,9	40,0

[3]) Извлечение из двенадцатой переписи, табл. 156.

шинное производство и капиталистические методы, явно обнаруживает эти перекрещивающиеся тенденции, как это показывают следующие статистические данные.

Годы.	Число предприятий.	Капитал.	Число рабочих.	Стоимость продукции.
1900	30.048	1.366.604.058 долл.	1.029.910	2.273.880.877 долл.
1890	16.847	1.008 050.268 »	824.138	1.636.197.191 »
1880	14.137	594.922.734 »	710.493	1.171.165.325 »

Если вместо того, чтобы брать данные, относящиеся ко всей площади Соед. Штатов, мы ограничимся Северным Атлантическим районом (North Atlantic), в котором находится большая часть современного производства, мы не найдем разницы в тенденциях развития.

Годы.	Число предприятий.	Капитал.	Число рабочих.	Стоимость продукта.
1900	204.265	5.299.725.076	2.772.117	6.498.058.774
1890	162.796	3.548.288.553	2.317.736	4.896.743.650
1880	112.680	1.719.212.222	1.692.016	3.106.053.580

Суживая наше исследование еще более, ограничивая его самым промышленным штатом, Массачузетсом, мы увидим опять-таки, что несмотря на сильное увеличение количества капитала на предприятие, число предприятий также быстро растет, увеличиваясь фактически быстрее числа рабочих, и давая меньшую среднюю стоимость продукта на единицу предприятия.

Годы.	Число предприятий.	Капитал.	Число рабочих.	Стоимость продукта.
1900	29.180	823.264.287 долл.	499.448	1.135.198.989 долл.
1890	26.923	630.032.341 »	447.270	888.160.403 »
1880	14.352	303.806.185 »	352.255	631.135.284 »

И наконец, если мы согласимся с исследованием результатов переписи, сделанным Эдуардом Аткинсоном относительно типичных отраслей производства, каковы текстильная и сапожная в Массачузетсе, мы получим представление о сравнительном положении крупных и мелких предприятий, которое несомненно неблагоприятно для хозяйственной системы первых, ибо оно показывает преимущество экономического положения мелких мастерских как в отношении труда, так и капитала.

Текстильное и сапожное производства.

	Коллективное.	Индивидуальное.
Число предприятий	1.078	28.104
Машины и орудия (на предприятие)	76.400 долл.	4.200 долл.
Среднее число рабочих	186	10.370
Средняя заработная плата	393 долл.	503 долл.
Среднее количество продукта на человека	1.528 »	250 »

Беря обрабатывающую промышленность в Соединенных Штатах, как целое, мы видим убедительное доказательство, что не суще-

ствует общей тенденции замены мелких мастерских и домашней про мышленности крупными фабриками.

Несомненно, во многих отдельных областях или отраслях про мышленности закон выгодности крупных предприятий вполне дей ствителен, но в текстильном и сапожном производстве, как и во мно гих других, где фабричная система достигла уже своего полного развития, она поглощает только некоторую долю всего производства оставляя мелким мастерским и индивидуальным производителя значительную часть лучшей и худшей работы. Первая состоит и специальных заказов или процессов отделки, где требуется инди видуальное уменье и внимание, а последнее из низкопробной трафа ретной работы, где «потогонный» труд может вытеснить фабричны изделия.

Переходя от такого рода производств к тем, где целиком госпо ствует фабрика, мы увидим там веские данные за преимущест производства на широких началах. Примером служит произво ство сельскохозяйственных машин, типичная отрасль американско машинной промышленности. Здесь мы встречаем уменьшение числ предприятий при росте капитала и труда и соответственном увели чении стоимости продукции.

Производство сельскохозяйственных машин.

Год.	Число предприятий.	Капитал.	Число рабочих.	Стоимость про дукта.
1900	715	157.707.951 долл.	46.582	101.207.428 дол.
1890	910	145.313.997 »	38.827	81.271.651 »
1880	1.943	62.109.668 »	39.580	65.640.486 »

Почти во всех отраслях промышленности, связанных с произво ством железа и стали, обработкой металлов и машиностроением, пр являются те же тенденции; число предприятий не дает значител ного увеличения, иногда даже уменьшается, а капитал и продукц сильно увеличиваются.

Для иллюстрации этой истины достаточно одного примера пр изводства железа и стали.

Производство железа и стали.

Годы.	Число предприятий.	Капитал.	Число рабочих.	Стоимость про дукции.
1900	668	573.391.663 долл.	222.490	803.965.273 долл
1890	645	372.678.018 »	148.715	430.954.348 »
1880	1.005	230.971.884 »	140.978	296.557.685 »

Эта экономика крупного производства охватывает почти вс отрасли медного, ножевого, литейного, скобяного производства, сп циально железоделательную, сталеобрабатывающую промышле ность, ювелирное производство, изготовление музыкальных инстр ментов, швейных машин, огнестрельного оружия и судостроени Другими отраслями промышленности, в значительной степени по

чиняющимися тому же самому закону, являются производства: сапог и ботинок (фабричных изделий), кирпичей и черепицы, вагонов и экипажей, часов, химическое, бочарное, кожевенное, седельное производство, солодовые напитки, бумажная и древесная масса, гончарное изделие, мыло и свечи, курительный табак и зонтики.

§ 3. В основных отраслях промышленности Великобритании мы также находим большое количество разнообразных данных, подтверждающих действие тех же самых сил, хотя там мы не располагаем таким количеством упорядоченного цифрового материала. В основных отраслях текстильной и металлообрабатывающей промышленности, в мукомольном, пивоваренном, химическом, кожевенном, стекольном, гончарном, бумажном производстве и других отраслях машинного производства увеличились размеры отдельных мастерских, еще сильнее размеры отдельного предприятия, а рост капитала в отдельном предприятии опередил рост труда. При домашней текстильной промышленности стоимость орудий производства равнялась обычно всего лишь заработной плате за несколько месяцев. В 1845 г. Мак-Куллох вычислил, что постоянный капитал хорошо оборудованной английской бумагопрядильни составлял почти двухлетнюю заработную плату рабочего [1]). В 1890 г. профессор Маршал считает, что заводской капитал достигает приблизительно 200 фунт. стерл. или пятилетней заработной платы на каждого рабочего вполне оборудованной прядильни, будь то мужчина, женщина или ребенок [2]).

Фактический рост капитала, вложенного в хлопчатобумажную фабрику, т.-е. в наиболее типичную отрасль современной промышленности, иллюстрируется следующими цифрами увеличения среднего количеств веретен и ткацких станков на одной фабрике от 1850 до 1885 гг., хотя эти цифры не учитывают большей быстроты и продуктивности машинного труда.

Годы.	Веретена.	Ткацкие станки.
1850	10.858	155
1885	15.227	213

Даже эти статистические данные не отражают целиком действительности, ибо они включают большое количество фабрик старого типа, где еще объединены прядение и ткачество. Взяв достигшие более высокой специализации прядильни Ольдгамского района, Шульце-Геверниц (в 1882 г.) получил в среднем по 65.000 веретен на фабрику, при чем на самой большой из них было 185.000. Среднее число механических ткацких станков на фабрику равняется в Северном Ланкашире 600, при чем максимальное число станков на одной фабрике было 4.500.

Здесь, как и в других областях, развитие акционерных предприятий повлекло за собой гораздо более быстрый темп развития размеров предприятия, чем на отдельных заводах.

---

[1]) Porter, «Progress of the Nation». стр. 216.
[2]) «Principles of Economics» (second edition), стр. 282.

Пивоварение, перешедшее в течение двух последних поколений почти целиком в руки акционерных компаний, обнаруживает в значительной степени тенденцию к концентрации.

Следующие цифры показывают число обычных пивоваров или «пивоторговцев», как их называют, с 1850 г.

1850	44.300	1890	11.364
1860	39 948	1900	6.447
1870	32.682	1903	5.692
1880	21.346		

Германское пивоварение обнаруживает те же тенденции к концентрации: число пивоваренных заводов уменьшилось с 1.400 в 1872 г. до 1.050 в 1885 г., несмотря на сильное увеличение производства за этот период [1]).

Сравнение статистических данных германской промышленной переписи 1882 г. и 1895 г. бросает яркий свет на общие тенденции производства: в то время, как крупные предприятия растут более быстрым темпом, мелкие предприятия отнюдь не исчезают, а, наоборот, растут по отношению к народонаселению.

В то время, как прирост населения за этот период доходит до 13,5 процента, сравнительный рост числа мелких, средних и крупных предприятий дает следующие цифры:

	1882	1895	Процентное увеличение
Мелкие предприятия (от 1 до 5 человек)	2.457.950	3.056.318	24,3
Средние предприятия (от 6 до 10 человек)	500.079	833.409	66,6
Крупные предприятия (от 10 до 50 человек)	896.230	1.620.848	81,8

Хотя во Франции не существует статистики, дающей выражение новейшим тенденциям, но промышленная перепись 1896 г. показывает, что «la grande industrie» недалеко ушла вперед в производстве. Из общей суммы 575.531 предприятий 461.354 или $^4/_5$ всего числа имело не больше трех рабочих, а число крупных предприятий, имевших более 500 рабочих, не превышало 446.

Распределение по трем главным отраслям занятий населения дает следующую картину:

	Земледелие в процентах.	Промышлен. в процентах.	Торговля в процентах.
1 до 5 наемных рабочих	92,09	85,03	90,00
5 до 50 наемных рабочих	7,89	13,68	9,82
50 до 500 наемных рабочих	0,02	1,21	0,18
свыше 500 наемных рабочих	—	0,08	—
	100	100	100

[1]) Ср. Ely, «Monopolies and Trusts», стр. 188.

§ 4. Однако, наиболее ярких результатов концентрирующего влияния машинного производства надо искать не в области промышленности, а в области транспорта. Замена ломовых и дилижансов железной дорогой, а парусных судов пароходами, является самым крупным прогрессом современного капитализма. «Стоимость парохода равна, быть может, десятилетнему труду, если не больше, тех, кто их строил, а вложенный в железные дороги Англии и Уэльса капитал в 900.000.000 фунт. стерл. приблизительно равняется почти двадцати годам труда 400.000 человек, работающих на них» [1]). Тенденции этой области к концентрации доказываются тем фактом, что все частные железные дороги, — паровые или электрические, — являются акционерными предприятиями, и что весь морской транспорт, за исключением сравнительно уменьшающегося берегового и речного транспорта, принял ту же типичную капиталистическую форму.

§ 5. Следующей за транспортом областью, где сильнее всего повсеместно проявляется действие концентрирующих сил промышленности, являются финансы. Под этим термином мы понимаем банковое и страховое дело, биржевое посредничество и все виды ссуды денег.

Эти финансовые предприятия были колыбелью современного капитализма: они первые приняли форму акционерного предприятия, развили операции в международном масштабе; капитал растет в них вне всякой связи с трудом, и выгодность крупного капитала по сравнению с мелким обычно гораздо больше, чем в любом другом предприятии. Распространение по всему миру сложной системы кредита стоит в такой тесной связи с усовершенствованием техники путей сообщения, что в сущности все здание современных финансов стоит на механическом фундаменте. В развитии кредита, при помощи которого совершается громадная масса современных деловых сделок, крупные финансовые предприятия имеют несомненные преимущества. Крупные финансовые операции с правительствами или промышленными обществами могут производиться только крупными финансовыми фирмами; и хотя детальное знание местности или предмета является иногда основой, благодаря которой мелкие кредитные и маклерские фирмы могут конкурировать с крупными, их финансовая независимость всегда страдает, так что они становятся своего рода агентствами или отделениями крупных финансовых компаний.

Бэджгот, писавший поколение тому назад, уже подчеркивал эту тенденцию: «Крупный банк всегда стремится к увеличению, мелкий банк — к сокращению». С тех пор, как он написал это, частные банки в Англии почти исчезли, уступая место крупным акционерным банкам, отделения которых разбросаны по всей стране. Вычисляют, что вклады в английских банках увеличились с 350.000.000 фунт. стерл. в 1875 г. до 859.000.000 фунт. стерл. в 1903 г., т.-е. на

[1]) Marshall (II издание), стр. 283.

147 процентов в двадцать семь лет [1]). За промежуток от 1858 г. до 1903 г. число банкирских контор возросло с 2.008 до 6.592, что было вызвано исключительно увеличением числа отделений. Шотландия, первая страна, развившая повсеместное пользование услугами банка, дает и максимальную концентрацию банкового дела. В 1883 г. она имела десять банков с 919 отделениями, в 1896 г. — десять банков с 1.015 отделениями. В Англии частные банки быстро исчезли путем слияния. Банк Берклея поглотил свыше 24 предприятий, банк Парра столько же, а Ллойд поглотил 38 банкирских фирм.

В страховом деле повсюду заметна такая же концентрация. Ни в одном деле экономические преимущества крупного капитала над мелким не выступают с такой очевидностью, как в страховом. Число американских обществ страхования жизни за последнюю четверть века непрерывно уменьшалось; но меньшее количество учреждений делало неизмеримо крупнейшие обороты. В 1873 г. их было 56 с доходом в 118.396.502 долл., а в 1893 г. 35 — с доходом в 301.268.179 долл.

§ 6. Труднее установить действие концентрирующих сил в торговле. Что касается оптовых операций, то нет никакого сомнения, что доля процесса распределения, перешедшая в руки крупных, растущих фирм, увеличилась. В значительной части оптовых операций торговля, как отдельная стадия обмена, совершенно исчезла, особенно там, где дело касается сырых материалов или полуфабрикатов. Или промышленник закупает материалы у непосредственного производителя на основании регулярного контракта, или он устраивает собственные предприятия, вырабатывающие материалы, как, например: фабрикант мармелада заводит собственные фруктовые плантации, или железоделательные заводы приобретают собственные каменноугольные копи. Во многих других случаях производитель продает непосредственно розничному торговцу. Так бывает с большинством патентованных или продаваемых в фабричной укупорке товаров и в значительной части конфекционных предприятий, или же производитель берет на себя всю оптовую и розничную продажу, как делают некоторые сапожные фабрики, каменноугольные копи и т. д. Большинство промышленных изделий первой необходимости теперь переходит непосредственно с фабрики в розничную торговлю. Там, где оптовый торговец все еще сохранился, как определенная стадия распределения, он является обычно или импортером заграничных товаров, или скупщиком продовольствия и прочих скоропортящихся отечественных продуктов. Эти предприятия принимают все более и более спекулятивный характер, все расширяя элементы кредита, и переходя по большей части на службу к финансовому капиталу. Для успешного ведения такого рода предприятий необходим крупный капитал, и хотя колоссальный рост торгового класса всех стран является выражением громадных деловых оборотов, увеличивается не число предпринимателей, а количество клерков, агентов, вояжеров и т. д.

---

[1]) «British Industries», стр. 91.

Акционерные предприятия в розничной торговле развиваются быстрыми шагами. Колоссальные склады, стремящиеся стать «всеобщими поставщиками», вроде Хуаптлея и Баркера, удовлетворяющие громаднейшее количество всевозможных потребностей, вроде Мепля или Спайра и Понда, возникают в больших городах и концентрируют в своих руках все большую долю розничной торговли. Другие компании, специализировавшиеся в большей степени, охватывают многие отрасли бакалейной и продовольственной торговли: торговли молоком, рыбой, дичью, ресторанного дела. Иногда общества розничной торговли открывают производственные предприятия земледельческого или промышленного характера; но чаще сами производители открывают розничные отделения или действуют через «афильированные» магазины, как, например, в обувной, ювелирной и табачной торговле.

§ 7. Концентрирующие силы капитализма чрезвычайно трудно поддаются общей оценке в области земледелия.

Однако, в таких странах, как Соединенные Штаты, где машинное производство достигло в земледелии полного развития, вполне установлено, что размеры и стоимость ферм растут в тех областях сельского хозяйства, где возможно широкое применение машин, и что в таких фермах их капитализированная стоимость и стоимость их продукта растут быстрее, чем количество труда, занятого в них.

Недавно изданная тщательно составленная монография относительно американского сельского хозяйства показывает, что в северных центральных штатах, занимающихся, по преимуществу, земледелием, где чрезвычайно развито машинное производство, наблюдается значительное увеличение размеров ферм (включая только удобную землю), доходящее до 26,4% за десятилетие 1880—1890 и 41,8% за двадцатилетие 1890—1900. В других районах Соединенных Штатов, где либо имело место сильное увеличение негритянского фермерского земледелия, явившегося результатом распада плантаций по примеру Южной Атлантики и Южных Центральных Штатов, либо производство для рынка продуктов цветоводства и огородничества принимает крупные размеры, как в части Северной Атлантики и в западных районах, — там тенденция машинного производства увеличивать площадь фермы целиком или частично уравновешивается этими силами, работающими в пользу мелкого хозяйства [1]).

Но в то время, как эти тенденции в общем не дали возможности земельной концентрации развиться на удобных землях средней американской фермы, денежная стоимость американской фермы и стоимость ее продукта с акра земли растут довольно быстро [2]). Следую-

---

[1]) «The Influence of Farm Machinery on Production and Labour», by H. W. Qaintance. Ноябрь 1904.

[2]) Фактические размеры (включая неудобные земли) дают значительное увеличение с 1880 г., по сравнению с уменьшением за несколько предыдущих десятилетий.

щая таблица показывает это увеличение и делает совершенно очевидным, что машинное производство создало в американском земледелии, как в целом, такую форму, при которой капитал играет более важную роль, а труд менее важную [1]).

	Принято за основание.			1880	1890	1900
Средняя стоимость всего имущества фермы	3.515 долл.		=	100	138,2	185,8
Средняя стоимость фермы (земля и вложенный в нее капитал)	2.835	»	=	100	138,6	189,0
Средняя стоимость машин и оборудования	136	»	=	100	111,0	152,9
Фермеры, плантаторы и надсмотрщики.	828.800	»	=	100	—	127,4
Сельскохозяйств. рабочие .	352.765	»	=	100	—	173,6

Тот факт, что число рабочих увеличилось на 75 процентов за период 1880 — 1900 гг., между тем как класс предпринимателей увеличился только на 27,4 процента, является убедительным доказательством в пользу развития процесса концентрации.

Хотя многие усовершенствования в области сельского хозяйства произошли благодаря улучшению способов обработки — применению искусственных удобрений, орошения, лучшего севооборота, семян и т. д., большинство из них тесно связаны с применением современных машин, которые являются агентом-представителем капитализма [2]).

Следующая таблица (стр. 113) содержит цифровые данные результатов, достигнутых в производстве хлебов, где широко пользовались машинами, выраженные в единицах времени человеческого труда.

Таким образом, рост производительности труда колеблется от 150% для ржи до 2244% для ячменя, давая средний рост производительности, равный, приблизительно, 500 процентов [3])

§ 8. Но из того, что концентрирующие силы машинного производства в некоторых отраслях сельского хозяйства так сильно выражены, что увеличили средний размер фермы, принятой нами за единицу стоимости и производительности, отнюдь не следует, что мелкое хозяйство имеет повсюду тенденцию к исчезновению. Сокращение площади удобной земли на ферму во всех районах, кроме северного центрального, во всяком случае, показывает, что капитализм в американском сельском хозяйстве не означает повсеместного развития

[1]) Это уменьшение роли труда в производстве становится более наглядным при помощи следующих цифр, взятых из переписи:

	1900	1890	1880
Сельско-хозяйств. рабочие	612.418	359.894	352.565
Фермеры, плантаторы, надсмотрщики. . .	1.056.237	1.091.867	828.800
	1.668.655	1.451.761	1.181.365

[2]) «Quaintance», стр. 20.

[3]) «Quaintance», стр. 23.

Название и количество хлеба и описание произведенной работы.	Годы производства.		Время трудового процесса.			
	Ручного.	Машин.	Ручного.		Машинного.	
			Час.	Мин.	Час.	Мин.
Ячмень: 30 бушелей (1 акр) ячменя . . .	1829—30	1895—96	63	35.0	2	42.8
Маис: 40 бушелей (1 акр) желтого маиса провеяно. Солома оставлена в поле . . .	1855	1894	38	45.0	15	7.8
Хлопок: ручным способом, 750 фун.; машинным 1.000 фун. (1 акр) хлопкового семени . .	1841	1895	167	48.0	78	42.0
Сено: снята 1 тонна (1 акр) тимофеевки .	1850	1895	21	5.0	3	56.5
Овес: 40 бушелей (1 акр) овса	1830	1893	66	15.0	7	5.8
Картофель: 220 бушелей (1 акр) картофеля . .	1866	1895	108	55.0	38	—
Рис: 2640 фун. (1 акр) сырого риса	1870	1895	62	5.0	17	2.5
Рожь: 25 бушелей (1 акр) ржи	1847—48	1894—95	62	58.9	25	10.0
Пшеница: 20 бушелей (1 акр) пшеницы . .	1829—30	1895—96	61	5.0	3	19.2

крупных ферм. Фактически повсюду интенсивная научная обработка, в отличие от просто механической, говорит за мелкие фермы, хотя и требует во многих случаях большей затраты капитала на акр. Однообразная поверхность и характер земли, недостаточно плодородная или недостаточно удобно расположенная, в смысле доступности рынка, почва, чтобы на ней могла окупиться садовая культура, но достаточно хорошая и удобная, чтобы ее стоило обрабатывать машинами, — вот наиболее благоприятные условия для крупного производства. По мере того, как рынки для тонких фруктов, цветов, птицы и прочих сельскохозяйственных продуктов, требующих тщательного индивидуального ухода и искусства, приобретают сравнительно большее значение, чем рынки основных зерновых хлебов и обыкновенного скота, вероятно, уменьшатся и шансы на развитие

крупных ферм и даже крупного капитала в земледелии. То, что почти во всех отраслях сельского хозяйства все в больших размера: применяются машины и другие экономящие труд приспособления еще не означает уничтожения мелких независимых хозяйств. Хотя крупные земледельческие фермы и ранчи, работающие машинами и наемным трудом, растут таким темпом, что «средние цифры» сельского хозяйства, как целого, идут в этом направлении, это вполне согласуется с сильным ростом мелкого хозяйства.

Новейшие данные относительно Бельгии дают интересное освещение борющихся тенденций сельского хозяйства. Хотя крупные имения выросли в числе и в отношении ко всей площади страны число и соответствующее отношение мелких участков возросло еще быстрее: уменьшение произошло в участках среднего размера [1]) Однако, оказывается, что эти мелкие участки являются не мелкими крестьянскими фермами, а клочками, обрабатываемыми промышленными пролетариями, которые обрабатывают их, чтобы получить некоторые добавочные средства к существованию. Они или соединяют летнюю земледельческую работу с городским наемным трудом зимой, или обрабатывают землю после дневной работы в городе.

Машинное производство способствует развитию крупного землевладения за счет среднего. Но когда его вместе с современными средствами транспорта применяет маленькая, густо населенная страна типа Бельгии, оно вовлекает мелкое крестьянство все больше и больше в промышленную жизнь города. Вандервельде так формулировал этот процесс: «Одного нельзя оспаривать — все растущей интенсификации сельского хозяйства, развития машин, одним словом, роста постоянного капитала по сравнению с оборотным (т.-е. по сравнению с капиталом, оплачивающим ручной труд); сельское хозяйство индустриализируется; пахотная земля превращена в пастбища; мы видим, как множится сельскохозяйственная индустрия — винокурение, сахароварение, производство сиропов, цикория и т. д.; в результате этих изменений население сельских районов все более и более распадается на два совершенно различных класса. Вы видите растущий пролетариат, возникший из сельскохозяйственных рабочих, который представляет собой меньшинство; промышленные рабочие, которые ежедневно уходят куда-нибудь на работу, и категория, которую можно назвать сезонными рабочими, полупромышленными, полусельскохозяйственными. Известные времена года они работают на сахарной фабрике, в другие — убирают урожай, на зиму они отправляются в копи, чтобы с весной снова заняться полевыми работами» [2]).

§ 9. Таким образом, совершенно очевидно, что действие машинного производства и новых двигателей проявляется во многих областях промышленности.

(1) Они увеличивают размеры отдельного «завода» и «пре

[1]) E. Vandervelde, «Modern Socialism», стр. 204.
[2]) «Modern Socialism», стр. 213.

приятия», вкладывая большие коллективные единицы труда и капитала для производства большей «выработки».

(2) Они увеличивают количество и роль капитала по сравнению с трудом.

(3) Они вызывают бо́льшую дифференциацию и специализацию труда и капитала, делая единицу предприятия более сложной.

Машинное производство развилось больше всего в основных отраслях производства, где существует большой и постоянный спрос на одни и те же продукты, и где средства и способы производства легче всего поддаются стандартизации. К этой экономической категории относится значительная и все растущая часть транспорта, где применяются пар и электричество. Те же тенденции господствуют в значительной части горной промышленности и в некоторых областях сельского хозяйства, но здесь они не достигают такого развития. Оптовая торговля меньше поддается концентрирующему влиянию машинного производства, если не считать необходимости физически оперировать над большими количествами товаров. Розничная торговля пользуется механическими методами меньше всего.

Но эта чисто техническая экономика мало может помочь нам в изучении концентрирующих тенденций капитализма. Увеличение размера и сложности отдельного «завода» и развитие «капиталистического» характера его производства выражены в росте стоимости и производительности современной текстильной фабрики или мукомольной мельницы, по сравнению с более примитивными фабриками и мельницами, на смену которым они пришли, или в большей провозоспособности современного поезда или парохода, по сравнению с примитивными экипажами и судами.

Настоящей экономической единицей капитализма является не техническая единица, т.-е. «завод», а промышленная и финансовая, т.-е. «предприятие».

За исключением немногих примеров, один технический фактор не даст нам много в смысле объяснения развития размеров «предприятия».

На этом механическом факторе построен ряд других факторов— промышленный, торговый и финансовый, которые все способствуют образованию крупных предприятий. Всюду, где действуют эти факторы, мы встречаем соответственное число технически завершенных заводов или учреждений, связанных общим управлением и принадлежностью одному собственнику, работающих как единое предприятие.

Увеличение размеров многих коммерческих, финансовых и даже розничных торговых предприятий доказывает с очевидностью, что система машинного производства не является необходимым условием проявления концентрирующих тенденций капитализма. Крупные предприятия возникают и без этой основы и, как мы видели в некоторых отраслях производства, мелкие предприятия основываются на началах довольно сложного машинного производства.

Поэтому для нас важно заняться анализом системы крупного производства, изучая его техническую производительность, и изучать этот фактор, как один из элементов сложной системы, способствующих развитию крупного производства. Мы должны заняться формальным изложением этих элементов и противопоставить им другие элементы, способствующие сохранению или росту мелкого производства.

§ 10. Силы, заставляющие капитал скопляться во все большем количестве, и связанный с этим рост единицы предприятия требуют специального изучения изменений, произошедших в характере рыночной конкуренции и возникновения монополий. Факторы, дающие крупному предприятию преимущества над мелким, делятся на два класса: фактор производительных сил и фактор сил конкуренции.

К первому классу относятся моменты, возникающие благодаря росту разделения труда и увеличению производительности производственной энергии и дающие чистую экономию затрат человеческой силы при производстве данного количества благ, с точки зрения всего производящего общества. Таковыми являются:

(a) Экономия труда по закупке и транспорту крупных партий сырья, по сравнению с мелкими партиями, и соответствующая экономия при продаже и транспорте продуктов промышленности. В эту рубрику войдут: открытие и организация новых рынков для закупки сырья и продажи готовых изделий, и все явления, увеличивающие сферу полезной конкуренции и сотрудничества в промышленности.

(b) Переход к наиболее совершенным формам современного машинного оборудования. Многие дорого стоящие машины дают «экономию труда» только в том случае, если способствуют увеличению продукции, которая может найти более или менее постоянный рынок. Бесконечное число известных или грядущих изобретений, дающих экономию труда, ждут для того, чтобы стать экономически выгодными, или расширения масштаба производства, или повышения оплаты труда, который они могут заменить. С каждым расширением масштаба производства некоторые из этих изобретений из «неоплачивавшихся» становятся «оплачивающимися» и дают чистую экономию общественного труда.

(c) Организация в прежних условиях или в тесной органической связи с главным процессом более мелких или вспомогательных процессов, устройство специальных ремонтных мастерских, различные виды экономии при организации складов, связанные с крупным производством.

(d) Экономия, состоящая в сбережении труда в области управления, надзора, конторского и прочего нефизического труда, которая вызывается каждым расширением нормально сконцентрированного предприятия. Иногда эта экономия бывает тесно связана с рубрикой (b), когда, например, введение пишущей машины или телефонного сообщения экономит конторскую работу, а иногда с рубрикой (c), как, например, при организации бо́льшего количества более удобных распределительных центров.

(e) Экономия места и пространства. Возможность выгоднее утилизировать при крупном производстве данную земельную площадь для работы и для складов дает часто на практике крупную экономию, измеряемую с финансовой точки зрения меньшей долей, которую рента составляет в расходах предприятия. В розничной торговле, где внешнее «расположение» товара, склады и просторное помещение имеют первостепенное значение, экономия этого рода является одним из главных факторов, благоприятствующих крупным «магазинам».

(f) Утилизация бросовых продуктов на практике — одна из важнейших областей экономии в крупном производстве.

(g) Возможность испытывать новые изобретения в области машин и промышленной организации.

§ 11. К факторам экономии в области сил конкуренции относятся преимущества крупного производства в конкуренции с более мелкими; они или дают ему возможность совершенно лишить этого последнего его предприятия, или получать более высокую прибыль, ни в каком отношении не увеличивая действительной производительности общества. Таковыми являются:

(1) Значительная часть экономии на публикациях, вояжерах, местных агентах и большая возможность показать товар лицом и навязать его, которыми располагает крупное производство. В большинстве случаев громаднейшая часть этих публикаций и саморекламы не дает экономии с точки зрения общего производства или интересов общества, а является просто прибылью одной фирмы, компенсированной потерями других. Во многих случаях «производство» может получать выгоды от вреда, наносимого другим отраслям производства или потребителю, как, например, в случае, когда какие-нибудь бесполезные или смертельно вредные препараты навязываются потребителям при помощи упорного самовосхваления, которое обманывает публику.

(2) Возможность для крупного предприятия обеспечить за собой и сохранять монопольное пользование каким-нибудь патентом или производственным секретом в области машинной техники или способов изготовления, которые иначе перешли бы к другой фирме или стали бы общим достоянием этой отрасли промышленности, является для общества не экономией, а иногда и потерей. Но если такого рода усовершенствованиями мы обязаны исключительно умению и предприимчивости делового человека, и они остались бы неиспользованными, если бы его предприятию не было обеспечено монопольное право пользования, то эта экономия относится к категории продуктивных.

(3) Бо́льшая возможность для крупного предприятия давить, благодаря полной и частичной местной монополии, на труд, на заработную плату, соответствующая возможность получать сырой материал по дешевым ценам, или брать с покупателей бо́льшие цены, чем можно было бы получить при условиях свободной конкуренции, — все это является индивидуальной экономией данного пред-

приятия, которая позволяет крупному производству получать более высокую прибыль.

Лучшие условия кредита, которыми обычно пользуются крупные фирмы, тоже должны быть учтены, как самостоятельный источник выгоды. Этого рода экономия является отчасти преимуществом в производстве, дающим операциям предприятия больше простора, отчасти преимуществом в конкуренции, дающим большую свободу при покупке и продаже и большую силу в преодолении затруднений.

Этот специальный вид экономии особенно важен, конечно, в финансовых предприятиях и в крупных коммерческих предприятиях; она играет значительную роль и в горной и обрабатывающей промышленности, пропорционально наличию в операциях этих предприятий фактора «спекуляции».

§ 12. Как мы уже отмечали, во многих областях промышленности, в торговле и других профессиях выживают мелкие предприятия. Это выживание может быть отнесено отчасти на счет отсутствия каких-либо основных тенденций к концентрации, отчасти к действию противоположных тенденций, благоприятных в положительном смысле для мелких предприятий.

Рассматривая физические и экономические пределы производительного применения машин, мы уже указали на некоторые выгоды мелких предприятий:

(1) там, где природа сырья или процесса оперирования с ним не поддаются калькуляции и отличаются непостоянством, эта нерегулярность делает невозможным постоянное пользование машиной и механическим трудом. Характер и степень этого непостоянства могут доходить до того, что весь успех предприятия в значительной степени зависит от искусства, таланта и свойств оператора или же от удачи и не допускает пользования машиной или какой-либо «рутинной» хозяйственной системой. Когда дело касается дешевых изделий, то неодинаковости материала еще недостаточно, чтобы помешать системе крупного производства в ее чистом виде, не допуская, однако, повсеместного пользования машинными методами. Неодинаковость формы и качества кож не мешает дублению стать крупным производством; точно так же неодинаковость формы и качества фруктов не заставляют консервную и мармеладную промышленность оставаться в форме мелких предприятий. Но гранение драгоценных камней и оправа их, наиболее художественные отрасли портняжного дела, изготовление часов и некоторые другие отрасли, вырабатывающие предметы роскоши, где необходимо умение выбрать дорогой материал высокого качества и бережное и внимательное обращение с ним, — все эти отрасли производства имеют тенденцию сохранять мелкие предприятия. Наиболее разительный пример дает добывание золота, где индивидуальные золотоискатели выживают в золотоносных россыпях, а «жильное золото» добывается крупными компаниями.

Шире всего этот принцип применяется, несомненно, в земледелии. Мелкие фермы имеют тенденцию выживать соответственно с (a)

неодинаковостью почвы, хлебов, климата и т. д., вследствие чего сельскохозяйственные процессы требуют более внимательного ухода и уменья; (b) с абсолютной рыночной стоимостью растительных и животных продуктов, выращиваемых при таких условиях.

Фермы Бонанцы, для производства какого-нибудь одного злака в большом количестве пользующиеся машинной обработкой, могут не обращать внимания на мелкую неравномерность почвы и пр.; крупные скотоводческие ранчи или даже фруктовые фермы могут оказатъся выгодными по тем же причинам. Но при выращивании более нежных и дорогих растений и фруктов, или разведении изысканных пород птиц и животных, фактор личного искусства и интереса имеет такое большое значение, что перевешивает, обычно, все выгоды крупного производства.

(2) Когда на производстве отражается индивидуальность потребителя, требующая удовлетворения специальных запросов, «рутинная» или «машинная» система заменяется «художественной». Этот момент требует серьезного внимания к различным свойствам материала и искусства в обращении с ним. Но даже там, где существует полная стандартизация, или одинаковость материала, спрос со стороны потребителя на товары, точно соответствующие его индивидуальным потребностям, или капризу, требует искусного рабочего персонала и препятствует применению машин и рутинных методов производства. Это не требует непременно исполнения таких заказов мелкими предприятиями; часто крупная фарфоро-фаянсовая компания нанимает ряд рисовальщиков и опытных специалистов, чтобы вызывать и удовлетворять изысканному спросу первосортного потребителя; совершенно так же крупные конфекционные и портняжные фирмы могут иметь специальный отдел приема заказов и отдел «любительских» товаров. Но там, где главным элементом пользования данным продуктом и его стоимости является искусство в каком-либо конечном процессе производства, и особенно, когда это искусство применяется так, что приближается по своей природе к личным услугам, там мелкая единица предприятия может выжить. Хотя обычная фотографская работа перешла в руки крупных компаний, художественная работа остается в руках независимых артистов. В Лондоне лучшие виды изготовления часов, кабинетов и шорного дела остаются в руках мелких предприятий. Даже когда дело идет о «специальном» спросе не потребителей, а производителей, мелкая промышленность часто умеет отстоять свои позиции, как, например, во многих второстепенных отраслях металлического производства Бирмингама.

Хотя стандартизация машинного производства делает многие ремонтные работы независимыми от наличия опытного инженера и кузнеца, так как многие крупные предприятия заводят собственные ремонтные мастерские, эта, по своему существу, нерегулярная работа является в крупных промышленных центрах базой для существования множества самостоятельных мелких мастерских. Хотя строительное и типографское дело являются в большинстве круп-

ными капиталистическими предприятиями, тем не менее существует много строительных подрядчиков, плотников, паяльщиков и типографщиков, выполняющих специальную или срочную работу.

Как мы уже видели, личные связи с «заказчиками», связь каких-нибудь заключительных производственных процессов с розничной продажей, иногда простая территориальная близость дают возможность в розничной торговле выживать мелким лавочникам.

Естественно, что творческая энергия, необходимая при процессах производства и распределения материальных и нематериальных благ, в свободных профессиях разного рода, в области изящных искусств, личных услуг и публичных зрелищ менее поддается концентрирующему влиянию капитализма. Правда, в некотором смысле юридический, медицинский, теологический и педагогический факультеты наших университетов можно рассматривать как крупные капиталистические предприятия—фабрики для выработки и распределения юридических, медицинских, религиозных и прочих услуг, так как профессиональные организации адвокатов, церкви, медицинских советов и т. д. ограничивают свободу лиц этих профессий в их практической деятельности. Но эти соображения не вредят материально «деловой» независимости среднего священника или врача. Хотя в педагогической, юридической, медицинской и особенно в зубоврачебной профессии и замечается тенденция к крупной капиталистической организации, она не охватывает сколько-нибудь значительной части их, и максимальные выгоды достигаются в пределах организации среднего размера. В области публичных увеселений крупный капитал прочно утвердился в некоторых отраслях, требующих больших затрат капитала и хорошей деловой организации предприятия. Журналистика является, быть может, тем видом умственного труда, где централизующие силы достигли наибольшего господства, хотя и здесь большой капиталистический механизм прессы питается все больше услугами мелких «поставщиков», не связанных тесно с каким-либо отдельным органом.

Все эти мелкие предприятия в земледелии, механической промышленности, горном деле, розничной торговле, в искусствах и свободных профессиях выживают потому, что некоторые черты, присущие материалам или производственным процессам, придают особое значение личному умению, внимательному отношению, знанию дела, которые невозможно создать, производить и производительно применять в рутинной экономике крупного предприятия. К этим органическим преимуществам мелкого предприятия в производстве и распределении некоторых благ высокого качества материального и нематериального характера надо добавить независимый дух подлинного артиста и ремесленника. Даже в таких в значительной степени рутинных профессиях, как плотницкое и сапожное дело, или розничная торговля, этот дух бывает часто настолько силен, что человек предпочитает оставаться мелким независимым производителем в непрочном и недоходном деле, чем стать простым винтиком капиталистической машины.

§ 13. С этими органическими экономическими остатками мелких производственных единиц не следует смешивать многочисленных форм мелких потогонных мастерских и потогонной промышленности на дому, которые повсеместно встречаются на низах промышленной жизни. Эти мелкие потогонные предприятия характеризуются производством низкопробных шаблонных товаров в условиях разделения труда, с низкой заработной платой, низкой нормой прибыли и обходом санитарных и прочих промышленных законов, что делает этот способ производства дешевле фабричного производства машиной или ручным трудом в надлежащей обстановке, при надлежащей охране труда. Большинство продуктов потогонных мастерских состоит из плохо сделанных, грубых изделий, существующих только для «спроса» беднейшего класса. Этих потребителей держат в бедности те же самые экономические болезни, которые поставляют этой потогонной промышленности запасы дешевого, малопроизводительного труда; в противном случае, большинство этой работы производилось бы на фабриках машинами, где оплата выше, рабочий день короче, и все условия труда лучше. Так, например, обстоит дело в большинстве портняжных и сапожных потогонных мастерских. Остальные отрасли производства, не допускающие целиком машинного труда из-за некоторой сложности деталей, хотя и являющиеся простыми и неквалифицированными, как, например, делание искусственных цветов, подбор мехов, упаковка и т. д., — стали бы вспомогательными отделами более крупных отраслей, к которым они относятся. Хотя об этой потогонной промышленности справедливо говорят, как о «болезненных» пережитках мелкого производства, как о «паразитических» наростах, они являются естественными продуктами современной стадии капитализма, ибо все экономические основы этих «низших организмов» — существование громадной массы необученных «безработных», высокая прибыль, составляющая главный элемент этой системы, и наличие рынка для низкопробных продуктов потогонного производства, — все это надо отнести на счет неурегулированного действия капиталистических сил.

С постепенным развитием здоровой социальной политики, выражающейся в общественном мнении и законодательстве, эти болезненные наросты должны быть сняты с тела промышленности. В деле их искоренения соображения экономического характера играют даже большую роль, чем соображения филантропические или санитарные, и очень вероятно, что в Англии и Америке отношение этих болезненных пережитков к здоровым мелким предприятиям уменьшается, особенно в области портняжной промышленности, в которой машинное производство сделало такие большие успехи. Но пока можно получать в значительном количестве дешевый труд, эти паразитические отрасли промышленности будут появляться снова, особенно в таких производствах, где сезон и мода мешают регулярности, и где единственная выгода потогонной системы заключается в экономии непроизводительных расходов, сопряженных на фабрике с бездея-

тельностью или неполным использованием машин в течение продолжительных периодов.

§ 14. Но оставляя вне нашего внимания потогонную промышленность, мы задаем себе вопрос: какие общие выводы мы вправе сделать по поводу соотношения центростремительных и центробежных сил, способствующих крупному и мелкому производству?

Областью промышленности, где сильнее всего господствует капиталистическое предприятие и где растущие тенденции к концентрации распространены шире всего, является транспорт. Во всех передовых промышленных странах перевозка людей, товаров, передача известий при помощи железных дорог, пароходов, трубопроводов, телеграфной и телефонной сети перешли в руки крупных компаний. По мере того, как конская тяга все больше и больше вытесняется электрической или нефтяной в вспомогательных путях сообщения города и деревни, дальнейшая механизация транспорта благоприятствует замене мелких извозчиков и частных промышленников крупными компаниями. Кроме того, сравнительное значение транспорта растет быстро и во всех областях, как это видно из количества вкладываемого капитала и количества занятого труда.

В области добывающей промышленности почти целиком перешло в руки крупных капиталистических предприятий горное дело. Рост применения машин, с одной стороны, и развитие корпоративного финансирования, с другой, способствуют поглощению этой отрасли производства крупными предпринимательскими компаниями. В сельском хозяйстве повсюду, где господствует мелкое землевладение, или прочная аренда, широко распространено и крепко утвердилось выживание мелкого производства. Устойчивость мелкой аренды становится, однако, все более и более зависимой от утраты некоторых элементов самообслуживания, или от развития широких кооперативных или корпоративных предприятий среди мелкого фермерства. В Дании, Швейцарии, Бельгии, Ирландии для сохранения мелкой аренды оказались необходимыми кооперативное ведение молочного хозяйства и другие виды кооперации по сбыту или производственной кооперации для совместного пользования машинами, взаимного кредитования и воспитания. Без этой кооперации экономические силы мелких фермеров или арендаторов подрываются посредническими компаниями, торговцами, посредниками и ростовщиками, и с течением времени или их вытесняют крупные фермы, или они попадают в полную зависимость от какого-либо вида вышеназванных капиталистических категорий.

Рыбный промысел все еще в значительной степени существует в форме мелких предприятий, хотя паровая ловля и крупные рыботорговцы все сильнее и сильнее насаждают в нем крупный капитализм.

Большинство отраслей производства, занятых изготовлением продуктов питания, одежды, жилья и других предметов первой необходимости, а также жизненных удобств, превратились или превращаются в крупные капиталистические предприятия. Но эти основные

отрасли производства, потребляя все большее количество капитала, и увеличивают количества потребляемого труда, за исключением менее передовых стран. С каждой из них связано большое количество отраслей производства, продолжающих существовать в виде мелких предприятий, несмотря на то, что применение технических и других видов знания беспрерывно заменяет старое ремесло крупным машинным производством. Новые отрасли производства становятся капиталистическими с момента возникновения, и большое количество новых нерегулярных и в высшей степени квалифицированных производств появляются на горизонте, требуя большого количества рабочих рук. Несомненно доказано, что крупное производство занимает все большее количество рабочих рук и что промышленность расширяется с такой быстротой, что, несмотря на «экономию труда», в результате применения машин, она дает работу всем «съэкономленным» рабочим рукам[1]).

В то время, как в оптовой торговле концентрирующие силы имеют большое влияние, мелкие торговцы выживают в большинстве стран и даже умножаются, хотя во многих областях они попадают в зависимость от той или другой крупной промышленной «поставщической» фирмы. Принимая во внимание рост компаний розничной торговли со многими отделениями и с различными формами «филиалов», можно считать вероятным, что большая часть капитала и труда, вложенного в них, переходит в руки крупного капитала.

Мы уже видели, что банковое, страховое дело и другие отрасли финансовых предприятий особенно приспособлены для развития концентрирующих сил. В свободных профессиях, искусствах и услугах, которые так быстро развиваются в отношении к числу занятых в них лиц, мелкое предприятие обычно может удержаться, но увеличение труда и капитала в организации общественных услуг должно быть отнесено на счет роста крупных предприятий.

Отсюда можно сделать следующие выводы:

(1) что все растущая доля общей суммы богатства (благ и услуг) современного общества производится в крупных, все увеличивающихся предприятиях;

(2) что эта тенденция к концентрации проявляется особенно сильно в процессе изготовления и транспорта благ, которые являются предметами первой необходимости и жизненных удобств населения;

(3) что в общем производстве благ капитал играет более важную роль, чем труд, и во все растущей пропорции;

(4) что это растущее значение капитала проявляется сильнее всего в производстве наиболее основных и существенных видов материальных благ;

(5) что,—хотя силы концентрации влияют на труд меньше, чем на капитал,—вероятно, однако, что все растущее число наемного труда занято в крупных и расширяющихся предприятиях.

---

[1]) См. по этому поводу главу XI.

§ 15. Но хотя концентрация захватывает все большее число процессов и отраслей промышленности, работая на пользу крупных единиц предприятия, это еще не дает нам права считать развитие системы крупного производства беспредельной во всех отраслях производства или транспорта.

Возвращаясь к уже установленным экономическим формулам, мы не находим ни одной отрасли промышленности, где бы закон роста прибылей постоянно и абсолютно обгонял закон сокращения прибылей. В любой стране, в любых данных условиях промышленного развития для каждой отрасли промышленности существует определенный размер предприятия, дающий максимум чистой выгоды, выше которого она не может подняться, даже если она основывается на юридической или естественной монополии.

Во многих производственных процессах, достигших высокой степени технического развития, максимальная прибыльность достигается быстро, и минимальная единица стоимости производства требует сравнительно небольшой ежегодной выработки в тоннах, галлонах или других мерах: выгоды машинного производства и разделения труда быстро оказываются использованными. Эти границы размеров отдельного завода установлены наукой. Конечно, там, где принимаются в расчет и другого рода выгоды, помимо производственного процесса, — экономия в закупке и продаже, в ренте, расходах по предприятию, администрации, рекламе и т. д., — размеры предприятия можно еще значительно увеличить с выгодой для него. Но даже совокупность всех этих выгод подлежит действию закона сокращения прибылей. Не только для техники производства, но и для управления предприятием существует предел максимального развития [1]).

Каждое промышленное предприятие можно считать тяготеющим к определенной «типичной величине», которая дает для данного времени максимальную экономию.

Один новейший экономист [2]) описывает эти конечные пределы роста предприятий, как функции следующих факторов:

(1) сложности внутреннего распорядка;

[1]) Один опытный счетовод из крупного промышленного города средней Англии пишет мне следующее: «Поскольку я в состоянии судить на основании практики предприятий, в которых я работал в течение многих лет и которые систематически увеличивали свое производство, я далек от мысли, что можно установить общее правило, будто постоянные издержки производства уменьшаются пропорционально продукции, и склонен думать, что они увеличиваются. Я думаю, что существует известный предел (быстро достигаемый во многих предприятиях), при котором все производится с максимальной дешевизной, и что при дальнейшем увеличении продукции бывает некоторое сравнительное увеличение расходов, объясняемое тем, что данные размеры предприятия требуют, чтобы все производилось по определенному правилу, и что организация независимых отделений и сложная система учета и бухгалтерии фактически превращают в убытки выгоды, получаемые от расширения производства. Здесь есть также и неуловимые убытки от передачи в чужие руки непосредственной ответственности, а это, я думаю, имеет большее значение».

[2]) Professor S. I. Chapman, «The Lancashire Cotton Industry», стр. 160.

(2) значения качества продукта;

(3) дороговизны машин;

(4) внешних отношений, в зависимости от природы данного рынка;

(5) устойчивости спроса на продукт;

(6) постоянного характера промышленности, в смысле способов производства и пр.;

(7) размеров выгод, даваемых крупным производством [1]).

Но если мы займемся более подробным исследованием пределов выгодности крупного производства, мы заметим, что они основаны, в конечном счете, на законе сокращения прибылей не в отношении техники производства, а управления предприятиями. Хотя принято считать, что существует конечный предел выгодности крупного производства, в зависимости от необходимости пользоваться худшими и более дорогими источниками сырья или энергии, этот предел, за исключением редких случаев, не является фактическим пределом. Так, например, хотя фактический предел для развития машин и разделения труда может стать максимальным пределом для отдельного завода, — он не ставит еще границ размерам всего предприятия. Оно может состоять из ряда таких заводов и будет стремиться к расширению этого числа до тех пор, пока это допускают соображения администрирования. Поскольку это так, единственный существенный предел росту предприятия, с точки зрения общественной пользы, лежит в области его администрирования; другими словами, из всех факторов, дающих в совокупности единицу предприятия, постоянным фактором надо считать соображения руководства и управления. Главной причиной выживания мелких предприятий во многих высококвалифицированных отраслях производства оказывалась необходимость непосредственного неотступного внимания со стороны ответственного заинтересованного служащего или хозяина. Расширение предприятия, требующее передачи функций управления и перехода к шаблонным методам производства, вредно отразилось бы на качестве работы. Когда данная промышленность легко поддается шаблонизации, этот элемент «хозяйственного глаза» сравнительно неважен. Руководство выражается лучше всего в более общей организационной и контролирующей деятельности, а дискреционная власть детального управления передается заведующим отделами, надсмотрщикам и инспекторам. Но постоянно существует определенный предел для работы руководящего и направляющего мозга. Каждое расширение приносит с собой большую сложность, и административный механизм становится более громоздким, вызывая непроизводительную трату труда из-за недостатка координации, беспорядка, трений и прочих неудобств.

Когда финансовая сторона современного предприятия требует большего разделения административного труда, деля ответственность, заинтересованность и руководство между рядом директоров,

---

[1]) Последний фактор не изолирован от остальных, а суммирует их.

директором-распорядителем и рядом платных чиновников на жалованьи, то сложность управления и тесного координирования их деятельности может настолько увеличиться, что это перевесит замену одного руководящего ума многими. Общеизвестная неспособность акционерных компаний конкурировать в некоторых областях с частными фирмами доказывает существование такого предела. Поэтому различие в личных способностях персонала, особенно необходимых при ведении дела в более крупном организационном масштабе, и в выборе подчиненных, делают максимальный предел размера предприятия чрезвычайно эластичным. Но это не опровергает теории о постоянном существовании «типичной величины», достичь которой стремится каждый разряд предприятий, и которая дает минимальную единицу издержек производства.

Эта тенденция каждого предприятия расширяться до предела минимальных издержек производства парализуется, однако, тенденцией спроса. Когда количество растущих конкурирующих предприятий таково, что сумма общей продукции постоянно возрастает, падение продажных цен может помешать всем этим предприятиям достичь «типичной величины», которая дает максимальную дешевизну производства. Другими словами, фактором, непосредственно определяющим размеры предприятия, является максимальная чистая прибыль, а она зависит от соотношения между растущей дешевизной производства и эластичностью спроса.

Реальными пределами концентрации капитала и труда в определенном предприятии, в отличие от отдельного завода, являются не элементы технического производства, а соображения управления и рынка. По этой причине значительная часть крупных умов в деловых кругах занята опытами и изысканиями методов управления в области организации предприятия и финансов. Они ставят себе двойную цель: добиться большой экономии издержек производства и так монополизировать и регулировать рынок, чтобы помешать прибылям перейти в руки потребителей из-за конкуренции производителей.

ГЛАВА VI.

СТРУКТУРА ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РЫНКОВ.

§ 1. Дифференциация в структуре предприятия. § 2. Интеграция производственных процессов. § 3. Горизонтальная и латеральная интеграция. § 4. Структура и объем различных рынков. § 5. Машина, как непосредственный агент расширения рынка. § 6. Расширение рынка во времени. § 7. Взаимная зависимость рынков. § 8. Родственные и антагонистические отношения между отраслями промышленности. § 9. Национальная и локальная специализация в промышленности. § 10. Моменты, определяющие локализацию промышленности. § 11. Невозможность окончательного прикрепления промышленности к месту. § 12. Специализация по районам и городам. § 13. Специализация в пределах города.

§ 1. В тех отраслях промышленности, где единица предприятия вырастает в объеме, она развивается и в смысле усложнения ее структуры. Эта большая сложность объясняется отчасти процессом дифференциации внутри единицы предприятия, отчасти процессом интеграции, объединяющим области производственной деятельности, которые прежде составляли отдельные предприятия, в отделения единого предприятия.

Растущую дифференциацию или разделение капитала и труда, вызываемую бо́льшими размерами и техническим усовершенствованием современных предприятий, легко установить. В современной обувной фабрике выполняется около 60 различных производственных процессов. При тщательно разработанном машинном оборудовании современной мельницы зерно проходит через двадцать различных стадий: очистка, просеивание, помол и т. д. Говорят, что американские часы, сработанные машинным способом, являются продуктом трехсот семидесяти отдельных операций. В современной текстильной фабрике прядение и тканье бумаги или шелка производится при помощи дюжины процессов, а новые усовершенствования очистки или отделки все время увеличиваются в числе.

Этот процесс дифференциации постоянно питается растущим разнообразием спроса, вызываемым ростом рынка, который требует большого разнообразия в количестве, качестве и свойствах товаров. Специальные сорта товаров изготовляются для Австралии, Египта или Бирмы. Новые заказчики из Китая или Персии настаивают, чтобы их сукно или скобяной товар выделывались или упаковывались тем или иным специальным образом еще долго после того, как эта форма стала и неудобной и неупотребляемой. Конкуренция тре-

бует постоянного экспериментирования с новыми сортами товаров, чтобы угодить желаниям вновь открытого рынка, или побить конкурирующее производство.

Дифференциация внутри предприятия часто сопровождается двойной интеграцией, состоящей в поглощении различных мелких или вспомогательных процессов производства каким-нибудь предприятием, выполняющим главный процесс; или же расширением промышленных и торговых предприятий, организующих производство или продажу новых видов товара, бывших раньше вне пределов его деятельности.

§ 2. Каждая отрасль промышленности связана с рядом других отраслей, занятых процессами предшествующими, последующими и вспомогательными тем операциям, которые выполняет она сама. Это создает прочную связь общих интересов, дающую основу для интеграции. Наилучше организованное и развитое производство, из ряда связанных таким путем процессов, часто стремится поглотить другие. Так современный сталелитейный завод часто владеет собственными плавильными мастерскими и собственными залежами железа и угля, а также имеет часто собственную железную дорогу и баржи для перевозки сырого материала. Фабрика мармелада или какао заводит собственные плантации. В других случаях инициатива исходит от оптовых или розничных торговых предприятий, как, например, в случае, когда Английское Кооперативное Общество Оптовых Закупок устраивает одежные и обувные фабрики и ввозит свою бакалею на собственных пароходах, или когда розничный магазин, вроде Уайтлея, доставляет фрукты и молочные продукты с собственных ферм. Иногда железная дорога, как, например, Лондонско-Северо-Западная железная дорога, расширяет свои предприятия, чтобы обслуживать себя почти целиком собственными средствами. Она сама производит рельсы, подвижной состав и т. д. из собственного сырья и изготовляет почти все предметы, необходимые для ее функций, вплоть до деревянных ног для рабочих, изувеченных на ней.

В текстильной промышленности эта интеграция широко распространена. В обработке шерсти часто сортировка, очистка, чесание, а также и основные процессы, как прядение, тканье, сукноваляние, окраска и отделка, сдававшиеся некогда отдельной и независимой группе рабочих, теперь производятся одновременно на одной и той же фабрике [1]). Но эта интеграция часто сталкивается или перекрещивается с такой сильной тенденцией к дифференциации, что она разрывает отдельные процессы и переносит их в самостоятельные предприятия. Так, в шерстяной промышленности Йоркшира, где пря-

---

[1]) Но значительная часть очистки и чесания при выработке сукна и крученой шерсти выполняется отдельными крупными фирмами, вроде Листера (ср. Burnley, стр. 417). В Германии «отделка» все еще остается производством, выполняемым отдельными предприятиями (ср. Chapman, «Foreign Competition», стр. 197).

дение и тканье производится обычно под одной крышей, чесание и валяние производятся обычно отдельно, а отделка происходит на стороне. Те же противоречивые тенденции наблюдаются в хлопчатобумажной промышленности Ланкашира. Все процессы до прядения бывают всегда объединены; сучение происходит иногда отдельно; прядение и тканье бывают иногда объединены, а иногда нет; окраска производится иногда в том же учреждении, где прядение и изготовление ткани, а иногда сдается красильщику. Набивание ситца образует отдельное предприятие [1]).

Фактически мы наблюдаем по всей текстильной и металлообрабатывающей промышленности ясные признаки двойного процесса дифференциации предприятия; в одном направлении он противодействует процессу интеграции, в другом помогает ему. В шерстяной промышленности, где встречаются большие различия в качестве товара, очень распространена специализация. Многие предприятия ограничиваются отдельными сортами товаров и объединяют все процессы, связанные с этой специальной отраслью. Наряду с этой качественной специализацией существует специализация по производственным процессам: предприятия, занимающиеся «валянием» или «отделкой», берут работу у большого количества специальных фабрик. Хлопчатобумажная промышленность развивается, как мы увидим, подобным же образом при помощи локальной дифференциации фирм, более грубых «сортов» и различных типов и сортов производства.

В современной велосипедной промышленности борьба этих двух тенденций выражается ярче всего в борьбе между технически вполне оборудованной фабрикой, изготовляющей целые машины специального типа, и фабрикой, производящей только одну часть для конструкции многих типов машин.

Что касается второстепенных и вспомогательных процессов во всех отраслях крупного производства, то здесь замечается значительная интеграция. Всюду, где имеется налицо большой и регулярный спрос, стремятся производить упаковку, типографские работы, тару и проч. на месте; и часто крупная современная фабрика заводит свои инструментальные и плотницкие мастерские и химические лаборатории.

Таким образом, ряд мелких, сравнительно простых единиц предприятия, представляющих различные стадии в производстве и распределении данного предмета, группируется в крупные и сложные единицы.

§ 3. Хотя, как мы видели, во многих отраслях производства существует тенденция специализироваться на изделиях определенного качества и ограничивать предприятия различными процессами производства одного сорта товаров, в других отраслях интеграция происходит как по горизонтальной линии, так и по латеральной (бо-

---

[1]) Chapman, «The Lancashire Cotton Industry», стр. 165.

ковой), когда промышленник или купец увеличивает число производимых им видов благ. Это часто случается, когда два вида изделий связаны между собою одинаковостью сырого материала или методов обработки. На этом основании бисквитная фабрика, вроде Гэнтлей и Палмер, расширяется до того, что поглощает массу других разнообразных пищевых продуктов, а фабрика часов начинает заниматься изготовлением электрических или хирургических аппаратов.

В розничной торговле эта тенденция к интеграции получила широкое распространение. Современный бакалейщик продает мясные консервы, печение, вино, чайники и рождественские открытки, торговец сукнами продает все сорта отделочных товаров в писчебумажном магазине, у торговцев маслами или китайскими товарами можно получать все более разнообразные товары; все они развиваются в направлении «универсальной торговли». «Склады» и универсальный магазин являются кульминационным пунктом этой эволюции розничной торговли, возвращая ее к расширенной и усложненной форме примитивной деревенской «универсальной лавки»[1]). Но здесь, как и в других местах, иногда преобладает тенденция к дифференциации: модные магазины посвящают себя продаже только специальных сортов перчаток, шляп, сигар или мехов, а торговые или промышленные компании основывают массу розничных отделений для продажи какого-нибудь одного предмета, как, например: часов, велосипедов, рубашек, готового платья, кофе и т. д.

Повсюду в промышленном мире под давлением интегрирующих и дифференцирующих сил единица предприятия меняет свою форму, иногда переходя к более широкому полю деятельности, иногда к более узкому. В финансовом и банковом деле положение таково же, как и в промышленности и торговле. Современный банк занимается различными операциями денежных ссуд и дисконта, которые не входили в состав его прежних функций, а современный биржевой маклер вечно стремится к максимальной специализации на том виде бумаг, которыми он оперирует.

Хотя в значительной области деловых предприятий господствует сильная тенденция к увеличению сложности и структуры, все-таки ясно, что даже в определенно капиталистических отраслях эта тенденция не находит себе повсеместного применения. Увеличение размеров обычно вызывает дальнейшее разделение труда и бóльшую дифференциацию в других областях, даже в тех предприятиях, где не было начато никакого нового производства. Если, с одной стороны, расширяющееся предприятие увеличивает разнообразие своих продуктов, а с другой стороны, заводит у себя различные предшествующие или вспомогательные процессы, бывшие прежде независи-

---

[1]) Тот же возврат к общему примитивному типу наблюдается и в некоторых промышленных предприятиях, например, в хлопчатобумажных. «Изба ткача с ее грубыми аппаратами для натягивания основы, ручного чесания шерсти, с ручными прялками и примитивными ткацкими станками, была паровой ткацкой фабрикой в миниатюре». («Guest, «History of the Cotton Manufacture», стр. 47).

ными, оно легко может достичь той степени сложности, где начинается рост неурядиц и непроизводительных трат, благодаря недостатку центрального управления. Отсюда мы должны сделать вывод, что как для каждого класса предприятий в каждое данное время существует нормальный размер максимальной производительности, так же существует и нормальная степень сложности.

Обычно усложнение идет параллельно с увеличением размеров: там, где капиталистические силы способствуют производству шаблонных товаров и услуг в широком масштабе, мы встречаем более гетерогенные и лучшие интегрированные единицы предприятий. Это является отчасти результатом внутренней дифференциации, отчасти результатом присоединения новых отделов извне.

§ 4. Переходя от единицы предприятия к более крупной в организации промышленности единицы — рынку или группе непосредственно конкурирующих между собою предприятий, мы замечаем, что и там имели место аналогичные изменения. Рассматривая эти изменения, необходимо ясно схватить соотношение между рынком и промышленностью. Для нас не имеет значения простой факт, что два лица или группа лиц в различных местах занимаются одинаковыми производственными процессами, т.-е. принадлежат к одной и той же отрасли производства. Отрасль производства или совокупность производственных единиц определенного вида становится единством в производственном смысле только постольку, поскольку существует конкуренция при покупке сырья, орудий и рабочей силы для ведения предприятия и при продаже продуктов их труда. Ткачи хлопчатобумажных тканей в центральном Китае принадлежат к той же самой профессии, что и ткачи Ланкашира, и работают орудиями, похожими на те, которые до сих пор распространены в сельской промышленности Германии и Франции, но между ними возможна лишь такая косвенная и слабая конкуренция, что при изучении организации промышленности ею можно совсем пренебречь. Только в конкуренции на рынке предприятия сталкиваются между собой и вступают в живую связь. В одной отрасли промышленности может существовать несколько рынков, лишь очень отдаленно и косвенно связанных между собой. Рынком же называется ряд предприятий, связанных непосредственной конкуренцией: «экономисты понимают под термином «рынок» не какую-нибудь определенную территорию рынка, где покупаются и продаются предметы, а совокупность какой-либо области, в которой покупатели и продавцы вступают друг с другом в такого рода свободные сношения, что цены на одни и те же товары легко и быстро уравниваются» [1]).

Единая цена, установленная конкуренцией, является таким образом существенной характерной чертой и признаком рынка. Предприятия, так тесно связанные между собой, что они продают и

[1]) Cournot, «Recherches sur les Principes Mathématiques de la Theorie des Richesses» (цитир. у Marshall, «Principles of Economics», стр. 384).

покупают по одним и тем же ценам, или, что эти цены отличаются друг от друга только вследствие известных преимуществ или невыгод географического характера и, в соответствии с ними, являются членами одного рынка. Денежный рынок — един для всего мира. Цена на деньги в Лондоне, Риме, Рио-де-Жанейро может быть различна, но эта разница будет соответствовать известной разнице в риске. Всегда будет существовать тенденция к установлению единой цены, или другими словами: сто фунтов стерлингов деньгами в любом месте земного шара представляют одинаковую сумму благ, за них будет заплачена одна и та же цена, а каждое различие в их ценности, как блага, точно отразится на разнице в их цене.

Абсолютная свобода сношений не имеет существенного значения для организации общего рынка. Таможенные тарифы и другие преимущества и невыгоды могут поставить конкурента в неравное положение. Кроме того, чтобы сделаться членом рынка в смысле участия в определении цены, предприятие не должно непременно быть активно в числе конкурентов. Часто боязнь возможной конкуренции извне держит цены на уровне, выше которого они могли бы подняться, если бы не боялись, что такое повышение приведет новых активных и опасных конкурентов извне. До недавнего времени Англия была монополистом на хлопчатобумажном рынке некоторых восточных стран, но цены, по которым она продавала, определялись возможностью конкуренции как со стороны французских и германских купцов, так и непосредственной конкуренцией различных английских фирм. В некоторых областях рынок совпадает с отраслью производства, т.-е. мы имеем там мировой рынок. Так обстоит дело со многими формами денег, наиболее абстрактной и наилучше приспособленной к конкуренции формой благ.

Торговцы биржевыми ценностями и драгоценными металлами постоянно и энергично конкурируют во всех крупных коммерческих центрах мира. Другие основные блага, ценность которых велика, прочна и портативна, — как, например, драгоценности, пшеница, хлопок, шерсть, — имеют единый рынок для всех сделок и надобностей.

Этот мировой рынок является высшим достижением современного механизма транспорта и обмена, железных дорог, пароходов, прессы, телеграфа и кредитной системы, созданных и продолжающих существовать при помощи этих материальных факторов.

Объем рынка для различных товаров меняется в зависимости от свойств этих товаров, начиная от мирового рынка биржевых ценностей до минимального рынка, состоящего из нескольких соседних ферм, конкурирующих при продаже своих перезрелых слив или снятого молока. Важнейшими свойствами, определяющими размер рынка, являются:

(а) Размеры спроса. — Предметы универсального или очень распространенного спроса, отличающиеся в то же самое время прочностью, как, например, деньги, шерсть, пшеница, конкурируют на очень широком рынке. Предметы, специально приспособленные

по вкусам и потребностям данной отдельной местности или небольшой группы людей, имеют узкий рынок. Так обстоит дело с платьем специального покроя и некоторыми видами фабрикатов, из которых делаются платья. Для некоторых сортов топографических книг рынок ограничивается пределами графства, хотя для других книг книжным рынком является мировой рынок.

(b) Портативность. — Даже там, где спрос не является повсеместным, объем рынка может быть очень широк, если высокая ценность связана в товаре с небольшой массой. Пример таких явлений представляют: курительный табак и более высокие сорта вин и ликеров. Для простых кирпичей существует лишь местный рынок, а портландский мрамор сбывается на национальном рынке.

(c) Прочность. — Прочные товары, или товары, которые легко транспортируемы в пределах современных транспортных средств, имеют широкий рынок. По этой причине портящиеся продукты, как, например, многие фрукты и овощи, имеют лишь узкий рынок.

§ 5. Современное машинное производство почти повсюду увеличило размеры рынка. Территория конкуренции колоссально расширилась особенно для более прочных сортов товара. Мы обязаны этим ростом главным образом транспортному механизму — транспортному механизму товаров и известий. Дешевая, быстрая, безопасная и легче калькулируемая перевозка сократила пространство для задач конкуренции. Усовершенствованные средства быстрой и достоверной информации относительно способов производства, рынков, изменений цен фактически уничтожили момент пространства.

Машинное производство и механический транспорт имеют тенденцию к нивеллированию, которое непосредственно способствует расширению сферы действия конкуренции. Поскольку распространение знаний теснее связывает каждую часть промышленного мира с остальными, быстрее и производительнее перенимаются новейшие и лучшие методы производства. Так, в каждом производстве, все меньше и меньше зависящем от уменья рабочего и все больше и больше от свойств машинного оборудования, каждое изменение, дающее этим последним преобладание, стремится уравнять стоимость производства в различных странах и тем самым облегчить производительную конкуренцию.

§ 6. Современные методы производства принесли с собой также расширение объема рынка и во времени. Конкуренция захватывает большее количество времени так же, как и большее пространство. Производством управляет количество и качество не только потребностей данного моента, но оно все более и более зависит от учета будущего потребления. Все большая часть умственной силы делового человека отдается предвидению будущих условий рынка, и все большая часть механической и человеческой силы уходит на заготовление товаров для удовлетворения вычисленного заранее будущего спроса. Это расширение рынка во времени или рост спекулятивного производства является отчасти причиной, отчасти резуль-

татом усовершенствования механических приспособлений в производстве и транспорте. Рост производительных сил при новой системе машинного производства во многих отраслях промышленности далеко обогнал запросы потребления настоящего момента по выгодным ценам. А большее знакомство с расширяющимся рынком дало основание для калькуляции, которая побуждает промышленников утилизировать свободные производительные силы для заготовки товаров для удовлетворения запросов будущего. Пока производство ограничивалось работой человека при слабой помощи сил природы, работавшего простыми орудиями, продукция производственной энергии редко превышала существующий спрос на предметы потребления.

Но машина изменила все это. Современные промышленные страны в состоянии производить потребляемые блага гораздо быстрее, чем те, кто может их потреблять, согласен приобретать их. Поэтому налицо имеется все возрастающий избыток производительных сил, излишних, поскольку дело касается производства товаров, подлежащих потреблению в данный момент. Этот избыток производительных сил надо сохранить. Но его можно сохранить, только воплотив в некоторые материальные формы, которые не нужны для непосредственного потребления, но помогают увеличивать прибыль, с которой можно будет производить потребляемые блага в будущем. Чтобы дать место этой новой форме экономии, необходимо поместить между первыми процессами добывания сырого материала из земли и последними процессами розничной торговли, которые отдают продукт в руки потребителей, все большее число технических процессов. Применяются новые машины, более сложные и более дорогие; специальные мастерские с машинами, которые делают эти первые машины и другие машины, в свою очередь производящие эти последние. Необходимо расширение механизма кредита; растет система агентов и представителей, изобретаются новые способы рекламы. Эта все расширяющаяся область помещения капиталов требуется для свободной энергии машинного производства. Эта перемена обычно описывается словами, что производство стало более «косвенным» [1]). Появляется новый ряд ступеней в производственной лестнице, но пунктом центрального значения является не усложнение производственного механизма. Мы должны отдать себе отчет, что перемена состоит в усилении «спекулятивного» характера торговли. «Косвенный» метод производства означает постоянное увеличение отношения производительных сил, отдаваемых изготовлению «товаров для будущего», к силам, отдаваемым изготовлению «товаров для настоящего». Товары для будущего, — помещение мастерских, машинное оборудование, сырые материалы, — являются, по преимуществу, «таинственными товарами»: их будущая ценность или убыточность зависит в сильной степени от еще не сложившихся условий;

---

[1]) Но не следует забывать, что применение «косвенных» методов экономически оправдывается только постоянным ростом потребления. Что касается данного количества потребления, результатом «косвенных» методов является уменьшение капитала, нужного для его производства.

их общественная полезность и ценность, основанная на этих условиях будущего, зависят целиком от будущих возможностей и желаний тех неизвестных лиц, которые должны покупать и потреблять блага, долженствующие появиться на свет в результате существования и использования этих товаров для будущего. Время, которое фактически протекает между стадией добывания материала из земли и конечной стадией розничной торговли продуктом, при новых методах производства не увеличивается, а часто сильно уменьшается. Сырой хлопок Южной Каролины проходит теперь свой путь до потребителя быстрее, чем это было полтора века тому назад. Если мы добавим к промежутку времени, требуемому для устройства различных форм сложных заводов и машин, которые нужны исключительно только для изготовления хлопчатобумажных товаров, существование которых в промышленном механизме целиком от них зависит, мы увидим, что «косвенный» метод означает усиление на рынке спекулятивного момента или момента времени [1]).

§ 7. Растущая взаимная зависимость промышленности и рынка и все более тесная связь, соединяющая их, все большая быстрота, с которой явление, задевающее одно из них, сообщается и второму, являются дальнейшими чрезвычайно характерными чертами современной промышленности. Эта взаимная зависимость представляет собой в значительной степени одну из усиливающихся организационных связей между отраслями промышленности и рынками, раньше находившимися в отношениях неясного и отдаленного тяготения. Раньше сельское хозяйство являлось одной из наиболее важных основных отраслей хозяйства, и благодаря слабости транспорта жизненная связь и единство, которому он служит, было больше местного характера, чем национального или международного. Теперь сельское хозяйство утратило это господствующее положение. Угольная и железоделательная промышленность, доставляющие сырье для машинного производства и паровых двигателей, машиностроения и транспорта, являются главной пружиной и регулятором всей промышленности, включая и сельское хозяйство. Они образуют систему, соответствующую кровеносной системе человеческого организма; каждое ускорение или замедление ее функций непосредственно и быстро сообщается различным частям организма. Каждое расстройство цен, производительности, регулярности в этих основных отраслях промышленности немедленно автоматически отражается на различных отраслях производства и распределения различных товаров. Истинным мерилом и характеристикой современной промышлености все более и более считают горное дело и металлообрабатывающую промышленность, судостроение и железные дороги; их работа во все большей пропорции входит в состав производства всех потребляемых товаров.

---

[1]) Проф. Бэм-Баверк доказывает, что увеличение времени производства является необходимой характерной чертой капиталистического производства. Ср. «Positive Theory of Capital».

Кроме общей интеграции и унификации промышленности, создаваемой повсеместной взаимной зависимостью отдельных отраслей промышленности от этих великих производств, существуют и другие силы, работающие над объединением промышленных групп. Первое место среди них занимает «косвенный» метод производства, с которым мы уже имели дело. Наша капиталистическая система не только подчиняет ряд отраслей и процессов власти единого капитала в виде одного сложного предприятия, но она устанавливает строгое однообразие промышленной жизни и интересов по всем предприятиям, областям промышленности и рынкам, которые еще остаются самостоятельными, в смысле их юридической принадлежности и управления.

§ 8. Если мы возьмем сумму труда и капитала, составляющую какую-либо из наших основных отраслей производства, мы увидим, что она связана с рядом других областей четырьмя различными путями.

(1) Есть ряд отраслей, с которыми она связана путем непосредственной координации, а именно: отраслей, занятых предшествующими или последующими процессами производства тех же самых продуктов потребления. Так, обувная промышленность связана с импортом кож и коры, с процессом дубления кожи, с экспортом обуви и с различной торговлей обувью. Один и тот же производственный поток протекает по руслу этих различных процессов и, хотя с точки зрения юридической собственности и управления они совершенно не связаны между собой, у этих различных областей есть тесная общность промышленных интересов и взаимное тяготение в торговой области.

(2) Каждая крупная отрасль обрабатывающей промышленности имеет ряд других отраслей вспомогательных по отношению к ней, хотя в некоторых случаях эти последние могут тоже быть крупными и важными и находиться в таких же отношениях еще к ряду отраслей. В крупных текстильных центрах ряд мелких производств: столярное, токарное, лесопильное, отделочное, кузнечное, занят случайной работой по переделке и ремонту помещений и машин на этих текстильных фабриках. То же относится ко всем важным областям промышленности, особенно к связанным с определенной местностью.

Нечто вроде подобных отношений существует между отраслями промышленности, занятыми в производстве главной части какого-нибудь продукта, и более мелкими отраслями, вырабатывающими какую-либо менее важную вспомогательную часть. В отношении к основной текстильной и конфекционной промышленности вспомогательными можно считать производство пуговиц, тесьмы, перьев и прочих украшений и отделок. Точно так же производство обоев или малярное ремесло можно считать вспомогательными отраслями строительного дела, ремесло чистильщиков сапог можно отнести к фабрикации обуви. Эти вспомогательные отрасли бывают связаны с основными теснее или слабее, и сильнее или меньше затрогиваются положением этих последних, в зависимости от того, насколько

незаменимы и необходимы, по своему существу, те вспомогательные элементы, которые они им поставляют. Производство мехов и перьев гораздо больше зависит от непосредственного влияния моды, чем от изменения цен или общего положения основных отделов конфекционной промышленности. С другой стороны, каждая причина, серьезно влияющая на цену сахара, будет иметь большое и непосредственное влияние на производство мармелада, а рост цен на жесть, вызванный тарифом Мак-Кинеля, причинил серьезное затруднение чикагским фабрикантам и экспортерам мясных консервов.

(3) Отношение между одной из главных промышленных артерий, вроде добывания угля, железнодорожного транспорта или машиностроения и каким-либо специальным производством можно считать отношением соподчинения. Размеры, в которых цена на уголь, железнодорожные ставки и пр., входят в состав цены товара и влияют на прибыль данной промышленности, показывают силу этой зависимости. В литейном производстве, в паровом транспорте, даже в гончарной промышленности уголь играет такую важную роль, что здесь будет скорее зависимость сопряженности, а не соподчинения, т.-е. добывание угля надо считать отраслью, стоящей к плавильному производству в отношении координации. Но если топливо не является непосредственным фактором производства, а требуется лишь для получения паровой энергии, как на текстильных фабриках, их зависимость можно назвать соподчинением.

(4) Связь различных отраслей промышленности бывает «родственной» в том смысле, что производимые ими блага приспособлены для одинаковых вкусов, или образуют группу, гармонически связанную при потреблении. В пищевых продуктах хлеб, масло и сыр связаны между собой, сахар и соль находятся в таком же отношении ко многим продуктам питания. Многие из них связаны от природы в том смысле, что одно из них является коррективом для каких-либо дефектов другого, или что их соединение усиливает удовлетворение, которое получается при потреблении их порознь. В других случаях связь бывает более условной, как, например, связь между алкоголем и табаком. Спортивные вкусы человека создают крепкую сочувственную связь между многими отраслями промышленности; то же самое можно сказать относительно литературных, артистических и прочих вкусов, которые, благодаря одновременному спросу на некоторые продукты различных отраслей промышленности, вызванному, до известной степени, гармоническим удовлетворением желаний, соединяют эти отрасли в родственные группы [1]). Эти четыре вида связей отмечают тождество интересов в различных отраслях промышленности.

Иногда отношения бывают противоречивыми или создаются на почве конкуренции. Там, где одна и та же потребность может быть

[1]) Полное и ценное изложение этих гармонических связей с точки зрения потребления и производства см. Patten «Economics of a Dynamic Society».

удовлетворена двумя различными благами или более того, эти отрасли промышленности связаны непосредственной конкуренцией. Наглядным примером такой связи являются керосин, газ и электричество, как средство освещения. Многие отрасли промышленности, производящие однородные, но далеко не тождественные по своим свойствам товары, очень сильно ощущают такого рода связь. Конкуренция между продуктами питания разного рода, которые производят то же самое вещественное действие при помощи различных степеней удовлетворения потребностей, между рыбой и мясом, между различного рода овощами и напитками, дают нам некоторое представление о сложности такого рода взаимоотношения.

В конфекционном деле мы встречаем противоречие интересов различных фабрикатов, вызвавшее крупные перемены в производстве. Наиболее ярким примером является развитие хлопчатобумажного производства, его торжество над шерстяной одеждой, благодаря более раннему использованию новых машин, и над шелком, благодаря превосходству прежних процессов окраски и печатания [1]). Так, в последние годы конфликт между напитками, конкуренция со стороны чая, и в меньшей степени какао, нанес, нанес материальный вред развитию кофейной промышленности на английском рынке. Там, где существует такое соперничество, на промышленность могут также сильно и непосредственно воздействовать как силы, которые благоприятствуют или вредят его конкуренту, так и силы, воздействующие непосредственно на него самого.

§ 9. Развитие многочисленных и крепких организационных связей между различными отраслями промышленности и рынками, связанными с различными территориями, требуют наличия сложной системы каналов между всеми единицами нашего промышленного коллектива. Числом и сложностью этих каналов, связующих различные рынки и предприятия и доходящих до наиболее отдаленных групп потребителей, мы можем измерять эволюцию промышленного организма. По этим каналам текут потоки современной промышленной жизни, темп, длительность и регулярность которых составляют яркий контраст со слабым, коротким и спазматическим течением торговли прежних времен. Спенсер описывает эти успехи распределительных функций в следующих словах: «во времена старой Англии крупные ежегодные ярмарки являлись главным орудием распределения и сохраняли свое значение вплоть до семнадцатого столетия. Не только деревни, но и небольшие города, не имевшие лавок, снабжались нерегулярно разносчиками, которые приобретали товары на этих ярмарках. Далее, с ростом населения промышленных городов и лучших путей сообщения, местное снабжение улучшилось, и базары все больше и больше выполняли функции редких ярмарок. Затем, в главных местностях для основных товаров умножились и самые базары, ставшие в некоторых случаях ежедневными. Наконец, установилось постоянное распределение, так что что ка-

[1]) Ср. Porter, «Progress of the Nation», стр. 176—206.

сается некоторых видов продовольствия, то в каждый город ежедневно утром бывает свежий приток их; а молоко доставляется даже чаще одного раза в день. Переход от времен, когда передвижение людей и товаров из одного места в другое было в частных руках, происходило медленно и редко, ко временам, когда начали ходить каждые несколько дней общественные дилижансы, двигаясь со скоростью четырех миль в час, через времена, когда они сократили промежутки и увеличили скорость и число путей, по которым шло движение, и вплоть до нашего времени, когда по каждой железнодорожной линии движется с максимальной быстротой ежедневно до дюжины сравчительно крупных волн, показывает нам с достаточной ясностью, как социальный обмен веществ, совершавшийся в виде слабых медленных нерегулярных движений, превращается в быстрый, правильный и мощный пульс» [1]).

Дифференциация функций в различных частях промышленного организма находит свое частичное выражение в локализации некоторых отраслей промышленности. Подобно тому, как имеется налицо все растущее разделение труда между индивидуумами и группами индивидуумов, так и расширение площади конкуренции ведет ко все большей локальной специализации.

Рисуя положение грубыми штрихами, можно сказать, что Запад специализировался в Европе и Америке на обрабатывающей промышленности, получая все большую долю своего продовольствия из северо-западных штатов Америки, из России, Прибалтийских губерний, Австралии, Египта, Индии и т. д., а сырые материалы для промышленности из южных штатов Северной Америки, Южной Америки, Индии и т. д. При этом эти последние страны обречены на соответствующую специализацию в сельском хозяйстве и добывающей промышленности. Рассматривая одну Европу, мы видим некоторые крупные характерные черты, отличающие торговлю Балтийского района, Черноморского района, торговлю в районах Дуная, Норвегии и Белого моря. Торговля с Азией также распадается на несколько более или менее поддающихся определению территориальных районов, как, например: левантинская торговля, индийская, торговля Красного моря, торговля района Проливов, Ост-Индии, Китая и т. д. Таким образом разделена в коммерческих целях вся мировая торговля [2]). Хотя эти подразделения торговли первоначально были продиктованы скорее соображениями транспортного характера, чем производственного, однако, географический, климатический или какие-либо другие естественные факторы, определяющие удобные транспортные пути, имеют, как оказалось, большое влияние на характер промышленности, а сами условия транспорта сильно способствуют определению вида труда, которым занимается каждая часть света.

---

[1]) «Principles of Sociology», том I, стр. 500 (3-е издание).

[2]) Более подробный анализ подразделений национальной торговли ср. Dr. Yeats, «The Golden Gates of Trade».

Установление все большего и большего числа благ для мирового рынка изменяет с чудесной быстротой индустриальное лицо земного шара. Это не так ярко видно в наиболее высоко развитых европейских странах, которые под влиянием полувековой умеренно свободной конкуренции за европейский рынок уже установили более или менее постоянное положение вещей в смысле промышленной специализации; но в Новом Свете и в тех старых странах, которые теперь быстро поддаются нашествию машинного производства в области транспорта и обрабатывающей промышленности, процесс специализации идет быстрыми шагами.

Лучшее знание земного шара, легкость сообщения, колоссальное увеличение текучести капитала и значительный рост подвижности труда энергично работают над распределением мировой производственной деятельности в соответствии с некоторыми основными естественными условиями. Те промышленные силы, которые действовали в Англии в течение последних полутора столетий, сгоняя население и промышленность из южных и восточных графств и концентрируя их главным образом в Ланкашире, Западном Ридинге, Стаффордшире и вокруг угольных копей Нортумберленда и Южного Уэллься, специализируя каждый город и каждую местность на какой-нибудь отдельной отрасли текстильного, металлического или еще какого-либо производства, для которого подходит их почва, положение или другие естественные условия, начинают теперь расширять сферу своего контроля на всю поверхность исследованного и населенного земного шара.

Громадные территории Азии, Южной и Центральной Африки, Австралии и Южной Америки подпадают под влияние коммерческих стран Европы, открываются для торговли, благодаря пароходам, железным дорогам, телеграфам, и становятся свободными приемниками все растущих количеств капитала, который не может ближе найти безопасного и выгодного положения. Таким образом, мы все больше приближаемся к моменту, когда вся поверхность земного шара будет в промышленных целях отдана во власть тех самых сил, которые в течение долгого времени ограничивали свое непосредственное действие небольшой частью Западной Европы и Америки. Эта громадная экспансия производственной конкуренции начинает способствовать специализации промышленности, уже локализированной по специальностям на более узкой основе национального или районного рынка, на основе рынка мирового. Так, в Англии, где рано специализировавшееся машинное производство было лишь слегка задето иностранной конкуренцией, произошли большие перемены. Часть нашей текстильной и металлообрабатывающей промышленности, естественно утвердившейся в районах Ланкашира, Йоркшира и Стаффордшира, в то время, когда конкуренция велась в национальном масштабе [1]), переходит к Индии, Германии и другим стра-

[1]) Иностранная конкуренция английским текстильным товарам давала себя сильно чувствовать в начале столетия в области ручного производства; но в области высоко развитого машинного производства она более или менее является

нам с тех пор, как началась более или менее свободная конкуренция в масштабе мировой промышленности. Неизбежно, что с каждым расширением сферы конкуренции, в которую попадает данная местность, меняется характер ее специализации. Клочок английской территории, занятый под земледелие, когда рынок был районным с центром в городе графства, становится маленьким фабричным городом, когда конкуренция расширяется до национального масштаба; он может стать дачным местом для удалившегося от дел спекулянта-миллионера, если под влиянием мировой конкуренции оказалось бы, что производство, которое ведется там в данный момент, выгоднее продолжать в Бомбее или Нанкине, где дешевле всего единица рабочей силы, или где можно получить какую-либо мелкую экономию в транспорте сырья.

§ 10. Одним из вопросов, на которые несомненно нельзя дать точного ответа, является вопрос о том, как разместилась бы промышленность, если бы вся поверхность земного шара слилась в единый рынок или единую сферу конкуренции с равномерным развитием транспортных возможностей во всех ее частях. Или другими словами: «Каково идеальное размещение промышленности во всемирном обществе, ставящем своею целью достижение промышленного благосостояния, исчисляемого в ценностях нашего времени? На этот вопрос нет точного ответа. Но поскольку этот идеал является целью прогресса современной промышленности, имеет все-таки смысл привлечь внимание читателя к главным определяющим факторам локализации промышленности при свободе мировой конкуренции. Эти факторы можно разделить на три группы, которые, однако, во многих пунктах связаны между собой.

(1) Первую групу можно назвать климатической; главнейшими элементами ее являются: астрономическое положение, контуры поверхности, господствующие воздушные и океанические течения и т. д. Климатические зоны имеют свою собственную флору и фауну, и поскольку эти последние входят в состав производства в виде продуктов сельского хозяйства и скотоводства, как производственное сырье, как продовольствие для рабочих, они являются природными факторами, определяющими локализацию промышленности. Продукты растительности очень характерны для климатических зон. «Северная зона имеет свою специальную растительность, состоящую из мхов, лишаев, ягод, овса, ячменя и ржи; умеренная зона дает: горох, бобы, корнеплоды, хмель, овес, ячмень, рожь и пшеницу; эта зона, характеризующаяся громадными пастбищами, плантациями хмеля, полями ячменя, носит также определенное название района «пива и масла». Умеренно-жаркая зона или страны «вина и масла» характеризуются произрастанием виноградной лозы, оливкового, апельсинного, лимонного, гранатового дерева, чая, пшеницы, маиса и риса; субтропическая зона — финиками, винными ягодами, вино-

---

современной. Шульце-Геверниц приходит к выводу, что депрессия 1820 г. в области труда и заработной платы среди ручных ткачей была вызвана не столько новыми машинами, сколько иностранной конкуренцией («Der Grossbetrieb», стр. 41).

градниками, сахарным тростником, пшеницей и маисом; тропическая зона характеризуется кофе, какао, кокосовыми орехами, саго, пальмами, винными ягодами, аррорутом и пряностями; а экваториальная зона—бананами, смоковницей, кокосовыми орехами и т. д. [1]).

(2) Вторую группу составляют географический и геологический факторы. Контуры страны и ее положение, ее пространственное отношение к другим странам, свойства почвы и подпочвы, количество рек и озер, хотя и связаны тесно с климатическими влияниями, имеют, однако, и самостоятельное значение. Свойства почвы, дающие злакам минеральную пищу, имеют важное значение для промышленного сырья. Контуры страны и ее положение, в особенности очертания ее береговой линии, имеют как климатическое, так и социальное значение, давая направление сношениям с другими странами, переселению народов и цивилизации, что играет такую большую роль в истории промышленности.

(3) Силы, выражающие в каждый данный момент национальный характер, характерные черты исторического происхождения расы, количество продуктов питания, темп и направление промышленного развития, плотность населения и различные другие причины, являющиеся факторами, определяющими производительность труда, сильно зависят от вышеназванных двух групп. Соотношение этих природных и человеческих влияний в мировой конкуренции вызывает такое распределение различных отраслей промышленности по различным местностям, которое создает максимальную чистую производительность труда в каждом данном месте.

§ 11. Но эта всемирная конкуренция какой бы свободной она ни стала, не может создать никакой законченности, никакого раз на всегда установленного распределения промышленной деятельности между различными частями земного шара. Оставляя в стороне все политические соображения и другие мотивы внеэкономического характера, следует указать три причины, делающие невозможным такое территориальное постоянство промышленности.

Первой причиной является вред и фактические потери природы от переработки минеральных богатств почвы, фауны и флоры, питающейся ею, в потребляемые товары, и невозможность возместить точный эквивалент потерь. Разработка каменноугольных копей, истребление лесов, отражающееся на элементарных климатических условиях, дают примеры такого вреда.

Во-вторых, этот прогресс промышленной техники новых научных открытий приложим и к промышленности. Нет никаких оснований полагать, что возможен какой-то конечный предел человеческому знанию: оно бесконечно так же, как и богатство природы и способность человеческого искусства к развитию.

И, наконец, по мере развития жизни человечества, условия существования должны непрерывно изменяться, и каждая перемена отражается на ценности, которую имеют различные формы потребле-

[1]) Yeats, «The Golden Gates of Trade», стр. 12.

ния и производственные процессы, вырабатывающие различные полезные предметы. Новые потребности стимулируют новые технические приемы, новая техника изменяет расположение промышленности, отводя большую роль новым частям земного шара. Помимо этих новых материальных потребностей, которые требуют для своего удовлетворения переработки новых видов сырья, распространение некоторых видов спорта, любовь к красотам природы, умение ценить здоровые условия жизни начинают оказывать все более заметное влияние на расселение некоторых классов населения и локализацию промышленности в передовых странах мира.

§ 12. Те же самые законы и те же самые пределы, которые мы установили по отношению к характеру и степени специализации целых стран или больших территорий, наблюдаются и по отношению к меньшим районам, городам и улицам. Отрасли промышленности, производящие дорогие и прочные предметы для широкого спроса, специализировались по местностям. Отрасли, изготовляющие громоздкие, портящиеся, нематериальные блага или товары, на которые нет большого спроса, не делятся по специальностям. В Англии, где внутренние пути сообщения были развиты лучше всего, и где конкуренция внутри страны была свободнее и сильнее, чем где бы то ни было, наблюдается наибольшее развитие специализации во многих основных отраслях промышленности. Концентрация бумагопрядения в Южном Ланкашире дает пример, действительное значение которого часто недооценивается. С самого начала Южный Ланкашир был главным центром промышленности, но теперь она гораздо более сконцентрирована в нем, чем сто лет тому назад. Многие наиболее ценные изобретения в прядильном производстве были впервые применены в Дербишире, в Ноттингаме, в Бирмингаме и в Шотландии. Затем Шотландия постоянно конкурировала в ткацком производстве с Ланкаширом. Теперь шотландская промышленность ограничивается некоторыми специальными отраслями. Несмотря на колоссальное развитие производства, площадь которую она занимает, стала даже меньше, чем была в последнем столетии. В самом Ланкашире площадь, фактически занимаемая производством, сократилась до каких-нибудь 25 кв. миль на крайнем юге, а два больших города продолжают все больше специализироваться — Ливерпуль в качестве хлопкового рынка, Манчестер в качестве рынка пряжи и хлопчатобумажной ткани.

Кроме того локализация различных отделов промышленности в самом Ланкашире дает еще более замечательные явления. Старые фабрики, где прядильное и ткацкое производство велись вместе, не только уступили место разделению труда, но эти два процесса происходят, по большей части, в различных районах: первый в городах около самого Манчестреа, последний в более отдаленном северном округе. Но специализация не ограничивается этим. Прядильная промышленность опять-таки делится соответственно более грубым и более тонким сортам пряжи. Район Ольдгама, с Аштоном, Миддтоном и другими городами к югу от Манчестера, производит

главным образом средние сорта. Болтон, Чорлей, Престон и другие северные города производят более тонкие номера. В ткацкой промышленности существует еще более сложное разделение труда, при чем каждый город или округ специализируется на каком-либо одном сорте товаров [1]).

Кроме того надо иметь в виду, что замена производства на дому фабрикой и постоянное расширение средней фабрики уже означает значительное развитие территориальной концентрации. Так, хлопчатобумажная промышленность фактически не занимает даже приблизительно той территории, которую она занимала, когда была в сто раз меньше. То же можно сказать и относительно других главных отраслей текстильной и металлообрабатывающей промышленности. Но города и округа специализировались не только в области промышленности. Громадный рост торговли, вызванный машинным производством и механическим транспортом, требует специализации некоторых городов и в чисто коммерческих целях. Лондон, Ливерпуль, Глазго и Гулль все больше и больше занимаются исключительно функциями хранения на складах и экспедицией. Сам Манчестер быстро теряет свой производственный характер и занимается почти исключительно импортной и экспортной торговлей. Обслуживание железных дорог создало большие самостоятельные города, как, например, Крью, Дерби, Нормантон и Суиндон. Кардиф дает важный пример нового рудникового центра, созданного в период, когда машинная эволюция Англии достигла уже зрелости.

Специализация функций в большом городе идет двумя путями. Сильная территориальная организация в основной отрасли промышленности требует, чтобы вокруг нее группировался ряд второстепенных или вспомогательных отраслей. В больших текстильных центрах находятся и фабрики, производящие машины для текстильной промышленности и разные вспомогательные материалы. Машиностроительная промышленность Манчестера является одной из важнейших его отраслей и снабжает соседние текстильные города. То же самое делает Лидс для шерстяной промышленности. Эта черта является одним из отличительных свойств, в которых сказываются преимущества более высокого развития английской хлопчатобумажной промышленности над континентальной. Из всех центров на континенте только один Эльзас достиг такой концентрации промышленности, что создал местное машиностроительное производство, специально занятое изготовлением машин для хлопчатобумажных фабрик. Германия до сих пор сильно зависит от Англии в смысле получения от нее машин [2]). Так же и для сопряженных отраслей промышленности выгодно, когда главные процессы сгруппированы близко друг от друга, хотя они и не объединены в одном и том же

---

[1]) Ср. Детальное исследование всего этого вопроса у Шульце-Геверница «Der Grossbetrieb», стр. 98, 99 и т. д. Также ср. Holm в «British Industries», изд. проф. W. J. Ashley.

[2]) Schultze Gaevernitz, стр. 110.

предприятии. Так мы находим, что красильные фабрики и различные отрасли конфекционной промышленности часто концентрируются в крупных текстильных городах, вроде Лидса, Бродфорда, Манчестера, Болтона. Таким образом, единицей локальной специализации оказывается не отдельная отрасль промышленности, а группа тесно связанных отраслей, сопряженных, соподчиненных и производных.

Около некоторых крупных отраслей промышленности, где работают мужчины, возникают мелкие паразитические производства, вызванные к жизни наличием большого количества дешевого женского и детского труда. В центрах металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, как Бирмингам, Дудлей, Уолсол и Ньюкестль на Тайне и в других городах, занятых судостроением, где основные производства являются монополией мужчин, возникли текстильные фабрики. То же самое можно сказать относительно многочисленных горнопромышленных и сельских поселков вблизи крупных текстильных центров. В графствах средней Англии все увеличивается стремление устраивать текстильные фабрики в деревнях, где можно достать дешевый женский труд, и где зависимость рабочего сильнее, благодаря прикреплению к месту и меньшей пригодности для создания хорошей профессиональной организации. По мере того, как текстильное производство все больше переходит в руки женщин, эта тенденция превратить его в паразитическую промышленность, процветающую на основе низкой оплаты женского труда там, где до сих пор установился доброкачественный и хорошо оплачиваемый мужской труд, получит, вероятно, еще большее развитие.

Следующая таблица [1]) дает количество женщин на 1000 рабочих в главных отраслях текстильной промышленности Англии и Уэлльса.

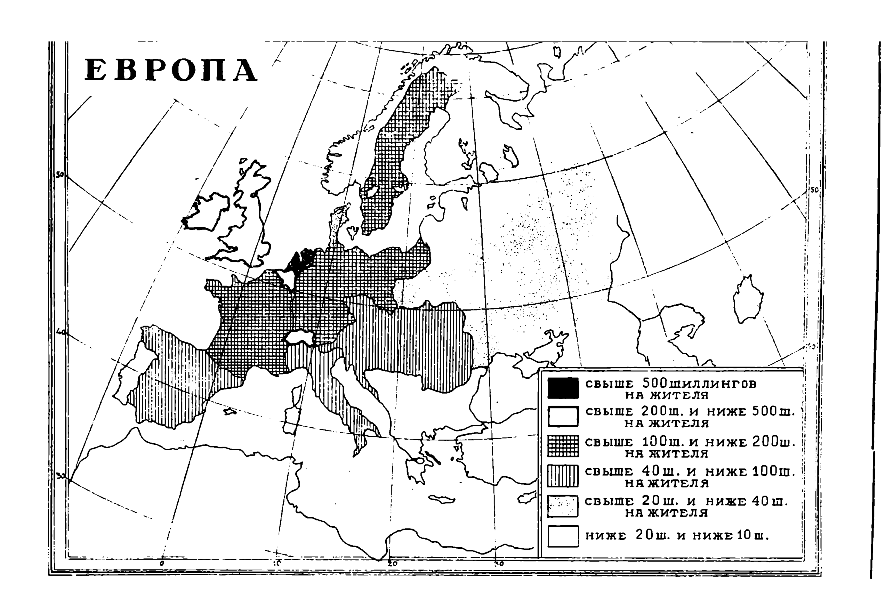
Отрасли производства.	1861.	1871.	1881.	1891.	1901.
Хлопчатая бумага	567	698	620	609	628
Шерсть и крученая шерсть	461	513	561	557	582
Шелк	642	676	691	667	702
Пенька джут и т. д.	265	304	374	393	492
Трикотаж	468	468	533	629	713
Кружева	829	826	743	625	653
Ковры и т. д.	183	312	362	440	517

[1]) «General Report of Census», стр. 86.

§ 13. В крупных промышленных центрах очень заметна специализация определенных районов внутри города, хотя она проводится гораздо менее строго, чем в средневековом городе. Часто это территориальное разделение определяется естественными причинами, как, например, в отраслях промышленности, тяготеющих в берегам рек, например, на кирпичных заводах и в огородничестве на окраинах предместий. В каждом большом городе вокруг центрального вокзала располагается ряд производств, связанных с посреднической торговлей, так как это вызывается удобствами производства и жизни. Каждое производство, рынок или биржа являются притягательным центром. Так, маклерские, банковые и вообще финансовые предприятия тесно группируются вокруг королевской биржи. Марк Лэн и Минсинг Лэн стали центрами хлебной и чайной торговли. Во всех отраслях городской промышленности, незанятых непосредственно розничной торговлей, такая скученность дает некоторые несомненные выгоды и удобства. Агенты, вояжеры, скупщики и другие лица, имеющие дело с покупкой или продажей ряду предприятий данной отрасли, находят массу неудобств при сделке с фирмой, территориально оторванной от основной массы. Поэтому, когда какой-нибудь район раз навсегда признан промышленным центром, для каждого нового конкурента становится важным обосноваться в нем. Чем больше город, тем сильнее эта тенденция к централизации промышленности. Поэтому мы встречаем в Лондоне, где нет никакой гильдейской или городской регламентации, определенную локализацию большинства оптовых и некоторых розничных предприятий.

В розничной торговле экономические выгоды менее безусловны. Поскольку розничные товары приобретаются обычно для домашнего употребления, а дома разбросаны повсюду, часто перевешивают соображения об удобстве быть близко к своим покупателям и далеко от конкурентов. Магазины, продающие хлеб, мясо, рыбу, фрукты, бакалею — предметы, которые покупаются часто и по большей части в небольших количествах, магазины, продающие дешевые предметы повседневного потребления, каковы: табак, галантерея, письменные принадлежности, и вообще магазины предметов домашнего потребления, покупка которых выпадает на долю женщин, разбросаны повсюду. С другой стороны, если предметы торговли более редки и более дороги, когда вероятно, что покупатель захочет сравнить цены и качество товаров и согласится на специальную прогулку за этими покупками, тогда и в розничной торговле берут верх централистические тенденции. Так обычно торговцы экипажами, роялями, велосипедами, более солидной мебелью, драгоценностями, подержанными книгами, мехами, а также дорогие портные и торговцы галантерейным товаром группируются на специальной улице, или по соседству друг от друга.

В розничной торговле интересы конкуренции требуют иногда концентрации, а иногда распыления предприятий. Но наиболее характерным современным явлением в розничной торговле является

ЕВРОПА
свыше 500 шиллингов на жителя
свыше 200 ш. и ниже 500 ш. на жителя
свыше 100 ш. и ниже 200 ш. на жителя
свыше 40 ш. и ниже 100 ш. на жителя
свыше 20 ш. и ниже 40 ш. на жителя
ниже 20 ш. и ниже 10 ш.

комбинация центростремительных и центробежных сил, связанная с ростом единицы предприятия, — процесс, наблюдаемый во всей хозяйственной жизни. Крупное торговое общество с рядом местных агентов, которые регулярно заходят к заказчикам на дом за заказами, является наивысшей формой организации розничной торговли. Во всех областях постоянного и общего потребления эволюция идет по направлению к этому постоянному снабжению на дому. Более богатые классы уже научились закупать таким путем в городах все легко портящиеся виды продовольствия и многие другие предметы домашнего потребления, а все большая легкость почтового сообщения и пересылки товаров дает им возможность закупать в крупных центральных складах при помощи прейс-куранта все остальные предметы, в которых не играют большой роли элементы индивидуального вкуса или каприза. Этот обычай распространяется среди средних класов в небольших городах, так что мелкая распыленная розничная торговля все больше и больше зависит от удовлетворения потребностей трудящихся классов и продает по преимуществу такие предметы роскоши и комфорта, которые удовлетворяют менее постоянным и отвлеченным вкусам состоятельных классов. Так же, как в городе, мы имеем постоянное автоматическое снабжение водой и газом, вместо нерегулярного снабжения, зависящего от числа индивидуальных покупок. Так же, вероятно, будут удовлетворяться в будущем все регулярные потребности потребителей.

Трудно сказать, в какой мере для облегчения и удешевления такого рода распределения применимы механические изобретения. Для многих форм шаблонного потребления пригодны автоматы, распределяющие спички и сладости. В более крупных магазинах уже применяются многие виды экономящих труд машин. Как в местном транспорте легче прививалась паровая и электрическая энергия, так и розничная продажа товаров из одного крупного центра, вероятно, разовьется быстрым темпом, а замена человеческого труда машиной произойдет в распределении, подобно тому, как она произошла в промышленности. Поскольку потребности широких классов публики становятся регулярными, а их потребление количественно измеримым, несомненно, что работа по распределению перейдет к машине, особенно в больших городах, которые поглощают все бо́льшее количество потребляющего населения, что очень удобно для механической организации распределения. С каждым новым завоеванием машины в области торговли резко определятся характерные черты машинной промышленности: большое количество предприятий, больший объем рынка, большая сложность отношений к другим отраслям промышленности, большая специализация местного производства.

Таким образом, мы видим в различных областях хозяйственной жизни при действии одних и тех же экономических сил расширение размеров, усложнение структуры и функций и рост связи между высоко дифференцированными частями предприятия, рынком и той совокупностью связанных между собой отраслей промышленности

і рынков, которые образуют мировое хозяйство. Физическим орудием, которое дало возможность развиться этим экономическим силам, способствующим росту, величине, гетерогенности и связности [1]), является машинное производство в промышленности и транспорте. Кроме того каждое новое завоевание машинной техники в добывающей промышленности и распределении выявляет те же организационные и функциональные черты и в этих процессах.

[1]) При свободном применении спенсеровской формулы эволюции к современной промышленности я не включил свойство «завершенности», в котором после основательного размышления мы не обнаружили смысла, который не заключался бы уже в понятиях гетерогенности и связности.

ГЛАВА VII.

ФОРМЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАПИТАЛА.

§ 1. Конкуренция растет по мере развития современного капитализма. § 2. Попытки организации объединений. — Бирмингамский союз. § 3. «Пулы» в американской металлообрабатывающей промышленности. § 4. Железнодорожные и пароходные «конференции». — Пулы в страховом деле. § 5. «Корнеры» на рынке.

§ 1. Расширение и усложнение единицы предприятия в тех отраслях промышленности, где действуют концентрирующие силы капитализма, изменяют отношение между предприятиями, работающими на один и тот же рынок. Когда увеличение нормальных размеров предприятия сопровождается соответственным расширением рынка, общее число конкурентов может оставаться прежним, и условия конкуренции могут не измениться. Но в большинстве отраслей капиталистической промышленности рынок перестает расширяться с той же быстротой, с какой увеличиваются размеры здорового предприятия, так что общее число активных конкурентов на рынке имеет тенденцию сокращаться. Пока конкуренция между меньшим числом крупных конкурентов остается столь же «свободной», как она была раньше между большим числом мелких конкурентов, в структуре рынка не происходит никаких радикальных изменений. Попрежнему все выгоды производства имеют тенденцию попадать путем понижения цен на товары в руки потребителя. Более того, конкурирующая фирма не может даже сохранить в свою пользу выгод какой-нибудь частной индивидуальной экономии, если у его конкурента имеется какая-либо другая частная экономия, равного ей значения. Если А и В будут обозначать две непосредственно конкурирующие фирмы, из которых А имеет специальную машину, дающую ей два процента свыше нормальной прибыли, а В имеет дешевый труд, дающий ей такое же преимущество, эти частные выгоды взаимно уничтожаются конкуренцией и переходят, благодаря понижению цен, в карманы потребителей.

Есть все основания полагать, что с сокращением числа конкурентов и ростом каждого из них конкуренция становится все острее и острее. При старых условиях деловой жизни традиции имели большую власть; личный элемент играл большую роль как в определении качества товара, так и в доверии к фирме; покупатель не сравнивал цен так детально, он не руководствовался

исключительно цифрами и не сбивал систематически цен; он не отдавал столько времени, внимания и денег на то, чтобы отбить у другого клиентуру [1]). В новых предприятиях почти совершенно исчез этот личный элемент и этические традиции, и по мере роста выгод крупного производства отдается все больше внимания непосредственной борьбе с конкурентами. Поэтому самые жестокие и бесцеремонные формы конкуренции проявляются именно в наилучше организованных отраслях производства, снабженных самыми последними машинами, в состав которых входят крупнейшие единицы капитала.

Впоследствии мы детально рассмотрим роль, которую машинное производство, с его неподдающейся калькуляции тенденцией к перепроизводству, играло в такого рода конкуренции. Здесь достаточно показать тот установленный факт, что расширение размеров предприятия не сократило конкуренцию, а сделало ее более интенсивной. Колебания рынка сильнее всего дают себя чувствовать в крупных отраслях машинного производства; более мелкие предприятия не в состоянии удержаться при депрессии или остановке работ, и самозащита толкает их к объединению. Заем капитала, организация акционерных предприятий и все формы кооперации капитала быстрее всего развивались в текстильной, металлообрабатывающей промышленности, в транспорте, в судо- и машиностроении, а также в тех более мелких отраслях производства, которые требуют большого количества дорого стоющего оборудования, как, например: пивоварение и химическая промышленность. Объединение мелких капиталов в один крупный, поглощение мелких предприятий крупными означает прежде всего стремление избавиться от риска и опасности, связанных с мелким производством при колебаниях современной промышленности. Но поскольку все движутся в одном и том же направлении, никто ничего не выигрывает. Некоторые общие выгоды делятся между сильнейшими конкурентами, но все большее и большее количество энергии поглощается самой борьбой, и сделанные в производстве экономии отчасти расточаются непроизводительно в процессе жестокой конкуренции, а отчасти переходят в виде понижения цен к потребителям. Таким образом, стремление обеспечить себе благодаря выгодам крупного производства безопасность и большие прибыли разбилось о все увеличивающуюся жестокость процесса конкуренции. Каждая крупная фирма считает для себя выгодным брать на себя больше предприятий, чем у нее уже есть, и бить своих соседей до тех пор, пока понижение цен не погубит слабейших, а прибыли более сильных конкурентов сведутся к покрытию расходов предприятия.

§ 2. Интенсивная конкуренция, порожденная развитием капитализма, когда несколько крупных предприятий все с большим трудом

---

[1]) Еще до сих пор сохранились некоторые старомодные торговые фирмы, ведущие дело без формальных писаных контрактов, которые считали бы позорным уступить товар по более дешевой цене, чем они запросили сначала или сбить цену конкурента.

сбывают регулярно и выгодно всю свою продукцию, заставляет конкурентов искать каких-нибудь путей к соглашению, которое смягчило бы жестокость борьбы.

Эти соглашения первоначально стремились воспрепятствовать сбиванию цен при помощи определенных прейс-курантов, а там, где это оказывалось нужным и выполнимым путем нормировки продукции. фирмы не перестали конкурировать между собой, но они старались ограничить пределы этой конкуренции. В этом нет, конечно, ничего нового: в местном производстве, особенно там, где товары продаются непосредственно потребителю, цены никогда не устанавливались «свободной» конкуренцией. Нормировка гильдий и ассизов всегда сопровождалась соглашениями местных предпринимателей относительно поддержания цен на определенном уровне. В крупной капиталистической промышленности механизм рынка для закупки сырого материала и продажи продукта, хлебная или хлопковая биржа, железнодорожная или банковская расчетная палата, промышленная организация для получения быстрой и надежной информации по вопросам общих интересов данной отрасли промышленности, развитие бюро по вопросам заработной платы и других организаций, ведающих вопросами труда, — все это создает фундамент для объединения, которое можно использовать для урегулирования конкуренции.

Первой стадией является стадия неоформленного соглашения, возникающего сначала среди конкурирующих фирм какой-либо отдельной местности и постепенно охватывающего целую отрасль или часть ее, достаточную для того, чтобы дать возможность диктовать цены. В течение последних лет этим типичным путем шла британская железоделательная, сталеобрабатывающая и техническая промышленность.

Один журнал, представляющий интересы промышленности, точно излагал в 1898 г. положение дела в этих отраслях. «В настоящее время состоялись соглашения или договоры по вопросу о ценах в следующих отраслях железоделательной и сталеобрабатывающей промышленности нашей страны: в производстве рельс, котельного железа, броней для судов, полосового железа и др. Благодаря этим соглашениям, цены держатся на высоком уровне и препятствуют в сильной степени сбиванию цен» [1]).

Среди других систем объединения или слияния, развивающихся в металлообрабатывающей, текстильной и других основных отраслях британской торговли и промышленности, эти попытки урегулировать цены при помощи неоформленных соглашений получили повсеместное распространение. Их успех или неудача зависит, в сущности, от двух условий: во-первых, от доли всей промышленности, сосредоточенной в руках небольшого количества крупных конкурирующих фирм, и во-вторых, от состояния рынка в смысле предложения. Когда на рынке господствует небольшое количество гигантских предприя-

[1]) «Iron and Coal Trades Review» (цитировано у Macrosty, стр. 184).

ий, как это происходит в большинстве отраслей британской металлообрабатывающей и технической промышленности, существование большого количества мелких фирм, работающих по большей части в пределах данной территории, не мешает успешному проведению определенных цен. С другой стороны, перегружение рынка, вызванное крупным техническим усовершенствованием производства или отсутствием спроса, может легко выбить почву из-под ног у такого «соглашения» и повести к тайной или явной конкуренции.

Быстрые перемены как в производительных силах, так и в объеме спроса, которыми характеризуются современные рынки, не дают «соглашениям» конкурирующих фирм достаточной гарантии, если они не сопровождаются какими-нибудь действительными мероприятиями или штрафами за нарушения условий соглашения. Оказалось, что для обеспечения этим соглашениям об установлении выгодных цен возможности длительного успеха, они должны сопровождаться нормировкой продукции и пропорциональным распределением «заказов». В горной и обрабатывающей промышленности некоторых стран нормировка «выработки» является основой для удачных соглашений, но в Англии еще мало пользовались этим способом гарантирования цен. Когда, как это недавно было с хлопчатобумажной промышленностью Ланкашира, конкурирующие фирмы соглашались работать неполное время, это политика была принята не в целях поднятия цен, а для того, чтобы справиться с преходящими затруднениями, вызванными недостатком материала. Хотя в угольной промышленности Южного Уэлльса неоднократно вносились предложения ограничить выработку и распределить заказы между различными копями, в этом направлении не было сделано ни одной попытки.

Но в то время, как большинство важнейших отраслей британской обрабатывающей промышленности пыталось заключать «неоформленные соглашения», ряд более мелких отраслей, особенно в металлическом производстве, искали более прочной основы объединения. «Бирмингамский союз» — такое название получил один из видов объединения, который, возникнув в 1890 г. в области производства железных кроватей, охватил различные второстепенные отрасли металлического производства Средней Англии, а затем был воспринят красильной промышленностью Западного Ридинга и несколькими другими второстепенными отраслями. Основанием ему послужило формальное соглашение между членами ассоциации предпринимателей о том, чтобы ввести научную систему «учета издержек» и, добавляя к действительным издержкам условленную прибыль, составлять прейс-курант, по которому каждый член обязывался продавать. Нововведение этой системы заключалось в том, что она расширяла объединение, включая в него труд. Ассоциация предприниателей заключала союз с трэд-юнионами и подписала формальное соглашение, которым каждый предприниматель обязывался держать тлоько членов союза, а трэд-юнион обязывался поставлять рабочих только тем предпринимателям, которые входили

в состав ассоциации. На основе некоторых систематических надбавок к существующей заработной плате была установлена скользящая скала, так что будущая заработная плата повышалась и понижалась пропорционально прибылям. Вся эта схема утверждалась примирительной камерой, где были в равной мере представлены предприниматели и рабочие и имелся на случай нужды беспристрастный арбитраж. Если предприниматель уходил из союза или нарушал его постановление, камера «отзывала» его рабочих. По отношению к конкурентам извне была принята система «хорошо организованного, осторожного, корректного и систематического вытеснения, пока он не вынуждался или отказаться от борьбы, или притти к соглашению». Для таких случаев был создан фонд борьбы, и была принята система «скидок», чтобы отбить у посторонних производителей покупателей.

В течение нескольких лет этот план с успехом проводился в производстве кроватей и в некоторых других отраслях промышленности: цены стояли высоко, получались большие прибыли, и к заработной плате добавлялись крупные премии. Но с течением времени оказалось, что высокие прибыли чрезмерно напрягают экономические силы союза. Нелойяльные члены ассоциации начали практиковать продажу по более низким ценам при помощи фальшивых накладных или тайных комиссионеров, а внешняя конкуренция приняла слишком грандиозные размеры. В результате такой деморализации, в 1900 г. союз производителей кроватей лопнул. Большинство его подражателей потерпели крушение до или после него.

§ 3. Этот опыт показывает, что даже формальное соглашение фирм относительно цен продажи не может удержаться, если ассоциация не имеет права непосредственно распоряжаться продукцией различных предприятий, и если она не может легко раскрывать и соответственно наказывать нарушений соглашения. В Соединенных Штатах был произведен ряд интересных опытов промышленных объединений, чтобы установить и охарактеризовать лучшие методы такого рода соглашений.

Промышленники, желающие образовать «пул» (объединение), обычно создают неутвержденную правительством организацию, вроде Ассоциации Бессемеровской стали, торговой Ассоциации горных промыслов, или Ассоциации по производству стальных рельс. Все соглашаются подчиниться расписанию цен, установленному ассоциацией, и соответственно ограничить свою продукцию. Каждому предпринимателю разрешается производить (или продавать) только известный процент всей выработки, зависящей от производительности и возможностей его завода. Чтобы предохранить себя от нарушений соглашения, часто требуют, чтобы каждый внес в депозит известную сумму денег, которую ассоциация может конфисковать [1]).

---

[1]) В. Е. Белчер в статье под заглавием «Industrial Pooling» («Quarterly Journal of Economics»; Nov. 1904), откуда взяты также и дальнейшие подробности.

Нанимают опытных счетоводов; на фирмы, производящие больше разрешенного количества, накладываются штрафы, а тем, кто производит меньше, выдаются соответствующие премии. Цены и разверстка продукции устанавливаются в ноябре или декабре каждого года на следующий год. Часто практикуется территориальное деление рынка. Обычно местные цены устанавливаются путем прибавления к первоначально установленной единой фабричной цене стоимости фрахта от фабрики до рынка.

Существует несколько вариаций этого общего типа. «Некоторые «пулы» не устанавливают процентной разверстки, а облагают налогом все прсизводство». Другим способом является коллективная продажа. Объединяющиеся фирмы соглашаются передать продажу одному общему агенту с тем, чтобы он заключал отдельные контракты с каждым из них, устанавливая единую продажную цену. «Другая форма «пула» основана на патентах, необходимых для изготовления какого-либо предмета. Владелец патента продает право пользования за одинаковую плату всем, кто входит в соглашение. Он ограничивает также количество продукции для каждой фирмы, сверх чего сумма оплаты быстро возрастает» [1]).

Производство железа и стали в Соединенных Штатах все состоит из таких объединений, подобных пчелиным сотам. То же и в рудниках, когда добывание производится ассоциацией, требующей твердых цен и нормировки продукции. В производстве чугуна ассоциация устанавливает цены для владельцев печей. Производство стали было объединено в 1896 г., и затем снова с 1900 г.; так же обстоит дело в производстве тяжелых материалов, как стальные рельсы, брусы, угловое, полосовое железо и т. д., и легких, вроде цепей, болтов и разного рода труб.

Если можно считать некоторые из этих «пулов» прочными организациями, то таких очень мало. Белчер считает их частые неудачи естественным результатом первых попыток переборщить при повышении цен. Главный интерес, который они представляют, вызывается тем, что, подобно английским «Союзам», они являются выражением стремлений предпринимателей в капиталистической промышленности обеспечить себе монопольные прибыли, не утрачивая самостоятельности владельца и права распоряжения своими предприятиями.

§ 4. Более высокое капиталистическое развитие железнодорожного и водного транспорта создало там более прочные и удачные методы соглашений относительно нормировки и ограничения конкуренции, чем только что описанные аналогичные соглашения в промышленности. В Великобритании и Соединенных Штатах, двух главных странах, где в области железнодорожного транспорта господствовало «частное предпринимательство», железнодорожные общества, между которыми сильна была конкуренция, установили общие системы фрахтовых ставок и пассажирских тарифов. В Англии эти

---

[1]) Консолидированная компания по производству коринки и Национальное общество по изготовлению борон являются объединениями такого порядка.

соглашения с целью урегулировать «конкуренцию» открыто признаны: в Америке они нелегальны, но тем не менее они действуют. Английский метод заключается в организации «конференций», из которых две главные: «Англо-Шотландская конференция железнодорожных тарифов» и «Нормантонская конференция». «Англо-Шотландская конференция» состоит из представителей (являющихся обычно главными отправителями товаров) всех компаний, как английских, так и шотландских, заинтересованных в перевозке товаров различными путями между всеми местностями Англии и Шотландии. Эти представители съезжаются один раз в месяц и разбирают все вопросы, возникающие в связи с выработкой новых ставок и изменением существующих тарифов для конкурирующих местностей, между которыми существует несколько транспортных компаний. «Нормантонская конференция» первоначально было учреждена для контроля тарифов на известном участке, центром которого был Нормантон, где прежде происходили заседания. Постепенно она так расширила сферу своей деятельности, что теперь состоит из представителей почти всех сколько-нибудь значительных английских компаний и регулирует почти все тарифы, не связанные с Англо-Шотландской конференцией» [1]).

Нормировка тарифов бывает иногда связана с дальнейшими планами, которые делают соглашение чрезвычайно похожим на вышеописанное промышленное объединение. Это известно под названием: «процентная разверстка железнодорожных фрахтов». «Предположим, что имеется транспортное сообщение между двумя городами или районами, и что существуют два или более железнодорожных обществ, каждое из которых имеет собственную железнодорожную линию, при перевозке по которой оно может конкурировать с другим. Состоялось соглашение, по которому вся сумма от всех перевозок по всем путям должна быть собрана в общий фонд, и каждое общество должно иметь право на получение некоторой доли всей суммы. Эта доля присуждается обычно на основании фактических прошлых поступлений, но при выработке устава соглашения обращается должное внимание на все возможные основания, которые могут дать право какому-либо обществу требовать большей доли, чем оно получало в прошлом» [2]).

В Америке, где положительные соглашения между конкурирующими железнодорожными обществами существуют нелегально, механизм такого нормирования менее оформлен и скрыт от публики. Но нет никакого сомнения, что конкурирующие линии постоянно прибегают к установлению твердых тарифов и даже к комбинированию предприятий.

«Неверно было бы говорить, будто там, где существует такого рода положение, где, например, все многочисленные линии, перево-

---

[1]) Sir G. Findlay, «The Working and Management of an English Railway», стр. 265.

[2]) Findlay, стр. 267.

вящие зерно из Чикаго, Сент-Луи и прочих тому подобных пунктов к побережью Атлантического океана, поднимают ставки в один и тот же день и на ту же самую цифру, между этими обществами не было соглашения. Сами хозяева транспорта обычно не отрицают такой солидарности в действиях, но они утверждают, что оно не дошло до незаконного соглашения»[1].

Термин «конференция» употребляется также для обозначения организации, при помощи которой конкурирующие судоходные общества поддерживают твердые ставки и преграждают посторонним доступ к занятию судоходством. Конференцией называется договор между главными пароходными линиями на отдельных морских путях взимать определенную «хорошую» цену за грузы и пассажирское сообщение. Такой договро может иметь значение только при том условии, что все или почти все регулярные рейсы входят в состав конференции. Ибо власть конференции над грузоотправителями поддерживается при помощи системы «скидок», действующих отчасти как взятка, отчасти как угроза, заставляя грузоотправителей вести дело исключительно с членами конференции. Кажется, эта система возникла при торговле с Китаем, и иллюстрацией ее действий уже в 1884 г. являются следующие циркуляры:

«Тем экспортерам, которые поручают перевозку чая или других грузов из Китая в Европу (за исключением портов Средиземного и Черного морей) пароходам Восточного и Полуостровного Пароходного Общества, «Messageries Maritime Company», Океанскому Обществу Пароходства, пароходными линиями Глэна, Кэстла, Шайра и Бэна, Упэка и Нингчау, мы с удовольствием предоставим со всех грузов скидку в 5 процентов».

Другой циркуляр, выпущенный той же конференцией в 1885 г., заявляет, что: «всякая отправка в Лондон на пароходах, не входящих в состав конференции, из любого порта Китая или из Гонконга лишает фирму-отправителя на весь шестимесячный период, в течение которого была сделана эта отправка, права на возврат взносов, даже если эта фирма в других местах обращалась исключительно к пароходам конференции»[2]. Результатом и целью этой системы является привлечь грузы и пассажиров к рейсам конференции при помощи твердых общих тарифов и помешать «диким» пароходам и парусным судам принимать и выполнять отправки по ставкам конференции или ниже их.

Обычной системой на пароходных линиях было взимание, кроме фрахтовых ставок, десятипроцентного «взноса» с условием, что по истечении определенного срока (скажем, шести месяцев) взнос будет возвращен тем из отправителей, которые не пользовались «посторонними» пароходами.

С тех пор, как океанские пути стали международными шоссе, такие конференции расширились, естественно, за пределы отдельной

---

[1] «Report of Inter-State Commerce Commission for 1903», стр. 15.

[2] Цит. у Macrasty, стр. 157.

страны. Английские, французские, германские, голландские и американские общества были вовлечены в эту систему, и с дальне-восточной торговли она распространилась на торговлю с мысом Доброй Надежды, Вест-Индией, Австралией, Северной и Южной Америкой. Там, где конференции приобретают большое влияние, установленная ими монополия основывается не только на системе скидок, но и на субсидиях почты и других общественных учреждений и на портовых льготах, дающих им преимущество перед другими обществами.

Председатель Восточного и Полуостровного Пароходного Общества допускает, что эти способы ограничения конкуренции по существу тождественны со способами железнодорожных обществ. Он говорит следующее: «Не было возможности выгодно вести пароходное общество, пока не существовало единства тарифов, установленного «конференцией» пароходных обществ. Эти конференции можно сравнить с соглашениями, существующими между различными железнодорожными обществами Соединенного Королевства. При транспорте между одними и теми же пунктами железной дороги взимают одну и ту же плату, хотя они конкурируют друг с другом в быстроте, расписании поездов и общих удобствах. Совершенно то же сделали и судоходные общества» [1]).

Форма объединения, при которой конкуренция наиболее ограничена, а независимость предприятий сведена к минимуму, встречается в некоторых отраслях страхового дела, именно, как известно, в страховании от огня в Англии. Вся эта отрасль находится в руках очень небольшого числа обществ, установивших точные тарифы с тяжелыми штрафами в случаях доказанных их нарушений и пришедших к соглашению о разделе всей работы каждой компании между различными обществами в определенной пропорции. Эта система перераспределения, основным назначением которой было уравнение риска, уравнивает также и самые предприятия, оставляя отдельным обществам возможность конкурировать лишь при помощи действительных преимуществ лучшей агентуры и ведения дела. Страхующемуся предлагается единый тариф, но небольшие вариации в формах страховки и способах уплаты несомненно используются агентами различных обществ, чтобы обеспечить за своей фирмой первое место в страховом деле.

§ 5. Все до сих пор рассмотренные нами формы объединений капитала, ограничивающие конкуренцию, в некоторых отношениях не дают полного слияния и тождества интересов объединяющихся предприятий.

Теперь мы перейдем к рассмотрению случаев, в которых борьба с конкуренцией довела до слияния, при чем поглощаются независимые дотоле предприятия и их интересы. Такое слияние или тождество интересов может быть временным в целях одного делового натиска или ряда натисков; в таком случае не происходит ни юридического, ни экономического поглощения. Или же оно может быть

---

[1]) Годичное заседание (цит. по Macrosty, стр. 158).

постоянным, вызывая экономическое, а иногда и юридическое уничтожение независимости отдельных предприятий.

Временное «Объединение» обычно конкурирующих предприятий с целью «окружить рынок» (ring), «загнать в угол» предложение («corner»), поднять цены и получить монопольные барыши не остановит надолго нашего внимания, хотя и представляет собою частое явление современной деловой жизни. Такие «корнеры» обычно организуются путем обеспечивания себе полного распоряжения всем предложением или довольно крупной частью его в стадии перевозки или продажи, где проходит какой-нибудь товар от фермы, рудника или мельницы до оптового или розничного рынка, чтобы получить в свои руки власть над продажной ценой. Типичным «корнером» является финансовая операция на одном из промышленных рынков, состоящая в том, что урожай пшеницы или хлопка или другого важного предмета питания или сырья задерживается на некоторое время спекулянтами, которые рассчитывают заставить, путем монополизации предложения, торговцев или других спекулянтов, обязавшихся доставить к определенному числу данное количество этого товара, покупать его у них по очень повышенным ценам.

Примером может служить следующее описание «корнера» в торговле пшеницей:

Лицо, которое устраивает «корнер» в торговле пшеницей, сначала закупает весь наличный запас в максимально возможном для него количестве или же обеспечивает себе право на него. Кроме того, он закупает больше, чем находится в данный момент на рынке, покупая «будущие поставки», т.-е. заключая контракты с другими лицами, согласными поставить ему в будущем пшеницу. Конечно, он стремится заполучить большую часть этой пшеницы постепенно по дешевым ценам. Но когда оказывается, что почти весь запас находится в его руках, он пускает слух, что на рынке образован «корнер», и скупает уже открыто всю пшеницу, какую может, предлагая все более высокие цены, пока не взвинтит их до желаемого уровня. Теперь лица, заключившие с ним контракты на доставку к этому числу пшеницы, находятся в его власти. Они должны покупать эту пшеницу у него же за цену, которую ему заблагорассудится запросить, и должны доставить ее ему немедленно по закупке, чтобы выполнить контракты. Но пока что мельницы должны работать, и мельникам приходится платить за пшеницу более высокую цену; они берут бóльшие цены с пекарей за муку, а пекаря поднимают цену на хлеб. Так голодные обитатели жилища бедняка разыгрывают последний акт трагедии «корнера» [1]).

В то время, как большинство этих «корнеров», организованных финансистами, не долговечны, иногда удается достичь более прочной формы «комбината», приближающейся к вышеописанным «промыш-

---

[1]) Совершенно не нужно, конечно, чтобы товары фактически перешли в руки «ринга»: суть монополии заключается в праве распоряжаться товарами, а не во владении ими.

ленным пулам». В качестве иллюстрации этого метода достаточно будет примера «медного синдиката», функционировавшего некоторое время под названием «La Societè Industrielle Commerciale de Métaux». Его история вкратце такова: группа французских капиталистов, не имевших по большей части ни рудников, ни металлов, просто чистокровных спекулянтов, составила общий фонд для организации «корнера» в предложении олова. До выполнения этого намерения они были втянуты в крупную спекуляцию медью. В 1887 г. они заключили контракты с крупнейшими добывающими медь обществами разных стран, согласившись скупить всю продукцию меди на три года вперед по установленной цене, добавляя премию, равную половине прибыли, полученной от продажи этой меди. В 1888 г. синдикат старался расширить контракты с главными горными предприятиями на период в 12 лет, договариваясь с ними также и относительно ограничения добывания меди. В течение некоторого времени они держали рынок в своих руках, и цены значительно поднялись. Но отчасти благодаря неудаче с выполнением контрактов относительно сокращения выработки, отчасти благодаря невозможности выполнить текущие обязательства, «корнер» в 1889 г. потерпел крушение, и искусственно вздутые цены упали.

Другие более прочные «корнеры» или «комбинаты», организованные не посторонними спекулянтами, а купцами и промышленниками, больше походят на уже описанные промышленные пулы. Таков был, например, знаменитый «Большой комбинат четырех скотопромышленников» в Чикаго, при помощи которого гг. Армаур, Свифт, Моррис и Гаммонд являлись господами положения во всей торговле скотом и мясом в значительной части Соединенных Штатов. Они назначали как цены, которые получали фермеры за скот, так и розничные цены на мясо, которые платили потребители.

Эти первые опыты по частичным и временным объединениям фирм, независимых в отношении права собственности и норм прибыли, хотя и вносят в данный момент большие пертурбации, не имеют большого и длительного значения, как формы капиталистической ассоциации.

ГЛАВА VIII.

КАРТЕЛИ ИЛИ ТРЕСТЫ.

§ 1. Развитие более постоянных форм объединения. § 2. Структура германского картеля. § 3. Экономическая природа треста. § 4. Классификация и распространение трестов. § 5. Монопольная власть трестов. § 6. Экономика крупного капитала не является достаточной базой для монополии. § 7. Главные экономические источники и основы монополии. § 8. Тариф как кормилица трестов. § 9. Железные дороги как основа трестов. § 10. Транспорт в соединении с естественными богатствами. § 11. Деловой гений — основа трестов. § 12. Горизонтальное и латеральное расширение треста. § 13. Обстоятельства, благоприятствующие развитию трестов в Соединенных Штатах. § 14. Происхождение комбинатов в Великобритании. § 15. Тресты в Великобритании. § 16. Монополии в области искусств и свободных профессий. § 17. Международные тресты. § 18. Общий обзор сферы влияния треста.

§ 1. Экономической целью всех этих «соглашений», «союзов», «комбинатов», «пулей», «корнеров», описанных в последней главе, является создание монополии в какой-либо форме и степени. При этом собственники товаров устанавливают по взаимному соглашению продажную цену и отказываются конкурировать между собою при помощи понижения цен. В большинстве тех случаев, где стремятся к постоянному овладению рынком, соглашение между предприятиями имеет целью нормировать продукцию, создавая некоторый контроль со стороны «комбината» над отдельными предприятиями.

С точки зрения их экономической структуры и функций, эти «комбинаты» отличаются от полного слияния в тресты как в отношении установления продажных цен, так и в смысле утраты самостоятельности предприятия только в степени. Юридически эта разница, несомненно, велика, ибо в то время, как трест обычно принимает форму официально разрешенной организации (хотя легальность отдельных форм его можно оспаривать), частичное или временное объединение носит в большинстве случаев внелегальный, т.-е фактически нелегальный характер.

На полдороге между неоформленными объединениями, о которых мы уже говорили, и «трестом» или другими видами полного слияния стоит «картель», встречающийся в Германии, Австрии, Бельгии и др. странах европейского континента. Хотя прототипы картеля можно проследить далеко в глубины истории голландской

и германской промышленности, их теперешняя форма и значение носит вполне современный характер. Расширяя идею промышленного пула, составляющие картель предприятия сорганизовались в общество, имеющее целью установление единых продажных цен и нормирование продукции, но без непосредственного контроля и руководства синдицированными предприятиями со стороны картеля и без установления единой нормы прибыли.

§ 2. Наилучше организованные картели встречаются в производстве угля и кокса, чугуна, стали и в металлообрабатывающей промышленности Германии и Австрии. Структура картеля и его образ действий лучше всего иллюстрируется примером крупного угольного картеля Рурской области, в Рейнской Вестфалии.

Владельцы копей данного района составляют общество сбыта (с номинальным капиталом, акции которого находятся у них), которое является их единственным агентом по продаже угля. Это общество или синдикат организовано на основании устава, как акционерное общество (Aktiengesellschaft). Его точно инструктированный исполнительный комитет (Vorstand) уполномочен заключать контракты со всеми владельцами копей, обязуясь принимать от них и продавать продукцию на известных условиях, касающихся цен и взносов; они же, в свою очередь, обязуются продавать весь свой уголь, кокс и т. д. синдикату, за исключением некоторой доли, предоставленной для их собственного производства, для их личного потребления и в некоторых отдельных случаях для чисто местного сбыта.

Владельцы соглашаются так же с синдикатом или друг с другом создать организацию или ассоциацию (Versammlung) для учреждения представительного совета, устанавливающего общие нормы цен, взносы на содержание синдиката по сбыту, штрафы за нарушение соглашения и т. д., и ведущего общую политику. Но самой важной функцией ассоциации является назначение комиссии, определяющей «участие», т.-е. долю выработки, разрешаемую каждой копи.

Комитет синдиката по сбыту, получающий от ассоциации общие нормы — (α) сравнительной выработки различных копей, (β) общих цен, — ведет работу по усилению и выявлению общей политики: — (1) покупая, продавая уголь, кокс и брикеты, произведенные синдицированными копями; (2) устанавливая фактическую продажную цену или цены для рынков, где есть конкуренты, и для рынков, где их нет, (3) предлагая ассоциации взносы на покрытие издержек синдиката, (4) проверяя книги отдельных копей, (5) налагая штрафы за нарушение соглашения.

Задача этого сложного механизма состоит в учреждении общей агентуры по сбыту и единой минимальной цены и в регулировании общей выработки и продукции каждой отдельной копи. Минимальной продажной ценой будет та, по которой синдикат получает уголь от владельцев копей.

Когда синдикат продает при наличии конкуренции, он может продавать по этой минимальной цене. В районах, где нет кон-

куренции, он часто продает с премией, и в таких случаях излишек обычно, хотя не всегда, выплачивается предприятию, доставившему товар.

Сам синдикат не работает из-за прибыли, так как все его издержки покрываются взносами владельцев; он является простым продающим механизмом ряда ищущих прибыли горнопромышленников, старающихся держать цены на высоком уровне и регулировать выработку. Здесь нет объединения капиталов, нет гарантий равной нормы прибыли, нет даже единой цены для всех владельцев предприятий [1]).

У картеля есть два слабых места. Во-первых, отказ некоторых промышленников войти в состав синдиката. Они предпочитают сохранить свою свободу и вести двоякую политику, продавая там, где синдикат силен, по установленным им высоким ценам, а там, где он слаб, подрывая его продажей по более низким ценам. Во-вторых, жалобы более мелких и слабых владельцев и промышленников, что доля их участия (выработки) устанавливается невыгодно для них, по сравнению с более крупными и сильными производителями.

Но основной дефект заключается, повидимому, в том, что членам картеля не может быть гарантирован постоянный сбыт. Чтобы бороться с этим дефектом и смягчить его, картель ведет отчасти и осторожную экспортную политику.

«Мы видим, что картель железоделательной промышленности устанавливает количество обработанного железа, которое разрешается производить каждому предприятию, но в контракте не упомянута продукция, экспортируемая или непосредственно за границу, или продаваемая промышленным предприятиям (например, производителям вагонов и локомотивов), и экспортируемая уже этими последними. Казалось бы, что результатом такого рода организации является известный импульс для экспортной торговли, более или менее независимый от цен, по которым товары могут продаваться за границей. Но картель старается избежать производства, выходящего за пределы потребностей отечественного рынка; и на практике он соответственно не имеет обыкновения поощрять экспортную торговлю — торговлю, дающую более низкую норму прибыли, чем отечественная, а иногда дающая и убыток» [2]). Однако, хотя большинство картелей и не решается поощрять не дающий прибыли экспорт, от времени до времени они вынуждены, очевидно, прибегать к этому способу для поддержания производства своих заводов и рудников. Они не только санкционируют и организуют экспортную торговлю по низким ценам, но во многих случаях они поощряют ее премиями. Действительно, развитие экспортной торговли было одним из первых

---

[1]) Описание Рурского картеля взято из ценной монографии по вопросу о «монополистских» объединениях в германской угольной промышленности Френсиса Уокера («American Economic Association», 1904).

[2]) Grünzel, «Uber Kartelle», стр. 217.

мотивов для объединения горнопромышленников [1]), и современное развитие германской экспортной торговли готовыми изделиями и полуфабрикатами является в значительной степени непосредственным результатом политики картелей. Хотя картели и хотели бы нормировать продукцию и цены, не поощряя менее выгодного экспорта, но тенденция современной промышленности к перепроизводству так сильна, что абсолютное ограничение выработки потребностями урегулированного внутреннего рынка оказывается часто невыполнимым, и некоторый вывоз за границу разрешается или поощряется, как уступка чрезвычайной необходимости.

За последние годы угольный и железоделательный синдикаты повсюду приняли систему выплаты премий не экспортерам этого сырья, а экспортерам металлических товаров, в состав которых, в качестве главного производственного расхода, входит уголь. Уже в 1882 г. железообрабатывающие компании Вестфалии и Зигенланда давали скидку известным группам прокатных заводов [2]), но система постоянных премий в горной и металлообрабатывающей промышленности появилась, кажется, около 1891 г. [3]). С течением времени эта экспортная политика картелей приняла более высокие формы организации, и в 1892 г. угольная, коксовая, чугунная и стальная промышленность, а также производство «полуфабрикатов» железа и стали в Рейнской Вестфалии учредили в Дюссельдорфе «Экспортную Расчетную Палату», с целью раздачи премий за экспорт [4]). Эта Расчетная Палата была уполномочена определять премии за вывоз различных товаров, и для последней четверти 1902 г. были установлены следующие суммы:

1.50 м. за тонну угля.
2.50 м. » » чугуна (исключая премии за уголь).
10.00 м. » » полуфабрикатов (включая премии за уголь и железо).

Хотя эта система картеля играет, кажется, наибольшую роль в угольной, железоделательной, металлообрабатывающей промышленности, германские и австрийские картели проникли в производство сахара, керосина, шпагата, хлопчатобумажной, шерстяной и крученой пряжи, самых разнообразных химических продуктов, и, кроме того, в область изготовления всевозможных предметов, вроде карандашей, бумаги, цемента, фарфора, стекла, кожи, резиновых изделий и электрических аппаратов [5]).

Развитие картелей в Германии шло очень быстро с начала ее современной эры. В 1870 г. там существовало всего пять синдикатов, в 1897 г. их насчитывалось 345, при чем они охватывали фактически всю промышленность и торговлю. За несколько последних лет объ-

---

[1]) Walker. стр. 209.
[2]) Walker, стр. 220.
[3]) Raffalovitsch. стр. 23.
[4]) Cd — 1761, стр. 313.
[5]) Cd — 1761, стр. 353.

динение синдикатов уменьшило их число и увеличило их фактиескую власть.

§ 3. Хотя картели часто классифицируются в одной рубрике трестами, в их экономической структуре и функциях существует ольшая разница. Американский термин «трест» принят нами, как аиболее удобный для обозначения консолидации капитала какойибо отрасли промышленности — консолидации достаточно крупой и достаточно сильной, чтобы серьезно распоряжаться продукией и продажной ценой товара в данной области производства.

Картель или промышленный пул, в котором принимает учагие ряд частно-хозяйственных предприятий, и в смысле контроля родукции, и в смысле установления цен не достигают той органиеской консолидации интересов, которая характерна для треста. Основной чертой треста является единство промышленной органиации данной отрасли, распоряжающейся рынком; этим он отожествляется с монополией в том смысле, что фактическая собственость на всю продукцию или на ее главную массу находится в его уках.

Это определение одновременно и шире, и уже обычного смысла лова «трест». Например, в Соединенных Штатах это слово часто рименяется к каждой крупной корпорации, особенно, если она содалась путем слияния независимых ранее предприятий. В наше ремя слияние и поглощение слабых предприятий сильными быстро азвивалось во всех передовых промышленных странах, почти во сех областях капиталистического хозяйства, особенно в банковом еле, железнодорожном и проч. видах транспорта, в горной и металообрабатывающей промышленности. Но нет никаких оснований отличать эти слияния и комбинаты от других крупных бществ или частных предприятий с данными целями, если только х система организации имеет целью дать им монопольную власть дает соответствующие результаты. Если предприятие обладает онопольной властью, то не все ли равно, произошло ли оно из слияния ряда конкурентов равной силы, из насильственного поглощения более сильными фирмами слабых, или из образования одного ового коллективного или частного предприятия в новой отрасли ромышленности.

Еще меньше нас интересует при экономическом исследовании онополии специально юридическое происхождение и значение терина «трест», за исключением тех случаев, когда он дает важные анные относительно неустойчивости и слабости «промышленных улей» или других оформленных и неоформленных соглашений ежду конкурирующими предприятиями. Неуменье конкурентов области производства нефти, сахара, виски и др. сорганизоваться достойное доверия производительное сотрудничество для установления и выработки цен каким-либо иным способом, кроме передачи х отдельных капиталов тресту, уполномоченному безусловно распоряжаться их предприятиями, означает, может быть, что картели, улы и другие «соглашения» являются лишь переходной ступенью

развития капиталистического предприятия по пути к более высокой и более совершенной форме организации [1]).

§ 4. Тресты, исследованием которых мы в данный момент заняты, охватывают все объединения капитала, которые ведутся, как единое предприятие, и являются в значительной степени хозяевами рынка. Эти формы объединений могут быть классифицированы следующим образом:

α. «Тресты в собственном смысле слова», где весь капитал различных, входящих в состав треста предприятий или большая часть капитала передается доверенным лицам, которые управляют всем делом и выдают различным владельцам сертификаты, при чем эти последние в некоторых случаях получают закладные на сумму стоимости их фабрик.

Нефтяной трест The Standard Oil Trust в своей первоначальной форме был ярким случаем абсолютной передачи прав тресту. Водочный трест был примером условной передачи.

Объединение помимо «трестов в полном смысле слова», где практическое единство действий обеспечивается при сохранении формальной независимости.

Это может быть временным соглашением, как, например, когда железная дорога берет в аренду другую дорогу. В других областях хозяйства эта система иногда прививается.

Или это может быть постоянной организацией, как, например, в случае, когда железная дорога, или другое общество покупает контрольный пакет акций другого общества, чтобы распоряжаться им и вести его, как часть единого целого.

Когда отдельное общество образуется с целью обеспечить за собой достаточное количество акций какого-либо общества, или ряда конкурирующих обществ, чтобы иметь право распоряжаться ими. и если это делается с целью вести все дело, как единую систему, мы имеем перед собой так называемое «трестирование акций», или «трестирование голосов». Экономическая форма близко подходит к тресту в собственном смысле слова, хотя их юридические и фактические уставы несколько различны.

Держатели большинства акций общества или ряда обществ передают право голоса, связанное с их акциями, в руки группы учредителей или трестированной компании, уполномачивая их вести дела общества или нескольких обществ в соответствии с той или иной заранее установленной общей линией поведения.

«Отдельные акционеры могут закладывать свои акции, продавать и располагать ими, как им угодно, но право голоса остается

---

[1]) Водочный трест дает наилучший пример развития треста из более слабой формы пула. Много лет тому назад конкурирующие винокуренные заводы заключали между собой соглашения, которые иногда нормировали продукцию, иногда взимали налог с количества зерна, чтобы субсидировать экспорт и, ослабляя давление на внутреннем рынке, держать цены на выгодном уровне. Эти пулы постоянно терпели крушение, и невозможность таких соглашений повела к образованию треста. Ср. Jenks, «The Trust Problem», стр. 108.

в руках учредителей треста. Целью такого трестирования голосов является, конечно, сохранение единой политики, которую по какой-либо причине предпочитают акционеры. Иногда может случиться, что большинство акционеров первоначального объединения считают желательным отдать всю прибыль данного периода на усовершенствование предприятия, вместо уплаты дивидентов. Могло бы оказаться невозможным продолжать эту политику при переменном составе акционеров, многие из которых могут пожелать получать ежегодные дивиденды. Если же акции можно передавать, но право голоса остается в руках немногих, определенную политику можно проводить систематически в течение определенного периода»[1]).

Наиболее известным примером трестирования акций был трест, известный под названием Северного Фондового Общества, образованный с целью соединения в одних руках главной части акций четырех крупных железных дорог, чтобы обуздать конкуренцию и вести дело, как единую систему. Был с успехом поднят вопрос, законна ли эта форма железнодорожного треста, но современное финансовое развитие придает этому методу объединения разнообразных видов права собственности на акции с единым контролем все большее значение.

γ. Слияние, в котором проявляется полное поглощение конкурирующих предприятий, как, например, слияние Нью-Йоркской Центральной железной дороги с Гудсоновской или слияние Соединенного Пароходства и Пароходства Кэстля в Англии.

Этот процесс полного слияния путем соглашения равных предприятий или путем принудительного и насильственного поглощения более сильными конкурентами является несомненно самым распространенным процессом концентрации капитала во всех областях крупной промышленности. Там, где это слияние служит основой для монополии, его называют «трестом» в принятом нами смысле слова, и, вероятно, большинство фактических монополий в промышленности, транспорте и финансах образовались таким путем.

δ. Поглощение ряда конкурирующих предприятий новым обществом, учрежденным с этой целью. Американская Стальная Ассоциация и Атлантический Судоходный комбинат дают два наглядных примера этого способа образования треста[2]).

§ 5. Многие из этих методов объединения применялись с целью обеспечить себе более выгодное ведение дела или обуздать отчаянную конкуренцию, не имея в виду получить действительную монополию. Хотя такого рода объединения обычно зачисляются в разряд трестов, по существу, как экономические единицы, они не отличаются от крупных обществ, не являющихся продуктом объединения, и они не интересуют нас при исследовании трестов, отожествляемых нами с монополией на рынке.

---

[1]) Jenks. «The Trest Problem». стр. 115—116.

[2]) Эта классификация составлена на основании анализа фон-Галле, в его «Trusts», глава III.

Монопольная власть трестов является, несомненно, исключительно вопросом степени. Ни один трест не бывает единственным источников снабжения всего своего рынка; ни один трест фактически и потенциально не избавлен от конкуренции, ограничивающей его власть над ценами.

Списки трестов или комбинатов, показывающие, какая громадная часть всей промышленности Соединенных Штатов и других стран окончательно перешла из стадии конкуренции в стадию частнохозяйственной монополии, не заслуживают доверия, как источники точной оценки, но ими можно пользоваться для определения степени развития капиталистической концентрации в различных отделах промышленности. С этой точки зрения интересно отметить, что в 1899 г. нью-йоркский «Торговый Журнал» опубликовал список 350 существовавших в том году трестов и комбинатов.

Крупные американские объединения (создавшиеся по большей части путем соглашения) распоряжаются на деле всем паровым и электрическим транспортом на воде и на суше, банковым, страховым и финансовым делом, местным снабжением водой, газом и т. д.; кроме того, они охватывают местное и национальное телеграфное и телефонное сообщение, горное дело, орошение, издание книг и газет, основную массу оптовой и розничной торговли в городах, крупное, вероятно, увеличивающееся землевладение и сельское хозяйство; в их руках целиком находятся театры и многие другие развлечения и, кроме того, почти все крупные отрасли промышленности, производящие предметы первой необходимости и комфорта.

Общий обзор промышленных комбинатов, составленный в отчете о переписи в Соединенных Штатах за 1900 год, дает интересные данные относительно разрядов производства, где сильнее всего проявилось развитие комбинатов.

Отделы промышленности.	Число комбинатов.	Число заводов.	Капитал в долл.	Наемных рабочих
1. Железо, сталь и изделия из них.	40	447	341.779 954	145.609
2. Продукты питания и проч.	22	282	247.944.675	33.165
3. Химические и др. аналог. продукты	15	250	176.512.835	28.401
4. Металлы, кроме железа и стали.	11	89	118.519.401	20.522
5. Напитки	28	219	118.459.158	7.624
6. Подвижной состав средств передвижения	6	65	85.965.683	34.422
7. Табак	4	41	16.191.818	17 661
8. Текстильные изделия. .	8	72	92.468.606	37 723
9. Кожаные и пр. изделия. .	5	100	62.737 011	9.898
10. Бумажное и типографское дело.	7	116	59.271.691	16.706
11. Глина, стекло и т. д. .	15	180	46.878.928	20.294
12. Лес для поделок и т. д. .	8	61	24.470.281	10.778
13. Различные	16	118	45.408 869	17.243
Итого . .	185	2040	1.436.625.910	400.046

Нижеследующий [1]) список дает перечень предметов, изготовленных или проданных в 1900 г. крупными объединениями, т.-е. объединениями с номинальным капиталом выше 10.000.000 долларов: — удобрения, щелочи, свекловичный сахар, кирпичи, медь, велосипеды, железнодорожные вагоны, хлопковое масло, электрические аппараты для отопления, рыба (заготовленная впрок), оконное стекло, установки для газового и электрического освещения, сырые и выделанные кожи, лед, льняное масло, литографское производство, швейные машины, солод, школьное оборудование, суда, шелковые нитки, виски, проволока, стальные обручи, сахар (тростниковый), нитки, жесть, табак, шерстяные товары, писчая бумага, лагунь, нюхательный табак, болты и гайки, бура, сталь, лес для поделок, фармацевтические продукты, пиво и эль (пивоваренные комбинаты существуют в следующих городах: Чикаго, Сан-Франциско, Питсбург, Бостон, Кливленд и Сандески, Балтимора, а также Мильвоки и Чикаго); уголь и железо (промышленность Колорадо, а также Теннеси), освещение вагонов электричеством, стальные повозки, цемент, табак для жевания, хлопчатобумажная пряжа, спички, электрические лодки, электрические аккумуляторы, водопроводные трубы, химические продукты, электрические батареи, глюкозный сахар, изделия из гранита, кубанский табак, бумага (для газет и типографий), накладное серебро, бездымный порох и динамит, паровые насосы, виски «бурбон» (винокуренные заводы в Кентукки), железо (рудники Верхнего Озера), целлулоза, бисквиты, сухое печенье и мучные изделия, углерод, ковры, глазурь и чеканка, белый свинец, соль, винты, крахмал, трубы, обои, сосновый лес, пассажирские элеваторы, зеркальное стекло, набивные ткани, железо и сталь, порошок для печения, резиновые изделия, уголь, оконные рамы и двери, мука, нефть и ее побочные продукты, веревка и шпагат, стальные брусы, стальные рельсы, мясо, уголь и железо, бумажные мешки, пишущие машины, фрукты, сапожные машины, чугунные трубы, травленое дерево, мука, клей, кожа, резиновые сапоги и ботинки, лак, писчая бумага и т. д.

Невозможно установить даже приблизительно, в какой степени, над какой частью рынка и в течение какого времени этим различным объединениям удавалось проводить свою «монополию». Большинство из них, вероятно, пользовалось некоторой степенью монополии, но лишь немногие получили возможность широкого и прочного контроля рынка, как его в течение долгого времени проводили трест «Стандарт Ойл» и сахарный трест.

Если бы на всех этих рынках одна организация держала в своих руках, скажем, 80 процентов выработки, то фактически исчезли бы все преимущества, которые конкуренция дает потребителям. Несомненно процент продукции, необходимый для фактического господства над рыночными ценами, изменяется соответственно виду товара и различным условиям рынка, но можно утверждать, что степень

[1]) Ср. W. M. Colier, «The Trusts», стр. 15.

и размер монопольного влияния большинства из вышеназванных объединений далеко отстает от влияния, которыми пользовались вышеназванные классические примеры.

Рассматривая единое крупное объединение, как орудие монополии, мы не видим данных, доказывающих, что эти промышленные объединения достигли, даже в Америке, достаточной силы, чтобы ограничить выработку или удержать на высоте в течение значительного времени цены, за исключением очень небольшого числа товаров [1]).

Если мы прибавим к этим трестам промышленные пулы и другие комбинаты, то окажется, все-таки, что длительные монополии, создаваемые промышленными объединениями, не охватывают большого количества видов товара. Промышленный трест еще слабо развит, как орудие капиталистического контроля. По всей вероятности, местные объединения розничной торговли имеют более широкое и более сильное влияние на уплачиваемые потребителем цены.

За небольшими исключениями доказанная выше власть капиталистической монополии сосредоточивается в Америке не в промышленных трестах, а, как мы видим, в организациях транспорта, финансах и в объединениях, имеющих права или привилегии на местное обслуживание какой-либо области. Общее влияние колебания цен, вызываемого промышленными трестами, несомненно велико, но власть трестов над уровнем цен оставалась до сих пор слабой, непостоянной и непродолжительной, по крайней мере в отношениях громадного большинства товаров. Очень сомнительно, смогла ли бы организация одних только промышленников создать фактически монополию, даже на национальном рынке при существовании охранительных тарифов. Обычно, если не всегда, реальная сила промышленных трестов зависит от процессов непроизводственного характера, с которыми она связана.

Поэтому, — хотя налицо имеется масса данных, доказывающих, что промышленное объединение, являющееся обычно результатом

---

[1]) «Во многих наиболее важных областях промышленности комбинаты обеспечили себе распоряжение значительной долей производства страны. В других отраслях, хотя там процент выработки, контролируемый комбинатами, не так велик, все же существуют организации с очень крупным капиталом. В производстве и распределении сельскохозяйственных продуктов такого рода комбинаты встречаются все еще редко, хотя такие случаи все же известны, например, Соединенное Фруктовое Общество. Хотя уже были сделаны шаги в направлении объединения торговли не только в области товарных складов, а также и в смысле объединения различных крупных предприятий различных областей, вроде комбината, организованного Г. Б. Клаплином, однако, громадное большинство наших торговых предприятий принадлежит сравнительно небольшим концернам и управляется ими. Во многих отраслях обрабатывающей промышленности, каковы: портняжное дело, конфекционное, галантерея, инструменты, электрические приспособления, предметы домашнего хозяйства, текстильные товары и множество других изделий, — по существу комбинатов не существует. Хлопчатобумажное производство является, быть может, самой значительной отраслью промышленности, где не существует крупных объединений. «Report of the Industrial Commission», том XIX, стр. 604.

соглашения раньше конкурировавших фирм, повсюду старается урегулировать продукцию и поднять цены с целью получения крупных прибылей, — только незначительному меньшинству их удалось добиться успеха в этой области.

Даже в Америке, где движение развивалось быстрее всего, его современная стадия представляет собою скорее ряд разнообразных попыток, чем законченное явление. Регулирование цен, несомненно, достигнуто до некоторой степени в большинстве крупных основных отраслей промышленности, но оно является скорее результатом временного соглашения конкурирующих фирм, чем постановлением единого объединения, которое можно назвать трестом.

В Америке области приложения экономической энергии, где имеют большое значение «корпорации», «комбинаты» или тресты, лежат вне производственных процессов, и если какой-либо промышленный трест очень силен, то его власть обычно зависит от источников непроизводственного характера.

§ 6. Исследование источников происхождения и основ имевших успех «трестов» не дает ни в Америке, ни в других местах каких-либо примеров, где экономическая система концентрации капитала создавала бы промышленную монополию; во всяком случае, мы не знаем примеров такой монополии на национальном и международном рынке.

Этот вопрос имеет громадное теоретическое и практическое значение. Как мы уже видели, в большинстве областей машинного производства господствует крупное хозяйство, и опыт доказывает нам, что во многих областях промышленности система крупного производства развивается лишь до определенной точки, устанавливая для каждой отрасли промышленности максимальные размеры предприятия: если преступить этот максимум, непроизводительные расходы по управлению предприятием и другие невыгодные стороны перевесят техническую экономию, приносимую крупным производством. Если же в какой-либо отрасли промышленности чистые выгоды крупного производства сохраняются до того уровня, на котором крупное предприятие может снабжать весь рынок, и даже за пределами его, то ясно, что монополия может создаться на основе одних только этих выгод. Простая и широко распространенная теория экономической эволюции промышленного общества основана именно на предположении, что эта тенденция повсюду широко распространена. Конечно, это повсеместное распространение становится в высшей степени невороятным, благодаря громадному расширению рынков, вызываемому усовершенствованием транспорта и механизма сбыта. Но a priori не существует причины, почему не может быть создана монополия на местном, национальном и даже мировом рынке, пока не достигнуты пределы возрастающей выгодности крупного производства в отдельной отрасли обрабатывающей промышленности. Ведь на местных рынках часто случается, что крупный капиталист, основываясь только на больших размерах предприятия, может сокрушить более мелкого конкурента и установить в этих

пределах абсолютную монополию, хотя и в таких случаях всегда можно возразить, что личная способность и энергия являются одним из факторов успеха.

Но при рассмотрении национальных и мирового рынков нам кажется, что по большей части выгодность крупного производства будет исчерпана раньше, чем будет достигнут нужный для монополии размер предприятия. Хотя и нельзя доказать, что сильный национальный трест не может существовать только на основе выгод крупного производства под руководством человека нормальных деловых способностей, мы не знаем примера, чтобы крупный промышленный трест существовал только такого рода выгодами.

Если существуют какие-нибудь примеры удачных трестов, живущих только выгодами концентрации капитала, их надо скорее искать в области финансов, чем в обычной промышленности, ибо главные силы современного капитализма сосредоточены в банковом, страховом деле и вообще в финансовом капитале; в области финансов одни только размеры кредита уже дают большое преимущество, не ставя границ для выгодных предприятий или прибыльных операций.

§ 7. Изучая фактическое развитие и структуру трестов, мы наблюдаем, что выгоды крупного производства всегда основаны на какой-либо твердой монополии.

Эти основы можно предварительно сгруппировать [1]) следующим образом:

1. Лучшие условия получения сырых материалов.
2. Бо́льшая возможность контроля средств транспорта и распределения.
3. Различные преимущества в области производства или сбыта, обусловленные патентами, торговой маркой, специальными производственными процессами.
4. Публично-правовые льготы, лицензии и другие привилегии, охраняющие монополию или ограничивающие конкуренцию.
5. Таможенное законодательство.

По размышлении оказывается, что все эти факторы не всегда исключают друг друга. Так, например, лучшие условия получения сырых материалов и железнодорожного транспорта отчасти объясняются правительственными льготами, а таможенное законодательство связано с особыми преимуществами на рынке.

Но нашей цели эта классификация удовлетворяет. Все американские тресты, промышленные или другого вида, не лишены какого-нибудь из этих благоприятных факторов. Условия промышленной жизни так сложно переплетены между собой, что трудно установить их сравнительное значение.

Очевидно, многие монополии черпают свою силу в выгодах, указанных в третьей и четвертой группе. Специальные изобретения,

---

[1]) Более полная и более научная классификация монополий изложена у Эли в его «Monopolies and Trusts», глава II.

арантированные патентом или секретом, могут быть единственной г достаточной основой для монополии фирмы, изготовляющей электрические и типографские машины или химические продукты.

В истории сахарного треста рафинадные заводы Гэвмайера и Сприкла обязаны своим ранним господством в значительной степени патенту, который обеспечивал им более выгодное производство. То же самое справедливо и относительно стальной компании Карнеги и других предприятий, которые завоевали себе в своей отрасли производства достаточное влияние, чтобы навязать хуже оборудованным предприятиям комбинат.

Авторское право может дать такую же монопольную власть какой-либо газете или другому издательскому предприятию. Торговые марки, создающие репутацию фирмы, также в значительной степени основаны на этих специальных преимуществах производства. В некоторых областях производства, например, в техническом, химическом, в изготовлении аппаратов для научных целей и сельскохозяйственных машин, — все наиболее выдающиеся фирмы имеют в составе капитала предприятия какие-либо патенты и другие специальные методы производства; многие из пользующихся наибольшим успехом трестов построены на такого рода преимуществах.

Другие объединения получают монопольную власть, благодаря юридическим льготам или привилегиям, которые дают им исключительные права на доходные рынки. К такого рода предприятиям принадлежат общества, имеющие привилегии на водоснабжение, освещение, уличные трамваи и проч. Слияние таких обществ, основанных на чисто местных монополиях, в национальные и даже международные объединения, обслуживающие электрическую тягу или телефонную сеть, является важной формой развития новейшего капитализма. Железнодорожные и телеграфные общества в Соединенных Штатах, железные дороги в Великобритании обязаны значительной частью монополного влияния, которым они пользуются в громадной области не знающего конкуренции транспорта, правительственным привилегиям, а в остальном — естественным преимуществам пути, источники которого заключаются в частной собственности на землю. В Соединенных Штатах все учащающиеся факты слияния конкурирующих железнодорожных линий в несколько крупных систем, устанавливающих общие ставки, являются одной из наиболее грозных перспектив проблемы трестов. Колоссальное количество земли, сконцентрированное благодаря льготам в руках железнодорожных объединений, еще сильнее подчеркивает общественный характер их монопольной власти.

К монополиям, с которыми правительственная политика борется или которые она поддерживает, следует причислить меры обуздания активной конкуренции, вызванные правительственным ограничением посредством лицензий продажи некоторых товаров. Пивоваренная промышленность в Англии, а в меньшей степени и в других странах, представляет собой наиболее наглядный пример

развития сильного объединения с монопольными прибылями, выросшего на основе ограничения и фактического уничтожения местной конкуренции, что выразилось в сокращении числа продавцов напитков государственными властями.

Во многих странах система банков содержит в себе элементы охраняемой государством монополии, в смысле предоставления специального права выпускать банкноты, или специальной правительственной помощи, оказываемой ограниченному числу банков.

§ 8. Самым благоприятным обстоятельством, которое создает для трестов правительственная политика, является протекционистская тарифная система. Трудно определить, до какой степени тарифная система является фактически «матерью трестов». Известный случай, когда тресты возникали непосредственно под охраной стен, воздвигнутых тарифом для их поддержки. Орган нью-йоркского «Клуба Реформ» указал несколько лет тому назад на сотню примеров промышленных трестов, обязанных своим существованием протекционистской политике [1]).

Но этот список включал многие предметы, опирающиеся кроме тарифов и на другие элементы хозяйственной или правительственной помощи, как, например, электрическое оборудование, стальные рельсы, антрацит, учебники, хлопковое масло.

Но следует иметь в виду, что концентрация промышленности должна уже зайти очень далеко в данной отрасли промышленности, прежде чем может сказаться воздействие тарифной системы на образование треста. Соединенные Штаты являются сами по себе громадным рынком свободной торговли, и тем не менее, хотя благодаря влиянию других сил число активных конкурентов на рынке уже очень не велико, идея слияния в одну корпорацию с целью поднять цены в пределах охраняемой тарифами территории не могла бы быть проведена в жизнь. Существование охранительных пошлин или вероятность их введения является, конечно, сильной побудительной причиной, заставляющей предприятие или группу предприятий, уже имеющих в своих руках значительную долю внутреннего рынка, завершить эту комбинацию путем объединения с конкурентами или поглощения их [2]).

Но охранительные пошлины могут лишь тогда создать трест или способствовать его возникновению, если благодаря другим силам, создающим монополии, уже созрели в национальном масштабе условия для успешного объединения. В общем будет правильнее назвать тарифы не матерью трестов, а их кормилицей. Питая их за счет потребителей, защищая их от вторжения на внутренний рынок от иностранной конкуренции, они дают им возможность со-

---

[1]) См. Von Halle, стр. 50.

[2]) Иллюстрацию этого положения мы находим у фон-Галле, в примере большого комбината корабельных снастей, созданного в 1890 г. в предвидении закона Мак-Кинлея («Trusts», стр. 51).

хранить монополию и использовать ее наиболее выгодно [1]). Такого же рода благоприятные моменты способствуют и промышленным пулам и другим объединениям, отстающим по своей организации от законченного треста. Весьма вероятно, что одна только система крупного производства, независимо от влияния патентов, помощи железных дорог, лучших условий получения сырья, оказывается иногда достаточной, чтобы увеличить размер производительных предприятий, уменьшить их число, сделать поддержку охранительными тарифами фактором, определяющим в конечном счете возникновение треста.

§ 9. Нó фактическая история крупных американских трестов доказывает, что важнейшими факторами, способствующими существованию прочных трестов, являются лучшие условия транспорта и получения сырых матёриалов. Среди «монопольных предприятий» и трестов первого разряда, в смысле размеров и влияния на рынке, наиболее яркими представителями являются трест Стандард-Ойл, Антрацитовй трест и Стальная Корпорация Соединенных Штатов. В каждом случае источники возникновения комбината сводятся к специальным выгодным условиям транспорта и к возможности распоряжаться лучшими источниками сырья.

Всем известна история возникновения компании Стандард-Ойл на базисе незаконных скидок, полученных путем соглашения с железными дорогами, проходящими через район добывания нефти. Такое же значение имеет менее известная история развития Стальной Компании Карнеги (ядро нынешнего Стального Треста) на основе такого же соглашения о льготных тарифах с Пенсильванской железной дорогой. К фактам промышленной жизни того же порядка относится и абсолютное овладение производством антрацита, благодаря объединению семи железных дорог, пересекающих угольный район. В каждом из этих случаев власть, предоставляемая условиями транспорта, поддерживалась также и лучшими условиями снабжения сырьем. Если бы первые нефтяные источники не были сконцентрированы в ограниченном районе Огайо, а были разбросаны в различных частях страны, нельзя было бы создать действительную монополию при помощи транспорта. Для образования

---

[1]) Проф. J. W. Jenks («The Trusts Problem», 40—41) не согласен, что во многих случаях отмена охранительных тарифов восстановила бы конкуренцию:

«Независимо от того, зависит ли данная отрасль промышленности от охранительных тарифов или нет, отмена их, несомненно, разорила бы конкурентов треста раньше, чем перестал бы существовать сам трест. Но в обоих случаях, несомненно, что в течение некоторого времени потребители платили бы более низкие цены.

Верно также, что во многих случаях отмена тарифов, усиливая иностранную конкуренцию, привела бы просто к созданию международного комбината».

Но образование и деятельность международного треста не являются «простыми» процессами, как доказывает даже история треста Стандард-Ойл: существует лишь чрезвычайно мало успешных попыток, и они ограничиваются мелкими отраслями промышленности, или такими, где так мало лучших источников сырья, что они легко поддаются «корнерированию».

сплоченной организации, разрабатывающей угольные копи, необходим тесно ограниченный район месторождения антрацита. Основы могущества Стального Треста, условия его длительного существования заключаются в его обладании рудниками Верхнего Озера и в благоприятных условиях их разработки и перевозки продукта. Конечно, могущественный производственный трест не должен непременно быть собственником наилучших источников сырья, хотя, как мы увидим, в состав здоровой политики треста обычно входит и приобретение непосредственного влияния на эти источники. Обычно право достаточно сильного контроля над железнодорожным и пароходным транспортом и трубопроводами дает и возможность распоряжаться отечественным или заграничным сырьем, чтобы контролировать рынок. Стандард-Ойл начал приобретать нефтяные источники в непосредственное владение только тогда, когда достиг уже значительного развития: он имел возможность покупать у производителей сырую нефть, диктуя им свои условия, и он до сих пор проводит эту политику в широком масштабе. Стальной Трест тоже уже существовал до того, как приобрел богатейшие залежи железа.

В Америке главным фактором, при помощи которого тресты организуют контроль промышленности, является могущество железных дорог, в руках которых находятся крупные горные и сельскохозяйственные богатства и подвоз сырья к промышленным центрам, а готовых изделий к крупным рынкам страны.

В Америке железные дороги были единственными пригодными путями сообщения через главную территорию страны,—единственным средством связи между Востоком и Западом. Что касается внутренней торговли, то Миссисипи, — а в течение части года и северная цепь озер, — являются единственным препятствием для господства железных дорог над доставкой зерна и мяса из западных и центральных штатов на густо населенный Восток, над распределением готовых изделий из северо-восточных штатов по всему континенту, а также и над перевозкой угля, железа и других минералов из горнопромышленных районов к центрам обрабатывающей промышленности.

В первый период развития железных дорог в области транспорта конкурировали друг с другом много мелких независимых линий. «С развитием железнодорожной сети начали заключаться различного рода соглашения. Начиная с тарифных соглашений, они от 1870 до 1887 г.г. перешли к пулам, а с 1887 до 1897 — 1898 г.г. они превратились в транспортные компании и достигли наивысшего развития в объединении деловых интересов, наиболее наглядным примером которого является Северная Фондовая Компания» [1]).

Что же касается наиболее важных линий транспорта, а именно путей сообщения между восточными штатами и штатами Среднего Запада, то концентрация там зашла уже так далеко, что эти группы, очень устойчивые по составу, контролируют почти все линии между

[1]) Prof. Meyer, «American Economic Association Report», 1904, стр. 112.

Чикаго и побережьем и распространяют свои щупальцы из Чикаго о крупным горным и сельскохозяйственным штатам, которым предтоит в ближайшем будущем стать главными промышленными населенными центрами Соединенных Штатов.

Действительная природа связей, соединяющих железные дороги другими деловыми предприятиями, обнаружится при рассмотреии финансовой стороны современного капитализма. Теперь достаочно будет указать, что многие из железных дорог владеют или расоряжаются, а иногда и руководят производством, рудниками, келезоделательными заводами, оросительными системами, канаами, хлебными элеваторами, скотными дворами и разнообразнейими предприятиями, не связанными непосредственно с железноорожным делом, и в которых им часто запрещается принимать учатие условиями их концессий. Но еще большее значение имеют освенные и часто тайные соглашения, которыми железные дороги бязуются давать льготные условия трестам и комбинатам, с каковыми они не связаны органически. Специальные транспортные ьготы являются главным орудием этого благоприятствования; роф. Эли группирует эти льготы следующим образом:

«α) Льготы общего порядка, как, например, более быстрое редоставление вагонов одному конкуренту, чем другому; β) продвигание грузов привилегированного отправителя, между тем как грузы других отодвигаются в сторону; γ) предоставление одному лицу лучших условий, чем другому; δ) установление таких соотношений между различными видами погрузки, как, например, между вагонами, цистернами и бочками и между железнодорожной, водной и трубочной передачей, что некоторые лица получают преимущества, которыми другие не пользуются; ε) классификация грузов, составленная и изменяемая в интересах благоприятствуемых групп; ζ) установление различных тарифов по географическим поясам в интересах групп отправителей» [1].

Общность деловых интересов, воплощенная в договоре или в взаимно выгодном соглашении между трестом и железной дорогой, дает тресту возможность сохранять и использовать остальные преимущества, которые ему могут дать его размеры, лучшие условия рынка или получения сырья, побуждая этим железную дорогу оказывать ему поддержку при помощи вышеуказанных разнообразных привилегий.

§ 10. Легко понять все значение, которое приобретает железнодорожный транспорт в образовании промышленных монополий, особенно в Соединенных Штатах. Если мы захотим проследить поток сырых материалов промышленности, начиная от первых отраслей добывающей промышленности через различные процессы переработки и торговли, которые изготовляют продукт и передают его в руки потребителя, мы увидим, что в большинстве случаев этот производственный поток бывает уже всего в стадии транспорта:

[1] Ely, «Evolution of Industrial Society», стр. 20.

производители сырья многочисленны и распылены. Если бы их продукты были отданы во власть сил конкуренции, они переходили бы в руки ряда конкурирующих промышленников, которые, в свою очередь, передали бы готовые изделия многим оптовикам и розничным торговцам. Но скупка и отправка сырья — угля, зерна, хлопка, скота — от первых производителей к промышленникам или на оптовый рынок, вводит этот поток в узкое русло транспорта, где легко устранить конкуренцию, уже ограниченную в силу естественных и неизбежных условий. Поэтому группе промышленников, торговцев или спекулянтов продуктами легко удается организовать монополию или контроль продукции и рынка при помощи железнодорожного механизма. Там, где железные дороги не хотят или не могут создать монополию сами, как было в случае с антрацитом, они готовы войти в выгодную сделку с независимым объединением или пулом, предоставив в его распоряжение силу монополии, связанную со стадией транспорта.

Вооруженный таким оружием скотопромышленный трест, организованный Армауром, Свифтом, Моррисом и Гаммондом, получил возможность устанавливать как те цены, которые они платили за скот фермерам, не находившим никаких покупателей, кроме треста, так и те цены, которые потребители платили за мясо. Главным экономическим фактором, которым они пользовались, были льготные фрахтовые ставки и другие льготы в транспорте и контрактах, предоставляемые им железными дорогами.

В других странах, где железные дороги не являются в такой степени господствующим фактором, например, в Германии и Англии, главными выгодами трестов и других крупных объединений капитала являются специальные тарифы или льготы, получаемые или путем политического влияния, если дело касается государственных железных дорог, или путем частных соглашений. Если железной дорогой назначаются более низкие тарифы за массовые перевозки на далекое расстояние, такого рода тарифные льготы не следует считать неправильными, хотя они иногда и делаются нелегально, ибо более низкие тарифы соответствуют меньшим расходам по перевозке. Мы не видим бо́льших оснований для того, чтобы перевозка небольших грузов на короткое расстояние оплачивалась по тому же тарифу, что и массовые перевозки на далекое расстояние, чем для того, чтобы прочие розничные цены стояли на одном уровне с оптовыми.

Но там, где обычно отправителям предоставляются скидки или другие специальные льготы, вне зависимости от соображений количества груза и дальности расстояния, или сверх них, железные дороги определенно создают монополии.

Но влияние транспорта на создание монополии может действовать в полной мере только в связи с некоторыми естественными ограничениями предложения сырья или спроса на товары.

Если можно получать сырье одинакового качества во многих местах. то его обработка труднее поддается концентрации, и его

оток не бывает таким узким в стадии транспорта. Гораздо труднее рганизовать прочный корнер в области сбыта пшеницы или даже лопка, чем антрацитовый или нефтяной корнер. С другой стооны, там, где лучшие или наиболее доступные источники сырья ясно ограничены территориально, можно организовать фактическую онополию и без поддержки железных дорог.

Например, бумажный трест, диктовавший в течение некоторого ремени цены в Соединенных Штатах, существовал за счет моноолии на водяную энергию и лесные угодья, удобно расположенные ля дешевого производства бумаги.

Таким образом факторы, способствующие на деле развитию мериканских трестов, сводятся к следующему: контроль железнорожных тарифов, распоряжение ограниченными источниками гля, железа и прочих естественных богатств, владение патентами, ротекционистские тарифы, охраняющие от мировой конкуренции, , наконец, уклонение от такого обложения их собственности по ыночной стоимости, которое приходится нести более мелким предринимателям [1]).

§ 11. Необходимо упомянуть и другой возможный источник роисхождения и существования трестов. Мы видели, что система апиталистического производства способствует утверждению в каждой отрасли производства предприятия таких размеров, которые ают максимальную экономию. Определяя нормальные преелы таких предприятий, мы установили, что элемент экономичекого управления является здесь фактором первостепенной важноти. Когда достигнуты известные размеры и сложность предприяия, отсутствие центрального контроля в управлении предприятием оздает непроизводительные расходы. Но от времени до времени ожет появляться деловой человек сверхнормальной энергии и спообностей, мозг которого может охватить обширную систему управлеия, далеко превосходящую обычные нормы. Его предусмотрительость и организационный талант могут парализовать действие заона сокращения прибылей, препятствующего обычно росту предриятия за предельные нормы.

Там, где нормальные выгоды крупного производства уже истоцились раньше, чем предприятие достигло размеров, требуемых ля создания национального треста или монополии, такой редкий еловой талант оказывается иногда достаточным, чтобы довести редприятие до требуемого уровня. Когда сравнительно небольшое оличество лиц имеет возможность открывать, воспитывать и давать ход прирожденным организационным деловым талантам на достаочно обширном поприще, возможно, что в различных областях оявится деловой гений, стоящий настолько выше своих конкуреннов, что сумеет сокрушить их и создать монополию на почве их оражения.

---

[1]) E. W. Bemis, «American Economical Association Report», 1904, стр. 121

Проф. Г. С. Адамс излагает свое мнение, что трест может с таким же успехом возникнуть на почве монополии на врожденный талант, как и на почве монополии на сырые материалы или на другие необходимые элементы производства, следующим образом:

«Обзор изменений в промышленности за последние сто лет ясно показывает, что промышленность развивалась быстрее в области техники, чем в области управления и администрации, и что в каждом объяснении чрезмерной гипертрофии конкуренции, — выражение, которое, по моему мнению, ставит совершенно точный диагноз промышленных болезней нашего времени, — бедность деловыми талантами играет значительную роль... Поскольку централизация сил промышленности может быть сведена к недостатку деловых способностей, нельзя ожидать длительного избавления от приносимого трестами зла, пока высшая степень деловых способностей не станет в деловом мире общим достоянием. Трест можно рассматривать, как корнер в области деловой дальновидности, делового таланта и деловой смелости» [1]).

Несомненно, надо признать, что редкий деловой талант делает нормальные максимальные размеры предприятия очень растяжимыми, и что на деле преуспевающий трест в значительной степени обязан своим успехом административному и стратегическому гению своего главного организатора. Однако, мы не знаем фактов, когда бы организация треста основывалась на одних деловых способностях: всегда имеется налицо еще один или несколько способствующих факторов [2]).

§ 12. Переходя теперь к структуре треста, мы, подготовленные предыдущим анализом, уже заранее ожидаем встретиться с расширением его функций. При общем обследовании крупного современного предприятия мы видели, что оно растет в двух направлениях: вдоль, захватывая предыдущие и последующие процессы, и вширь, добавляя новые виды продуктов и добавочных продуктов к основным предметам производства.

Если трест стремится обеспечить и укрепить свою монополию, то он должен расширять свою организацию по многим соображениям. Начиная с организации одного производственного процесса, он естественно вынужден стремиться к контролю или овладению рынком основных видов сырья, с одной стороны, и рынками для сбыта своих продуктов, с другой. Обычными методами хозяйственной политики является не только обеспечение себе бо́льших транспортных льгот, но и фактическое владение наилучшими источни-

---

[1]) «American Econ. Ass.», 1904, стр. 104.

[2]) Поскольку деловой гений является элементом, способствующим преуспеянию треста, он привносит и элемент неустойчивости. Ибо хотя в Соединенных Штатах обычай «наследственного контроля» распространен гораздо менее, чем в Англии, — нельзя считать умение выбирать и воспитывать способных преемников себе обычным талантом крупных трестовых дельцов.

Относительно этого персонального элемента в успешности предприятий некоторые интересные замечания см. у проф. С. Д. Чапмана: «Lancachire Cotton Industry», стр. 170.

ками сырья и доставка продуктов непосредственного розничным магазинам, находящимся в их руках и связанным договором о продаже только их товаров по условленным ценам. Организуя транспорт сырых материалов и готовых товаров в собственных вагонах, цистернах, по трубопроводам, на собственных судах или баржах, они достигают овладения и контроля всей цепи процессов производства и распределения. Обычно к этому присоединяется и контроль над производственными и прочими процессами, являющимися вспомогательными к главным операциям, владение источниками угля и электрической энергии, производство машин и организация мастерских, необходимых, чтобы трест мог сам удовлетворять своим потребностям. Рост трестов в ширину принимает отчасти форму производства новых основных и добавочных продуктов, а отчасти форму заинтересованности треста в производстве продуктов другого рода, которые иначе могли бы подорвать монополию треста, конкурируя с его товарами. Иллюстрацией этого последнего вида расширения трестов является приобретение трестом Стандард-Ойл газовых компаний, а различными железными дорогами — каналов.

Типичной формой треста, ядром которого является один производственный процесс, стала форма, отождествляющая его с законченным отделом промышленности, включающим все процессы, связанные посредственно или непосредственно с удовлетворением запроса потребителей на определенный вид товаров.

Это лучше всего иллюстрирует перечень заданий в статье устава Стальной Корпорации Соединенных Штатов, которая гласит следующее: — «Сооружение мостов, судов, лодок, паровозов, вагонов и прочего оборудования, железных дорог, доков, эллингов, элеваторов, водопроводов, газовых и электрических установок, виадуков, каналов и прочих водных путей и всех остальных видов транспорта, продажа их и прочие формы распоряжения ими, обслуживания и использования их».

Большинство из вышеназванных отраслей промышленности являются вспомогательными или подсобными по отношению к основным заданиям треста, а именно: к производству и сбыту различных товаров, при производстве которых главным материалом является сталь.

Двоякий процесс расширения этого треста можно изобразить следующим образом:

Стальная Корпорация Соед. Штатов.

				Сталь.	Шины Рельсы. Проволока. Трубы.
Железная руда. Угольн. копи. Кокс. Естественный газ.	Железные дороги. Суда. Доки и т. д.	Доменные печи.	Прокатные заводы, печи и т. д.	Жесть. Мосты. Вагоны. Элеваторы. Паровозы. Электр. установки и т. д	

Официально собственность треста описана следующим образом: — «78 доменных печей, с мощностью свыше 6.500.000 тонн чугуна ежегодно, или половина всего производства Соед. Штатов в 1900 г.; 149 сталеобрабатывающих заводов и 6 заводов стальных изделий, включая производство стандартной стали, полосового железа и плющильные заводы с ежегодной производственной мощностью приблизительно в 9.000.000 тонн готового материала; 18.300 коксовальных печей; около 70 процентов рудников в области Верхнего Озера, добывавших в 1900 г. 12.724.900 тонн; 70.830 акров угольной площади; около 30.000 акров земельной площади в районе кокса; 125 озерных судов и т. д.».

§ 13. Существует четыре основных причины, по которым тресты или постоянные объединения, пользующиеся монополией, получили в Соединенных Штатах большее развитие, чем в Англии и других местах. Во-первых, железные дороги, как экономический фактор, там играли бóльшую роль, чем где-либо и имели возможность оказывать бóльшую поддержку организации комбинатов в области горного дела, обрабатывающей промышленности и торговли. Во-вторых, тарифная система, обеспечивающая американским производителям внутренний рынок, делает успешную организацию комбинатов более возможной, чем в странах, где господствует свободный ввоз. Кроме того, ни в одной из протекционистских стран Европы интересы крупных производителей не имеют такого исключительного влияния на тарифную политику, как в Соед. Штатах. В-третьих, возможное благодаря коррупции господство в политике деловых интересов, более могущественное в Соед. Штатах, чем в какой-либо другой крупной промышленной стране Европы, дает возможность крупным железнодорожным и коммерческим объединениям добывать муниципальные и государственные концессии и прочие доходные привилегии, безнаказанно обходить многие законы и уклоняться от взноса своей доли налогов в государственную казну. В-четвертых, большее поглощение деловыми операциями национальной энергии, больший выбор талантливых людей, большее равноправие в смысле возможности сделать карьеру, сангвинический и предприимчивый темперамент американского дельца, соединенные с свободой от многих юридических и традиционных ограничений, которые мешают «логическому» развитию капиталистической предприимчивости в Европе, выработали тип промышленного и финансового «толкача» с более широкими идеями и большей быстротой и бесцеремонностью методов их осуществления, чем в Европе.

§ 14. Но хотя в этой благоприятной обстановке выросло большее количество трестов, и они достигли большого развития, ни одно из этих специальных американских условий не является необходимым для организации треста.

Мы видим, что во многих отраслях металлической промышленности и в других отраслях обрабатывающей промышленности Великобритании существуют и оказывают существенное влияние на цены комбината, не пользующиеся никакой поддержкой со стороны

тарифной системы или железных дорог, хотя они не так сильны, как тресты.

Несомненно, в Великобритании существует много случаев гигантских предприятий, создавшихся при помощи слияния, занимающих такое крупное и прочное положение на внутренних и внешних рынках некоторых видов и сортов товара, что в Америке их считали бы трестами. Их «монополия» или бо̀льшая способность к конкуренции обусловлена по большей части их репутацией, которою они обязаны отчасти патентам и производственным секретам, долголетней практике администраторов и рабочего состава, или, другими словами, «качеству работы». Во многих случаях масштаб операций, необходимых для успешного ведения дела, требует колоссального капитала, вызывая слияние и мешая организации новых конкурирующих предприятий. Имевшие в последнее время место случаи слияния в железоделательной, сталеобрабатывающей и технической промышленности дают ряд примеров, когда фирмы, несмотря на наличие конкуренции извне, пользуются на деле некоторой монополией на известной территории сбыта и на известные виды правительственных и частных контрактов.

К такого рода предприятиям относятся Плэттс из Ольдгэма в производстве машин для хлопчатобумажной промышленности, заводы Элзвика (включая Армстронга и Уайтуорса и т. д.) в технической промышленности и судостроении, Нетльфолда (слившиеся с Гэстом, Киtom и К° и другими объединениями) в производстве винтов, Викерс и К° (поглотившие Максима, Норденфельта, Компанию Сооружения и Вооружения Судов и т. д.) в производстве бронированных судов.

Как и американские тресты, английские объединения имеют все растущую тенденцию усиливаться, путем обеспечения за собою наиболее удобных источников сырья и расширения своих операций от изготовления товаров широкого потребления до подготовительных производственных процессов.

Так, например, Нетльфолдская компания поглотила компанию производства патентованных гаек и болтов, которая уже раньше поглотила железоделательную компанию Даулея. В ее состав входят каменноугольные копи, железная руда в Испании, доменные печи, сталеобрабатывающие и прокатные заводы и т. д. [1]). Также и крупная фирма Джон Браун и К°, изготовляющая броневые плиты и прочее оборудование судов, приобретает каменноугольные копи и железную руду [2]).

---

[1]) Macrosty, стр. 186.

[2]) Явления современной жизни дают нам основание ожидать, что сталеобрабатывающая промышленность будет скоро сведена к сравнительно небольшой группе крупных предприятий — Армстронг, Каммель, Джон Браун и К°, Викерс Гэст, Кин, Уэрдельская Компания, Саут-Дергемская Компания (которая одна только объединяет капитал в 21.000.000 фунт. ст.) и некоторые другие. При такого рода организованности можно также уничтожить конкуренцию, как и при существовании треста, обладающего всеми обычными признаками. Macrosty: «Econ. Journal». Sept. 1902.

В некоторых случаях, когда патенты или обладание сырыми материалами являются факторами, определяющими влияние на «стоимость» продукта или на рынок, консолидация предприятия приближается к такой форме монополии, что его можно считать настоящим трестом. Так обстоит дело в химическом производстве с фирмой Бреннер, Монд и К°, главным элементом успеха которой являются специальные изобретения и основанная на научных данных умелая постановка производства. То же наблюдается и в Консолидированном Обществе по добыванию буры, которое обязано своим происхождением обладанию всеми важнейшими залежами и источниками сырья.

В большинстве случаев привилегированное положение английских компаний, — если они завоевали себе такое сильное влияние на рынок, что могут получать ненормально высокую прибыль, не только благодаря дешевизне производства, но и благодаря влиянию на цены, — обусловлено патентами, торговыми марками, удобствами при получении сырого материала, транспортными средствами, специальным контрактом с правительством или каким-либо другим видом монополии. Для полного использования этих основ монополии необходим также и исключительный деловой талант. Условием успеха может являться также и слияние конкурирующих предприятий и величина капитала, но эти условия не всегда необходимы: характерной чертой таких монополий является скорее создание специального рынка для одного вида товаров, единого по форме или по качеству.

Компания Дэнлоповских пневматических шин, бисквитная компания Гэнтлея и Пальмера, издательство Макмиллена (недавно поглотившее Бэнтлея), Какао Кэдбюри, газета «Таймс», — все они дают примеры объединений, имеющих такой специальный рынок; товары, которые они продают, конкурируют скорее с другими видами и сортами товара, чем с теми же изделиями конкурирующих фирм. Главным источником дифференциальных прибылей, даваемых этими монополиями, является высокая дифференциация рынка. «Монополия» В. Г. Смита с Сыновьями на книжные железнодорожные киоски, Union Castle Line в южно-африканской торговле, фирмы Кайнох на поставку ручного оружия обусловлены специальным положением предприятий, которое парализует внешнюю конкуренцию.

Во всех этих случаях монополия имеет довольно твердые границы. С Дэнлопом конкурируют постоянно другие сорта шин, книги и бумага продаются вне железнодоржных станций и не в киосках Смита, никакое правительство не может отдать предпочтение Кайноху, если предложения этой фирмы будут несоразмерно дороги и т. д.

§ 15. Хотя многие из этих предприятий являются фактически «трестами», в Великобритании этот термин обычно употребляется для обозначения некоторых объединений, образованных с открыто

заявленной целью положить конец конкуренции и взять в свои руки рынок.

Первым случаем объединения был Соляной Союз, возникший в 1887 г. с капиталом в 3.000.000 в акциях и 1.000.000 в облигациях, и Объединенное Общество Фабрикации Щелочей, возникшее в 1891 г. с 6.000.000 в акциях и 2.500.000 в облигациях. Оба комбината стремились установить монополию, захватывая источники сырья и пользуясь лучшими методами производства. Их сокрушила иностранная конкуренция [1]).

Текстильная промышленность была излюбленной областью опытов трестирования в Англии, но история их дает больше неудачных примеров, чем успешных. Самым могущественным из этих трестов, пользовавшимся наиболее постоянным успехом, является нитяный трест Коотсов.

Фирма Д. и П. Коотс, составив со своими главными конкурентами, — Клерком и К°, Чедвиком и К° и Джемсом Бруком и К°, — пул или объединение для сбыта, слилась с ними в 1890 г. Вскоре после этого они вложили крупные капиталы в Английскую Швейную Хлопчатобумажную Компанию и в Американскую Нитяную Компанию, а в 1899 г. купили одну бельгийскую фирму. Этот ряд слияний сделал их хозяевами нитяной промышленности не только в Великобритании и Америке, но и во всем мире.

Брэдфордская Красильная Ассоциация, возникшая в 1898 г., объединила около 90 процентов брэдфордской красильной промышленности и имела большой успех.

Шерсточесальная Ассоциация Йоркшира (возникшая в 1899 г.), Ассоциация тонкого бумагопрядения и сучения (1898 г.), Ситценабивная Ассоциация, Британская Ассоциация окрашивания шерстяных и хлопчатобумажных тканей (1900 г.), Объединенная Ассоциация производства бархата (1900 г.) оказались неудачными, а многие другие попытки текстильных трестов еще недостаточно проверены.

Детальное исследование британских трестов, составленное г. Макрости («Econ. Jour.», Sept., 1902) [2]), указывает, что только незначительное число попыток создать эту форму комбинатов оказалось удачным. Из немногих попыток, оказавшихся удачными, почти все имели место в областях, не подверженных сильной иностранной конкуренции: Коотс и Клерк являются интернациональной фирмой и хозяевами на мировом рынке; три случая относятся к угольной промышленности, где нет иностранной конкуренции; одна или две из остальных работают, как, напр., обойная промышленность, для национальных потребностей и вкусов.

К этому списку британских промышленных трестов надо доба-

[1]) Ср. Hubbard, «Econ. Journal». Апр. 1902.
[2]) См. таблицу на стр. 187.

вить большое число пивоваренных компаний. В самом деле, пивоварение является наиболее трестированной отраслью британской промышленности: подавляющая часть этой промышленности находится в руках крупных обществ, образовавшихся по большей части путем объединения и поглощения конкурентов и пользующихся в пределах определенных местностей фактической монополией. Эти «тресты» отличаются от прочих промышленных комбинатов, ибо их могущество основано на местной монополии разрешений на открытие пивных, которые они открывают и которым они доставляют напитки.

В области транспорта, в особенности там, где применяется электричество и прочие новые способы перевозки и сообщения, встречаются некоторые формы наиболее могущественной монополии. Являясь отчасти «пулом», основанным на взаимном соглашении относительно тарифов и прочего, наша железнодорожная сеть дает в Англии и Шотландии несколько примеров слияния в целях ограничения конкуренции; некоторые линии монопольно назначают на протяжении больших пространств тарифы, что чревато крупными злоупотреблениями. В других областях Национальное телефонное общество и Общество электрической тяги представляют собой примеры крупнейших предприятий, которые в течение нескольких лет пользуются могуществом вполне оперившегося треста.

§ 16. Мы проследили развитие организованной борьбы с конкуренцией, выразившейся в корнерах, пулах, трестах и других формах монополии в различных отраслях транспорта, обрабатывающей и горной промышленности, в области распределения и финансов. Иногда те же самые тенденции проявляются и в области удовлетворения потребностей, лежащих вне обычной промышленной и торговой деятельности, относящихся скорее к интеллектуальной и художественной жизни. В Соединенных Штатах, и все в большей степени в Англии, театр дает наиболее поразительный пример власти треста. В большинстве американских и во многих английских городах обычные «потребители» драмы вынуждены пользоваться теми театральными постановками, которые угодно давать мистеру Фроману по ценам и на условиях, установленных монополистом: артист может появиться перед публикой, только пользуясь аппаратом мистера Фромана.

Газетная пресса, являющаяся во многих случаях по своей природе местной монополией, проявляет теперь определенные тенденции к образованию «трестов», которые контролируют на обширной территории торговлю информацией и организацию общественного мнения. В Великобритании две фирмы — Гармсуорз и Пирсон — приобрели уже газеты в значительном числе крупных городов и расширяют их число с целью экономии в производстве и монополии на рынке, выпуская «одновременные выпуски газет» во всех крупных населенных центрах. Они состоят отчасти из общей информации и «издательской политики», которыми их снабжают из центра,

Соляной комбинат	4.200.000	2.400.000	9/20	64	—	нич.	нич	нич.	нич.	нич.	—
Объединенное общество по выработке щелочей	8.420.550	8.420.000	—	51	—	»	»	»	»	»	—
Д. и П. Коотс	5.500.000	10 000.000	—	5	—	20	20	40	50	20	—
В. Корп и сын (уголь)	2.500.000	2.650.000	весь	8	60	7	7	7 1/2	11	15	10
Английское швейное хлопчатое общество	2.250.000	3.000.000	1/4	15	—	—	нич.	8 3/4	7 1/2	3 3/4	нич.
Общество тонкого бумагопряден. и т. д.	4.000.000	6.650.000	1/3	31	—	—	—	8	8	9	8
Брит. протравы и химические продукты	570.000	570.000	—	4	—	—	—	2	3	нич.	—
Бредфордское красильное общество	3.000.000	4.225.000	1/3	22	90	—	—	8-13-11	9	7	—
Абердинское чесальное общество	300.000	300.000	1/3 def.	3	90	—	—	6	4	4	—
Рикетт, Кокерель и К° (уголь)	900.000	900.000	весь	2	—	—	—	—	12	6	—
Йоркширское общество индиговой краски	450.000	468.000	1/2	11	—	—	—	—	8	8	8
Бредфордская угольная ассоц.	199.000	249.000	весь	8	90	—	—	—	8	8	5
Британское производство масла и жмыхов	1.750.000	1.750.000	1/2	17	60	—	—	—	7	нич.	6
Йоркширское шерсточесальное общество	1.931.800	1.965.800	весь	38	—	—	—	—	нич.	»	—
Берри, Остлэр и Шэферд	984.000	984.000	»	3	—	—	—	—	7 1/2	6	2 1/2
Объединенное о-во индиго и химическ. производства	240.000	240.000	1/3	8	—	—	—	—	6	4	—
Текстильная машиност. овт. ассоциация	290.000	290.000	весь	7	90	—	—	—	нич.	нич.	—
Ситце-набивная ассоциация	8.200.000	8.226.000	8/25	47	85	—	—	—	»	»	—
Общество обойных фабрикантов	4.141.000	4.141.000	весь	31	98	—	—	—	8	8	—
Британское о-во окраски шерстяных и хлопчатоб. тканей	1.820.000	1.492.480	37/120	46	85	—	—	—	—	нич.	нич
Йоркширское красильное общество и т. д.	226.000	294.000	весь	5	—	—	—	—	—	»	—
Ассоциация беления тканей	6.750.000	6.791.000	»	53	—	—	—	—	—	»	3
Общество производителей Портландского цемента	6.349.000	6.349.000	»	30	75	—	—	—	—	»	—
Общество производства заклепок, болтов и гаек	550.000	550.000	»	15	—	—	—	—	—	6	—
Объединение фабрикантов бархата	140.000	140.000	»	5	—	—	—	—	—	—	—
Общество по обработке шерсти и мериноса	270.000	270.000	—	7	—	—	—	—	—	6	—
Дж. и Дж. Болдуин	752.000	752.000	3/10	5	—	—	—	—	—	7	—
Красильное общество крученой шерсти в Лидсе	226.000	226.000	9/10	10	—	—	—	—	—	6	6
Имперская табачная компания	14.518.000	14.518.000	весь	13	—	—	—	—	—	—	—

а отчасти из местных новостей и политических статей, которые добавляются к первой части [1]).

В других областях литературы — в снабжении учебниками — Американская Книжная Компания заслуживает быть примером мощного треста, главная сила которого основана на воздействии на государственную систему обучения при помощи обычных методов американской политики.

Насколько церковь, организующая монопольное снабжение специальными религиозными услугами, существующая на денежные средства своих приверженцев, может считаться деловым объединением, остается, конечно, спорным вопросом. Но в высоко централизованной системе и строю деловой организации церкви, Христианской Науки (Christian Science), которая доставляет литературу и прочие услуги по определенным «монопольным» ценам, мы встречаем современный пример духовного «треста». Этот трест пользуется методами, которые хотя и походят, без сомнения, на методы римско-католической и других господствующих церквей, являются, однако, по своей форме более строго «монопольными».

§ 17. Здесь следует упомянуть еще об одном обстоятельстве, имеющем большое значение в развитии трестов. Хотя таможенные тарифы и другие законы и традиции отдельных стран стремятся к тому, чтобы удержать структуру капитализма в национальных рамках, мощные силы все же работают в пользу делового интернационализма, и интернациональный трест имеется уже налицо.

Этот интернационализм принимает различные формы. Иногда он состоит в контроле иностранного рынка трестом, производственные операции которого сосредоточены в одной стране, где он возник; однако, подчиненные ему общества могут быть зарегистрированы за границей, как это имеет место в случае с англо-американским отделением компании Стандард-Ойл или с фирмой Беррауз и Уэлком в москательной промышленности. В других случаях имеется слияние фирм различных стран для образования международного треста, хотя и здесь также часто сохраняются формы национальных обществ. Наиболее крупными примерами таких трестов являются нитяный трест Коотс и Клэрк, о котором мы уже умоминали, динамитный трест Нобеля (с его вспомогательными обществами в Шотландии, Германии и других местах) и Атлантический судоходный трест. Примерами более ограниченной монополии в международном масштабе являются: поглощение американской фирмы Брук и К° («Monkly Brand») фирмой братьев Левер (мыло «Sunlight»), новой компанией, организующей фабрики также в Германии и в Швейцарии; поглощение спичечного общества Брайант и Мей американской Star Company.

Атлантический судоходный трест и объединение финансовых интересов в предприятиях электрической тяги в Америке и в Велико-

[1]) Систему хозяйства этой формы «треста» описывает Г. Альфред Гармсуорз в интересной статье, помещенной в «North American Review» за январь 1901 г.

британии дают самые крупные примеры тенденции к интернационализму в эволюции трестов.

Широчайший план распространения принципа трестирования на область международной конкуренции проектировался сталеобрабатывающей промышленностью в 1904 г., когда было достигнуто предварительное соглашение между американским стальным трестом и руководящими группами британских, германских, бельгийских и французских производителей по вопросу о регулировании выработки стальных рельсов [1]). В основу этого договора в отношении главных стран Европы было положено назначение каждой стране определенной процентной нормы выработки: британские заводы производят 53,50%, германские — 28,83% и бельгийские — 17,67%. Франция присоединилась на несколько другой основе, добавляя к общему британско-германско-бельгийскому итогу, равняющемуся 100 единицами, 4,8 на первй год, 5,8 на второй и 6,4 на третий год соглашения. Каждая страна распределяла свою долю выработки между обществами, входящими в ее состав. Все крупные британские фирм присоединились к этому договору, который, если бы он был успешно выполнен, мог бы, казалось, контролировать продукцию почти всего мира.

§ 18. Широкое развитие концентрации капитала в виде пулов, трестов и различных местных национальных и международных комбинатов, которые существуют, как оказывается, в различных областях промышленности, может показаться несовместимым с большим количеством данных, свидетельствующих о выживании мелких предприятий, но эта несовместимость только внешняя. Во всех областях промышленности, если включить в нее все виды занятий, не уменьшается ни общее число мелких предприятий, ни число занятых в них рабочих, но экономическая независимость многих видов мелких предприятий не может устоять против натиска организованного капитализма, который почти во всех производственных каналах помещается в наиболее узких местах этого русла и налагает свои пошлины при переходе товаров к потребителям.

Мелкие производители выживают в значительном количестве в земледелии; но поскольку успешность современного земледелия требует крупного капитала и широких возможностей сбыта, мелкий фермер попадает во все большую зависимость от кредитных обществ и от железных дорог. В обрабатывающей промышленности мелкий ремесленник, водопроводный подрядчик или другой «строитель». шеффильдский точильщик или мелкий медник из Бирмингама, работающий на дому портной или столяр, хотя и выживают в больших количествах, но они все теснее связаны с крупными фирмами фабрикантов или подрядчиков, которые скупают их работу и часто «кредитуют» их. Независимость мелких «потогонных» предприятий. таких многочисленных в конфекционной и некоторых других отраслях промышленности, является, конечно, только номинальной.

([1] Проведено в жизнь летом 1905 г.

Это же относится в значительной степени и к коммерческим предприятиям. Многие из них являются «агентствами», которые как в оптовой, так и в розничной торговле связывают купца или лавочника с каким-нибудь крупным фабричным, судоходным, горным или коммерческим обществом, на которое он работает. Колоссальный рост розничной торговли «упакованными» товарами и общее распространение системы «розничных отделений» иллюстрируют эту растущую зависимость.

Те же самые влияния проникают и в область искусства, литературы и даже свободных профессий: множество журналистов прикреплены к редакции одной или двух газет, имеется много авторов, пишущих для издателей или синдикатов, художников, единственным шансом которых продать их произведение является художественный магазин; актеры, музыканты, доктора, учителя и даже священники получают случайные средства к жизни при помощи аппарата посреднической компании.

Поэтому власть концентрированного капитализма ни в коем случае не ограничивается непосредственными капиталистическими операциями. В длинном ряду производительных и распределительных процессов, при помощи которых сырые материалы в области материальных и нематериальных благ преобразуются и идут в продажу потребителю, обычно встречаются процессы, требующие высокой капиталистической организации. В этом случае, хотя бы все остальные процессы и лежали в областях, где конкурируют мелкие предприятия, монополистский контроль может наложить свою тяжелую руку и на все остальные процессы и взимать с потребителя такую же большую дань, как если бы вся цепь процессов производилась в сфере монополии.

Такого рода властью над мелкими фермерами или рыбаками, а также и над потребителями часто пользуются транспортные общества и ринги, держащие в своих руках оптовый рынок; в производственном процессе, где может объединиться небольшое количество крупных предприятий, может образоваться корнер, который от времени до времени будет узурпировать эту власть; или после того, как в предыдущих стадиях производства и торговли господствовала свобода конкуренции, ринг розничных торговцев может поднять местные цены, чтобы получать монопольные прибыли. Во всех областях «общество, построенное на началах конкуренции», усеяно комбинатами, пользующимися «монополией» в той или иной форме или степени, т.-е. являющимися на том или ином рынке в роли единственного продавца, могущего диктовать свои цены в его пределах. Для потребителя сравнительно безразлично, «подрывается» ли свобода конкуренции монополией в нескольких процессах производства и торговли, или только в одном. Один сильный «комбинат» в одном необходимом процессе может пользоваться такой же властью над нормой продукции и продажной ценой товара, как и полдюжины различных комбинатов в предыдущих или последующих процессаах того же самого производственного ряда.

На деле существование сильного пула или треста в одной стадии производства, как, например, при перевозке нефти или рафинировании сахара, мешает независимости комбината производителей или торговцев во всех остальных процессах данной промышленности, поглощая все прибыли, приносимые монополией, выкачивая их в самом узком месте производственного русла. Хотя, как мы видели, «организация» промышленности в отдельном пункте имеет тенденцию распространяться и на предыдущие и последующие процессы и распоряжаться вспомогательными конкурирующими производственными процессами, нельзя сказать, что это действительное уничтожение конкуренции распространилось на значительную часть всех областей промышленности. Это сохранение острой конкуренции на многих рынках свидетельствует отчасти о примитивном состоянии новых методов капиталистической «организации». Но отчасти оно объясняется властью рингов, пулей и прочих комбинатов, которые вместо того, чтобы непосредственно распоряжаться предыдущими процессами, побуждают их к отчаянной конкуренции, чтобы иметь возможность дешево покупать и дорого продавать. Поэтому, хотя большая часть нашей промышленной системы все еще продолжает жить в условиях конкуренции, сфера влияния капиталистических комбинатов растет, и та действенная защита, которую давала потребителям конкуренция, уменьшается.

ГЛАВА IX.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ТРЕСТА.

§ 1. Влияние трестов на предыдущие и последующие процессы. § 2. Влияние трестов на непосредственных конкурентов. — Господство на рынках. § 3. Тресты диктуют заработную плату и определяют количество занятых рабочих. § 4. Тресты диктуют цены. § 5. Теория монопольных цен. § 6. Установление цен в отношении различных видов товара. § 7. Общие выводы относительно влияния на цены.

§ 1. Остается исследовать ту фактическую экономическую власть, которую имеет «монополия» в различных областях промышленной жизни. Хотя можно считать трест наиболее характерной формой монополии капитала, сила его экономического влияния в различной степени присуща всем остальным более слабым или переходящим формам объединения и частным предприятиям, господствующим на рынке, благодаря обладанию патентом, промышленными секретами или иными экономическими преимуществами. В связи с теми группами, в интересах которых они работают, эти силы влияния монополии могут быть подразделены на четыре рубрики: — (а) фирмы, занятые в предыдущих или последующих производственных процессах; (b) фактические и потенциальные конкуренты; (с) рабочий состав треста или другого монопольного предприятия; (d) потребители.

(а) Иллюстрацией той власти, которой пользуется монополия в стадии транспорта или какой-либо другой стадии производства и торговли, чтобы «прижать» более старых или хуже организованных производителей, является поведение железных дорог, компании элеваторов и треста скотопромышленников в Соединенных Штатах по отношению к фермерам. Как мы видели, вплоть до совсем недавнего времени компании Стандарт-Ойл предпочитала оставлять нефтеносные земли и машины для добывания сырой нефти в руках независимых промышленников и обществ, в расчете на то, что ее положение в качестве крупнейшего покупателя сырой нефти даст ей возможность диктовать цены. Падение цен, платимых трестом за сырую нефть с 9,19 центов в 1870 г. до 2,30 в 1881 г., когда возник трест, и удержание их почти на одном и том же низком уровне с 1881 г. по 1890 г. показывает, в каких клещах держал трест производителей нефти: ибо, хотя в течение этого периода и были усовершенствованы машины для бурения скважин и для добывания нефти, этой

кономии в производстве отнюдь не достаточно для объяснения паения цен. Действительно, методы действия компании по отношению к производителям нефти чрезвычайно убедительно доказывают, асколько она является хозяином положения. Ее собственный поеренный, защищая трест, описывает его следующим образом: — «Когда производитель нефти закладывает скважину, он извещает омпанию нефтепроводов (отделение треста), и немедленно прокладывается нефтепровод, присоединяющий его скважину. По мере проса, нефть из цистерны при скважине перекачивается в больие складочные цистерны компании и хранится здесь для ее собтвенника, сколько он пожелает. Выдается удостоверение в приятии нефти на хранение, которое в любой момент может быть обращено в наличные деньги; когда нефть продана, она доставляется окупателю на любую станцию сдаточных линий» [1]). Аналогичным бразом и сахарный трест господствовал на рынке сырого сахара. Его власть распространялась не только на производителей сырого ахара; он диктовал цены, по которым оптовые торговцы, скупавшие него сахар-рафинад, продавали его своим покупателям [2]).

Трест фабрикантов обоев заключил соглашение с торговцами, бязывающее их не покупать в течение десяти лет заграничных боев. В керосиновой промышленности трест Стандарт-Ойл усвоил ебе самый суровый метод действия, с целью навязать розничным орговцам свою монополию. К торговцу нефтью, который пытался ести дела с конкурентами треста, являлся агент треста, который аявлял ему, что если он не перестанет покупать «на вольном ынке», то будет открыт местный склад, чтобы подорвать его дело [3]). В других случаях практикуется система скидок, не многим отличающаяся от той, которая принята в «конференциях» судоходных бществ. Например, в папиросной и алкогольной промышленности Америки трест дает покупателям, которые могут доказать, что в теение определенного времени они покупали исключительно у треста, или 7 процентов скидки [4]).

Эта монопольная власть распространяется не только на цены ранних и позднейших процессах производства и распределения оваров. Одной из наиболее могущественных форм монополии, которую она принимает в тех производствах, где играют большую роль машины, является обладание патентами или влияние на машиностроительные фабрики. Там, где существует сильный трест, владелец патента на новые изобретения может продать его только тресту и только по ценам треста. Против компании Стандарт-Ойл и других могущественых монопольных предприятий выдвигались даже обвинения в том, что они имеют обыкновение присваивать себе все

1) S. C. T. Dadd, «The Forum», May 1892.

2) «Trusts in the United States». «Economic Journal», стр. 86.

3) Ср. Lloyd, «Wealth against Commonwealth», стр. 250, и Tarbell, «History of the Standard Oil Trust».

4) Von Halle, с p. 77.

новые изобретения, патентованные и непатентованные, не платя ничего, в расчете на то, что сила их влияния даст им возможность избежать юридических последствий такого рода поведения. Существует действительно серьезное основание думать, что безответственное положение некоторых трестов толкает их на беззастенчивое использование своих громадных капиталов в такого рода целях.

§ 2. Поскольку главной целью треста является сбыт по выгодным ценам, а цены определяются непосредственно количественным состоянием спроса и предложения, очевидно, что тресту выгодно добиться максимального возможного господства в области регулирования предложения. Для фактического существования треста необходимо иметь в своих руках главную часть выработки. В Англии стало обычным деловым принципом, что для успешной консолидации необходимо иметь в своих руках минимум 70% промышленности, а почти все сильные тресты имеют гораздо больший процент, например, трест фабрикантов обоев претендует на распоряжение 98% обойной промышленности. Хотя Стандарт-Ойл при своем преобразовании в 1899 г. претендовал на обладание около 65% общей выработки очищенной нефти в стране, но его влияние на восточный и центрально-западный рынок было гораздо больше, а г. Гевмайер заявил в 1897 г., что американская компания сахара-рафинада доставляла 90% общего потребления страны. В производстве многих стальных изделий один комбинат охватывает от 75 до 80 процентов выработки, а в некоторых областях даже больше [1]).

Для достижения такого господствующего положения трест ведет двоякую политику. Он скупает те конкурирующие предприятия, которые, по его мнению, могут быть выгодно использованы для целей треста. Цена, по которой он заставляет владельца такого предприятия продать его, не стоит в точной зависимости от ценности предприятия, а обусловливается тем количеством неприятностей, которые может причинить предприятие, если оно откажется войти в состав треста. Если эта фирма сильна, трест может заставить ее продать предприятие только при помощи длительного процесса сбивания цен, что причиняет крупные убытки. За такое предприятие трест заплатит большую цену. Упрочивший таким путем свое положение трест или синдикат получит в свои руки все наиболее крупные и наилучше оборудованные предприятия, которые в противном случае ослабляли бы своей конкуренцией власть треста над рынком. Против более мелких предприятий или серьезных конкурентов, которые упорно остаются вне треста, трест борется различным оружием, имеющимся в его руках, и сокрушает их грубой силой конкуренции. Самым обычным способом душить мелкие предприятия является понижение цен ниже предела, за которым они становятся убыточными. Пользуясь большей способностью терпеть убытки, которая свойственна крупному капиталу, трест берет конкурента измором. Этот метод истребительной войны применяется не только про-

---

[1]) Report of Industrial Commission, том XIX, стр. 604.

тив фактически существующих соперников, как, например, в случае, когда известно, что железнодорожная компания понижает фрахтовые тарифы ниже себестоимости, чтобы отбить фрахты у конкурирующей линии. Этот способ используется с таким же успехом и против возможной конкуренции внешнего капитала. После того, как две или три попытки конкурировать с нью-йоркско-филадельфийской телеграфной линией Джея Гулда при помощи понижения тарифов до уровня номинальной оплаты окончились неудачей, одна слава этого страшного оружия оказалась достаточной, чтообы предупредить дальнейшие попытки конкуренции. Таким путем каждый прочно организованный трест может обеспечить себе известную область помещения капитала, суживая таким образом поле деятельности всех посторонних капиталов. Такое применение грубой силы иногда называют «нечестной» конкуренцией и считают чем-то чуждым обычной конкуренции. Но эта разница лишь внешняя. Сокрушая таким образом конкурента, трест только использует те экономические выгоды, которые, как мы видели, свойственны крупному производству по сравнению с мелким. Каким бы угнетением с точки зрения более слабого конкурента ни казалась деятельность треста, она является только использованием тех самых сил, которые проявляются во всем ходе развития современного капитала. В промышленной жизни, основанной на началах конкуренции, этот образ действий треста, использующего свои размеры и способность выдерживать трудные моменты, ничем не отличается от образа действий любого обыкновенного фабриканта или лавочника, стремящегося делать бóльшие и более выгодные дела, чем его конкуренты. Каждый использует полностью и без угрызений совести все экономические выгоды капитала, технического искусства, знания рынка, соблазнительных прейс-курантов и рекламы, находящиеся в его распоряжении. Совершенно верно, что пока существует конкуренция между рядом равных предприятий, потребители выигрывают до некоторой степени от этой конкуренции, между тем как нормальным результатом успешно организованного треста является предоставление его владельцам возможности получать высокую прибыль, поднимая цены, которые платит потребитель. Но это не делает способов конкуренции настолько различными, чтобы они заслуживали в одном случае название «честных», а в другом «нечестных».

Сомнительно даже, можно ли считать «нечестными» такие сделки, как вышеописанное соглашение между Стандарт-Ойл и железными дорогами, устанавливавшее в пользу треста особые ставки, хотя оно и было подпольным и противозаконным. В обычном смысле слова это было «свободное» соглашение между железными дорогами и нефтяным трестом, и, несмотря на его льготный характер, его можно было бы проводить открыто, если бы закон не запрещал этого из технических соображений. Это же самое верно и относительно вопиющего факта льгот, описанного г. Бекером: «комбинат фабрикантов вагонных рессор для железных дорог, желая разорить независимого конкурента, не только вошел в соглашение с американ-

ским стальным трестом, по которому независимые компании должны были платить за тонну стали на десять долларов больше, чем члены комбината, но и организовал особый фонд, имевший следующее назначение: когда независимая компания делает предложение относительно поставки рессор, одному из членов треста поручается предложить более дешевую цену себе в убыток; этот убыток покрывался из сумм фонда. Таким путем конкурирующая компания лишалась дела» [1]). Эти случаи отличаются от более простых способов вытеснить конкурента только своей сложностью. Такая политика часто пользуется подпольными, быть может, незаконными и неблагородными средствами, но в конце концов от средств, практикующихся обычно большинством предприятий, ведущих острую коммерческую борьбу, они отличаются не столько по качеству, сколько в степени. Если они «нечестны», то только в том смысле, что нечестно всякое давление сильного на слабого — приговор, несомненно осуждающий, с точки зрения любой морали, всю конкуренцию, поскольку она не ограничивается соревнованием в области достоинств производства.

Единственным случаем, когда трест или монопольные предприятия, сводя свои счеты с конкурирующим капиталом, пользуются своей властью так, что их поведение должно быть отнесено к специальной категории подлых поступков, является развращение деньгами законодательной власти с целью добиться охранительных тарифов, специальных привилегий или концессий и всяческих льгот, которые дают монопольным компаниям возможность брать перевес над своими противниками, обеспечивают за ними контракты, устраняют внешнюю конкуренцию и облагают потребителей данью в пользу трестовских дельцов. К этой же категории можно отнести и стачки с судебными властями, которые, очевидно не без достаточных оснований, приписываются некоторым трестам, употребление капиталов треста на покупку иммунитета от вмешательства закона или, как последний выход, подкуп судов.

Насколько более или менее конкретное обвинение в этом имеет за собой достаточное основание — выходит за пределы нашего исследования; но некоторые разоблачения в связи с деятельностью шерстяного ринга, треста Стандарт-Ойл, Антрацитно-Угольного Треста и других синдикатов дают основание думать, что более бесцеремонные капиталисты, преследуя свои деловые интересы, стараются оказывать влияние как на судебные учреждения, так и на законодательную власть. Взносы в партийные фонды на эти цели, в результате чего они добиваются влияния на таможенное законодательство и другие виды законодательной деятельности в своих интересах, являются приемами, которые трудно доказать, хотя все об этом знают, тем не менее у нас есть признание г. Гевмайера в комитете конгресса, что сахарный трест делает в республиканских штатах взносы в кассу республиканской партии, а в демократических шта-

[1]) Baker, «Monopolies and the People», стр. 85.

тах в кассу демократической партии, для того, чтобы во всех штатах быть в хороших отношениях с властями [1]).

§ 3. (с) Более или менее полная возможность распоряжаться вложенным в данную отрасль промышленности капиталом и рынком дает громадную власть над рабочей силой, занятой в этой промышленности. Пока существует конкуренция, рабочий, или группа рабочих, может добиватьстя заработной платы и других условий труда, которые до известной степени определяются столкновением интересов различных предпринимателей; но когда существует только один предприниматель — трест, ищущий работы рабочий не может выбирать и должен принимать условия, которые ему предлагает работодатель. Ему представляется только одна альтернатива: бросить ту отрасль производства, в которой он приобрел специальную сноровку, и пойти на вечно переполненный рынок неквалифицированного труда. Это особенно тяжело отражается на тех фабричных рабочих, которые достигли большого искусства путем постоянной практики в какой-нибудь узко-шаблонной области управления машиной. В общем средний рабочий современной высоко развитой фабрики меньше, чем другой любой рабочий, в состоянии без ущерба прилагать свою рабочую силу к другой области труда [2]). Но, как мы видели, именно в этих производствах и возникли многие из самых могущественных трестов. Трест Стандарт-Ойл или Стальной трест являются владельцами своих рабочих почти в такой же степени, в какой они владеют своими заводами и машинами. Так, современный труд становится рабом того постоянного капитала, на который он работает. Как одно из преимуществ треста, возвещалось, что его экономические выгоды дают ему возможность платить заработную плату выше рыночных ставок. Не может быть вопроса относительно возможности для мощных трестов платить высокую заработную плату. Но не существует силы, которая принудила бы их к этому, и было бы сплошным лицемерием претендовать, чтобы интересы рабочих играли какую-либо роль в мотивах, побуждающих группу смелых дельцов добиваться монопольного влияния. Одним из специальных преимуществ крупного капитала над мелким, преимуществ, свойственных тресту par excellence, является власть, дающая им возможность нанимать рабочих на наиболее выгодных условиях.

Немногие из наиболее сильных трестов поняли выгодность отвлечения своих рабочих от общего «рабочего движения», вводя незначительное «участие в прибылях», или поощряя их вкладывать их мелкие сбережения в акции комбината. Незначительная доля монопольных прибылей, истраченная на это, покупает промышленный мир и помогает уверять широкую публику, что прибыли треста обогащают многих, а не нескольких человек. С некоторым основанием заявляют, что Стандарт-Ойл, Стальной и еще несколько трестов ведут свое дело достаточно умно, понимают «выгоды высокой

---

[1]) Ср. Yenks, «The Trust Problem», стр. 192.

[2]) Ср. главу XV.

заработной платы», выплачиваемой ответственным и высококвалифицированным рабочим. Но уровень заработной платы и другие условия труда, господствующие среди менее квалифицированных рабочих антрацитных и угольных копей [1]) и других сильно «трестированных» отраслей промышленности, доказывают, что рабочий класс в целом ничего не выигрывает от системы промышленных монополий.

Но фактическое владение рабочей силой, связанное с монопольным положением, еще отнюдь не исчерпывает полностью давления, которое трест производит на труд. Поскольку средством, при помощи которого трест удерживает цены на нужном ему уровне, является регулирование производства, интересы треста часто требуют, чтобы значительная часть постоянного капитала компаний, входящих в состав треста, бездействовала. «Когда конкуренция становится настолько жестокой, что предложение товаров на рынке часто превышает количество, которое может быть продано по выгодным ценам, необходимо, чтобы конкурирующие предприятия остановили производство, если хотят вообще сохранить предприятие (конечно, при условиях полной свободы конкуренции многие фирмы погибнут). Обыкновенный пул принимает в каждом предприятии необходимые меры, чтобы работать в одном из двух направлений, которые могут понадобиться. Очевидно, более сильная организация, как, например, трест, достигнет большой экономии, выбирая лучшие предприятия и работая на них непрерывно полных ходом, и закрывая и продавая в то же время другие заводы, используя освободившийся таким образом капитал иным путем» [2]). Водочный трест дает общественный пример такой экономии. Когда водочная промышленность работала в форме менее сплоченного объединения — промышленного пула, — каждый их входящих в состав объединения винокуренных заводов работал ниже своей полной нагрузки, вырабатывая в одном году 40%, а в другом даже 28% прежней продукции. Но когда 80 винокуренных заводов организовались в более сплоченный трест, в следующем же году были закрыты все предприятия, за исключением двенадцати наилучше расположенных и оборудованных заводов. Эти последние работали полным ходом, и их общая выработка была не меньше продукции 80 заводов, работавших ных заводов. Эти последние работали полным ходом, и их общая выработка была не меньше продукции 80 заводов, работавших раньше [3]). Когда в начале 1894 г. Карнеги объединился с шестью фабрикантами стали, сосредоточив в своих руках 65% продукции, лицам, оставшимся вне объединения, были уплачены крупные суммы за закрытие их предприятий [4]). Между прочим, эту же политику

[1]) Roberts, «Anthracite coal Industry».

[2]) I. W. Ienks, «Trusts in the United States». «Economic Journal», т. II, стр. 80.

[3]) I. W. Yenks, «The Trust Problem», стр. 34.

[4]) Von Halle, стр. 62.

проводили трест хлопкового масла, сахарный и каучуковый трест [1]). На деле все крупные тресты следовали этой системе полного закрытия более слабых предприятий и использования только более сильных, получая таким путем экономию на капитале и труде [2]).

Таким образом, мы видим, как трест пользуется своей экономической властью регулировать производство. Как мы увидим ниже, эта власть не ограничивается одним закрытием худших заводов, чтобы достигать той же общей продукции, работая полным ходом на наиболее производительном заводе. В случаях перепроизводства интересы треста требуют сокращения производства. С этой целью он закрывает внезапно половину заводов, фабрик или элеваторов данного района. Собственники закрытых заводов получают от треста причитающийся им процент так же, как если бы их заводы работали. Но рабочая сила заводов оказывается внезапно «съэкономленной» без всякого вознаграждения за убытки — это значит, что рабочие лишаются единственного вида материала и мастерской, где применим их квалифицированный труд. Очень вероятно, что одним из результатов образования каждого из крупных трестов было выбрасывание на улицу нескольких тысяч рабочих; эти рабочие или переходят в ряды безработных, или в другую отрасль промышленности, где приобретенная ими раньше сноровка приносит очень мало пользы, и где их заработная плата соответственно понижается. Такая экономия труда не ограничивается производствеными процессами. Когда сформировалась Американская Стальная и Проволочная Компания (ныне отделение огромного Стального треста), оказалось, что можно обойтись без услуг 200 агентов по продаже; одной из первых экономий Водочного комбината было увольнение 300 «вояжеров». На основании вышеприведенного изложения изменений в организации производства при трестировании может показаться, что влияние трестирования на труд выразилось не в одном сокращении числа рабочих, но и в том, что меньшее число рабочих получило регулярные и полные занятия, вместо частичной и нерегулярной работы бо́льшего числа, и что таким образом труд, как целое, может оказаться в выигрыше. Эволюция в промышленности, заменяющая нерегулярную работу многих регулярными занятиями немногих, является, до некоторой степени, прогрессивной эволюцией. Но надо помнить, во-первых, что мы имеем здесь обычно дело с абсолютным сокращением числа рабочих с заменой 100 рабочих, работавших половину рабочего дня, не 50, работающими целый день, а только тридцатью. Ибо здесь получится не только абсолютная экономия труда по сравнению с той же продукцией, как результат пользования только наилучше оборудованными и расположенными фабриками, но поскольку трест сорганизовался, чтобы сократить производство и поднять цены, общая выработка предприятия или будет сокращена, или будет возрастать в меньшей степени, чем при

[1]) Von Halle, стр. 66, 108.
[2]) I. W. Yenks, «The Trust Problem», стр. 33.

свободной конкуренции. На деле, главная экономия треста будет иметь своим источником абсолютное сокращение наемного труда. По мере того, как трест усиливается и поглощает все большую и большую долю всего предложения на рынке, обычно продолжается и сокращение числа рабочих. Конечно, если скала цен, которую трест находит наиболее выгодной, вызовет значительный рост потребления и даст, таким образом, толчок расширению производственного механизма, общее количество рабочих может остаться прежним и даже увеличится. Но, как мы увидим далее, ничто в природе треста не гарантирует такого результата. Нормальным результатом того явления, что упорядочение данной отрасли промышленности попадает в руки монопольной компании, будет сосредоточение в ее руках власти, которой она пользуется в своих интересах, суживая ее размеры, изменяя ее местоположение, бросая некоторые отрасли и начиная другие, заменяя ручной труд машинами, не считаясь с интересами рабочих, связанными с прежним постоянным капиталом. Если к этому мы добавим и то соображение, что возможность выбирать рабочих при искусственно созданном избыточном предложении труда и избавляться от конкуренции других предпринимателей дает тресту почти абсолютную власть в области установления заработной платы, рабочего дня, оплаты продуктами и вообще власть диктовать условия найма и определять жизненный уровень, то мы поймем те чувства недоверия и вражды, с которыми трудящиеся классы относятся к росту этих громадных монопольных предприятий по обе стороны Атлантического океана.

§ 4. Иногда лица, допускающие, что трест является по своему существу монопольным предприятием, и что в силу своего положения он может продавать товары по высоким ценам, утверждают, что не в интересах треста удерживать цены на высоком уровне, и что на деле тресты обычно понижали цены.

Поскольку прямое доказательство силы монопольного предприятия заключается в его власти над ценами, эти вопросы представляют большой интерес. Но когда мы хотим установить факты, перед нами встает ряд трудностей. Совершенно справедливо, что мы легко можем узнать колебание цен как на «трестированные» товары, так и на основные сырые материалы, из которых они производятся, до образования треста и после него. Мы можем установить, понизили ли фактически тресты цены, или до какого уровня они подняли их. Сравнивая кривые сырья и готовых изделий, мы можем установить, хотя и с меньшей точностью, увеличилась ли разница или уменьшилась: если она увеличилась, мы можем в общем сделать вывод, что трест получает монопольные барыши, взвинчивая потребителям цены, не непременно выше прежнего уровня, но выше того уровня, до которого они бы упали, если бы трест был вынужден довольствоваться обычной нормой прибыли. Профессор Дженкс произвел для «промышленной комиссии» («Industrial Commission») чрезвычайно детальное исследование вопроса с этой точки зрения. Относительно Сахарного треста он приходит к заключению, что «несо-

ненно сахарный комбинат имел возможность в широких пределах пределять для себя будущие цены на сахар: должны ли они быть ысоки или низки, принимая во внимание конкурентов или без них. огда же конкуренция оказывалась налицо, трест предпочитал сбиать цены, чтобы вытеснить конкурентов, вместо того, чтобы рискоать тем, что они постепенно сумеют захватить рынок, благодаря ысоким цнам комбината. В течение почти девяти лет из двенацати, со времени основания треста разница цен на сырой и рафиадный сахар была значительно больше [1]), чем за три года до оргаизации треста, и чем в течение трех лет, когда господствовала жетокая конкуренция [2]). Водочный трест манипулировал с ценами енее успешно, так как «водочные комбанаты» могли удерживать ены и прибыль на высоком уровне только в течение небольших пеиодов, потому что они почти всегда пытались добиться слишком ысоких прибылей и обеспечить их за собой [3]).

Деятельность треста Стандарт-Ойл формулирована вкратце следующих словах: «Трест Стандарт-Ойл сформировался в 1882 г. Начиная с этого времени, в течение восьми или девяти лет можно тметить, что разница лишь слегка уменьшилась. С 1891 г. до 898 г. разница остается, повидимому, устойчивой — около одного цента меньше, чем в течение предыдущего периода, но минимальная азница была, повидимому, в 1893 г. и 1894 г. В течение двух поледних лет [4]) наблюдалось определенное увеличение не только цен а очищенный керосин, но и разницы между ценой на сырую и чищенную нефть» [5]).

Такая крупная разница не требует соответственного роста прибыли, поскольку приходится принимать в соображение добавление тоимости очистки.

Таблица цен в жестяной промышленности показывает, что неосредственым результатом комбината явилось увеличение разницы, рост полученной таким образом прибыли еще увеличился впоследствии, благодаря сокращению стоимости производства [6]). Те же общие результаты дало и образование Стальной и Проволочной Компании (ныне поглощенной Стальным трестом). «Как разница в ценах, так и цены продукции быстро возросли с момента организации комбината».

§ 5. Хотя эти данные дают иллюстрацию той власти над ценами, обеспечить которую за собой является главным заданием треста, они не дают нам возможности измерить величину элемента

[1]) Однако, мы не можем делать отсюда вывода, что разница в прибыли увеличивается **соответственно**, ибо «для того, чтобы прибыль осталась на прежнем уровне, разница между ценой сырого материала и ценой готового продукта всегда должна несколько увеличиваться вместе с ростом цен на сырье» (стр. 133).

[2]) Yenks, стр. 139.

[3]) Idem, стр. 149.

[4]) Т.-е 1898—1900 гг.

[5]) Yenks, стр 154—4.

[6]) Idem, стр. 163.

«монополии»в ценах, которые платит потребитель, или чистую прибыль, сверх обычной нормы, которая достается на долю треста.

Тресту может быть выгодно не только продавать потребителям по более низким ценам, но даже сократить разницу между ценой на материал и на свои готовые изделия; тресту, абсолютно господствующему на своем рынке, может быть выгодно сократить разницу между стоимостью производства и продажной ценой на единицу своей общей выработки. В этой уменьшенной избыточной прибыли все еще может заключаться элемент монополии, являющийся, если принять в соображение общее количество выработки, результатом увеличения общей суммы прибыли, которую дает монополия.

Только дедуктивным исследованием вопроса можно ясно доказать, что трест обладает властью над ценами, противоречащей интересам потребляющего общества.

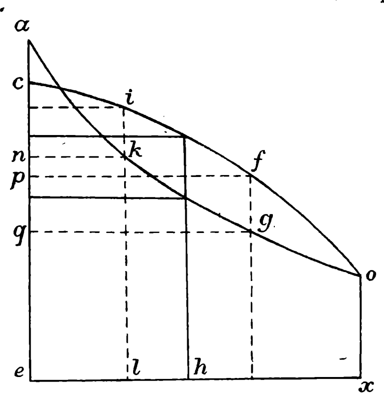
Трест или иное предприятие, монопольно распоряжающееся в области какого-либо вида товаров, на которые есть спрос, стремится установить такую цену, при которой его предприятие даст максимальную чистую прибыль. Первым вопросом является: «какое количество товара я должен произвести и предложить на рынке»? Ответ на этото вопрос зависит от соотношения между двумя рядами вычислений, из которых один относится к издержкам производства, а другой к эластичности спроса со стороны потребителей.

Что касается издержек производства, то тенденция к сокращению или расширению продукции зависит, конечно, от того, в какой степени данное предприятие подчинено действию законов сокращения прибылей, постоянства прибылей и возрастания прибылей, — другими словами: она зависит от границ максимальной производительности в пределах его предприятия. Пока возможно дальнейшее увеличение продукции при сокращении расходов на единицу всей выработки, наш монополист будет стремиться к увеличению продукции; но он будет умерять эту тенденцию, считаясь с другой стороной проблемы — со спросом. Если он производит небольшое количество, которое он может продать по высокой цене, то выпуск большого количества товара ведет к понижению цен. Если товар удовлетворяет острую, весьма ощутительную потребность или стимулирует рост потребления среди тех, кто уже покупал его раньше, сильный рост предложения может сопровождаться сравнительно небольшим падением цен. С другой стороны, если предмет находит у потребителей слабый спрос, удовлетворяет лишь несущественные желания небольшой специальной группы, если его ценность зависит от его «редкости», или же, если легко заменить этот товар у публики каким-либо другим, то увеличение выработки не может не сопровождаться большим падением цен. Именно соотношение между этими двумя несвязанными технически соображениями и определяет практическую власть монополиста над ценами. Когда падают издержки производства, заставляя монополиста увеличивать продукцию, падают также и продажные цены на его товары, вынуждая его ограничить продукцию. Фактический максимум продукции, при

отором производство и продажа дают максимальную общую приыль, должен, очевидно, зависеть от сравнительного темпа этих двух вижений цен.

Нижеприведенная диаграмма [1]) дает геометрическое изображеие трех этих сил и показывает разницу между образованием цен ри свободе конкуренции и при монополии в предприятии, подчиненом, в общем, закону возрастания прибылей.

«В диаграмме кривая *ao* изображает издержки производства и азывается поэтому кривой предложения; линия *co*, изображающая

оложение спроса, называется, соответственно, кривой проса. Линия *ox* будет обозначать цены при условиях конкуренции. Перпендикуляры *fh* и *il* изображают цены, которые были бы становлены спросом, если бы монополист соответственно ограничил редложение до *eh* и *el*. Линии *gh* и *kl* обозначают все расходы на роизводство единицы этих различных количеств товара. Параллелограммы *ghqe* и *klne* изображают все издержки по производству азличных количеств товара, а параллелограммы *fhpe* и *ilme* валовой оход от их продажи. Соответственно меньшие параллелограммы *gpq* и *ikmn*, равняющиеся параллелограммам, представляющим весь оход минус параллелограммы, представляющие все издержки, означают чистую прибыль. Зная обе кривые, можно определить при поощи математических формул, где параллелограмм, означающий

[1]) Заимствована с небольшими изменениями из «Ely and Wicker's Elementary Principles of Economics», стр. 184.

максимальную чистую прибыль, начнет уменьшаться и, следовательно, какова будет монопольная цена».

Из этой диаграммы ясно, что монопольная цена, где бы она ни устанавливалась, в линии ли *th* или в другом месте, всегда должна быть выше цены в условиях конкуренции *ox*. Но по некотором размышлении оказывается, что возможно совпадение монопольной цены с ценой свободной конкуренции при совпадении обеих кривых, соответственно обозначающих стоимость предложения и эластичность спроса. Другими словами: выгодность расширенного производства может быть так велика, а выгоды от сокращения потребления так незначительны, что монополисту будет прибыльно продавать очень большое количество товара по цене не выше, а может быть даже и ниже цен свободной конкуренции. Ибо, если термин «цены в условиях конкуренции» означает у нас рыночные цены, которые существовали бы, если бы вместо монополии рынок занимали несколько крупных конкурирующих предприятий, то вполне возможно, что трест может находить для себя выгодным установление продажных цен ниже этого уровня. Ведь при определении издержек в условиях конкуренции приходится принимать в расчет расходы на борьбу с конкуренцией, которые монополия *ex hypothesi* экономист: трест может находить выгодным назначать цены, которые давали бы потребителям определенные выгоды, связанные с организацией треста. Очень вероятно, что под давлением этих факторов бывали фактические случаи, что при господстве монополии публика платила более низкие цены, чем те, которые стояли бы при условиях конкуренции, или при менее сплоченной форме объединения.

§ 6. Истинная опасность, представляемая трестом и его властью над ценами, выясняется, когда мы исследуем эту власть в связи с различными видами товаров, являющихся предметами монополии.

(а) Острота потребностей, которой удовлетворяет данный вид товара, дает монополисту возможность устанавливать высокие цены. Если самая жизнь общества зависит от одного какого-нибудь продукта, как, например, Китай зависит от риса, монополист может получить высокую цену за все количество товара, не превышающее количества, необходимого для поддержания жизни всего населения. Такого рода монополист хлеба или риса может во время голода получить за значительное количество товара несоразмерно высокую цену. Но когда предложение достаточно велико, чтобы удовлетворить самую острую жизненную потребность каждого, острота потребностей, удовлетворяемых дальнейшим предложением, быстро падает, ибо не может быть сравнения между спросом, продиктованным голодом, и спросом для удовольствия, доставляемого едой.

Поэтому монополия на товары, необходимые для жизни, опаснее всякой другой, ибо она не только отдает жизнь народа на милость частных промышленников, но и потому, что часто в интересах такого рода монополистов будет ограничить предложение удовлетворением только элементарнейших жизненных потребностей.

Непосредственно за предметами первой необходимости следуют этом отношении продукты, называемые «условно необходимыми», едметы, которые, благодаря привычке, прочно укоренились в каcтве составного элемента благосостояния. В разных классах общева они, конечно, бывают различны. В наше время можно считать поги «условно необходимым» предметом для всех ступеней английого общества, и монополист мог бы, вероятно, сильно поднять цены сапоги, не уменьшая значительно их потребления, но за полсотния раньше, когда сапоги еще не укрепились, как элемент необхоимых жизненных удобств широких масс трудового населения, возжность для монополиста поднять цены была бы гораздо меньшей.

По мере того, как острота удовлетворяемых потребностей уменьается, мы замечаем, что предметы комфорта и роскоши являются ементом, входящим в состав жизненного уровня все меньшего и еньшего числа лиц, и, удовлетворяя все менее острые потребности, льнее реагируют на повышение цен.

(b) В тесной связи с этими соображениями стоит вопрос о возожности заменять монополизированные товары другими. Это поюду смягчает остроту потребностей в данном товаре. Существует ало предметов — быть может их не существует совсем — даже среди варов, необходимых для питания, жилища, одежды, без которых ы не могли бы обойтись, если бы цены поднялись очень высоко. остоянная конкуренция между различными товарами, претендуюими на удовлетворение одного вида потребностей, не может быть странена монополией на один из них. В этом, вероятно, состоит лавное объяснение низких цен треста Стандарт-Ойл. Как средство свещения, керосин конкурирует с газом, свечами и электричеством, пока монополия не распространяется вширь, захватывая различные возможные средства освещения, цены треста не могут определяться одним давлением потребности в искусственном освещении. отя для современного общества искусственный свет имеет, вероятно, даже более важное значение, чем тростниковый сахар, сахарный трест может пользоваться большей монополией и поднимать ены выше, чем нефтяной, потому что заменяющие тростниковый ахар патока и свекловичный сахар не такие сильные конкуренты, ак газ, свечи и электричество для керосина.

Власть железнодорожных монополий зависит в значительной тепени от того, насколько их услуги необходимы, и от того, сущетвуют ли другие виды транспорта. Но иногда они ошибаются в расетах на силу своего влияния. В Англии высокие железнодорожые тарифы привели недавно в различных областях к замене железых дорог гужевым и водным транспортом тех товаров, где не играла ольшой роли быстрота перевозки. В других случаях их также заеняли морским транспортом.

Большая степень монополии американских железных дорог бъясняется отчасти тем, что расстояния там очень велики, а прибрежное морское и, вообще, водное сообщение настолько отдален-

ное, что на значительной части континента монополия не смягчается другими транспортными возможностями.

Не менее важное влияние на цены имеет обратное соображение — возможность заменять другие товары монопольными, обеспечивая тресту, таким образом, более широкий рынок. Возможность замены при варке пищи и некоторых других операциях угля нефтью связано, вероятно, в значительной степени с низкими ценами на нефть. Часто трест держит в течение сезона цены на низком уровне, чтобы дать возможность своим товарам вытеснить на рынке конкурирующие товары, — метод конкуренции, совершенно аналогичный с методами борьбы с конкурентами, производящими тот же самый товар. Когда в окрестностях Питтсбурга был открыт натуральный газ, цены достаточно понизились для того, чтобы многие фабрики и частные дома перешли с угля на газ. После того как были сделаны дорогостоющие установки и установилась привычка пользоваться газом, Газовая компания начала поднимать без предупреждения ставки до 100%. Когда мы переходим к предметам бóльшей роскоши, конкуренция между различными товарами, удовлетворяющими вкусам одного порядка или даже отвлекающими моду или вкусы от одного вида предметов потребления к другому, становится чрезвычайно сложной и в сильной степени ослабляет власть треста над ценами.

Могущество компании, имеющей патент на штопоры особого сорта, в значительной степени ослабляется не только конкуренцией с другими штопорами, но и употреблением механических пробок и различных приспособлений для закупоривания бутылок. Хотя возможность для беднейшего потребителя обойтись без монопольных товаров не мешает монополисту взимать цены, настолько превышающие цены в условиях конкуренции, что они поглощают всю «ренту потребителя», тем не менее она ставит на деле границы росту монопольных цен.

(c) Наконец, на монопольные цены влияет фактическая или потенциальная конкуренция других производителей. Когда цены и прибыли стоят на очень высоком уровне, трест наталкивается на более сильную конкуренцию со стороны всех уцелевших независимых фирм, а также и на появление новых конкурентов. Возможность для постороннего капитала начать конкуренцию бывает, конечно, различной в различных отраслях промышленности. Там, где монополия охраняется тарифами, возможность появления новых конкурентов извне менее вероятна. Когда монополия связана с естественными преимуществами или с исключительным владением каким-либо специальным удобством, как, например, в горном или железнодорожном деле, непосредственная конкуренция на равных началах извне невозможна. Там, где для успешного ведения дела конкуренту необходима комбинация из крупного капитала с талантливой администрацией, власть монополии сильнее, чем там, где мелкий капитал может производить на равных началах и успешно конкурировать. Если монополия тесно связана с личными качествами

специальными знаниями, как в банковом деле, постороннему ка-
италу очень трудно успешно конкурировать с ней.

§ 7. Эти соображения показывают, что власть треста или дру-
го монопольного предприятия над ценами определяется рядом
ожных факторов, действующих друг на друга с разной силой, в за-
висимости от того, увеличивается ли предложение или уменьшается.
) трест всегда может установить цены, превышающие цены в усло-
иях свободной конкуренции, и это бывает обычно в его интересах.
интересах треста и других монопольных предприятий бывает,
ычно, удерживать на более низком уровне цены на те товары,
торые являются предметом роскоши, или удовлетворяют менее
сущным потребностям и более капризным вкусам, и сохранять
сокий уровень цен там, где монопольным товаром является пред-
ет общих житейских удобств и первой необходимости, которые не
к легко заменить.

ГЛАВА X.

ФИНАНСИСТ.

§ 1. Происхождение и экономическая природа современных финансов. § 2. Связь между вкладчиком и финансистом. § 3. Необходимость в финансовом посреднике. § 4. Доходность, как действительная основа капитализации. § 5. Техника учредительства. § 6. Манипулирование акциями на рынке. § 7. Обладание нормальным доходным предприятием. § 8. Банковский кредит, как фактор финансирования промышленности. § 9. Треугольник финансовых сил в Америке. § 10. Финансовое устремление на иностранные рынки. § 11. Финансовая система на примере Южной Африки.

§ 1. Структура современного капитализма имеет тенденцию концентрировать в руках людей, оперирующих над денежным механизмом промышленного общества, в руках класса финансистов непрерывно растущую власть. Финансист всегда был лицом, необходимым в крупных предприятиях: в древнем мире и в средние века он доставал крупные денежные суммы, чтобы удовлетворять непредвиденные нужды королей и крупной духовной и гражданской знати, оборудовать военные и морские экспедиции и облегчать организацию крупных коммерческих предприятий, нуждавшихся в капитале. Мелкие финансисты существовали во все времена, как ростовщики, за счет несчастий и необеспеченности классов земледельцев, ремесленников и мелких торговцев. Но пока развитие современной промышленной техники не требовало широкого, свободного и разнообразного притока капитала во многие русла производственных профессий, не было и признаков, что финансист займет то господствующее положение, которое теперь принадлежит ему в нашей экономической системе. Каждый существенный шаг, который мы проследили в развитии структуры промышленности, способствовал выделению из общего класса капиталистов класса финансистов, и давал им более широкую и более прибыльную власть над ходом промышленности.

Высоко развитая дифференциация процессов промышленности на отдельные предприятия, сцепление длинных рядов отдельных предприятий, непосредственно работающих над производством каждого вида товаров, связь каждого члена этих рядов с зависимыми или вспомогательными предприятиями, каждое из которых, в свою очередь, является членом других рядов организованных отдельно процессов, взаимная зависимость различных производственных и коммерческих процессов при помощи общего источника механиче-

кой энергии или какого-нибудь орудия транспорта, расширение естных рынков в национальные и мировые, связывающее промышенные системы, некогда изолированные и самодовлеющие, в едиое целое, — работа такой промышленной организации требует тонкого и сложного механизма. Чтобы такого рода система могла работать экономно и точно, необходим автматический аппарат, который ы направлял экономические стимулы и генерацию продуктивной нергии в пункты недостаточной промышленной деятельности и соответственно пускал в ход задерживающие тормоза в пунктах излишней промышленной активности: промышленная энергия должна в какой-нибудь общей форме распределяться по всему организму, чтобы там, где это нужно, превращаться в специальные формы производственной энергии.

Эта растущая потребность современной промышленности отразилась на экономической структуре двумя путями, имеющими важное значение: — во-первых, произведя радикальную перемену в структуре единицы предприятия, а, во-вторых, создав «класс финансовых специалистов, профессией которых является стратегическое управление промежуточными связями системы» [1]).

Быстрота возникновения новых промышленных и коммерческих предприятий требует более свободного передвижения капитала, чем могла бы допустить прежняя организация предприятий: старинные частные предприятия стремились к расширению, предприимчивые люди, умеющие ловить момент, выдвигались и нуждались в капитале. Новые формы крупных предприятий в железнодорожном, горном деле и т. д. требовали более крупных капиталов, чем могли дать частные финансисты. Поэтому необходимость реформировать структуру предприятий на основе сотрудничающего капитала, притекающего из бесчисленных частных источников, объединила их в громадных количествах и утилизировалась в приносящих прибыль отраслях промышленности умелыми директорами крупных деловых предприятий. Общий рост богатств, выросших на почве новых методов промышленности, дал возможность гораздо большему числу людей делать частные сбережения: система крупного производства не давала им возможности основывать собственные предприятия на небольшой капитал, которым они располагали, а усовершенствование коммерческих знаний значительно расширило арену надежного помещения капитала, имея тенденцию все более отделять капитал от непосредственного руководства его владельцев и отдавать его в распоряжение крупных деловых людей, которые платят собственникам проценты за пользование капиталом.

Таким образом, произошло то, что акционерные компании стали быстро вытеснять частные предприятия во всех областях капиталистической промышленности. Пока новый класс мелких вкладчиков мог выбирать только между помещением капитала в займы и ипотеки под небольшой определенный процент и между «неограниченной

[1] Veblen, «The Theory of Business Enterprise», стр. 29.

ответственностью» за вклады, за которыми они не могли ни следить, ни получить их легко обратно, рост коллективного капитала шел сравнительно медленно. Но после того, как принцип «ограниченной ответственности» получил солидную юридическую базу [1]), развитие пошло быстрым темпом, и акционерные компании получили широкое распространение. Приложение новых форм капиталистической организации сначала к государственным и общественным займам, затем к железнодорожным, судоходным, горным и банковским предприятиям, колоссальное распространение общественных или акционерных начал в области муниципальных услуг и, наконец, распространение промышленных обществ всех видов и всех размеров, — все это революционизировало современную экономическую и политическую жизнь.

Бесчисленные тысячи граждан стали в Америке и Великобритании частичными собственниками земли, железных дорог, минералов, фабрик, муниципальных предприятий и государственных доходов во всех частях цивилизованного и полуцивилизованного мира. Прежде всего, это означает для громадной части населения этих стран отделение их политических интересов от экономических: политически они являются членами одной нации со всем тем кругом интересов и влияний, который связан с этим понятием; экономически они все больше становятся космополитами. Очевидно, какое важное влияние этот экономический интернационализм оказывает на мировую политику: наличие у каждой нации собственности в других странах является гораздо более существенной гарантией общей мирной политики. Экономический интернационализм является предшественником и творцом интернационализма политического, начало которого заложено в общей почтовой системе, в государственной или полугосударственной организации железных дорог, судоходных линий, банкового дела и телеграфной службы и возрастающей охране государствами помещенных за границей капиталов. Первые шаги в области этого взаимного помещения различными нациями капиталов в иностранное имущество, часто являются, правда, источниками конфликтов и даже войн между народами, если собственники иностранных вкладов, которым угрожает изгнание или другие несправедливости от «дурного управления», пользуются в своей стране достаточным политическим влиянием, чтобы использовать карман и силы государства для охраны или улучшения своего положения в других странах. Но более сильная нормальная тенденция развития идет в направлении политической солидарности, которая отражает растущую экономическую солидарность народов.

§ 2. Но этому следствию общности экономических интересов, очевидно, сильно мешают некоторые групповые интересы финансистов отдельных стран, которые не совпадают с более постоянными интересами международных вкладчиков, а часто и противоречат им.

---

[1]) В Великобритании в актах 18 и 19 Vict., глава 133 (1855), подтвержденных в 25 и 26 Vict., глава 89 (1862).

Для изучения современной промышленной системы необходимо ное понимание положения, занимаемого финансистами в современ ом капиталистическом строе, и гармонии и противоречий интересов между ними и вкладчиками капиталов.

Современного финансиста можно рассматривать, как продукт ционерного общества[1]), и мы лучше всего поймем его, изучая стественную историю» этой организационной формы современного едприятия. Теория «компании» состоит в том, что известное число иц, владеющих некоторым капиталом, который они не могут иначе годно использовать, сговариваются объединить свои капиталы. оздав достаточно крупный капитал, чтобы его можно было выгодно пользовать в избранном ими предприятии, они избирают дирек ров, которые представляют их интересы и управляют общими де ми предприятия, верховный надзор за которыми принадлежит им мим на общем собрании акционеров. Директора назначают упра ми процессами. Но верховный и решающий контроль всегда яющих, которые распоряжаются фактическими производствен тается в руках группы акционеров, и движущим импульсом всего едприятия является доставление им максимальной прибыли на капитал.

Формальная структура акционерного общества, как юридиче ого лица, является отражением этой теории. Но фактически про хождение и деятельность большинства обществ бывают чрезвы йно различны. Практическому деловому человеку приходит в го ву нечто, что можно назвать «доходной идеей». Эта «идея» может коиться на солидном конкретном основании, в виде какого-нибудь едприятия, которое он вел за свой счет. Он считает, что это пред иятие можно «выпустить на рынок» в такой форме, которая при кечет вкладчиков и даст ему возможность уйти от деловой жизни большим независимым доходом или же остаться в ней, имея в своем споряжении настолько больший капитал, что он сможет значи льно увеличить чистую стоимость своего имущества. Или эта «до дная идея» может заключаться в патенте на новые производствен ке процессы, в утилизации новых рынков, или, наконец, в новой рме организации предприятий, которая, объединяя или сливая

---

[1]) Существует и другой основной источник финансового развития — а именно звитие государственных займов, которые играют в деятельности некоторых ничайших финансовых фирм Европы, быть может, более важную роль, чем ционерные предприятия. Большая семейная группа Ротшильдов и, в меньшей епени, такие фирмы, как Бэринг, Гэмбро, Стэн и Гошен, посвятили себя деятель ти по мобилизации и операциям в области государственных займов, являю хся финансовым выражением современных политических событий. Эта ста шая область выгодной финансовой деятельности чрезвычайно расширилась есте с ростом государственных расходов на войны, вооружения и производ енные предприятия в Европе, на Дальнем Востоке и в Южной Америке. Но ое бы громадное значение ни имела эта область, она лежит так далеко за еделами нашего исследования, что мы можем только бросить на нее мимохо ц несколько взглядов, благодаря которым мы узнаем, как она влияет на част й капитал.

их воедино, даст экономию издержек производства или власть над рынком.

Какова бы ни была основа «идеи», делового человека интересует только возможность продать ее на рынке свободных капиталов. Чтобы сделать ее товаром, пригодным для продажи, он должен прибегнуть к содействию финансистов, занимающихся «годными для продажи идеями», и имеющими возможность выпустить их на рынок таким образом, что инвестирующая публика соблазнится и будет покупать. Такой «учредитель» бывает иногда сам крупным капиталистом или находится в интимных деловых отношениях с каким-нибудь крупным банком или финансовой группой, которая согласна «поддержать» проект, «расписавши» акции. Если проект «здоровый», т.-е. либо годится для немедленной продажи, либо обещает выгодный процент, под который стоит помещать капитал в промышленность, «учредители» передают известное количество акций другим капиталистам и входят сами в состав предприятия раньше, чем выпустить акции на общий рынок.

В первоначальной организации главную роль играет желание «продавца» проекта и учредителя обеспечить за собой возможно большую долю прибылей, которых можно ожидать или от продажи акций среди публики, или от развития постоянного доходного предприятия в случае, если проект хорошо подготовлен для более длительной промышленной карьеры. Если собираются сделать общество доходным концерном, продавцы и финансисты, поддерживающие их, оставляют обычно за собой достаточную долю акционерного капитала, чтобы иметь возможность распоряжаться операциями предприятия. В Америке при возникновении или реконструкции объединений, сорганизовавшихся для деятельности, дающей прибыль, группа учредителей обычно удерживает в своих руках все или почти все простые акции, допуская остальную публику только как залогодателей. В Англии обычно проводилась такая система: публике предлагалась значительная часть простых акций, а также и основная масса привилегированных акций и облигаций, а проведение политики правления доверялось престижу директората, опирающегося на достаточное количество своих личных акций. Таково положение вещей в большинстве британских железных дорог, банков и пивоваренных обществ: распыленная собственность на акции сопровождается достаточным количеством голосов, находящихся в распоряжении директоров, чтобы отдать в их руки предприятие.

Поэтому под формой экономической демократии с выборной и ответственной системой управления акционерное общество является, в большинстве случаев, замкнутой олигархией: нужна денежная поддержка публики, а не ее управление делами. Распыление права собственности при концентрации управления — вот отличительные черты акционерных компаний. Вместо того, чтобы вкладчики избирали директоров правления, правление—председателя, а директора исполняли волю вкладчиков, на деле происходит обратное. Председатель, вероятно, кандидат какого-нибудь крупного капита-

иста-учредителя, назначается на свой пост, а один или два ставленника финансистов или декоративных лица проводятся в директора.

Эта небольшая группа назначает остальных директоров и заставляет собрание акционеров избрать их. Забрав предприятие в свои руки с самого начала, они диктуют его политику, пользуются деспотической властью во всех существенных вопросах, сообщают акционерам то, что считают удобным, скрывают то, что считают неудобным, и борются — почти всегда успешно — с попытками упрямого меньшинства, а иногда и большинства, осветить их поведение или изменить состав правления.

Высшие соображения производственной целесообразности, иногда и необходимости, требуют, повидимому, сохранения в управлении предприятием фактической олигархии, хотя в то же самое время интересы дела требуют распределения права собственности на вложенный капитал среди большого числа лиц. Эта целесообразность централизованного управления дает разумное основание господству финансистов, которое чревато, как мы увидим, крупными и опасными злоупотреблениями.

§ 3. Эта «общественная» структура современного предприятия, охватившая ныне фактически все области капитализма в горном деле, транспорте, банковом деле и крупной обрабатывающей промышленности, создала финансовые интересы и приемы, требующие дальнейшего изучения.

Первым интересным вопросом в изучении отношений между современными финансами и современной конкретной промышленностью является фигура обыкновенного вкладчика. В наше время вкладчиком руководит один из двух мотивов: или он приобретает ценные бумаги или акции, с целью получать доход от прибыльного предприятия, которое они представляют, или он хочет продать их при повышении и, таким образом, сразу увеличить свой капитал. Эти оба мотива часто соединяются у одного и того же лица по отношению к одному и тому же виду акций: одни покупают, чтобы держать, другие, чтобы продавать, а большое количество людей, занятых какими-нибудь специальными делами, или в другой профессии, постоянно меняют свои вклады, отчасти для того, чтобы получить больший процент, а отчасти, чтобы выгодно играть. Существует также класс людей, который, оставив все профессии, занимается фактически этой более или менее спекулятивной формой помещения капиталов, никогда не организуя никаких финансовых операций, действуя через маклеров на фондовом рынке.

Значительная часть состоятельных классов, владеющих какимлибо имуществом или сделавших какие-либо сбережения, помещают в предприятия, характер которых они не могут, как следует, знать, и на ведение которых они, как акционеры, не могут иметь серьезного влияния. Приток новых капиталов, нужных для расширения старой промышленности и организации новых предприятий, идет, главным образом, от мелких и средних вкладчиков, которые

мало знакомы с работой финансовой системы и не могут контролировать ее. Здесь мы встречаем фактически огромные массы капиталистического пролетариата, который находится в совершенно таком же положении по отношению к финансовым дельцам, в каком трудящийся пролетариат находится к классу предпринимателей. Рядовой вкладчик, мелкий капиталист должен также продавать в пользование свой капитал, как рабочий продает в пользование свою рабочую силу, любому организатору деловых предприятий, если он хочет извлечь какую-либо пользу из своего капитала. Поскольку его капитал нужен, очевидно, для того, чтобы сотрудничать с рабочей силой в промышленных операциях, кажется естественным, чтобы он продавал свое право на пользование капиталом тому же самому человеку, который покупает рабочую силу, — предпринимателю или управляющему промышленным концерном. В более элементарной стадии развития происходило следующее: предприниматель-собственник брал взаймы частным образом деньги или получал ссуды на ведение дела. Но при более развитой форме предприятия «финансирование» становится функцией, отдельной от управления предприятием, и переходит к отдельному классу учредителей, банкиров, маклеров и прочих финансистов. Эти слои являются «посредниками» между вкладчиком и организатором данной промышленности, собирая из бесчисленных источников лежащий в бездействии капитал общества и направляя его по различным руслам помещения капиталов. Эти люди являются оптовыми торговцами «деньгами» или текучим капиталом, и частные владельцы капитала должны отдавать его в их руки, если хотят его использовать. «Условия», на которых они его используют, и экономическая природа того употребления, которое из него делается фактически, в значительной степени диктуется нормами финансовой системы, подобно тому, как условия найма непосредственно устанавливаются правилами или обычаями предпринимателей и техническими требованиями промышленности. Значительная часть этого сборного «капитала» находится в любой момент во владении и распоряжении банкиров, биржевых маклеров в текущей форме, обеспечивая общую сумму кредита, при помощи которой ведутся операции фирмы по покупке и продаже. Остаток его помещается в ценные бумаги, акции и ипотеки, при чем собственник получает (или имеет право получить) квитанции, представляющие претензии на капитал какого-нибудь определенного предприятия и на долю его доходов.

Даже в простейшей форме руководства мелким предприятием на самой прочной основе существует элемент спекуляции. Возможность расширить предприятие или приобрести новые машины или новое оборудование заставляет предпринимателя брать взаймы у соседей их сбережения; иногда какое-нибудь непредвиденное бедствие заставляет его искать временного займа, чтобы продержаться трудное время: он делает заем, чтобы получить добавочную прибыль или распределить на более долгий период времени убыток, который мог бы разорить его, если бы обрушился сразу. В обоих случаях сущ

ствует известный риск, в обоих случаях он дает заимодавцу обеспечение, предоставляя ему ипотеку или другую закладную на имущество, в обоих случаях он ведет дело в «кредит», покупая и продавая товары, которые принадлежат отчасти не ему, а его кредиторам.

Отличительной чертой современного крупного предприятия является то, что это ненормальное и случайное явление стало постоянным и повсеместным, и что для проведения его существует большой и сложный финансовый механизм. Кредит является элементом финансовой структуры акционерного предприятия с момента принятия им формы капитализации: он входит в функциональную деятельность предприятия, в виде учета векселей, банковских ссуд и других временных займов.

Вся система основана на состязании: не на слепой игре, но на спекуляции, в которой предусмотрительность и удача играют то меньшую, то большую роль. Когда делает заем простой предприниматель, он употребляет свое уменье и счастье на то, чтобы продать и купить в течение данного времени достаточное количество благ по достаточно выгодной цене, чтобы иметь возможность выплатить ссуду с процентами, получая в то же самое время и прибыль для себя. В этой «спекуляции» и заимодавец и должник будут, очевидно, расчитывать на вероятность выгодной продажи.

Что справедливо в этом случае, остается справедливым и для наиболее высоко развитой спекулятивной системы соврменного «кредита». Финансовая основа всей системы «кредита» состоит в оценке «доходности», возможности для наличного аппарата предприятия продавать блага по такой цене и с таким избытком против себестоимости, которые дадут возможность уплачивать прибыль. Все расстройства и ошибки кредитной системы объясняются неверной калькуляцией или неверным представлением об этой «доходности».

§ 4. В честном акционерном предприятии, хотя форма капитализации требует отдельной оценки вещественных статей имущества— земли, зданий, машин, капитала и т. д., и невещественных статей, вроде патента и репутации предприятия, — действительная оценка имущества производится на основании его доходности. Если, как это часто бывает, вещественные статьи оцениваются по издержкам производства или по стоимости их замены, то невещественное имущество может быть оценено только на основании чистой производительности его, которая, в свою очередь, может быть вычислена, относя к их стоимости всю капитализированную ценность, вычисленную на основании будущих доходов, за исключением стоимости вещественных статей. Правда, репутация предприятия является очень растяжимой статьей, что обычно используется для натяжки капитализации до уровня капитализированной доходности или выше его.

Здравая оценка доходности является, таким образом, главным якорем честного финансирования при образовании акционерных компаний. Основываясь отчасти на точном фактическом учете нормальной доходности в прошлом, отчасти на учете вероятности вы-

годного расширения дела в будущем, оно заключает в себе, благодаря последнему фактору, значительную степень ненадежности. Принимая прежнюю доходность за основу калькуляции будущей доходности, даже если прошлая доходность была исчислена правильно, осторожный финансист примет в соображение вероятность того, что новые способы производства, примененные энергичным конкурентом, уменьшат ценность теперешних патентов и репутаций. С другой стороны, если целью образования компании является установление пула, треста или вообще монополии, вполне законно учитывать силу их влияния, в смысле господства на рынке и повышения цен, как фактор доходности.

Очевидно, что, как бы осторожно она ни финансировалась, ценность крупной акционерной компании в данный момент носит в высшей степени спекулятивный характер. И это не стоит в связи с тем, зависит ли ее предполагаемая доходность от господства на рынках или от обычного оружия в борьбе с конкурентами — ее организации, патентов, репутации и т. д. — или даже от бо́льшей экономности производства. В современной стадии капиталистического развития, когда новые страны быстро выступают на арену промышленной конкуренции, когда, благодаря увеличению путей сообщения и росту потребностей, беспрестанно возникают новые рынки, и техника промышленности развивается с такой быстротой, очень вероятно, что этот неизбежный спекулятивный фактор все увеличивается, затрудняя предвидение доходности с известной степенью точности. Хорошо поставленное предприятие, с дорого стоющим оборудованием, с лучшими машинами и с лучшим именем, в любой момент может быть вытеснено конкурентом, который имеет какую-нибудь новую машину, и быть вынуждено «выкинуть» свои ценные машины или утратить свою доходность, имея совершенно обесценившееся имущество как вещественное, так и невещественное. Голод в Индии может уничтожить его избыточную прибыль, подняв цены и сокращество, как вещественное, так и невещественное. Голод в Индии может уничтожить избыточную прибыль, подняв цены и сократив предложение хлопка или другого сырья; стачка углекопов может затормозить источник двигательной силы, война в Китае или революция в Аргентине может дезорганизовать его рынок. При каждом расширении и увеличении разнообразия рынков, на которых он покупает и продает, появляются все новые моменты неподдающегося учету риска. Хотя некоторые из них могут взаимно уничтожаться по теории размещения яиц по различным корзинкам, но в конечном результате будущая доходность будет труднее поддаваться калькуляции. Правда, все большее разнообразие и размеры этого риска создали крупный отдел современных финансов, известный под именем страхования. Учитывая и распределяя некоторые специальные виды риска, как, например, убытки от пожара, от кораблекрушения, нечестности служащих и т. д., страхование до некоторой степени компенсирует растущую трудность калькуляции будущих доходов.

§ 5. Теперь совершенно очевидно, в каких пределах деятельность учредителей и финансистов при организации акционерного общества и расписании его акций полезна и нормальна. Полезна точная калькуляция будущей доходности предприятия на основе фактического учета, капитализация предприятия на основании этого учета, распределение фондов и акций и их продажа в наиболее подходящей для публики форме, если вкладчики хорошо информированы относительно предприятия, в которое они помещают капитал. Установленная по взаимному соглашению комиссия за эту финансовую организацию и учреждение предприятия плюс соответствующий процент за расписывание акций, которые уплачивают или продавцы, или общество, или оба вместе, давали бы учредителям и финансистам доходы, вполне согласующиеся с рациональными деловыми приемами. Организация предприятий на такой основе, которая отдает в их распоряжение бо́льшее количество капитала и банковского кредита, увеличивает их силу сопротивления конкуренции, а иногда и их производительность и вполне заслуживает соответствующей оплаты.

Но на деле дяетельность учредителей и финансистов при организации акционерных обществ и их доходы обычно не ограничиваются этим. Продавцы, учредители и акционеры компании часто, прежде всего, учитывают, сколько они, персонально или коллективно, могут заработать на организации предприятия, или, другими словами, сколько акций они могут оставить на долю посторонних акционеров, капитал которых они хотят привлечь. Как мы видели, основным двигателем при создании большинства обществ бывает забота о своей собственной прибыли, а не об акциях, находящихся у публики.

Свою прибыль они могут извлекать тремя различными путями. Путем чрезмерной оценки доходности различных заводов, объединяющихся предприятий, патентов, а особенно «доброго имени» [1]) предприятия и прочих не материальных статей. Они могут взвинтить капитализированную ценность имущества компании, распределяя между собою учредительские акции и другие выпуски наиболее выгодных акций в максимальном количестве, заменяя при капи-

---

[1]) «Это доброе имя представляет собою, обычно, капитализацию преимуществ отдельных концернов в конкуренции и, по большей части, имеет значение только для целей конкуренции. По большей части оно не играет никакой роли в общем творчестве промышленности. Преимущества отдельно конкурирующих предприятий исчезают, когда конкуренты побеждены настолько, что они перестают уже бороться с победителями за равное положение. К этой совокупности былых репутаций объединившихся предприятий (по самой природе вещей такая совокупность может существовать только в нашем представлении) добавляется нечто вроде какого-то плюса репутации нового объединения, как такового» — Keblen, «Theory of Business Enterprise», стр. 126 — 7.

(Но поскольку доброе имя предприятия выражается в «кредите», которым оно пользуется, консолидация может придать его репутации большую ценность, чем имела совокупность прежних репутаций объединяющихся единиц: кредит нового учреждения может быть больше, чем сумма кредитов прежних. Веблен допускает это на стр. 168 — Дж. А. Г.)

тализации возможности непосредственной продажи шансами будущей доходности. Поскольку им удается поднять непосредственную рыночную цену акций, которые они присвоили себе за работу или получили при обычной подписке, в их интересах выбросить эти акции на рынок, прежде чем не сказалась инфляция, вызванная неправильной капитализацией.

Значительная часть учредительства таких «дутых» обществ и даже более солидного учредительства семейных предприятий и объединений вызывается желанием учредителей-финансистов высосать путем таких приемов всю ценность предприятия и оставить в руках обманутых акционеров раздутую оболочку, сморщившуюся до уровня, не дающего уже прибыли. Все искусство рисовать планы и «создавать рынок» направлено на одну только цель: создать временный шум. Фальшивая отчетность неправильно оценивает прежние доходы объединяющихся предприятий; опытным инженерам, химикам и пр. дают взятки за преувеличенную оценку производительности и доходности копей, машин и прочего оборудования, приобретаемого компанией; в качестве директоров привлекают известные деловые имена, а в Великобритании — политиков и титулованных лиц; выпускаются широковещательные и солидные проспекты, составленные изысканно-литературно, в которых тщательно скрывается всякая возможность риска в будущем и все недостатки предприятия в настоящем. Все чары данного предложения внезапно развертываются перед лицом доверчивой публики в шикарных объявлениях во всю страницу. Создавая рынок, преодолевают инертность и подозрительность публики; учредители «делают» цены мошенническими операциями на рынке, пока посторонний вкладчик не соблазняется и не покупает акции.

Все эти приемы финансового искусства направлены на то, чтобы внушить незаслуженное доверие рядовому капиталисту и публике, которое выражается во временном взвинчивании неполноценных акций. Конечно, этим не исчерпываются функции учредителя, в особенности, если задачей компании является слияние предприятий или создание треста. Здесь открывается полный простор стратегическим шагам подготовительного характера: надо примирить на выгодных для трестовских дельцов условиях все противоречивые интересы. Здесь широко пользуются интригами, угрозами, обманом, подкупом и фактическим «выживанием». Если «сопротивляются» сильные предприятия, они могут часто получить за согласие войти в состав объединения громадную цену, и величина этой цены играет немаловажную роль в преувеличенной капитализации имущества компании [1]).

Но эта преувеличенная капитализация или избыток акций на основании оценки доходности компании носили бы, сравнительно, невинный характер (и были бы бесполезны для учредителей), если бы эту чрезмерную оценку не скрывали. Когда происходит такого

[1]) Хорошую иллюстрацию этого дает Атлантическое Судоходное О-во.

рода преувеличенная капитализация, сопровождающаяся продажей учредителями раздутых акций, мы имеем дело с организованным обманом, когда профессиональные дельцы сбывают дрянной или фальшивый предмет невежественным любителям из публики[1]).

Хотя этот мошеннический прием учредительства чрезвычайно часто практикуется профессиональными учредителями, выгоды от учреждения акционерных обществ не ограничиваются такими источниками. Даже из того, что продавцы держат в своих руках громадное большинство акций, еще не следует, что их выгоды требуют непременного обмана прочих акционеров и их убытков. Там, где новые формы общества дают действительную выгоду в производстве, сбыте или кредите, по сравнению с прежним положением, деятельность учредителей является действительным источником дохода, который продавцы и учредители получают от продажи публике акций, представляющих ценные процентные бумаги. Там, где семейное предприятие превращается в акционерную компанию из соображений частного удобства, учреждение часто происходит без надувательства. Тогда продавцы реализуют в виде оставленных за собой или проданных акций солидную прибыль, имеющую своим источником превосходство новой формы организации дела над старой. Но там, где в современной деловой жизни возможно получить большую дополнительную прибыль в пределах законности, это практикуется повсюду, и из этого рода доходов создали особую профессию. Поэтому инициатива образования большинства современных компаний исходит от профессиональных учредителей, которые заинтересованы, главным образом, не в прибылях от технических усовершенствований в структуре общества, а в прибылях от искусственно созданного сбыта акций.

§ 6. Но большинство финансистов и денежных маклеров заняты, главным образом, не учредительством компаний, а продажей фондов и акций на рынке. Как в организации акционерных компаний, так и здесь, их деятельность основана на реальной базе полезности и производительности. Полезная сторона этой деятельности заключается в умении предвидеть, как следует направить приток капитала к промышленности по наилучшим для промышленности каналам. Ибо повышение и понижение акций и фондов, поскольку они происходят естественным путем на основе нормальной информации, являются финансовым механизмом, направляющим различное количество конкретного капитала, необходимого для сотрудни-

---

[1]) Для упрощения вопроса мы приняли, что «учредители» покидают общество, сбыв свои акции на искусственно взвинченном рынке. Часто бывает совсем иначе: они оставляют за собой достаточное количество обыкновенных акций, чтобы, после того, как компания лопнет и ликвидируется, снова начать восстанавливать ее. При этом они «выживают» уцелевших посторонних лиц и либо оставляют за собой за выгодную цену действительное имущество восстановленного общества, либо снова начинают прежнюю игру, выбрасывая на вновь созданный рынок раздутые акции.

чества с рабочей силой, в наиболее производительные области различных отраслей промышленности. Действительная польза, приносимая умелыми биржевыми маклерами, банкирами и прочими финансистами, оперирующими акциями и фондами, покупая и продавая их, дисконтируя их или давая под них деньги, заключается в тончайшем знании промышленной и коммерческой действительности, которая придает ценность этим клочкам бумаги, другими словами, она заключается в знакомстве с относительно сильными и слабыми сторонами различных отраслей промышленности и отдельных предприятий. Они стимулируют и направляют кредит, а при помощи кредита переносят хозяйственные силы из падающих отраслей в процветающие, от беспорядочных и бездоходных предприятий к хорошо поставленным и прибыльным. Таким образом, общественными функциями таких финансистов является содействие помещению капитала там, где он больше всего нужен. Эти функции требуют не только всестороннего и точного знания действительности, но и большого комбинаторского таланта и творческого воображения при определении вероятного направления процессов в будущем. Имея дело с наиболее подвижной, изменчивой и делимой формой рыночного товара, денежный рынок является в одно и то же время наиболее сложным и наиболее однородным по своей структуре из всех рынков, и он требует самой высокой специализации. Маклера и финансисты группируются по различным видам бумаг, отчасти по территориальному признаку, например, — южно-африканские рудники или американские железные дороги.

«Законным» делом этой отрасли финансов является руководство аппаратом, распределяющим капитал при помощи точной регистрации движения цен и их учета. Поскольку границы этого учета бывают часто очень тесны, элемент удачи или спекуляции становится неизбежным фактором при каждой отдельной операции. Но в то время, как неосведомленность большинства диллетантов из числа вкладчиков превращает помещение их капиталов в простую игру, профессиональный финансист не является по существу игроком. Если он переходит границы «закономерной» финансовой деятельности, он это делает, прежде всего, не для того, чтобы играть, а для того, чтобы направлять цены соответственно своим расчетам. Вместо того, чтобы только предсказывать изменение цен, он старается вызывать их. Если он может каким-либо путем вызывать и регулировать колебания цен на какие-либо ценные бумаги, он может покупать при самом низком уровне и продавать при самом высоком — прием, очевидно, очень выгодный. Если он может работать в течение некоторого времени с одним видом бумаг, по собственному желанию повышая и понижая цены, он может извлечь из рядовых вкладчиков больше денег, чем одним махом при учреждении акционерного общества. Любая группа финансистов, располагающая достаточными средствами, может направить свои усилия на данные бумаги, или на то, чтобы доить невинных вкладчиков путем заранее подготовленных колебаний цен, надувая их и при покупке, и при

продаже; или для того, чтобы «корнировать» данную бумагу и эксплоатировать других финансистов, не состоящих «в заговоре», заставляя их покупать данные бумаги по монопольным ценам, чтобы выполнить свои обязательства. Но финансисты, которые сами являются учредителями или директорами акционерного общества и имеют большие партии акций, могут делать в этой прибыльной игре очень выгодные дела. Вместо того, чтобы провести при учреждении преувеличенно раздутую капитализацию имущества общества и затем уйти, сбыв сразу все акции, они могут сохранить их и использовать для того, что мягко называют биржевой «спекуляцией», но что на деле является поочередным «взвинчиванием и понижением цен». Возможность получения более точной или более своевременной информации, влияющей на уровень цен, является их первым преимуществом. Они дополняют его влиянием на общественное мнение при помощи печати. Наконец, их финансовое положение и власть на рынке дает им возможность более успешно, чем посторонним лицам, играть на понижение и повышение фондов. Для этих операций лучше всего подходят органически нездоровые предприятия с имуществом, не поддающимся учету или изменчивым. Классическим примером современных финансовых операций является Южно-Африканская Привилегированная Компания. Это была спекуляця такого размера при малых возможностях, так хорошо обставленная в смысле политических и идеологических призывов, что дала возможность ловким организаторам задумать и провести колоссальное колебание цен. Выгоды, полученные финансистами, бывшими «в заговоре», иллюстрируются ценностью привилегированных акций до и после набега Джемсона, присвоенной господами Родсом, Бейтом, Реддом и их приближенными сподвижниками в Южной Африке.

Эти операции финансистов, их игра текучими фондами походит на содержание игорных домов. С их точки зрения, это — деловое предприятие; с точки зрения их клиентов, это — игра. При нормальных условиях в течение долгого срока они почти не рискуют, — они должны выиграть, проиграть должны диллетанты, играющие с ними.

§ 7. Опытный финансист, извлекающий крупные прибыли из спекуляции на учредительстве акционерных обществ и атак на биржу, если только в нем сохранился «консервативный инстинкт», хочет иметь в финансовом мире какую-нибудь существенную доходную базу, какой-нибудь крупный капитал, в виде фактического имущества или доходного предприятия. Такая собственность поддерживает его кредит, создает ему социальное положение или респектабельность и содействует его спекулятивным операциям, заготовляя ему заодно теплое местечко, куда он может укрыться при каком-нибудь сногсшибательном ударе. Поэтому артист своего дела из современных финансистов не вкладывает в спекуляции всех своих ресурсов и не находит для себя выгодной постоянную текучесть всех форм своих вкладов. В течение его карьеры ему встречаются исключительно выгодные случаи поместить деньги в источники есте-

ственных богатств или в другое надежное место. Директора треста Стандарт-Ойл или рудников Восточного Ранда, или Де-Бирской Компании не «играют» такими акциями и ни на минуту не выпускают из рук этих выгодных предприятий. Они спекулируют только избытками прибылей, которые им дает такая «монополия», и накопленными от своих ловких спекуляций доходами.

Таким образом, в отличие от главной массы капиталистов и вкладчиков-диллетантов, группы финансистов культивируют, на основе вполне закономерных и полезных функций по учету и направлению наиболее продуктивного потока капитала, три приема извлечения прибылей, вносящие в их нормальные функции злоупотребления и коррупцию.

Проектируя и учреждая общество не на основе промышленных и финансовых выгод, а на искусственно вздутом спросе на акции, они вызывают непроизводительные траты общего капитала, получая избыток подписки на акции компании и пряча этот избыток в свой собственный карман. Этим они лишают твердой основы здоровые по существу предприятия, подрывают их кредит и мешают продуктивности их работы. К этому непроизводительному расходу надо добавить и вред от учреждения «дутых» компаний, не имеющих реальных оснований в деловой жизни. Повсеместное распространение этого преступного образа действий влечет за собой не только расточение капитала, но, обманывая общественное доверие, оно и впредь мешает свободной, естественной циркуляции капитала по промышленному организму.

Еще более вредное нарушение деятельности социального финансового механизма вызывает искусственное колебание цен в целях образования корнеров или организации совместных «атак». Оно фальсифицирует автоматическую скалу ценностей, имеющую своим специальным назначением определять точки наиболее производительного приложения капитала.

Наконец, создание, поглощение и верховное распоряжение наиболее прибыльными формами естественной монополии и другими ненормально доходными предприятиями дают новой финансовой олигархии солидность и мощь и позволяют ей все крепче утверждаться на шее пролетариев капитала. Этот пролетариат, все более лишаемый возможности верного помещения капитала, вовлекается в «игорный дом», где играют и спекулируют акциями и фондами, и которые содержатся этими маэстро финансов.

Количество и размеры такого рода вмешательства в тонкие детали финансового механизма, регулирующего поток капитала, влечет за собой и другие важные косвенные последствия. Они делают процессы производства и торговли нового капиталистического строя хрупкими и иррегулярными. Предприятие акционерного общества, акции которого, чрезмерно высоко оцененные при его организации, не могут не падать или становятся объектом спорта для игроков, которые то поднимают, то понижают его ценные бумаги в своих частных целях, становится ненадежным. Действительный приток

капитала, разграбленный у самого источника, уже недостаточен для его расширения вовсю; попытки «поддержать рынок», получая хорошие прибыли от экономии «расходов» или других нездоровых приемов финансирования предприятия, доводят общество до стесненного положения, заставляют его мобилизовать большее количество своих капиталов, ослабляя общую кредитоспособность, а непредвиденные случаи заставляют его искать ссуд в банках и других займов.

§ 8. С финансовой точки зрения вся экономика крупного производства, а в особенности акционерного общества, может быть сформулирована одной фразой: расширение кредита. Но этот кредит получается не только от акционеров в форме подписки на акции и облигации. Созданный таким образом капитал является также базисом для более широкого кредита, необходимого для современного предприятия. Чтобы давать максимальную доходность, предприятие должно добиваться максимальной быстроты оборота и максимального расширения предприятия. Такое увеличение объема и нормы предприятия требует иногда гораздо большего количества «денег», чем компания фактически имеет. Компания должна покупать больше, чем может оплатить наличными, и должна доставать покупательную силу извне. Она постоянно должна увеличивать свои обязательства и учитывать свои векселя. Другими словами, она должна прибегать к банковскому кредиту, пользуясь своим действительным капиталом как материальным, так и нематериальным, как обеспечением, на основании которого она может получить гораздо более широкий кредит. Хотя за этот банковский кредит приходится платить проценты или учетные проценты, тем не менее, им, очевидно, выгодно пользоваться, поскольку он дает возможность расширить предприятие, а эта возможность дает добавочную прибыль сверх процента, уплачиваемого банку за «кредит». Поскольку каждая фирма, которая полностью использует кредит, имеет преимущество перед другой фирмой, им не пользующейся, становится ясным стремление в условиях конкуренции вполне использовать кредитные возможности. «При современных условиях, — пишет профессор Веблен [1]), — ни один из конкурентов не может вести с успехом дело, не прибегая к обычному кредиту. Не прибегая к кредиту, нельзя получать «рациональной» прибыли на вложенный капитал».

Но там, где предприятие работает нормально при максимальном напряжении кредита, ясно, что каждое необычное происшествие создает затруднение. Если принять во внимание, — кроме риска, которому подвергаются более или менее все отрасли промышленности со стороны явлений природы, политических перемен, конфликтов с рабочими и т. д., еще и операции финансистов с акциями и продукцией на рынке, — то мы увидим, что предприятия, максимально использующие свой кредит, все больше и больше начинают зависеть от «банков» и «финансовых компаний». Даже если предприятия

---

[1]) Стр. 99.

не достигли высших форм капиталистического развития, частое обращение к банковскому кредиту играет важную роль.

Совершенно ясно, что во всех «капиталистических» производствах частное предприятие или «незарегистрированное» общество, акции которого не продаются открыто, находятся в смысле расширения дела в очень невыгодном положении, благодаря невозможности получить банковский кредит на выгодных условиях.

Рассматривая этот вопрос с другой стороны, мы замечаем, что учет векселей промышленных фирм и временные ссуды им составляют все большую долю банковского дела. Там, где, как в Лондоне, работающие с векселями маклера составляют отдельную группу, оперирующую с хорошими бумагами, они финансируются, главным образом, банками. Крупная и доходная отрасль современного банковского дела все больше занимается предоставлением «краткосрочного кредита» промышленным фирмам. В условиях конкуренции каждая фирма должна пользоваться этим кредитом, и оплата его не кажется нерациональной.

Банковскую кредитную систему справедливо считают естественным дополнением финансовой структуры акционерного общества, частью финансовой системы, помещающей капитал в те места и те моменты, где и когда он находит себе наиболее производительное применение. Здоровый банковский кредит расширяет деловые операции фирм, получающих его. А так как, ceteris paribus, хорошо поставленная фирма легче получит такого рода кредит, чем плохо поставленная, то в результате общая производительность промышленности увеличивается [1]).

Если принять во внимание двойную роль, которую играют банки в финансировании акционерных обществ, — во-первых, как учредители и часто как собственники больших партий акций, не поглощенных акционерами, а во-вторых, как торговцы деньгами, учитывающие векселя и ссужающие деньги, то становится очевидным, что деятельность современного банкира в значительной степени совпадает с деятельностью финансиста вообще, и что власть финансов в капиталистической промышленности находится, главным образом, в руках банкиров.

Повсеместное распространение пользования банками во всех деловых кругах делает банкиров хранителями всех избытков, не к

[1]) Профессор Веблен считает, повидимому, что пользование кредитом не даст значительного увеличения производительности в промышленности. «Он является только капиталом предприятия; он раздувает объем предприятия, исчисляемый в цене и т. д., но не увеличивает непосредственно объема продукции, поскольку он ничего не добавляет к общему материальному аппарату промышленности, ничего не изменяет в характере производственных процессов и не усиливает производительности в деле руководства промышленностью» (стр. 99). Но это верно только, если мы предположим, как делает, очевидно, профессор Веблен (стр. 98), что плохой руководитель предприятия может получать такой же кредит, как и хороший. Но, несомненно, это не так. Банковский кредит имеет тенденцию сосредоточивать бо́льшую мощность в руках более компетентных промышленников и этим «усиливает производительность в деле руководства промышленностью».

инвестированных сбережений и других денежных сумм, не использованных в данный момент. Именно этот фонд депозитов и составляет тот «кредит», которым банк снабжает учреждаемые и финансируемые предприятия. Банки не только принимают участие в закономерных и незакономерных прибылях, учреждая акционерные общества, но органическая связь между промышленной компанией и отдельным банком дает последнему возможность эксплоатировать сплошь и рядом эту компанию при помощи процента за кредит; однако, бывают другие случаи, когда банк, ставши сильно заинтересованным в делах предприятия, дав ссуду под залог акционерного или облигационного капитала, или благодаря чрезмерно крупным ссудам, сам эксплоатируется компанией. Но более слабые акционерные общества, которые часто нуждаются во временной поддержке, вследствие преувеличенной капитализации имущества, плохой постановки дела или неудачи, становятся рабами банка. Банк может не только брать несоразмерно высокую цену за свои услуги, но в любой момент, доведя общество до ликвидации, может завладеть всем его имуществом, имеющим действительную ценность. Небрежность и нечестность при организации компаний, ослабляя их финансовую основу в самом начале деятельности, заставляют массу современных предприятий уплачивать банкирам громадные налоги за «кредит», который становится все дороже, по мере роста необходимости в нем.

Это краткое исследование финансовой организации капитализма обнаруживает, во-первых, что для точной работы современной промышленности необходим сложный финансовый механизм; во-вторых, что, когда этот механизм работает в частных интересах, он может извлекать громаднейшие прибыли, дезорганизуя промышленность и вредя ей.

§ 9. По мере того, как «кредит» становится жизненно необходимым элементом современного предприятия, класс, распоряжающийся им, становится более могущественным и присваивает в свою пользу, как «заработок», все бо́льшую долю промышленной продукции. Но если бы «кредит» находился в условиях свободной конкуренции большого количества банкиров и финансистов, это распоряжение кредитом еще не означало бы порабощения. Чтобы понять источник власти финансов, мы должны подробнее ознакомиться с их структурой. Ни в каких деловых операциях не бросаются так в глаза преимущества крупного капитала перед мелким. Нигде не заметны до такой степени силы, способствующие концентрации предприятий. И если в ба́нковом, страховом и финансовом деле существуют какие-нибудь пределы действию «закона возрастания прибылей», их нелегко выявить. Крупные частные и общественные финансовые операции, организация публично-правовых займов или крупных промышленных комбинатов, проектирование и выполнение крупных колебаний на денежном и фондовом рынке могут проводиться только при соблюдении той быстроты и тайны, которые необходимы для успеха финансовых предприятий первого ранга.

Только крупные предприятия могут выдерживать потрясения общего кредита страны или могут рассчитывать на свое политическое влияние, чтобы обеспечить себе в экстренных случаях помощь правительства. Поэтому большинство наиболее выгодных финансовых предприятий в действительности стоит вне конкуренции, и за свои услуги они получают «монопольные» цены. Это бывает или предприятие, возникающее по их инициативе, которое они организуют и для которого они определяют, «что принесет это предприятие», или же это бывает предприятие, размеры и тонкость которого не дают возможности тесной связи, или, наконец, это бывает ссуда денег, при которой можно извлечь выгоды из острой нужды домогающихся займа лиц.

Хотя не существует соответствующей статистики, несомненно, что «финансы» взимают с промышленности все возрастающую дань. Очень вероятно также, что эта дань и власть, которую она выражает, сосредоточена в немногих руках. Хотя распыление собственности на капитал делает множество лиц мелкими участниками в прибылях финансистов, эти доходы мелких вкладчиков остаются на минимальном уровне, благодаря тому, что банки и финансовые предприятия применяют вышеописанные методы организации акционерных обществ. Доля капиталистической мелкоты в прибылях финансовых предприятий очень мала по сравнению с долей финансовых магнатов.

В тех частях света, где экономические условия наиболее благоприятствуют быстрому развитию финансов, мы замечаем, что громадная масса «кредита» концентрируется в руках небольших групп финансистов, что дает нам возможность оценить все значение этого самого важного продукта современного капитализма. Тот факт, что согласованные действия нескольких банков и финансовых предприятий Нью-Йорка создали в 1893 г. панику и кризис в Соединенных Штатах, явился первым проявлением власти финансистов, которая теперь еще больше окрепла и сорганизовалась.

Изучая происхождение и карьеру крупных американских финансистов, мы находим три главных источника власти финансов: железные дороги, промышленные тресты и банковое дело. А соединение в одних и тех же руках власти над этими тремя экономическими функциями дает поучительное доказательство природы этой новой власти. Железнодорожные короли и крупные трестовские дельцы вовлекаются силой экономической необходимости в общие финансовые операции. Власть американских железных дорог в области земледелия, ирригации, горного дела, развития городов увлекла железнодорожных дельцов на путь учредительства всевозможных деловых предприятий, в большей или меньшей степени зависящих от железных дорог. А сложная история финансового положения большинства железных дорог требовала постоянной поддержки со стороны общего финансового механизма. Хотя это не вполне справедливо относительно человека, который делает своей основной профессией успешную организацию промышленного треста, его вовле-

кает в общие финансовые операции экономическая необходимость другого рода. Выгодность управления трестом зависит, во-первых, от нормировки выработки, которая требует ограничений для приложения капитала. Поэтому трестовскому дельцу невозможно, ex hypothesi, найти постоянное полное приложение крупным прибылям, которые он получает, расширяя оборудование и капитал в своем собственном предприятии: — такая политика была бы явно самоубийственной. Он должен искать областей для выгодного помещения своих прибылей вне собственного предприятия. Если он принимается, как это иногда бывает, за организацию других промышленных трестов в родственных предприятиях, то успех приносит ему только новые прибыли, для которых опять-таки приходится искать помещения. Таким образом, прибыли от специальных монополий в области транспорта и обрабатывающей промышленности логически втягиваются в более широкие финансовые обороты. Они образуют большой, все растущий фонд свободных капиталов, который естественно присоединяется к свободным фондам банкиров и действует вышеописанными путями, усиливая общую власть финансов над предприятиями, которая дает финансистам возможность присваивать себе бо́льшую долю общественного богатства. Так становятся банкирами или директорами страховых обществ такие трестовские дельцы, как Рокфеллер, Роджерс, Гевмейер и железнодорожные деятели, вроде Гарримана, Гулда, Дипью и Вандербилта, а банкиры, вроде Дж. П. Моргана, организуют стальные и судоходные комбинаты и занимают пост директора во многих железнодорожных и промышленных предприятиях.

Профессор Майер [1]) составил следующую таблицу [2]), рисующую это взаимное «усыновление» предприятий. Он добавляет: «имена были выбраны наудачу, и к этой таблице можно добавить еще сотни имен». Она изображает число и характер тех обществ, где некоторые лица состоят директорами и занимают официальные посты. (См. табл. на стр. 228).

Или можно взять отдельный крупный трест, например, Общество Стандарт-Ойл, и проследить его неизбежные «усыновления». Пять лет тому назад этот нефтяной трест давал в год в среднем 45 миллионов долларов дивиденда или приблизительно 50% своей капитализации. Вероятно, $^1/_3$ этого попадает в руки Джона Д. Рокфеллера, а 90% — в руки небольшой господствующей группы. «Подумайте», пишет мисс Сарбел, «что делать с бо́льшей частью этих 45 миллионов долларов? Их надо куда-нибудь поместить. Нефтяному делу они не нужны. У него достаточно резервов для всех случаев жизни. Их приходится поместить в другие отрасли промышленности. Конечно, эти области должны быть родственны нефти. Их поместят в производство газа, и Стандарт-Ойл постоянно и упорно приобретает акции

---

[1]) «American Econ. Assn. Report», 1904, стр. 111.
[2]) Из «Directory of Directors for New York», 1902.

ФАМИЛИИ.	Банки.	Тресты.	Страх. дело.	Сейфы.	Жел. дороги.	Телеграф.	Телефон.	Кабель.	Поезда-экспресс.	Пароходство.	Недвиж. имущ.	Обрабат. промыш.	Вне классификац.	Итого.
Александр, Д. В. . .	3	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	8
Бебкок, С. Д.	2	4	3	—	3	—	1	—	—	1	6	—	1	21
Бэкер, Д. Ф.	6	7	3	2	8	—	—	—	—	—	1	9	—	36
Белмонт. Август . .	6	5	3	1	10	—	—	—	—	—	1	7	2	35
Кэннсн, Г. В. . . .	1	2	1	2	7	—	—	—	—	1	—	1	2	17
Кокс, С. Ф.	1	—	—	1	26	—	—	—	—	—	—	—	—	29
Диныо, С. М. . . .	1	4	1	8	53	1	—	—	—	—	—	2	2	67
Фиш, Стюйвезант . .	3	1	2	1	3	1	—	—	—	—	—	—	2	13
Гэйрп, Е. Г.	2	—	—	—	6	—	—	—	—	1	1	23	1	34
Гулд, Д. Д. . . .	1	1	1	2	23	8	2	1	—	1	—	—	2	42
Гарриман, Е. Г. . . .	3	2	1	1	25	1	—	—	1	3	—	—	—	37
Гайд, Д. Г.	5	4	5	4	6	1	—	—	—	—	—	2	—	27
Леймонт, Д. С. . . .	1	2	1	—	21	—	—	—	1	2	1	1	—	30
Морган, Д. П. . . .	1	—	2	—	22	2	—	1	—	—	1	2	2	33
Рокфеллер, В. М. . .	6	1	1	—	9	—	—	—	—	—	—	11	—	28
Роситер, Е. В. . . .	2	—	1	2	31	—	—	—	—	—	—	3	—	39
Сейдж, Рессел . . .	2	—	—	1	11	6	1	1	—	1	1	2	—	26
Шваб, С. М. . . .	—	1	—	—	5	—	—	—	—	—	—	22	—	28
Стилмен, Д. . . .	10	6	6	2	12	1	—	—	—	—	1	6	4	48
Туомбли, Г.	1	2	1	—	28	—	—	—	—	—	2	1	—	35
Вандербилт, В. К. .	1	—	—	—	50	—	—	—	—	—	—	—	3	54

газовых компаний Америки. Их поместят в железные дороги, ибо вся промышленность зависит от транспорта, а кроме того, железные дороги являются одним из главных потребителей продуктов нефти и с ними надо считаться, как с покупателями. И мы встречаем директоров Стандарт-Ойл на директорских постах почти на всех крупных железных дорогах страны: — Нью-Йоркской Центральной железной дороги Нью-Йорк — Нью-Гейвен — Гарторд, Чикаго — Мильвоки и Сент-Поль, Тихоокеанской, Северно-Тихоокеанской, Делаварской, Лакаванна-Западной, Миссури-Тихоокеанской, Миссурийско-Канзасско-Техасской, Бостонско-Мэнской и др. менее крупных. Эти прибыли будут помещены в медные рудники, и будет

разработана схема слияния. Они будут помещены в производство стали, и Рокфеллер имеет громадное количество акций Стального треста. Их вложат в банковое дело, и возникнет National City Bank и связанные с ним учреждения в Нью-Йорке и Бостоне, длинной цепью охватывающие страну» [1]).

Головным мозгом гигантской финансовой системы, главными промышленными артериями которой являются Стандарт-Ойл, Стальной Трест Соед. Штатов и комбинат «четырех великих» железных дорог, служит Национальный Сити Банк и его отделения. Национальный Сити Банк является созданием и непосредственным финансовым органом треста Стандарт-Ойл. Четыре директора этого банка были (1905 г.) президентом, вице-президентом и членами правления крупного старохового общества «Нью-Йоркское общество страхования жизни»; вице-председатель банка был членом правления «Взаимного страхования жизни» в Нью-Йорке. Другой был директором Кредитного общества «Эквитебль» и «Торгового Кредита», являющихся в значительной степени собственностью общества страхования жизни «Эквитебль».

В правлении общества Ипотеки и Кредита Соединенных Штатов (United States Mortgage und Trust Comp.) было восемь членов правления из «Взаимного Страхования Жизни» и два из общества страхования жизни «Эквитебль», а в правлении «Гаранти Треста» сидели: председатель «Взаимного Страхования Жизни», Роджерс из Стандарт-Ойл и «Взаимного страхования жизни» и Е. Г. Гарриман из «Торгового Кредита» и кредитного общества «Эквитебль».

Эта кучка обществ страхования жизни, владеющая, вероятно, более чем половиной всего страхового дела Америки и связанная при помощи вкладов и через членов правления с рядом банков и кредитных обществ, олицетворяет гигантскую солидарность «кредита», которым распоряжается небольшая группа из одного общего центра, направляя свою деятельность то на образование стальных и судоходных комбинатов, то на расширение железнодорожной сети, то на какое-нибудь громадное дело в Медном Синдикате. Треугольник сил, действующих в капиталистической Америке, выражающийся в слиянии железных дорог, промышленных трестов и банковских объединений, все более и более принимает чисто финансовую форму. Масса кредита направляется к любой точке хозяйственной системы, где он нужен для укрепления промышленного комбината, для финансирования «атаки» на горное дело или железные дороги, или для отражения угрожающего где-нибудь вторжения в «сферу их влияния». Их главные усилия направлялись в последнее время на укрепление своей власти над железнодорожной сетью страны, что справедливо считается лучшим средством обеспечить за собой постоянный контроль естественных богатств и промышленности всей страны.

---

[1]) «History of the Standard Oil Trust», Mac Lure, октябрь 1904.

Вышеописанная солидарность финансовых интересов, конечно, далеко не является полной [1]): часто она означает только временный и неоформленный союз, а не слияние. Кроме того, общая масса кредита, находящаяся для многих общих целей в руках Рокфеллера и Моргана, часто сталкивается с другими кредитными союзами, с которыми ей приходится бороться на Уоллстрите, в законодательных собраниях и судах. В области железных дорог, банкового дела и промышленности стремление к объединению принимает во многих местах финансовую форму, ища доступа в посторонние предприятия, которые оказывают сопротивление. Финансовые комбинаты, описанные выше, очень могущественны в некоторых областях промышленности, транспорта и финансов; но в других они наталкиваются на упорное сопротивление. Даже в обществах, входящих в их состав, существуют враждебные интересы, а сильные временные союзы других источников кредита иногда образуются для какой-нибудь конкретной атаки.

Нельзя пользоваться верховным контролем над финансовым механизмом большого промышленного общества, если не обеспечить за собой твердой власти над одной из главных артерий промышленного организма. Даже абсолютная монополия на такой важный продукт, как нефть, отнюдь не является достаточным базисом. Сталь также не дает достаточно неограниченной власти. Контроль над большинством путей сообщения, над железнодорожной сетью, является единственным средством для полного финансового господства, и к этой цели, очевидно, стремится большинство могущественных групп американских финансистов. Борьба за железные дороги является наиболее острым вопросом экономической эволюции Америки. Но главной и конечной целью ее является не возможность

---

[1]) Американский корреспондент «Ekonomist» (цитировано у Рафаловича, стр. 143) указывает в 1901 г. пять финансистов — Джона Д. Рокфеллера, Е. Гарримана, Дж. П. Моргана, В. К. Вандербилта и Джорджа Гулда, как на владеющих вместе состоянием в 800 миллионов долларов, и вместе со своими союзниками распоряжающихся 8.000 миллионами долларов, вложенных в железные дороги, банки и промышленные предприятия, из общей суммы в 17.000, занятых в этих отраслях. Он группирует их следующим образом:

	Миллионы долларов.			
	Железн. дороги.	Банки.	Промышл. тресты.	Итого.
Стандарт-Ойл, Гулд, Гарриман	1.997	85	746	2.828
Морган	1.691	122	1.677	3.490
Вандербилт	753	12	10	775
Пенсильванская железн. дорога	870	—	30	900
	5.311	219	2.463	7.993

Главный интерес этого грубого подсчета заключается в сравнительном значении предприятий различных областей в экономике треста. С 1901 г. эти группы сплотились гораздо теснее, хотя все еще не достигли полной гармонии в работе. Общий Обзор Переписи 1900 г. дает на стр. 329 гораздо меньшие цифры для капитала промышленных трестов, так как Стальной трест еще тогда не сформировался.

собирать дань с транспортной промышленности, а получить достаточно прочную точку опоры, чтобы действовать при помощи рычага финансового господства.

§ 10. Следует обратить внимание еще на одну сторону финансовой жизни при капиталистической концентрации. Выяснено, что ни трест, ни какой-либо другой комбинат не находят помещения для своих прибылей в пределах «трестированной» промышленности. Их приходится помещать на стороне. Эти прибыли переходят, как мы видим, в область общих финансов и оттуда направляются на образование и финансирование других трестов и крупных предприятий. Таким образом, процесс концентрации и консолидации быстро распространяется на все те области промышленности, где господствуют капиталистические методы производства. Но если один трест не может с пользой поглощать свои прибыли, то этого не может и группа трестов. Поэтому этот процесс сопровождается, повидимому, все большим сужением области помещения капиталов. Таким образом, существует все растущая естественная необходимость приобретения рынков за пределами территории монополий, ибо в Америке национальный рынок защищен охранительными тарифами. Плоды этой необходимости уже заметны в экономической политике американских трестов в форме требований расширения внешних рынков для их товаров и капиталов. Без таких отдушин процесс «трестирования» является, в конечном счете, самоубийственным: ежегодно будут добываться все бо̀льшие и бо̀льшие массы «прибылей», их нельзя будет снова вложить в механизм трестов, и для них не найдется никакого выгодного применения. Эти «свободные» капиталы или перейдут в руки предприятий, которые будут бороться с трестами, или должны найти себе помещение на стороне. Эта необходимость уже ощущается в крупных организациях обрабатывающей промышленности. Некоторый выход был найден в виде политики субсидирования экспорта и в поисках помещения капитала за границей в электрической промышленности и других отраслях, где они могут успешно оперировать без помощи тарифов. Плохо задуманная и расточительно финансированная Атлантическая Судоходная Компания была первой и грубой попыткой следовать новой политике, которой требует логика эволюции трестов.

Другим выражением той же самой экономической потребности, имеющим еще более серьезное значение, является новая правительственная политика политической экспансии Америки. Экономический базис, главный мотив всех современных империалистических экспансий, состоит в потребности капиталистической промышленности в рынках, в первую очередь, в рынках для капитала, во вторую — в рынках для избыточной продукции отечественной промышленности. Там, где концентрация капитала развилась сильнее всего, и где господствует суровая протекционистская система, эта потребность бывает неизбежно сильнее всего. Тресты и обрабатывающая промышленность вообще не только способствуют усилению потребности в заграничных рынках ограничением выработки для внутреннего

рынка, но они стремятся также обеспечить себе защищенный рыно а этого можно достичь, только расширяя сферу политическо власти. В этом заключается главное объяснение недавних измен ний американской внешней политики, выразившихся в войне с Исп нией, в аннексии Филиппин, в Панамской политике и в новом пр ложении доктрины Монроэ к южно-американским государства Южная Америка нужна, как наиболее удобный рынок для помещ ния «прибылей» трестов и избытка их продукции. Если удасто со временем включить эти государства в таможенный союз с Соед ненными Штатами во главе, территория финансовых операций зн чительно расширится. Перед глазами проницательных делов людей Америки Китай уже начинает мерцать, как поле для железн дорожного строительства и промышленного строительства вообщ Все расширяющаяся торговля Америки с этой страной хлопчат бумажными и другими товарами отступает на второй план перед ра ширением сферы приложения американского капитала. Диплом тическое давление, вооруженная сила, а при желании и захват те ритории в сферу политического влияния — все это смастерят фина совые магнаты, распоряжающиеся политическими судьбами Ам рики. Строящийся теперь могущественный и дорого стоящий ам риканский флот заодно дает и выгодные заказы судостроительно и металлообрабатывающей промышленности. Но его истинное н значение и смысл заключаются в проведении агрессивной политик которую страну заставляют вести экономические потребности фина совового капитала.

Надо точно выяснить себе, что это постоянное стремление ра ширить территорию рынков не является неизбежным вывод из всех форм организованной промышленности. Если бы на сме конкуренции пришли объединения, носящие характер органич ского сотрудничества, где вся прибыль от улучшения экономич ских условий переходила бы или в руки рабочих в виде заработн платы, или к широким массам вкладчиков в виде дивидендов, тог расширение спроса на внутреннем рынке было бы настолько вели что дало бы работу всем производительным силам концентриров ного капитала. Не существовало бы автоматически накопляющих масс прибыли, которые выражаются в новом кредите и требуют сбы за границу. Именно «монопольные» прибыли трестов и комби тов, извлекаемые при их организации, финансовых операциях и пр мышленной деятельности образуют фонд автоматически накопля щегося капитала, сосредоточение которого в руках финансово класса требует ограничения спроса на товары и вызывает соотве ственное сужение области приложения капиталов в американск промышленности. Выход можно до некоторой степени найти в ст мулировании экспортной торговли под прикрытием высоких охр нительных тарифов, препятствующих всякой борьбе с монополи на внутреннем рынке. Но трестам, приспособленным к требовани выгодного и защищенного внутреннего рынка, чрезвычайно труд согласовать свои методы с свободной конкуренцией на миров

інке и выгодами постоянной торговли. Кроме того, такой способ :ллансии годится только для некоторых трестов обрабатывающей ромышленности: владельцы железных дорог, финансовых и прочих :істов всегда больше ищут за границей помещения для излишков :оих прибылей. Эта все обостряющаяся потребность в новых обла- :іх приложения их прибылей является жестокой язвой финансовой істемы и угрожает стать господствующим элементом в будущей ономике и политике великой республики.

Финансовая система американского капитализма обнаруживает ішь в более резкой форме тенденцию, общую финансовому раз- ітию всех передовых промышленных стран. Широкий, свободный :іток капитала из Великобритании, Германии, Австрии и Франции . г. д. к южно-африканским или австралийским рудникам, к еги- стским фондам и сомнительным ценностям республик Южной Аме- :ики свидетельствуют о том же общем стремлении капитала, которое іиливается по мере развития финансового механизма и по мере :влечения больших выгод из контроля этого механизма группой офессиональных финансистов. Этот космополитизм финансов :іляется до некоторой степени естественным и нормальным след- :твием усовершенствования материальной и моральной связи между :вличными странами земного шара. Но еще в большей степени і вызывается ограничением внутреннего рынка, которое прихо- стся считать искусственным. Ведь промышленные и финансовые :эсты, пулы и прочие комбинаты, извлекая из объединенной про- :укции бо́льшее количество «прибылей», чем может быть исполь- :вано для получения снова прибыли путем внутреннего помещения, э время должны искать новых областей приложения и использо- іть все свое финансовое и политическое влияние для развития :ешних рынков всеми пригодными средствами как мирного, так інасильственного характера. И каждый раз финансист является :удием этого стремления. Все больший поток сбережений вкладчи- з в непрестанно вливается в банковскую и финансовую систему, е он хозяйничает. Чтобы извлечь из этого потока максимальную юибыль, он должен находить или создавать для них все новые поме- іения.

§ 11. Самую яркую картину капиталистической финансовой :изни дает новейшая история Южной Африки. Бедная и слабо на- іленная страна в течение нескольких лет открыла два источника іиболее концентрированных сокровищ природы: алмазные россыпи имберлея и золотые россыпи в Ранде. Наиболее выгодная разра- отка алмазных россыпей требовала дорого стоящих машин и благо- юиятствовала крупным капиталистам, а получение наибольших юибылей при продаже требовало ограничения продукции, что дало і возможность установить высокие цены на предмет роскоши, цен- эсть которого в значительной степени зависит от нормировки пред- южения. К 1887 г. консолидация интересов зашла так далеко, что юдс, финансируемый Ротшильдами, мог предложить Барнато слия- ние, которое дало Де-Бирской компании полное право собственности

и распоряжения россыпями. Этот алмазный трест, держащий в своих руках громадную часть важнейших источников предложения на мировом рынке, укрепил свою власть при помощи абсолютной организации сбыта, так что директора Де-Бирской компании фактически регулировали все предложения, ограничивали выработку и устанавливали цены, сообразуясь с максимумом чистой прибыли[1]), которая достигла в 1904 г. 3 миллионов фунтов стерлингов.

Россыпи Де-Бирской компании создали финансовое ядро первых спекулятивных золотоискательских компаний в районах Почефструма и Уитуотер Ранда. Когда в начале 90 г.г. обнаружились все богатства россыпей Ранда, финансисты Де-Бирской компании оказались хозяевами большей части наиболее ценных россыпей двух связанных между собою групп: Вернгера-Бэйта и К° и консолидированной компании золотых россыпей Южной Африки (Родс, Рэдд и Ротшильд). Хотя условия добывания золота и благоприятны для крупного капиталистического производства, они не дают возможности создать полное слияние интересов по образцу Де-Бирской компании. Во-первых, не было необходимости ограничивать выработку, ибо интересы финансистов требовали поощрения расширения золотых приисков, которые давали бы возможность учреждать новые общества. Во-вторых, размеры новых золотых россыпей и открытие их в таком количестве мест содействовали привлечению многих финансистов мирового масштаба, благодаря чему получились более или менее противоречивые интересы. Некоторые лица из числа этих групп, по большей части евреи, проложили себе дорогу к внутренним сферам трансваальских финансов, но в общем Де-Бирская группа сохранила повсюду первенствующее положение. В ее руки попало большинство прибыльных глубоких и поверхностных россыпей, и большинство новых соблазнительных предложений на фондовом рынке было делом ее рук. Кроме того, и широкие спекулятивные разработки южно-африканской привилегированной компании являлись в финансовом отношении отпрыском Де-Бирской группы и появились на рынке капитала, опираясь на финансовый престиж золотых и алмазных королей.

Но наиболее характерной чертой финансирования южно-африканских предприятий было умелое использование финансистами политического механизма для содействия им в усовершенствовании методов привлечения капиталов. Земли, составляющие материальную основу промышленной и спекулятивной эксплоатации — Кимберлей, Ранд, Родезия, — постоянно требовали для овладения ими всевозможных сил внеэкономического характера: Кимберлей был приобретен путем предательства, Родезия — путем надувательских «концессий», подкрепленных вооруженной силой, Трансвааль—взятками и дипломатическим давлением, за которым последовала война.

---

[1]) Хотя недавно открытые в Трансваале россыпи Премьер организовали свое производство независимо и отрицают всякую связь с Де-Бирской компанией, несомненно, что в торговле алмазами существует полное соглашение.

Финансисты пользовались на каждом шагу своей деятельности «политикой» и принудительным аппаратом государства, чтобы добиться специального законодательства для добывания алмазов; чтобы получить железнодорожные льготы и гарантировать себя от обложения налогами, им необходимо было приобрести влияние на правительство Капландии; учреждение привилегированной компании и «защита» ее имущества от туземных восстаний требовали влияния на имперское правительство. Политика правительства Крюгера в Трансваале заставляла их беспрестанно вмешиваться во внутреннюю политику страны в поисках концессий и привилегий, пректируя вторжение; в конце концов они организовали катастрофу, которая произошла в их интересах и благодаря их махинациям за счет колоссальных расходов британского правительства. В новых культурных странах финансисту постоянно нужна политическая поддержка; ему необходима политическая власть, чтобы проводить свои финансовые операции, и он может получить ее. Могущество небольшой группы людей, ведающих финансами Де-Бирской компании и Ранда, в политических делах Южной Африки было на деле безгранично. Их власть над государственными и частными финансами страны давала им возможность разбивать все политические планы, противоречащие их интересам. В их руках было все, что можно получить в бедной стране за деньги в области избрания депутатов, влияния на должностных лиц и законодательство. Чтобы представить себе всю полноту их власти в деле парализования активной оппозиции, надо помнить, что в их руках не только находилась горная промышленность, единственный солидный источник богатств во всей стране, но что от них зависел успех или неудача всей торговли в гаванях, и в Кимберлее и Иоганисбурге, государственных и частных железнодорожных и телеграфных компаний, банковое и страховое дело, каменноугольные копи и залежи железа, ирригация и вся обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство, которое нуждается в капитале. Все эти отрасли промышленности не только экономически зависели от россыпей, но владельцы россыпей давали им капитал и назначали должностных лиц. Нигде в мире никогда не существовало такой высокой формы концентрации капитала, как финансовая мощь горнопромышленных фирм Южной Африки, и нигде более эта власть не выявлялась с такой полнотой в форме хозяйничанья в политических делах страны. Недавняя культура страны, отсутствие в ней старых сильных капиталов дали возможность этим финансистам, собравшимся из всех стран Европы, более логически развивать скрытые силы чисто финансовых операций, чем где бы то ни было; невероятная быстрота, с которой развертывались возможности приложения капитала, привлекала сюда немало первоклассных финансовых умов, людей, которые знали, как приспособить финансовые операции к своеобразной обстановке и играть одновременно на расовом и экономическом антагонизме в пределах местной промышленной деятельности и на патриотических настроениях Великобритании, чтобы гарантировать своим капи-

талам политическую и военную поддержку, пока они не окрепнут. Эта стратегия проводилась мастерски и в широком масштабе. Зная, что успех их финансовых операций и политических махинаций зависит от общественного мнения и общественных настроений Южной Африки и Великобритании, они купили главные органы южно-африканской прессы, выдавали субсидии политическим партиям Африки и Великобритании и организовали пропаганду на основе принципов морали среди церквей и филантропических организаций. Возбудив таким образом некоторый общественный интерес и доверие к «развитию» Южной Африки, они создали атмосферу, благоприятную для притока капиталов. Играя на чувствах страха, подозрительности и сентиментальности, они повели агитацию среди публики, отражавшуюся на фондовом рынке. Пользуясь всем своим моральным и духовным влиянием, они подготовляли катастрофу, на развалинах которой они крепче, чем когда-либо, захватили в свои руки материальные ресурсы страны и ее правительство, что позволяет им извлекать большее количество выгод из операций на фондовом рынке.

В соответствии с конкретной местной обстановкой финансовые операции Южной Африки требовали такой финансовой власти, в которой были бы налицо различные элементы. Для приобретения материальной основы финансам необходимы были услуги группы предприимчивых исследователей и торговцев концессиями. К этой группе надо причислить людей, вроде Рэдда, Джемсона, Мэгира и даже самого Родса, хотя политические и финансовые таланты последнего дают ему право претендовать на бо́льшее. Но главная работа по организации финансовой жизни Южной Африки объясняется присутствием там группы «чистых финансистов». Многие из них, вначале торговцы алмазами в Кимберлее, имели неограниченные возможности организовать и разрабатывать алмазные и золотые россыпи, а впоследствии и в Родезии.

Главными представителями этой группы надо считать Бейтов, Барнато, Альбу, Нейманов и Экштейнов. Большинство наиболее способных и удачливых членов этой группы были евреями, прибывшими с европейского континента. Они с удовольствием и энтузиазмом усвоили себе окружавшие их британские настроения, что очень способствовало их финансовым планам. Было ценно допустить даже в финансовый центр несколько членов британской аристократии, которых привлек туда чистый авантюризм, не только в вульгарных целях рекламы, но и для более медленной и тонкой работы по созданию политической и общественной поддержки родезианскому мыльному пузырю. Таким образом, среди людей, принимающих активное участие в южно-африканских финансовых операциях, мы встречаем лиц, вроде герцога Аберкорна, графа Грея, лорда Гарриса. Эти элементы британского влияния были необходимы для того, чтобы хорошо обставить «надувательство доверчивых людей», и великие артисты финансового дела с удовольствием согласились «допустить» некоторое число декоративных фигур, из которых, однако, мало кому разрешалось касаться до кормила правления.

Сотрудничество этих трех разнородных элементов временно скрывалось за главной ролью, которую играл Родс, представляющий из себя комбинацию двух первых элементов, предприимчивого авантюриста и финансиста, и сумевший, при помощи своего политического гения, временно облечь декорацией политической значимости те авантюры, которые по существу были операциями на фондовом рынке. Когда он исчез, выступил наружу действительный механизм южно-африканских финансовых дел и стоявшая во главе его группа «горнопромышленников» и «торговцев» из Иоганнисбурга, Кимберлея и Лондона. «Система» их работы шла теми путями, которые более полно изложены в нашем основном анализе. Хозяева системы оставляют для себя право собственности и дивиденды более солидных и доходных золотых и алмазных приисков. Рядовой акционер не может купить простых акций Де-Бирской компании или лучших глубоких рудников в Ранде. Это — первый источник прибыли, плод тщательного выбора между многими предложениями, проходящими через их руки. Акции и облигации менее выгодных или более сомнительных предложений, ценность которых более удобна для искусных махинаций, так как она более чувствительна к давлению, используются для привлечения акционеров или играющей на бирже публики, а профессиональные «крупье» загребают прибыли. Наконец, не последнюю роль играет периодическая жатва при учредительстве акционерных обществ, где хорошая организация финансовой рекламы дает учредителям возможность хорошенько поэксплоатировать доверчивость публики, искусно сагитированной и соблазняемой в момент, когда расцвет промышленности увеличивает количество сбережений. Если бы было возможно увеличивать количество приобретаемых в собственность акций главных компаний, эта концентрация финансовой мощи проявлялась бы очень убедительно: все крупные финансовые предприятия оказались бы тесно связанными принадлежностью одним и тем же собственником. Следующая таблица директорских постов, занимаемых рядом главных финансистов (1905 г.), рисует эту солидарность финансовой власти, хотя и менее убедительно [1]. (См. стр. 238.)

Понять природу консолидации, изображенной на таблице, нам помогают следующие факты. Вернгер, Бэйт, Экштейн, Филлипс и Рюб состоят членами «торговой» фирмы Лондона и Иоганисбурга. Двое из них, Вернгер и Бэйт, состоят пожизненными членами правления Де-Бирской компании. Они являются также директорами рудников Ранда и образуют вместе с С. Нейманом лондонский комитет этой компании. Но С. Нейман состоит также в лондонском комитете алмазной компании Премьер (Трансвааль), где он заседает вместе с тремя другими директорами, один из которых Ф. А. Инглиш. Ф. А. Инглиш не является директором Де-Бирской компании, за то там состоит Р. Инглиш. Таким образом, связь между двумя (неза-

[1]) Составлено на основании «The Directory of Directors and the Stock Exchange Year Book», 1905.

Директора Южно-Африканской компании.

ФАМИЛИИ.	Алмазы.	Золото.	Привилегиров. компании.	Земли и изследования.	Банковое дело и финансы.	Телеграф.	Уголь.	Железн. дороги.	Разные.
Альбу, С.	—	14	—	—	1	—	—	—	—
Альбу, Л.	—	10	—	—	—	—	1	—	—
Бэйт, А.[1]	1 (Де Б)	2	1	—	2	—	—	2	—
Экштейн, Ф.[4]	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Инглиш, Р.	3 (Де Б)	—	—	—	—	—	—	—	—
Инглиш, Ф. А.	1 (П)	—	—	—	—	—	—	—	—
Фаррар, сэр Г.	—	8	—	1	1	—	1	—	—
Фаррар, С. Г.	—	11	—	2	1	—	1	—	—
Галди, Г.	—	20	—	3	1	—	—	—	—
Гаррис, лорд	—	1	—	—	1	—	—	—	—
Гамильтон, Д. Д.	—	4	—	—	4	—	—	—	—
Джемсон, Л. С.		1	1	—	—	—	—	—	—
Джел, С. Б.	1 (Де Б)	7	—	1	1	—	1	—	2
Мэгир, Д. Р.	—	1	1	2	2	1	—	3	—
Майер, С.	1 (Де Б)	1	—	—	—	—	—	—	—
Майкел, сер Л. Л.	1 (Де Б)	—	1	—	—	—	—	—	—
Мозенталь, Г.	2 (Де Б)	1	—	1	—	—	—	—	—
Нейман, С.[1]	1 (П)	13	—	1	1	1	-	—	—
Филлипс, Л.[1]	—	9	—	1	—	—	-	—	—
Райерсбах, Л.	1 (П)	3	—	—	—	—	—	—	—
Робинсон, Д. Б.	1	15	—	1	—	—	—	—	—
Рюб, С.[1]	—	37	—	1	1	—	—	—	1
Рэдд, С. Д.	—	3	—	—	1	—	—	—	—
Вернгер, Д. С.	1 (Де Б)	2	—	—	—	1	—	—	—

(Де Б. = Де-Бирская компания; П. = Премьер)

висимыми?) группами алмазных россыпей более или менее ясна. Ни один из директоров фирмы Вернгер-Бэйт не входит в состав правления объединенной компании золотых россыпей, но Мэгир, директор этой последней, является членом правления привилегиро-

[1]) Директора Вернгера-Бэйта (торговая фирма) или рудников Ранда.

ванной компании вместе с Бэйтом и Л. Л. Майкелом (оба из Де-Бирской компании). Связь с группой Фаррара также совершенно ясна: сэр Г. Фаррар заседает в правлении очень крупной Н. F. Company, а С. Г. Фаррар участвует в лондонском комитете этой компании вместе с Бэйтом и С. Нейманом. В обществе собственников Рудников Восточного Ранда сэр Г. Фаррар и С. Г. Фаррар заседают вместе с Л. Филлипсом из фирмы Вернгер-Бэйт и Ф. Дрэк из Рудников Ранда. В правлении группы Альбу (Объединение Рудников З. Ранда) С. С. Гольдман и А. Райерсбах участвуют вместе с обоими Альбу. Первый из них состоит вместе с Филлипсом, Гольдманом и Фаррарами директором Общества Собственников Рудников Вост. Ранда. Второй является директором алмазной компании Премьер. С. Майер из Де-Бирской компании является директором фирмы Гольц и Компания, а С. Б. Джел из Де-Бирской компании состоит членом правления фирмы Братья Барнато (торговая фирма).

Следя за этой поучительной связью, мы замечаем, что главные группы золотопромышленников связаны между собой, а золотая и алмазная промышленность и спекулятивные финансовые операции Привилегированной Компании связаны между собой тесным единством управления. Железные дороги, банки, каменноугольные копи, телеграф, компании для исследования и газеты являются придатками этой центральной группы.

Среди правлений пяти наиболее характерных обществ можно наметить небольшой центр южно-африканских финансов.

Фамилии.	Де-Бирская компания.	Премьер.	Рудники Ранда.	Золотые россыпи.	Привилегированные компании.
Бэйт, А.	1	—	1	—	1
Джемсон, Л. С.	1	—	—	—	1
Магир, Р.	—	—	—	1	1
Майкел, сер Л. Л.	1	—	—	—	1
Нейман, С.	—	1	1	—	—
Вернгер	1	—	1	—	—

К этим членам можно добавить Ф. Экштейна, лорда Гарриса и, может быть, сэра Г. Фаррара, председателей многих наиболее важных обществ.

Можно смело сказать, что эта маленькая группа держит в своих руках финансовые, промышленные и политические судьбы Южной Африки. Каждое значительное дело управляется непосредственно

этими людьми и их ближайшими деловыми сотрудниками. Все они, за исключением лорда Гарриса и Мэгира (из золотых россыпей) и сэра Г. Фаррара, являются ставленниками Де-Бирской компании и Вернгера-Бэйта. Обратившись к первой таблице, мы увидим, что эта же маленькая группа распоряжается непосредственно банками, железными дорогами, телеграфом, угольными копями, а через финансовые и кредитные общества, которыми они управляют, они могут держать в своих руках и много других компаний. Большинство влиятельной прессы находится также в их распоряжении.

ГЛАВА XI.

МАШИНА И ПРОМЫШЛЕННАЯ ДЕПРЕССИЯ.

§ 1. Внешние явления промышленной депрессии. § 2. Их правильное понимание, как явлений недопроизводства и перепроизводства. § 3. Данные относительно общего избытка производительных сил над запросами потребления. § 4. Связь между современным машинным производством и депрессией, иллюстрированная статистикой цен. § 5. Меняющиеся формы воплощения избыточного предложения капитала. § 6. Общая формулировка экономической связи между машиной и депрессией. § 7. Недопотребление, как корень зла. § 8. Экономический анализ «сбережений». § 9. Сбережения вызывают рост потребления в будущем. § 10. Количественное соотношение частей в промышленном организме. § 11. Количественное соотношение между капиталом и потреблением. § 12. Экономические пределы сбережений в обществе. § 13. Возможность индивидуальных сбережений беспредельна. — Столкновение индивидуальных интересов с социальными при сбережениях. § 14. Возражение, будто избыток в формах капитала сведет к нулю процент, не выдерживает критики. § 15. Излишки наблюдаются в воплощениях капитала, а не в реальном капитале. § 16. Бесконтрольное развитие машинного производства является источником колебаний.

§ 1. Главным симптомом болезни, именуемой промышленным кризисом, является общее падение оптовых цен, сопровождаемое несколько меньшим падением розничных цен. Каковы бы ни были в последнем счете причины промышленного кризиса, прямой и непосредственной причиной каждого падения цен является неспособность спроса итти в ногу с предложением по прежней цене. Пока те, кто имел товары для продажи, могут продавать их по прежней цене, они не будут понижать цен. Поэтому настоящей причиной падения цен является фактический избыток предложения по прежним ценам. Очень небольшое количество избыточного предложения может вызвать понижение цен в данном предприятии или на всем рынке, если конкуренция между предприятими очень остра. Если такое падение цен способствует быстрому росту спроса, так что избыток предложения исчезает и спрос уравнивается количественно с предложением по более низким ценам, то такого рода положение обычно называют «тенденцией к избыточному предложению». Но необходимо иметь в виду, что, выражаясь точно, цену понизила не «тенденция», а фактическое избыточное предложение.

Если падение цен, происшедшее таким образом, быстро вызывает соответствующее увеличение спроса, то его следствием является

устойчивость цен. Тогда мы будем иметь полнокровное, здоровое производство по более низким ценам.

Простой факт, что цены вообще стали ниже, чем были пять или десять лет тому назад, еще не свидетельствует в таком случае о промышленном кризисе. Промышленный кризис означает не только падение цен, но и ослабление производства: произведено было больше, чем можно было продать с прибылью по самым низким ценам, рынки перегружены товарами, но производится меньше, чем могло быть при данных средствах производства. Явления, которые мы видим в период кризиса, представляют собой очевидный избыток производительных сил. Если бы это был только избыток труда, его можно было бы объяснить с некоторой вероятностью, как результат вытеснения труда машинами. Ибо мы согласились, что первым и непосредственным результатом введения сберегающих труд и помогающих ему машин должно быть уменьшение спроса на труд. Это имеет место, даже если мы примем в соображение труд по производству и ремонту машин и по распределению возросшего количества предназначаемых для продажи продуктов. Одновременное введение ряда новых машин, сопровождающееся другими общими выгодами в области организации промышленности, могло бы, повидимому, объяснить, каким образом появляется временно избыток труда во всех главных отраслях промышленности страны, или в большинстве их. Такой избыток предложения труда является следствием совокупного действия этих «первых результатов». Когда же удешевляющее влияние машин целиком сказалось бы на усилении потребления, временно вытесненный труд мог бы снова быть вполне использованным; тогда сбереженный и воплощенный в виде постоянного капитала затраченный ранее труд сделал бы значительную часть той работы, которая иначе должна выполняться живой рабочей силой. Но такого рода объяснения целиком опровергаются тем обстоятельством, что промышленность обнаруживает в состоянии кризиса такой же избыток капитала, как и труда. Налицо имеется одновременный избыток в обоих факторах производства. Рабочие увольняются или бывают заняты нерегулярно, фабрики и заводы закрываются или работают неполное время, добыча угля и металлов сокращается, и, несмотря на ослабление производства, рынки перегружены непроданными товарами, не находящими себе покупателей по цене, дающей минимальную прибыль владельцам. В области добывающей промышленности, в земледелии, горном деле и т. д. надо добавить к этому прекращение продуктивного использования тех земель, на которых раньше велось доходное хозяйство.

§ 2. Это состояние промышленности правильно характеризуется двумя противоречащими друг другу терминами — перепроизводство и недопроизводство — в зависимости от того, рассматривают ли производство в статике или динамике. Статика промышленности в момент кризиса обнаруживает перепроизводство — промышленный организм перегружен товарами, которые не потре-

ляются с достаточной быстротой. Это излишнее полнокровие расслабляет промышленный организм, его функциональная деятельность ослабевает. Вызываемая таким образом вялость промышленности правильно называется недопроизводством.

Обычно английские писатели-экономисты говорят, что перепроизводство, избыток капитала и труда не может быть общим явлением, хотя и встречается одновременно в одной, двух или нескольких отраслях промышленности. Они доказывают, что, если в одной отрасли производства занято слишком много капитала и труда, то в другой слишком мало, а потому не может быть одновременного общего перепроизводства. Но если под общим перепроизводством понимается не то, что в каждой отдельной отрасли промышленности имеется избыток капитала, но что существует и чистый избыток предложения, учитывая чрезмерное полнокровие одних отраслей и малокровие других, то это утверждение английских экономистов не согласуется ни с установленными фактами, ни с мнениями авторитетных экономистов вне Англии.

§ 3. Если бы промышленный кризис означал неправильное использование труда и капитала в том смысле, что в одних отраслях промышленности их слишком много, а в других слишком мало, то всякое падение цен в одних случаях сопровождалось бы повышением в других, и указанный симптом кризиса — одновременное падение цен во всех или почти во всех основных отраслях промышленности не имел бы места. Наиболее осторожные исследователи промышленных кризисов единогласно описывают их, как общий и абсолютный избыток форм капитала. Они также согласны во мнении, что колоссальный рост современного машинного производства является выражением общего избытка производительных сил над запросами текущего потребления.

Лорд Плейфер, писавший по этому вопросу в 1888 г., говорит: «не играет никакой роли, опустошались ли страны войной или наслаждались миром; изолировались ли они барьерами протекционизма или развивали свою промышленность в условиях свободной торговли; изобиловали ли они промышленным сырьем или ввозили его из других стран; при всех этих различных условиях страны машинного производства одинаково пережили пятнадцатилетний кризис, хотя в различной степени». Он делает отсюда вывод, «что усовершенствование машин, которыми пользуются в производстве, увеличило предложение товаров выше непосредственного мирового спроса» [1]). В подтверждение этого положения он приводит авторитетное мнение континентальных писателей, как: д-р А. фон-Штудниц, Пирмец, Жюль Дюкер, Лавелэй, Тразенстер, Аннеке и Энгель. В Соединенных Штатах Кароль Райт, Давид Уэллс и Аткинсон больше всех защищают это объяснение промышленных кризисов. Кароль Райт — комиссар труда в Вашингтоне — является восторженным защитником своей точки зрения по этому вопросу. «Что

[1]) «Contemporary Review», март 1888 г.

касается фабрик и рабочих интересующих нас стран (Англия, Соед. Штаты, Франция, Бельгия, Германия), то там наблюдается определенное и резкое перепроизводство, и это перепроизводство не могло бы иметь места без введения машин в большем количестве, чем этого требовали потребительные силы страны и зависящих от нее народов; другими словами, избыток машинной энергии логически вызывает перепроизводство товаров, изготовленных при ее помощи. Этим объясняется положение стран, благосостояние которых в значительной степени зависит от механизированных отраслей промышленности [1].

Отчеты английской «Комиссии по вопросам торгового и промышленного кризиса» также признают, что избыток производственной энергии отличается от простого неправильного расчета приложения капитала и труда. Отчет большинства, определяя «перепроизводство», как «производство, или даже как самую возможность производства товаров в момент, когда спрос не достаточно широк, чтобы удерживать цены на выгодном для производителя уровне», утверждает, что такое перепроизводство являлось одной из главных черт промышленного развития за последние годы, и что кризис, от которого мы теперь страдаем, объясняется отчасти этим фактом»... [2]. Отчет меньшинства еще сильнее подчеркивает «систематическое перепроизводство», указывая, что спрос на товары не возрастает в том же количестве, как прежде, и что поэтому наша производственная мощность превышает размеры нашего внутреннего и внешнего спроса; более того, она могла бы в короткий срок значительно увеличиваться при полном использовании труда и машин, ныне отчасти не работающих [3]. Брентано говорит о германских картелях, что они «служат парашютом, который дает возможность жертвам перепроизводства безопасно добраться до твердой почвы».

Самую богатую информацию относительно излишнего количества занятых в разных отраслях производства машин сообщил Д. А. Уэллс, который считает машинное производство непосредственной причиной кризисов. Эта причина действует в трех направлениях: 1) увеличение производственной мощности; 2) усовершенствование методов распределения; 3) открытие новых богатых источников сырья. Таким образом, производство развивается быстрее, чем потребление. «Только этим и можно объяснить то обстоятельство, что предложение важнейших товаров и орудий производства в мировой торговле и потреблении возросло за последние двенадцать или пятнадцать лет в гораздо большей мере, чем мировое население и его непосредственная потребительская способность» [4].

Первое изобретение в текстильной промышленности и общее применение пара в обрабатывающей промышленности и транспорте сыграли самую выдающуюся роль в промышленной революции последнего столетия. Но не следует забывать, что совершенно неверно

---

[1]) «Report on Industrial Depressions», Вашингтон, 1886.
[2]) Report, часть 61—66.
[3]) Report, часть 106.
[4]) «Contemporary Review», июль 1887 г.

дто великая изобретательская энергия изжила себя и что мы гупили в эру мелких улучшений в области развития производи-пьных сил. Наоборот, за последнее поколение был сделан ряд крытий почти во всех основных отраслях промышленной техники; крыты новые источники сырья, усовершенствована организация юмышленности, что дало громадный рост производительных сил. Соединенных Штатах, где этот процесс проявился сильнее всего, ıчислено, что за пятнадцать или двадцать лет до 1886 г. рост ма-ıн, измеренный «вытеснением мускульного труда», превышает ну треть в обрабатывающей промышленности, как целом. Во югих производствах введение машин, движимых паровой энергией, фабричной системы относится к нашему поколению. В обувной юмышленности замена ручного труда машинным дала для некото-іх сортов товара экономию в 80%, а для других — 50%. В шел-)вой промышленности экономия равнялась 50%, в мебельной — :оло 30%, а во многих, более мелких отраслях производства, как строгании леса, производстве оловянных кружек, обоев, мыла, ıтентованных кож и пр., рост технической производительности ıмеряется на рабочего в 50 — 300% и более. Но, несомненно, эконо-ıя отнюдь не ограничивается распространением механической ıергии на процессы, которые прежде выполнялись мускулами искусством человека. Еще больший рост технической производи-ıльности наблюдался в основных отраслях промышленности. В про-зводстве земледельческих орудий она возросла на 50 — 70%, машиностроении от 25 до 40%, а «в производстве металлов и ме-ıллических изделий старые фирмы утверждают, что машинное про-зводство сократило ручной труд на $33^1/_3$%». Рост производитель-ıх сил на хлопчатобумажных фабриках был еще гораздо сильнее. 1870 г. до 1884 г. производство чугуна возросло на 131% в Велико-ритании, на 237% в остальном мире [1]). «Приблизительное пред-гавление о сравнительном вытеснении ручного труда в судостроении ıется пропорцией 4 или 5 к 1, т.-е. в настоящее время машины вы-олняют в данный период времени в четыре или пять раз большее оличество работы, чем вырабатывалось старым ручным методом» [2]).

Рост производительности машин в Англии исчисляется круглым ислом за период 1850—1885 г.г. в 40 процентов, и мы не имеем осно-аний предполагать, что эта цифра преувеличена. В судоходстве, це существуют более точные статистические данные, прогресс был ще больший. Сокращение ручного труда, необходимого для выпол-ения данного количества работы, составляло в 1884 г. не более 70% о сравнению с 1870 г. Это объясняется в значительной степени уве-ичением числа паровых подъемных кранов и хлебных элеваторов применением паровой энергии при управлении судном поднятием ıарусов и якорей, вычерпывании и разгрузке грузов [3]). В судо-

---

1) «Contemporary Review», март 1888 г.
2) «Report of the Commissioner of Labour», Вашингтон, 1886, стр. 80—88.
3) D. A. Wells. «Contemporary Review», август 1887.

строении тоже добились громадной экономии. Судно, которое в 1883 г. обходилось в 24.000 фунт. ст., теперь можно построить за 14.000 фунт. ст. В работе судов достигнута громадная экономия в топливе, обусловленная введением моторов Компаунд. Перевозка тонны пшеницы морским путем обходится теперь меньше, чем фартинг с мили. Невероятно сократились также, благодаря экономии в топливе, и расходы на сухопутный транспорт. «При опыте, сделанном недавно на Лондонско-Северо-Западной жел. дор, локомотив Компаунд провез тонну товаров на расстоянии одной мили, сжигая при этом две унции угля» [1]). Ускорение передвижения, благодаря паровому двигателю и замене старого пути вокруг мыса Доброй Надежды путем через Суэцкий канал, чрезвычайно облегчило развитие торговли. Высчитано, что сооружение Суэцкого канала на деле дало экономию двух миллионов тоннажа. Еще большее облегчение мировых сношений при помощи электричества устранило систему громадных товарных складов, необходимых при прежних условиях торговли. Этот прогресс в основных отраслях транспорта оказал глубокое влияние на всю торговлю и промышленность страны и сыграл большую роль в общем падении цен, понизив издержки производства и стимулируя бо̀льшую продукцию.

Избыточное производство транспортных машин, особенно железнодорожных, сыграло большую роль в качестве непосредственной причины современных промышленных кризисов. Происхождение кризиса, начавшегося в 1873 г. и достигшего кульминационной точки в 1878 г., приписывают «излишней затрате капитала на сооружение железных дорог, особенно в Америке и Германии. Многие из них не нашли, когда были выстроены, ни населения, которое могло бы пользоваться ими, ни грузов для перевозки. Причины кризиса лежат также в дикой спекуляции, которая последовала за утверждением господства Германии на континенте; в чрезмерных вооружениях, отвлекавших громадное количество рабочих рук от производительного труда и переобременявших плательщиков налогов в великих державах Европы, а также и в перепроизводстве в главных отраслях промышленности всех европейских стран» [2]).

Баулей указывает, что «после каждого большого железнодорожного ажиотажа последнего столетия, например, около 1847 г. в Англии, перед 1857 г. и 1873 г. в Америке, в 1878 г. в Индии и в 1873 г. на континенте, наступил сильнейший кризис. Ибо материалы покупались по непомерно высоким ценам; недельная заработная плата во время постройки была громадна; до окончания всей сети, постройка которой должна продолжаться, вероятно, много лет, она не приносила никаких доходов».

---

[1]) Лорд Плэйфер в «Contemporary Review», март 1888 г., дает ряд интересных примеров полученной за последнее время экономии в транспорте и обрабатывающей промышленности.

[2]) Statist. 1879, цит. у Bowley, «Foreign Trade in the Nineteenth Century», стр. 80.

Большая часть этого железнодорожного грюндерства вызвала перепроизводство транспортного капитала и соответствующую задержку в текущем потреблении. Другими словами, значительная часть «сбережений» Англии, Германии, Америки и т. д., вложенных в новые железные дороги, была обесплòжена. Они не были экономически необходимы для транспорта, и многие из них оказались, как показывает котировка их акций, почти бесполезными. Встречающееся иногда утверждение, что после больших усилий, затраченных на организацию гигантских предприятий, затишье бывает экономически необходимо, неверно. Если бы крупные доходы и высокая заработная плата, полученные в период, предшествовавший 1873 г., когда капитал и труд полностью использовались в этих громадных предприятиях, пошли целиком на увеличение спроса на товары и на повышение нормы потребления, то многие из технических сооружений транспорта, долго стоявшие без пользы, потребовались бы для перевозки товаров, удовлетворяющих повышенной норме потребления. Конечно, этот аргумент предполагает, что капиталы не прилагались неправильно, благодаря невежеству или обману. Нет никаких данных предполагать, что громадные суммы, помещенные в 1869—1872 г.г. в железнодорожные предприятия, нашли бы себе более безопасное и выгодное помещение. Именно наплыв сбережений после того, как обеспечен весь капитал, экономически необходимый для продолжения производства, удовлетворяющего постоянные текущие потребности, идет в руки спекулянтов-учредителей акционерных компаний. Эти сбережения не отливают от полезных и безопасных форм их помещения, это те «сбережения», которые иначе не нашли бы себе применения, ибо они не оправдываются экономически нуждами дела, как это было доказано результатами.

§ 4. Непосредственная причинная связь между ростом производительных сил современной машинной техники и промышленными кризисами ясно обнаруживается при сравнении колебаний в отдельных областях промышленности в различных промышленных странах. По мере развития современных методов техники и торговли, по мере того, как эти методы находят себе повсеместное приложение, колебание в промышленности становится глубже и длительнее. Сравнение с отсталыми странами, занимающимися, главным образом, добыванием продуктов питания и сырья для обрабатывающей промышленности больших промышленных стран, приводится иногда в подтверждение точки зрения, что высоко развитая промышленность отличается большей устойчивостью. Джиффен, несомненно, прав, когда утверждает, что кризисы часто бывают сильнее в странах, производящих сырье, чем в странах обрабатывающей промышленности [1]). Но это мнение справедливо только относительно тех стран, производящих сырье, которые производят для экспорта и которые поэтому зависят от колебания спроса на товары на отделенных рынках, каковые они в очень малой степени могут учесть и контролировать.

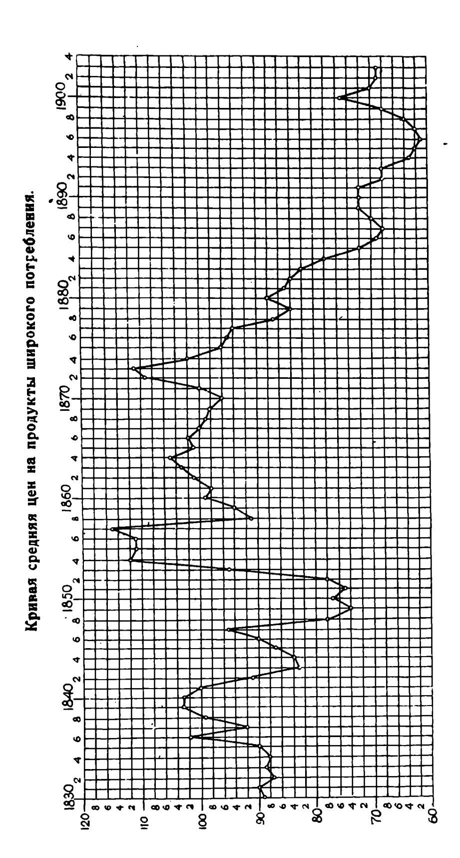
[1]) «Essays in Finance», том I, стр. 137 и т. д.

Изменчивость климата, болезни и другие естественные факторы являются постоянной причиной колебаний в производительности сельского хозяйства. Но те непромышленные страны, которые мало зависят от торговли с промышленными странами и которые, главным образом, снабжают себя сами, должны по необходимости заниматься более разнообразными видами земледелия и других примитивных отраслей хозяйства, и поэтому менее зависят от каких-либо климатических или других бедствий, чем страна, специализировавшаяся на одном виде хлебов или промышленности. Специализация, навязанная отсталой стране торговлей с передовыми промышленными странами, ограничивая первую производством хлопка, пшеницы, овец или вина, еще увеличивает непостоянство, которым природа наградила ее производство, подчиняя ее колебаниям спроса отдаленных и совершенно неподдающихся учету рынков. Колебания, созданные иррегулярностью потребления и неподдающимся контролю производством высоко развитых промышленных стран, отражаются таким образом со страшной силой на более примитивно организованных частях мира. Так, характер современного машинного производства кладет свой отпечаток на страны, которые питают его сырьем.

Если мы обратимся к исследованию различных областей промышленности высоко развитых обществ, где статистика дает более точные данные, мы встретим совершенно ясные доказательства того, что, поскольку дело касается мирового рынка, колебания имеют большую амплитуду в тех отраслях, где больше всего развиты машинное производство и высокие формы организации. Изучение изменений оптовых цен показывает, что самые быстрые и крайние колебания встречаются в ценах на текстильное и минеральное сырье, которое является основой наших главных производств. Сравнение изменений средних цен на продовольствие и хлебных цен с ценами на текстильные и минеральные товары показывает, что колебания в этих последних были гораздо более быстрыми и резче выраженными, особенно в течение последних тридцати лет (см. следующие диаграммы).

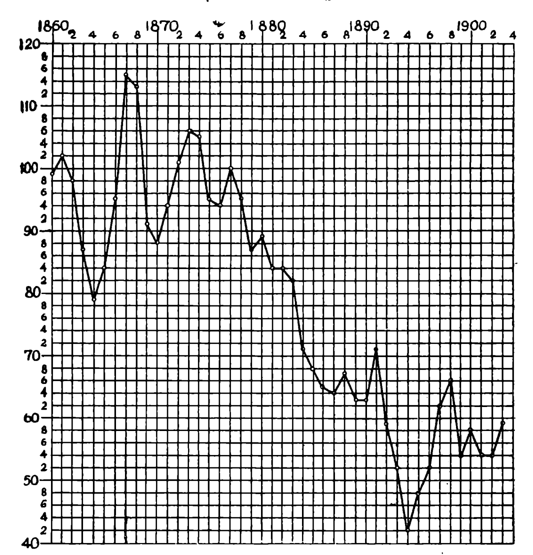
§ 5. Следует ясно себе представить, что то фактическое полнокровие, которое мы исследуем, — избыток предложения, — не заключается, главным образом, в товарах в виде сырья или готовых изделий, проходящих через машинную обработку по пути к потребителю. Экономический диагноз на этот счет бывает иногда сбивчивым, говоря о росте производительных сил машин, как если бы они продолжали изливать беспрерывный поток товаров, превышающий возможность потребления.

Это показывает на глубокое непонимание болезни. Она принимает эти формы только в первых стадиях. Если в какой-либо отрасли промышленности производительная сила машин превышает спрос по выгодным ценам, то ряд процессов, через которые сырье проходит по пути к потребителю, очень скоро начинает болеть излишним приливом предложения. Но это явление не должно не-

Кривая средняя цен на продукты широкого потребления.
1830
1840
1850
1860
1870
1880
1890
1900
120
110
100
90
80
70
60

пременно принимать большие размеры, и оно не долго усиливается. Пока продолжается производство этих лишних товаров, несмотря на то, что мы перегружены ими, худшие явления болезни промышленности не проявляются; прибыли стоят на низком уровне, предприятие ведется, быть может, с убытком, но фабрики, мастерские, рудники, железные дороги и проч. работают энергично; заработная

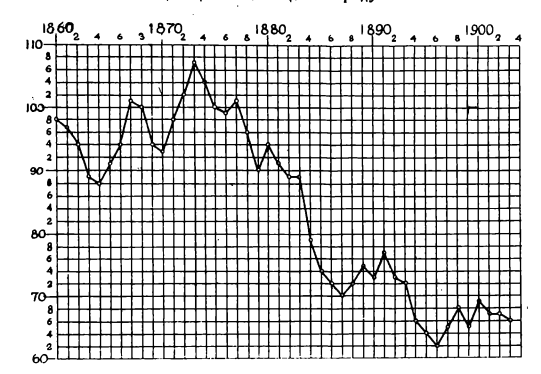
Цены на пшеницу.

плата может быть понижена, но зато работы—сколько угодно. Только тогда, когда этот чрезмерный прилив товаров застопорит колеса промышленного механизма, замедлит нормы производства, когда более слабые производители лишатся банковского кредита, не смогут платить по обязательствам и обанкротятся, когда более крепкие фирмы вынуждены закрыть часть своих заводов, бросить менее производительные рудники, работать неполный день, экономить на всех видах труда, — только тогда промышленный кризис принимает свои длительные и злостные формы. Тогда не наблюдается все боль-

шей перегруженности товарами. Существующие залежи товаров загромождают торговые пути и мешают дальнейшему производству, но это не является фактическим бременем избыточного предложения. Настоящий избыток появляется тогда в форме бездействующих машин, остановившихся фабрик, недействующих рудников, стоящих без употребления судов и железнодорожного подвижного состава. Главную массу избыточного продукта представляет теперь вспомогательный капитал, бездействие которого означает вынужденную безработицу громадной массы рабочих. Машины, сделанные и пред-

Общие цены на пищевые продукты.

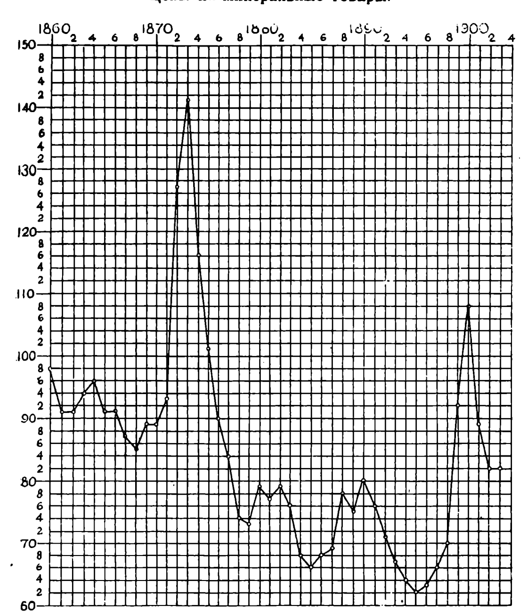

назначенные для увеличения потока производительных благ, размножились слишком быстро по сравнению с ростом потребления. Эти машины не работают полным ходом. Значительная часть их не нужна для производства того количества предметов потребления, которое может найти сбыт, и должна по необходимости бездействовать.

Они представляют бесполезные формы капитала, излишки, а их неиспользованная производительная сила представляет еще несравненно большее количество потенциального избыточного предложения товаров. Но экономические силы действуют в направлении, предупреждающем дальнейшее пользование этими излишними машинами; если бы ими пользовались вопреки этим силам, если бы их собственники могли пустить их в ход, не нашлось бы рынка для произведенных на них товаров, которые опять-таки увеличили бы массу избыточного предложения.

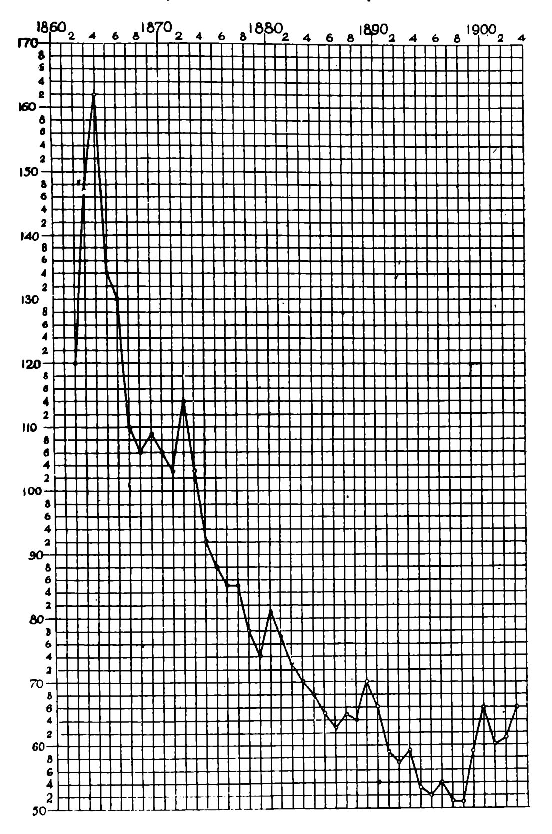
§ 6. Отношение современного машинного производства к промышленным кризисам сводится к следующему: — усовершенствование машинного оборудования в производстве и транспорте дает возможность все большему количеству сырья быстрее и дешевле про-

Цены на минеральные товары.

бегать различные стадии производства. Фактически потребление не растет с такой же быстротой, в такой же степени. Поэтому пробег товаров застопоривается в одной или нескольких стадиях производства, на руках у купцов или даже в розничном магазине. Это переполнение производственных каналов автоматически останавливает производство, оставляя без всякого употребления массу машин и труда. Общее падение денежного дохода неизбежно вытекает из падения цен, не компенсированного соответственным расшире-

Цены на текстильные товары.

нием рынка, и ведет к сокращению потребления. Во время промышленной депрессии, когда рынки перегружены непроданными товарами, продолжается текущее производство лишь в том количестве, которое соответствует сократившемуся от кризиса потреблению. До поворота промышленной волны текущее производство даже падает ниже уровня текущего потребления, открывая таким образом в массе товаров, переполнившей механизм, дорогу к потребителям. После того как переполнение, державшее цены на низком уровне, устранено, цены начинают расти. Спрос во всех отраслях промышленности повышается, и мы видим все признаки обычного оживления промышленности.

Таково точное изложение важнейших явлений, наблюдающихся в промышленном мире в период кризиса. Когда болезнь бывает в самом худшем периоде, и деятельность производителя и потребителя доходит до минимума, мы имеем все условия недопроизводства, обусловливаемого давлением некоторого избыточного предложения, и соответствующее состояние недопотребления.

§ 7. Таким образом, машины являются настоящей причиной болезни промышленности, но ответственность ложится не на изобретателя новых машин, не на промышленника, а на потребителя.

Главным злом промышленной депрессии является недопотребление. Если некоторое количество капитала и труда бездействует во всех или в большинстве отраслей промышленности в одно и то же время, единственной возможной причиной их бездействия может быть только отсутствие спроса на товары, производимые ими совместно.

Английские экономисты, большинство которых отрицало со времен Ж. Б. Сэя возможность общего избыточного предложения, наблюдающегося при кризисах, довольствуются утверждением, что общего избытка предложения не может существовать, ибо каждый производящий создает соответствующие потребляющие силы. Утверждают, что не может быть слишком много машин или излишков капиталов, если налицо имеется труд, готовый работать с их помощью. Если пустить в ход эти машины, считавшиеся излишними, кто-нибудь сумеет потреблять все произведенное ими, и поскольку мы знаем, что человеческие потребности беспредельны, не может быть произведено слишком много. Эта грубая и поверхностная трактовка вопроса, которая получила широкое распространение, благодаря сочинениям Адама Смита и Мак-Куллоха, была подхвачена позднейшими английскими экономистами, не исследовавшими, к сожалению, согласуется ли она с экономической действительностью.

Поскольку вся торговля, в конечном счете, исчерпывается обменом товара на товар, очевидно, что каждое увеличение производства означает соответствующее увеличение потребительной способности. Поскольку в каждом обществе существует масса неудовлетворенных потребностей, несомненно также, что существует желание потреблять все, что может быть произведено. Но ошибоч-

ность предположения, что избыток предложения невозможен, заключается в мысли, что потребительная способность и желание потреблять должны совпадать в одном и том же лице.

В случае избытка хлопчатобумажных изделий, вследствие бо̀льшего пользования машинами, ткачи и хлопчатобумажные фабриканты имеют возможность потреблять произведенные товары, а массы голодного, полураздетого населения России, Восточного Лондона и даже Манчестера могут иметь только желание потреблять эти товары. Но поскольку эти последние не имеют ничего, что хотели бы приобрести прядильщики и хлопчатобумажные фабриканты, обмен товара на товар не может состояться. Но скажут, что, если ланкаширские производители вообще желают что-нибудь потреблять, то те, кто производит нужные им товары, будут иметь возможность, а может быть и желание, приобрести бо̀льшее количество хлопчатобумажных изделий; во всяком случае, они будут иметь желание покупать какие-нибудь товары, произведенные другими лицами, которые уже будут иметь и возможность и желание потреблять хлопчатобумажные изделия. Таким образом, скажут, должен будет произойти круговой обмен товаров на товары. Этот ответ правилен при условии, что ланкаширские производители желают потреблять товары, эквивалентные тем, которые они сами производят. Но предположим, что они этого не хотят. Возражение, что каждый, имеющий возможность потреблять, должен иметь и желание, ибо потребности человеческие ненасытимы, — неправильно. Чтобы способствовать устойчивости промышленности, желание потреблять должно проявляться в данный момент, проявляться постоянно и в степени, соответствующей потребительной мощности.

Возьмем, как доказательство, ланкаширскую промышленность. Очевидно, что в ланкаширской промышленности не окажется ни излишнего капитала, ни избыточного труда, если фабриканты и рабочие хлопчатобумажной промышленности увеличат свое потребление хлопчатобумажных изделий соответственно каждому увеличению выработки.

Но если они этого не делают, они могут только обеспечить работу своему капиталу и рабочей силе, убеждая других потреблять большее количество хлопчатобумажных товаров. Каким образом сделать это? Если, не желая потреблять большее количество хлопчатобумажных изделий, ланкаширские предприниматели и рабочие захотят потреблять и приобретут в самом деле бо̀льшее количество скобяного товара, жилищ, вина и т. д., то рост потребления этих предметов, поднимая цены, стимулируя производство и повышая покупательную способность капиталистов и рабочих, производящих эти скобяные товары, жилище, вино и т. д., даст возможность этим последним потреблять бо̀льшее количество хлопчатобумажных изделий и, если они захотят этого, их спрос даст работу новому капиталу и труду в ланкаширской промышленности.

Но если вместо этого ланкаширские капиталисты и рабочие не захотят потреблять ни бумажных тканей, ни чего-либо другого, а

просто будут сберегать, строить бо́льшее количество заводов, изготовлять бо́льшее количество пряжи и ткани, то они скоро увидят, что стремятся к невозможному. Вновь вложенный капитал и свежий труд могут быть использованы только при условии, что они сами или другие лица увеличат потребление бумажных тканей. Ex hypothesi они сами не будут этого делать и, если капиталисты и рабочие, занятые постройкой новых хлопчатобумажных фабрик и проч., согласятся приобретать их, это только временно отодвинет разрешение вопроса, если только не предполагать, что новые фабрики будут строиться постоянно, и что те, кто строит их, будут тратить всю свою прибыль и заработную плату на приобретение большего количества хлопчатобумажных изделий, что является reductio ad absurdum. Короче, капиталисты и рабочие хлопчатобумажной промышленности могут делать эти сбережения и дать большее количество работы капиталу и труду только при условии, что или лица, занятые постройкой новых фабрик и работой на них, будут тратить все свои доходы на приобретение хлопчатобумажных товаров, или другие лица уменьшат ту часть своих доходов, которую они раньше сберегали, и употребят ее на увеличение спроса на хлопчатобумажные изделия.

Значит, если причины, заставляющие ланкаширских предпринимателей и рабочих отказываться увеличивать свое потребление соответственно нормам производства, будут в силе повсюду, то окажется, что капитал и труд бездействуют потому, что те, кто может потреблять продукты их производства, не хотят приобретать их, а желают временно отложить свое потребление, т.-е. сберегать.

§ 8. Процесс «сбережения» не привлекал большого внимания писателей-экономистов. Джевонс думал, очевидно, что излишки продуктов питания и других предметов первой необходимости составляют, в чьих бы руках они ни находились, единственный настоящий капитал общества в данное время. Сиджвик также считает, что все сбережения состоят в первую очередь из «пищи». Следующий пример опровергает это утверждение: — человек, который обслуживает себя сам, ежедневно производит для своего дневного потребления количество пищи и пр., обозначаемое цифрой 10. Из них 5 единиц падает на долю необходимого потребления и 5 на долю избыточного. Работая примитивными орудиями, этот человек изобретает приспособление, которое значительно облегчит его производство, но сделать которое будет стоить четырех дней труда. Перед ним открываются три возможности. Он может потратить половину рабочего дня на производство абсолютно необходимой части своего прежнего потребления, т.-е. 5 единиц, и посвятить другую половину дня изготовлению нового орудия, которое он закончит в восемь дней. Или он может увеличить свой рабочий день на одну четверть, изготовляя новое орудие в сверхурочное время, и тогда он окончит его в 16 дней. Или же, наконец, он может продолжать попрежнему производить предметы потребления, но потреблять только половину из них, сберегая другую половину в те-

чение восьми дней, пока не образуется фонд, достаточный для поддержания его жизни в течение четырех полных дней, которые он посвятит изготовлению нового орудия. Если он принимает первый способ, он может изменить характер работы, производя в течение части рабочего дня будущие блага, вместо предметов непосредственного потребления. Во втором случае он создает будущие блага сверхурочным трудом. В третьем случае «сбережения» или новый «капитал» принимают только форму пищи, как их наиболее элементарное воплощение. Также и общество, пытающееся ввести более «косвенный» метод производства, требующий нового оборудования, или стремящееся ввести в промышленности новый ряд производственных процессов для удовлетворения новых потребностей, может достичь своей цели, «сберегая» пищу и пр., или временно изменяя характер производства, или путем сверхурочного труда. Таким образом, новый капитал может принимать в качестве наиболее элементарной формы вид пищи или других материальных благ, независимо от того, рассматривать ли его с индивидуальной точки зрения или с общественной.

Поскольку «сбережения» не должны непременно иметь форму пищи или других предметов непосредственного потребления, Адам Смит и Д. С. Милль были определенно не правы, утверждая почти в одинаковых выражениях [1]), что все сберегаемое непременно потребляется, и потребляется с такой же быстротой, как и то, что израсходовано. Сбережение и расходование эти писатели и большинство английских экономистов из числа их последователей противополагают друг другу потому, что они считают «сбережения» связанными с деньгами и не могут достаточно отрешиться от финансовой формы сбережений, состоящей в помещении денег в банк.

Более детальное исследование сбережений приводит к выводу, что, за исключением простейших случаев, приведенных выше, когда сбережение требует приостановки текущего потребления благ, каждое сбережение означает в сложном промышленном обществе формирование или стимулирование создания форм капитала, не пригодных по существу для текущего потребления, т.-е. будущих или производительных благ.

Каждый член промышленного общества получает свой денежный доход, как рыночный эквивалент ценности, созданной в виде благ или услуг при помощи факторов производства — земли, капитала и труда, которыми он владеет. За каждый фунт стерлингов, выплаченный в виде дохода, уже было создано эквивалентное количество материальных и нематериальных благ.

---

[1]) «То, что ежегодно сберегается, потребляется так же систематически, как и то, что ежегодно тратится, и потребляется почти в одно и то же время. Но оно потребляется различными классами населения» («Wealth of Nations», стр. 149, у Мак-Куллоха). «Все, что производится, потребляется: и то, что сберегается, и то, что, как говорят, тратится, при чем первое потребляется с такой же быстротой, как и последнее» («Principles of Political Economy». Книга I, глава V, пар. 6).

Пусть *А* будет собственником факторов производства и получает 500 ф. ст. дохода в год еженедельными платежами по 10 ф. ст. Прежде чем получить каждые 10 ф. ст., он создал сумму благ, которые, если они материального характера, может быть еще существуют или уже не существуют; если же это были услуги, то они уже потреблены. Очевидно, что *А* может потреблять еженедельно на 10 ф. ст. товаров и услуг, не оказывая влияния на общее положение народного богатства. Но *А* решает потреблять еженедельно товаров и услуг только на пять фунтов и кладет остальные в банк. Что же стало с товарами и услугами, стоющими те 5 ф. ст., которые *А* мог бы потребить, но отказался? Должны ли они непременно существовать в течение всего срока, пока *А* имеет ту сумму денег, которая представляет собой «сбережение» этих товаров? Если да, то в какой форме? Другими словами: что происходит фактически в промышленном мире, когда про денежный доход говорят, что он был сбережен? Какие явления промышленного характера скрываются за тем фактом финансового характера, что *А* депонировал часть своего дохода в банк, в качестве «сбережений»?

Возможны различные ответы на этот вопрос:

(1) *В*, расточительный владелец земли или капитала, желая проживать больше, чем иметь дохода, может брать взаймы в банке каждые 5 ф. ст., вложенные *А*, закладывая свое имущество. В этом случае *В* расходует то, что мог бы израсходовать *А*. Имущество *В* (может быть его прежнее сбережение?) попадет в руки *А*. С индивидуальной точки зрения *А* сделал «сбережение», воплощенное в вещественном имуществе, но с точки зрения общества здесь нет никакого сбережения, ни фактического, ни кажущегося.

(2) *С*, жуликоватый учредитель акционерных компаний, может обманным путем завладеть съэкономленными *А* деньгами и может потратить их на свои удовольствия, потребляя те блага и услуги, которые мог бы потреблять *А*, и давая *А* ценные «бумаги», которые фигурируют в качестве «сбережений» *А*. Здесь *А* не сделал никаких сбережений с индивидуальной точки зрения.

С точки зрения общества, здесь нет фактической экономии (*С* потреблял вместо *А*), но пока «ценные бумаги» имеют рыночную ценность, здесь есть кажущаяся экономия. К этой категории относятся сбережения, которые получились бы, если бы *А* одолжил свои деньги государству для израсходования их на войну. С точки зрения общества, здесь нет экономии (если не считать, что война дает богатство или безопасность), но ценные бумаги *А* представляют его индивидуальные сбережения. «Сбережение» А с точностью балансируется расходами общества на поддержание его коллективной мощи, а *А* получает закладную на имущество общества [1]).

(3) *D* и *E*, промышленники или торговцы, производящие предметы роскоши, которые *А* имел обыкновение покупать на свои

---

[1]) Талантливое исследование природы «бумажных сбережений» имеется у J. M. Robertson'a в «Fallacy of Saving».

ф. ст., пока он не начал делать сбережений, заметив, что их еженедельная выручка сократилась, и, испытывая финансовые затруднения, занимают «сбережения» *А*, чтобы продолжать свои деловые операции, заложив свои орудия и имущество *А*. Пока они в состоянии при помощи денег *А* продолжать производство, то, что они производят. является избыточным предложением, не нужным для удовлетворения текущих потребностей, если отношение между тратами и сбережениями у других членов общества осталось без изменения. Это избыточное предложение является материальным воплощением «сбережений» *А*. Что касается реального капитала, факт сбережений *А* не дал здесь никакого увеличения. Скорее он дал уменьшение, ибо наряду с сокращением потребления предметов роскоши со стороны общества, обусловленным поступком *А*, должно произойти падение «стоимости» капитала, вложенного в различные процессы производства предметов роскоши, не компенсируемое другим ростом ценностей. Но, благодаря «сбережениям» *А*, появились новые формы капитала, имеющие внешние признаки капитала, хотя на самом деле они являются «избыточным предложением». В эти пустые формы воплотились сбережения *А*. Конечно, *А*, если он вполне понимает положение, одолжит *D* и *E* только сумму, не превышающую реальной ценности капитала, данного ими в залог. Получив такую сумму, *D* и *E* не получат дальнейших ссуд, и их капиталы и оборудование должны перейти в руки *А*. С точки зрения общества, поступок *А* дал в результате создание ряда материальных форм капитала, которые останутся избыточным предложением, пока существуют современные отношения между производством и потреблением.

(4) *А* может ссудить свои еженедельные 5 ф. ст. *F* под вексель. *F* приобретает путем покупки блага, которые *А* отказался потреблять, и может использовать их (или их эквивалент в других материальных формах), как капитал для дальнейшего производства. Если при помощи этого капитала *F* может способствовать производству предметов, потребление которых растет, или предметов, создающих и удовлетворяющих какие-либо новые потребности, тогда поступок *А* дает сбережение с точки зрения общества, т.-е. дает увеличение фактического капитала. Формы капитала, которые иначе представляли бы собой избыточное предложение, воскресли бы для экономической жизни, благодаря общему росту потребления. Сомнение в том, могут ли блага и услуги, от которых отказался *А*, сделаться активным капиталом, не вызывают реальных затруднений. Вещи, от которых он отказался, были непосредственно потребляемыми услугами и предметами роскоши, но он мог превратить их в активный капитал следующим образом: решив отныне потреблять только половину своего дохода, он мог употребить половину орудий и средств производства, бывших источником его дохода, начав какое-нибудь производство на излишних заводах, машинах и т. д. Совершенно безразлично, делает ли это он сам или заставляет *F* сделать это, — оно будет сделано. Создавая новые формы полезного

капитала. *А* может, таким путем, с пользой заменить свои сбережения, если существует общее увеличение потребления. Четыре возможных результата сбережений *А*, с точки зрения общества, будут таковы:

(1) Ничего.

(2) Фиктивные или «бумажные» сбережения.

(3) Избыточное предложение форм капитала.

(4) Увеличение реального капитала.

Отсюда надо сделать вывод, что всякий поступок, являющийся, с точки зрения общественных интересов, в современном промышленном обществе «сбережением», а не простой передачей «процесса израсходования» одним лицом другому, состоит в производстве таких форм благ, которые по своей природе или положению не пригодны для немедленного потребления.

Этот анализ обнаруживает двойную ошибку в следующих словах Д. С. Милля: «Все, что произведено, потребляется: как то, что съэкономлено, так и то, что, как говорят, было израсходовано; и первое потребляется с такой же быстротой, как и последнее». Во-первых, из взгляда, что «сбережения» означают в общем, с точки зрения общества, производство чего-нибудь непригодного для немедленного потребления, вытекает, что даже, если то, что съэкономлено, потребляется, оно не потребляется с такой же быстротой, как то, что было израсходовано. Милль думает, очевидно, что «съэкономлены» были непременно пища, одежда и так называемые готовые изделия, ибо «сбережение» было для него не процесом, а единичным отрицательным актом отказа от покупки. Так как «сберегающий» человек имеет в своем распоряжении излишний запас пищи и пр., которые он может уплатить рабочим в виде реальной заработной платы, Милль думает, очевидно, что общество, которое сберегает, будет сохранять свои сбережения в этой форме. Как мы видим, дело обстоит не так. Если даже в примитивном обществе излишек питания является первым видом сбережений, для акта сбережения характерно, что эта пища не будет потреблена так же скоро, как если бы она предназначалась для потребления. Одним словом, мысль Милля заключалась в том, что сбережения непременно означают накопление большого количества пищи, одежды и т. д., но они, в конце концов, ненакопляются, а передаются в другие руки для потребления. Он не замечает, что лицо сберегающее, с социальной точки зрения в противоположность к индивидуальной, производит нечто, что ни он и никто другой не может потреблять сразу, а именно: паровые машины, куски кожи, магазинные товары. «Сбережение», которое является простым переходом израсходования от *А* к *В*, с точки зрения общества, к которому принадлежат и *А* и *В*, очевидно, не представляет никакого сбережения. Если *А*, который сберегает, платит жалованье *В*, делающему машину, которая осталась бы в противном случае не сделанной, то сбережение имело место только тогда, когда эта машина создана, не ранее.

Хотя Милль и не считает в книге I, глава 5, увеличение оборудования машин и т. д. «сбережениями», а считает их скорее чем-то, на что можно обменять сбережение [1]), более обычный в экономике взгляд на «сбережение» полагает, что часть их воплощена в орудиях и сыром материале. Соответственно с этим, их переработку в готовые изделия этот взгляд считает «потреблением». Но хотя в промышленности принято говорить о бумажной пряже и прочем, когда они переработаны, что они потреблены, этот язык не применяется по отношению к машинам, и ни один деловой человек не согласился бы, что его «капитал» потребляется в процессе изнашивания машин и периодически заменяется «сбережениями». Изнашивание отдельных материальных воплощений капитала автоматически восстанавливается при помощи процесса, который в промышленном и экономическом смысле не является сбережением. Ни один промышленник не считает «сбережениями» расходов на содержание существующего оборудования; он признает сбережением только то, что он вложил в добавленное оборудование. Было бы хорошо, если бы экономисты уяснили себе, что этот деловой взгляд на капитал и сбережение является также и серьезным научным мнением. Тогда понятие «сбережение» применялось бы исключительно к такому увеличению производства орудий и производительных благ, которое даст впоследствии бо́льшее количество предметов потребления, предполагая, что общество желает их потреблять. «Сбережение» есть потребление, отложенное на будущее время, т.-е. производство «будущих благ» — мастерские, машины, сырье в различных стадиях, вместо товаров, пригодных для непосредственного потребления.

§ 9. На деле существует два различных мотива, заставляющие отдельных лиц продолжать производство: один из них — это желание потреблять, другой — желание сберечь, т.-е. отложить потребление на будущее время. Совершенно справедливо, что относительно последнего можно также сказать, что оно является желанием потреблять результаты сбережений в неопределенном будущем, но мотивом их производства в данный момент является желание сократить непосредственное потребление общества и увеличить его будущее потребление.

Это соображение отвечает на недоказанное мнение Д. С. Милля, которое некоторые считали полным опровержением идеи о существовании избыточного предложения. «Ошибка состоит в том, что не замечают следующего: хотя все, кто имеет какой-либо эквивалент, могут получить всевозможные товары, какие бы они ни захотели, то обстоятельство, что они продолжают увеличивать производство, доказывает, что дело обстоит иначе» [2]). Желание потреблять в данный момент или то, что произведено, или его эквивалент, является здесь единственным мотивом, который заставляет индивидуума про-

---

[1]) Глава V, § 5.

[2]) Книга III, глава XIV, § 3.

изводить. Тот факт, что люди продолжают производство, считается доказательством положения, что они еще не «снабжены полностью всеми желаемыми предметами». Если бы это было верно, оно явилось бы окончательным и решительным опровержением идеи избыточного предложения. Но если сбережение значит отложенное на будущее потребление, и стремление к сбережению является так же, как и стремление к потреблению, vera causa производства, то факт продолжения производства еще не доказывает, что оно необходимо для изготовления предметов, желательных для потребления. В конечном счете, в основе продолжения производства «сберегающим лицом» лежит уверенность в том, что кто-нибудь согласится потреблять продукты его производства; но, как мы теперь видим, уверенность производителя, работающего в условиях конкуренции, что он найдет сбыт своим товарам, не гарантирует от избыточного производства во всей промышленности, даже если она оправдается на деле для него.

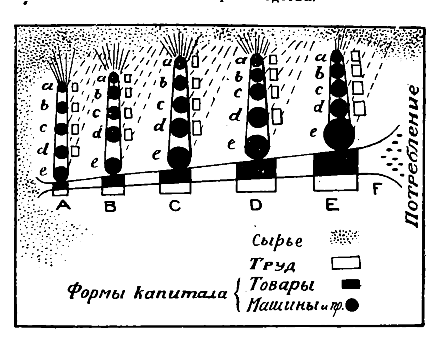
Итак, если те, кто имеет возможность потреблять в данный момент, хотят отложить это потребление, они отказываются от спроса на предметы потребления и создают вместо этого избыток производительных благ.

§ 10. Помещенная на следующей странице диаграмма показывает более наглядно количественное несоответствие между потреблением и сбережениями, которое является причиной недопотребления и проявляется в излишнем количестве машин и производительных благ.

A, *B*, *C*, *D*, *E* представляют различные стадии, которые доставляемый природой сырой материал проходит по пути к потребителю. Пять стадий представляют пять основных процессов производства, — процесс добывания, транспорта, обработки, оптовой и розничной торговли. Сырые материалы, добытые в процессе *A*, — пшеница, кожи, железо, лес, хлопок и т. д., полученные из различных областей земного шара, собираются в больших количествах в места, где они подвергаются различным преобразованиям в смысле их формы и свойств; затем они распределяются оптовыми и розничными торговцами, которые сбывают их лицам, потребляющим их в виде хлеба, сапог, посуды, стульев, рубашек. Стадии добывания, транспорта, обработки и торговли могут быть, конечно, разбиты на множество сложных процессов, если дело касается производства товаров, требующих сложных процессов изготовления. Но в каждой точке производственного процесса должно быть сосредоточено известное количество машин и орудий, продвигающих обрабатываемые товары на один шаг по пути к потреблению. Постоянный капитал обозначен черными кругами, изображенными в точках *A*, *B*, *C*, *D*, *E*. Но каждая машина, фабричное здание или склад сами по себе уже являются окончательным продуктом ряда шагов, создающих процесс, подобный тому, который обозначен главным каналом производства. Сделанные из сырья, добытого из природных источников, машины и орудия созданы при помощи ряда производствен-

ных стадий, соответствующих *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, и превращены в законченные формы постоянного капитала, приспособленного для того, чтобы давать соответствующий импульс главному потоку производства. Каждая стадия в производстве машин или оборудования требует наличия других машин и оборудования, при помощи которых она выполняется. Каждая из этих второстепенных форм постоянного капитала, изображенных в точках *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, имеет, конечно, свою аналогичную историю. Было бы очень трудно и ничего бы не дало нам, если бы мы изобразили на таком чертеже всю

Механизм производства.

сложность промышленного механизма. Достаточно признать, что в каждой точке *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, и в каждой точке *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, расположенных на перпендикулярных линиях, сосредоточено некоторое количество форм постоянного капитала, которые постепенно изнашиваются, продвигая работу от *A* до *B*, от *B* до *C* и т. д. Когда мы теперь перейдем к точке *F*, где товары переходят из производственного механизма в руки потребителей, которые разрушают их, извлекая из них «пользу или удобство», мы увидим, что этот поток товаров из промышленного механизма является двигательной силой и регулятором всего аппарата.

Возьмем пример только из одной отрасли — из обувного производства. Количество сапог и ботинок, покупаемое потребителями в розничных магазинах и вытекающее из промышленного механизма в точке *F*, определяет количество ботинок, которое розничный торговец забирает у оптового, предполагая для простоты, что все лавочники ведут дело с промышленниками при помощи торговых посредников. Если число проданных в данное время розничным торговцем пар увеличивается, они увеличивают спрос у посред-

ников; если оно падает, они уменьшают спрос. Количество товара, которое розничный торговец держит при нормальных условиях на складе, регулируется спросом потребителей [1]). Таким образом, поток обуви, идущий от *D* к *E*, и количество обуви, находящейся в каждый данный момент в точке *E*, определяется спросом потребителей, т.-е. количеством и темпом потребления. Если, вследствие плохой калькуляции, в розничных магазинах находится бо́льшее количество обуви, чем нужно для удовлетворения текущего потребления, или если поток между *D* и *E* сильнее, чем при выходе в точке *E*, то избыток составляет избыточное предложение этих форм капитала. Совершенно так же, как спрос потребителей определяет количество обуви, сосредоточенное в точке *E*, и пробег между *D* и *E*, так и спрос розничных торговцев определяет то количество обуви, которое в каждый данный момент составляет запас торговцев в точке *D*, и величину и количество заказов, данных ими фабрикантам в точке *C*. То же происходит и на более ранних стадиях производства. Поток кожи от «кожевников» и количество кожи на складе определяется также спросом фабрикантов, а транспорт сырых кож и дубильных кислот и спрос на материалы для кожевенного производства регулируются спросом кожевенных фабрик. Таким образом, количество запасов в точках *A*, *B*, *C*, *D*, *E* и их пробег от каждой точки к следующей всегда зависит от количества спроса следующей стадии. Отсюда следует, что количество производительных благ, находящихся постоянно в запасе в каждой точке производства обуви, и количество производительного труда и рабочей силы, затрачиваемых в каждой точке, определяются суммой потребления обуви. Если мы знаем, сколько обуви покупается потребителями в данном обществе в данное время, и знаем состояние промышленной техники в различных стадиях производства, мы можем точно определить, какие запасы и какой вспомогательный капитал необходимы в каждой стадии производства обуви. В каждый данный момент поток потребления *F* определяет количество всевозможных запасов и орудий, экономически необходимых в точках *A*, *B*, *C*, *D*, *E*. То, что относится к производству обуви, относится ко всем отраслям промышленности. Зная норму или сумму потребления данного общества, можно точно определить количество капитала и орудий, необходимых, при существующих условиях промышленности, для создания данного количества предметов потребления; а весь лишний капитал или оборудование будет непроизводительно затрачиваемыми формами капитала или избыточным предложением. Следовательно, *F* является количественным регулятором

---

[1]) Но запас на складе у мелкого розничного торговца не всегда изменяется пропорционально общему количеству продаж всех видов товаров. Часто мелкий лавочник должен, чтобы сохранить свою клиентуру и кредит, держать небольшие запасы очень разнообразных товаров, которые редко спрашивают. Если он продаст их быстрее, он не всегда увеличивает свои запасы в каждый отдельный момент.

A, B, C, D, E [1]). Правильность этого положения не опровергается спекулятивным характером современной промышленности. Спекулирующие торговцы и промышленники могут организовывать предприятия в точках D или C и обеспечивать себя капиталом и машинами, чтобы пустить их в ход. Но пока они не найдут или не увеличат спроса со стороны потребителей, их капитал будет непроизводительно истрачен, и если им удастся сбывать свои продукты, то это будет за счет других промышленников. Их капитал стал продуктивным, вытеснив капитал других производителей.

§ 11. Доказываемое нами положение, что существует точное количественное соотношение между общей и частной суммами капитала и орудий, необходимых в различных точках A, B, C, D, E, и что общее количество, экономически нужное в каждой точке, определяется суммой текущего потребления, кажется само собой разумеющимся. Но хотя этого никогда определенно не отрицали, важные выводы, следующие из признания этого положения, затуманивались и затушевывались различными концепциями и определениями капитала, принятыми у английских экономистов.

Главным и крайним из этих заблуждений является принятие такого определения капитала, которое исключает ясное разграничение между производительными благами и машинами, как хозяйственными средствами, с одной стороны, и предметами потреблениями — хозяйственной целью, с другой. Пока принимается такое определение капитала, которое включает хотя какой-нибудь элемент предметов потребления, до тех пор это будет иметь два последствия. Одно из них выражается в безнадежной путанице в мозгах деловых людей, ибо в коммерции капиталом является все, что составляет имущество и оборудование фирмы, и в состав капитала не входят никакие элементы, не являющиеся частью этого имущества или оборудования. Во-вторых, включать в понятие капитала продукты питания, принадлежащие занятым в производстве рабочим, или другие предметы потребления, значит, забывать понятие о потреблении, как о хозяйственной цели и подменивать его понятием производства.

Если мы последуем за Бэм-Баверком и австрийскими экономистами и решительно откажемся включать в понятие капитала предметы потребления рабочих [2]), мы получим понятие капитала, одно-

---

[1]) Оно определяет также количество орудий и капитала в точках a, b, c, д, e вдоль каждой перпендикулярной линии, ибо в каждой из этих стадий производства машин и оборудования спрос зависит от спроса в точках A, B, C, D, E. Поэтому поток товаров в этих руслах также определяется и зависит от потребления в точке F, хотя этот поток движется медленнее (поскольку по главному руслу движутся только товары, а постоянный капитал изнашивается медленнее). Вся движущая энергия механизма генерируется в точке F, и поток денег, уплачиваемых розничному торговцу, проходя встречным потоком от точки F к точке A, дает в каждой точке необходимый стимул, продвигающий товары к следующей стадии.

[2]) Böhm-Bawerk, «Positive Theory of Capital», стр. 67. Разногласия английских экономистов, см. в приложении I. Косса называет включение предметов по-

временно согласующееся с общим представлением деловых людей и дающее нам возможность выяснить фактическое отношение между капиталом и потреблением. Мы представляем себе теперь капитал в форме имущества и орудий, ценность и степень использования которых в каждой точке промышленного механизма зависит от их необходимости для конечной цели — потребления, а количество которых зависит от суммы потребления. Мы видели, что спрос на товары является фактором, верно и точно определяющим количество капитала в каждой стадии промышленности. Поэтому он определяет и общую сумму богатства, функционирующего в промышленном обществе в любой данный момент, как полезные формы капитала. Совокупность орудий и имущества, представляющих материальные формы капитала в точках *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, должны при соответственном состоянии промышленности стоять в точном количественном отношении к потреблению *F*. Если *F* увеличивается, повсюду должно наблюдаться общее и повсеместное увеличение количества форм капитала *A*, *B*, *C*, *D*, *E*. Если *F* уменьшается, сокращается и количество полезных форм капитала в каждой точке. Поскольку мы видели, что единственной целью сбережений является, с социальной точки зрения, помещение новых форм капитала в одной из точек *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, очевидно, что сумма полезных сбережений ограничивается нормой потребления или, с финансовой точки зрения, суммой «расходования». Там, где существует некоторое улучшение общих производительных сил общества, только некоторая часть этой возросшей производительной энергии может быть экономически употреблена на сбережение, т.-е. на увеличение количества форм капитала. Соответствующая часть должна пойти на увеличение расходования и на общий рост потребления.

§ 12. Спорить с этим будут разве только люди, до сих пор утверждающие вслед за Миллем, что можно было бы «сберечь» всю совокупность текущего производства, за исключением элементов, необходимых для поддержания производительности труда. Даже Милль мог только сделать эту теорию временно правдоподобной, допустив, что рост сбережений, получившийся в результате таких попыток, принял бы форму предметов роскоши, потребляемых этими рабочими, т.-е. это были бы вовсе не сбережения, а переход расходования от одного класса к другому [1]). Если ограничить капитал коммерческим капиталом, а «сбережение» созданием форм такого капитала, никто не будет отрицать, что количество фактических сбережений общества всегда зависит от нормы потребления или что всякое временное увеличение таких сбережений должно компенсироваться в будущем соответствующим ростом расходования [2]).

требления рабочих в понятие капитала одним из «тех, всем известных, сплетений ошибок, которыми невероятно страдают английские экономисты» («Введение к политической экономии», стр. 360).

[1]) «Principles of Political Economy», книга I, глава V, § 3; см. также книга III, глава XIV, § 3.

[2]) Следует заметить, что большее потребление в будущем не компенсирует непременно нарушения современного развновесия сбережения и расходования.

С этим согласятся все; но найдутся люди, которые все еще будут возражать, что производство в такой же степени определяет и ограничивает потребление, как и потребление определяет производство; люди, которые, очевидно, думают, что всякое увеличение сбережений в данный момент и соответствующее увеличение суммы капитала и орудий имеют экономическую власть вызывать соответствующий рост будущего потребления, которое компенсирует сбережение. Они настаивают на этом, несмотря на то обстоятельство, что при нормальных условиях промышленности страны машинного производства имеют бóльшее количество машин и труда, чем может быть использовано, и что только в течение короткого промежутка из каждого десятилетия могут быть целиком использованы все производительные силы современных машин, несмотря на растущее обескровление излишних сбережений махинациями жульнических компаний, где «сбережения» простаков уравновешиваются «расходованием» хитрых дельцов. Игнорируя тот факт, что указанная способность увеличившихся сбережений стимулировать рост потребления не наблюдается на практике, они все еще утверждают, что не сможет быть слишком много «сбережений», ибо тенденция современной промышленности состоит в переходе ко всем более «косвенным» методам производства, что открывает возможность образования все возрастающего количества форм капитала.

При современном машинном производстве наблюдается постоянное увеличение числа непосредственных и вспомогательных процессов, связанных с продвижением какого-либо вида товара к окончательному завершению производства. Большая часть производительного труда и капитала используется не по прямой горизонтальной линии, а вдоль перпендикулярных линий, изображающих изготовление вспомогательных машин. Может накопляться все бóльшее количество сбережений в виде машин для изготовления машин и других, которые в свою очередь производят первые машины. Таким образом, период времени, в который «сбережение» даст жатву в виде потребления, может неопределенно увеличиваться.

Некоторое количество накопленного труда и капитала, вложенного в постройку гавани, дренаж почвы, изготовление научных инструментов и в другие работы, длительные по своей природе, результаты которых не сказываются непосредственно, могут не претворяться в предметы потребления в течение столетий. Допуская это, можно спросить: можно ли установить пределы для «сбережений» в настоящем и для накопления их в виде форм капитала, если эти формы будут выбраны в расчете на довольно отдаленное будущее? Ответ состоит в том, что неопределенно крупная сумма сбережений компенсируется только при двух условиях. Первое условие заключается в том, чтобы неограниченная часть этих сбережений была

ибо для того, чтобы компенсировать его, придется расходовать *бóльшую долю будущего дохода*.

накоплена в формах, на практике не подверженных порче. Второе условие состоит в том, чтобы мы могли в данный момент предвидеть методы производства и потребления, которые будут господствовать в отдаленном будущем. На деле не существует ни одного из этих условий. Какие бы количества сбережений мы ни вкладывали в самые прочные из известных форм капитала, например, в постоянные железнодорожные линии, доки, дренаж и улучшение земли, значительная доля этих сбережений оказалась бы затраченной непроизводительно, если бы потребление, для которого они предназначались, было отложено надолго [1]). Мы не можем также предсказать с какой-нибудь долей вероятности, что вся ценность таких сбережений не будет совершенно уничтожена в течение одного поколения вследствие изменений способов производства.

Сумма современных «сбережений», которая компенсируется с точки зрения общества, строго ограничена. Мы не можем предугадать, какой спрос будет при двенадцатом поколении наших потомков, и какие способы производства будут господствовать в их время. Мы не можем даже знать, будет ли это двенадцатое поколение существовать. Откладывание потребления всегда сопряжено с неизбежными крупными непроизводительными расходами, ибо все материальные формы богатства разрушаются или переходят в руки других, для пользования которых они не предназначались. Кроме того, мы не думаем, чтобы наши потомки получили удовольствие от пользования чрезмерным богатством без соответствующего личного творческого труда; и мы не думаем, чтобы для нас было хорошо работать, не получая в близком будущем соответствующего удовольствия. Границы индивидуальной жизни справедливо требуют, чтобы большая часть индивидуального труда вознаграждалась в индивидуальной жизни.

Таким образом, количество «сбережений», которые делаются с пользой, увеличивая промежуток между трудом и вознаграждающим его удовольствием, ограничено на практике. Если переходят за пределы соответствующего периода, то риск и непроизводительные расходы оказываются слишком велики. Рёскин приводит правильную аналогию с садоводством [2]). Хорошим уходом, жертвуя почку за почкой, садовник может достичь большей длины ствола и больших размеров цветка. Можно сказать, что он может продолжать это до бесконечности, но если он разумен, то он понимает, что рост риска ставит разумные границы такому оттягиванию, не говоря уже о том, что приходится жертвовать более ранними едини-

---

[1]) Не следует забывать, что многие полезные и приятные предметы в последней стадии производства должны немедленно потребляться. «Сбережение» легко портящихся продуктов может сводиться лишь к сбережению машин, производящих их и изредка к накоплению сырья. Точно также значительное количество продуктивного труда, называемого «личными услугами», не может быть сделано задним числом. Эти пределы «сбережений» имеют важное значение. Никакое количество жертв нашего поколения в интересах следующего не даст тому возможности жить в роскоши и бездеятельности.

[2]) Ruskin. «Unto this Last». стр. 145.

дами, удовлетворяющими наши потребности. Та доля «сбережений», которая употребляется на создание реализуемых впоследствии форм богатства, бывает различна не только в зависимости от разных степеней развития промышленной техники, но и в зависимости от предусмотрительности и моральных свойств данной расы и данного поколения. По мере прогресса наших форм культуры и развития спроса на сложные предметы роскоши и способов их удовлетворения, становится все более возможным «косвенное» производство, а по мере того, как увеличиваются заботы о будущих поколениях, будет вкладываться все большее количество капитала в те его формы, которые дадут свои плоды в будущем. Но в настоящее время в каждом обществе существует необходимый и разумный предел для количества сбережений, предназначаемых для этой цели.

Во-вторых, мы видим, что на деле избыточное сбережение сверх необходимого для создания форм капитала, нужных для удовлетворения текущего потребления, не поглощается собиранием запасов для потребления отдаленного будущего при помощи более «косвенных способов производства». Много сбережений идет просто на увеличение существующих форм капитала, raison d'être которых состоит в удовлетворении настоящих и непосредственно предстоящих потребностей. Увеличение числа хлопчатобумажных и бумажных фабрик, пивоваренных и железоделательных заводов происходило гораздо быстрее, чем рост текущего потребления. Этот рост производственного механизма фактически не был в состоянии вызвать такое увеличение потребления, которое дало бы соответственное применение новым видам машин и труду, который должен на них работать.

§ 13. Поэтому утверждение, что нормы производства в такой же степени определяют нормы потребления, в какой нормы потребления определяют нормы производства, — не верно. Современные производительные силы капитала и труда ставят современному потреблению максимальные пределы, но рост производительных сил не оказывает достаточного влияния, чтобы вызвать соответственный рост потребления. Как в отдельной отрасли промышленности, — например, в ланкаширском хлопчатобумажном производстве, — избытки «сбережения» могут пойти на создание фабрик и машин, которые не могут работать за отсутствием рынка, так обстоит дело и со всей промышленностью. Не верно, что инфляция капитала в ланкаширской промышленности объясняется ошибками управления, которые вызывают недостаток капитала в какой-нибудь другой отрасли производства. В период депрессии все остальные важные отрасли производства обнаруживают те же симптомы излишнего оборудования, избыточного предложения капитала, нерегулярной и недостаточной работы, хотя и не в одинаковой степени. И нет никакого априорного основания, почему бы от времени до времени не случалось такое общее расстройство.

Все согласны, что, благодаря невежеству и плохой калькуляции, часто в некоторые отрасли промышленности или группы отраслей притекает слишком много нового капитала, а в другие слишком мало. Одни переполнены, другие гибнут от истощения. Все экономисты допускают, что этим объясняется временное перепроизводство в некоторых областях промышленности, при чем другие области недостаточно бывают снабжены капиталом. Это неправильное распределение капитала между отдельными профессиями вызывает — с этим они тоже согласны — абсолютную потерю производительных сил. Это плохая система производства. Но если допускать, как естественное явление, эти непроизводительные потери из-за неправильного распределения капиталов в данный момент, то почему неправильно полагать, что может произойти общее неправильное распределение капитала не между двумя отраслями промышленности, а между двумя периодами времени? Другими словами: разве не разумно ожидать, что сбережения инвестирующего класса, как целое, могут быть ошибочны в отношении количества нового капитала, которое может экономически поглотить в течение данного периода промышленный организм? А если они ошибочны, то разве этот класс не может стараться поместить от времени до времени в деловые операции бо́льшее количество нового капитала, чем нужно при данном состоянии промышленности для увеличения нормы потребления в будущем? Та же самая недостаточная осведомленность, та же близорукость, которые являются причинами территориальной неправильности в распределении, могут вызвать и неправильное распределение капитала во времени. Будут ошибки относительно общего количества сбережений, которые экономически желательны в данный момент.

Количественная связь, существующая между общей суммой «расходования» и «сбережения», не покоится на такой непосредственной и точно измеренной основе личных интересов, которая сумела бы установить постоянное и точное равновесие, мобилизуя в каждый момент именно то количество сбережений, которое экономически необходимо для успешного развития промышленности и для удовлетворения реальных запросов дальнейшего потребления.

Наоборот, хотя в интересах каждого «сберегающего» лица найти для своих сбережений самое доходное помещение, и он сознательно старается найти это помещение, его часто не интересует вопрос, какую долю своего дохода он должен сберегать. Если бы каждый сберегал, напряженно следя за тем процентом, который он должен получить, увеличивая сбережения, когда процент поднимается, и уменьшая их, когда он падает, то существовал бы точный экономический тормоз против излишних сбережений и связанного с ними перепроизводства, которое мы наблюдаем. Но фактически громадное большинство сбережений представляет собой автоматический процесс, при котором сберегаются излишки дохода, сверх необходимого для поддержания обычной нормы потребления. Такой характер носит большинство сбережений состоятельных классов.

Даже большинство сбережений не таких богатых элементов делается, не считаясь с нормой процента, а некоторые виды сбережений, целью которых является обеспечение определенного дохода в будущем, на деле стимулируются падением процента.

Итак, не существует автоматического тормоза, определяющего отношение сбережения к расходованию, поскольку дело касается общего дохода. В некоторых условиях распределения, когда автоматическое накопление избыточного дохода богатых играет большую роль в общей сумме сбережений, правильно ожидать, что тенденция к переполнению промышленности избыточным капиталом будет часто возвращаться. Ибо изучение промышленного организма показывает, что несоответствие в соотношении между сбережением и расходованием может уклоняться только в одну сторону. Не может оказаться слишком мало сбережений для текущего потребления, если брать промышленое общество в целом, ибо невозможно, чтобы норма потребления F увеличивалась быстрее, чем норма текущего производства: каждое увеличение продажи товаров в магазинах, повышая цены и пуская большее количество денег вдоль производственного русла, стимулирует и напрягает мускулатору производста; и если существующий производственный механизм оказывается недостаточным, появляется побудительная сила, увеличивающая сбережения. Общество ни в коем случае не может потреблять больше, чем производит. Индивидуум может делать это, живя на капитал, в течение некоторого периода это может делать народ, живя за счет капитала, давая другим народам в залог свои будущие богатства, увеличивая свои долги. Но все промышленное общество не может жить на капитал, не может в буквальном смысле этого слова «расходовать слишком много». Это положение требует ограничения лишь в одном смысле. Хотя общество не может уменьшить свой капитал «путем расходования», хотя оно не может увеличить свое «расходование», не увеличивая в то же самое время и реального капитала [1], передовому обществу несомненно выгодно сократить на время потребление ниже нормального уровня, чтобы полностью использовать новые открытия в области промышленной техники, которые в будущем компенсируются усилением потребления.

С этим необходимым ограничением оказывается правильным, что общество не может расходовать слишком много. Но равновесие может быть нарушено с другой стороны. Общество может «слишком много сберегать», т.-е. оно может создавать большее количество производительных благ и машин, чем требуется текущим и ближайшим будущим потреблением. Что может предохранить общество, состоящее из громадного числа индивидуумов, не имеющих точного представления о действиях, желаниях и намерениях друг друга, от

---

[1]) Это не требует непременно стимулов к новым сбережениям. Если существующие формы капитала получают больше жизненной энергии, это увеличивает количество реального капитала, измеряемого в денежных единицах. Заводы и машины, не используемые в настоящем или будущем, не имеют ценности и не увеличивают реального капитала, хотя в них и воплощены сбережения.

ошибочной калькуляции, которая вызывает помещение в точках *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, и во всех или в большинстве отраслей промышленности большего количества форм капитала, чем нужно?

Говорят, что гармония, существующая между интересами общества и личными интересами индивидуума, предотвращает это, или, другими словами, что индивидуумы увидят, что если они попытаются увеличить общую сумму капитала за пределы социально выгодного с точки зрения потребления общества, то это увеличение не оплатится. Верно ли это?

Индивидуум, работающий исключительно на себя самого, капитал которого вложен в орудия, сырье и незаконченные изделия, никогда не будет увеличивать его чрезмерно. Социалистическое общество, управляемое должным образом, никогда не увеличит своего запаса машин, количества сырья и полуфабрикатов до такой степени, что некоторые машины будут бездействовать или работать в половину своей мощности, а товары бесполезно загромождать склады и портиться. Но когда действует конкуренция личных интересов, этой гарантии не существует.

Индивидууму может оказаться выгодным строить новые фабрики и создавать новые машины там, где обществу, если бы оно было единственным собственником средств производства, это было бы невыгодно.

Общеизвестность факта, что в промышленность уже вложено достаточное количество капитала, чтобы удовлетворить полностью весь текущий спрос по выгодным ценам, не может удержать от вложения свежих капиталов, если новые вкладчики имеют основание думать, что их капитал может вытеснить чужой капитал. Если новый вкладчик, благодаря большей ловкости, лучшей информации, эксплоатации своих рабочих и пр., может захватить часть клиентуры, принадлежавшей другой фирме, ему будет выгодно построить новые фабрики, снабдить их необходимыми машинами и начать производство. Налицо может оказаться уже большее количество велосипедных фабрик, чем требуется для потребления общества. Но если будущий фабрикант думает, что он может отбить у других предпринимателей достаточное количество клиентов, он устроит завод и поставит новые машины, хотя его способы производства и товары могут быть не лучше других. То же самое происходит на всех стадиях производства. В оптовой и розничной торговле тот факт, что уже существует достаточное количество магазинов и складов для удовлетворения спроса, не остановит никого от вложения новых сбережений в новые магазины и склады, если только он думает, что сумеет привлечь в свою фирму достаточное количество покупателей, имевших прежде дело с другими. Может быть в данном районе вполне достаточно двух бакалейных магазинов, чтобы удовлетворять потребности населения и создать нормальную конкуренцию. Но если третий торговец сумеет создать себе соблазнительной вывеской или умелой выставкой товаров достаточное количество покупателей, ему будет

выгодно вложить в дело нужный капитал и оборудование, хотя ни промышленность, ни общество ничего от этого не выиграют.

Есть, несомненно, много данных, доказывающих, что индивидууму может быть выгодно увеличивать число машин в производстве, даже когда нет основания ожидать, что эти машины дадут прибыль. Деловые люди единодушно утверждают, что ланкаширская промышленность была перегружена фабриками и машинами именно таким путем. В результате излишнего желания отложить потребление на будущее, налицо оказываются значительные суммы денег, которые не могут найти обеспеченного и доходного помещения. Они дают материал учредителям акционерных компаний. Специальными обманчивыми программами они собирают эти деньги. Их поддерживают строительные фирмы и архитекторы, которые хотят заключить контракты на постройку фабрик. Акции пропагандируют различные фирмы, заинтересованные в производстве и доставке машин, поставщики котлов и других предметов, адвокатские фирмы, чьи услуги потребуются для создания концерну прочного юридического фундамента и общественного доверия. В интересах этих и других групп — влить в производство новые капиталы, вне зависимости от вопроса, нужны ли они для промышленности или общественного потребления.

§ 14. Эти условия, создающие противоположность интересов индивидуума и общества, охватывают все отрасли современной промышленности, но наибольшее влияние они имеют в тех предприятиях, где главную роль играют сложные машины, или где реклама дает посторонним лицам возможность успеха.

Во всех этих случаях в интересах индивидуума бывает помещать новые сбережения в новые формы капитала в тех отраслях промышленности, где уже имеется достаточный капитал для удовлетворения спроса на предметы потребления. Поскольку неверно положение, что личные интересы индивидуума дают экономическую гарантию от переизбыточного предложения, постольку во всех точках *A*, *B*, *C*, *D*, *E* и во всех отраслях промышленности одновременно может существовать избыток капитала, по сравнению с количеством, достаточным для выработки *F*. Автоматический рост дутых акционерных обществ и всевозможных скоропалительных и мошеннических предприятий в период кризисов доказывает, что всякое надежное использование капитала исключено, и что норма сбережений превысила нормальный и нужный для промышленности уровень. Эти дутые предприятия являются просто опухолью на теле промышленности, свидетельствующей о замедленном и нездоровом кровообращении; они являются болезненной страстью к сбережениям, не нужным обществу, и не должны были бы иметь места. Когда одна из этих дутых компаний объявляется банкротом, мало сознательная публика молчаливо полагает, что ее вкладчики были дураками, которые могли бы выдумать и найти лучшее помещение своим капиталам. Но небольшое расследование показало бы, что в момент возникновения этого предприятия для посторонней публики не суще-

ствовало возможности доходного и обеспеченного помещения сбережений, ибо все нормальные виды предприятий имели уже достаточное количество капитала.

С первого взгляда может показаться, что государственную ренту, первоклассные железнодорожные акции и другие ценные бумаги всегда можно получить, и что глупость людей, помещавших сбережения в мошеннические предприятия, состояла в том, что они не предпочли верных 2½ процента рискованным 5 или 10. Но этот аргумент является опять возвращением к неправильной индивидуалистической точке зрения. Несомненно, каждый отдельный вкладчик мог купить верные ценные бумаги, дающие 2½ процента, но это бы только означало вытеснение равного количества другого капитала, поскольку общая сумма капитала, помещенного в здоровые предприятия, не возросла бы. *A* не мог купить государственную ренту, пока *B* не продал ее; поэтому общество, к которому принадлежат *A* и *B*, не смогло вложить в государственную ренту новых сбережений. Очевидно, что если бы те, кто бросился, очертя голову, в дутые предприятия, хотели поместить деньги в первоклассные бумаги, то в результате получилось бы только дальнейшее понижение приносимого ими процента гораздо ниже 2½%. Тот же результат, очевидно, имело бы и всякое вмешательство закона в учредительство такого рода компаний. Тот факт, что государственные займы и другие первоклассные бумаги не особенно сильно поднялись в такой момент, показывает, однако, что учредители дутых предприятий умеют убедить отдельных вкладчиков, что их шансы на успех стоят не ниже шансов 2½%-ных бумаг.

Во многих случаях вкладчик поступает, может быть, разумно, предпочитая иметь меньший шанс на более высокую прибыль, потому что 2½%-ные бумаги могут не покрывать его потребностей. Ибо не следует забывать, что понимание ненужности нового банка или новой строительной компании по той причине, что их уже имеется достаточно, еще не лишает вероятности на успех нового предприятия.

Итак, не основательно возражение, что не может быть избытка сбережений, ибо самое худшее помещение капиталов, сделанное с открытыми глазами, будет более производительным, чем покупка государственной ренты. Оно было бы основательным только при предположении, что капитал абсолютно подвижен, что количество хороших помещений для сбережений безгранично, и что новые формы капитала ни в коем случае не вытесняют и не отрицают пользования старыми формами. Но, как мы видели, дело обстоит не так. Если бы существовала абсолютная подвижность конкурирующих форм капитала, то факт, что процент на вновь помещаемые капиталы стоит выше нуля, служил бы доказательством, что избыточного капитала не наблюдается. Капитал имеет такую кажущуюся подвижность, если рассматривать его с абстрактной финансовой точки зрения. Лицо, сделавшее сбережение, держит его в форме кредита банку или другого вида денег, которые он может поместить, как ему

одно. Но, как мы видели, реальные «сбережения», представляюие его продуктивный труд плюс его воздержание от потребления, избежно воплощаются в какие-либо материальные формы, и поому не имеют той подвижности, вид которой он получает, когда он ражен в банковых деньгах.

§ 15. Зло, причиняемое промышленными кризисами, или чрезрный рост капитала за пределы, указываемые потреблением, рямо и косвенно объясняются свободой персональных интересов развитии машинного производства. Свойственный изобретениям емент случайности, изменчивость вкусов публики, искусственое стеснение рынка, — все это дает возможность отдельным капилистам получать барыши за счет публики. Сумма интересов отльных членов общества не дает в совокупности интересов общества, как целого. Все эти противоречия между индивидуальными общественными интересами являются результатом сложности сореmенного капиталистического производства.

Если мы возлагаем на бесконтрольное увеличение числа машин лавную ответственность за промышленный кризис, являющийся езультатом попытки отдавать слишком большую долю производильных сил общества на образование сбережений, мы должны ясно редставить себе два положения.

Во-первых, избыток наблюдается в количестве форм капитала, не в реальном капитале. Если в Ланкашире, где достаточно было ы 300 бумагопрядилен, имеется 500, то разрушение 200 из них не меньшило бы сумму реального капитала. Если бы 200 фабрик сголи, то, хотя отдельные собственники и потерпели бы убыток, этот быток, выраженный в деньгах, компенсировался бы ростом денежой стоимости других фабрик. Количество реального капитала, влоенного в бумагопрядильное производство, зависит от спроса на ти формы капитала, т.-е. от потребления хлопчатобумажных изделий. Если 300 фабрик справляются с работой по выработке пряжи ля удовлетворения спроса всех фабрикантов, то ценность 500 фабик не больше, чем ценность 300; если мы предположим, что промышленная деятельность поровну распределена между 500 фабриками, вместо того, чтобы концентрироваться в 300, работающих полым ходом, это будет только означать, что реальный капитал был ассеян между 500 фабриками, которые могут работать лишь немноим больше половины рабочего времени. Иначе они произведут ерегружение товарами.

Вернемся опять к диаграмме. (См. стр. 263.)

f (норма потребления для данного момента) определяет количество реальной производственной энергии капитала, которая может ыть производительно использована в точках *a*, *b*, *c*, *d*, *e*. Уровень ромышленной техники, включая нормы заработной платы и другие словия рынка труда, определяет, сколько капитала (фабрик, складов, железоделательных заводов, сырых материалов и т. д.) общественно необходимо для данного момента, чтобы воплотить этот капитал. Но хотя *f* имеет экономическую власть порождать необходи-

мый минимум этих форм капитала, не в его власти предотвратить влияние персональных интересов, вызывающее превышение этого минимума и концентрирующее в точках a, b, c, d, e бо́льшее количество форм капитала, чем это необходимо.

Во-вторых, перепроизводство или общее загромождение товарами является только внешним проявлением или симптомом болезни. Сама болезнь заключается в недопотреблении или избыточном сбережении. Они оба вызывают друг друга. Реальный доход общества в каждом данном году подразделяется на две части: то, что произведено и потреблено, и то, что произведено, но не потреблено т.-е. сбережено. Всякое нарушение должного экономического соотношения этих двух частей означает избыток одной и недостаточность другой. Поэтому всякое недопотребление вызывает соответствующий избыток сбережений. Этот избыток сбережений воплощен в излишних машинах и товарах сверх количества, экономически необходимого для удовлетворения потребления. Но нельзя забывать, что этот избыток сбережений не измеряется количеством новых фабрик, машин и прочего, вложенных в производство. Когда весь промышленный механизм уже перегружен, избыток сбережений все еще может продолжаться; но он будет выражаться во все большем недоиспользовании существующих форм капитала, в той безработице капитала и труда, которая создает промышленный кризис.

Увеличение сбережений необходимо, когда ожидается рост потребления, вследствие увеличения населения, или по какой-нибудь другой причине. Такое увеличение сбережений не является, конечно, избыточным сбережением. Сберегаемая доля общественного дохода и абсолютная сумма ее всегда может возрасти на законном основании, если только в недалеком будущем будет потреблена большая доля доходов того момента. Если в культурном обществе отношение сбережений к потреблению, в целях поддержания существующего жизненного уровня при помощи минимального количества «форм» капитала, будет составлять 2 к 10, норма «сбережений» может в любом данном году быть повышена до отношения 3 к 9, чтобы создать запас на будущее, когда сбережения упадут до отношения 1 к 11. Такое увеличение «сбережений» не будет избыточным сбережением; формы капитала, в которых оно воплощено, не будут конкурировать с прежними формами и не собьют рыночных цен. Труд, принимающий форму постоянных улучшений почвы, сооружения новых зданий, доков, железных дорог и т. д. для использования их в будущем, может дать обществу возможность увеличить сберегаемую долю дохода на целый ряд лет. Но за такими сбережениями должен следовать рост потребления в будущем без соответствующих сбережений. Мысль, что можно беспредельно увеличивать отношение наших сбережений к нашему потреблению, ограничивая себя только пределами предметов первой необходимости, является иллюзией, которая считает целью человека производство, а не потребление.

§ 16. Машинное производство обострило болезненные явления едопотребления или избытка сбережений, ибо оно увеличило воз- ожности конфликта между интересами индивидуума и общества. обострением конкуренции в машинном производстве все возра- тают шансы отдельных лиц использовать свои новые «сбережения» утем вытеснения прежних сбережений других лиц. По мере того, ак все растущая часть промышленного целого подпадает под власть ашины, такие примеры все растут; борьба более слабых фирм со тарыми машинами за существование, старание лучше оборудован- ых предприятий найти рынок для своей возросшей продукции, кру- ение предприятий, внезапное вытеснение громадных масс рабо- их, — одним словом, все симптомы заболевания «кризисом» про- вляются с новой силой.

Надо определенно признать, что эта дезорганизация вызывается рожденной несогласованностью индивидуальных интересов в про- ышленном обществе, построенном на началах конкуренции, когда астые, крупные и совершенно не поддающиеся учету влияния тех- ических усовершенствований и развития способов производства ают то одной, то другой группе конкурентов временный перевес борьбе. Раньше полагали, что эта острая конкуренция, эта свобод- ая борьба личных интересов может претвориться в гармонию, что остоянное и сознательное преследование каждым его личных инте- ресов создает твердую основу промышленного строя и обеспечивает аиболее производительное и удобное размещение в обществе произ- одительных сил.

Теперь оказывается, что дело обстоит иначе, что неудачи нельзя риписывать, главным образом, отсутствию у отдельных лиц пони- ания средств, при помощи которых они могут лучше всего служить воим разнообразным интересам. Они объясняются тем, что отдель- ые лица или группы лиц могут пользоваться выгодами усовершен- ствованных способов производства, не считаясь с интересами других ндивидуумов или общества, как целого.

ГЛАВА XII.

МАШИНА И СПРОС НА ТРУД.

§ 1. Влияние машины на количество рабочих, в зависимости от «эластичности спроса». § 2. Цифровые данные относительно непосредственного влияния машины на труд в главных отраслях промышленности. § 3. Ошибочность выводов, основанных на необобщенной статистике труда. § 4. Влияние введения машины на регулярность работ. § 5. Влияние «неорганизованности» машинного производства на регулярность работ. § 6. Различные способы, которыми современная промышленность вызывает безработицу. § 7. Общие выводы.

§ 1. Рассматривая непосредственное влияние машинного производства на экономическое положение рабочих, мы должны различать влияние на (1) число занятых рабочих; (2) регулярность найма; (3) сноровку, быстроту, интенсивность и другие качества труда; (4) оплату труда. Хотя все эти влияния находятся между собою в теснейшем и сложнейшем взаимодействии, их удобнее рассматривать порознь.

(1) В л и я н и е м а ш и н н о г о п р о и з в о д с т в а н а ч и с л о з а н я т ы х р а б о ч и х. — Причиной, заставляющей капиталистического предпринимателя ввести машины, которые или экономят труд, делая ту работу, которую раньше производил он, или делают труд более производительным, является стремление сократить издержки производства. Новая машина либо заменяет старую, либо выполняет производственный процесс, который раньше производился ручным трудом без помощи машины.

В первом случае было вычислено, что расходы на производство, содержание и использование новых машин, создающих данную продукцию, будут меньше, чем соответственные расходы при пользовании старыми машинами. Из предположения, что труд по изготовлению новых машин и работа при них оплачиваются не ниже, чем тот труд, который они вытесняют, и что на заработную плату и на прибыль идет прежняя доля стоимости каждой машины, вытекает, что полученное сокращение издержек производства означает абсолютное количество вытесненного труда на данное количество продукции. Поскольку квалифицированный труд по изготовлению новых машин оплачивается выше, чем труд по производству более старых, и доля цены, составляющая прибыль от нового изобретения, должна

быть выше, чем в старой машине[1]), фактическое вытеснение труда обычно бывает больше, чем разница в денежной цене обеих машин. Кроме того, поскольку в старой фирме обрабатывающей промышленности расходы, сопряженные со списыванием со счетов известного количества прежнего оборудования, должны быть также учтены, замена старых машин новыми обычно сопряжена со значительным сокращением труда.

Расходы на производство машин и работу при них дают также абсолютное сокращение труда по сравнению с расходами на производство данного продукта ручным трудом в тех случаях, когда новый производственный процесс впервые переходит к машинному производству. Тот факт, что вводятся новые машины, является доказательством абсолютного сокращения труда в отношении данной продукции, ибо иначе не получилось бы никакой экономии.

Какое же содержание вкладывается в таком случае в общепринятое утверждение, что машинное производство дает больше работы, чем отнимает, что в конечном счете оно не уменьшает спроса на труд?

Обычный ответ заключается в том, что экономия в издержках производства, приносимая сберегающими труд машинами, отражается, благодаря конкуренции производителей, на понижении уровня цен. А падение цен вызывает рост потребления. Благодаря этому, продукция, как утверждают, должна сильно повыситься. Если мы сложим труд, израсходованый на производство машин для увеличенной продукции, труд, израсходованный на уход за ними и работу при них, и труд по транспортированию и распределению увеличенной продукции, то окажется, что при новых условиях промышлености требуется, по меньшей мере, столько же рабочей силы, сколько и при прежних. Такова обычная аргументация. Прекрасный образчик очень распространенной аргументации, взятый из сочинений одного компетентного экономического писателя, гласит следующее:

«При первом введении машин количество занятых рабочих может, действительно, на время сократиться, может, при случае, отнять работу у лиц, не имеющих возможности заниматься другой профессией, и создать работу для другого класса рабочих. Но если машины отняли работу у десяти человек, они дали ее тысяче. Как это происходит? Ярд ситца стоит при ручном труде 2 шиллинга, при машинном—4 пенса. По два шиллинга за ярд его могут купить немногие, по четыре пенса множество народа приобретут его с радостью. Дешевизна создает потребление. Товары, которыми до сих

---

[1]) В возражение можно указать на возможность понижения нормы процента, который фабрикант платит на капитал, чтобы приобрести новую машину. Если здесь можно получить экономию, то вытеснение труда машиной может быть меньше, т.-е. фабриканту может быть выгодно приобрести новую машину, которая «сберегает» лишь небольшое количество денег, если он может приобрести ее за счет дешевого кредита (ср. Marshall, «Principles of Economics», 2 издание, стр. 569 — 570).

пор пользовались только высшие классы, теперь с таким же успехом доступны и трудящимся. По мере увеличения спроса, растет и производство, и растет до такой степени, что, хотя количество работающих теперь на ситцевых фабриках рабочих колоссально уменьшилось по сравнению с определенным количеством ситца, общее число рабочих, потребное для производства миллионов ярдов, расходящихся теперь, значительно превосходит количество труда, занятого, когда вся работа производилась без машин»[1]).

Впоследствии, когда мы будем исследовать статистику хлопчатобумажной промышленности, мы убедимся, что этот частный случай выбран особенно неудачно. Теперь же мы должны заметить, что экономическая наука уже похоронила этот априорный оптимизм. Даже если игнорировать для удобства довольно вероятный вывод, что выгоды производства могут — во всяком случае временно — увеличить прибыли вместо сокращения цен, то будет очевидно, что вся сила этой аргументации основана на влиянии падения цен на рост потребления. Мы уже видели при исследовании монопольных цен, насколько вопрос о том, в какой степени данное падение цен вызывает рост потребления, требует чрезвычайно тонкого знания сложных специальных условий каждого случая и глубочайшего понимания и учета человеческой психологии. Здесь все зависит от «эластичности спроса». И мы, конечно, не имеем права принимать за доказанное, что в отдельной отрасли промышленности определенное падение цен, вызванное введением машин, создает такое увеличение потребления, что работу будет иметь прежнее или даже большее число лиц. Наоборот, если мы возьмем такое же постепенное падение цен на два различных вида товаров, то мы увидим, что рост потребления будет в обоих случаях очень различен. Понижение цены на один вид товаров на 50% может утроить или учетверить потребление, а то же самое понижение цены на другой вид товара, может увеличить потребление только на 20%. В первом случае очень вероятно, что конечным результатом сокращения издержек производства и падения цен, вызванного введением машин, будет значительное увеличение общего спроса на труд, во втором же случае получится лишь абсолютное сокращение. Поэтому невозможно доказывать à priori, что конечным результатом введения машин в отдельной отрасли должен быть рост спроса на труд и что вытесненная машинами рабочая сила будет прямо или косвенно поглощена, благодаря созданному машинами увеличению продукции. Установлено, что введение парового молота вытеснило девять рабочих из десяти, требовавшихся прежде, что при современных машинах один человек производит столько же бутылок, сколько раньше могли сделать шесть, что в производстве обуви один человек может заменить пять, что «в производстве земледельческих орудий 600 человек производят теперь ту работу, для которой 15 или 20 лет тому назад требовалось 2.145; таким образом, 1.515 человек были вытеснены маши-

---

[1]) Leone Levi, «Work and Pay», стр. 28.

нами»[1]) и т. д. Во многих из этих случаев мы увидим, что падение цен, связанное с этим сокращением труда, вызвало такое увеличение спроса, что в этих отраслях промышленности теперь работает большее количество лиц, чем раньше. В других случаях этого не наблюдается.

Следующая цитата из одной речи, произнесенной на промышленой конференции по вопросу об оплате труда в 1885 г., дает наиболее жестокую критику точки зрения проф. Леона Леви.

«Пятьдесят лет тому назад в производстве ковров рабочий приводил челнок в движение рукой и производил от 45 до 50 ярдов в неделю. За это ему платили от 9 пенсов до 1 шиллинга за ярд. В настоящее время девушка производит на паровом станке 60 ярдов в день и обходится своему хозяину в 1½ пенса с ярда. Эта девушка производит на своем станке работу восьми человек. Вопрос заключается в том, где работают теперь эти люди? Увидя в конфекционной мастерской девушку, работающую на швейной машине, он спросил у хозяина, работу скольких человек экономит ему эта машина. Тот ответил, что она экономит труд 12 человек. Тогда он спросил: «Что же делают эти 12 человек теперь?» — «О, — ответил тот, — у них, несомненно, есть гораздо лучшее место, чем мое, в какой-нибудь новой отрасли промышленности». Он спросил: «В какой новой промышленности?» Но хозяин не мог назвать ничего, кроме фотографии. Наконец, он сказал, что они, вероятно, могли найти работу в производстве швейных машин. Вскоре после этого его пригласили посетить Зингеровскую фабрику американских швейных машин около Глазго. Он взял с собой хозяина портняжной мастерской, и когда, проходя по мастерским, они подошли к тем же машинам, которые были в его мастерской, он спросил управляющего: «Сколько времени тратит рабочий на изготовление машины?» Тот ответил, что не может ответить на этот вопрос, так как ни один рабочий не изготовляет машины целиком. Есть более выгодный способ производства: изготовлением одной машины занято более тридцати человек. Но он добавил: «Если бы они делали только одни эти машины, они вырабатывали бы одну штуку в течение 4½ рабочих дней каждого из рабочих. Значит, существовала машина, при которой одна девушка заменяла 12 человек в течение почти десяти лет, и собственник этой машины полагал, что эти 12 человек найдут работу в производстве другой машины, между тем как достаточно было только 4½ рабочих дней каждого из них для изготовления машины, которая вытесняет новых 12 человек».

В случаях, подобных этому, мы должны, конечно, помнить, что сокращение количества занятий в различных производственных процессах, прямо или косвенно способствующих развитию этой промышленности, еще не является само по себе убедительным доказа-

---

[1]) Заявление Шефто, председателя конгресса Трэд-Юнионов в 1888 г. Ср. Carroll D. Wright, «Report on Industrial Depressions». Вашингтон, 1886, стр. 80 — 90.

тельством того, что машины вызвали абсолютное сокращение труда. Если продукция увеличилась, то количество занятий в добывающей промышленности, транспорте и торговле может компенсировать их сокращение в производстве машин и товаров.

§ 2. История промышленности такой страны, как Англия, не дает достаточного материала для выработки окончательного общего мнения по этому вопросу. Колоссальное расширение производства, вызванное в течение первой половины XIX столетия введением машин в некоторых отраслях текстильной промышленности, несомненно, повело к увеличению спроса на труд в Англии в отраслях, прямо или косвенно связанных с текстильной промышленностью. Но, во-первых, этого нельзя считать нормальным результатом падения цен, вызванного введением машин в текстильной промышленности. Оно в значительной степени объясняется расширением сферы потребления — присоединением громадных новых рынков, в чем главную роль играли бо́льшая производительность и дешевизна транспорта. Во-вторых, предполагая, что более насущные потребности громадной армии потребителей были уже удовлетворены текстильными товарами машинной работы, мы уже не можем думать, что дальнейшее удешевление товаров, обусловленное усовершенствованием машин, снова даст соответствующий результат, в смысле роста потребления и спроса на труд. Если бы Англия была самообслуживающейся страной, производящей только для внутреннего рынка, то в результате введения машин в текстильной промышленности получилось бы, несомненно, значительное абсолютное сокращение занятий для текстильных рабочих, даже принимая во внимание все поправки на рост населения и на увеличение внутреннего потребления. Поэтому расширение английского производства под влиянием быстрого развития машинной техники в девятнадцатом столетии нельзя считать настоящим мерилом нормального влияния машинного производства.

Ни экономическая наука, ни практика промышленности не подтверждают теории, что чистым результатом усовершенствования машинной техники является сохранение на прежнем уровне или увеличение числа занятий в пределах отдельной отрасли промышленности, или даже в пределах группы связанных между собою отраслей. Еще меньше оснований эта теория имеет в промышленности какой-нибудь отдельной территории или страны. Введение новых экономящих труд наборных и печатных машин сопровождалось таким расширением предприятий, что потребовало расширения числа рабочих, а недавно введенные технические усовершенствования в большинстве британских текстильных, хлопчатобумажных, шерстяных и пеньковых фабрик сопровождалось абсолютным сокращением занятий.

Следующие цифры [1]), показывая сравнительное увеличение потребления сырого хлопка в Великобритании и числа рабочих, заня-

[1]) Cd. 1761, стр. 367.

тых в хлопчатобумажном производстве от 1854 г. до 1891 года, дают общее представление о влиянии усовершенствований техники и способов производства на количество занятых рабочих.

Потребление сырого хлопка.

	Миллионы центнеров.	Число рабочих, занят. в хлопчатобум. и кружевн. пром. (включ. посредн.).
1854	6,9	627.819
1861	9,0	660.231
1871	10,8	647.633
1881	12,9	664.279
1891	14.9	682.075

Та же экономия труда, хотя и не так резко выраженная, подтверждается статистикой сравнительного роста потребления железа в Соединенном Королевстве и увеличением числа рабочих, занятых в железоделательной и сталеобрабатывающей промышленности.

Потребление чугуна.

	Миллионы тонн.	Рабочие, занятые в производ. железа и стали.
1854	2,8	110.480 (перепись
1861	3,3	149.366 1850 г.).
1871	5,6	223.448
1881	6,7	241.346
1891	6,6	245.847

Даже если мы учтем отрасли промышленности, зависящие от этих отдельных производств, и занятия в транспорте и торговле по передвижению и распределению увеличившегося количества подешевевших товаров, мы не можем притти к выводу, что в конечном счете влияние некоторых технических усовершенствований не дает в результате сокращения количества рабочих.

Статистика занятий, приведенная в главе XVI, приходит к выводу, что чем больше данная страна развивается в смысле введения экономящего труд машинного производства товаров, удовлетворяющих насущнейшие потребности населения, тем меньшая часть рабочего класса занята в этих отраслях промышленности. Самая достоверная статистика различных стран говорит, что процент занятий, доставляемых основными отраслями промышленности, в целом уменьшается после того, как современные способы машинного производства прочно утвердились, и что эта тенденция сильнее всего проявляется в производствах, вырабатывающих средние сорта текстильных товаров, металлы и прочие изделия для внутреннего рынка.

§ 3. Для того, чтобы судить о действительном влиянии сберегающих труд машин на количество занятий, необходима более широкая точка зрения. Если первым результатом их является удешe-

вление товаров, мы должны искать поглощение труда, который стремится вытеснить машина, не в расширении спроса на эти виды товаров. Мы должны обратить внимание на расширение спроса на другие сорта товаров, вызванное помещением в промышленность элементов дохода, сбереженных, благодаря падению цен на первый вид товаров. Если, благодаря усовершенствованию способов производства, хлопчатобумажные товары подешевели, главным результатом этого будет увеличение спроса на продукты питания, другую одежду, мебель и т. д., вызванное сокращением доли общего дохода, расходуемой на хлопчатобумажные товары.

Правильное понимание взаимной зависимости рынков на основании закона, по которому доходы тратятся на обеспечение общей максимальной полезности предметов потребления, обнаруживает всю ошибочность стремлений доказать общее влияние введения машин на количество занятий путем изолированного изучения отдельных областей.

Эта более широкая точка зрения дает нам возможность сделать следующий вывод: хотя влияние машинного производства вызывает иногда сокращение занятий в отдельной отрасли промышленности, или в группе отраслей, в общем результате его общее количество занятий должно остаться на прежнем уровне, если только доход, освободившийся в данной отрасли спроса, употребляется на спрос других товаров. Если определенный класс британских потребителей тратил 10% своего дохода на продукты питания или одежду, а новые способы производства или транспорта вдвое сократили цену на эти товары, 5%, съэкономленные на этом виде благ и истраченные на другие товары, дадут занятие такому количеству труда, какое было съэкономлено в области продовольствия и одежды.

Могут возразить следующее: если существует одновременно тенденция к понижению цен на большинство предметов повседневного потребления, имеющая причиной развитие машинного производства и транспорта, то нормальным результатом этого явится стимул к новым потребностям и созданию новых отраслей производства, дающих занятие вытесненному труду. Никто не может серьезно сомневаться, что фактически это и является нормальным проявлением экономических сил промышленности, когда эти нормальные процессы не нарушаются избытком сбережений.

Если бы усовершенствование машин происходило регулярно, постепенно и непрерывно во всех отраслях промышленности, то не происходило бы значительного сокращения количества занятий: молодые рабочие силы, созревающие для рынка труда, вливались бы в те отрасли промышленности, где количество занятий увеличивается, а сокращение занятий в других отраслях покрывалось бы нормальной смертностью занятых в них рабочих или постепенным переходом в родственные производства.

Но когда усовершенствования появляются в промышленности внезапно, нерегулярно, не давая возможности учета, эта естественная гармония невозможна. Именно этот элемент случайности в раз-

витии машинного производства принес столько вреда громадным массам рабочих, когда количество занятий внезапно и сильно сокращалось. От времени до времени громадное количество квалифицированных рабочих видит, что их квалификация теряет для них всякую ценность, и что они или должны приобретать сноровку в другой области, или страдать от конкуренции на рынке неквалифицированного труда, что связано с понижением жизненного уровня.

Если, благодаря сильному влиянию системы протекционизма, данная отрасль производства фактически ограничивается внутренним рынком, эти пертурбации происходят чаще и бывают сильнее и вреднее, чем при свободе торговли, создающей, благодаря внешней торговле, более эластичные условия. В этом заключается главная причина, почему в течение последних приливов общей депрессии, охватившей промышленный мир, безработица была в странах с высокими пошлинами, как Франция, Германия и Соединенные Штаты, сильнее, чем в Англии[1]).

Эта иррегулярность в развитии машинного производства, вызывающая временами крупное сокращение труда, является, конечно, значительным фактором в проблеме безработицы, хотя и второстепенным по сравнению с ее главными причинами, указанными в главе XI.

В экономическом строе, в котором распределение доходов организовано так, что каждое сбережение в общем расходе на данный товар, объясняемое улучшением машин, или другого рода экономией, автоматически стимулирует увеличение расходов на другие товары, — новые условия промышленности легко и быстро поглотили бы труд, вытесненный из данной отдельной отрасли. Если бы британская промышленность оставалась всегда в условиях 1900 г. (что случилось бы, если бы искусственный, действовавший тогда временно, стимул был заменен естественным, нормальным стимулом?), мы не слышали бы жалоб на то, что машины сокращают количество занятий.

§ 4. Но в данных условиях промышленности машинное производство вреднее отражается на регулярности занятий, чем на их количестве. У нас так мало возможностей установить степень иррегулярности занятий до промышленной революции, что мы не можем судить, были ли прежние дефекты так же велики, как в последнее время. Непроизводительные потери от внезапного появления новых способов производства были, несомненно, меньше, но ограниченность рынка и стеснение его могли создать столь же вредные для промышленности потери.

В те времена, когда сельское хозяйство играло сравнительно гораздо большую роль в экономике, чем теперь, и обрабатывающая промышленность находилась в большей зависимости от местных

---

[1]) Ср. меморандум о британской и заграничной торговле. Cd. 2337. (Вторая серия, министерство торговли.)

источников сырья, климатические и вообще природные пертурбации должны были вызывать большую иррегулярность занятий.

Но профессор Никольсон подчеркивает два обстоятельства, заслуживающие внимания. Он находит, что существует два закона, или две тенденции, ослабляющие это вредное влияние машин. Он утверждает: 1) что радикальные преобразования способов производства проникают в жизнь медленно и постепенно; 2) что эти радикальные преобразования — эти прерывающиеся скачки — уступают место прогрессу, совершающемуся путем мелких успехов в области изобретений [1]). История показывает, что полное внедрение великих изобретений в жизнь совершалось медленно, хотя профессор Никольсон несколько переоценивает подвижность труда и его способность бороться с угрожающими ему переменами. История введения механического ткацкого станка рассказывает нам об ужасных страданиях ручных ткачей некоторых районов, несмотря на постепенность этого процесса. Тот факт, что наряду с распространением механического ткацкого станка еще долго сохранялось большое количество ручных, доказывает консерватизм ручных ткачей, которые держались за эту непостоянную и плохо оплачиваемую работу из-за невежества и неумения приспособиться к изменившимся условиям [2]). Обычно причиной больших бедствий было не непосредственное влияние введения машин, а внезапные перемены моды. Так обстояло дело с изготовлением обручей для кринолинов в Йоркшире, с плетением соломы в Бедфордшире, Бэксе, Гертсе и Эссексе [3]). Постоянным источником пертурбаций были, очевидно, и внезапные причуды охранительных тарифов. Поскольку вытеснение рабочих вызывалось введением новых машин, можно сказать, что рабочие бывали достаточно предупреждены, чтобы суметь приостановить дальнейший приток рабочих рук в эти отрасли и направить его в другие производства, развивающиеся вместе с новыми способами производства. Но все-таки рабочим, которые уже специализировались на старых способах производства, приходится много претерпеть.

Кроме того, некоторые преобразования в машинном производстве способствуют увеличению приспособляемости труда. Многие механические процессы одинаковы во многих отраслях и так мало отличаются друг от друга, что более или менее интеллигентный рабочий, обученный одному из них, может быстро изучить другой. Если верно, «что общая интеллигентность, помогающая легче переходить от одной области к другой, играет с каждым годом все большую роль, по сравнению с ручной сноровкой и техническими знаниями, специальными для каждой отрасли промышленности» [4]), то мы нашли прогрессивный фактор, имеющий тенденцию сокра-

[1]) I. S. Nicholson, «Effects of Machinery on Wages», стр. 33.
[2]) Babbage, «Economy of Manufactures», стр. 230.
[3]) Ср. Thorola Rogers, «Political Economy» (1869), стр. 78—79.
[4]) Marschall, «Principles of Economics», стр. 607. Ср. Cunningham «Uses and Abuses of Money», стр. 59. Но см. также и infra, глава IX.

цать до минимума безработицу, вызываемую новыми специальными машинами.

Второй закон профессора Никольсона носит более отвлеченный характер и менее достоверен в смысле внешних проявлений. Он ставит, повидимому, абсолютный предел числу крупных изобретений. Несомненно, за радикальными преобразованиями идут более мелкие изобретения. Но у нас нет гарантии, что в будущем не случится новых радикальных перемен, не менее важных, чем прежние. Не существует определенного предела технической изобретательности и прогрессивному развитию общества. Если удастся преодолеть некоторые предварительные трудности в применении электричества, как двигателя, то есть все основания думать, что, при наших усовершенствованных способах быстрого распространения знаний, наша фабричная система преобразуется, и труд будет вытесняться гораздо быстрее, чем при изобретении парового двигателя, и в размерах, которые могут сильно превысить приспособляемость труда к новым условиям. Во всяком случае, мы не можем быть уверенными, что подвижность труда сумеет всегда итти в ногу с новыми изобретениями, вытесняющими его. Поскольку мы не можем предполагать, что рынок будет расширяться pari passu с развитием способов производства, очевидно, что мы должны признать нормальной причиной необеспеченности труда усовершенствование машин. Потеря работы может быть только «временной», но так как и жизнь рабочего тоже есть временное явление, то такая потеря может иметь большое значение, как фактор, нарушающий течение трудовой жизни.

§ 5. Мы можем дать довольно определенный ответ на вопрос, способствуют ли машины регулярности работы вне зависимости от перемен, вызванных введением их. Структура отдельной фабрики с ее все растущим количеством дорого стоящих машин гарантирует, казалось бы с первого взгляда, регулярность работы, исходя из личных интересов капиталиста. Говорят, что некоторые отрасли лондонской потогонной промышленности держатся выгодами, извлекаемыми предпринимателями, которые не применяют дорогих орудий и машин и могут легко увеличивать или уменьшать число рабочих, в соответствии со спросом «сезонной промышленности», вроде подборки мехов и изготовления искусственных цветов. Если у предпринимателя имеется громадное количество постоянного капитала, его персональные интересы требуют полного и регулярного течения работ. В этом смысле машины способствуют регулярности занятий. С другой стороны, профессор Никольсон приводит массу данных в подтверждение своего положения, что «сильное колебание цен происходит в тех областях, где производство товаров требует бóльшей доли постоянного капитала. Эти колебания цен сопровождаются соответственными колебаниями заработной платы и отсутствием регулярности занятий» [1]. Одним словом, несмотря на то, что в интересах каждого фабриканта машинных товаров поддерживать

[1] «Effects of Machinery on Wages», стр. 66.

регулярность занятий, какая-то более могущественная промышленная сила приводит к иррегулярности. Что это за сила? Это — бесконтрольное машинное производство. В различных единицах машинного производства, на отдельных фабриках и заводах мы видим поразительный порядок и стройную гармонию частей, но в совокупности машинного производства организации не существует, там царит хаос спекулятивного риска. «Промышленность еще не приспособилась к вызываемым машинным производством изменениям обстановки». Вот и все.

При денежной системе, хотя товары все еще обмениваются на товары, необходимым условием этого обмена является желание лиц, обладающих покупательной способностью, использовать достаточную долю ее на покупку предметов потребления. Иначе слишком стимулируется производство производительных благ, между тем как спрос на предметы потребления застопорился, — положение, которое деловые люди справедливо считают избыточным предложением материальных форм капитала. Когда производство шло медленнее, рынки [1]) были уже, кредит не так развит, эти громадные ошибки в расчете были менее опасны, а компенсирующие силы промышленности быстрее приходили на помощь. Но современное машинное производство колоссально расширило объем рынков, остроту конкуренции, сложность спроса. Производство не работает уже на небольшой местный спрос данного момента, а на крупный мировой спрос будущего. Поэтому машинное производство является непосредственной материальной причиной этих громадных колебаний, наиболее вредным последствием которых бывает нерегулярность занятий и заработной платы.

Насколько можно рассчитывать на улучшение положения? Профессор Никольсон думает, что с течением времени установится бо́льшая гармония между машинным производством и окружающей его средой.

«Громадное развитие парового транспорта, распространение телеграфа по всему земному шару превратили современную промышленность из гигантской морской звезды, у которой можно уничтожить все ее члены, не причиняя никакого вреда остальному организму, в μέγα ζῶον, которое корчится в агонии при легком поранении какой-нибудь части его. Промышленный кризис ощущается теперь с такой же остротой в Америке и даже наших колониях, как и в Англии. С течением времени, с ростом организации и сокращением нездоровой спекуляции это расширение рынка должно дать

[1]) Но увеличение территории рынка может в некоторых случаях сообщить данной отрасли бо́льшую устойчивость, особенно когда дело идет о предметах роскоши, подверженных местным колебаниям моды и т. д. Ограниченный шелковый рынок означал для Англии неустойчивость занятий и низкую квалифицированность труда. Открытый рынок повысил квалифицированность и устойчивость, ибо, хотя шелковая промышленность все еще является самой неустойчивой отраслью текстильного производства, она гораздо меньше подвержена колебаниям, чем в XVIII столетия. (Ср. Porter, стр. 225.)

бо́льшую устойчивость цен; но в наше время дезорганизующие силы часто перевешивают, в общем, эти основные элементы [1]).

Несомненно, организация капитала под влиянием этих сил прогрессирует, и когда этот прогресс окажется достаточным, она, несомненно, поведет к уменьшению нездоровой спекуляции. Но эти организационные шаги были сделаны именно в тех отраслях промышленности, где сосредоточено большое количество постоянного капитала, а признанный факт, что в этих производствах колебания все еще сильны, доказывает, что стабилизирующее влияние такой организации еще не успело достаточно сказаться. Конкуренция все бо́льших масс организованного капитала вызывает, повидимому, бо́льшую спекуляцию и более сильные колебания. Пока все виды капитала не будут в той или иной форме или степени организованы в «комбинаты», стабилизирующее влияние организации не сможет взять верх.

§ 6. Но налицо имеется еще один фактор, который — в Англии, во всяком случае — действует при росте машинного производства скорее в направлении усиления спекулятивного производства, чем в направлении его сокращения. Мы видели, что часть рабочих, занятых в производстве предметов комфорта и роскоши, растет, между тем как часть, производящая предметы первой необходимости, уменьшается. Мы не можем обсуждать здесь, до какой степени действие закона сокращения прибылей смягчает эту тенденцию. Но статистические данные показывают, что такова тенденция данного момента как в Англии, так и в Соединенных Штатах. Спрос на предметы комфорта и роскоши бывает теперь, по существу, более случайным и менее поддается коммерческому учету, чем спрос на предметы первой необходимости. Машинное производство оказывается наиболее выгодным в тех областях, где спрос наиболее велик, устойчив и легче всего поддается учету. Поэтому влияние машинного производства выражается в том, что оно перемещает все большее число рабочих от более устойчивых профессий к менее устойчивым. Кроме того, существует определенная тенденция спроса на предметы роскоши — становиться более случайным и труднее поддаваться калькуляции; соответствующая нерегулярность появляется и в занятых их изготовлением производствах. Двадцать лет тому назад ткачи лент в Ковентри могли в течение зимних месяцев «делать запасы», ибо, хотя шелковые ленты являются всегда предметом роскоши, некоторые сорта из года в год пользовались довольно постоянным сбытом. Теперь колебания моды стали гораздо резче и чаще, и с ее изменениями считается гораздо большая часть потребителей лент. Поэтому становится все труднее предупреждать спрос, все меньше и меньше вырабатывается в запас, все больше и больше производится по заказу, а заказы даются на более короткий срок. Так, например, ткацкие станки и ткачи, бездействующие в течение значительной части года, лихорадочно работают в течение коротких не-

[1]) Op. cit., стр. 117.

правильных периодов. То же самое можно сказать относительно многих других сезонных и модных производств. Иррегулярность спроса мешает этим отраслям использовать все выгоды машин, хотя частичное использование машины и энергии облегчает выполнение заказов в короткий срок. Поэтому, когда бо́льшее количество общественного дохода расходуется на предметы роскоши, бо́льшая доля рабочей силы общества должна затрачиваться на их производство. А это означает передвижение труда от более устойчивых занятий к менее устойчивым и к тем, где неустойчивость непрерывно возрастает.

Все большая часть городских рабочих постоянно переходит в производства, связанные с изготовлением и сохранением животных и растительных продуктов, в такие отрасли промышленности, как мужские и дамские шляпы, конфекционное, переплетное и прочие профессии, на которые влияют погода, праздники и время года, или в производства, где большую роль играет вкус и мода.

Таким образом, оказывается, что современный капиталистический способ производства вызывает временную безработицу тремя путями: 1) постоянное увеличение числа сберегающих труд машин вытесняет известное число рабочих, делая их вполне или отчасти безработными, пока они не «приспособятся» к новым экономическим условиям; 2) неправильный учет и временное перепроизводство, к которым особенно склонны отрасли машинного производства с большим постоянным рынком, вызывают глубокие периодические кризисы, выбрасывая временно громадные армии квалифицированных и неквалифицированных рабочих; 3) условия машинного производства в главных отраслях промышленности концентрируют все бо́льшую часть рабочих в производствах, занятых изготовлением товаров, спрос на которые менее регулярен, и где поэтому колебание спроса на труд сильнее.

Большинство экономистов, все еще глубоко верующих в изумительный порядок и выгодность «игры экономических сил», считают, не обращая внимания на два последних соображения, что всякая безработица, не являющаяся результатом личных недостатков и неспособности, есть естественное и необходимое следствие процесса гармонизации, завершающего прогресс промышленности. Однако, есть основание думать, что в нормальном году в каждый данный момент гораздо большее число безработных обязаны безработицей временной промышленной депрессии в данной отрасли, чем колебаниям, вызванным органическими изменениями в органической структуре общества.

Роль и размеры безработицы, вызванной вначале промышленными кризисами, далеко недостаточно изучены. Следующие статистические данные [1]) изображают колебания за последние двадцать

[1]) Статистические таблицы. Cd. 2337 (1904).

ет: а) в основной массе квалифицированной промышленности,) в сравнительно непостоянной группе отраслей промышленности:

Год.	Процентное отношение во всех трэд-юнионах.	Проц. отн. в технич., судостроит. и механ. пром.
1884	7.15	10.8
1885	8.55	12.9
1886	9.55	13.5
1887	7.15	10.4
1888	4.15	6.0
1889	2.05	2.3
1890	2.10	2.2
1891	3.40	4.1
1892	6.20	7.7
1893	7.70	11.4
1894	7.70	11.2
1895	6.05	8.2
1896	3.50	4.2
1897	3.65	4.8
1898	3.15	4.0
1899	2.40	2.4
1900	2.85	2.6
1901	3.80	3.8
1902	4.60	5.5
1903	5.30	6.6

Если вспомнить, что эти цифры относятся только к хорошо организованным трэд-юнионам, которые обычно объединяют лучших и наиболее квалифицированных рабочих различных отраслей промышленности, которых труднее, чем других, выбросить на улицу в «черный день», что в эти данные не включены строительное дело и сезонная работа, и что женский труд, как известно, более непостоянный, чем мужской, вообще неизвестен, — то окажется, что эти данные неправильно рисуют отношение безработных ко всей совокупности рабочего класса в различные периоды. «Отчет о главных и второстепенных отраслях текстильной промышленности» снимает с нормальной заработной платы 10% на безработицу, хотя 1885 г., к которому относятся эти цифры, считается «очень типичным для нормального года».

Но вредное влияние нерегулярности занятий на заработную плату, производительность труда и положение рабочего класса совершенно неверно выражено в цифрах, показывающих среднее число безработных за большой период времени. Во-первых, в этих цифрах не принят во внимание «неполный рабочий день», практикуемый иногда целыми месяцами для огромных масс рабочих. Во-вторых, измеряя бедствия безработицы, мы должны больше считаться с ее максимумом, чем со средним уровнем. Если человек остается целый месяц без пищи, то никакие цифры, доказывающие, что в среднем он имел, что есть и пить, не выразят нам той опасности, которой он подвергается. Если мы видим раз в каждое десятилетие, что около 10% квалифицированных рабочих и гораздо больший процент неквалифицированных целые месяцы остаются без работы, то эти цифры измеряют степень заболевания общества безработицей, кото-

рая ни в коем случае не компенсируется достаточным или избыточным количеством работы в периоды лучшего состояния промышленности.

§ 7. Наше обследование определившихся тенденций машинного производства приводит к заключению, что в отношении двух главных элементов спроса на труд — число рабочих и регулярность занятий — при современных условиях машины не способствует, в общем, большему постоянству спроса на труд. Они стремятся концентрировать все большую часть рабочей силы в трех направлениях:

1) В направлении изобретения, сооружения и сохранения машин в машиностроительной промышленности; здесь труд вытесняется постоянно машиной и передвигается в производство машин, отделенных большей цепью звеньев от машины, занятой непосредственно производством предметов потребления. Такого рода труд должен находиться во все уменьшающемся отношении к данному количеству потребления. Ничто, кроме громадного роста потребления или появления новых видов потребления, не может сохранить на прежнем уровне или увеличить спрос на труд в машиностроительной промышленности.

2) В направлении специализации распределения, утончения техники распределения. Увеличение числа оптовых торговцев, посредников, различных торговцев, которые, несмотря на действие сил, централизующих торговлю, за последние сорок лет стали такой характерной чертой английской промышленности, является естественным результатом машинного производства, освобождающего от «созидательных» процессов все большее количество труда.

3) В направлении созидания новых форм богатства, которые бывают или a) совсем нематериального характера, а именно, интеллектуальные, художественные и прочие личные услуги; b) отчасти нематериальные, например, предметы искусства или мастерства, ценность которых заключается, главным образом, в воплощении индивидуального вкуса и самопроизвольного вдохновения, или c) предметов слишком сложных или не имеющих достаточного спроса, чтобы производиться машинами. Свободные профессии, искусства, наука, литература и труд, занятый в производстве предметов роскоши, дают все большее количество занятий, хотя, как известно, предложение труда настолько превышает спрос во всех этих профессиях, что хронически имеется значительный процент безработных.

Итак, пока общество растет численно, пока индивидуумы стремятся полнее удовлетворять свои текущие потребности, пока продолжают появляться новые потребности, повышая и усложняя нормы потребления, нет оснований делать вывод, что машинное производство вызывает абсолютное уменьшение спроса на труд, хотя оно и стремится уменьшить количество работы в обрабатывающей промышленности. Но есть серьезное основание думать, что машинное производство имеет тедненцию делать работу более непостоянной, более временной и более изменчивой в смысле рыночной стоимости.

ГЛАВА XIII.

МАШИННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И КАЧЕСТВО ТРУДА.

§ 1. При изучении влияния машин на качество труда, т.-е. на залификацию, длительность, интенсивность, сознательность, мы олжны ответить раньше всего на два вопроса: в каких отношениях ашина превосходит труд человека? В каких отраслях труда маина вытесняет человека? Так как все трудовые процессы в промыленности состоят в передвижении маетрии, то проимущество маины должно заключаться в производстве и размещении движущей илы. Считают, что общие выгоды машинного производства сводятся двум условиям[1]: 1) к большему количеству движущей силы, корую оно сообщает промышленности; 2) большая точность в регурном применении этой силы а) во времени — точное повторение дних и тех же актов через правильные промежутки, или большая авномерность в смысле непрерывности, b) в пространстве — точое повторение одного и того же движения в данном месте[2]). Из этих зух преимуществ вытекают все выгоды машинного производства смысле экономии рабочего времени, утилизации бросовых матеиалов, способности концентрировать энергию, тонкости манипуяций. Отсюда следует, что повсюду, где производительность труда ависит, главным образом, от размеров превращения мускульной илы в движущую энергию, или от точности регулирования мускульой силы, машина стремится вытеснить труд человека. Поэтому,

---

[1]) Ср. выше, глава III, § 2.

[2]) Карл Маркс группирует главные выгоды машинного производства в двух убриках: — 1) машина превосходит человека, работающего при помощи инструента: «машина, являющаяся исходным пунктом промышленной революции, аменяет рабочего, работающего при помощи одного инструмента, механизмом, перирующим при помощи целого ряда таких инструментов, и приводимым движение единой движущей силой, какую бы форму она ни принимала».) Машина превосходит силу человека: «увеличение размеров машины и числа инструментов требует более массивного механизма для приведения ее в двиение; а этот механизм требует, чтобы преодолеть ее инерцию, более мощного вигателя, чем человек» (Capital, том II, стр. 370, 371).

если этот вытесненный труд найдет себе другое занятие, он перейдет в область труда, где машина не имеет этих преимуществ над трудом человека, т.-е. в такую область, где в меньшей степени необходима сила мускульного напряжения или регулярность движений. С первого взгляда может показаться, что отсюда вытекает, будто каждое вытеснение труда машиной вызовет повышение качества труда, т.-е. увеличит процент труда, занятого в процессах, которые меньше напрягают мускулы и не так монотонны. В основных чертах в этом состоит тот вывод, к которому склоняется профессор Маршал [1]).

Что касается каждой отдельной отрасли промышленности, то мы видели, что введение машин вызывает абсолютное сокращение занятий, если только эта отрасль не расширится, благодаря падению цен, вследствие сокращения издержек производства. Нельзя считать само собою разумеющимся, что труд, вытесненный введением автоматической фальцовки в печатном деле, найдет себе применение в менее автоматической работе, связанной с тем же печатным делом. Он может уйти от монотонных процессов печатания к менее монотонным процессам изготовления каких-нибудь новых предметов роскоши, спрос на которые недостаточно велик и регулярен, чтобы оплатить введение экономящих труд машин. Но если даже весь вытесненный труд, или значительная часть его, занят в процессах, менее автоматичных и менее связанных с работою мускулов, ибо они еще не подпали под власть машины, то отсюда еще не следует, что здесь имеется налицо уменьшение общего количества израсходованной физической энергии или общей «монотонности» труда.

Непосредственным результатом применения большего процента рабочей силы к менее «мускулярным» и менее «автоматичным» видам работы является тенденция к большему разделению труда и большей специализации в этих профессиях. Экономические выгоды большей специализации могут быть достигнуты только путем увеличения автоматичности процесса. Таким образом, шаблонный и автоматический характер работы, создающий монотонность процессов, в которых машины вытесняют рабочих, сообщится теперь и более квалифицированному труду, а этот, в свою очередь, будет становиться все более доступным новым вторжениям машин.

Поскольку число производственных процессов, подпавших под власть машины, непрерывно растет, мы не имеем, повидимому, оснований полагать, что каждое вытеснение труда машиной увеличивает процент рабочей силы, занятой в более легких и интересных отраслях немеханизированного труда.

§ 2. Также не доказано, что рост машинного производства уменьшает общую сумму физического напряжения рабочих, хотя он значительно сокращает продукцию чисто мускульной энергии. Что касается рабочих, которые от обычного ручного труда переходят к управлению машинами, то есть много данных, заставляющих думать, что в типичных отраслях машинного производства новая работа требует

---

[1]) «Principles of Economics», 2 изд., стр. 314, 322.

от рабочих такого же физического напряжения, как и прежняя. Профессор Шильд Никольсон цитирует из «Cotton Factory Times» следующее поразительное утверждение: «Каждый день приходится слышать от молодых людей, едва достигших тридцатилетнего возраста, что они так устают от работы на длинных прядильных машинах, от плохого инструктирования, от постоянной спешки и недоброкачественности материала, что они вечером уже никуда не годятся и могут только лечь спать и отдыхать столько времени, сколько позволяют обстоятельства. Мало кто верит таким рассказам. И все-таки они правдивы, и их можно в любой момент проверить на громадном большинстве прядильных фабрик.

Шульце-Геверниц доказывает, что в современном бумагопрядильном и ткацком производстве, особенно в Англии, наблюдалась одновременно тенденция и к росту числа веретен и станков, которыми управляет рабочий, и к увеличению быстроты процесса прядения. «Рабочий управляет теперь больше, чем в два раза, почти в три раза большим числом машин, чем его отец. Число работающих машин увеличилось за это время больше, чем в пять раз; число же рабочих не увеличилось и вдвое» [1]). Что же касается до быстроты, то «с начала 70-х годов быстрота одних только прядильных машин увеличилась почти на 15% [2]).

Однако, мы не можем сделать из положения Шульце-Геверница относительно увеличения числа веретен и станков, которыми управляет рабочий, вывода, что происходит интенсификация труда, соответствующая увеличению числа машин. Мы не можем также приписать увеличение продукции каждого рабочего его бо́льшему умению или энергии. Многие недавние усовершенствования, экономящие труд, в особенности в области кардования, прядения и баккаброшей, сделали автоматичной ту работу, которая прежде требовала большой энергии со стороны рабочего. Поэтому он оказался в состоянии управлять большим числом машин и ускорять темп, не увеличивая затраты энергии.

В чесальных, тростильных и прядильных машинах, и баккаброшах, — повсюду рабочий может управлять бо́льшим количеством машин. Но в чесальных машинах за последние несколько лет произошла целая революция; волочильня устроена так, что автоматически останавливается при ошибке, давая, таким образом, рабочему возможность наблюдать за ней, в тростильных, сучильных машинах и баккаброшах сделаны усовершенствования некоторых деталей. То же произошло в тонкопрядильных и проклеивающих машинах.

Можно до известной степени считать, что бо́льшее количество веретен и проч. и большая скорость работы вызваны облегчением труда, вследствие этих усовершенствований. Кроме того, вряд ли возможно точно измерить общее ускорение темпа производства, хотя оно, несомненно, существует. Это невозможно потому, что очень

[1]) «Der Grossbetrieb», стр. 120.
[2]) Ibid. стр. 117.

часто скорость машины регулируется суммой работы, предназначенной для каждого процесса. Если тростильная машина вырабатывает грубую пряжу, то скорость веретен не должна быть больше, чем при выработке тонкой пряжи. Тогда тонкопрядильная машина вытягивает нити большей длины, чем при более тонком сучении, или, другими словами, прядильная машина до некоторой степени выполняет работу тростильной.

Все, очевидно, согласны, что 75% увеличения продукции прядильных фабрик на каждого рабочего следует приписать усовершенствованию машин, а 25% большей интенсивности труда, в смысле количества веретен или «ускорения» работы.

Процессы тканья допускают более точные измерения, хотя и здесь многое зависит от качества пряжи. Здесь сокращение рабочего дня сопровождалось увеличением скорости без сберегающих труд усовершенствований. До фабричного законодательства 1878 г. скорость действия ткацкого станка равнялась, в общем, от 170 до 190 полетов челнока в минуту при 10-часовом рабочем дне. В течение почти двух лет после сокращения рабочего дня (на 6%) его общая скорость поднялась до 190—200 полетов при тех же машинах и сырье. Это ускорение соответственно увеличивало интенсивность труда рабочего. Понижение качества сырья для производства хлопчатобумажных тканей также считается обстоятельством, требующим от рабочего бóльшего внимания и увеличивающим опасность и неприятность труда из-за трудностей проклейки и связанных с этим испарений. Не так просто делать из факта увеличения среднего количества станков на рабочего вывод относительно роста интенсивности труда, ибо, как недавно высказывалось перед комиссией труда, все зависит от сорта станков и вырабатываемых товаров. «Работать на пяти станках одного сорта так же легко, как на двух станках другого» [1]). Но господство системы премий, при которой рабочие получают премию с продукции их станков, вызвало, вероятно, как это и предполагалось, бóльшую интенсивность труда.

Суммируя все данные, мы можем сделать вывод, что сокращение рабочего дня и усовершенствование машин вызвало увеличение интенсивности труда на единицу рабочего времени. Один эксперт говорит: «Перемена в положении лиц, фактически занятых практической работой, состоит в сокращении тяжелой физической работы и в увеличении их ответственности, в связи с управлением бóльшим числом более дорогих машин; между тем, работа менее квалифицированных рабочих интенсифицируется, благодаря увеличению продукции и ухудшению сырого материала. Я думаю, что для рабочих усовершенствование машин нейтрализовалось худшим качеством сырья, и я полагаю правильным считать, что их работа стала интенсивнее, хотя бы пропорционально росту числа веретен и т. д.».

Непосредственные данные относительно этой наиболее высоко развитой отрасли машинного производства подтверждают общее

[1]) Показание Т. Бертуистля.

мнение, выраженное профессором Никольсоном: «Совершенно ясно, что введение машин, даже сберегающих внешне труд, часто вызывает увеличение количества труда — отрицательным путем, не развивая их интеллекта и положительно причиняя вред их организму» [1]).

§ 3. Когда требуется какое-нибудь мускульное или, вообще, физическое напряжение, то очевидно, что бо́льшая продолжительность или бо́льшая непрерывность самого легкого усилия может так же тяжело отражаться на организме, как менее постоянное напряжение гораздо большей физической силы. Нет никакого сомнения, что в хозяйственном строе, основанном на конкуренции, имеется тенденция компенсировать каждое сбережение сильного напряжения мускулов и всякого физического труда, вызванное введением машин, двумя путями: во-первых, форсируя темп, т.-е. заставляя рабочего управлять большим количством машин или работать быстрее, что увеличивает напряжение, если не мускулов, то нервов; во-вторых, увеличивая рабочий день. Более легкая работа, растянутая на бо́льшее время или бо́льшее количество меньших мускульных усилий, вместо меньшего количества больших усилий за тот же период времени, может, несомненно, потребовать большей затраты жизненной энергии. Несомненно, что общим результатом фабричной системы явилось увеличение среднего рабочего дня, если принимать во внимание все машинное производство современных промышленных стран. Этот факт только отчасти объясняется тем, что рабочий вынужден продавать в день то же самое количество физической энергии, что и прежде, но часто для израсходования этой энергии требуется большее число часов. Кроме того, равное влияние оказывает и тот факт, что машинное производство приносит максимальные выгоды при продолжительном рабочем дне. Совместное действие этих двух сил и увеличило средний рабочий день. Но следует упомянуть еще о некоторых второстепенных влияниях, особенно о введении дешевого освещения. До удешевления газа рабочий день обычно ограничивался дневным светом. Только в первом десятилетии нашего века газ был введен на бумагопрядильных фабриках, и прошло еще целое поколение, пока он получил повсеместное распространение на фабриках и в магазинах [2]).

Теперь часы, созданные природой для отдыха, были присоединены к рабочему дню. Несомненно, существуют мощные социальные силы, работающие в пользу сокращения рабочего дня, и во многих отраслях промышленности этим силам, хотя и косвенно, но сильно помогают машины. Быть может, было бы правильным сказать, что

---

[1]) Op. cit; стр. 82. Баббедж, подчеркивая «преимущество» машинного производства, делает остроумное замечание относительно «принудительной» силы машин: «Одним из наиболее оригинальных преимуществ машинного производства является гарантия, которую оно дает против невнимательного отношения, лени, плутовства человека» («Economy of Machinery», стр. 39. Ср. также Ure «Philosophy of Manufacture», стр. 3)).

[2]) Porter, «Progress of the Nation», стр. 590.

машинное производство в вопросе о продолжительности рабочего дня развивает две противоречащие друг другу тенденции. Его непосредственное влияние на экономику требует увеличения рабочего дня, ибо машина не утомляется, ее бездействие вызывает непроизводительные расходы, и она требует непрерывности работы. Но если ускоряющийся темп и большая сложность высоко развитого машинного производства все больше перенапрягают силы человека и интенсифицируют человеческие усилия в пределах данного времени, то начинают сказываться и некоторые выгоды сокращенного рабочего дня; становится все выгоднее работать на машинах меньшее количество часов или, если возможно, устанавливать «смены» рабочих [1]).

Но в современной стадии развития машины система короткого рабочего дня проводилась лишь в немногих производствах и немногих странах; общая тенденция все-таки идет в направлении увеличения рабочего дня [2]). Значение этого обстоятельства не ограничивается тем фактом, что теперь большую часть времени рабочий проводит над более монотонной работой. Сокращение остающегося для потребления времени и связанное с этим понижение субъективной ценности потребляемых благ должно быть противопоставлено росту реальной заработной платы и покупательной силы, которые рабочий может получить в результате роста производительных сил машины. Ценность короткого рабочего дня заключается не только в облегчении трудового бремени, а также и в том, что увеличение остающегося для потребления времени дает рабочему возможность лучше использовать купленные им предметы потребления и наслаждаться различными видами «свободного богатства», которые были недоступны для него при более продолжительном рабочем дне [3]). Хотя машина превратила ремесленника в рабочего, управляющего машиной, очень сомнительно, уменьшилась ли затрата его энергии. Но мы усомнились бы в возможности целиком поручиться за несколько риторический приговор Милля: «еще неизвестно, облегчили ли все сделанные доныне технические изобретения повседневный труд какого-либо человека. Но если тяжелый, неквалифицированный или мало квалифицированный мускульный труд возложен на машину, то польза этого для рабочего — бесспорна. Паровые экскаваторы, забойные машины, хлебные и угольные элеваторы и большинство сельскохозяйственных машин безусловно облегчают повседневный труд». «Что касается влияния машин на земледельческий труд, — пишет один американский специалист, — то всякий опытный человек, сознательно относящийся к вопросу, считает его благотворным. Оно освободило рабочего от массы черной работы; оно сделало его труд более легким и рабочий день более коротким; оно повысило его

---

[1]) Ср. Schultze-Gaevernitz, стр. 115.

[2]) Более детальную трактовку этого вопроса см. в след. главе.

[3]) См. Patten, «The Theory of Dynamic Economics», гл. XI.

сознательность; оно сделало рабочего лучшим работником, человеком с более широкими горизонтами и лучшим гражданином» [1]).

Но хотя это справедливо в тех областях, где машина сделалась слугой труда, это положение еще не применимо к большинству фабричных производств. Во всяком случае, мы не гарантированы, что машина, принадлежащая лицу, которое не управляет ею само, не будет использована таким образом, что увеличит затраты физической энергии тех, кто на ней работает. Кеннингем говорит: «Существует соблазн смотреть на машину, как на главный элемент производства, и делать ее мерилом работы человека, вместо того, чтобы прежде всего считаться с человеком, а машину рассматривать, как вспомогательный инструмент. Можно прежде всего считаться с машиной, а человека считать простым рабом, который прислуживает ей» [2]).

§ 4. Здесь мы подходим к вопросу о «монотонности» труда. Имеет ли машинное производство тенденцию делать труд более монотонным или менее однообразным, возвышать рабочего умственно или принижать его? Становится ли труд при машине более сознательным? Профессор Маршал, который тщательно исследовал этот вопрос, склоняется в пользу машинного производства. Оно исключает искусство рук, но оно заменяет его высшими, более интеллектуальными формами квалифицированности [3]). «Чем сложнее работа машины, тем большей сознательности и тем большего внимания требует она от тех, кто за ней ухаживает» [4]). Поскольку машины становятся с каждым днем все сложнее, отсюда следовало бы, что управление ими должно стать все более и более осмысленным. То же думает и Кук Тэйлор в заключительной главе своего замечательного произведения «Современная фабричная система». «Если бы человек был только разумным животным, даже только разумным и моральным, по нашему мнению, вряд ли можно было бы отрицать, что фабричная система дала громадные воспитательные результаты» [5]). Правда, Тэйлор допускает, что рабочее население «потеряло в художественном отношении, но искусство является скорее результатом способностей, восприятия, природных данных, а не интеллекта». Это странное отделение искусства от интеллекта и морали, особенно, если помнить, что сама жизнь является самым тонким и ценным искусством, вряд ли будет сочувственно встречено более глубокими исследователями экономического развития. Все значение этого мнения станет нам ясным, когда мы рассмотрим в заключительной главе этот вопрос во всей его широте.

Вопрос о действительном интеллектуальном воздействии машинного производства не допускает положительного ответа. Можно

[1]) J. R. Dodge «American Farm Labour», in Rept .of Ind. Com. (1901), том X, стр. 111 (цит. Quintance, стр. 74).

[2]) «Use and Abuse of Money», стр. 111.

[3]) Principles, стр. 315.

[4]) Ibid., стр. 316.

[5]) Стр. 435.

согласиться с Тэйлором, что рабочие становятся более сознательными, и что соприкосновение с машинами оказывает некоторое воспитательное влияние, и в то же время отрицать, что непосредственное влияние машины на рабочего благоприятно для широкого развития его интеллекта, сравнительно с различными видами более свободного и менее специализированного ручного труда. «Интеллектуализацию» городских рабочих (допуская, что этот процесс происходит) можно приписать скорее тысяче и одному влиянию городской жизни, чем машине, за исключением ее косвенного влияния, поскольку сами современные промышленные центры являются созданием машинного производства [1]). Я думаю, что в наше время нельзя составить себе ясное и окончательное суждение по этому вопросу. Но при формировании нашего мнения должны иметь некоторый вес следующие соображения.

Развитие машинного производства дало колоссальный стимул к изучению законов природы. Все большая доля человеческого труда поглощалась процессом изобретения, коммерческими операциями бóльшего размаха и бóльшей сложности и управлением людьми и машинами, требующим и воспитывающим громадные умственные способности, наблюдательность, уменье мыслить и воображение. Те рабочие, о которых можно до известной степени сказать, что они управляют машинами, несомненно, в результате машинного производства, получили высокое развитие.

Несомненно, увеличение размеров, силы, скорости и сложности машин делает труд этого класса рабочих «более сознательным». Это воспитательное влияние сказывается до некоторой степени и на «руках», работающих при какой-либо мельчайшей части машины: точное выполнение их операций требует понимания и других процессов, кроме тех, к которым их труд непосредственно прилагается.

Такого рода соображения относятся и к квалифицированному труду по производству и ремонту машин. Механические мастерские с каждым годом становятся все более важным фактором заводского и фабричного оборудования. Но хотя поломки бывают обычно случайными и требуют всегда известной изобретательности при ремонте, в механических мастерских тоже существует та же тенденция передавать машине весь ремонт, который поддается шаблонизированию. Таким образом, в производстве и ремонте машин квалифицированный труд постоянно сводится к минимуму, и его нельзя рассматривать, как этого хочет профессор Никольсон, как фактор возрастающей важности, связанный с машинным производством. Может показаться, что чем больше машин находится в действии, тем более ква-

[1]) Д-р Эрлидж в своем исследовании о профессиональных заболеваниях встретился с той же трудностью отличить городские влияния от специфических влияний промышленности. «Труднее всего, особенно когда дело касается городского промышленного населения, разрешить проблему, в какой степени встречающиеся болезни являются результатом городской жизни и в какой — промышленной деятельности. Первые почти всегда преобладают» («Diseases of Occupation», стр. 33).

лифицированный труд требуется для их изготовления и ремонта. Но быстрота, с которой машины захватывают эти функции, перетягивают другую чашку весов, во всяком случае в производстве машин. Статистика количества рабочих, занятых в производстве машин и инструментов, показывает, что их процентное отношение ко всему рабочему населению растет, но степень этого роста отнюдь не пропорциональна степени роста потребления машин. Кроме того, все большая доля машин производится для экспорта, так что значительное количество рабочей силы, занятое в этой отрасли, не идет на изготовление и ремонт машин, применяемых в английском производстве. В машинном ремонте все большее развитие получает система замены частей; она также стремится свести к минимуму квалифицированный труд при ремонте [1]).

Наконец, не следует забывать, что в отдельных крупных отраслях промышленности, в которых машина играет видную роль, основная масса труда не связана непосредственно с машиной. На этот факт уже обратили внимание в отношении железнодорожных рабочих. Несомненно, свойства машины отражаются в различной степени и на них, но в большинстве случаев здесь остается большая свобода действий и простор для личного искусства и активности.

Хотя качество умственной энергии и таланта в деле изобретения и применения машин и управления ими непрерывно улучшается, все практические авторитеты утверждают почти единогласно, что процентное отношение квалифицированного труда к общей массе рабочей силы непрерывно уменьшается. Что же сказать, принимая во внимание незначительное число квалифицированных рабочих, об остальных рабочих, которые вынуждены при детальнейшем разделении труда, вызванном машинами, проводить свою трудовую жизнь в управлении какой-нибудь мельчайшей частью одной единственной машины? Вся его работа состоит в беспрерывном продвижении какого-нибудь одного предмета на один шаг по пути от сырого материала до готовых изделий.

Фабрика организована с военной точностью, работа отдельного лица установлена раз навсегда. Его никто не спрашивает ни о плане его работы, ни о ее завершении, ни о ее конечном назначении. «Постоянная работа над одной шестьдесят четвертой частью ботинка не только не способствует умственной деятельности, но до такой степени притупляет своей монотонностью мозги рабочего, что он почти теряет способность думать и рассуждать» [2]).

Утверждают, что работа при машине требует «сознательности и внимания». Их действительно требовал ручной труд домашинного производства. «Сознательность и внимание» рабочего при машине ограничены теперь сильнее, чем прежде. Ответственность рабочего больше именно потому, что его функции так сузились, что зависят от ряда других рабочих при других частях той же самой машины,

---

[1]) Marshall, «Principles of Economics», том I, стр. 315.
[2]) D. A. Wells, «Contemporary Review», 889, стр. 392.

с которыми он лично не связан. Такая ответственность носит в себе элемент воспитания, морального и интеллектуального. Но этот плюс является прямым результатом детального разделения труда. Поэтому приходится считать, что он куплен за счет ограниченности интересов и растущей монотонности труда. Является вопрос, оказывает ли факт, что машина, при которой они работают, представляет собой гигантское воплощение тончайшего искусства и изобретательности многих тысяч умов, воспитательное влияние на громадное большинство рабочих. Но можно до некоторой степени согласиться с утверждением, что «уже одно зрелище искусства машины и грандиозности операций, выполняемых на фабриках, не может не оказать известного воспитательного влияния» [1]. Отсутствие на современных фабриках настоящего ученичества не дает возможности рабочему, занятому при одной детали процесса, понимать приемы и истинное значение даже тесно связанных с его работой процессов. Средний рабочий при машине, за исключением немногих областей, как, например, производство часов, не имеет общего представления о работе всей мастерской. Современные условия работы не дают возможности рабочему использовать воспитательное влияние машинного производства. Профессор Никольсон сомневается в воспитательном значении машины. «Машина не имеет сама по себе тенденции развивать человека, как море и горы, но в то же время она не понижает непременно его умственных способностей» [2]. Д-р Эрлидж высказывается более решительно: «Вообще говоря, можно утверждать, что машина требует очень мало мозговой работы или даже совсем ее не требует со стороны работающих при ней лиц. Она не вызывает никакого интереса, и в ней нет ничего, что могло бы оживить и прояснить мышление, хотя она и может обострить зрение и стимулировать мускульную деятельность в одном узком направлении» [3].

Разумеется, работа при машине никогда не может быть абсолютно автоматичной, не требующей никакой ловкости и уменья. До известной степени рабочий, «наблюдающий» за машиной, столько же управляет ею, сколько и служит ей. Наблюдение за тем, чтобы его часть машины работала вполне согласованно с остальными, требует внимания, сознательности и чувства ответственности. Обычная ловкость рук и точность глаза, быстро превращающаяся в инстинкт, заменяются часто рядом технических приспособлений, требующих точного количественного измерения и сознательного отношения к точным нормам. В отраслях промышленности, вроде производства часов, фабричный рабочий имеет больше возможности упражнять во время работы свой ум, хотя в общем его работа требует меньшей ловкости рук, чем встречалось у прежних ремеслен-

[1]) Taylor, «Modern Factory System», стр. 435.

[2]) Ср. сравнение условий труда в городе и деревне у Ад. Смита в его «Wealth of Nations», книга I, глава X, часть 2.

[3]) «Diseases of Occupations», стр. 25—26.

ников. Но хотя экономисты уделяли много внимания этому производству в смысле работы при машине, оно не является типичным примером для сравнения машинного труда с ручным: чрезвычайная тонкость многих, даже машинных операций, ответственность, связанная с высокой ценностью материала, точность в прилаживании бесчисленных мелких частей делают работу на часовой фабрике более интересной и больше способствуют воспитанию ума, чем работа среднего рабочего на текстильной фабрике или на металлообрабатывающем заводе. Всюду, где материал очень тонок и процессы требуют детального изучения индивидуальных свойств каждого куска материала, как этого требуют драгоценные металлы, некоторые виды фарфора, шелк и кружева, — всюду элемент искусства и мысли сохраняется и при машинном производстве и может даже усиливаться. Но значительная часть мысли современных изобретателей занята изобретением автоматических тормозов и регуляторов для того, чтобы обходиться без высоко квалифицированного труда, и свести к минимуму элементы воли и мысли в управлении машиной. Когда этот минимум достигнут, высоко оплачиваемый квалифицированный рабочий уступает место необученным женщинам и детям, и возможно, что такой процесс перейдет целиком к машине. Но пока человеческий труд сотрудничает с машиной, он сохраняет некоторые элементы мысли и воли. Это приходится принимать в соображение при оценке воспитательного влияния машин. Но хотя нельзя пройти мимо этих элементов сознательности, значения их не следует преувеличивать. Профаны часто бывают склонны преувеличивать значение квалифицированного труда специалистов. Недавно одного инспектора службы тяги спросили об управлении локомотивом. После двадцатилетней практики он заявил определенно, что лучшие машинисты те, которые делают свою работу совершенно механически и бессознательно, которые меньше всего интересуются внутренним механизмом машины[1]). А управление паровозом гораздо менее механично и монотонно, чем обычная машинная работа.

Поскольку человек следует за машиной, и его работа определяется технической необходимостью, воспитательное влияние последнего фактора должно преобладать. Машина, как и все остальное, может учить только тому, что она делает сама. Порядок, точность, подчинение непреложному закону — таковы уроки машины. Они играют важную роль, как элемент формирования моральных и интеллектуальных свойств человека, но сами по себе они воспитывают лишь очень односторонне и неполно. Машина может точно воспроизводить. Поэтому она может учить точному воспроизведению, воспитывать умение соизмерять количественно[2]). Дефектом машины, с точки зрения воспитания рабочего, является ее абсолютный консерватизм. Закон действия машины есть

[1]) «The Social Horizon», стр. 22.

[2]) Ср. Veblen, «The Theory of Business Enterprise», стр. 308—309.

закон статического порядка; он гласит, что все должно согласоваться с образцом, что настоящее действие должно в точности походить на прошлое и будущее. Но закон человеческой жизни — закон динамический. Для него порядок не самоцель, а условие прогресса. Закон человеческой жизни гласит, что никакой опыт, никакие мысли или чувства не бывают точным повторением предыдущих. Поэтому, ограничивая трату человеческой энергии стремлением точно приспособиться к движениям машины, вы учите его отрицанию истинного принципа жизни. Сущность жизни в разнообразии, а машина — враг разнообразия. Мы приводим этот аргумент не против воспитательного влияния машин, а только против преувеличения этого влияния. Если рабочий тратит разумную долю энергии, наблюдая за движениями машины, он может извлечь большую пользу в смысле своего воспитания, но он должен также иметь достаточно времени и сил, чтобы культивировать волевые проявления и художественные элементы жизни.

§ 5. Часто утверждают, что машинное производство создает не только монотонность функций отдельного рабочего, но и сглаживает индивидуальные отличительные черты рабочего. Эта теория выражается словами: «пред машиной все люди равны». Поскольку машина фактически передает силам природы ту работу, которую иначе пришлось бы выполнять мускульной энергии, она, несомненно, стремится уравнять рабочих различной мускульной силы. Кроме того, беря на себя работу, требующую большой точности движений, она, в известном смысле, действительно стремится уравнять всех рабочих на одном уровне квалификации, или даже отсутствия квалификации.

«Повсюду, где процесс требует особой ловкости и устойчивости рук, он возможно скорей отнимается у искусного рабочего, способного прибегать к разного рода уловкам, и передается специальному механизму с таким автоматическим регулированием, что за ним может наблюдать ребенок» [1]).

Надо признать, что по отношению к большей части высококвалифицированного труда — это неверно, но это сказывается весьма сильно в среде неквалифицированных рабочих. При помощи машины, т.-е. сконцентрированного воплощения квалифицированности изобретателя, неловкий и слабый рабочий получил возможность наблюдать за самыми сложными движениями машины нисколько не хуже более квалифицированного. Поштучная работа, принятая в текстильной и скобяной промышленности, доказывает, разумеется, что самые совершенные машины отнюдь не сумели стереть индивидуальных различий между рабочими. Предположим, что разница в поштучной заработной плате точно выражает разницу в уменьи и способностях рабочих, что фактически не совсем так. Тогда, очевидно, что между рабочими при машинах будет меньше разнообразия в способностях, чем между рабочими профессий, где работа более

[1]) Ure, «Philosophy of Manufactures», глава I, стр. 19.

зависит от силы мускулов или производится человеком при помощи более простых инструментов. Разница между трудоспособностью английского землекопа и индусского значительно больше, чем между фабричным рабочим Ланкашира и рабочим одинаково оборудованной и организованной фабрики в Бомбее.

Но это отнюдь не все содержание выражения «равенство рабочих перед машиной». Главным фактором является, быть может, приспособляемость машины к более слабым мускульным и умственным силам женщин и детей. Тенденции развития машины заключаются в том, что она оставляет все меньшее место мускульной силе и высокой квалификации, и все больше и больше уделяет места некоторым телесным и духовным качествам, гораздо менее различным не только у отдельных мужчин, но в отношении которых и женщины и дети более равны с мужчинами. Конечно, верно, что значительные различия в степени квалификации и силы отдельных рабочих сохраняются и в типичных отраслях машинного производства. «Например, машинное тканье, как оно ни просто, разделяется на более высокие и более низкие сорта, и большинство из тех, которые работают на низших сортах, не годятся для работы в несколько цветов» [1]. Но общим результатом машинного производства является скорее уменьшение различий индивидуальной производительности, чем их увеличение. Тенденция машинного производства заменять мужской труд женским бесспорно доказана статистикой занятий в Англии. Оказывается, что с 1861 г. происходит постоянное значительное увеличение процентного отношения женщин к мужчинам среди рабочих большинства отраслей промышленности, полностью перешедших к машинному производству [2]. Законодательные ограничения, а в большинстве цивилизованных стран и рост здорового общественного мнения не дает возможности экономическим силам развиться до такой же степени в отношении детей.

Эти качества сосредоточенного на чрезвычайно узкой области внимания и мысли, мелочной заботливости, аккуратности и терпения, характеризующие машинную работу, являются общими качествами человека в том смысле, что они доступны всем, и что даже при наивысшем теоретическом и практическом развитии их высококвалифицированный взрослый механик меньше отличается от невежественного «полурабочего» (half-timer), чем это было при соответствующем теоретическом и практическом развитии факторов домашинного производства. Надо признать, что машина оказывает известное нивеллирующее действие, подчеркивая все сильнее видовые свойства по сравнению с индивидуальными [3]. Общие способности начинают играть в промышленности более важную роль, чем специальные [4]. И хотя существует значительная разница между

[1] Marshall, «Principles of Economics», стр. 265.
[2] Ср. Общий отчет о переписи 1901 г., стр. 86.
[3] Marchall, «Principles of Economics». глава X.
[4] Ср. Marshall, стр. 265.

«общими способностями» различных индивидуумов, эта разница будет меньше, чем в индивидуальных способностях [1]).

Итак, влияние машин на качество труда бывает весьма различно, в зависимости от данных отношений между рабочими и машиной. Их воспитательное влияние на интеллект и нравственность тех, кто работает в машинной промышленности над изобретениями, управлением и руководством, и на всех тех, кто работает при машинах, не являясь рабочим при мелкой части машины, определенно возвышает человека. Но их влияние на рабочих там, где, благодаря продолжительности рабочего дня, интенсивности физического напряжения, они истощают силы рабочего, они подавляют жизненные силы человека и принижают его, как личность, в результате постоянной привычки приспособляться к автоматическим движениям механического двигателя. Этот вред, причиненный человеческой личности, не компенсируется воспитанием в духе рутины и регулярности или поверхностным пониманием широких коллективных целей и методов машинного производства, которые она может здесь усвоить.

Ср. Marshall, «Principles of Economics», глава X.

ГЛАВА XIV.

ВЫГОДНОСТЬ ВЫСОКОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ.

1. Выгодность низкой заработной платы. § 2. Изменение прежней теории.— ,анные лорда Брассей относительно тяжелого физического труда. § 3. Заработ-ая плата, рабочий день и продукция в машинном производстве. § 4. Повсе-естное распространение системы высокой заработной платы и короткого рабо-его дня неосуществимо. § 5. Взаимная зависимость условий труда и производи-ельности. § 6. Сжимаемость труда и интенсификация напряжения. § 7. Потре-ление рабочего в зависимости от сбережения его энергии § 8. Развитие машины связи с уровнем благосостояния. § 9. Выгодность высокой заработной платы в зависимости от потребления.

§ 1. Теория «естественной» нормы заработной платы, опреде-яемой прожиточным минимумом, которая впервые была определе-енно формулирована в сочинениях Кэна и так называемой школы физиократов», почти не выходила за пределы грубого обобщения оложения труда во Франции. Но это положение, суммированное словах: «Он зарабатывает только на жизнь» (Il ne gagne que sa ie»), возведенное в закон природы, создавало общее убеждение, что олее высокая норма заработной платы не компенсировалась бы оответствующим увеличением продукции, что предпринимателю ыло бы невыгодно давать заработную плату выше точки, обеспечи-ающей только существование и продолжение рода рабочих. Эта огма о выгодности дешевого труда, которую в несколько смягчен-ой форме в первой половине девятнадцатого века проповедывали ногие виднейшие английские экономисты, определяла взгляды еловых людей и отчасти влияла на их практику. Правда, что Адам Смит в одном очень известном отрывке энергично защищал дру-ую точку зрения на связь между работой и заработной платой: Хорошее вознаграждение труда, поощряя размножение, поощряет промышленную деятельность простонародья. Оплата труда по-ощряет трудолюбие. которое, подобно всем человеческим свойствам, озрастает пропорционально вознаграждению» [1]). Но учение Рикардо его наиболее близких последователей в концепции народного озяйства энергично высказывалось за низкую заработную плату, ак здоровую основу прогресса промышленности.

---

[1]) «Wealth of Nations», т. I, стр. 86.

В Англии теория низкой заработной платы вряд ли нуждалась в формальной поддержке ученого экономиста. Она уже прочно внедрилась в мозги «деловых людей» XVIII столетия, которые морализировали по поводу излишеств, вызываемых высокой заработной платой, совсем в тоне деловых людей нашего времени. Следующий ход мыслей совершенно неподражаем: «В промышленных графствах бедняк никогда в общем не будет работать больше времени, чем необходимо на жизнь и на еженедельное пьянство. Мы можем в общем заверить, что сокращение заработной платы в шерстяной промышленности было бы благодеянием и выгодой для страны и не причинило бы никакого фактического вреда бедняку. Таким путем мы могли бы помочь нашей торговле, поднять ренту и в придачу перевоспитать народ» (А. Смит «Memoirs on Wool», т. II, стр. 308).

Сравните с этим частое утверждение Артура Юнга, что для пользы сельского хозяйства надо поднять ренту [1]). Так, д-р Юр через полвека, несмотря на то, что он стоит в основном за «систему высокой заработной платы», — как потому, что она улучшает качество труда, так и потому, что она удовлетворяет рабочего, — не мог избежать противоречия самому себе. Он говорит:

«Высокая заработная плата вместо того, чтобы вызывать благодарность и лучший образ мыслей, часто развивала гордость и давала денежные средства для поддержания непокорных настроений при стачках, без всякой причины разражавшихся то против одних заводчиков, то против других в различных районах Ланкашира, чтобы низвести их до положения рабства» (Philosophy of Manufacture», стр. 366). И далее (стр. 298): «Действительно, именно высокая заработная плата дала им возможность содержать платные комитеты и пресыщаться слишком обильной и возбуждающей при их сидячей профессии пищей, что доводило их до нервного расстройства».

Попытка Роберта Оуэна повысить заработную плату и сократить рабочий день на нью-лэнарских фабриках не убедила его товарищей-предпринимателей, что большее благосостояние рабочих вызвало бы соответствующее повышение производительности труда.

История начала фабричной системы, когда состояния быстро вырастали на почве непосильного труда детей и чернорабочих за плату, которая часто была ниже истинного «прожиточного минимума», дала промышленникам убедительный аргумент в пользу «дешевого труда» и заставила политическую экономию воевать в течение полувека с зарождавшимися принципами гуманности [2]).

---

[1]) Ср. «Northern Tour», т. II, стр. 86.

[2]) Правда, что крайние защитники интересов фабрики против раннего законодательства осмеливались иногда защищать «экономию высокой заработной платы» и утверждать, что первые фабриканты руководствовались ею. Так, Юр пишет: «Главной причиной ее (т.-е. заработной платы) высокого уровня является то обстоятельство, что она составляет незначительную часть ценности готового предмета. Поэтому, если скупой хозяин доведет ее до слишком низкого уровня, то его рабочие станут менее старательны, что вреднее отразится на качестве труда, чем он сможет компенсировать экономией на заработной плате. Чем мень-

Даже теперь постоянная боязнь в Новом Свете «конкуренции дешевого труда» показывает, как крепко держится эта теория, считающая основным принципом «хорошей постановки дела» самую низкую заработную плату.

§ 2. Тенденции более современного мышления развивались в направлении постепенного изменения теории «выгодности низкой заработной платы». Обычное правило, гласящее, что «если вы хотите, чтобы дело было сделано хорошо, вы должны платить за это», выражает общее мнение о соответствии между работой и заработной платой. Более точную формулировку этой мысли дали мыслители-экономисты, занявшиеся тщательным изучением сравнительной статистики. Дело, которым занимался Брассей, крупный железнодорожный подрядчик, давало ему возможность сравнивать труд и заработную плату рабочих различных национальностей, а его сын лорд Брассей собрал и опубликовал ряд фактов относительно этого вопроса. По отношению к некоторым отраслям труда эти факты установили новое взаимоотношение между работой и заработной платой. Он нашел, что английские землекопы, работавшие на великой железнодорожной магистрали (Grand Trunk Railway), в Канаде, и получавшие от 5 до 6 шиллингов в день, делали больше на единицу оплаты, чем канадские французы, получавшие по 3 шилл. 6 пенсов в день. Было выгоднее нанимать при постройке ирландских железных дорог англичан, платя им от 3 шилл. до 3 шилл. 6 пенсов в день, чем ирландцев от 1 шилл. 6 пенсов до 1 шилл. 8 пенсов. Он нашел, что «хотя в Индии туземный труд оплачивается от 4½ до 6 пенсов в день, сооружение железной дороги обходится с мили почти во столько же, во сколько и в Англии»; что в каменоломнях, «где рядом работали французы, ирландцы и англичане, француз получал 3 франка в день, ирландец — 4, а англичанин — 6. И при таких различных ставках оказалось, что англичанин был самым выгодным рабочим из трех». Распространяя свое исследование на строительное и горное дело и на различные области обрабатывающей промышленности, он встретил среди предпринимателей и других людей с практическим опытом единодушное согласие с его выводами. Во

шую долю в ценности товара составляет заработная плата, тем выше, в общем, оплата труда. Разумный хозяин бумагопрядильни совсем не хочет бороться с заработком своих прядильщиков и никогда не согласится понизить их плату, если только он не абсолютно вынужден к этому недостаточным доходом на капитал и уменье, вложенные в его предприятие» («Philosophy of Manufacture», стр. 330). Но это не мешает д-ру Юру подчеркивать несколько ниже серьезную опасность, которую трэд-юнионы навлекают своими стараниями поднять заработную плату на промышленность, страдающую от конкуренции с «более умеренной и более послушной рабочей силой на континенте и в Соед. Штатах» (стр. 363). Заявление д-ра Юра относительно высокой заработной платы на хлопчатобумажных фабриках, которую он считает в три раза превосходящей заработную плату в сельском хозяйстве, расходится с статистическими данными, приведенными в приложении к его собственной книге (ср. ст. 515). Только мужчины-прядильщики получали «высокую заработную плату», о которой он говорит, и из нее они должны были оплачивать труд помощников, которых они нанимали.

Франции, Германии и Бельгии, где заработная плата и жизненный уровень были гораздо ниже, чем в Англии, издержки по изготовлению данного продукта были не меньше, а больше. В Соединенных Штатах и немногих отраслях голландской промышленности, где уровень благосостояния не ниже, а может быть и выше, чем в соответствующих отраслях английской промышленности, труд оказался производительнее и лучше. Одним словом, оказалось, что производительность труда довольно точно изменяется в соответствии с жизненным уровнем или реальной заработной платой.

Во введении к своему сочинению «Иностранный труд и английская заработная плата» («Foreign Work and Englisch Wages»), лорд Брассей защищает ту теорию заработной платы, которую ему часто приписывали и которую иногда принимали за окончательную формулировку соотношения между трудом и заработной платой, а именно: «стоимость труда в отличие от ежедневной заработной платы рабочего была во всех странах приблизительно одной и той же». Другими словами, полагают, что для данного вида труда существует определенное единообразное соотношение между заработной платой и производительностью труда в различных странах и у различных рас.

Но существуют серьезные возражения против принятия этого положения за основание для теории относительной заработной платы. Во-первых, в большинстве случаев, которые приводятся в подтверждение этой теории, внимание обращают только на денежную заработную плату, не считаясь с разницей в ее покупательной силе в различных странах. Чтобы установить какой-нибудь рациональный базис, надо брать соотношение между реальной заработной платой или жизненным уровнем и производительностью труда. Хотя надо признать вероятным, что должно существовать какое-нибудь определенное соотношение между заработной платой и работой или, другими словами, между нормой потребления и нормой производственной деятельности, нельзя à priori рассчитывать, что это соотношение будет одинаковым в таких странах, как Англия и Индия, и что экономически безразлично, будет ли данная работа выполнена дешевым и сравнительно непроизводительным индусским трудом или дорогим, но производительным английским. Такого рода расчет может основываться только на одной из двух следующих предпосылок.

Первая предпосылка предполагает, что соотношение между заработной платой и работой представляет арифметическую прогрессию. Тогда всякое различие в количестве пищи и проч., потребляемой рабочими, должно сопровождаться точным соответственным различием в затрате производительной энергии. Но эту предпосылку не приходится опровергать, ибо никто не будет защищать ту мысль, что жизненный уровень, обусловленный заработной платой, является единственным фактором, определяющим производительность труда, и что раса, климат и социальная обстановка не играют роли в экономике производства. Другая предпосылка предполагает абсолют-

ную текучесть капитала и труда, которая свела бы к одному уровню промышленности выгоды во всем мире, так что повсюду существовало бы точное количественное соотношение между работой и заработной платой, между производством и потреблением. Хотя и можно допустить существование так называемой «тенденции» к такого рода единообразию, ни один человек, знакомый с фактами, не будет так опрометчив, чтобы утверждать, что это единообразие достигнуто, хотя бы приблизительно.

§ 3. Итак, нет оснований полагать, что существует сколько-нибудь точное или хотя бы приблизительное соотношение между номинальной или реальной заработной платой и производительностью труда как в смысле его количества, так и качества. Но на деле данные, собранные лордом Брассей, не дают возможности отрицательно ответить на вопрос о существовании соответствия между работой и заработной платой. Ибо большинство приведенных у него примеров ясно доказывает, что выгоднее всего наилучше оплачиваемый труд. Теория, вытекающая из его данных, является на деле общей теорией «выгодности высокой заработной платы».

Эта теория, быстро развивающаяся за последние годы, подтверждается ныне громадным количеством тщательно собранных фактов и требует серьезного изучения. Данные лорда Брассей относятся обычно, хотя отнюдь не всегда, к тем отраслям промышленности, где важную роль играла мускульная сила, как в проводке шоссейных и железных дорог и в горном деле; или к таким отраслям строительного дела, где машины не играют главной роли в вопросе о темпе и характере работы. Есть основание предполагать, что количественное соотношение между работой и заработной платой будет сильнее выражено в тех отраслях промышленности, где играет важную роль свободный мускульный труд, чем в тех, где главным фактором является машина, и главная часть работы состоит в управлении машинами. Вполне возможно, что было бы выгодно повысить физическое потребление землекопов, но оказалось бы менее выгодным дать высокую заработную плату фабричным рабочим или другим группам рабочих, от которых не требуется такой тяжелой мускульной работы.

Поскольку современное производство имеет тенденцию избавить человека от тяжелого мускульного труда, возможно, что было бы действительно выгодно давать высокую заработную плату только в тех отраслях труда, которые в будущем должны занимать в промышленности второстепенное место. Более старые факты, ассоциировавшие высокую заработную плату в текстильной и железоделательной промышленности с высокой производительностью труда, а низкую оплату с низкой производительностью, носили случайный характер. В качестве доказательства причинной связи между высокой заработной платой и высокой производительностью труда они не годились, вследствие громадных различий в степени технического развития производства в сравниваемых случаях. За последние годы, благодаря работе многих ученых экономистов, некоторые из которых были хорошо знакомы на практике с промышленной техникой, была

собрана и разработана масса данных по этому вопросу. Многие американские экономисты, среди них генерал Уокер Гэнтон, Шенгоф, Гулд и Аткинсон тщательно изучали вопрос о соотношении между трудом и заработной платой как в Америке, так и в главных промышленных странах Европы. Слишком очевидное пристрастие в защите реформы тарифов и сокращения рабочего дня иногда лишает собранные ими статистические данные заслуженного признания, но нет никаких оснований сомневаться в точности этих исследований.

Наиболее тщательное исследование вопроса произвел профессор Шульце-Геверниц. Основываясь в своих доказательствах на детальном изучении хлопчатобумажной промышленности, он совершенно определенно связывает свои выводы с эволюцией современного машинного производства. До него данные устанавливали только факт совпадения высокой заработной платы с лучшим качеством труда, низкой оплаты и труда низкого качества, не пытаясь дать научного освещения этой связи. Шульце-Геверниц удачно сформировал при помощи анализа хлопчатобумажной промышленности отмеченную связь между продукцией и заработной платой. Он сравнивает не только современное положение хлопчатобумажной промышленности в Англии, в Германии и др. континентальных странах; он сопоставляет также и положение труда и заработной платы в английской хлопчатобумажной промышленности в различные периоды за последние 70 лет. Таким образом он корректирует возможное привнесение личной точки зрения на национальную жизнь, которое могло бы до некоторой степени подорвать выводы, основанные только на сравнениях в международном масштабе. Этот двоякий метод сравнения дает определенные результаты, которые Шульце-Геверниц формулирует в следующих словах: «Там, где стоимость труда (т.-е. поштучная заработная плата) ниже всего, там условия труда всего благоприятней, рабочий день всего короче, а еженедельная получка всего выше» (стр. 133). Развитие усовершенствованных прядильных и ткацких машин сопровождалось в Англии постоянным увеличением продукции на каждого рабочего, падением поштучной заработной платы, повлекшим за собой падение цен на продукты питания, сокращением рабочего дня и ростом еженедельной получки. Следующие таблицы, составленные Шульце-Геверницем, дают точное изображение соотношения различных процессов в прядильной и ткацкой промышленности Англии, рассматриваемых, как единое целое. (См. 1-ю и 2-ю табл. на след. стр.)

То же самое справедливо и относительно развития производства хлопчатобумажных тканей в Америке, как это доказывает 3-я таблица на след. стр.

То же относится к Германии и Швейцарии. Всякое усовершенствование машин, сопровождающееся увеличением числа веретен или станков, которыми может управлять 1 рабочий, или ускорением темпа машины, повышая тем самым продукцию на каждого рабочего, влечет за собой повышение недельной заработной платы, а в общем и сокращение рабочего дня.

Ткацкая промышленность в Англии.

Годы.	Продукция в тыс. фунт.	Число рабочих.	Продукц. на 1 раб. в фунт.	Стоимость труда на 1 фунт.		Средний годовой доход рабочего.		
				шилл.	пенс.	фунт.	шилл.	пенс.
1819—21	80.620	250.000	322	15	5	20	18	0
1829—31	143.200	275.000	521	9	0	19	18	0[2])
1844—46	348.110	210.000	1658	3	5	24	10	0
1859—61	650.870	203.000	3206	2	9	30	15	0
1980—82	993.540	246.000	4039	2	3	39	0	0

Хлопчатобумажная промышленность в Америке.

Годы.	Годовая продукция на 1 рабоч. в ярдах.	Стоимость труда на 1 ярд. в центах.	Годовой заработок на 1 рабоч. в доллар.
1830	4.321	1,9	164
1850	12.164	1,55	190
1870	19.293	1,24	240
1884	28.032	1,07	290

---

[1]) «Der Grossbetrieb», стр. 132. В отношении роста средней заработной платы за последнее время следует помнить, что цифры последних лет содержат больший процент взрослых рабочих. Для определения чистой годовой заработной платы из цифры, указанной в таблице, надо сделать скидку на безработицу.

[2]) Надо принять во внимание тяжелые условия труда ручных ткачей, которые еще не исчезли.

Обстоятельное сравнение Англии, Соединенных Штатов и континента, в отношении современного положения хлопчатобумажной промышленности, дает в общем те же результаты. Сравнение между Англией и Соединенными Штатами показывает, что в ткацком производстве в Америке, где заработная плата гораздо выше, труд настолько производительнее, что издержки производства оказываются гораздо ниже, чем в Англии. В прядильном производстве, в котором заработная плата почти так же высока, как и в Америке, издержки производства ниже, чем там (стр. 156). Сравнение положения ткацкой промышленности в Швейцарии, Германии, Англии и Америке дает следующие результаты (стр. 151):

Страны.	Еженед. продукц. 1 рабоч. в ярд.	Стоимость 1 ярда.	Рабочий день.	Недельная зараб. плата. шилл.	пенс.
Швейцария и Германия	466	0.303	12	11	8
Англия	706	0.275	9	16	3
Америка	1200	0.02	10	20	3

Итальянские фабрики, плохо оплачивающие многочасовой труд, легко вытесняются конкуренцией лучше оплачиваемого и более производительного английского и американского труда. Сравнение между фабриками Мюльгаузена и Вогезских долин также доказывает, что лучше оплачиваемый труд первых более продуктивен.

В России лучше оплачиваемый труд на петроградских и эстляндских фабриках может конкурировать с более дешевым трудом центральных губерний: Московской и Владимирской.

Шульце-Геверниц заходит так далеко, что утверждает, будто при современной низкой заработной плате и продолжительном рабочем дне индийские фабрики не могут вытеснить ланкаширских товаров. Он утверждает также, что строгое фабричное законодательство, которого требуют для Индии, вероятно, повредит ланкаширской промышленности [1]), вместо того, чтобы дать ей преимущество. После детального сравнения бумагопрядильной промышленности Англии и тех частей Германии, где пользуются английскими машинами, основные выводы формулированы следующим образом:

«В Англии рабочий управляет почти вдвое большим количеством машин, чем в Германии; машины работают быстрее, потери по

---

[1]) Здесь Шульце-Геверниц позволяет себе, повидимому, натяжку. Хотя официальные отчеты выдвигают вопрос о серебряной валюте, как важный фактор в развитии бомбейских фабрик, нет сомнения, что дешевый труд в Бомбее может и независимо от этого вытеснить английский, благодаря низким ценам хлопка на азиатских рынках. Брентано поддерживает Шульце-Геверница в своем произведении «Hours and Wages, in Relation to Production».

сравнению с теоретической продукцией (т.-е. непроизводительные траты времени и материала) меньше. Наконец, надо принять во внимание, что в Англии снимание и надевание на веретена занимает меньше времени; нити меньше рвутся, а починка разорванных нитей требует меньше времени. В результате стоимость труда на 1 фунт пряжи определенно меньше, чем в Германии, особенно, если принять в расчет расходы на надзор. Заработная плата английского прядильщика почти вдвое выше, чем в Германии, а рабочий день немного больше 9 часов, между тем как в Германии он продолжается от 11 до 11½ часов» (стр. 136).

Позднейшие исследования, сравнивавшие производительность британского и континентального труда, подтверждают выводы Шульце-Геверница. Германские рабочие хлопчатобумажной промышленности стоят все еще ниже английских, хотя производительность их труда за последние десять лет повысилась. Это повышение непосредственно связано с ростом заработной платы и лучшим жизненным уровнем. Это же самое справедливо в общем относительно Франции, Швейцарии и Голландии.

Что касается стоимости труда в Индии, то говорят, что «число рабочих, необходимых для управления данным количеством машин, было в Индии от пяти до восьми раз больше, чем в Англии. До сих пор оно все еще, по крайней мере, в три раза больше. Только особые выгоды положения помогли туземной промышленности вытеснить заграничную пряжу, за исключением немногих сортов в большинстве случаев цветной пряжи» [1]).

Новейшие сравнения относительной производительности американских и английских ткачей теряют свое значение, благодаря все большим размерам, которые принимает в Америке распространение автоматических станков и других технических усовершенствований. Невозможно количественное сравнение между производительностью труда лучшего ткача из Массачузетса, работающего на восьми станках и зарабатывающего от 45 до 50 шиллингов в неделю, и лучшего ланкаширского ткача с меньшим числом станков и более низкой заработной платой. Кроме того, сравнение усложняется разницей в качестве хлопковых материалов как в прядильной, так и ткацкой промышленности. Но более высокая средняя заработная плата рабочих хлопчатобумажных фабрик Северных Штатов, по мнению новейших профессиональных исследователей [2]), не компенсируется соответствующим повышением производительности труда. Что касается производительности труда на южных фабриках, то там наблюдалась, повидимому, временно выгодность экономики низкой заработной платы. Однако, и поныне считают, что «во многих случаях стоимость труда фактически на юге дороже, несмотря на то, что заработная плата гораздо ниже» [3]).

---

[1]) Brassey and Chapman, стр. 152.

[2]) Young.

[3]) Brassey and Chapman, стр. 181.

Некоторые интересные данные относительно Германии определенно подтверждают выгодность высокой заработной платы в области тяжелого физического труда. Отчет министерства иностранных дел от 1898 г. по поводу угольной промышленности в Рейнской Вестфалии констатирует: «Хотя заработная плата здесь, несомненно, ниже, чем в Англии, даже в тех районах, где она выше, чем в какой-либо части Германии, я полагаю, что в среднем результат труда на каждого забойщика и на смену все еще окажется почти вдвое меньше английского и по следующим причинам: потому что английский шахтер живет лучше, работает более сознательно и умело и, добившись раз навсегда лучших условий, он легче расходует свою рабочую силу; и наконец не последнее значение имеет и то, что англичанин — обученный забойщик, крепильщик или накладчик».

Это подтверждается словами германского рудокопа, который работал некоторое время в Нортумберланде. Есть достаточно оснований, по которым английский рудокоп должен быть сильнее германского. У него есть время хорошенько отдохнуть, и он ест больше мясо, чем картофель. Вообще, перенапряжение и недостаточное питание лишают германского рабочего возможности конкурировать с ним [1]).

Многие деловые люди, с одной стороны, и экономисты, с другой, приводят массу данных в защиту выгодного влияния высокого жизненного уровня американских рабочих на продуктивность труда. Европейские рабочие, отправившиеся в Соединенные Штаты на работу, обычно соглашаются, что они развивают там гораздо большее количество трудовой энергии. В какой степени это зависит от чисто физических причин, от того, что лучшая пища превращается в большее количество работы, является, пожалуй, спорным. Может быть, психические факторы играют здесь, по меньшей мере, такую же роль. Возможность для каждого талантливого человека сделать карьеру или хотя бы значительно улучшить свой жизненный уровень, давала движущий импульс всем разновидностям американских рабочих, хотя положение рынка неквалифицированного труда в последнее время уменьшило значение этого фактора. Рост негритянского населения и заграничной иммиграции, давая материал для формирования класса неквалифицированных рабочих, которые не могли выдвинуться, благодаря сокращению спроса на квалифицированный труд, понизил, повидимому, силу американских «мышц» до уровня европейских. Если, кроме того, падает, как это происходит, начиная с 1897 г., реальная заработная плата за неквалифицированный труд, то один из крупнейших источников промышленного прогресса Америки заметно ослабел.

§ 4. Согласно данным Шульце-Геверница, современное развитие промышленности проявляется, в смысле своего влияния на труд, в семи результатах: a) сокращение рабочего дня, b) увеличение

---

[1]) «How the English Workman Lives», Ernst Duchershoff (1899). **Цитировано** у Брассея и Чермэна, стр. 48.

недельной заработной платы, c) понижение поштучной заработной платы, d) удешевление продукции, e) увеличение продукции на каждого рабочего, f) увеличение скорости действия машин, g) увеличение числа и размера машин на каждого рабочего.

Прежд чем составить суждение о действительном влияния машинного производства на рабочего, надо принять во внимание все эти факторы. Приведенные выше данные, устанавливающие причинную связь между высоким жизненным уровнем и высокой производительностью труда, не требуют непременно вывода, что предприятие или группа предпринимателей могут ad libitum увеличивать заработную плату и сокращать рабочий день, в полной уверенности, что они получат соответствующее увеличение абсолютной производительности труда.

Раньше, чем считать эти выводы доказанными, мы должны точнее уяснить себе природу причинной связи между высоким жизненным уровнем и производительностью труда. В какой степени мы имеем право считать высокую заработную плату и хорошие условия труда причиной производительности труда и в какой степени его следствием? Приведенные данные доказывают лишь, что a, b, c, — некоторые явления, связанные с производительностью труда — объем продукции, скорость труда рабочих, количество машин, управляемых одним рабочим — изменяются параллельно d, e, f — некоторыми другими явлениями, связанными с заработной платой, продолжительностью рабочего дня и другими условиями найма. В пределах этих данных мы можем только констатировать, что два ряда явлений связаны между собой зависимостью причинного характера, но мы не можем с достоверностью определить, являются ли изменения a, b, c причиной или следствием соответствующих изменений d, e, f, и не находятся ли оба ряда явлений в зависимости от третьего, изменения которого влекут за собой одновременные и пропорциональные изменения двух остальных.

Писатели, вроде Гентона и Шенгофа, думали извлечь отсюда мораль, которая была воспринята несколькими лидерами «рабочего движения», и состоит в следующем: каждое повышение заработной платы и каждое сокращение рабочего дня необходимо влечет за собой эквивалентное, или более чем эквивалентное, повышение производительности труда. В поисках за доказательствами в пользу этого положения особое значение придавалось сравнительной статистике текстильной промышленности. Но прежде всего надо сказать, что эти данные не дают возможности таких широких обобщений. Например, статистика Гулда и Шенгофа указывает много случаев, когда более высокая денежная и реальная заработная плата американских рабочих не сопровождалась соответственным увеличением производительности. В таких случаях «дешевый» английский труд оказывается дешевым и на деле.

Но в других случаях, когда высокая заработная плата американских рабочих сопровождалась эквивалентным, или более чем эквивалентным, повышением продукции, этот рост продукции объ-

яснялся, главным образом, не большей интенсивностью или производительностью труда, а применением более сложных машин, экономящих труд. Там, где сравниваются отношения чистой стоимости труда к продукции в различных странах, или на различных стадиях промышленного развития одной и той же страны, необходимо включить и разницу между стоимостью труда при производстве и содержании усовершенствованных машин и старых машин. Это упущение делает несостоятельными многие рассуждения Шульце-Геверница, Брентано, Рэ и других пророков «выгодности высокой заработной платы». Непосредственная стоимость труда может быть при изготовлении каждого предмета так же мала, как и в Англии, и даже меньше, но общая стоимость производства [1]) и продажная цена может быть выше. Наконец, при сравнении Англии и Америки, которое во многих отношениях дает больше всего, ибо эти страны как по развитию способов производства, так и по свойствам рабочих ближе всего друг к другу, разница в денежной и реальной заработной плате не всегда сопровождается разницей в продолжительности рабочего дня.

Находящиеся в нашем распоряжении данные не доказывают повсеместного применения теории выгодности высокой заработной платы. Если бы было общей истиной, что ростом заработной платы и сокращением рабочего дня можно увеличить, или хотя бы поддерживать на данном уровне, дневную продукцию каждого рабочего, то легко было бы разрешить социальную проблему, поскольку она стремится к облегчению нищеты низших групп рабочего класса. Но хотя все согласны с тем, что рост заработной платы и общего жизненного уровня большинства рабочих вызывает увеличение производительности труда и что сокращение рабочего дня не вызовет соответствующего уменьшения продукции, из этого отнюдь не следует, что выгодно до бесконечности увеличивать заработную плату и сокращать рабочий день. Совершенно так же, как допускают, что равное сокращение рабочего дня даст в каждой отрасли промышленности иной результат, действие данного повышения жизненного уровня также будет различно. В некоторых случаях окажутся выгодными высоко оплачиваемый труд и короткий рабочий день, в других же случаях более дешевый труд и более продолжительный рабочий день. Невозможно взывать к пониманию предпринимателями их собственных интересов во многих наиболее развитых отраслях промышленности и требовать от них введения повсюду более высокой заработной платы

[1]) Общий вывод Гулда из сравнения европейского и американского производства состоит в том, что «более высокая дневная плата в Америке не означает соответственного увеличения стоимости труда для фабриканта» («Contemporary Review», январь, 1893). Он объясняет это отчасти механическим воздействием высокой заработной платы, отчасти большей физической силой рабочих. Но данные и выводы Гулда недостаточны в качестве доказательства «выгодности высокой заработной платы»: они доказывают только, что высокая заработная плата сопровождается увеличением продукции труда, но не доказывают, что это увеличение соответствует этой заработной плате.

и общего сокращения рабочего дня, настаивая на связи между высокой заработной платой и хорошей работой, дурной оплатой и плохой работой. Из того, что самое доходное предприятие часто ведется по системе, требующей высокой заработной платы за недолгий усиленный труд при высоко развитой технике, отнюдь не следует, что другие предприятия не могут вестись более выгодно, пользуясь плохо оплачиваемыми рабочими при продолжительном рабочем дне и более простых машинах. Мы не имеем права думать, что старые ланкаширские фабриканты вели близорукую политику, пользуясь трудом детей и слабосильных взрослых за голодную заработную плату.

В частности, данные Шульце-Геверница доказывают, что выгодность высокой заработной платы и короткого рабочего дня тесно связана с развитием техники. Когда машины сложны и требуют от рабочего большого напряжения, высокая заработная плата и короткий рабочий день становятся выгодными. В этом смысле современную технику и считают непосредственной причиной высокой заработной платы и короткого рабочего дня. Ибо, отдавая должное человеческой природе, оказалось выгоднее работать меньшее количество часов более интенсивно и платить за такой труд дороже, хотя целью введения машин и является замена искусных ремесленников низко оплачиваемыми рабочими при машине, а неутомимая машина может работать непрерывно. Не следует, конечно, забывать, что высокая заработная плата часто является прямой причиной введения лучших машин и постоянным импульсом для новых технических изобретений. Это признал уже полстолетия тому назад д-р Юр, который считает, что удлиненные тонкопрядильные машины (мюли), изобретение автоматического мюля и некоторые из первых усовершенствований в ситценабивной промышленности являются непосредственным результатом этой причины [1].

Но соглашаясь с существованием таких тенденций в некоторых отраслях машинного производства, мы не можем рассчитывать с уверенностью на то, что повышение заработной платы, достигнутое благодаря организации труда или другим путем, повлечет за собой такой рост промышленной техники, который даст возможность платить высокую заработную плату, не вредя интересам производства и не сокращая прибыли ниже минимума общественно-необходимого для существования частно-владельческой промышленности.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные заставляют нас притти к заключению, что в то время, как рост заработной платы почти всегда сопровождается увеличением производительности труда и продукции, отношение, в котором рост производительности стоит к росту заработной платы, бывает различным для каждого вида

---

[1]) В «Philosophy of Manufacture», стр. 367—369, Юр считал технические изобретения средством, при помощи которого капитал может держать в подчинении труд. Описывая историю введения «автоматического мюля», он торжествующе добавляет: это изобретение является воплощением великой, уже высказанной теории, что когда капитал завербует науку к себе на службу, непокорная рука научится послушанию» (стр. 368).

труда. Поэтому нельзя сделать общего вывода в пользу политики высокой или низкой заработной платы.

§ 5. Экономически выгодная заработная плата и рабочий день меняются, в зависимости от многих условий. Среди них наиболее существенными являются развитие техники, необходимая для работы степень мускульного и нервного напряжения; комнатная и сидячая работа, гигиенические условия, пол, возраст, раса, класс рабочих.

В американской хлопчатобумажной промышленности выгоднее дорого платить женщинам, управляющим в течение короткого рабочего дня шестью, семью и даже восемью станками, чем дешево оплачивать рабочих худшего качества, вроде германских, швейцарских и даже ланкаширских. Но в угольной промышленности оказывается, что американская заработная плата экономически слишком высока, т.-е. разница между американской и английской заработной платой не компенсируется соответствующим увеличением выработки. Среднее число тонн, добываемое углекопами Соединенных Штатов за плату в 326 долларов в год, равняется 377, обходясь по 86½ центов на тонну, а уголь Северного Стаффордшира, добываемый углекопами, получающими 253 доллара и вырабатывающими каждый в среднем по 322 тонны, обходится по 79 центов на тонну [1]). Подобным же образом и тонна Бессемеровского чугуна обходится в отношении стоимости труда в Америке почти на 50 центов дороже, чем в Англии. А американская заработная плата выше почти на 40 процентов [2]). Действительно, из совокупности всех данных ясно, что не существует определенного соотношения между стоимостью труда и заработной платой для данной группы товаров.

Также нет оснований принять и противоположное утверждение, что рост производительности труда влечет за собой рост заработной платы. Такова обычно точка зрения тех деловых людей и экономистов, которые исходят из предпосылки, будто существует какой-то закон конкуренции, по которому каждый рабочий непременно получает столько, сколько заслуживает, т.-е. полный продукт своего труда. Эти люди доказывают, что заработная плата может увеличиться только в результате бо̀льшей производительности труда; там, где заработная плата высока, высока и производительность труда и, наоборот; поэтому производительность определяет заработную плату так же, как защитники теории выгодности высокой заработной платы стараются при помощи профессионального движения, законодательства и общественного мнения увеличить заработную плату и сократить рабочий день в расчете на то, что вызванное этим увеличение производительности окупит их, эти настаивают, что техническое воспитание и повышение морального уровня рабочих должно предшествовать увеличению заработной платы и сокращению рабочего дня, и окупать их путем повышения производительности труда. Оставляя в стороне неизбежную здесь предпосылку, что доля

---

[1]) № 64 «Consular Report». (Цит. у Schoenhof, стр. 209.)

[2]) Schoenhof, стр. 216.

труда в общей продукции труда и капитала представляет собой твердо установленное и неизменное отношение, эта точка зрения основана на голом отрицании уже доказанного нами влияния высокой заработной платы и жизненного уровня на рост производительности.

Ясно, что отношение между заработной платой и другими условиями труда, с одной отсроны, и производительностью труда или продукцией, с другой, является отношением взаимодействия. Каждое увеличение заработной платы, досуга и вообще жизненного уровня поднимает производительность труда. И каждое увеличение производительности, чем бы оно ни было вызвано, открывает возможности более высокой оплаты труда и более короткого рабочего дня.

§ 6. Из данных о производительности труда и заработной плате вытекает еще один вывод. Согласно формуле Шульце-Геверница. каждое сокращение поштучной заработной платы сопровождается повышением недельного заработка. Но надо иметь в виду, что повышение заработной платы на единицу времени не означает непременно повышения цены труда, измеряемого в единицах напряжения. Более интенсивный труд может получать за меньший промежуток времени больше денежных единиц в единицу времени, но цена единицы напряженности может быть ниже. Уже установлено, что общая тенденции новейшего развития машинного производства состоит в сжатии и интенсификации труда. В некоторых отраслях труда в текстильной промышленности общая сумма расходуемой ежедневно физической энергии теперь больше, чем была раньше. Например, так обстоит дело с трудом детей, занятых починкой. Во времена Юра (1830 г.) он жаловался, что детям нечего было делать три четверти времени, которое они проводили на фабрике. Увеличение числа веретен и темпа работы сделали их труд более непрерывным. То же относится и к прядильщикам, работающим на мюлях. Их труд за последние несколько лет интенсифицировался, благодаря увеличению размеров машин. Хотя обычно к машине переходят более тяжелые формы мускульного труда, она учащает меньшие мускульные условия, так что общее количество напряжения не на много уменьшается. Облегчение мускульного напряжения компенсируется все возрастающей затратой нервной энергии и внимания. Кроме того, по мере того, как машины становятся более сложными, многочисленными и дорогими, возрастает ответственность рабочего. До некоторой степени это новое напряжение более утонченного свойства, чем прежняя тяжелая мускульная работа. Но она действует на физический организм все сильнее. «Ткач может работать на ручном станке 13 часов в день, но заставить проработать 13 часов ткача, управляющего механическими станками, физически невозможно» [1]). Сложность современной машины и сверхчеловеческая скорость ее действия требуют все большей интенсификации человеческого труда, большей напряженности на единицу времени.

---

[1]) «Der Grossbetrieb», стр. 167.

Это стало возможным, благодаря приобретенной сноровке и лучшему физическому состоянию организма, вызванному более высоким жизненным уровнем. Но очевидно, что если каждое повышение жизненного уровня и сокращение дня сопровождалось большим напряжением мускулов, нервов или умственной энергии, затрачиваемых в течение этого более короткого дня, мы не в праве считать более высокую заработную плату и короткий рабочий день чистым выигрышем для рабочего. По необходимости существуют известные границы такой интенсификации человеческих усилий. Очевидно, было бы невозможным увеличить выше известного предела производительность часового труда рабочего при помощи ряда частых сокращений рабочего дня и повышения заработной платы. Человеческая природа ставит границы интенсификации. Хотя ткачу может быть выгоднее управлять четырьмя станками в течение принятого в Англии рабочего дня за умеренную плату 16 шиллингов в неделю, чем управлять в Германии двумя станками 12 часов в день за 11 шиллингов 8 пенсов, но отсюда еще не следует, что еще выгоднее зарабатывать в Америке 20 шиллингов 3 пенса, управляя шестью, семью или даже восьмью станками в течение десятичасового дня [1], или что американские условия труда улучшились бы от введения восьмичасового рабочего дня за счет добавления еще одного станка на каждого рабочего.

Выиграть от высокой заработной платы и большого досуга для лучшего потребления может с избытком уравновешиваться чрезмерным напряжением нервов и мускулов в течение более короткого дня. Как мы видели, эта трудность не компенсируется переходом более тяжелого мускульного труда к машине, если, может быть, работа этих самых машин является предлогом для усиления темпа работы при них.

Во многих отраслях труда, хотя отнюдь не во всех, можно достичь, путем сокращения рабочего дня, повышения количества трудовой энергии, затрачиваемой в один час. Но чтобы эта эволюция была прогрессивной, надо руководствоваться двумя соображениями: во-первых, разрешением объективного экономического вопроса о количественном соотношении между последовательным сокращением рабочего дня и повышением количества энергии, затрачиваемой в час; во-вторых, субъективного экономического вопроса о влиянии более интенсивного труда на рабочего как в качестве производителя, так и в качестве потребителя.

Имеется достаточное количество данных, доказывающих, что такое увеличение досуга и заработной платы иногда обходится слишком дорого.

Но, обращая на это внимание, нельзя, однако, считать, что рост реальной заработной платы и сокращение рабочего дня в передовых отраслях промышленности неизбежно влекут за собой

[1] См. выше, стр. 314. Но эта заработная плата представляет собой среднюю оплату труда не только одних ткачей, но и во всем ткацком производстве.

соответственную интенсификацию труда. Например, в текстильной и железнодорожной промышленности очевидно, что рабочие (расе Карл Маркс) выиграли в виде повышения заработной платы кое-что от роста производительности, вызванного усовершенствованием машин. Даже, когда при этом приходится управлять большим числом машин, у нас нет оснований делать вывод, что соответственно увеличилось напряжение рабочего. Большая сноровка и производительность дает возможность управлять большим числом машин с таким же субъективным напряжением, с каким раньше управляли меньшим. Но несмотря на эту поправку, история фабричной системы как в Англии, так и в других странах, с несомненностью доказывает, что фабричный труд стал более интенсивным. Может быть, это выражается не в форме мускульного напряжения, а в форме все большого расходования нервной системы рабочего.

Это важное соображение часто игнорируется как защитниками сокращения рабочего дня, так и защитниками положения, что главной целью рабочих должна быть большая производительность их труда. Если большая производительность означает только большую сноровку и не требует лишнего напряжения, мы имеем чистый выигрыш, но если требуется увеличение напряжения, то этот вопрос требует тщательного и детального исследования.

§ 7. Следует упомянуть еще об одном результате чрезмерной интенсификации труда.

Все признают существование тесной связи между повышением заработной платы и сокращением рабочего дня. Увеличенная денежная оплата труда, влияющая на жизненный уровень, изменяя потребление в направлении лучшего использования большего количества времени, освобождающегося для потребления, может быть производительно израсходована только при сокращении рабочего времени. Если, например, появляются новые потребности, зависящие от поднятия жизненного уровня, и если они интеллектуального порядка и требуют не только возможности купить книгу и т. д., но и времени прочесть ее, то необходимо, чтобы повышение заработной платы в случаях, где рабочий день непомерно долог, дополнялось его сокращением. Но отнюдь не так ясно, что можно решать такого рода вопросы вне зависимости от интенсивности труда. Очевидно, что восьмичасовой рабочий день может при бо́льшей интенсивности труда истощать сильнее, чем десятичасовой при меньшей интенсивности; он может в бо́льшей степени лишать рабочего возможности пользоваться благами науки и воспитания, чем более продолжительный рабочий день при менее интенсивном труде. Выгода от двух лишних часов досуга может перевешиваться меньшей ценностью каждого свободного часа. Другими словами, чрезмерная интенсивность труда может дать худшие результаты, чем чрезмерная продолжительность. Люди, защищающие движение в пользу сокращения рабочего дня, утверждая, что каждая единица рабочего времени становится более продуктивной, упускают в своей аргументации такую возможность. Когда эта аргументация касается только

влияния на производительность труда повышения заработной платы без сокращения рабочего дня, то такое игнорирование момента интенсивности труда имеет еще более важное значение. Можно всерьез усомниться, не перевешивает ли пользу от лучшего заработка массачузетского ткача увеличение интенсивности труда при управлении бóльшим количеством станков в течение более продолжительного рабочего дня, чем принят в Англии. Истощающий характер такого рода труда отражается, вероятно, на понижении фактической пользы от номинально более высокого жизненного уровня, возможного благодаря повышению заработной платы. Там, где большая производительность труда объясняется, главным образом, усовершенствованием машин или производственных процессов, вызванных, в свою очередь, высокой заработной платой без соответствующей интенсификации труда, там выигрыш труда очевиден. Но при исследовании влияния новых способов производства на труд нельзя игнорировать возможности, что в результате сокращение рабочего дня и повышение заработной платы создадут вредную интенсификацию трудового напряжения.

§ 8. При каждой попытке определить тенденции капиталистического производства, продолжительность труда, его интенсивность и заработная плата должны быть изучаемы вместе, в их взаимодействии. И при этом нельзя предполагать, чтобы их соотношение оставалось одним и тем же в любых двух отраслях промышленности. Там, где труд мало интенсивен в течение продолжительного рабочего дня, как на индийских фабриках, такого рода усовершенствование организации, как сокращение рабочего дня до обычного уровня английских фабрик, и интенсификация труда оказались бы полезными, а повышение заработной платы, которое могло бы явиться результатом такой реформы, принесло бы рабочим двойной выигрыш. Но стремление сократить и интенсифицировать рабочий день еще сильнее могло бы оказаться вредным для рабочих, даже при увеличении продукции. Но такого рода пример помогает выявить относительность всех этих проблем. Чистая выгода от данного количественного соотношения между рабочим днем, интенсивностью труда и заработком окажется чрезвычайно различной для текстильных рабочих Англии и Индии. A priori было бы неправильно ждать, чтобы наиболее выгодная продолжительность рабочего дня оказалась бы одинаковой в обоих случаях. Очень возможно также, что более энергичный и нервный темперамент американского рабочего сделает для них выгодным более короткий и более интенсивный рабочий день, чем оказалось бы у ланкаширского рабочего. Здесь важна именно тесная связь между тремя факторами — продолжительностью труда, его интенсивностью и заработной платой. Но, разбирая вопрос с научной точки зрения, под заработной платой надо понимать не только денежную оплату, и даже не покупательную силу денег, а чистую выгоду, извлекаемую при потреблении покупаемых благ.

Надо ясно усвоить себе, что при рассмотрении всех практических реформ в положении рабочих, нельзя отделять вопрос о «зара-

отной плате» от вопроса о «продолжительности рабочего дня», а эти ба вопроса от вопроса об «интенсивности труда». Каждая попытка простить вопрос или способствовать «рабочему движению» сепаатным разрешением каждого, окажется напрасной, ибо она не аучна. Каждая предполагаемая реформа должна, с точки зрения руда, быть проверена в отношении ее влияния на реальное благоостояние рабочих. При этом надо обращать соответствующее вниание не только на ее влияние на заработную плату, продолжительость рабочего дня и интенсивность труда, но и на сложные и разичные взаимоотношения, существующие между ними в каждой трасли промышленности, в каждой стране и на каждой стадии проышленного развития.

Если иметь в виду влияние машинного производства: рост нтенсивности и монотонности труда, увеличение числа рабочих, анятых сидячим комнатным трудом, необходимость для все больего числа рабочего населения скопляться в перенаселенных недоровых городах, то реальная польза, принесенная рабочему классу ашинным производством, покажется спорной. Но все-таки развиие машинного производства, несомненно, сопровождалось для фаричных рабочих с точки зрения объективного мерила жизненного ровня повышением материального комфорта.

Какие бы поправки ни пришлось внести на влияние большей нтенсивности труда и косвенное воздействие машинного производтва на жизнь, громадная масса данных определенно указывает, что абричные рабочие лучше питаются, одеваются и живут, чем ремеленники, место которых они заняли, и что каждое увеличение сложости и производительности машин сопровождается ростом реальой заработной платы. Лучшие машины могут быть вполне использованы экономически только при высоком жизненном уровне сотоящих при них рабочих; по мере дальнейшего развития машиного производства в каждой отрасли промышленности, мы можем редсказать дальнейшее повышение этого уровня, хотя мы и не меем оснований предполагать, чтобы это естественное и неизбежное лучшение условий жизни фабричных рабочих не имело определенных границ и шло бы одинаково во всех отраслях промышлености во всех странах.

Поэтому может показаться, что, по мере того, как одна отрасль ромышленности за другой переходили к машинному производству, енденции технического развития неизбежно должны были способтвовать общему подъему жизненного уровня рабочего класса. Очень вероятно, что действительное влияние машинного производтва действует в этом направлении. Но не следует забывать, что рогрессирующее развитие машинного производства не дает больему количеству трудящегося населения работы при машине. Поскольку мы можем судить на основании новейшей истории наиболее ысоко развитых отраслей текстильного производства, мы имеем раво предполагать, что, если машина прочно утвердится в отраслях ромышленности, легко поддающихся шаблонизации, то доля всего

трудового населения, непосредственно занятого управлением машинами, будет постоянно уменьшаться. В то же время будет непрерывно увеличиваться доля рабочего населения, занятая в тех областях транспорта, торговли и личных услуг, где неприменимо машинное производство. Если это верно, то мы не можем считать эволюцию машинного производства, требующую более интенсивного и более производительного труда, достаточной гарантией улучшения жизненного уровня рабочего класса в целом. Одним словом, у нас нет данных, доказывающих, что подъем материального благосостояния лавочников, конторщиков, школьных учителей, комиссионеров, агентов, приказчиков, докеров, полицейских, уличных продавцов и других видов труда, процентное отношение которых при нашем промышленном строе увеличивается, будет сопровождаться таким значительным ростом производительности их труда, что вызовет целый ряд аналогичных повышений. Автоматический процесс развития, который отмечают в типичных отраслях машинного производства Шульце-Геверниц и прочие, по отношению ко всей промышленности, не доказан. И если тенденция технического развития состоит в поглощении большей доли работы, но меньшей доли рабочих, то невозможно питать серьезные надежды на то, что этот процесс даст рабочему классу в будущем высокую заработную плату в областях, где господствует машинное производство.

§ 9. Хотя в личных интересах предпринимателей растущая заработная плата бывает,за исключением некоторых отраслей промышленности и до известного предела, не всегда выгодна, коллективные интересы потребителей требуют «системы высокой заработной платы». Мы видели, что избыток «потребительной силы» у тех классов, которые отказываются ею пользоваться и упорно накопляют ее в формах излишнего капитала, несет непосредственную ответственность за вялое использование капитала и труда. Если развитие промышленных сил отдает большую долю «потребительных сил» в руки рабочего класса, который использует их не для будущего потребления, а для поднятия уровня своей материальной и духовной жизни, это повлечет за собой более полное и постоянное использование труда и капитала. Если мощная организация труда может повысить заработную плату, а более высокая заработная плата будет тратиться на приобретение большего количества лучших предметов потребления, то этим создается прямой стимул для производственной деятельности труда и капитала. Но не надо уклоняться от правильных выводов. Если бы несбереженная покупательная сила состоятельных классов перешла в руки рабочих в виде высокой денежной заработной платы и тратилась бы ими не на повышение жизненного уровня, а «инвестировалась» бы в различные формы капитала, то промышленность не получила бы никакого стимула. «Сбережения» одного класса перешли бы в руки другого класса, и их избыток так же сокращал бы промышленную деятельность, как и теперь. Хотя мы с удовольствием увидали бы в руках рабочего класса бо̀льшую долю социально полезных форм капитала, этот простой акт

передачи не создал бы никакого стимула для всей промышленности. С точки зрения интересов общества, стимулировать промышленность может только подъем средней нормы непосредственного потребления. Если твердо усвоить, что спрос на товары не только определяет место приложения труда и капитала, но и является единственной формой спроса на эти элементы производства, то все будущее нашей промышленности основано на вере, что рабочий класс использует рост своих заработков не для получения процентов на свои вклады (самоубийственная политика), а для того, чтобы при помощи непосредственного удовлетворения всех здоровых желаний тела и духа, не развивающихся при «системе низкой заработной платы», повысить свой жизненный уровень. Удовлетворение новых ценных желаний человека, придавая жизни больше интереса и надежд, сделает всякую работу мысли более производительной, распределяя спрос между более разнообразным ассортиментом товаров, лучше использует все ресурсы природы и человека, а восстановляя нарушенное неравенством покупательной силы равновесие между производством и потреблением, компенсирует высокую заработную плату бо̀льшим полнокровием и регулярностью труда. Но надо твердо усвоить себе следующее: хотя «сбережения» могут казаться моральной добродетелью рабочего класса, слишком много сбережений, практикуемых вместо повышения непосредственного потребления, неминуемо уничтожит все ранее достигнутые экономические выгоды. Как разумный человек понимает, что нельзя «сберегать», пока он не обеспечил полного физического достатка своей семье, так и разумный рабочий класс будет утилизировать старые избытки заработной платы на усиление физической и духовной производительности рабочих и их семей, раньше чем «вкладывать» значительную долю прироста заработной платы. Гулд очень полно и убедительно развивает это положение: «там, где экономические выгоды не велики, наличие сбережений доказывает сравнительно низкий уровень социальной жизни общества. Бережливые люди никогда не бывают передовыми и обычно не бывают также производительными в промышленном смысле слова. Только человек с разнообразными потребностями, — не капризами роскоши, а фактическими законными потребностями, — умеет интенсивно работать, чтобы удовлетворить свои желания. И только он заслуживает внимания. Пусть экономисты продолжают твердить о пользе и необходимости сбережений. Но пусть социолог так же твердо скажет, что политика сбережений, мешающая в XIX столетии рабочему классу итти в культурном отношении в ногу с другими классами, морально несправедлива, а экономически дает плохие результаты. Я не жалею, что американец больше не экономит. И я уверен в том, что радикальные теории стали бы более безопасными, если бы рабочий класс континентальных стран, которые я посетил, ставил бы себе более широкие социальные задачи. Один из самых интеллигентных предпринимателей сказал мне несколько лет тому назад, что он с величайшим удовольствием платил бы своим рабочим более высокую

заработную плату, если бы они как следует расходовали избыток, а не накопляли бы его. Он знал, что в конечном счете это для него выгодно, ибо удовлетворение новых потребностей снова порождает другие» [1]). Если все еще существуют теоретики-экономисты, утверждающие, «что спрос на товары не есть еще спрос на труд», то им следует напомнить, что парадокс не всегда означает истину. В самом деле, данный парадокс основан, очевидно, на комбинации из непродуманных рассуждений и моральных предрассудков. Среди исследователей экономистов все более укрепляется теоретическая формулировка твердо установленного эмпирически мнения, которого всегда придерживался деловой мир, а именно, что более высокий уровень потребления является лучшей гарантией процветания промышленности. Лучшим аргументом в пользу «выгодности высокой заработной платы» является убеждение, что она будет способствовать развитию промышленности, повышая потребление. Рабочий класс проявляет, особенно в Соединенных Штатах и в Англии, все развивающуюся тенденцию использовать повышение заработной платы на улучшение потребления. От постоянного действия этого фактора в значительной степени зависит экономическое будущее рабочего класса в всей промышленности.

---

[1]) E. R. L. Gould «Contemporary Review», январь 1893 г.

ГЛАВА XV.

НЕКОТОРЫЕ ВЛИЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО СТРОЯ НА РАБОЧИХ, КАК НА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ.

§ 1. В какой степени понижение цен выгодно различным группам рабочего класса. § 2. Часть экономии от машинного производства поглощается расширением органов распределения. § 3. Машинное производство менее всего выгодно низшему классу рабочих.

§ 1. Изучая влияние машинного производства на группу рабочих, занятых в какой-либо отрасли промышленности, мы не ограничиваемся исследованием результатов технических и организационных усовершенствований только в данной отрасли. В качестве потребителей, эта группа рабочих заинтересована и в усовершенствованиях, вводимых в других производствах, ибо они отражаются на понижении розничных цен. Поскольку все английские рабочие потребляют хлеб, им выгодна постройка новой американской железной дороги или технические изобретения в области мельничного дела, понижающие цены на хлеб. Поскольку все носят обувь, выгоды от введения машин для ее производства не ограничиваются для рабочего класса повышением заработной платы некоторым группам рабочих на обувной фабрике; они распространяются на всех рабочих, которые могут теперь покупать обувь дешевле.

В какой степени современный капиталистический способ производства выгоден рабочему, как потребителю?

В ответе на этот вопрос экономическая наука довольно хорошо согласуется с практикой. Каждая группа рабочего класса выигрывает в качестве потребителя от улучшения методов производства, пропорционально общей сумме, на которую ее доход превосходит заработную плату неквалифицированных рабочих, обеспечивающую только жизненный минимум. Хорошо оплачиваемый механик выигрывает больше всего, рабочий, эксплоатируемый потогонной системой, меньше всего. Рабочий, получающий 40 шиллингов в неделю, выигрывает на каждом общем понижении издержек производства большее, чем вдвое, по сравнению с рабочим, получающим 20 шиллингов. Это объясняется различными причинами.

1. Там, где существует постоянный избыток предложений труда, конкурирующий из-за определенного количества работы в данный момент, заработная плата довольно точно определяется самым низ-

ким жизненным уровнем этой группы рабочих, а не определенной или традиционной денежной оплатой труда. Так обычно обстоит дело в потогонной промышленности крупных городов. Здесь технические и организационные усовершенствования промышленности, понижающие цены на предметы, которые входят в состав «жизненного уровня» этой группы, быстро отражаются на падении денежной оплаты этого неквалифицированного труда. Другими словами, заработная плата, обеспечивающая только минимум существования — «голодная заработная плата» — ничего не выигрывает от понижения цен на предметы ее потребления.

Но даже в низших видах труда имеется, несомненно, тенденция отстаивать прежний уровень заработной платы в деньгах и таким образом несколько повышать норму реальной заработной платы. Но в областях, где особенно остра конкуренция, эту силу инерции можно преодолеть, и тогда денежная оплата труда понижается вместе с ценами. По мере перехода к более квалифицированным, лучше оплачиваемым и лучше организованным видам труда, рабочие меньше зависят от конкуренции, не страдают от хронического избытка предложения труда. Здесь падение розничных цен не связано с быстрым и неизбежным соответственным падением денежной заработной платы, а временное повышение реальной заработной платы отражается на повседневном повышении жизненного уровня и усиливает сопротивление всем попыткам понизить денежную заработную плату, даже если они производятся в момент, когда на рынке имеется избыточное предложение труда.

В зависимости от оплаты, воспитания и организованности данной группы рабочих, она в состоянии пользоваться выгодами, даваемыми машинным производством потребителю, ибо, в зависимости от этого, она скорее может сопротивляться экономической тенденции определять заработную плату жизненным уровнем, независимо от денежного момента. Плохо оплачиваемым, страдающим от сильной конкуренции рабочим удавалось извлекать выгоды из падения цен, только благодаря моральному давлению лучшей части предпринимателей и публики против понижения денежной заработной платы, как только за меньшую сумму денег становится возможным купить столько же, сколько прежде за бо̀льшую.

2. Чем меньше доход, тем большая часть его тратится на товары, меньше зависящие, в смысле издержек производства и цены, от машинного производства. Благодаря вызываемому им падению цен, выгоды, которые машинное производство приносит людям, прямо пропорциональны их доходу. Быстрее всего упали в цене предметы роскоши и комфорта, в производстве которых машинное производство играет наибольшую роль. Аристократия рабочего класса, жизненный уровень которой включает часы, рояли, книги и велосипеды, выиграла от падения цен много больше, чем те, кто должен тратить всю заработную плату на покупку предметов первой необходимости. Первые получили большие и разнообразные выгоды, выигрыш последних ограничивается удешевлением хлеба и бакалейных

товаров — бесспорно крупная выгода, если измерять ее улучшением условий жизни, но мелкая по сравнению с ростом покупательной силы современной рабочей силы Ланкашира, с ее тремя или четырьмя фунтами стерлингов в неделю. Выгоды низших видов труда в значительной степени уравновешиваются увеличением той доли дохода, которую городские рабочие тратят на ренту, овощи, молочные продукты и прочие товары, поднявшиеся в цене.

3. У высоко оплачиваемых рабочих обычно и рабочий день бывает наиболее коротким, у плохо оплачиваемых — самым длинным. Поскольку эта разница не компенсируется большей интенсивностью труда при коротком рабочем дне, она дает большую возможность использовать свой заработок наилучшим образом. Бо̀льший досуг дает рабочему возможность потреблять с наибольшей для себя выгодой. Он может расходовать свои деньги более осторожно, у него меньше соблазнов промотать деньги на излишества — непосредственная реакция после чрезмерного труда, — он может получить от покупаемых им предметов более полное наслаждение и бо̀льшую пользу. Все бо̀льшее число самых дешевых и самых несложных ценных предметов интеллектуального, духовного и художественного характера становится доступным потреблению лишь тех, кто имеет в своем распоряжении больше досуга, чем масса неквалифицированных рабочих в наших городах.

§ 2. Сравнивая цифры заработной платы, мы найдем, что максимальное относительное повышение денежной заработной платы имело место в высоко организованных отраслях машинного производства, и что выгоды, которые оно приносит рабочим, как потребителям, достаются, главным образом, на долю этих же рабочих.

Но не следует думать, что все выгоды от усовершенствования методов производства достаются, благодаря конкуренции, потребителям. Наоборот, значительная часть этих выгод не отражается целиком на розничных ценах. Это объясняется двумя основными причинами. Одной из них мы уже уделили должное внимание. Это — развитие определенных форм капиталистической монополии, которые обеспечивают препринимателям в той или другой точке производственного процесса такое увеличение прибыли, которое при свободной конкуренции перешло бы, благодаря понижению цен, в руки потребителей. Вторая причина состоит в ненормальном развитии класса торговцев-распорядителей. Это объясняется теми пределами приложению капитала и труда в добывающей и обрабатывающей промышленности, которые устанавливает система машинного производства. Все большее количество промышленных рабочих добывают себе средства к существованию, благодаря разделению процессов торговли, далеко вышедшему за пределы общественных интересов. Ибо, когда, с одной стороны, конкуренция в обрабатывающей промышленности и транспорте сводится все более и более к небольшому числу крупных предприятий, которым приходится конкурировать между собой все сильнее и сильнее, потому что совокупность их производительных сил значительно превосходит объем потребле-

ния по выгодным ценам, то каждая фирма затрачивает все большее количество труда, чтобы обеспечить за собой большую долю сбыта за счет другой фирмы. С другой стороны, избыток капитала и труда, не находящий себе выгодного и производительного приложения в обрабатывающей промышленности, направляется в те области торговли, где новичкам открываются лучшие перспективы, и где они могут, благодаря территориальным условиям или по другим причинам, захватить свою долю клиентуры. Поэтому понижение оптовых цен обычно не сопровождается соответствующим понижением розничных цен. Как ясно показал Д. С. Милль, конкуренция в розничной торговле «часто вместо того, чтобы понижать цены, просто делит прибыль, приносимую более высокими ценами, между большим числом торговцев [1]).

§ 3. Громадная разница между экономическим положением квалифицированного механика и обыкновенного рабочего доказывает всю ошибочность того понимания влияния машинного производства на положение рабочего класса, которое обычно встречается в политико-экономических трактатах. Не научно и вредно трактовать один из важнейших экономических вопросов следующим образом: изобразить сравнительную картину развития рабочего класса за последнюю половину столетия, отмечая при этом рост денежной заработной платы, при чем эта цифра получается, как средний вывод из ряда повышений оплаты в различных профессиях; затем этот рост переводится на реальную заработную плату, не обращая внимания на различное использование различными группами своей заработной платы. Ясно, что машинное производство отражается очень различно на положении квалифицированного механика и простого рабочего как в качестве производителей, так и в качестве потребителей, и что оно создает громадное различие жизненного уровня этих двух групп. Эта разница еще усиливается, кроме того, косвенным содействием машин и крупного производства объединению квалифицированных рабочих, благодаря чему они часто добиваются более высокой заработной платы, чем этого требует экономическая производительность их труда. С другой стороны, развитие гуманности и распространение хотя смутного, но прирожденного человеку чувства социальной справедливости, часто дает возможность и неквалифицированному рабочему добиться большего благосостояния, чем дала бы ему одна экономическая конкуренция. Но, помимо этой поправки, мы должны притти к выводу, что, поскольку речь идет о повышении реальной заработной платы, выгоды машинного производства достались, главным образом, высоко квалифицированным и хорошо оплачиваемым рабочим. По мере того как понижается квалифицированность труда и заработная плата, быстро уменьшается и соответствующая выгода, которую получают рабочие от громадного роста производительных сил. Беднейшие классы рабочих получают лишь незначительную долю.

[1]) «Principles of Political Economy», книга II, глава IV, § 3.

ГЛАВА XVI.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ПРОФЕССИЯМ.

§ 1. Движение рабочего населения в Англии по профессиям по данным переписей. § 2. Развитие и падение отдельных отраслей промышленности. § 3. Аналогичное движение рабочего населения по профессиям в Соединенных Штатах, Франции, Германии, Австрии, Швеции. § 4. Общие законы движения по профессиям. § 5. Объяснение основных процессов в развитии наемного труда. § 6. Нормальный закон эволюции наемного труда. § 7. Соотношение между наемным трудом и интернациональной торговлей.

§ 1. Изучение сравнительных статистических данных о занятиях является самым ценным источником ознакомления с результатами современного индустриализма. Подобно всякому статистическому обследованию, и эта статистика полна ловушек. Когда способы собирания данных и их классификации становятся объектом детального анализа, исчезает многое из кажущейся точности, которой гипнотизируют нас колонны цифр и процентных отношений. Но, хотя такого рода ошибки и подрывают многие из отдельных выводов, касающихся природы и объема колебаний, однако они отнюдь не ослабляют до такой же степени более общих заключений, основанных на массе накопленных статистических данных.

Имеется налицо поразительное совпадение показаний, указывающее на некоторые важные тенденции сокращения или расширения видов занятий под давлением современных промышленных сил.

Итоговые таблицы занятий последних пяти переписей дают для Англии и Уэльса по главным разделам следующие цифры о населении, работающем по найму:

Англия и Уэльс. — Общие данные о роде занятий.

	1861	1871	1881	1891	1901
1. Служащ. и лица своб. проф.	481.957	684.102	647.075	926.132	972.685
2. Прислуга	1.367.782	1.633.514	1.803.810	1.900.328	1.994.917
3. Занятые в торговле. .	623.710	815.424	980.128	1.309.735	1.858.454
4. Землед. и рыболовство . .	2.010.454	1.657.138	1.383.184	1.336.045	1.152.495
5. Занятые в промышл. . .	4.828.399	5.137.725	6.373.367	7.336.344	8.350.176
Всего наемных работн. .	9.312.302	9.927.903	11.187.564	12.899.484	14.328.72,
Всего населения	20.066.224	22.712.266	25.974.439	29.002.325	32.527.84
Прирост насел. со врем. посл. переписи в % .	11,90	13,21	14,36	11,65	12,17

Основные тенденции, которые вытекают из этих данных, показывают: относительное и абсолютное уменьшение наемного труда в земледелии, относительное уменьшение найма прислуги, слабый рост наемного труда в промышленности и очень большой рост его в торговле и среди служащих. Эти тенденции более успешно изучены в более детальном анализе 1901 года [1]), устанавливающем, в миллионах, численное соотношение работников по основным подгруппам в трех последних переписях и отделяющей те, которые дают увеличение, от тех, которые показывают падение.

Относительное падение земледелия, поскольку это касается наемного труда, не было результатом отмены хлебных законов. Отчет о переписи 1851 г. по Англии и Уэльсу дает следующую сравнительную таблицу в процентных отношениях.

	Земледельч. население.
1811	35
1821	33
1831	28
1841	22

К этим цифрам мы можем присоединить позднейшие данные соответствующих переписей. Они, хотя и исчислены на несколько иной основе, дают, однако, ту же самую общую тенденцию

1851	23,5
1861	21,2
1871	16,8
1881	13,8
1891	11,6
1901	9,5

Обращаясь к группе служащих, мы должны прежде всего отметить увеличение числа лиц, занятых на государственной службе — общественной или местной, — увеличение в продолжение последнего десятилетия на 37,3% или более, чем в три раза, по сравнению с общим приростом населения. В области частных «профессий», конторские служащие и клерки у юристов (исключая их низших разрядов) отстают от общего роста числа наемных работников. В сфере врачебного дела прирост сильнее, хотя наибольший прирост дают здесь сиделки и другие подсобные медицинские профессии. Учительская и инженерная профессии показывают умеренный рост, хотя и несколько более быстрый, чем средний прирост работников вообще. Пропорционально гораздо большее увеличение дается для рубрик «искусство, музыка, театр» и «зрелища и развлечения», в то время как маленькая группа под заголовком «Литература и Наука» показывает быстрый рост. Иными словами, быстрее всего среди «профессий» растут группы, обслуживающие либеральные профессии, и группы, занятые удовлетворением запросов роскоши и удовольствий.

[1]) См. Cd. 2174, стр. 132.

Обслуживание домашнего хозяйства с помощью прислуги относительно сокращается, главным образом, в силу открывшихся для женщин возможностей найти работу в промышленности. Отчасти же это происходит благодаря повышению «школьного возраста». В течение двадцати лет с 1881 г. до 1901 г. женская домашняя прислуга дала увеличение только на 8,2%, в то время как все население возросло на 25,2%.

Одной из самых ясных и наиболее значительных тенденций является быстрый рост торговых занятий почти всех родов. Группа «занятых в торговле» в английской переписи состоит почти целиком из конторщиков (клерков), счетоводов, маклеров, торговых агентов, коммивояжеров, аукционистов и лиц, обслуживающих банковское и страховое дело. Главная масса торгующих, как продавцов, так и скупщиков, вместе с большинством мелких торговцев отнесены к тем отраслям «промышленности», которые изготовляют продаваемые ими товары. Это мешает переписи дать точную и всеохватывающую картину возрастания торговых занятий. Но за последние декады норма прироста этой группы на много превосходит норму «промышленной» группы, давая для 1881 — 91 гг. — 42,8%, а для 1891 — 1901 гг. — 44,6%. В обычной торговле прирост числа торговых служащих и коммивояжеров дает соответственно за последнюю декаду — 47,1% и 46%. Иными словами, мы имеем прирост почти в четыре раза более быстрый, чем прирост общего числа работников. Банковское дело, маклерство и финансовая агентура в течение того же самого периода дали увеличение на 43,1%, в то время как страховое дело показывает прирост не менее, чем на 79,4%.

В области розничной торговли, хотя здесь пока что и является невозможным отделить посредника от производителя, чтобы точно учесть количество наемного труда, имеется, однако, достаточно соответственых данных, чтобы установить, что занятие самой розничной торговлей увеличивается быстрее, чем занятие в «производственной» сфере промышленности.

Мистер Чарлз Бутс в своем анализе переписей от 1841 года до 1881 показывает очень значительный рост относительной роли посредничества.

1841	5,3%
1851	6,5%
1861	7,1%
1871	7,8%
1881	7,8%

Последняя перепись, давая осторожный учет розничной торговли, устанавливает цифру, — 9,5%, показывая в итоге 1.358.500, как число охватывающее все группы лавочников. Перепись 1891 г., рассматривая число учреждений розничной торговли, при чем посредники отделены от производителей, дает повышение на 27,9%, наряду с общим увеличением работающего населения всего на 15,1%.

Извлекая из сравнительной таблицы занятий трех последних переписей те данные о розничной торговле, которые ясно разли-

чимы в отдельных промышленных подгруппах, мы получим следующий результат, который можно считать вполне правильным для охваченных им отраслей розничной торговли.

	1881	1891	1901
Занятия лиц.	609.100	794.300	922.750

Рассматривая торговую и промышленную группы с точки зрения переписи, мы замечаем, что норма роста первой значительно и постоянно выше таковой же нормы последней. Если же из группы «промышленности» взять розничных торговцев и поместить их в группу «торговли», то более быстрый рост «посредников» или «распределителей» по сравнению с «создателями» или «производителями» будет еще сильнее бросаться в глаза.

Обращаясь теперь к промышленной группе, которая включает индустрию, горное дело и строительное дело, мы найдем, что, хотя по отношению к наемному труду эти группы и показывают в целом значительный и постоянный прирост, однако, его нужно отнести, главным образом, на счет горного и строительного дела. Если мы возьмем промышленность в обычном значении этого слова, то мы не найдем, чтобы она в течение последних десятилетий что-либо приобрела в отношении наемного труда.

Новейшее обследование Бутса [1]) показывает, что если до 1861 г. процентное отношение здесь росло, то, начиная с этого времени, оно падает вплоть до 1881 года.

1841	27,1%
1851	32 7%
1861	33.0%
1871	31,6%
1881	30,7%

Хотя отчеты последующих переписей и не дают нам данных в форме, которая позволила бы продолжать таблицу Бутса, однако, сравнительная таблица цензов 1881, 1891 и 1901 гг. позволяет заметить, если взять только явно промышленные группы, что индустрия (безразлично, включать или не включать строительное дело) не дает значительного увеличения наемного труда.

Процентное отношение ко всему населению, старше десяти лет, представляется в следующем виде:

	1881	1891	1901
Промышленность (исключая строительное дело) . . .	21,54	21,89	21,73
Промышленность (со включением строительного дела).	25,50	25,49	26,18

Если выбросить из этих данных включенные сюда группы посредников, то падение, имевшее место согласно Бутсу между 1861 и 1881 гг., окажется продолжавшимся и дальше.

§ 2. Более внимательное изучение наемного труда по различным группа производств показывает, что в то время как вся про-

[1]) «Occupations of People».

мышленность в целом остается по отношению к величине потребляемого ею наемного труда почти в стационарном положении, одна из ее отраслей показывает увеличение, а другие уменьшение.

Отраслями, дающими наибольшее уменьшение, являются текстильное производство и производство платья. Одновременно с металлургией, судостроением, керамическим производством, деревообделочной и пищевой промышленностью, показывающими умеренное увеличение, обработка драгоценных металлов, изготовление инструментов, экипажей, химических продуктов и печатное дело дают сильный прирост. Еще более внимательный анализ подразделений данных переписи устанавливает, что основные и первоначальные процессы производства сохраняют свой прежний удельный вес или идут к упадку, в то время как процессы, имеющие дело с отделкой, и в особенности процессы, касающиеся изготовления предметов наиболее высокой специализации, показывают рост. В металлургии наиболее основные и общие отрасли, определяемые под рубрикой «железо и сталь», в отношении наемного труда, которым они пользуются, дают увеличение всего лишь на 10,3% (за годы 1891—1901), в то время, как подотдел инженерных работ и машиностроения показывает прирост в 67,4%[1]). Равным образом, большие завоевания имеются налицо и в отраслях промышленности, связанной с обработкой меди, выделкой проволоки и гальванопластических товаров. Изготовление электрических аппаратов и различного сорта научных, медицинских и музыкальных инструментов вместе с производствами, обыно объединяемыми с ювелирным делом, иллюстрируют в металлической промышленности ту же самую тенденцию, т.-е. тенденцию поглощения более тонкими и позднейшими процессами большей сферы этого вида деятельности.

Рубрика «бумага, печатание книг» рисует аналогичную картину. Наиболее быстрый рост в области печатания, литографии, переплетного дела и наименее быстрый в писчебумажной промышленности.

В текстильной промышленности среди общего падения основных отраслей прядильного и ткацкого дела единственной группой, которая сохраняет свое положение, является группа, употребляющая наемный труд для более мелких производств «конопли, джута, кокосовой фибры, веревок, рогож, холста и парусной ткани». Рубрика «платье» показывала бы между 1891 и 1901 гг. безусловно падение в количестве наемных работников, если бы она не была усилена включением в нее различных «посреднических» занятий и различных мелких смешанных производств. Все основные отрасли дают здесь явное падение нормы роста. В рубрике «продукты питания» снова наиболее заметные приобретения имеются у конфетного производства, изготовления варенья, маринадов, сой, минеральных вод и в других профессиях, где «созидание» усилено включением эле-

[1]) Кое-что в этом приросте, однако, надо отнести на счет более точного учета в работе переписи.

мента посредничества. В рубрике «трактирного дела, гостиниц, меблированных комнат» производственные занятия отстают от общего числа населения, захватываемого этой сферой деятельности в качестве работников наемного труда. Единственный действительный прогресс имеется в торговых и посреднических процессах распределения. Ювелирное дело, печатание, изготовление варений и маринадов, автомобилей, электрических аппаратов, клеенки, инбирного пива, изделий из резины, лекарств, взрывчатых веществ, домашней обстановки и украшений служат примерами быстро развивающихся, с точки зрения поглощения наемного труда, производств.

Две важных группы «созидательных» отраслей, показывающие самое сильное повышение, требуют специальных замечаний.

Во-первых, группа производств, связанная с жилищами, — их постройкой и меблировкой. Большая подвижность населения, рост больших городов, спрос на более обширные и лучшего качества жилища, развитие общественного строительства для педагогических или других общественных целей создали широкий спрос на строительный труд. В то же самое время сравнительно слабое употребление машин и медленная замена материалов, обрабатываемых от руки, материалами, обрабатываемыми машиной, вызвали реализацию этого спроса путем роста количества рабочей силы. Хотя данные двух последних переписей и не годны для точного сравнения, благодаря отсутствию в первой из них значительных количеств «рабочих вообще», включенных в последнюю, однако, тот факт, что число домов, построенных или строящихся между 1891 — 1901 гг., возросло на 15,5%, является достаточным свидетельством прогресса этой отрасли промышленности. В общий отдел строительности включены также вообще «строительные работы и сооружение дорог», — отрасли деятельности, в широкой степени являющиеся подсобными для транспорта.

Второй из этих сильно прогрессирующих групп промышленности выступает группа, связанная с производством средств передвижения (vehicles) по суше и по воде. Рост изготовления различных сухопутных экипажей, включая сюда, конечно, и новые велосипеды и автомобили, на много превзошел даже рост судостроения. Следующие данные показывают в миллионах населения (свыше 10-летнего возраста) увеличение занятых здесь рук за последние две декады.

	1881	1891	1901
Экипажи	3.280	3.694	4.679
Суда и лодки	2.801	3.162	3.421

Этот быстрый рост производств, занятых изготовлением судов и сухопутных средств передвижения, может служить пояснением к одному из самых значительных процессов в области занятий, — огромному возрастанию отдела транспорта. Если мы к разделу переписи «транспортирование» добавим некоторые группы рабочих,

іятых на железных дорогах или связанных с ними, то мы найдем,) процентное отношение за последние три декады складывалось с:

	1881	1891	1901
	4,4	4,9	5,5
1851	—	—	4,1%
1861	—	—	4,6%
1871	—	—	4,9%
1881	—	—	5,6%[1])

Каждый подотдел транспортного дела дает заметное увеличение емного труда, исключая подотделы «на море, реках и каналах», в течение двадцати лет замечается слабое падение в абсолют- х числах. Это падение английского наемного труда обусловлено, нако, значительным увеличением на английских судах числа остранцев. Общий рост его с 1887 по 1902 г. был значительно стрее роста тоннажа[2]).

§ 3. Статистика занятий в Соединенных Штатах показывает юго тех же самых основных тенденций, что и статистика Велико- итании. Относительное падение земледельческого наемного труда, льшой прогресс среди групп служащих в торговле и в различных ециальных профессиях, сильное развитие в горном деле и, за следнюю декаду, задержка прежнего роста в группах обрабатываю- эй и ремесленной деятельности.

Следующая таблица отмечает основные линии изменений (в про- нтах по отношению ко всему населению, живущему наемным удом.)

	1880	1890	1900
Сельское хозяйство.	44,3	37,7	35,7
Служащие и лица свободных профессий	3,5	4,1	4,3
Прислуга и личные услуги	19,7	18,6	19,2
Торговля и транспорт	10,7	14,6	16,4
Промышленные и ремесленные занятия.	21,8	25,0	24,4

Многие из более мелких изменений напоминают таковые же, іевшие место в Англии.

В сфере свободных профессий наблюдается такой же ненормаль- ый прогресс в группах учительской, медицинской и юриспруден- іи. Прирост торговых групп отмечается особенно у наемных ра- этников, связанных с банковым и страховым делом, и в виде огром- юго увеличения числа конторщиков, бухгалтеров, счетоводов и эммерческих коммивояжеров. Большинство из групп, занятых анспортированием людей, товаров и новостей, дает также пора- ітельное увеличение, — особенно те из них, которые связаны

[1]) Отличная от данной классификация транспорта Бутса в его анализе за 351 — 81 гг. включает элементы, здесь опущенные.

[2]) Statistical Abstract. Cd. 1727, стр. 193.

с уличным движением и со службой телеграфа и телефона. Однако, торговцы, как оптовые, так и розничные, не показывают столь быстрого роста, как в Англии.

В области обрабатывающей промышленности и других производственных занятий самый быстрый рост за последнее время имеется в отраслях: железоделательной, сталеобрабатывающей, машиностроительной, хлопчатобумажной, трикотажной, шелковой, писчебумажной, стеклянной, нефтяной, химической и в некоторых более мелких производствах. Среди отраслей промышленности, которые показывают падение количества занятого или наемного труда, имеются многие из строительных и пищевых производств, пивоварение и винокурение, изготовление стенных и карманных часов, обработка драгоценных металлов и различные текстильные производства. Абсолютное уменьшение количества наемного труда между 1891 и 1901 г. устанавливается в обувной и вообще в кожевенной промышленности, в шерстяной и ковровой, и в большинстве деревообделочных занятий, в производстве кирпича, черепицы и в мукомольном деле. Горное дело показывает колоссальный прирост, поднявший здесь цифры за десять лет с 387.000 до 564.000.

Единственное имеющее ценность сопоставление в области движения занятий во Франции, даваемое переписями 1866 и 1896 гг., обнаруживает тот же самый общий уклон:

Занятия [1]).	Количество.		Проценты.	
	1866	1896	1866	1896
Земледелие . .	6.195.329 [2]) 7.200.000	8.421.319	52	47
Промышленность.	4.715.805	6.373.239	34	35
Торговля	572.816	916.532	4	5
Разл. занятия и транспорт. .	488.630	971.432	3	5
Либеральные профессии . . .	914.034	1.405.382	7	8

Посредством более пристального изучения этих общих данных устанавливается быстрый прогресс, проделанный группами т. н. «свободных профессий» как среди лиц либеральных занятий, так и занятых при промышленности, группами торговой и транспорта, а среди отдельных отраслей производств — металлургической и пищевой промышленностью.

Изменения в области занятий в Германии вырисовываются посредством сравнения результатов двух больших промышленных переписей 1882 и 1895 гг. [3]).

[1]) Таблица извлечена из «Résultats Statistiques de Recencement», том IV 1901.

[2]) Чтобы иметь возможность сравнивать 1866 г. с 1896 г., нужно около одного миллиона наемной прислуги отнести к предыдущему году.

[3]) «Statistische Jahrbücher», 1885 и 1904 гг.

Занятия.	Количество. 1882	Количество. 1895	Проценты. 1882	Проценты. 1895
Землед. и рыболовство . . .	8.236.496	8.292.692	46,7	39,9
Промышл. и горное дело . .	6.396.465	8.281.220	36,2	29,9
Торговля и транспорт	1.570.318	2.338.511	8,9	11,2
Прислуга	997.582	432.491	2,2	20,7
Служащие, военн. и гражд. .	1.031.147	1.425.961	5,8	6,8
	17.632.008	20.770.875	—	—
Без занятий	1.354.486	2.142.683	—	—

Более детализированные данные подчеркивают бросающуюся глаза параллель с крупными изменениями в области занятий, анными нашим анализом английских переписей. То же самое начительное увеличение в горном деле, металлургической и строиэльной промышленности, в транспорте и посредничестве, в химичеком производстве, в книгопечатании и художественной промышленюсти и в страховом деле. В то же самое время текстильная проышленность и изготовление одежды дают относительное падение. Что же касается земледелия, то оно остается по отношению к употрезляемому им количеству наемного труда в абсолютных цифрах эактически в стационарном состоянии, а относительно — быстро егрессирует.

Для сравнения четырех крупнейших и наиболее прогрессирующих промышленных стран с менее развитыми, мы можем взять следующие официальные таблицы, вырисовывающие тенденции развиния занятий в Австрии и Швеции.

Австрия.

	Проценты. 1890	Проценты. 1900
Земледелие	62,5	58,2
Промышленность	21,2	22,3
Торговля и обмен.	6,2	7,3
Государственная служба, либеральные профессии . .	10,1	12,2
	100,0	100,0

Швеция.

	Проценты. 1880	Проценты. 1890	Проценты. 1900
Земледелие и рыболовство	71,87	60,92	55,32
Промышленность	14,71	22,72	27,08
Торговля и транспорт.	5,06	8,92	10,47
Общественные службы и т. д. (включая либеральные профессии)	8,36	7,44	7,13
	100,0	100,0	100,0

§ 4. Во всех этих странах статистика отмечает определенные общие тенденции:

1. Относительное падение важности земледелия в Англии. Быстрое абсолютное падение его в Англии за период свободной торговли с предшествующим развитием капиталистической промышленности и плотного населения. Значительное относительное падение земледелия в каждой из остальных стран независимо от таможенной политики, плотности населения, системы земельных отношений или промышленного развития. Аграрный протекционизм, в соединении со значительным сохранением мелких земельных собственников, как то имеет место во Франции и Германии, наличие широкой экспортной торговли сельскохозяйственными продуктами, подобно Соединенным Штатам, замедляют, но отнюдь не уничтожают действия этой тенденции.

2. Ненормально быстрый рост транспорта и распределительной деятельности (оптовой и розничной торговли), вместе со строительным делом, изготовлением перевозочных средств, электрической промышленностью и другими отраслями обрабатывающей промышленности, связанными с транспортом и распределением.

3. Повсюду, где имеются большие залежи угля и железа, наблюдается сильное развитие наемного труда в горном деле.

4. Относительное падение основных или главных отраслей обрабатывающей промышленности, в особенности текстильной и конфекционной, если их сравнивать с отраслями, изготовляющими предметы не первой необходимости. Отрасли производства предметов роскоши или отрасли производства, связанные с искусствами и свободными профессиями, дают пропорциональное повышение в количестве занятых ими лиц.

5. Почти в каждом случае большой и быстрый рост в количестве трудового населения, занятого общественной службой, работой свободных профессий и деятельностью в других отраслях нематериальной продукции.

6. Увеличение численности групп, оставивших работу или не имеющих занятия.

Теперь представляется очевидным, что данные тенденции в части своей выражают эволюцию капитализма, обусловленную усовершенствованными методами хозяйственного использования машинного оборудования и сопутствующей им организацией труда. Где только машинное оборудование является наиболее усовершенствованным и наиболее широко применяемым, как то имеет место в главных разветвлениях текстильной промышленности и других основных производствах, например, в мукомольном деле, — там мы находим повсюду относительное, а во многих случаях и абсолютное уменьшение числа занятых лиц, безотносительно к существованию широкой экспортной торговли данными товарами. Более мелкие производства, в особенности связанные с выделкой предметов роскоши и других изделий, спрос на которые меняется в зависимости от моды, сезона и вкуса, или в которых быстрое изменение методов работы предпола-

гает широкое использование дорого стоящих машин, поглощают все большее и большее количество трудовых элементов. Но промышленность в целом не дает увеличения вообще или, во всяком случае, не даст такого быстрого увеличения, как торговля и транспорт. Наличие этого фонда очевидно частично обусловливается тем, что машинное оборудование и обычные методы хозяйствования современного капитализма являются менее применимыми к данным отраслям промышленной жизни.

Торговля, оптовая и розничная, использует гораздо меньшие суммы основного капитала по сравнению с промышленностью. Что касается транспорта, то, хотя во многих его областях величина основного капитала в виде машинного оборудования и очень велика, однако, и здесь лишь сравнительно небольшая часть наемных работников является непосредственно оперирующей машинами. Большинство же занято вспомогательными работами, где машина находит себе лишь слабое применение. Относительно бо́льшее возрастание наемного труда в горном и строительном деле в большинстве стран нужно отчасти также приписать сравнительно малому применению здесь машин. Однако, является возможным, что употребление врубовой машины (coual-cutting) и других механизмов для копания и транспортирования в горном деле и использование обделанной стали, дерева и других машинным путем обработанных материалов в строительстве будут в состоянии понизить рост наемного труда, непосредственно занятого в этих отраслях хозяйства.

Быстрый рост свободных профессий и большинства других групп, занятых производством «услуг» или нематериальных форм богатства, явным образом в широкой степени зависит от по природе своей индивидуального характера этих видов хозяйственной деятельности.

Уменьшение численности прислуги по отношению ко всему трудовому населению, наблюдаемое в Англии и Америке, на первый взгляд кажется независимым в столь большой степени от капиталистической экономики. Но вдумчивое отношение покажет нам, что кое-что в этом уменьшении можно отнести и на счет сокращения самого источника, дающего личный персонал прислуги, — сокращения, порождаемого все расширяющимся применением женского труда в промышленности и торговле. Однако, более непосредственной причиной этого уменьшения является изъятие из домашней сферы и выполнение посредством машинных процессов многих из тех работ по стирке, варке, чистке, изготовлению одежды и т. п., которые прежде производились дома. Это одна из наиболее выгодных сторон городской жизни, которая захватывает все более значительную часть нашего населения.

§ 5. Абсолютное или относительное сокращение сельскохозяйственных занятий не может быть, однако, правильно объяснено ростом машинной техники и научных методов. Равным образом нельзя отнести этого и на счет зависимости в области пищевых запасов от иностранных государств. Соединенные Штаты — крупней-

ший экспортер пищевых продуктов, и Франция, Германия и Швеция, почти обходящиеся собственной сельскохозяйственной продукцией, — одинаково показывают быстрое уменьшение наемного труда в земледелии. Хозяйство с помощью машин и с более научными методами обработки земли должно удовлетворить растущий спрос со стороны потребителей переходом к менее плодородным участкам.

Для того, чтобы объяснить сокращение количества наемного труда в земледелии, мы должны обратить главное внимание не на изменения в производстве, а на изменения в потреблении. Каждое повышение уровня потребления у любого класса или нации сопровождается относительным падением роли пищи и вообще продуктов почвы по сравнению со всем потреблением. В то время, как в первые десятилетия девятнадцатого века пропитание поглощало почти целиком весь доход беднейших групп рабочего класса и в значительной степени являлось главным элементом расходов высших групп рабочих и низших слоев средних состояний, — место, занимаемое им теперь в определении степени благосостояния этих слоев населения, хотя и значительное, однако, много меньшее. Если бы существовала точная сравнительная статистика потребления для всего английского народа, то наверное бы доля общенационального дохода, расходуемая на пищу и сырье, получаемое от земледелия, для последних восьми — десяти лет показывала бы быстрое уменьшение. То, что верно по отношению к пище, верно также и для многих видов промышленных товаров, поскольку уровень благосостояния широких масс народа неизменно повышается. И хотя у трудовых элементов первые повышения реальной заработной платы над уровнем обеспечения голого существования могут быть почти целиком поглощены спросом на лучшую и более разнообразную пищу и на приобретение большего количества обстановки, одежды и других благ промышленности, однако, дальнейший ее рост дает более значительные траты на развлечения, путешествия, образование и пользование услугами культурного характера. Равным образом, средние и богатые классы тратят более значительную долю своих увеличивающихся доходов или на нематериальное потребление, или же на наиболее законченные и художественные воплощения материальных благ, ценность которых лишь в малой степени зависит от процессов добывания или механической обработки. Бумажное производство и печатное дело, являющиеся как бы срединой между материальными и интеллектуальными благами и развивающиеся во всех странах много быстрее рабочего населения, несмотря на широкое пользование машинами, могут быть приведены, как убедительный пример изменений в потреблении. Если улучшение системы воспитания когда-либо даст, заменяя спрос на количество спросом на качество, уменьшение чтения, то за этим может последовать и сокращение бумажной промышленности и книгопечатания, сопровождаемое в свою очередь усилением занятости в области литературного и научного творчества или работой мысли вне сферы экономических отношений. Быстрый рост групп свободных

профессий и торговли отчасти должен быть также приписан тому обстоятельству, что бо́льшее количество людей располагает более значительными средствами, чтобы тратить их на оплату услуг, оказываемых этими менее механизированными видами занятий. Но частичное возрастание этих групп может быть рассматриваемо как искусственное разбухание, обусловленное особой комбинацией экономических и общественных обстоятельств. Более высокая социальная квалификация, связываемая со свободной професcией или, обратно, наблюдаемая у растущего среднего класса нелюбовь к рутине умственного и физического труда в промышленности и торговле, в соединении с широким распространением возможностей профессионального образования, ведут к переполнению некоторых профессий и к росту тех элементов, которые часто называются «интеллигентным пролетариатом», т.-е. ведущих ожесточенную борьбу за существование, дурно оплачиваемых и нерегулярно имеющих занятия квалифицированных учителей, врачей, инженеров, журналистов и других писателей.

Хотя увеличение численности оптовых и розничных посредников, агентов, коммивояжеров и других торговых групп вызывается усовершенствованным распределением все растущих масс дешевеющих материальных благ, все же фактическое увеличение многих из вышеупомянутых групп, кажется, дает большой излишек по сравнению со спросом. Усиливающаяся, на опыте познаваемая трудность устроиться с какой-нибудь надеждой на успех в производственной деятельности, будь то в качестве фермера или другого независимого производителя, вовлекает все более и более широкие массы людей в коммерческие начинания. Здесь они могут с меньшей и менее специальной подготовкой бороться за существование, протискиваясь в тот или иной из распределительных процессов то в качестве торговца, маклера или розничного продавца, то в виде агента в каком-либо коммерческом или страховом предприятии. Легче вести конкуренцию в области распределения с надеждой отбить какое-нибудь дело у другой фирмы, чем принять участие в производственом процессе. Поэтому, хотя безусловно верно, что во многих отраслях обрабатывающей промышленности имеется излишек производственных сил, все же бесполезная трата их здесь меньше, чем при безрассудном умножении числа торговых посредников.

§ 6. Нормальная эволюция занятий для нации, проходящей стадию современного капитализма, очевидно должна быть следующая: начиная с момента, когда значительное большинство населения занято в сельском хозяйстве или при нем, а целиком промышленностью и торговлей захвачено лишь незначительное меньшинство, эта эволюция должна постепенно открывать все большую и большую сферу для занятий в области горного дела и в основных отраслях обрабатывающей промышленности, в особенности в главных текстильных и металлургических производствах. Развиваясь далее, капитализм должен или вызвать большую экономию в основных

отраслях промышленности, или же стать крупным импортером более грубых фабрикатов, утилизируя в большем объеме свои ресурсы на конечные процессы изготовления предметов потребления, связанных в новых отраслях промышленности со специальными вкусами и требованиями роскоши. Транспортные и коммерческие операции начинают тогда играть более крупную роль, а финансовая сторона деловой жизни будет поглощать бо́льшее количество энергии. И если «посредничество» по отношению к занятиям, которые оно предоставляет, становится относительно более важным, чем «производство», то созидание и распределение нематериальных благ начинает расти быстрее производства благ материальных — иными словами, искусства и свободные профессии (включая сюда и искусство управления) дают занятия более значительной части населения. Когда общая норма потребления широких масс народа достигает уровня, при котором наиболее насущные потребности в пище, одежде и жилище удовлетворены, дальнейшее повышение этой нормы выражается в более значительном спросе на развлечения, образование, профессиональные услуги и другие нематериальные виды благ. Насколько быстро пойдет народное хозяйство по пути прогресса — это в большой степени зависит от ряда специальных условий. Среди последних наиболее важным являются, во-первых — относительная способность рабочих классов обеспечить себе долю во все возрастающем материальном богатстве, которое капиталистические способы производства имеют тенденцию производить, а, во-вторых, свобода и способность к расширению внешних рынков. Где в силу повышения действительного спроса со стороны главной массы населения возможно большое увеличение внутреннего рынка для продуктов земледелия и промышленности, и где, в то же самое время, имеются налицо более крупные запросы со стороны иностранных рынков, там доля наемного труда в промышленной области может в течение значительного периода оставаться большой. Быстрый рост рынков британской промышленности за первые две трети девятнадцатого столетия способствовал сохранению очень большой доли лиц, занятых в производственной деятельности, несмотря на сильную экономию труда, даваемую машинами. Там, где преобладает строгая протекционистская политика, как, например, в Соединенных Штатах, Германии и Франции, нормы замещения сельскохозяйственных и промышленных занятий занятиями коммерческими и деятельностью либеральных профессий выражены значительно слабее. Эти нации, начавшие эру машинного хозяйства в промышленности на полстолетия позднее Великобритании, смогли доставить занятия в промышленной сфере приросту своего населения отчасти посредством замещения отечественными продуктами прежнего импорта из Великобритании, а отчасти способствуя раннему повышению уровня материального благосостояния их растущего народонаселения.

Где какая-либо нация переходит к современному капиталистическому хозяйству с низким уровнем материального благосо-

стояния масс, с растущим населением и покровительственной системой, там сокращение сельскохозяйственных и промышленных занятий может быть замедлено на долгое время, хотя тенденция развития экономики и лежит в этом направлении.

§ 7. Переход отсюда к международной торговле ясен. Хотя количество потребностей, общих населению различных стран, постоянно возрастает, и хотя слагающаяся таким образом интернациональная норма благосостояния создаст непрерывно растущую базу для международного труда и обмена, все же в любой момент существуют очень строгие пределы для различных видов национального богатства, действительно годного для международной торговли. И если усовершенствованные и более дешевые способы хранения и транспортирования увеличивают постоянно количество съестных продуктов, сырых материалов и промышленных товаров, годных для широкого международного распределения, то, с другой стороны, все большая часть национальной энергии вкладывается в такие конечные процессы создания материальных видов благ для непосредственного потребления и в такие процессы распределения, которые по необходимости ограничены пределами национального производства. Сверх того, всякое расширение различных отраслей транспорта и всякое увеличение относительной важности искусств, либеральных занятий и других видов нематериальной продукции уменьшает еще сильнее часть национального достояния, годного для международного обмена. Где нация во все растущей пропорции вкладывает свою энергию в эти занятия, там совокупность запросов, которые по природе своей могли бы быть удовлетворены из ненациональных источников, будет сокращаться. Из этого вовсе не вытекает, что объем и ценность ее импорта в его абсолютной или относительной пропорции по всей величине национальных расходов уменьшаются. Подобная нация, во всяком случае хотя бы временно, может перекладывать во все возрастающих размерах свое снабжение продуктами питания, сырыми материалами и более грубыми фабрикатами на иностранцев. Поскольку она имеет доступ на рынки менее продвинувшихся вперед народностей, это может вызвать замещение ее собственной сельскохозяйственной и даже промышленной продукции привозными товарами, потребляемыми благодаря повышению материального уровня благосостояния народа и компенсируемыми, во все большем объеме, высшими формами промышленной деятельности и разного рода услугами коммерческого и финансового характера.

Разумеется, хотя для роста импорта, все сильнее и сильнее замещающего более элементарные отрасли собственной промышленности, и не может быть установлено никаких теоретических пределов, все же нужно ожидать, что по мере уменьшения доли национального потребления в области более грубых благ, возрастание общей массы импорта со временем может быть затруднено, так как относительно уменьшится доля национального дохода, употребляемая на покупку иностранных товаров. Такое падение относи-

тельной важности иностранной торговли, очень далекое от того, чтобы усматривать в нем уменьшение народного благосостояния, обозначало бы прогресс, показывая — как это и было бы в действительности, — что данная нация стала достаточно богатой, чтобы тратить бóльшую часть своего дохода на более высокие виды благ.

Великобритания является страной, которая в этом направлении ушла дальше всего вперед. История ее внешней торговли за девятнадцатое столетие показывает, что, в течение первой половины века ценность ее импорта и экспорта возрастала неизмеримо более быстро, чем ее общий доход, и внешняя торговля приобретала все большее значение. Около 1860 г. темп роста иностранной торговли начинает слабеть, и последняя прогрессирует лишь немного быстрее общего национального дохода. После 1885 г. заметно уже падение ее роста по сравнению с ростом национального дохода. Делается похожим на то, что Великобритания уже миновала поворотный пункт в развитии внешней торговли, и что в будущем, если размеры и даже ценность ее импорта (а следовательно и ее экспорта) и будут показывать постоянное увеличение, все же этот импорт станет образовывать медленно убывающую часть ежегодной суммы благ и услуг, потребляемых нацией.

Статистика занятий у других передовых индустриальных наций показывает, что, хотя их запоздавшее развитие и может задержать их на некоторое еще время в стадии быстрого расширения внешней торговли, все же настанет момент, когда и они точно так же подпадут под действие того же самого закона, и общая сумма их национального производства станет расти быстрее их внешней торговли.

ГЛАВА XVII.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ.

§ 1. Недостаточное приспособление промышленной структуры к ее окружению. § 2. Реформы на основе частного предпринимательства и свободной торговли. § 3. Свобода и гласность бессильны исцелить глубокие язвы промышленности. § 4. Начало общественного контроля в машинном производстве. § 5. Переход промышленности к общественным условиям, свободным от конкуренции. § 6. «Raison d'être» прогрессивного коллективизма. § 7. Коллективизм идет по линии монополии. § 8. Случаи «задержанного развития»: потогонные отрасли промышленности. § 9. Действительные пережитки мелкого производства. § 10. Естественные границы коллективизма. § 11. Качественное совершенствование потребления, как условие социального прогресса. § 12. Высшее разделение труда между машиной и искусством. § 13. Качественная сторона потребления колеблет закон сокращения прибылей. § 14. Независимость искусства от уз, налагаемых материей. § 15. Машина и искусство в создании интеллектуальных благ. § 16. Преобразование потребления уничтожает антисоциальную конкуренцию. § 17. Экономика производства интеллектуальных благ. § 18. Сама жизнь должна получить качественную значимость. § 19. Основа этого — индивидуализация. § 20. Органическая связь между производством и потреблением. § 21. Суть прогресса в движении к связному промышленному организму.

§ 1. Современное индустриальное общество использовало до сих пор в очень недостаточных пределах те услуги, которые современное машинное оборудование и способы производства в состоянии дать. Действительный рост материального богатства, как бы он ни был велик, ни в коем случае не соответствует неимоверно увеличившимся возможностям производства материальных благ, которые возникают перед нами, благодаря открытиям современного знания. И в то же самое время частичная утилизация этих открытий сопровождается очень неравномерным распределением выгод этого нарастания общих знаний и господства над природой. Сверх того, машинное производство, как бы в противовес росту материального богатства, служит прямой причиной появления ряда материальных и моральных болезней, которые вредят здоровью современных индустриальных обществ.

Беспримерная быстрота и нерегулярность в раскрытии и усвоении новых методов делают невозможным приспособление структуры индустриального общества раз навсегда к условиям новой обстановки. Болезни и дефекты, которые мы находим в современной промышленности, являются лишь показателем степени имеющейся

в настоящее время дисгармонии. В несознательной или малосознательной среде прогрессивное согласование данной структуры с окружающими условиями является, по необходимости, медленным. Но там, где сознательная воля человека — отдельного индивидуума или целого общества — может быть использована в качестве организующей силы, ход поступательного развития может быть бесконечно ускорен. Прочно укоренившийся у людей обычай очень медленно поддается давлению изменившихся обстоятельств, делающих его бесполезным или вредным, если только сам человек сознательно не признает ненужности этого обычая и не начнет самолично искоренять его, а на его место ставить другой обычай. Поэтому-то медленность работы по организационному налаживанию промышленности немало зависит от недостаточно ясного понимания членами современного общества необходимости и важности такой гармонизации. Общество, посвятившее свою созидательную волю делу конструирования новых социальных и промышленных форм, соответствующих новым экономическим отношениям, создало бы развитие, которое, несмотря на быстроту темпа, оставалось бы здоровым, ибо это было бы развитие не надуманное, а идущее по линии, указываемой предыдущими изменениями окружающей среды.

В этом случае, рассматривая такое сознательное и организованное стремление, освещаемое и порождаемое более глубоким пониманием связи между промышленными силами и человеческой жизнью, как фактор растущей ценности для промышленной эволюции будущего, можно с правом отнести к области научного изучения современной индустрии также и попытки установить, каким образом силы сознательного реформаторства могут разумно проявляться в связи с теми силами экономического характера, действия которых уже исследованы.

Иными словами, — требуется установить, каковы должны быть главные черты экономических преобразований, требуемых для установления гармонии между современными способами производства и общественным благоденствием. Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно дополнить наше объяснение промышленной эволюции прошлого столетия, продолжив для будущего те же самые линии развития, чтобы отстаивать их в силу их видимой постоянной связи с некоторой разумной социальной целью. Наиболее удобным, а, может быть, и наиболее безопасным путем для достижения этого является указание — при сохранении той скромности, которая необходима при пророчествах — некоторых основных реформ, которые, очевидно, лежат по пути промышленного прогресса, подчиняемого широким социальным целям гуманитарного характера.

§ 2. Поскольку непроизводительные траты, проистекающие от экономической дисгармонии, выражаются в излишнем или дурном приложении различных видов производительных сил к отдельным пунктам промышленности, на современном базисе индивидуальной инициативы и распоряжения ими, постольку желательные реформы должны быть рассматриваемы с точки зрения их способствования

наиболее полному утверждению в промышленности «свободной» конкуренции.

Полное уничтожение всех препятствий, мешающих свободному течению торговли и миграции капитала и труда, самое полное и самое широкое распространение экономической информации — являются необходимыми для достижения идеала фритредерства. Современная гласность хозяйственных операций, современная подвижность труда и богатств способны дать неизмеримо большую экономию при создании товарных ценностей. Фритредер, при концентрации его усилий на получение конечной выгоды, обычно не может оценить всю важность информации. Разумеется, в некоторых пределах, он признает ценность точной и широкой промышленной осведомленности, как рациональной основы для фритредерства. Но вместе с большинством экономистов он не умеет достаточно развить это соображение. Общепризнано, что публикация отчетов и курсов фондов, в силу распространения акционерных предприятий, рост числа торговых журналов, собирание и распространение правительственными бюро и частными статистиками экономических данных является во многих отношениях полезным. Но крайнее сопротивление, которое оказывается всяким попыткам расширить принудительные полномочия государства в деле собирания сведений, и крайняя ревность, с которой охраняется право частной информации, показывают, как неправильно понимается истинный характер современной промышленности. Должно быть признано, что при сложности современной коммерческой деятельности не существует ничего, что являлось бы «персональным» или вообще частным делом. Ни один факт, относящийся к ценам, заработной плате, прибыли, методам производства и т. п., не касается только одной формы или одной группы работников. Каждое промышленное деяние, как бы оно ни было мелко по своему характеру, и как бы секретно оно ни совершалось, имеет общественное значение и неизбежно влияет на действия и интересы огромного числа лиц. И, разумеется, общественный интерес заключается часто именно в знании тех вещей, которые считаются самыми частными и которые наиболее заботливо скрываются. Однако, индивидуалистическое представление о характере промышленности так глубоко укоренилось в представлении дельцов, что всякая мысль об опубликовании тех важных частных данных, на основе которых покоится кредит отдельной фирмы, показалось бы разрушением самого фундамента коммерческой деятельности. Но, хотя в коммерческой игре единственная фирма, играющая в открытую, в то время как другие партнеры усиленно скрывают свои карты, потерпит крах, ясно, однако, что общество приобрело бы в этой игре неизмеримо больше, если бы все играли в открытую. Многие, а, может быть, и большинство крупных потрясений в жизни современных торговых обществ безусловно нужно приписать тому факту, что кредит крупных предпринимательских фирм, являющийся прежде всего предметом общественного интереса, рассматривается до краха, как чисто частное дело. И по-

скольку промышленность становится все более и более сложной, постольку вместе с тем растет и общественная заинтересованность все бóльших и бóльших кругов в каждом промышленном начинании. В связи с этим необходимо должно в возрастающей степени обнаружиться признание данной заинтересованности вместе с заботой об ее гарантиях. Если же естественные изменения в промышленной системе в формах частной деятельности не в состоянии обеспечить нужную гласность, то должно быть пущено в ход принудительное общественное обследование. Нежелание разглашать факты, обнаруживаемые как предпринимателями, так и рабочими, в значительной степени вызвано ложным представлением, которое они имеют о характере экономической деятельности. Образование может в известных пределах устранить эти представления; но если оно их не устранит, они должны быть преодолены во имя общественного интереса.

§ 3. Однако, нельзя предполагать, чтобы самая широкая гласность в промышленности, равным образом, как и уничтожение политических препятствий, мешающих фритредерству, могли бы создать желательную гармонию между здоровым общественным организмом и условиями машинного производства. Полное фритредерство способствовало бы, ускоряло и облегчало бы действие тех крупных экономических факторов, проявления которых мы уже наблюдали: тенденция капитала концентрироваться в более или менее значительные массы, сосредоточивающиеся там, где представляется возможным использовать труд наиболее выгодным образом; соответствующая этому, но более слабая и менее полная организация больших скоплений труда; приток в города рабочего населения, вместе с более широким использованием в промышленной работе женщин и (где это позволено) детей; растущее обострение атнагонизмов, так как величина единицы предприятия становится большей, а вместе с тем и возрастает трата производительной энергии на агрессивную коммерческую борьбу; рост монополий, возникающих на основе природных, социальных или экономических причин и позволяющих отдельным индивидуумам или классам потреблять, не производя, и своим потреблением определять количество и качество работы широких рабочих масс.

Полная реализация начал выдержанного фритредерства во всех направлениях совершенно бессильна ослабить в чем-нибудь действие этих факторов и могла бы лишь способствовать более явному и более резкому проявлению их влияния. Для устранения непроизводительных трат во время периодического перепроизводства, выражающегося в промышленных кризисах, для уничтожения бедствий, причиняемых постоянно все более значительными колебаниями цен и большой нерегулярностью в занятости капитала и труда, для излечения специфических зол продолжительного рабочего дня или чрезмерной интенсивности труда, опасных или нездоровых условий найма, растущего употребления женского и дет-

кого труда и роста жизни больших городов, свобода торговли вместе гласностью деловых операций не может дать никаких средств.

Уже было показано, что эти бедствия для индивидуума или рупп индивидуумов, а через них и для всего общества, являются стественными и необходимыми следствиями беспрепятственной еятельности просвещенного эгоизма отдельных лиц или групп лиц, анятых добыванием для самих себя максимальных денежных сумм осредством самого свободного использования наличных промышленых ресурсов.

Поскольку эти темные явления по форме своей или по своему бъему представляют специфические продукты двух последних стоетий, постольку они могут быть в значительной степени отнесены а счет способов производства, во главу угла которого поставлена ашина, —на счет той общественной ценности машинных продуков, которая дает машине эту руководящую роль.

Если это так, то прогресс, который должен уничтожить эти едствия и обеспечить для человечества пользование машинами без лоупотреблений ими, должен итти в двух направлениях, которые ба заслуживают рассмотрения: 1) соответствующий общественный контроль над машинным производством и 2) культивирование среди идов потребления тех, которые могут ввести машинную продукцию надлежащие пределы.

§ 4. Что машине, раз она находится в неограниченном распоряжении частных или групповых коммерческих интересов, не может ыть без риска доверена работа для общего блага, — это уже допускается всеми, кто признает желательность или необходимость граничительных законов о труде, законов, регулирующих работу рудниках, и усиления общественных мероприятий для борьбы против экономических, гигиенических и других зол, возникающих из словий современной промышленной жизни.

Данные мероприятия — безразлично, предназначены ли они для епосредственной защиты интересов наемных рабочих, как это имеет место с законами о труде, или же для охраны потребителей, как случае законов о фальсификации, — должны быть рассматриваемы, как признание естественного противоречия между бесспорными интересами отдельных лиц и целого общества, противоречия, защититься против которого есть дело всего общества.

Подобного рода законодательство, требуемое общественным благом, справедливо понимается, как стеснение свободы индивидуальной промышленной деятельности в условиях современных способов производства. Предоставленное самому себе машинное производство заставило бы в некоторых случаях детей в возрасте шести-восьми лет работать по десять часов в день в нездоровой обстановке. Оно могло бы ввезти вдруг полчища китайцев или других «дешевых» рабочих, чтобы устранить отечественный труд, привыкший к более высокому уровню благосостояния; оно позволило бы изобретательному предпринимателю наносить вред потребителю посредством преступной фальсификации товаров, заставило бы выплачивать за-

работную плату ордерами на лавку, принадлежащую предприним: телю или зависящую от него, оно принудило бы рабочих скучі ваться в губительной тесноте и культивировать в себе физическі и моральные болезни, могущие нанести вред гражданам наше страны. Необходимость в большем общественном контроле над совр меным машинным производством, когда последнее по преимуществ находится в частных руках, признается со всех сторон. Однак развитие этого контроля происходило толчками и вызывалось скор конкретными затруднениями, чем признанием какой-либо опред ленной теории общественной ответственности.

Ограничения другого рода в области индивидуальной промыш ленной свободы делают еще более ясной неверность принципа «laiss faire». Захват государством, муниципалитетами или другими общ ственными организациями разнообразных отраслей промышленнс жизни, — как то железных дорог, телеграфа, почты, — устанавлива окончательно, что в области общих услуг, совершаемых этими отр слями, конкуренция частных интересов не работает на пользу общ ственного блага.

§ 5. Хозяйственные отношения, которые государство ограничи вает или контролирует в интересах как рабочих, так и потребителе могут быть рассматриваемы как переходная форма от частно-пре принимательских конкурентных условий, к условиям обществе ным, — неконкурентным. Поэтому, если мы желаем установить, ка далеко и в каком направлении будет развиваться общественны контроль над современным производством, мы должны рассмотре те отрасли промышленности, которые уже получили коллективны характер. Мы найдем, что таковых имеется два вида: 1) отрасл промышленности, где объем и структура «предприятия» таковы, ч польза, оказываемая конкуренцией потребителям и рабочим, уж исчезла или очень часто исчезает, и 2) отрасли промышленност в которых бесплодное расточение сил и вред от излишней конкуре ции превышают потери предприятия от уничтожения или стесн ния импульса индивидуальной выгоды. Как мы уже видели пр изучении «трестов», оба эти типичных явления — разорительнс конкуренции и монополии — связаны часто очень тесно между с бой. Первая знаменует собой ожесточенную борьбу, предметом конечной целью которой является желание добраться до тихой пр стани монополии. Общественный контроль — говоря в общем — і отношению к отраслям производства, ведущим безудержную конк ренцию, ограничивается законодательными мероприятиями, касаı щимися условий труда и качества товаров. В общественное упр вление же имеют тенденцию попасть лишь те отрасли промышле ной жизни, монопольное производство которых является предмето общего и необходимого потребления, и где, следовательно, повыш ние цен значительно выше уровня, имеющегося при наличии ко куренции, не могло бы вызвать действительного соперничества. П скольку общая тенденция развития промышленности, подпадающе под влияние современных методов машинного производства, ид

по линии установления или бесполезной конкуренции или же монополии, приходится ожидать, что здесь будет иметь место широкое распространение начал государственного вмешательства и государственного предпринимательства. Эта растущая социализация промышленности должна быть рассматриваема, как естественное приспособление общества к новым условиям машинного производства. И, так как в условиях машинной продукции отдельное предприятие, — т.-е. сумма капитала и труда, образущих отдельную «фирму» или особое «дело», — становится все более крупным в размерах и более значительным в операциях, то по необходимости будут расти и расстройства общественной жизни, которые оно может причинить своей частной деятельностью, и которые являются важными и глубокими результатами острой конкуренции и возможности антисоциального использования «монопольной» власти над всем рынком или частью его. В таких странах, как Англия или Соединенные Штаты, например, железнодорожное дело и судоходство достигли уже такой ступени промышленного развития, при которой опасность для общества от произвольного установления тарифов отдельной линией или «пулом» линий, или от стачки и локаута докеров или железнодорожников, с каждым годом привлекает к себе все большее внимание. Быстро растущая организованность как капитала, так и труда, в особенности в основных, — каменноугольной, железнодорожной, машиностроительной, транспортной отраслях хозяйства и в наиболее развитых отраслях обрабатывающей промышленности, — предоставляет группам предпринимателей или рабочих, а то и обоим вместе, возможность в любой момент парализовать всю или значительную часть хозяйственной жизни страны. И это они могут делать, преследуя свои исключительно частные интересы или выражая свои настроения, а то и просто для завоевания какой-либо стратегической позиции, которая позволит им усилить свою конкурентоспособность или установить свою монополию. И хотя организация капитала и труда может, как это часто утверждается, сделать промышленные конфликты менее частыми, однако, результаты таких столкновений для широкой публики, не имеющей возможности подать свой голос ни за войну, ни за мир, являются по своим последствиям более тяжелыми. Сверх того, поскольку такие частные выступления труда и капитала имеют место, возможность в отдельных отраслях производства совместных действий предпринимателей и рабочих, стремящихся обеспечить себе на общественный счет некоторые преимущества, будет становиться фактором возрастающей важности в промышленной эволюции.

Трэд-юнионистское движение и рост различных форм участия в прибылях, как бы они ни были ценны со многих точек зрения, все-таки не дают никаких средств борьбы против основных форм хозяйственной монополии и бесплодного расточения экономических ресурсов. Они могут лишь изменить личный состав и увеличить численость монополистов, преобразовать характер, но не размеры экономически непроизводительной траты сил. Общество все более

становится жизненно заинтересованным в хозяйственном руководстве делом транспорта. Но этот интерес не будет более защищен, чем теперь, если практическое управление железными дорогами и доками будет в руках союза докеров или объединенного общества железнодорожных рабочих или даже объединенного бюро директоров компаний и представителей трэд-юнионов. Наоборот, действенная организация в какой-либо промышленной сфере капитала и труда скорее бы, чем теперь, преследовала политику, враждебную интересам широких кругов общества, так как такая политика имела бы больше шансов на успех.

§ 6. Когда говорят, что современная промышленность приобретает по существу коллективный характер и, следовательно, требует коллективного контроля, — то это значит, что в обстановке современного промышленного развития интерес промышленного общества, как целого и как массы потребителей, в каждой детали так называемого частного предприятия стал большим, чем это было раньше. Поэтому-то и требуются некоторые гарантии того, чтобы этот интерес не игнорировался. Где производство принадлежит к тому виду или к той стадии развития, при которых острая конкуренция может существовать, не вызывая чрезмерного бесплодного расточения, там этот общественный интерес обеспечивается обычно актами ограничительного законодательства. Там же, где подобный частичный контроль недостаточен, чтобы отстоять социальные интересы перед лицом монополии или расточительства, — там должны быть приняты другие меры. Государственное управление в национальном, муниципальном или каком-либо ином экономически целесообразном масштабе должно здесь занять место частного предпринимательства, становящегося опасным для общества. Подобного рода мероприятия делаются явно необходимыми, коль скоро понимание предприятия, как чего-то по своему характеру совершенно «частного» или «зависящего только от самого себя», опровергается сложной социальной природой каждого коммерческого акта. И как только усвоена идея социального промышленного организма, — вопрос о государственном вмешательстве в промышленность или о государственном захвате ее становится вопросом общественной целесообразности, т.-е., иными словами, вопросом соответствующего толкования фактов, относящихся к отдельному случаю. Общественных контроль в значительной степени должен быть рассматриваем не как необходимая защита против монопольной власти отдельных лиц, а как мероприятие, необходимое для обеспечения индивидуальной собственности в пределах, требуемых социальным благосостоянием. Эволюция современного машинного производства, кажется, позволяет и поощряет безудержное вторжение и разрушение определенных форм капитала с помощью новых накоплений, употребляемых антисоциально. Равным образом, стремится она часто и к разрушению той рабочей силы, которая является единственным достоянием рабочих масс. «Собственность, которую каждый имеет

в виде своего собственного труда, священна и неприкосновенна, так как она находит свое обоснование в самой природе»[1]).

Существуют известные бесплодные растраты экономических ресурсов при всякой конкуренции; существуют известные опасности монополии, связанные со всяким частным руководством промышленностью. Общественный контроль борется с этими растратами и опасностями, приспособляясь к их размеру и характеру.

§ 7. На вопрос, как далеко и как быстро может итти распространение общественного контроля, можно дать лишь следующий условный ответ. Поскольку все большая и большая часть промышлености будет переходить в условия наиболее развитого машинного производства наших дней и будет порождать соответствующие экономические последствия, соответствующие опасности и бесполезную трату сил, постольку все большая часть ее станет подпадать под ограничительное законодательство или государственное управление.

Те моменты в развитии структуры капиталистического предприятия, которые питают и отягчают бедствия промышленных кризисов, потогонной системы и т. п., разным образом расчищают путь и возможности применения общественного контроля. Легче инспектировать несколько крупных фабрик, чем большое количество мелких; легче быть посредником там, где труд и капитал организованы в крупных массах, легче муниципализировать газ, водоснабжение или средства сообщения, если это крупные акционерные компании. Каждое законодательное вмешательство в форме надзора или меньшего контроля ускоряет развитие данной отрасли промышленности и приближает время, когда последняя, став монопольной, потребует более полных мер контроля, а затем, в конечном счете, перейдет в сферу общественной промышленности.

Отсюда как бы вытекает, что, если бы вместе с описанной эволюцией pari passu не возникали бы и не расширялись бы другие производства, не столь подходящие для крупной машинной продукции, а следовательно не склонные к опасностям и расточению, свойственным последней, то коллективизм стал бы захватывать все возрастающую пропорцию промышленности.

§ 8. В настоящее время может считаться установленным, что некоторые виды производственной деятельности не пригодны для применения машин. Существуют многие отрасли труда, где работа, поскольку это касается ее технической стороны, могла бы быть выполнена с помощью машин, но где, при возможности обеспечить себе большое количество дешевого ручного труда, является экономически невыгодным начинать ее на фабриках. Многие из таких отраслей промышленности с правом рассматриваются как случаи «задержанного развития» в том смысле, что они, благодаря различным специфическим условиям, главным образом, благодаря наличию дешевого труда, остаются вне главного русла промышленной эволюции.

---

[1]) «Wealth of Nations», p. 110.

Разрушительные действия индустриальной системы даже в ее наиболее организованных областях, неурегулированные и непредусматриваемые перемены, в силу которых большие количества обученного труда замещаются новыми машинами, плохо направляемая миграция из деревни в город и из-за границы, сокращение для женщин количества домашней работы, — все это, наряду с некоторыми другими процессами, вливает в крупные индустриальные центры большие массы неквалифицированного и необученного труда, который может быть куплен так дешево, что в низших разрядах некоторых производств капиталистическому предпринимателю представляется невыгодным производить начальные расходы по установке дорого стоющего машинного оборудования и подвергаться риску работы с ним.

И не только в сфере обрабатывающей промышленности, но и в других областях занятий наличие постоянного давления со стороны малообученного и малопроизводительного труда является серьезной опасностью для социального и морального строя промышленных стран. Большие количества рабочих «вообще» или случайных работников, — докеров, дешевых коммерческих клерков, приказчиков и т. п., — своим присутствием на рынке труда образуют непреодолимое препятствие для лучшей организации той сферы деятельности, к которой они принадлежат. Низкое экономическое качество этих групп рабочих, отсутствие у них профессионального знания и образования, их низкий уровень потребления, — все это поддерживает существование мелких, неорганизованных, плохо руководимых предприятий, замедляющих нормальное развитие организованного капитализма и способствующих наиболее опустошительным и губительным формам конкуренции.

Экономический и социальный прогресс требует уничтожения этих рудиментов развития. Санитарное и гуманитарное законодательство должно разорить вертепы потогонной системы; техническое и общее образование обязаны повысить большую квалификацию и вызвать к жизни бóльшие потребности; профессиональные организации, если они это могут, должны работать над повышением заработной платы и над другими улучшениями условий найма; рабочие колонии и более просвещенное применение законов о бедных обязано содействовать осушению этих малярийных болот. Запоздавшее и потерявшее право на существование развитие «потогонных» производств требует для своего уничтожения применения со стороны общества хирургических мер. И административное «вмешательство», им вызываемое, должно быть по справедливости отличаемо от «социализма», назначение которого состоит в превращении в общественные предприятия частных нормально выросших монополий.

§ 9. Но, кроме этих деградирующих пережитков докапиталистической экономики, существуют и другие виды труда, остающиеся вне капиталистического производства, так как они по природе своей или по условиям их выполнения не подходят к машинной индустрии.

ы видели, что в отраслях промышленности, являющихся дополни-льными к главным массовым производствам, значительное коли-ество работы по отделке или ремонту остается в сфере мелкого редпринимательства. Естественное и здоровое сохранение ручного руда возможно в отраслях промышленности, слишком зависящих переменчивого спроса для того, чтобы быть в состоянии перейти фабричному порядку. Равным образом, и там, где разнообразие атериала и форм работы исключает применение в полной мере аблонных методов, как это, например, имеет место в значительной асти земледелия, система мелкого производства продолжает суще-твовать.

Некоторые новейшие тенденции механического прогресса благо-оиятствуют мелкой промышлености и могут даже способствовать расширению. Распространение машин малой мощности и уде-евленная передача электрической энергии в рамках общественного падения или под общественным контролем могут восстановить снова езависимость мелких мастеров в некоторых из наших отраслей про-ышленности. В то же самое время большая доступность и удеше-пение транспорта могут заменить процесс централизации коопера-ией мелких фермеров даже тогда, когда последний в современных словиях является преобладающим.

Это естественное выживание мелких предприятий в сельском озяйстве, промышленности, а также и в некоторых областях тор-овли, зависит, как мы уже видели, от индивидуальной старатель-ости, искусства и заинтересованности, которые, образуя существен-ые условия успеха, в состоянии перевесить преимущества круп-ого производства. Таковы в действительности моменты, которые, аз они существуют, удерживают предприятие от машинного про-зводства и налагают свою печать на его характер и технику.

Повсюду, где индивидуальный умственный труд работника грает важную роль, художественная деятельность заменяет машин-ую промышленность. Искусство и ремесло часто по своему конеч-ому назначению могут быть очень далекими от художественного руда, занятого изготовлением предметов, польза которых состоит их «красоте». Иногда они могут применяться и в изготовлении бычных «стандартизированных» продуктов из необычного или, наче говоря, неупотребляемого материала, по временам—это искус-ое использование климата, почвы и других естественных усло-ий или использование индивидуальных качеств работника для довлетворения специальной потребности или особого вкуса потре-ителя, хотя они и будут узко утилитарного порядка. Однако, тоит этим чертам промышленной деятельности приобрести зна-ение, как тотчас же прямое развитие в направлении к крупно-апиталистическому машинному хозяйству поколеблено и нару-ено.

Хотя уже было отмечено, что косвенное влияние капиталистиче-кой системы на сохранившиеся формы мелкого ремесла, земледе-ия, розничной торговли и даже на свободные и художественные

профессии бывает по временам очень значительным, однако. сохранение формы мелкого предприятия в большой и даже все растущей сфере промышленности в силу индивидуальных свойств труда представляет собой явление крайней важности.

Ибо. если мы предварительно приняли, что крупные, работающие по шаблону, предприятия, с господством у них механических методов. развиваются с необходимостью в направлении уничтожения конкуренции и утверждения общественного контроля, а, в конечном счете, и общественного управления, то мы должны признать также наличие растущей сферы промышленной деятельности, которая, вне рамок вышеуказанной системы, остается в условиях конкуренции и частного предпринимательства.

Согласно этому, мы должны считать предназначенными принять форму общественного хозяйства те крупные массовые предприятия, на которых общественный контроль проникает все глубже и которые все с большим успехом работают над уничтожением конкуренции и утверждением договорных начал.

§ 10. Наше изучение тенденций развития в наиболее передовых промышленных странах позволяет нам определить довольно точно общую линию этого «социалистического» движения.

Более определенное признание общественной собственности на землю, как главный материальный и энергетический базис промышленности и как фундамент наших жилищ, находит различными путями свое утверждение в работе современых правительств. По отношению к землям городским и землям сельскохозяйственного значения это движение направлено на защиту общественных интересов посредством обложения растущей земельной ценности. В то же самое время более внимательное отношение к потребностям городской жизни вызывает повсюду усиление ограничений частного распоряжения землей и рост общественной собственности на землю с целью удовлетворения специальных общественых нужд. В современных демократических странах обеспечение землей мелких съемщиков, воплощая в себе принцип равной для всех доступности естественных благ почвы, делает быстрые успехи в качестве мероприятия социальной политики. Развитие правительственной деятельности идет здесь, главным образом, по линии законодательного ограничения крупных владений или других видов расточительного или истощающего пользования землей. Однако, рост в населенных странах городской жизни вызывает усиленные требования более действительного контроля над городскими землями, что ведет к установлению над ними общественного владения, как гарантии общественной гигиены, финансовых интересов, запросов комфорта и эстетики. Насколько вмешательство частно-правового характера, посредством создания земельных судов и использования общественного кредита для превращения держателей в собственников, может явиться подготовительной стадией в обобществлении сельскохозяйственных земель, безотносительно к тому, платят ли их арендаторы ренту или

налог, — это остается вопросом, на который сможет ответить лишь ближайшее будущее.

В отношении к основным формам землепользования практический социализм может ограничиться обеспечением за государством возможно большей доли ежегодного дохода с земли, поскольку эта доля может быть взята без риска, и установлением более стройных условий распоряжения землей. В то же самое время он должен воздержаться здесь пока что от применения в крупных размерах начал общественного владения и общественного администрирования. Большой интерес, возбуждаемый в обществе современной промышленностью, работающей в области ограниченных минеральных ресурсов земли, в соединении с появлением картелей, трестов и других форм капиталистического контроля в горном деле, ставит последнее в число тех производств, которые, очевидно, должны перейти в сферу общественного предпринимательства. И тот факт, что в некоторых странах эти отрасли промышленности уже получили такие формы собственности и управления, благоприятствует данному пониманию тенденции развития.

Если мы продолжим общую линию развития, констатированную нашим предшествующим анализом, то мы должны наметить также установление коллективистического управления над главными видами сухопутного транспорта и, возможно, водного транспорта, равным образом как и над основными системами национальных и международных путей. Большая часть железнодорожных линий мира является уже общественной собственностью. И мало вероятия, чтобы Великобритания и Америка, представляющие собой два важных исключения, сопротивлялись бы долго требованиям национализации.

Тот факт, что местный транспорт, особенно в городах, переходит из частных рук в общественные, pari passu с другими местными службами общего пользования, — это известно уже достаточно. И хотя во многих городах Соединенных Штатов и Великобритании энергия частного капитала в настоящее время направлена на сохранение этой арены для выгод частного предпринимательства, капитал этот не может на долгое время сохранить за собой позицию, которая, с более широкой точки зрения цивилизованного мира, представляется большой аномалией.

Как далеко может итти национализация обрабатывающей промышленности, мы не в состоянии предвидеть в настоящее время за отсутствием соответственных данных. Если развитие таможенных препятствий будет способствовать росту внутри страны сильных промышленных трестов, то инстинкт или необходимость защиты общества против этих монополий может принудить цивилизованные государства заменить частную монополию общественной и распространить ее на основные, — металлургическую и подобные ей, — отрасли промышленности, которые играют жизненную роль в национальном производстве и потреблении. Однако, мероприятие такого рода должно бы быть предварено целым рядом опытов в области

обложения и контроля, равным образом как и ограничительным законодательством по отношению к ценам и условиям найма. Но если нет никакой близкой возможности вовлечения современных индустриальных государств в руководство промышленностью (исключая специальные цели фиска и общественной безопасности), то зато представляется более вероятным, что могущественный, неизвестный ранее, прямой общественный контроль над промышленной жизнью будет проведен с помощью установления общественной собственности на источники промышленной энергии. Поскольку электричество делается все более и более одним из последних как для производственных целей, так и для транспорта, постольку владение и распределение этого вида энергии также все более и более начинает рассматриваться, как функция муниципалитетов или других более крупных органов власти.

И безотносительно к тому, продолжает ли электричество добываться из угля или производится иными путями, его безопасное и экономически целесообразное получение и распределение по территории не может быть на долгое время оставлено в руках частных компаний. Подобная социализация производственной энергии в состоянии надолго отодвинуть сколько-нибудь значительное обобществление непосредственно промышленных процессов и может сделаться столь могучим орудием общественного контроля, что утверждение общественной собственности и общественной работы некоторых отраслей промышленности станет вовсе не необходимым.

Возможность захвата муниципалитетами или другими общественными организациями распределительной сферы хозяйства зависит частью от того, насколько торговля вообще получает общественный характер, частью же от успеха или неудачи многочисленных опытов надзора, которые в настоящее время рассматриваются, как достаточные мероприятия для защиты общественных интересов во многих областях обмена. Где, однако, имеется налицо сильное влияние на цены местных «рингов», или где надзор оказался не в состоянии защитить общественное здравие от вредных и фальсифицированных товаров, там надо ожидать новых вторжений в сферу частной торговли.

Общественные бойни, существующие уже во многих городах Европы, могут рассматриваться как приступ к общественному снабжению мясом; муниципальные молочные и булочные в состоянии заместить частную торговлю молоком и хлебом; в то же самое время хищническая практика «рингов» углеторговцев едва ли сможет надолго пережить распространение общественной собственности и общественного управления железными дорогами. Вместе с тем, несмотря на сохранение в частных руках бóльшей части организации кредита и страхования, мы имеем рост государственного страхования и общественных сберегательных учреждений. Здесь, как и во многих других областях, во многих странах процесс развития воплощается скорее в формах муниципализации, чем национализации; и городские страховые учреждения, сберегательные и ссудные кассы

приобретают все большее значение в развитии общественной жизни ородов.

Представляется очень естественным в данном нашем очерке упоянуть также о замене частной инициативы общественной в той фере производства, которую мы называем «свободные профессии». Iризнание народного образования одной из главных функций госуарства является наиболее ярким примером этого процесса. Сверх ого, в большинстве европейских стран сделало большой шаг вперед акже и обобществление медицинского дела и общей гигиены. Даже Великобритании большинство из наших госпиталей и больниц уществуют на общественный счет и подчинены общественному руководству. Точно также в организации санитарного дела в стране одержание на общественный счет начинает играть все большую юль. Равным образом, хотя социализация юриспруденции, в смысле ольшой доступности получения юридических советов и юридичекой помощи, еще далека от совершенства, все же за последнее время ю многих странах сделаны здесь заметные успехи. В Великобритаии это слабое, непостоянное, но продолжающее развиваться двикение в пользу более полной национализации правосудия иллюстрируется подчинением закону новых сфер различных споров, реформами судебной процедуры, как это имеет место в вопросах банкротства и управления общественными компаниями, бесплатной даей юридических советов должностными лицами, оплатой на общетвенный счет защиты в уголовных делах и тому подобными начиапиями.

Рутинные отрасли экономической деятельности и профессии, анятые обслуживанием общих видов развлечения, начинают также обобществляться, отчасти в силу отнесения их к делу народного просвещения или народного здравия. Картинные галлереи, общедоступные библиотеки, общественные парки и сады являются одними из тех украшений общественной жизни, которые образуют солидный базис для свободных профессий и производств.

§ 11. Теперь мы переходим к главным возражениям, так часто выдвигаемым против всех попыток лечения промышленных и социальных болезней расширением сферы общественного контроля. Утверждают, что конкуренция и жажда индивидуальной выгоды дают самый сильный импульс для предприимчивости и изобретательности. Соглашаясь, что общество по природе своей обладает официальным правом управления промышленностью, полагают, однако, что упорядочение производства нанесло бы смертельный удар промышленному прогрессу. Неурядица, риск и непроизводительная трата сил, вызываемые промышленной конкуренцией, являются необходимыми условиями жизненности производства.

Насколько верность этих возражений подтверждается нашим изучением промышленной эволюции? Должно сразу сказать, что экономический индивидуалист не может являться консерватором, защищающим установленный порядок и указывающим на опасность предполагаемых нововведений. Наш анализ структуры современной

индустрии показывает, что прогрессирующее обобществление некоторых видов промышленности представляет собой лишь отдельное звено в цепи событий, столь же естественное и необходимое, как и предшествующие, благодаря которым машинное производство заняло место ремесла и кристаллизовалось в громадные конгломераты, связанные новыми отношениями. Обвинения, вчиняемые общественному контролю над промышленностью, будут обвинениями, вчиняемыми естественному ходу событий в том, что природа выбрала дурной путь для развития. Рассматривать законодательные акты, посредством которых устанавливается общественный контроль над производством, как нечто «неестественное» или «искусственное», возможно, только исключая из «Бытия» те социальные силы, которые находят свое выражение в постановлениях парламента. А это — крайне не научный метод рассуждения.

Однако, если растущее применение общественного контроля нельзя считать «борьбой против природы вещей» [1]), то оно может быть рассматриваемо теми, кто утверждает, что мы не заботимся о будущем развитии человеческого рода, как одна из форм, в которых находит свое выражение прогрессирующее расслабление человека. Уничтожение индивидуальной борьбы в хозяйственной области можно считать признаком ослабления жизненности, ибо, вместо риска и волнений, смелой и полной событиями карьеры, ищут уклонения от усилий и стремятся к прочным условиям материального комфорта. Порядок покупается ценой прогресса: пренебрежение индивидуальной предприимчивостью в промышленности — одна из форм упадка человечества. В своей работе «Национальная жизнь и характер» д-р Пирсон дает следующую интерпретацию социалистических тенденций нашего времени.

Подавление промышленной конкуренции с целью уничтожить бедность, физические страдания и общественную несправедливость породит общество, которое будет «чувственным, плодовитым и вялым». Солидность подобных утверждений покоится на двух предпосылках. Первая, — что общественный контроль над промышленностью неизбежно губит дух индивидуальной предприимчивости и тормозит индустриальное развитие, и вторая, — что распространение контроля государства на капиталистическое производство обязательно уменьшает долю самостоятельности индивидуума в деле созидания богатства. Первая предпосылка дает основание для многих возражений, которые в большой степени подрывают ее значение и которые можно суммировать следующим образом:

1) Большое количество частной предприимчивости не способствует промышленному прогрессу. Энергия, потраченная на конкуренцию, все в большей степени бесследно поглощается в ожесточенной борьбе между торговыми соперниками, а не расходуется на совершенствование промышленных искусств или увеличение материального богатства.

---

[1]) Spencer, «Contemporary Review», март 1884 г.

2) Исторически жажда наживы не выступает в качестве стимула промышленного прогресса в его наиболее крупных достижениях. Любовь к знанию, чистое наслаждение от изобретательской деятельности в области механики, стремление получить небольшие личные удобства при работе и простой случай играют самую выдающуюся роль в истории промышленных усовершенствований. Эти силы могли бы действовать с тем или иным успехом при государственном контроле, как и в обстановке частного предпринимательства.

3) Те из личных способностей, которые могут служить полезным стимулом изобретательской деятельности, можно предоставить в распоряжение общественно-контролируемой промышленности, не только распубликовывая сведения о работе изобретателя и оказывая ему почет, но, если это потребуется, и посредством прямого материального вознаграждения.

История индустрии показывает, что в обстановке современной промышленности, основанной на конкуренции, стимул личных выгод действует крайне губительно. С одной стороны, масса интеллигентных работников не имеет никакой возможности обеспечить себе соответствующее вознаграждение за применение своих способностей к механическим изобретениям или другим усовершенствованиям производственного процесса. Лишь немногие из современных великих изобретателей заработали деньги на своих изобретениях. С другой стороны, entrepreneur, достаточно в деловом отношении сообразительный, чтобы понимать рыночную ценность усовершенствования, часто пожинает материальную жатву, на много превышающую то, что экономически заслуживает для данного предприятия приложение его «деловых» способностей.

4) Обвинения в ослаблении индивидуального интереса, в силу отсутствия знаний и предприимчивости и благодаря отупляющей рутине, в равной степени приложимы к каждому крупному предприятию, если сравнивать последнее с более мелкими. Адам Смит усматривал здесь фатальные препятствия для развития акционерных предприятий за рамки определенных узких пределов. Но выгоды крупного предприятия оказались сильнее этих соображений. Точно таким же образом и хорошо организованная государственная промышленность может явиться более выгодной несмотря на уменьшение гибкости и предприимчивости.

Однако, если эти соображения и ограничивают значение утверждения, что государственный контроль не дает простора для промышленного прогресса, они все-таки не отрицают его. Оправдание захвата государством разнообразных функций, — военных, судебных, промышленных, — заключается в том, что установление в этих областях строгого, здорового порядка окупает утрату гибкости и ослабление темпа прогресса. Военное дело и правосудие в частных руках наверное ушло бы далее вперед, чем под общественным руководством. Равным образом, нет никаких оснований отрицать, что

почта и железнодорожное дело, когда они попадают под правительственный контроль, слабее усваивают различные улучшения.

Может быть в общем принято, что, поскольку крупные отрасли современной промышленности перестают быть частными монополиями и становятся общественными организациями, они приобретают более рутинный характер, становятся менее способными к новым начинаниям и делаются более механизированными. Но такова уж природа машины, чтобы быть механизмом, и совершенствование машинного производства, именно, как машинного, должно быть совершенствованием рутины. И как раз в соответствии с тем, как машина утверждала свое господство в различных отраслях промышленности, эти последние возрастали в своем объеме, уменьшали свою гибкость и созревали, в качестве шаблонизированного дела, для отнесения их к категории государственной промышленности. Если бы главной целью общества было обеспечение постоянного прогресса в военном искусстве и развитие до крайнего предела военных способностей, то было бы очень правильным предоставить боевое дело частному предпринимательству, вместо того, чтобы создавать государственную монополию «войны, как отрасли промышленности». Но в данном случае для того, чтобы индивидуальная предприимчивость его членов могла проявляться в области конкуренции промышленной техники, вызывая прогресс производства и создавая способность вести его, общество жертвует принципом конкуренции в военном деле, пренебрегая тем самым прогрессом и развитием индивидуальной «годности», зависящими от данного вида конкуренции. Однако, замена войны хозяйственной деятельностью требует понижения уровня индивидуальной предприимчивости. Здесь налицо лишь изменение сферы ее приложения.

Если, исходя отсюда, мы будем рассматривать человеческую жизнь, как нечто, охватывающее бесконечное множество разнообразных «деятельностей», проявляющихся в различных областях конкуренции и воспитывающих разнообразные формы человеческой «годности», то мы поймем, каким образом особая нами изучаемая фаза промышленной эволюции связана с более широкой философской концепцией жизни. Весь прогресс, от первобытного дикарского существования до современной цивилизации, выступит тогда перед нами, в форме постепенно растущей социализации низших функций, уничтожения примитивных видов конкуренции и воспитательной работы над более грубыми свойствами. И все это делается для того, чтобы все большая и большая часть индивидуальной активности могла итти на выполнение более высоких функций, чтобы конкуренция перешла в высшие области, а воспитание занялось утверждением более совершенных разновидностей «годности».

И поскольку история цивилизации прошедших веков рисует нам именно такую картину, — налицо априорная посылка, что каждый дальнейший шаг по пути стеснения индивидуальной предприимчивости и расширения области государственного вмешательства обозначает не просто сокращение индивидуальной активности

или какое-либо ослабление стремлений к самоутверждению, но повышение сферы конкуренции и комплекса человеческих свойств, занятых последней. Философское обоснование прогрессивного социализма в том и состоит, что развитие человечества требует сведения к шаблону одной за другой низших материально-товарных функций с тем, чтобы все большее количество усилий индивидуума могло быть посвящено выполнению более высоких функций и культивированию посредством соперничества более высоких способностей.

Предположение, что сведение всего машинного производства, когда это окажется возможным, к выполнению повседневных общественных услуг, обозначает прямое сокращение возможностей выявления личности, — покоится на явном заблуждении. Заблуждение это состоит в том, что человеческим интересам и активности ставятся определенные, раз навсегда зафиксированные, границы, так что всякое расширение сферы рутины уменьшает абсолютно сумму произвольных действий человека и его интересов. Если же — как есть все основания думать — человеческие желания и действия с целью их удовлетворения безграничны, то утверждение, что абсолютное возрастание общественного контреля и рутинной работы сокращает сферу индивидуальной инициативы, совершенно неосновательно.

Главный мотив, единственно могущий объяснить и оправдать каждое мероприятие прогрессивного социализма, заключается в экономии индивидуальных усилий, которые, раз они освобождены от необходимости быть затраченными в более низких областях конкуренции, могут быть посвящены высшим областям последней. Если бы распространение на промышленность общественного контроля дало в результате мещанский уровень материального благополучия, связанный с духовным и интеллектуальным отупением и самодовольством, то такой процесс, возможно, был бы естественным и необходимым, но едва ли обозначал бы прогресс.

Но подобная точка зрения покоится на отрицании аксиомы, гласящей, что удовлетворение одной потребности порождает другую. Опыт же говорит не о вырождении индивидуальности, а об ее метаморфозе. При социалистическом производстве прогресс в области промышленной техники может оказаться более медленным и менее возбуждающим индивидуальный интерес. Зато прогресс в духовной области, в сфере высшей интеллектуальной деятельности, должен стать более быстрым и должен поглощать бóльшее место в жизни.

Для будущих поколений более развитого человечества варварство нашей эпохи будет вырисовываться прежде всего в том факте, что лучшие силы ума, предприимчивости и воображения тратились на усовершенствование способов материального производства с помощью механических средств. Если представляется желательным, чтобы бóльшая масса индивидуальной энергии расходовалась на производство высших ценностей, посредством конкуренции в более высоких областях, то этого можно достигнуть только с помощью сведения к рутине низших функций. Высший прогресс может быть ку-

плен лишь за счет прогресса в низших сферах жизни, а свободное сознательное выявление более высоких сторон индивидуальности утверждается подчинением рутине ее более низких сторон. Промышленное развитие при государственном контроле, несомненно, происходило бы более медленно, ибо главной целью этого контроля и является отвлечение от промышленных занятий в возможно большем количестве человеческой изобретательности и человеческих усилий с тем, чтобы использовать их для созидания ценностей более высокого порядка. Однако, было бы неверным утверждать, что в обобществленной промышленности развитие производственной техники приостановится. Но это развитие должно стать более медленным и принимать рутинный характер, — медленное, постоянное приспособление механизма производства и распределения к медленно же изменяющимся потребностям общества.

§ 12. Наиболее важное непонимание линии промышленного развития вытекает из того взгляда, что все производство материальных благ имеет тенденцию подпасть под господство машины, что в будущем большее количество рабочих станет рабочими при машине, и что государственный контроль над машинным производством поставил бы подавляющее большинство людей в условия государственных работников при машине. Однако, это предвидение во всех отношениях неправильно. В условиях конкурентного машинного производства, — хотя «экономия» возможно большего количества труда и в интересах частного предприятия, — процесс конкуренции приводит к изготовлению и к пользованию гораздо большим числом машин, чем это требуется для удовлетворения наличной нормы потребления. А это удерживает в сфере промышленности гораздо большее количество труда, чем то нужно с социальной точки зрения. Однако, в типично промышленной стране, как это мы видим и в Англии, статистика показывает, что относительное число рабочего населения, занятого в машинном производстве, не возрастает. Если затем — подразумевая, что спрос на товары машинной продукции останется тот же — благодаря постепенному уничтожению в промышленности конкуренции, размеры машинной работы будут сведены к удовлетворению нужд общественного потребления, то количество рабочих при машинах должно относительно стать меньшим, чем сейчас.

Но может быть задан вопрос, — что станет с относительно все возрастающим числом работников, остающихся вне машинного производства? Неужели они будут бесконечно поглощаться сферой распределения? Неужели численность торговцев, маклеров, спекулянтов, лавочников, агентов и посредников разного рода будет расти без конца? Если предположить, что область распределения останется в условиях конкуренции, и что количественно и качественно потребление будет тем же самым, то необходимо принять следующий вывод. Труд, сэкономленный в сфере производства, пойдет, как это имеет место теперь, на обострение конкуренции в различных отраслях распределения, и все количество необходимой, но ограниченной

работы по распределению будет дробиться на бесполезные мелкие подразделения. Но подобного рода предположения вовсе не обязательно правильны. Если, как это кажется и происходит на самом деле, возрастающее напряжение конкуренции вызовет в некоторых областях распределения возникновение сильных монополий, то антисоциальный характер последних, с точки зрения интересов частных лиц, должен необходимо вызвать распространение государственного контроля также и на них. Таким образом, работа по распределению перешла бы в сферу рутинной хозяйственной деятельности, руководимой обществом и в интересах общества. Подобным образом арена социализированного хозяйства расширялась бы до тех пор, пока не поглотила бы одну за другой все области, носящие механический характер и годные к шаблонному управлению. И могло бы оказаться, в конце концов, что предсказания индивидуалистов оправдались, и активное содержание жизни свелось бы к монотонной механической работе, доставляющей под бюрократическим ярмом все большее и большее количество материальных благ для общества, поглощенного удовлетворением своих рутинных запросов.

Возникновение такого рода тюрьмы представляется неизбежным, если мы примем, что в количестве и качестве потребления не произойдет никаких перемен, и что отдельные потребители будут экономить или попытаются экономить ту же самую долю своих доходов, как и теперь, и будут расходовать на приобретение бо́льших количеств все дешевеющих машинных товаров ту же долю дохода, что и в настоящее время.

Но правы ли мы, считая необходимым или даже вероятным, что потребление в своих размерах и своем характере останется неизменным? По мере того, как крупные производства будут превращаться в монополии, — безразлично, под частным ли или общественным контролем, — сфера накопления и выгодного помещения для среднего «сберегающего» человека станет делаться все более узкой. Благодаря этому станут невозможными бесполезные «сбережения», превращающиеся в избыточные фабрики, машины и другие формы капитала. Иными словами, размеры потребления возрастут, а это возрастание предоставит более широкое применение машин и труда, занятых выработкой и распределением увеличившейся массы продуктов. Если, однако, рост потребления выразится просто в количественном увеличении потребления тех же самых материальных благ, то выигрыш от этого может ограничиться лишь повышением материального благополучия более бедных классов. Такого сорта выигрыш свелся бы на-нет разлагающим и развивающим апатию влиянием роскоши. Простое количественное возрастание потребления не дало бы ничего для устранения бюрократизации промышленности.

§ 13. Гарантию социального прогресса мы можем усматривать только лишь в совершенствовании качества и характера потребления. Нами уже было мельком упомянуто о тех артистических и интеллектуальных работах, которые не могут быть выполнены машиной. Не нужно никогда забывать, что искусство является настоящей

антитезой машины. Суть искусства, в широком смысле этого слова, заключается в применении индивидуального, самопроизвольного человеческого усилия. Каждое произведение искусства, это — кристаллизация индивидуальной мысли, чувства и стремления; продукт же машины не является таковой. «Искусство» в машинной работе исчерпывается единственным предельным стремлением создания проекта машины. Чем машина совершеннее, тем меньшее количество индивидуальной ловкости или искусства воплощено в продукте ее работы. Индустриальный дух, быстро действующая в направлении умножения количества материальных однотипных благ, широко распространившаяся мощь машины настолько захватили промышленный мир, что мания количественного потребления овладела даже многими из тех, кто по своему вкусу и соответственно своему воспитанию должен был бы здесь оказать сопротивление. Так, машиной вырабатываются не только наш хлеб или наши сапоги, но и многие из тех самых вещей, которые мы по ошибке называем «произведениями искусства». В настоящее время справедливое нарекание на чрезмерное увеличение машин не может уже быть обосновано на утверждении — верном или нет, — это безразлично, — что машина не в состоянии производить вещи столь красивыми, как этого требует искусство. Действительное несоответствие между машинными продуктами и человеческими целями возникает благодаря тому, что машинные продукты совершенно подобны один другому, а потребители — нет. Машина будет вполне обслуживать потребителей, поскольку они согласны принизить свою индивидуальность, пользоваться предметами одной и той же формы, величины, цвета и материала и сделать свое потребление подобным потреблению другого. Но так как любые два индивидуума не являются совершенно тождественными по своей физической, интеллектуальной и моральной сущности, то и их потребности, даже в области удовлетворения самых обычных материальных нужд, не могут быть одинаковыми. Подобно тому, как господство машины над работником имеет тенденцию уничтожить индивидуальность в труде, принуждая различных работников выполнять одним и тем же способом ту же самую работу и поощряя элементарную способность быстрого повторения, точно так же стремится оно надавить на индивидуальность потребителей, налагая на их потребление печать однотипности. Рост утилизации машин зависит от стойкости этого обезличенного потребления и от склонности потребителей утилизировать каждое увеличение дохода на все большие и большие количества продуктов одного и того же образца. Но предположим, что потребители отказываются приспособиться к общепринятой норме и все сильнее и сильнее настаивают на приспособлении потребления к их нуждам и вкусам, стремясь следовать меняющимся стадиям развития их индивидуальных запросов и удовлетворять последние. Подобного сорта индивидуализация потребления должна вызвать и соответствующую индивидуализацию производства, а благодаря этому машина перестает царить над промышленностью. Возьмем пример из области конфекционной

промышленности. Допустим, что потребляющая публика согласится носить одежду известных общих образцов и фасонов, которые будут «подходить» только приблизительно. Машинное производство может быть утилизировано для изготовления такой одежды. Но если каждый человек потребует, чтобы с его вкусом считались, и будет настаивать на точной пригонке вещи и на принятии во внимание его особых представлений об удобстве, то такая работа не может выполняться машиной и потребует искусства «артиста». Как раз в этой-то плоскости и идет еще борьба машины против ручного труда. Наиболее тонкие изделия конфекционной и обувной промышленности изготовляются еще ручным трудом. Лучшие палки для гольфа, рыболовные лески, палки для игры в крокет поглощают большие количества особо искусной ручной работы, хотя те же самые предметы порядочного среднего качества в огромных массах и дешево изготовляются и машинами. Данные продукты ручного труда создаются для небольшого количества потребителей, воспитание и утонченность вкуса которых заставляет их скорее тратить средства на меньшее количество благ, приспособленных к их индивидуальным потребностям, чем на большие массы благ среднего достоинства.

Мы принимаем, что промышленная эволюция обеспечивает для все большего количества потребителей удовлетворение основных физических, жизненных потребностей. Можно считать очень вероятным также, что эти потребители придут к более высокой оценке качественной стороны потребления и станут развивать индивидуализацию вкусов, требующих для своего удовлетворения индивидуализированного же производства. В той степени, в какой это происходит, ремесло или искусство должны играть более выдающуюся роль в соответствующих отраслях промышленности, ослабляя дальнейший рост машинного оборудования или даже вытесняя последнее из некоторых им захваченных областей производства. Однако, хотя пример из сферы современной конфекционной промышленности и помогает установить природу конфликта между машиной и искусством в области обычного материального потребления, он не говорит за то, что социальный прогресс будет, или мог бы изгонять машину из большинства тех производств, где последняя господствует, или что этот социальный прогресс станет мешать ее применению там, где этого еще нет. Роскошь и фатовская утонченность небольшой группки «фешенебельного» общества, противоестественно освобожденной от здоровой необходимости работать, не могут быть принимаемы за образцы утверждения индивидуальности или качественного потребления в обществе, в котором социальный прогресс основан на равенстве возможностей, а потребительская потенция стоит в некоторой связи со способностями и заслугами. Будет правильным ожидать, что, в общем, машина сохранит свои позиции и даже усилит и расширит их в отраслях промышленности, занятых удовлетворением основных потребностей человека — пища, жилище, одежда и другие физические блага. Целью действительно прогрессивного общества будет такая организация существования, при которой было

бы обеспечено не просто наибольшее количество индивидуальной свободы и самовыявления, но и повышение качества последних. Если производству и потреблению пищи, одежды и т. п. будут посвящены ненужно большие силы человека, и если вкус к этому станет сознательно и утонченно культивироваться, то высшие формы выявления личности в трудовом процессе и жизни окажутся в пренебрежении. Правильное обслуживание личности должно, следовательно, предоставить известные отрасли производства машине с тем, чтобы сэкономленная рутинной работой энергия могла бы оставаться свободной для высших устремлений индивидуальности. Потребность в удовлетворении основных физических нужд — голода, жажды, защиты от холода — свойственна всем. И в этих чисто физических требованиях существует небольшое качественное различие между отдельными людьми, ибо, если потребности те же самые, то и потребление будет одинаковым. Отсутствие значительных индивидуальных расхождений во вкусе определяет, какие блага предназначаются для рутинного или машинного производства. Так как люди почти одинаковы в своих основных физических потребностях, то их индивидуальность начинает выступать все сильнее и сильнее, по мере роста высших материальных запросов, а когда и последние удовлетворены, то — в процессе развития запросов эстетических, интеллектуальных и моральных. Следовательно, разнообразие индивидуальностей обнаруживается наиболее сильно в высших или, как их иногда называют, «художественных» потребностях человека, которые требуют особого удовлетворения, могущего итти только от искусства. Можно предполагать, что в высоко развитом обществе многие физические и даже интеллектуальные нужды будут одинаковыми для всех, и им будет уделяться мало индивидуального внимания. Такого сорта нужды могут быть определяемы, как шаблонные, и они могут быть удовлетворены продуктами машинного производства. Если же общество, правильно организованное в области предоставления обычного материального благосостояния, станет развиваться далее, то общая картина материальной культуры будет давать все меньше и меньше моментов различия. Личность, найдя здесь свое выражение, перенесет свою активность в более высокую область. Обогащение и развитие человеческой жизни в таком обществе, несомненно, обнаружит большую степень сходства между членами последнего в низших сферах существования и усиление индивидуальных различий в его высших областях, — различий, которые должны, очевидно, делаться все более значительными. Целью приведения к одному уровню низших жизненных процессов могла бы явиться лишь возможность утверждения высших индивидуальных особенностей. В таким образом представляемом прогрессирующем обществе, где социализация и индивидуализация растут во взаимной связи и действуя друг на друга, не может быть, очевидно, установлено никаких границ машинному прогрессу. По мере развития каждой более высокой потребности, какая-либо потребность более низкого порядка попадает в категорию рутинных потребностый и по праву отходит

в область, принадлежащую машине. Но если даже большая часть материальных благ, вне всякого сомнения, будет изготовляться машиной, то это не значит, что искусство будет изгнано из той сферы, которая обыкновенно называется «художественным ремеслом». Напротив, оно во многих случаях может остаться другом и сотрудником машины, при чем последняя даст шаблонное основание для развития индивидуального вкуса и удовлетворения индивидуальных желаний потребителя. Одним из самых обнадеживающих событий последних лет является растущее проникновение в область машинной промышленности искусства, — использование искусных рисовальщиков и исполнителей привлекает внимание и воспитывает глаза публики на красоте форм и гармонии красок. В керамике, текстильных и скобяных товарах, в изготовлении мебели и во многих других отраслях производства начинают проявляться в виде требований на разнообразие и на отделку зачатки общественных вкусов. Не является ли это и началом культивирования индивидуальных вкусов, которые привьют художество каждой промышленности, оставляя машине ту часть работы, которая трудна, скучна, опасна, монотонна и не развивает человека, в то время, как все, что приятно, интересно, ценно и воспитывает человека, будет предоставлено силам человека?

§ 14. Итак, машина приспособлена по самой природе своей к удовлетворению, под контролем общества, шаблонных жизненных потребностей. Как уже было показано, машинное производство в основе своей носит коллективный характер. Болезни современной машинной промышленности зависят от того, что этот коллективный характер недостаточно признается, и машинное оборудование, предоставленное в распоряжение индивидуального предпринимательства и конкуренции, порабощает человечество и вызывает бесполезную трату средств и хозяйственную неустойчивость. Одним словом, высшее разделение труда, предоставляющее машине обеспечение со стороны общества рутинных жизненных потребностей, а искусству индивидуальное удовлетворение индивидуальных же запросов, все еще не достигнуто. Поэтому, одно только общество может получить полное использование «экономизирующих труд» свойств машины, уменьшая количество человеческих усилий, идущих на работу при ней и увеличивая их в сфере свободных и интересных занятий. Занятое удовлетворением в рамках социального регулирования постоянных и устойчивых потребностей общества, машинное производство перестало бы подвергаться тем грозным колебаниям спроса, которые в состоянии совершенно неожиданно ввергнуть массы рабочих в безработицу и нищету и непроизводительно растратить огромные суммы «накоплений». Там, где колебания в сфере потребления сводятся к индивидуальности вкусов, изменения последних и возрастание разнообразия потребления могли бы способствовать развитию «артиста», приобретающего ловкость и гибкость, благодаря свободному следованию меняющимся вкусам потребителя и, в то же время, благодаря направлению последних.

Было бы, конечно, бесполезным пытаться предсказать, насколько глубоко искусство свяжет себя с промышленностью, или насколько оно, оторвавшись от машинной продукции, будет поглощено созиданием более утонченных интеллектуальных и духовных благ, или тем, что теперь обозначают термином «изящные искусства». Все это зависит от гармонического развития в условиях индивидуальной свободы человеческих устремлений и радостей и от взаимодействия свободно развивающихся личностей в обществе, основанном на равенстве материальных средств существования. Изучение качественной стороны процесса потребления в современном обществе только начинает признаваться настоящим исходным пунктом экономической науки. И хотя многие из более старых экономистов на словах и признавали важность этой области исследования, последняя остается все же объектом грядущей работы новых мыслителей [1]).

§ 15. Едва ли будет слишком смелым сказать, что все будущее социального прогресса зависит от замены количественных форм потребления качественными. Поскольку люди используют увеличивающиеся возможности потребления для требования бо́льших количеств тех же самых предметов, которые они потребляли и раньше, или в виде спроса на мишурное разнообразие модных товаров, совершенно не приспособленных к индивидуальным потребностям и вкусу, они увеличивают сферу господства машины. Поскольку же они развивают индивидуальность вкусов и скорее утонченность, чем количественную сторону потребления, они открывают широкие горизонты для труда, воплощающего в себе сознательную человеческую ловкость и заслуживающего название искусства.

Но имеется и другая, равная по значению, сторона той же проблемы. Политико-экономы владеют зловещей формулой, называемой «законом сокращения прибылей», которая бросает мрачную тень на промышленный прогресс в том виде, как его обычно представляют. Чем большее количество пищи, одежды, топлива и других материальных благ требуем мы, тем дальше должны отправляться мы за сырьем, тем труднее доставать его. Мы должны пахать более плохие земли, дающие меньшие урожаи, мы должны рыть более глубокие шахты для получения нашего угля и железа. И так как наше население возрастает все более и более, и это бо́льшее количество людей требует бо́льших же ресурсов земли для обслуживания своих машин и для выработки возросшей массы товаров, то истощение материальных ресурсов непрерывно увеличивается. Материальный мир ограничен. С течением времени богатства природы будут исчерпаны: но задолго до этого количество человеческого труда, требуемого для насыщения бо́льшими массами сырых материалов утробы «закона

---

[1]) Работа в этой области политической экономии профессора Д ж е в о н с а испорчена стремлением трактовать проблему чисто математическим путем, т.-е., иными словами, свести качественное различие к количественному. А это — немыслимо. Из более молодых писателей профессор Пенсильванского университета П а т т е н дал далеко более важные исследования в области систематического изучения экономики потребления.

сокращения прибылей», на много превысит экономии машинного производства крупного масштаба.

Данная опасность зависит также в конечном счете от количественной стороны человеческого благосостояния и человеческой жизни.

Ограничим на момент наше поле наблюдения той отраслью производства, которая занята добычей пищи и в которой «закон сокращения прибылей» обнаруживается с особой силой. Здесь без труда можно заметить, что с помощью прогрессивной дифференциации потребления проявление этого закона ослабляется или даже совершенно уничтожается. Если жители какой-либо страны упорствуют на сохранении единственного, однообразного типа питания и всю свою землю употребляют для посева пшеницы и разведения овец, то этим они не только расточают все другие производительные свойства обрабатываемой и необрабатываемой почвы. Каждое количественное повышение их однообразного потребления переводит их на худшие земли, принуждает их вкладывать больше труда в каждый квартер пшеницы, в каждую овцу и увеличивает ту долю продукта, которая поглощается рентой [1]).

Если же, с другой стороны, в обществе культивируется разнообразие потребления, и если здесь стремятся утилизировать каждый участок земли не исключительно в пределах его потенции взращивания пшеницы или выращивания овцы, а и для получения того вида пищи, к созданию которого он наиболее подходит, то тут можно победить «скаредность природы», которая обнаруживается в том случае, когда общество настаивает на постоянном увеличении одних и тех же запросов.

Земля, которая может быть очень плоха для разведения пшеницы или для пастбищ, которая для этих целей может быть даже ниже средней, возможно, очень хорошо подходит для производства других благ. Большое разнообразие различных форм использования позволит нам получить от природы бо́льшую сумму полезного. И общество, которое, вместо расширения спроса на одни и те же блага, утвердит свою цивилизацию на культивировании новых запросов и на большей сложности «стандарта» своего благосостояния, сможет извлекать из земли бесконечные массы богатства, не вкладывая в это бо́льшего количества труда и не платя более высокой ренты. Здесь налицо просто еще один пример экономии, достигаемой разделением и специализацией функций.

§ 16. То, что применимо к предметам питания, применимо также и к использованию земли для добывания сырых продуктов всех видов материального богатства. Народ, у которого разнообразие потребления растет, находит всегда новые и более выгодные способы использования слабо выраженных или оставляемых без внимания потенциальных данных природы. Социальный прогресс народов должен по преимуществу определяться степенью сознательной гибкости

---

[1]) Patten, «Premises of Political Economy», гл. IV.

потребления. Простое разнообразие потребления само по себе еще не может обеспечить прогресса. Здесь должно иметься растущее понимание истинных отношений, существующих между продуктами, могущими быть самым экономным способом полученными с каждого участка земли, и здоровыми потребностями человечества, стремящегося в данной физической обстановке к полному и гармоническому развитию своих способностей. Растущее культивирование вкусов к разнообразию крепких напитков не могло бы служить — как это и признается всеми — делу социального прогресса, хотя это и может способствовать увеличению числа способов различного использования почвы и повышению общей рыночной ценности произведенных благ. Та нация, которая, при сознательном утверждении ею более высокого уровня жизни, сумеет полностью ассимилировать и привести в гармоническое соответствие самое широкое разнообразие продуктов, наиболее свойственных ее климату и почве, займет первое место в промышленном развитии и во всех тех выявлениях цивилизации, которые отсюда проистекают.

Данный процесс очень прост. Одно лишь возрастание разнообразия нашего материального потребления ослабляет узы, наложенные на человека предельностью физической вселенной, ибо это разнообразие позволяет человеку в бо́льшей степени утилизировать материальный мир. Но в соответствии с тем, насколько мы к этому простому разнообразию присоединяем еще и более высокую оценку приспособлений внешнего мира с помощью человеческого уменья, именуемого искусством, мы выходим за пределы материи и не являемся больше рабами ни акров и их подразделений, ни «закона сокращения прибылей». До тех пор, пока мы продолжаем взращивать бо́льшее количество людей, требующих бо́льшего же количества пищи, одежды и топлива, мы зависим от ограниченности материального мира; и то, что мы добываем, начинает обходиться нам все дороже, хотя и приносит нам все меньшую сумму благ. Но когда мы перестаем требовать «большего», а начинаем требовать «лучшего», — благ, более тонких, лучше изготовленных и гармоничных, мы в состоянии увеличивать наслаждение, не повышая издержек и не истощая наших запасов. Какой художник не стал бы смеяться при предположении, что может не хватить или что совсем кончится материал его искусства, — его краски, глина, мрамор или что-либо другое, чем он работает? Когда мы имеем дело с «качественными», т.-е. художественными товарами, мы сразу видим, что самое ничтожное количество материи и пространства может открыть труду бесконечные горизонты и доставить бесконечное удовлетворение. По мере того, как общество приходит к замене количественного критерия существования качественным, оно вырывается из рамок, отведенных человеку материей. Искусство не знает никаких ограничений пространства и объема. И поскольку мы постигаем искусство жизни, мы становимся свободными.

§ 17. До сих пор мы рассматривали лишь качественно преобразованное потребление материальных благ. Но нация, прогрессирую-

щая в своем развитии и стремящаяся к более высокому качественному уровню жизни, должна потребовать, чтобы большее количество энергии шло на производство и потребление интеллектуальных благ.

Область последних в настоящее время также в широкой степени находится под влиянием машины и закона сокращения прибылей. Превращая нашу духовную жизнь в простое накопление знаний, нагромождая факт на факт, книгу на книгу и науку на науку, стремясь охватить возможно большую интеллектуальную арену, мы превращаемся в простых почитателей количества. Нет ничего противоестественного в том, что наше меркантильное существование развило именно такого рода духовное потребление. Англичане и американцы, развив более других машинное производство и «количественный» гений для коммерческой деятельности, должны обнаруживать вкус подобного же рода и в своем стремлении к знанию. Темп, количество, число, стоимость — эти слова у них всегда на языке. Посетить в течение двух недель любую европейскую столицу, осмотреть акры живописи, соборы, развалины замков, сделать выборки из книг или пробежать необозримую массу несистематизированной и неусваиваемой информации — такова цель той части деловой жизни, которую можно урвать у более важных занятий, состоящих в нагромождении одного тюка текстильных товаров на другой и в поглощении одного обеда из самых негармонически подобранных продуктов за другим.

Наши школы и университеты поглощены выбрасыванием год за годом огромных масс посредственных интеллектуальных благ. Наши журналы, книги и лекции являются по преимуществу машинными продуктами, приспособленными для среднего читателя или слушателя. Они считаются имеющими успех, если они могут побудить большое число лиц усвоить одинаковые переживания и мнения и принять одинаковые убеждения и верования. А это ведет к потреблению огромного количества дублетов тех же самых интеллектуальных продуктов, вместо того, чтобы способствовать самостоятельному мышлению и чувствованию. Данная опасность, находящаяся в связи с быстрым распространением печатного слова, представляется очень значительной. К счастью, можно наблюдать здесь также и влияния обратного характера, — силы, которые стремятся индивидуализировать интеллектуальное потребление и, тем самым, стимулировать высшие формы интеллектуального творчества. В развитом обществе будет в большей степени признаваться недостаточность поощрения населения к простому предоставлению большего количества времени и внимания на интеллектуальное потребление. Люди должны требовать духовных благ, действительно соответствующих их индивидуальным запросам.

§ 18. На обращение большего внимания на качественную сторону жизни мы должны также смотреть и как на средство избавиться от моральных недугов, возникающих благодаря конкуренции. Ибо, в чем причина антисоциального характера конкуренции? Она ле-

жит в предельности количества. Здесь налицо две собаки, грызущиеся из-за одной кости. Два человека хотят в одно и то же время воспользоваться одним и тем же благом. Ведь, даже в области материальных благ, чем сильнее потребление приобретает качественный оттенок и чем более отдельный индивидуум настаивает на удовлетворении своих особых вкусов, тем меньше вероятности столкновения двух лиц в сфере их желаний и борьбы между ними за одно и то же благо. Даже по отношению к произведениям искусства, еще связанным с материей, индивидуальность каждого из страстных любителей искусства ведет к ослаблению конкуренции, ибо никогда два человека не будут иметь совершенно тождественных вкусов и оценки и не будут с одинаковой жадностью стремиться к одним и тем же воплощениям красивого. Если же мы поднимемся к чисто интеллектуальным или духовным наслаждениям, то здесь конкуренция открывает путь к содружеству благородного соревнования. В стремлении к знанию или делам милосердия соперничество не дает уже картины антагонизма; когда один выигрывает, другой не теряет ничего. Успех одного человека не является падением другого. Наоборот, обогащение одного есть обогащение всех. Как в производстве, так и в потреблении высших благ знания, красоты и добра главным стимулом служат социальные, а не антисоциальные мотивы. В высших формах потребления,—в осуществлении самых достойных форм существования, в наслаждении утонченнейшими интеллектуальными и духовными благами, — нет места для чисто-эгоистического потребления. Ибо, хотя этим путем и утверждается высшая степень индивидуальности, — все же наслаждение одного индивидуума требует наслаждения других. Достижение высших ступеней знания для отдельного индивидуума невозможно без постоянной и все растущей помощи других и без воздействия со стороны «духа времени»; наслаждение таким знанием состоит все в более широком общении с другими. Практикование актов великодушия и получения от них удовольствия по самому существу своему социальны, ибо благородной жизнью можно жить лишь в соответствующем обществе. Спиноза выразил эту истину следующими словами: «Высшее благо одинаково для всех, и все могут равно наслаждаться им». Таким образом, оказывается, что высшие блага по существу своему одновременно и социальны и индивидуальны, знаменуя собой еще раз достижение того синтеза, при котором исчезает антагонизм «одного» и «всех», выступающий в более низких сферах конкурирующих стремлений и радостей.

§ 19. Не следует игнорировать одно важное условие такой развитой жизни. Человеческое существование должно получить большую качественную значимость не только в своих функциональных выявлениях, но и в своей физической основе. Величие и ценность общества должны более отчетливо усматриваться не в количестве его членов, а в их качестве. Если численность состава общества будет все время возрастать, никакая реформа методов потребления не сможет избавить от траты все большего количества человеческой

энергии на производство основных материальных благ для физического существования, которое, несмотря на все улучшения способов использования природы, подчинено и будет подчинено в конечном счете закону сокращения прибылей. Поэтому все меньшее и меньшее количество энергии можно будет сберегать для целей разнообразного и утонченного потребления, для развития индивидуальности и для интеллектуального и морального прогресса. Профессор Джедде (Geddes) прекрасно передал все значение этой мысли. «Лекарство заключается во все растущем обособлении. Например, если бы мы могли уничтожить излишнее размножение, мы могли бы повысить во всем обществе средний уровень отдельных личностей. Население имеет тенденцию не только перерастать средства существования, но и деградировать ниже должного уровня последних. Так что без постоянного направления все большего и большего количества наших производительных сил из сферы продукции тех видов благ, которые лишь поддерживают жизнь, в сферу, которая вызывает последнюю, — от задач увеличения массы основных благ животного существования, на достижение высших применений человеческой культуры, — вырождение должно было бы прогрессировать [1]).

§ 20. Остается последнее соображение. Современная промышленность крупного масштаба усилила и сделала более заметным противоестественное и несправедливое отделение производства от потребления. Работа становится все более и более обособленной от наслаждения и притом двояким образом. В первую очередь, современное машинное производство обострило различие между «рабочими классами», самое наименование которых показывает, что их основной функцией является труд, а не жизнь, и состоятельными классами, которые, прежде всего, живут, а не работают. Начала частного предпринимательства в индустриальном производстве в сильной степени увеличили это расхождение. Крайние образования данных больших классов дают яркий пример разрыва между трудом и существованием. Однако, раз работа и наслаждение являются одинаково функциями человеческой жизни, они должны быть в здоровом обществе органически связаны с каждым индивидуальным существованием. Должно быть признано важным, чтобы каждый потребитель производил, а каждый производитель потреблял. Попытка со стороны отдельного индивидуума или целого класса вырваться из-под власти физического и морального закона, требующего затраты личных усилий, как залога здорового потребления, никогда не может быть успешной. Доктор Арлидж (Arlidge) в своей книге «Профессиональные болезни» («The diseases of Occupations») отмечает в качестве неустранимого наглядного урока более высокую норму заболеваемости и смертности среди «незанятых классов» в тот период жизни, когда они подавляют свою склонность к добровольным затратам энергии и ведут праздную жизнь, возможную в силу их экономического могущества. Человек «с независимыми сред-

[1]) Проф. Patrick Geddes, «Claims of Labour» см. «The Evolution of Sex», глава XX. («Contemporary Science Series», издательство: Walter Scott Publisching Co.)

ствами» в среднем не в состоянии продлить свою жизнь дольше, чем полуголодный, живущий в отвратительном помещении сельскохозяйственный рабочий, из труда которого первый извлекает свою ренту, обеспечивающую ему его праздность. Тот же самый закон приложим и к интеллектуальной жизни. Диллетант, пытающийся извлекать все новые и новые интеллектуальные и эстетические наслаждения из книг, картин или путешествий, не делая при этом постоянных упорных умственных напряжений, терпит фиаско, ибо простое автоматическое собирание знаний от других для целей личного употребления и без стремления расширить общее достояние портит и расслабляет ум и препятствует здоровому восприятию и усвоению.

То же самое зло с неизбежностью вырастает в силу резкого разделения процессов производства и потребления и в жизни отдельного рабочего. Производственная деятельность, являющаяся монотонной, тягостной, неинтересной и невоспитательной, не содержащая в себе никаких элементов наслаждения, не может быть целиком компенсирована чередующимися моментами потребления и отдыха. Тягостное усилие, имеющееся во всякой работе или всяком напряжении, должно быть связано с бодрящими элементами интереса и удовольствия. Именно отсутствие данных моментов и дает основание для осуждения с человеческой точки зрения распространения машин. И как раз наличность их-то и характерна для всякого искусства. Поэтому в развитом обществе мы должны стремиться не к уничтожению машин, но к тому сокращению их распространения, которое является следствием растущего совершенства машинных механизмов, чтобы, таким образом, искусства были бы в состоянии поглощать значительную часть человеческих усилий.

Формы производства и потребления должны быть в здоровом индустриальном обществе неотделимы друг от друга, — т.-е. они не только должны казаться органически связанными, но и являться двумя сторонами одного и того же процесса, образуя вогнутости и выпуклости бытия. Ибо правильно организованная жизнь влечет за собой идентификацию существования, — постоянное, регулярное и здоровое поглощение и выделение энергии. Это утверждение, идущее отнюдь не от «сентиментализма», а от знания, нашло себе яркое и вместе с тем точное выражение в словах великого современного мыслителя: «жизнь без работы достойна осуждения, но работа без искусства есть низость». Как раз в соответствии с правдой этого изречения и стоит утверждение таких условий, которые сделали бы возможным исчезновение «жизни без работы». В человеческом прогрессе все оказывается зависящим от успешной реализации самой сути положительного «потребления». Экономическая среда совершенного общества будет утверждаться как раз в соответствии с тем, насколько наши вкусы станут «качественными», чтобы требовать для каждой выполняемой нами работы выявления нашей самодеятельности, нашего понимания красоты и годности, наших жизненных сил, и насколько мы сами станем домогаться тех же самых элементов самодеятельности и индивидуальности во всем, чем мы наслаждаемся.

§ 21. Такое предвидение целей общественного и промышленного характера, кажется, оправдывается тщательным изучением видимых тенденций развития современной экономики. Насколько прогресс в данном направлении может оказаться быстрым или, наоборот, насколько его может ослабить или испортить появление новых или усиление старых противодействующих сил, — все это лежит за пределами допустимых умозаключений. Стремление выяснить влияние промышленной эволюции на развитие основных моментов человеческого существования ясно устанавливает наличие двух тенденций, действие которых, не плохо обнаруживаемое в истории нашего времени, находится в тесном соответствии с общим ходом развития общественного и индивидуального бытия и взаимоотношением между этими последними.

По мере развития индустриальных обществ выясняется, что известные материальные потребности одинаковы у всех или почти у всех, и что эти потребности подвержены в меньшей степени качественным и количественным колебаниям спроса, чем другие. Эти рутинные потребности, представляющие собой ту часть потребления, которая носит одинаковый характер, могут быть удовлетворены наиболее экономно с помощью высоко организованного машинного оборудования и при высокой степени концентрации производства. Но до тех пор, пока работа машин для удовлетворения общих потребностей остается вне общественного контроля и ведется в интересах отдельных составных частей общества, интересы которых сталкиваются и между собой и с общим благом, эта работа вызывает непроизводительное расточение средств и сеет зародыши тяжелых социальных недугов. Наличие последних в наиболее организованных и наиболее просвещенных обществах приводит к усилению давления общественного контроля. Данный контроль усиливается и распространяет свое влияние в соответствии с тем, насколько развитие производства позволяет распорядителям последнего распоряжаться монопольно и в отношении к своим рабочим и в отношении к ценам и качеству благ, коими они снабжают публику. Те отрасли промышленности, которые развили экономическую мощь монополии в наивысшей степени, переходят постепенно в сфере доставки предметов первой необходимости или удобства в положение общественных производств, организованных для общего блага. Представляется правдоподобным, что все важные отрасли машинного производства, занятые удовлетворением общих шаблонных потребностей, будут постепенно развивать черты, характерные для монополий, и станут проходить шаг за шагом различные стадии общественного контроля с тем, чтобы в результате быть поглощенными общественной промышленностью.

Так называемое социалистическое движение в промышленности представляет собой рост связности современных общественных организмов. Во все времена обнаруживается сильная естественная тенденция удовлетворять общие нужды общими же усилиями. Пока общие нужды в наиболее широком их охвате выражаются в защите

личности и некоторых форм личной собственности, деятельность государства ограничивается этими чисто охранительными функциями. Работа же по производству общих благ, поскольку таковые существуют, предоставляется деревенским коммунам или другим мелким единицам общественной организации. Как только элементы постоянного общего потребления начинают умножаться, вместе с ними начинает расти и общая организация деятельности по их удовлетворению. И там, где эта деятельность вначале блыа предоставлена частной инициативе, злоупотребление властью и растущие неудобства конкуренции втягивают обслуживание потребления в сферу общественного производства. Но так как raison d'être усиления социальной связности заключается в экономизировании и обогащении индивидуального существования — в предоставлении возможности развертывания индивидуальной энергии для достижения высших форм, в которых личность могла бы получить большую сумму удовлетворения, то все более значительное количество человеческих усилий будет уходить на производства, предоставленные индивидуальной инициативе и руководству, — на искусства, где свобода личной самодеятельности найдет себе сферу применения в воплощении физической и моральной красоты и гармонии и в утверждении истины. Бесконечное разнообразие форм этого воплощения, усиленное еще индивидуальной оригинальностью артиста, должно предохранить эти области человеческой деятельности от перехода в разряд «рутинных» или «повседневных» производств. Но при этом надо заметить, что даже и в сфере изящных искусств будут существовать некоторые элементы, которые станут частью общего достояния, утратят до некоторой степени отпечаток индивидуальной заинтересованности и, таким образом, отойдут в область рутинной деятельности. Идея постоянства человеческого прогресса требует такого допущения. Но так как всякое расширение влияния «рутины» в области «изящных искусств» определяется предварительным перенесением интереса потребителя на более утонченные объекты, то в данном случае, в смысле развития индивидуальных способностей в художественной работе, мы будем иметь выигрыш, а не потерю. В каждой области человеческой деятельности прогресс рутинного производства является необходимым условием расширения сферы индивидуальной свободы выявления. Но хотя выбор и руководство всякой более высокой формой «производства» и сохраняет индивидуалистический характер, все же, в соответствии с тем, что моральные скрепы общества получат более полное признание, работа «артиста» будет все в большей степени посвящаться его согражданам. Таким образом, будет сохранено равновесие между социальной и индивидуальной работой на удовлетворение человеческих потребностей, хотя число последних возрастет, и вместе с прогрессом общественной и личной жизни ценность каждой из них получит своеобразную ценность.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В ДВАДЦАТОМ СТОЛЕТИИ.

Часть I.

§ 1. Рост крупных акционерных предприятий. § 2. «Образцовое предприятие»: его объем и структуру. § 3. Влияние предельной максимальной продуктивности на конкуренцию. § 4. Новые течения в развитии комбинатов, картелей и трестов. § 5. Распределение занятий: данные переписи 1911 г. § 6. Новое положение женщины в промышленности, торговле и свободных профессиях. § 7. Сравнительный рост основных капиталистических производств в различных странах. § 8. Рост международной торговли. § 9. Возрастание вывоза капитала. § 10. Возрастание силы и расширение сферы влияния «власти денег». § 11. Рост цен: его причины и следствия.

§ 1. Большое внимание правительств и отдельных экономистов за последнее время к статистическим данным, касающимся производства и занятий населения, позволяет нам проследить с большей уверенностью и точностью изменения хозяйственной структуры, происшедшие в промышленно-развитых странах. Прогрессирование капиталистических форм в промышленности, торговле и финансах в таких странах, как Соединенные Штаты, Германия и Япония, дает нам возможность проверить и исправить обобщения, сделанные исключительно на основании примера Великобритании. А опыт этих более поздних последователей капитализма обнаруживает ряд новых процессов в развитии экономической ситемы.

Статистика всех этих стран подтверждает правильность основного закона капиталистической эволюции, т.-е. превращение предприятий, занятых рутинного типа работой в промышленности, торговле, транспорте, горном деле и финансах, в большие акционерные компании, возрастание числа наемных рабочих, увеличение массы продукции и ограничение свободы конкуренции различными видами регулирования, сотрудничества и объединения.

Продолжающийся рост акционерного предпринимательства виден как из значительного увеличения числа зарегистрированных компаний, так и из сильного, хотя и не столь быстрого возрастания суммы капиталов, вложенных в них. (См. табл. на след. стр.)

Если мы примем сделанный «Заключительным отчетом производственной переписи» грубый подсчет всей суммы капитала, вложенного в промышленность, горное дело, транспорт и торговлю, для

Год.	Число компаний.	Сумма влож. капит. в ф. стерл.
1900	29.730	1.622.641.416 „ „ „
1905	39.616	1.954.337.135 „ „ „
1910	51.787	2.178.619.734 „ „ „
1917	60.754	2.325.740.857 „ „ „

1907 года в 4.200 — 5.000 миллионов, то мы придем к заключению, что за это время почти половина предприятий нашей страны приняла форму акционерных компаний. Тот факт, что число последних возрастало значительно быстрее, чем их капиталы, показывает, что очень большое количество индивидуальных предприятий скромного размера нашли для себя выгодным принять эту форму.

Возможно, что наиболее поразительное свидетельство развития акционерных предприятий и соответственного сокращения индивидуальных и частных фирм дает сравнение промышленных переписей Соединенных Штатов за 1904 и 1909 годы [1]). В течение пяти лет общее число предприятий, находящихся под контролем компаний, возросло с 23,6% до 25,9%. Относительное количество рабочих, нанимаемых компаниями, увеличилось с 70,6% до 75,6%. Относительная же ценность промышленных изделий, изготовленных компаниями, показывает повыш. с 73,7% до 79%. Ценность одного только процесса обработки (т.-е. чистая продукция) возросла с 71% до 77,2%.

Другая интересная таблица того же самого отчета [2]) дает еще более точное подтверждение концентрации капитала в промышленности. Она показывает относительный рост в руках крупных предприятий, со «стоимостью продукции» выше одного миллиона долларов: 1) числа рабочих, 2) валовой продукции и 3) чистой продукции.

	% рабочих.	% общ. продукц.	% чист. продукц.
1904	25,6	38,0	29,9
1909	30,5	43,8	35,7

§ 2. Мы видели, что концентрация капитала, в смысле принятия предприятиями более крупных размеров и ограничения конкуренции, не является законом универсального значения для делового мира. В сельском хозяйстве, в горном деле, в промышленности, в торговле, транспорте и даже в финансах имеются некоторые экономические процессы, которые благоприятствуют сохранению мелких предприятий. И процессы, где дорого стоющие машины и другие капиталистические способы производства неприменимы, не ограничиваются сферой мелких или средних предприятий. Даже в области крупных основных производств в каждое данное время, как это найдено, существует определенный предел выгодности работы в крупном масштабе. Во всяком случае, это имеется в сфере обрабатывающей промышленности. В текстильной, металлургической и других основных отраслях промышленности различных стран капитал и труд

¹) «Statistical Abstract of the U. S. A.», № 131.
²) «Statistical Abstract of the U. S. A.», № 132.

стремятся сложиться в производственные единицы, более или менее одинакового размера и строения, образующие «нормальный» или господствующий тип.

По отношению к прядильным и ткацким предприятиям Ланкашира уже было указано, что здесь существует образцовый тип, в смысле количества веретен и станков, к которому и тяготеет данная промышленность. Это количество в 1911 г. выше, по сравнению с тем, которое преобладало в 1889 г., но выше на определенную, а не на неопределенную величину. В Ланкашире теперь имеется предельный или типичный размер для каждой отрасли работы, превышать который, очевидно, для предприятия невыгодно, если только какие-либо необычные обстоятельства не благоприятствуют более крупному образцу. Крайне ценное статистическое обследование профессора С. Дж. Чапмана (S. T. Chapman) и Т. С. Эштона (T. S. Ashton) о «Размерах предприятий, главным образом, в текстильной промышленности» [1]), дает читателю большое количество хорошо разработанных данных относительно текстильной промышленности в различных странах.

Вопрос о размерах нормального предприятия есть вопрос о структуре последнего. И кажется, что существуют границы не только для расширения, но и для специализации предприятий. Разумеется, в определенной промышленности может существовать не один тип максимальной продуктивности. Но здесь всегда будет обнаруживаться некоторый, хотя и сильно колеблющийся предел для величины предприятия, подобно тому, как будет существовать норма в отношении постоянного капитала к оборотному или в отношении всего капитала к нанимаемому труду.

Для тех, кто понимает предприятие как органическую систему, — эти выводы покажутся à priori ясными. Но ряд фактических данных придаст им и прочное индуктивное обоснование. Здесь будет достаточно передать в общих словах результаты последних обследований, суммируя которые Чапман и Эштон говорят в заключение своей работы:

«Говоря в общем, — в отдельных производствах или их разветвлениях соответствующей величины существуют, кажется, при раз данных условиях. — типичные или нормальные размеры, — типичное соотношение между их составными частями и типичная конструкция, которые предприятия и стремятся освоить. Число веретен, принадлежащих исключительно прядильной фирме, соотношение между количеством веретен и станков в смешанном предприятии и даже их абсолютное количество здесь, форма организации управления, — автократия ли это, олигархия или избираемый директорат,— все это подчинено, в той или иной степени, норме, аналогичной естественному закону. Таким образом, рост предприятия, размеры и форма, которые оно в конечном счете принимает, повидимому, определяются таким же образом, как это имеет место в развитии

[1]) «Journal of Royal Statistical Soc.», апрель 1914.

организма в животном или растительном мире. И как существуют нормальная величина и форма для человека, то точно так же, хотя и не столь отчетливо, существуют нормальные размеры и форма для предприятий. Для человеческого типа могут быть найдены многочисленные вариации, согласно разнообразию в предшествующем положении, в окружающей обстановке и в тех неизвестных причинах, которые для удобства определяются как случайность. Но в каждом данном месте и в данное время всегда будет возникать тип, обусловленный основными элементами нашей природы. Грубо выражаясь, тех же самых видоизменений можно ожидать и в мире промышленности, согласно указаниям наших данных, хотя здесь по отношению к отдельным особям могут быть обнаружены бо́льшие и более многочисленные отклонения» [1]).

Факторы, определяющие размеры, отчасти носят объективный характер. Условия снабжения движущей силой, наличные местные запасы, максимальный в отношении работоспособности размер машинных установок, выгодность и непроизводительная трата трансмиссий играют здесь главную роль. Эти объективные моменты определяют механический предел максимума производительности и предельные размеры отдельной производственной единицы. Но современная система организации может ставить под одно и то же наблюдение или управление несколько или многие учреждения. Предельная величина предприятия, как финансовой единицы или единицы управления, много эластичнее, ибо, хотя и верно, что «ограниченное количество инициативы, организации и управления с известного момента должно вызывать уменьшение доходности предприятия», все же этот предел найти опытным путем не легко. Современная организация финансовой стороны предприятий все время занята отысканием новых форм сотрудничества или федеративной связи между прежде «независимыми» предприятиями, что ведет к увеличению «субъективных единиц максимальной производительности», вплоть до такого размера, который устанавливает фактический контроль над рынком сбыта.

§ 3. Насколько это ограничение производительности концентрированного капитала образует естественное препятствие для хозяйственных монополий, — это остается еще предметом больших разногласий. В некоторых отношениях предел максимальной производительности предприятия может быть достигнут лишь с установлением фактической монополии. Наличие предельной продуктивной производительности может способствовать выживанию значительного числа текстильных и металлургических предприятий, для которых потенциальным рынком является весь мир, но на железных дорогах максимум экономии работы не может быть получен до тех пор, пока не будет установлена единая национальная железнодорожная система. В банковском деле и в других отраслях финансовой деятельности единица предприятия с максимальной продуктивностью мо-

[1]) «Journal of Statistical Soc.», стр. 513.

жет быть настолько велика, что сделает во многих областях конкуренцию фактически невозможной.

В Великобритании, равным образом как и в Соединенных Штатах и повсюду, где железнодорожное дело остается в частных руках, продолжается без перерыва поглощение небольших и слабых компаний крупными и сильными, а условия работы и тарифы более часто и с бо́льшим успехом устанавливаются путем соглашения между формально конкурирующими линиями. В Великобритании, еще до войны, железнодорожные компании, продолжая конкурировать в области тарифов, пришли сначала к соглашению отдельных обществ относительно более экономных условий работы, а потом, при молчаливом согласии правительства и публики, фактически прекратилась и конкуренция в области тарифов и других привилегий.

В банковском деле, где сама величина предприятия часто обеспечивает монопольные права на крупные и доходные операции, процесс концентрации за последнее время происходил с большой быстротой. В 1890 г. число акционерных банков в Англии и Уэльсе было 104; в 1900 г. оно упало до 77, в 1910 — до 45, а в 1915 — до 37. Число же отделений за этот период времени — 1890 — 1915 гг. — возросло с 2.203 до 6.026. Вклады за это же время увеличились с 368.663.000 фунт. стерл. до 992.555.000 фунт. стерл. Иными словами, одна треть прежнего числа банков работает почти в три раза больше, чем раньше. Уменьшение за тот же период числа банков, принадлежащих отдельным лицам, совсем поразительно. В 1895 г. их имелось 38, в 190 — 19, а в 1915 они сократились до 7 [1]).

§ 4. Но слияние, в строгом смысле этого слова, не является наиболее распространенной формой ограничения конкуренции, обеспечения экономии в администрации и контроля над рынками. Немногим примерам слияния в горизонтальном и вертикальном направлении оказывалось чересчур много внимания. И в то же время слишком мало уделяли его многочисленным опытам объединения, на федеративных или иных основах, которые, не доходя до слияния, образуют, однако, основное русло процесса современной капиталистической интеграции. Согласно ценному анализу М а к р о с т и [2]) (Macrosty) наиболее примитивный и наиболее слабый вид деловых объединений представляют собой «группировки для определения условий, на которых предприятие должно вестись», — условий, относящихся к дисконту, нормам кредитования, оплате транспорта и т. д. Но этот вид объединений не касается продажных цен. Объединения для определения последних образуют вторую стадию. Они, по большей части, являются местными союзами промышленников или торговцев, созданными для установления продажных цен или изменений в ценах. Ограничения продукции этот вид объединений обыкновенно не затрагивает. Что же касается объединений в области производства, то они, как правило, устанавливают не

[1]) Банковское приложение к «The Economist», от 20 мая 1916 г.
[2]) «The Trust Movement in British Industry», изд. Longmans and Co.

только прейскуранты, но и регулируют выработку, что является существенным для контролирования цен. Важной чертой картелей и синдикатов, столь бросающихся в глаза в новейшей капиталистической Германии, является соглашение о количестве фабрикатов, подлежащих выпуску на рынок, и о распределении этого количества между участниками. Общий характер этих картелей уже описан [1]). Но интересным явлением новейшей германской практики служит учреждение союзов по продаже. В этом случае все члены синдиката образуют акционерную компанию, которая принимает по установленным ценам от своих участников оговоренное количество фабрикатов или выработки и продает их по цене, которая определяется ее распорядительным органом в соответствии с положением рынка и в зависимости от конкуренции извне.

Является ли синдикат или картель этой завершенной формы лишь приступом к полному слиянию или созданию треста, это остается еще вопросом. Фактически имеются соображения в пользу относительных преимуществ и федерального и центрального руководства. В ряде случаев из британской действительности, как то отмечает Макрости, объединения вели к слиянию. Классическим примером здесь служит фирма J. and P. Coats. Но в Германии и Австрии экономическая выгода ведет, кажется, к более свободным объединениям, где отдельным участникаам предоставляется большая свобода руководства делом. Но если в Великобритании объединения, где они существуют, являются и более тесными, то в общем условия английской торговли неблагоприятны для создания сильных, действенных и длительных монополий национального характера. В своем важном труде Герман Леви говорит: [2]) «Развитие в английской промышленности картелей и трестов стеснено тремя моментами, — отсутствием покровительственных пошлин, сравнительной ничтожностью фрахтов и редкостью трудно воспроизводимых минеральных продуктов, имеющих тенденцию образовывать национальные или международные монополии.

Однако, свобода торговли в национальных рамках не обязательно служит препятствием для объединений на международной арене, и в течение первых лет текущего столетия интернациональный капитализм сделал целый ряд успешных попыток регулирования или контроля продукции и цен на предметы общего потребления.

«Тем или другим путем мировая торговля рельсами, трубами, гвоздями, винтами, нитками для шитья, белильным порошком, содой, нитратами и табаком в большей и меньшей степени находится уже под международным контролем. Динамит, по крайней мере, до последнего времени, уже состоял под таким контролем, и делались неоднократные попытки синдицировать подобным же образом и всю торговлю сталью» [3]).

---

[1]) Глава IX.
[2]) «Monopolies and Competition», изд. Macmillan.
[3]) Macrosty, стр. 342.

§ 5. Мы видели, что современный капитализм произвел во всех странах некоторые определенные изменения в относительной важности различных занятий. Сельское хозяйство, хотя его продуктивность выиграла непосредственно от капиталистических методов менее, чем другие отрасли, в общем сокращается. Все возрастающее количество пищевых продуктов и материалов поступает от внешней торговли. Основные отрасли обрабатывающей промышленности, за исключением тех, которые снабжают растущие иностранные рынки, дошли до максимума, а затем начали показывать относительное и абсолютное падение, поскольку это измеряется количеством наемного труда, ими употребляемого. С другой стороны, транспорт и отрасли распределительной деятельности, занятые передвижением и продажей товаров, обнаруживают заметный прогресс. То же самое и в сфере занятий, охватывающих свободные профессии, банковскую, государственную и другие формы служб.

Британская перепись 1911 г. показывает, что эти процессы продолжаются. Сельское хозяйство дает прирост относительно много меньший, чем общий прирост населения,— 1.128.604 в 1901 г. и 1.235.237 — в 1911 г. С другой стороны, горное дело показывает прирост почти в три раза более быстрый, чем прирост всего населения, а именно: 35,2% за десятилетие. Служба связи дает прирост в 13,1%, при чем железнодорожные служащие и рабочие дают здесь наивысшую цифру в 16,7%, что, однако, составляет наименьшую норму прироста по сравнению с данными предшествующих переписей. Из группы обрабатывающей промышленности металлургия и машиностроение показывают по отношению к людскому составу значительное возрастание в 20,5%. Однако, этот разряд включает в себя судостроение и изготовление средств передвижения, в том числе автомобилей. «Драгоценные металлы» дают даже еще больший прирост в 23,7%, в значительной степени относимый на счет «научных инструментов, музыкальных инструментов и приборов для спорта и игр». «Дерево, мебель и отделка жилищ» увеличились на 22,7%, главным образом, на счет отделки домов и магазинов, а также на счет торговцев художественными изделиями и мебелью. Любопытный контраст этому образует строительное дело, показывающее понижение на 9,3% за декабрь, что вызвало, в свою очередь, некоторое, хотя и меньшее, сокращение в группе «щетки, цемент, гончарное дело, стекло».

Большое относительное возрастание среди других отраслей промышленности дает группа «химические продукты, нефть и т. д.», где отмечается огромный прирост в 38,2%, и группа «бумага, печатное дело, книги, канцелярские принадлежности и т. п.», где увеличение составляет 24,8%.

Текстильная промышленность, после обнаружения за предшествующую декаду относительного сокращения численности занятых в нем лиц, теперь снова растет немного быстрее средней нормы населения. Это происходит, главным образом, благодаря восстановле-

нию мужского наемного труда в хлопчатобумажной промышленности. Шерстяная и конфекционная отрасли слабеют. Последняя показывает уменьшение мужчин на 1,5% и увеличение среди «мастеров» женщин всего лишь на 3,8%.

Оптовая торговля и торговля розничная, где они поддаются выделению из сферы производства, продолжают поглощать все возрастающее количество наемного труда. Это видно из увеличения всей группы «коммерческих занятий» на 34,3%. Торговые коммивояжеры дают 31%, банковские служащие — 33,3%, агенты по страхованию — 56,9%. Группа, озаглавленная «посредники», показывает увеличение на 23,8% для мужчин и 54,2% — для женщин. Обувное производство дает знаменательный контраст. В то время, как число изготавливающих обувь сократилось на 7,9%, число ее продающих возросло на 52,9%. Служба прислуги и примыкающие к ней занятия продолжают показывать относительное сокращение, в особенности домашняя прислуга, прирост которой составляет всего только 1,3%. Свободные профессии дают устойчивый крупный прирост, хотя появление подсобных подразделений делает здесь точный расчет трудным. То же самое приходится сказать и о цифрах, относящихся к центральному и местному управлению, которые охватывают многих лиц, «переведенных» за истекший период с частной службы. Однако, фактический и относительный рост общественных служб остается фактом, заслуживающим внимания. Прирост здесь дает 244.379 вместо прежних 171.687 или 42.3% для мужчин и 44.882 вместо 26.500 или 69,4% — для женщин. Нижеприведенная таблица показывает возрастание или падение относительного значения основных групп занятий для мужчин за десятилетие 1901 — 1911 г.

Занятость мужского населения.

Из 10.000 мужчин старше 10 лет занято (Англия и Уэльс).

	1901	1911
I. Центральное и местное управление.	141	179
II. Оборона.	139	151
III. Свободн. профессии	257	269
IV. Прислуга приход.	148	166
Прислуга домашн.	102	118
V. Коммерч. занятия:		
a) Торговцы, агенты, банковское дело и т. п. . .	184	222
b) Клерки . . .	254	264
VI. Служба связи:		
a) Железные дор.	290	291
b) Остальные пути сообщения. .	355	345
VII. Сельское хозяйство:		
Фермеры.	167	153
Сельско-хоз. раб.	594	558
Остальные. . . .	121	124
VIII. Горное дело:		
Уголь	523	647
Остальные. . . .	110	92
IX. Металлургия:		
Машиностроение .	814	846
Судостроение. . .	71	76
Средства передв.	95	128
X. Строительное дело.	859	693
XI. Дерево	169	158
XII. Бумага, печатание.	123	131
XIII. Текстильная пром.	331	343
XIV. Конфекцион. дело.	305	275
XV. Пища и т. п. . . .	638	669

§ 6. В развитии хозяйственных форм и методов работы женщина за последнее время неуклонно получает все большее и большее значение. Женщины не только продолжают участвовать в таких процессах организованной и специальной промышленности, как пряденье, тканье и изготовление одежды, изготовление пищи и напитков, стирка белья и другие домашние работы, но во все возрастающем количестве проникают в разнообразные общие профессии, многие из которых до последнего времени замещались исключительно мужским персоналом. Наиболее быстрые и наиболее значительные успехи делает женский труд в некоторых областях коммерческой деятельности, на общественной службе и в сфере свободных профессий. В течение последнего полустолетия данные переписей показывают, что в группе коммерческих служащих женщины увеличились с 5 до 245 на 1.000 «лиц, в этой области занятых». Одно только последнее десятилетие дает здесь возрастание с 153 до 245. Служба телеграфа и телефона теперь по преимуществу находится в женских руках, показывая увеличение за десятилетие с 406 до 522 на 1.000. В галантерейной, обувной и некоторых других отраслях торговли женщины очень быстро замещают мужчин.

Но, с другой стороны, в главных отраслях текстильной промышленности, до недавнего времени переходивших по преимуществу в руки женщин, можно видеть в конечном счете известный обратный процесс. Статистические данные для хлопчатобумажной промышленности показывают здесь следующее:

	1901	1911	Увел. в %%
Всего занятых. . . .	529.131	605.177	14,4
Из них мужчин	196.898	233.380	18,5
„ „ женщин	332.233	371.789	11,9

Данные для шерстяной промышленности идут в том же направлении; весь прирост здесь наемных работников, достигающий 6,2%, составляется из увеличения на 9,0% числа мужчин и только на 4,2% — женщин. В конфекционной промышленности женщины продолжают обгонять мужчин, но сама эта промышленность показывает норму прироста много меньшую нормы роста всего занят. населения.

След. таблица, относящаяся к профессиям иного характера, чем профессия прислуги, где женщина играет преобладающую роль, бросает яркий свет на успехи женщин в значительных количествах производств и отраслей промышленности. На первом месте стоят здесь керамика, канцелярские принадлежности, фотография, чулочное дело, ковры, обувь, щетки и химические продукты. Рубрика же домашней прислуги показывает не просто относительное сокращение по сравнению со спросом, предъявляемым промышленностью и торговлей. Господствующее положение, занятое женщинами в качестве учителей, говорит за достижение уже ими в этом пункте наивысшей точки и о начале нисходящего движения. Все это, без сомнения, обусловлено тем, что для образованных женщин открыто бо̀льшее число профессий.

Количество женщин в некоторых отраслях занятий на каждые 1000 лиц, там работающих.

ЗАНЯТИЯ.	1861	1871	1881	1891	1901	1911
Учителя . .	725	741	727	740	745	727
Фотографы	66	147	197	234	257	297
Прачечное дело	990	987	981	964	957	931
Коммерческие служащие . . .	5	16	33	72	153	245
Телеграф и телефон	82	76	236	291	406	522
Керамическое произв. и т. п. .	311	354	384	385	392	421
Рабочие в резиновом произв.	206	200	275	391	398	370
Щетки и т. п. . . .	321	346	382	389	431	440
Бумажное производство . . .	417	395	444	401	366	312
Канц. принадлежности и т. п.	345	380	531	600	643	653
Хлопок	567	598	620	609	628	614
Шерсть	461	513	561	557	582	571
Шелк	642	676	691	667	702	693
Пенька и прочие виды текстильных материалов . .	265	304	374	393	492	530
Чулочный товар	468	468	533	629	713	735
Кружева	829	826	743	635	653	630
Ковры	183	312	362	440	517	544
Галантерея	208	257	340	433	504	560
Изделия из соломы	921	926	903	814	737	666
Изготовление перчаток . . .	864	882	854	769	761	731
Изготовка и продажа обуви .	154	115	160	185	210	226
Табак	221	296	435	548	601	596

§ 7. Насколько быстр темп общего развития капиталистической промышленности в главных странах, это лучше всего, может быть, видно из новых статистических данных, показывающих рост добычи угля, чугуна и стали, являющихся основными материалами машинного производства.

Если мы возьмем в первую очередь руководящие промышленные страны, то станет очевидным, что во всех этих областях Германия и Соединенные Штаты развиваются на много быстрее, чем Великобритания. Только лишь в отношении угля сравнительный успех Германии, хотя и крупный сам по себе, все же частично теряет свое промышленное значение в силу той большей роли, которую играет Великобритания в экспортной торговле этим продуктом по сравнению с Германией.

Добыча угля (Cd 7,525, стр. 489). В тысячах тонн.

Годы.	Россия.	Швеция.	Германия.		Голландия.	Бельгия.	Великобритания.
	Уголь.	Уголь.	Уголь.	Лигнит.	Уголь.	Уголь.	Уголь.
1900	16.157	252	109.290	40.498	320	23.463	228.795
1905	19.684	322	121.299	52.512	468	21.775	239.918
1910	24.860	303	152.828	69.547	1.292	23.917	268.677
1912	26.423	360	174.875	80.935	1.725	22.992	264.670

Добыча и потребление чугуна. В тысячах тонн.

Годы.	Соед. Штаты.		Великобритания.		Германия.		Франция.	
	Добыча.	Потребл.	Добыча.	Потребл.	Добыча.	Потр.	Добыча.	Потр
1900	13.789	13.554	8.960	7.705	8.507	9.106	2.714	2.832
1905	22.992	23.154	9.608	8.746	10.875	10.513	2.974	2.925
1910	27.304	27.414	10.012	8.978	14.794	14.163	4.038	4.168
1912	29.727	29.578	8.751	7.706	17.617	16.775	4.939	5.011

Годы.	Россия.		Швеция.		Бельгия.		Австро-Венгрия.	
	Добыча.	Потребл.	Добыча.	Потребл.	Добыча.	Потр.	Добыча.	Потр.
1900	2.895	2.946	527	499	1.019	1.317	1.456	1.522
1905	2.709	2.721	540	476	1.310	1.791	1.541	1.553
1910	3.032	3.036	604	544	1.852	2.514	2.044	2.090
1912	4.186	4.296	700	585	2.301	3.068	2.313	—

Производство сырой стали (в тоннах).

Годы.	Великобритания.	Россия.	Швеция.	Германия.
1900 .	4.901.000	2.201.000	300.000	6.362.000
1905 .	5.812.000	2.711.000	368 000	10.067.000
1910 . .	6.470.000	3.536.000	472.000	13.699.000
1912 . .	6.903.000	4.490.000	515.000	17.302.000

Годы.	Бельгия.	Франция.	Австро-Венгрия.	Соединенные Штаты.
1900 .	685.000	1.585 000	1.145.000	10.188.000
1905 . .	1.227 000	2.240.000	1.439.000	20.024.000
1910 . .	1.945.000	3.413.000	2.327.000	26.095.000
1912	2.515.000	4.404.000	2.686.000	31.251.000

Более важным является остановка в производстве и потреблении чугуна в Великобритании наряду с ростом в этом пункте Германии и еще более быстрым развитием Соединенных Штатов.

Равным образом, хотя продукция стали и испытывает большее повышение в Соединенных Штатах и в Германии, повышение это в первом случае будет значительнее. Но едва ли является менее показательным и темп развития некоторых менее крупных и более отсталых стран. Французское производство чугуна, хотя абсолютно и много меньше, чем в Германии, относительно растет почти в равной скорости с последней; темп же роста ее потребления чугуна значительно выше. Французская продукция стали показывает темп развития не слабее, чем в Германии, и не много меньший, чем в Соединенных Штатах. Бельгия не отстает от Германии в производстве чугуна, отставая, однако, в добыче угля, и значительно превосходит последнюю в выработке сырой стали. Россия, Австро-Венгрия и Швеция явно идут быстро по пути утверждения промышленного капитализма.

§ 8. Рост экономического интернационализма имеет тенденцию усилить коммерческие отношения между различными нациями мира; он же ведет к развитию более жесткого и эффективного сотрудничества граждан различных стран для эксплоатации в общих интересах мировых богатств и к стандартизации форм производства и потребления во всех странах, этими экономическими отношениями захваченных. Данный процесс в течение первых лет настоящего столетия сделал в различных местах значительные шаги вперед как в смысле широты захвата, так и в смысле углубления своего влияния.

Приводимая ниже таблица показывает относительное возрастание импортной и экспортной торговли главных стран Европы за указанный период.

Должно быть отмечено, что все страны дают очень значительное возрастание ценности как вывоза, так и ввоза. Повсюду, кроме России, отмечается большее и по большей части все увеличивающееся превышение суммы импорта над экспортом. В Германии, например, излишек импорта, составлявший в 1901 г. немного менее 50 миллионов, возрос в 1912 г. почти до 92 миллионов, а во Франции с 16 до 59 миллионов.

В Австро-Венгрии торговый баланс с экспортным сальдо в 10 миллионов в 1901 г., в 1912 преобразился в баланс с импортным сальдо в 34 миллиона.

Данная картина внешней торговли говорит, конечно, за сильное возрастание невидимого экспорта посредством морского транспорта, финансовой и других услуг, а также благодаря увеличению сумм инвестированного за границей капитала, как это мы имеем в случае с Германией, Францией и Бельгией. В отношении Италии и Австро-Венгрии баланс частично поддерживается с помощью переводов из Америки, которые делаются в эти страны недавними эмигрантами.

Ценность импорта и экспорта (в фунт. стерл.).

Государства.	1901	1904	1907	1910	1912
	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.	ф. ст.
Великобритан.					
Ввоз.	521.990.198	551.038.628	645.807.942	679 257.024	744.640.633
Вывоз	347.864.208	371.015.321	517.977.167	534.145.817	598.961.130
Россия:					
Ввоз (без транз.).	62 639.000	68.759.000	84.444.000	114.469.000	123.687.000
Вывоз . . .	80.389.000	106.229.000	111.152.000	152.959.900	160.318.000
Германия:					
Ввоз.	281.578.000	330.444.000	470.550.000	468 809 000	568 962.000
Вывоз	232.247.000	273.622.000	365.913.000	397.252.000	476.140.000
Бельгия:					
Ввоз.	145.626.000	177.058.000	244.952.000	262 066.000	—
Вывоз	129.578.000	153.964.000	207.646.000	227.786.000	—
Франция:					
Ввоз.	224.248.000	228.860 000	314.984.000	364.104.000	411.744 000
Вывоз	208.788.000	229.780.000	290.244.000	324.196.000	352.956.000
Италия:					
Ввоз.	69.758.000	78.514.000	119.994.000	137.866.000	156.646.000
Вывоз	55.997.000	65.853.000	81.590.000	87.553.000	100.594.000
Австро-Венгр.:					
Ввоз (без транз.) .	68.860.000	85 329.000	104.249 000	118.869 000	148.200.000
Вывоз (без транз.	78.561.000	87.028.000	102.387.000	100.775.000	113.911.000

Однако, наиболее важным фактором является быстрый рост международной торговли. Сделав соответствующие поправки на общий подъем цен за последние годы, все же нужно признать, что рост этот происходит значительно более быстро, чем то можно сказать на основе имеющихся данных о росте в соответствующих странах самой промышленности в целом. Повсюду внешняя торговля развивается быстрее внутренней. Более тщательный анализ покажет также, что эта торговля стала разнообразнее как по ассортименту товаров, так и по числу стран, с которыми она ведется. Каждый потребитель в цивилизованных странах сделался теперь в удовлетворении возросшего числа своих повседневных потребностей более зависимым от производственной деятельности большего же числа иностранцев.

Следующая таблица, заимствованная из британской промышленной переписи, устанавливает относительную зависимость британского народа в главных областях экономической жизни от собственного и иностранного производств.

Экспортная и импортная торговля (в милл. фунт. стерл.). Промышленная перепись.

ОТРАСЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.	Продукция.				Чистый ввоз [1]).
	Стоимость на месте произв.	Продано для прямого использов. или потребления.	Продано, как материалы для других произв.	Вывезено. Стоимость при нагрузке.	Стоимость на месте назначения.
1. Сельское хоз. . .	210,0	165,6	40,0	4,4	208,1
2. Рыболовство. . .	11,7	9,0	2,0	7	8
3. Горное дело и каменоломни.	128,6	39,0	47,6	42,0	64,0[2])
4. Обрабатывающая промышленность. Строительное дело. Обществ. работы.	1.165,9	707,5	41,6	416,8[3])	324,6
Всего . .	1.516,2	921,2	131,2	463,9	597,5

§ 9. Однако, наиболее выдающейся чертой современного экономического интернационализма является не рост обыкновенной торговли за пределы политических границ, а увеличение инвестирования капитала в чужие страны. Этот рост экспорта капитала (вызывающий большие осложнения в торговых балансах стран, втянутых в этот процесс) является общим для всех передовых индустриальных государств Европы. Соединенное Королевство ушло в этом направлении далеко вперед как в размерах денежных сумм, инвестированных за границей, так и в отношении их к сумме домашней инвестиции. Сверх того, инвестиция Соединенного Королевства раскинулась во внеевропейских странах много шире, чем это имеет место с иностранными инвестиями Франции, Германии и других государств, экспортирующих капитал. И хотя для определения роста экспорта капитала, равно как и для роста внутренней инвестиции нет вполне надежных данных, однако то, что в этом отношении имеется, указывает абсолютное и относительное превышение, начиная с 1905 года, иностранной инвестиции Соединенного Королевства по сравнению с домашней. 1905 г. впервые дает значительное превышение всей суммы капитала, ушедшего в Лондоне на цели загра-

[1]) Т.-е. ввоз без обратного экспорта.

[2]) Включая чистый ввоз неочищенного золота в слитках и слитков серебра для нужд промышленности.

[3]) Включая вывоз золота и серебра в слитках, очищенных в Великобритании, и вывоз (для покрытия баланса) английской золотой и серебряной монеты, и исключая чистый ввоз иностранной и колониальной серебряной монеты (расцениваемой как слитки).

ничной инвестии, по сравнению с суммой подписки для помещения внутри страны. И данные для следующих лет вплоть до 1913 г. лишь усиливают это превышение. Когда мы сделаем поправку в отношении капиталов, «подписанных отчасти на континенте», и возьмем лишь то, что целиком подписывалось в Лондоне, то данные с начала столетия будут итти в следующем виде (в тыс. фунт. стерл.).

Год.	Для инвестии в Соедин. Королевстве.	Для инвестии за границей.
1900	100.121	26.069
1901	106.585	26.978
1902	75.124	62.214
1903	44.868	60 013
1904	50.083	64 616
1905	48.426	110.617
1906	39.314	72 995
1907	32.988	79 334
1908	50.052	117.871
1909	18.681	150.468
1910	60.296	179 832
1911	26.146	142.740
1912	45.335	144.560
1913	35.951	149.735

Хотя фактическая сумма капиталов, предназначенных для различных начинаний, не вполне соответствует результатам выпусков бумаги, ибо значительное количество сбережений переходит в отечественные ценности посредством частной инвестии, все же общая тенденция, вырисовывающаяся из этих статистических данных, вполне определенна.

Данный прилив капиталов идет во все растущее число предприятий и во все увеличивающееся число мест. Наиболее сильный поток направляется в Канаду, Соединенные Штаты и Аргентину. Однако, и другие южно-американские страны являются крупными получателями. Меньшие, хотя все же значительные суммы берутся для Южной Африки, Египта и других наших африканских колоний. Определенная часть попадает в Индию и Австралию. Россию за последние годы приходится также считать потребителем английских накоплений.

«Главной целью, для которой требуются такие колоссальные суммы, все еще является сооружение железных дорог почти во всех частях света. Сооружение доков, проведение водопроводов и газа, электрическое освещение, телеграф и трамваи образуют другую важную группу, более всего предъявляющую спрос на свежие капиталы. Все эти начинания ведутся или государственными органами — центральными или местными, — или же акционерными компаниями. Сверх того, имеются еще горные концерны, плантации, земельные ипотечные общества, банки, страховые и торговые компании, которые все заметно участвуют в инвестии за границу в начале этого процесса. Однако, за последние годы в ходе заграничной инвестии по-

явилась новая черта, а именно — вложение капитала в промышленные и индустриальные концерны» [1]).

Статистика выпуска акций французскими биржами показывает ту же самую тенденцию в смысле расширения объема и размаха иностранной инвестиции. Что касается Германии, то, хотя выпуск иностранных бумаг является здесь относительно меньшим, все же абсолютная сумма, включая государственные займы, — очень значительна. В то время, как в течение нескольких последних лет Великобритания вкладывает ежегодно в колониальные и иностранные предприятия суммы, колеблющиеся между 100 и 200 миллионов, — ежегодный отлив за границу французских денег дает от 80 до 100 миллионов, а в Германии — от 40 до 60 миллионов. Голландия и Бельгия также вносят свою долю в денежный поток, идущий из Западной Европы в нуждающиеся в займах страны и достигающий ежегодно суммы до 300 миллионов.

Фактическая сумма британского капитала, инвестированного за границей, определялась в 1914 г. приблизительно в 3.500.000.000 фунтов стерлингов; французский же капитал можно исчислить в 1.800.000.000 ф. ст., а германский — в 1.200.000.000 ф. ст.

§ 10. Все растущая зависимость успешного ведения многих отраслей промышленности и торговли от больших сумм капитала и большая роль, выполняемая отдаленными и сложными процессами обмена, требующими для своего завершения долгих периодов времени, все это придало чрезвычайную важность организации банковского дела и финансов. Современная система помещения капитала в форме акционерного предприятия не только расширила и обезличила последнее. Она обеспечила в деловом мире решающее и господствующее значение за небольшой группой лиц в больших денежных центрах, контролирующих и регулирующих поток капиталов и организацию кредита, на основе которой все в больших размерах начинает вестись современное предприятие. Учредительство новых начинаний посредством собирания из различных источников нужного им капитала, преобразование частных индивидуальных предприятий в публичные акционерные, поддержка в финансовом отношении конкретных промышленных и торговых операций займами, учетом векселей и другими видами финансовой помощи, принятие на себя риска и обеспечение гарантий, снабжение биржевых маклеров и других «бумажных» дельцов средствами для ведения их дел, — все это отводит руководящее положение в современных капиталистических отношениях людям и фирмам, обладающим денежной мощью. В большинстве стран сосредоточием этой мощи являются большие акционерные банки. И главная масса вышеперечисленных операций выполняется или, по крайней мере, финансируется ими. Непосредственные отношения между промышлен-

[1]) «The Export of Capital» C. K. Hobson (стр. 159) (изд. Constable), наиболее полное в историческом и статистическом отношении исследование предмета, доведенное до 1914 г.

ностью и банками в различных странах различны. В Германии и в Соединенных Штатах прямая финансовая зависимость крупных промышленных и иных предприятий от банков гораздо более сильна, чем в Великобритании.

Но во всех передовых странах развитие как вширь, так и вглубь банковского и страхового дела представляет характерную черту нашего времени. Каждый город, каждая значительная деревня имеют отделения или агентуру какой-нибудь крупной компании. Сбережения всех классов направляются в широкие каналы инвестиц, и чеки отовсюду начинают играть все большую роль в качестве платежного средства.

И то, что приложимо к внутренней торговле, приложимо и к торговле внешней. Такие крупные капиталистические страны, как Великобритания, Германия и Голландия, распространили свою банковскую систему по всему миру, способствуя финансированию торговли и развитию ресурсов новых или отсталых стран. Великобритания, с ее неоспоримым преобладанием в судоходстве и иностранной торговле, занимает в этом руководящее место. Однако, в течение последних лет более предприимчивые немецкие банки сумели добиться многочисленных успехов. Банки Соединенных Штатов, занятые до сих пор финансированием своей отечественной, быстро растущей промышленности, недавно также начали выходить на международную арену. «Национальный Городской Банк» (National City Bank) является пионером учреждения заграничных отделений в Бразилии, Аргентине, Урагвае и Кубе. Доклад, прочитанный профессором Эмери Р. Джонсоном (Emery R. Johnson) на собрании Американской Экономической Ассоциации (декабрь 1915 г.), утверждает от имени одного хорошо известного нью-иоркского банкира, что более сотни европейских банков открыли свои отделения за границей, и число этих отделений превышает две тысячи. «Их имеется более ста в Южной Америке, около трехсот в Азии, четырехсот — в Африке и более семисот в Австралии, Новой Зеландии и на островах Тихого Океана».

Рост внешней торговли и инвестиции тесно связан с этим движением международных финансов. Это наиболее подвижная форма экономического интернационального общения.

§ 11. Ни один анализ новейшего экономического развития не может пройти мимо общего повышения цен, начинавшегося со средины последнего десятилетия прошлого века и продолжавшегося с возрастающей быстротой в годы, предшествовавшие войне. Общее и приблизительно одинаковое возрастание цен во всех странах есть само по себе показатель и результат действенных международных связей, которые возникли в силу торговых сношений и инвестиции капитала.

Существенные характерные черты и размеры роста цен в некоторых главных странах показаны в прилагаемой ниже таблице, составленной Гукером (Hooker) [1].

---

[1]) «The Course of Prices». «Journal of the Statistical Society», дек. 1911.

Среднее.	Великобритания (Министерство торговли).	Великобритания (Зауербекк).	Франция (Экономическая реформа).	Германия.	Соед. Штаты (Бюро труда).	Канада (Департамент труда).
1896—1899 гг. . . .	100	100	100	100	100	100
1900—1909 гг. . . .	104	111	109	115	118	115
1910 г.	113	118	118	128	132	125
Сентябрь 1911 г. .	—	122	126	139	—	—

Более детализированная сводка изменений цен, приводимая на основе данных Зауербекка (Sauerbeck), для Великобритании сэром Г. Пейшем (G. Paish), устанавливает целый ряд интересных фактов. Прежде всего оказывается, что рост цен на материалы значительно больше такого же на продукты питания. В то время, как последние дают повышение с 62 в 1896 г. до 77 в 1913 г., материалы поднялись за это же время с 60 до 91. С другой стороны, различные группы съестных припасов и материалов показывают значительное расхождение в степени вздорожания. Животные продукты поднялись в цене сильнее растительных, в то время как колониальные товары показывают небольшое абсолютное снижение. Среди материалов, в свою очередь, подъем цен значительнее для минеральных продуктов, чем для текстильных, — для первых повышение с 63 до 111, в то время как для последних с 54 до 84.

Эти факты показывают, что воздействие некоторого единого общего фактора видоизменяется или даже уничтожается в отношении отдельных групп благ действием специфических факторов. Поскольку цены являются показателем соотношения между размерами покупательной способности (количеством денег) и количеством товаров, то общий подъем цен обозначает, по существу, более быстрое возрастание запасов денег по сравнению с товарами. Увеличение же количества денег может знаменовать собой увеличение количества золота или других орудий обмена или же возможность получения в данное время и за данную же сумму денег большего количества работы. Не может быть никакого сомнения в том, что подъем цен в значительной степени обязан комбинированному воздействию причин, вызвавших за рассматриваемый период времени ненормальное увеличение количества денег. Усиленная добыча золота играет тут свою роль, но гораздо меньшую, чем это обычно принято думать. Большое расширение возможностей банковского или другого кредита хотя и облегчается возросшей добычей золота, все же последний в более тесном смысле не контролируется и не регулируется. Расширение системы кредитования совпало с ростом действительных требований на кредит благодаря превращению столь

большого числа предприятий в корпорации с котирующимися на бирже долговыми обязательствами. В силу этого возможности более легкого кредита оказались быстро утилизируемыми в новых областях и для новых целей.

Это расширение денежных запасов происходило более быстро, чем увеличение в пределах земного шара запасов подлежащих обмену благ. Ибо, хотя рост населения и усовершенствованные способы производства и транспорта и способствовали усилению продукции благ, это усиление все же было затрудняемо действием двух сил, в столь значительной степени оказывающих свое влияние за два последние десятилетия. Поглощение огромных количеств рабочей силы военной службой, разрушение и опустошение, причиняемые войнами, ненужная конкуренция в сфере распределения, высокие таможенные пошлины, препятствующие развитию производительности труда и капитала, соглашения как капитала, так и труда для ограничения продукции и возросшее давление спроса на предметы питания и сырье в соответствии с так называемым «законом сокращения прибылей», — все это в соединении может считаться причиной замедления возрастания товарной массы. Наконец, широкое использование сбережений индустриальных стран для дела «развития» Южной Америки, Канады и других территорий, результаты чего скажутся лишь позже, также сопровождалось известными жертвами в области непосредственного потребления благ.

Таким образом, сопоставляя рост цен как с проблемой денег, так и с товарной проблемой, мы замечаем, что период быстрого увеличения скорости обращения денежных средств совпал с одним из самых значительных замедлений в накоплении рыночных благ и с расточением производительных сил. Это вовсе не значит, разумеется, что количество товаров за все это время не возрастало. Но темп данного возрастания был замедлен.

Рост цен оказал крупное влияние на распределение богатства. Норма процента на текущие вклады в консолях и первоклассных долговых обязательствах в Англии, где он упорно падал в течение более чем тридцати лет перед 1896 годом, поднялся с тех пор, по крайней мере, на 25% [1]). Если даже денежный эквивалент заработной платы поднялся бы в уровень с общими ценами, то и то чрезмерное увеличение розничных цен некоторых пищевых продуктов в течение этого времени вызвало бы известные потери для получающих заработную плату. Но в Великобритании и в части других индустриальных стран заработная плата не могла подняться до уровня возросших оптовых цен. В Великобритании «реальная заработная плата», регулярно и с возрастающей скоростью поднимавшаяся с 1879 г. по 1896 г., с этого момента начинает показывать падение. За первую декаду двадцатого столетия статистика отмечает некоторое понижение реальной заработной платы для Велико-

[1]) См. R. A. Macdonald «The Rate of Interest since 1844» «Statistical Journal», март 1912.

британии. Франции, Германии, Италии, Соединенных Штатов и Канады. Иными словами, рост цен сопровождался изменениями в распределении богатств, которые выгодны для капитала и не выгодны для труда. Иногда этот факт приписывается «промахам» или медлительности труда в достижении уровня заработной платы, который уравновешивал бы подъем цен. Несомненно, падение реальной заработной платы было главной причиной растущего беспокойства в промышленности, которое в течение предшествующих войне лет вылилось в ряд конфликтов между трудом и капиталом неслыханных размеров и силы.

Часть II.

§ 1. Выявление в военное время скрытых производственных возможностей. § 2. Проблема хозяйственного восстановления. § 3. Отношение государства к основным отраслям производства. § 4. Государственные мероприятия по отношению к заработной плате и безработице. § 5. Отношение государства к банковскому делу и денежному обращению. § 6. Проблемы государственных доходов и обложения. § 7. Возрождение земледелия и сельской жизни. § 8. Возможная реакция в сторону усиления экономического национализма. § 9. Экономический интернационализм на новой основе.

§ 1. Опыт военного времени осветил более ясно многие из черт нашей промышленной и коммерческой системы. Структура национальной и международной торговли, равно как и финансов, подверглась испытанию во многих пунктах, и здесь были открыты некоторые новые возможности экономического развития.

Наиболее импонирующим открытием из пережитого во время войны британской промышленностью явилась ее качественная и количественная способность приспособляться к неожиданным новым требованиям. По истечении почти двух лет, в течение которых для боевой службы было взято более четырех миллионов человек, или приблизительно одна треть взрослого трудоспособного мужского населения, — после того как около миллиона было сверх того использовано для специальных требований производства предметов военного снаряжения, обычные отрасли промышленности страны все еще были способны продолжать свою работу по удовлетворению всем необходимым материальных сторон жизни гражданского населения в размерах немного меньших, чем это было до войны.

Правда, в виде дополнения к нашей собственной продукции ввозилось гораздо большее количество благ, чем это делалось обычно. Но если принять во внимание высоту фрахтов и другие специальные расходы, то возможно, что фактическое количество ввезенных пищевых продуктов и материалов, нужных для гражданского потребления и пользования, не будет много выше нормального. Является очевидным, что нация в состоянии из своих внутренних запасов производительных сил извлечь больше, чем это считалось до сих пор реально возможным. Производство материальных благ в целом (считая предметы военного снаряжения) не оказалось сократившимся, благодаря отвлечению четырех миллионов людей.

Каким же образом это стало возможным? Во-первых, из состава работников, участвующих в непосредственном производстве материальных благ, было взято не более половины этого количества. Вероятно, около половины этих четырех миллионов было набрано из состава неработающих, учащихся и предпринимательских слоев населения, из сферы свободных профессий, занятий в области распределения и транспорта, среди прислуги и представителей других личных услуг. Приблизительно с полмиллиона падает на эмиграцию, запрещенную во время войны. Затем, были заброшены отрасли промышленности, обслуживающие потребности фешенебельного мужского населения, и увеселительные. Основные же отрасли промышленности получили подкрепления из различных источников; таким образом их общая сумма продукции уменьшилась не на много. Все безработные стали на работу; вернулись к последней и рабочие, переставшие уже работать; дети и юношество из школы были взяты на фабрики; в сферу промышленности, торговли и земледелия было втянуто большое количество женщин; была установлена более длинная рабочая неделя с большим количеством сверхурочного и даже воскресного труда; ввели много экономизирующих труд машин, и всему машинному оборудованию была придана большая скорость, «разжижение» вызвало более продуктивное разделение труда, а приостановка действий правил тред-юнионов придала работе большую эластичность и результативность. Следовательно, в то время, как распределительные и другие функции значительно ослабевали, функция «производственная» сохранялась в хорошем состоянии.

Это обнаружение такого количества «упускаемой» или запасной энергии в нашем хозяйственном организме будет иметь важные последствия для восстановления промышленности после войны. Необходимость в более совершенном и увеличенном производстве с целью поднять реальный доход нации предъявит целый ряд настоятельных требований. Восстановление заброшенных или пострадавших фабрик, обеспечение свежим капиталом для новых начинаний в виду необходимости встретить изменившиеся условия внешней торговли и привести наши промышленные заведения в состояние, отвечающее современным требованиям, необходимость в высоком налоговом обложении, которое явится последствием войны, высокая норма процента, которая должна будет господствовать, — все это приведет к тому, что довоенный уровень реальной заработной платы и благосостояния нельзя будет сохранить, если общая величина продукции не будет значительно повышена. Опыт войны указал на некоторые источники этого возможного повышения производительности. Сокращение безработицы, лучшая и более быстрая работа, более свободный и практикуемый в больших размерах наем женщин, лучшая организация труда на фабрике и в мастерской, обнаружение большей энергии и предприимчивости со стороны руководителей и работодателей, большее использование научных и технических знаний, большая склонность со стороны деловых людей применять эти знания в промышленности и, наконец, — последнее,

но не самое меньшее, — лучшая организация кредита и общих финансов, — таковы основные пожелания для увеличения национальной продукции.

Некоторые из отсюда вытекающих проблем предъявляют требования по преимуществу к труду, другие — к способностям владельческих и руководящих групп и третьи, наконец, к государственной организации и государственной поддержке.

Эти требования назревали уже перед войной. Более быстрое экономическое развитие Германии и Соединенных Штатов вызывало в особенности суровые нарекания на медлительность наших деловых классов в использовании для приведения в современное состояние промышленности и торговли великих открытий химии и физики, «научного управления» и организации финансов.

Детализированные данные нашей промышленной переписи показывают, что наша продукция благ недостаточна для обеспечения удовлетворительного уровня существования всего нашего населения, если бы даже эти блага и стали распределяться лучше. Факт нашей национальной бедности произвел глубокое впечатление на многих социальных реформаторов и привел их к более ясному пониманию связи, существующей между проблемами повышенного производства, более справедливого распределения и улучшенных форм потребления богатства.

§ 2. После войны задачи экономического восстановления вынудят применение более смелых попыток, чем это было возможно до сих пор и в частных, и в общественных предприятиях. Для достижения увеличенной продукции прежде всего необходимо более мирное сотрудничество между трудом и капиталом, между нанимателем и нанимаемым. Непосредственная опасность хозяйственного положения, при котором труд стоит перед лицом внезапного падения заработной платы с уровня, искусственно поднятого войной, должна вызвать сознательные усилия к отысканию способов примирения интересов капитала и труда. Выход заключается здесь в нахождении соответственных и применимых импульсов для получения от рабочего большого и постоянного количества производительной энергии, бо̀льшей склонности к принятию и приложению новых технических и организационных методов и, в общем, более действительного сотрудничества с другими факторами производства. Но для того, чтобы побудить труд понять общность его интересов с капиталом, нужно, чтобы сама эта общность была утверждена на более прочном основании. У труда должна быть большая «заинтересованность» в предприятии и его ведении, поскольку это прямо касается рабочей силы, в нем занятой. До сих пор предприятие «принадлежало» то̀му, кто владел капиталом; оно было его исключительной собственностью. «Интерес» всякого рабочего не выходил за пределы недельного срока или даже того менее. Если не считать сделанных ему неохотно, под давлением тред-юнионов, уступок, рабочий не имел никакого голоса в регулировании «условий работы» на фабрике, заводе, ферме или в руднике. За рабочими же должна

быть обеспечена более солидная доля во владении и управлении предприятием, на котором они трудятся. Как согласовать данного вида владение и управление с сохранением руководящей роли работодателя в общем ведении предприятия, в его организации, как технического орудия, в определении направления и методов производства и процессов купли и продажи, — все это явится важной проблемой хозяйственного восстановления. В тесной связи с этой проблемой будет стоять проблема обеспечения за рабочими денежного интереса в успехах предприятия в его целом. Систему заработной платы нельзя уничтожить. Рабочие не могут быть призваны к несению в полном объеме риска и возможных убытков, на которые идут владельцы капитала. Ибо никакое участие в прибылях, как бы они ни были велики, не может компенсировать рабочим опасность периодов «работы на-авось». Но система заработной платы должна быть дополнена и укреплена некоторым участием в прибылях, применяемым для стимулирования большей производительности труда, которая тем самым и создавала бы прибыль. Очевидные недостатки, вызвавшие неудачу большинства схем участия в прибылях, должны быть изучены и должны быть найдены средства их исправления. Ибо, если внутри предприятия капитал и труд приведены в разумное соответствие, они должны понять, что стоят перед возможностью получения выгод от действительного сотрудничества. Если рабочие через своих доверенных представителей обладали бы несколько лучшим пониманием природы и методов делового предприятия и тех факторов, которые вызывают успех или неудачу, если бы они имели некоторый контроль над условиями труда и определенный интерес в выработке бо̀льшего количества и лучших предметов, поскольку это согласуемо с разумным отношением к их здоровью и безопасности, то продукция промышленности вне всякого сомнения сильно бы возросла, а распределение результатов производства было бы социально более благодетельно.

Но при всех преобразованиях системы ведения дела надо учитывать еще третий фактор, интересы которого должны быть согласованы с интересами капитала и труда,—а именно рынок, т.-е. потребителя. При производстве, построенном на основе свободной конкуренции, соперничество отдельных предприятий считалось достаточной гарантией интересов потребителя. Но, поскольку это касается отношений между производителем и потребителем, во многих областях производства и обмена соглашение заместило собой конкуренцию. Снизу и доверху, начиная с банка для страхования и судовых фрахтов вплоть до розничных цен на молоко и хлеб, интересы потребителя подвергаются опасности со стороны то тесных, то слабых, широко распространенных и постоянных соглашений между участниками той или иной отрасли хозяйственной жизни. Опыт последней войны обнаружил много ярких примеров подобного организованного давления на потребителя.

Государство, как представитель интересов потребителя, было в некоторых случаях вынуждено, формально или не формально, вме-

шиваться, даже в нашей стране, с целью ограничения цен. В Германии и в других воюющих странах были проделаны крупные эксперименты регулирования продажных цен. И хотя военные условия раздули данного рода злоупотребления, все же было бы наивно предполагать, что капиталу и труду как в промышленности, так и в торговле можно предоставить согласование их интересов, не обращая внимания на то, как отзовутся эти согласованные интересы на потребителе. Ибо, если произведены целесообразные изменения, позволяющие капиталу и труду работать дружески вместе и увеличивать продукцию, то очень вероятно, что данная отрасль хозяйства, а не отдельные предприятия, должна во многих случаях стать областью гармонических отношений. Если даже отдельное лицо или более смелое предприятие захватят при этом руководство, успех нового начинания приведет, наверное, к тому же и другие предприятия, и промышленное соглашение об условиях труда и участия в прибылях будет дополнено торговым соглашением о продажных ценах. Другими словами, здесь началось бы широкое развитие комбинатов в виде синдикатов по продаже или, в крайнем случае, ассоциаций регулирования цен. Дальнейшим результатом подобного рода процесса могло бы явиться уничтожение первоначального стремления к неограниченной продукции. В таких предприятиях, как угольная компания Южного Уэльса (The South Wales Coal Mines), что может помешать капиталу и труду найти лучшую форму выявления общности их интересов в регулировании продукции во всем производстве и в установлении здесь высокой продажной цены? Подобный риск всегда будет существовать, если потребляющая публика совершенно не участвует в контроле над производством.

§ 3. Данное обстоятельство открывает широкие перспективы для установления нового отношения государства к промышленности. Напряженность военного положения принудила правительство различными путями вмешиваться в операции частного делового мира. Иногда оно помогало и поддерживало частные предприятия, иногда регулировало и сокращало их, а иногда уничтожало частное управление ими. Никто не может предполагать, что все из этой области деятельности государства просто испарится, как только война будет закончена. Железные дороги, попавшие под единый контроль и ликвидировавшие на несколько лет свою обычную конкуренцию в погоне за барышами, едва ли вернутся к довоенному положению. Национализация, уже висящая в воздухе, начнет, вероятно, делать свои первые шаги, и большая масса капитала и труда перейдет таким образом из рук частного предпринимательства в общественные руки. Большие новые заводы по приготовлению военного снаряжения, учрежденные и руководимые государством, поставят важный вопрос об отношении правительства не только к фирмам, работающим на вооружение, но и ко всему судостроению и машиностроению, которые в течение войны являлись «контролируемыми предприятиями». К этому ведут не только коммерческие, но и важные политические соображения. Может ли быть позволено частным

фирмам и впредь, как это было раньше, снабжать другие нации судами, оружием и снаряжением? Может ли быть им разрешено вступать в соглашение с иностранными фирмами и открывать свои отделения в чужих странах? Не должны ли они находиться под таким контролем, который сохранил бы их производственную деятельность исключительно для удовлетворения требований нашей страны. Если это так, то не должно ли регулирование цен, по которым продаются товары, сопровождаться принятием мер против стачек, локаутов и других нарушений трудового процесса. Здесь, вероятно, будут найдены различные переходные формы организации между полной национализацией и частным производством.

Та же самая тенденция усиления общественного контроля над хозяйственной жизнью выявится и в некоторых других основных областях экономики, например,—в горном деле, судоходстве и, может быть, в химической промышленности. Стремления к установлению общественного контроля будут усиливаться или ослабевать в зависимости от большей или меньшей опасности международного положения. Если, как это является вероятным, главные нации будут продолжать свои огромные военные приготовления и угрожать друг другу или бояться начала новых враждебных действий, то стремление к сохранению уже созданного во время войны контроля будет очень сильным и, должно быть, распространится на горное дело и на некоторые так называемые «ключевые отрасли промышленности» («key industries»).

И хотя обнаружилось, что для целей поддержания существования и обороны, не представляется возможным превратить Соединенное Королевство или даже всю империю в самообслуживающийся экономически организм, все же могли бы быть сделаны шаги в деле создания и накопления больших запасов известных необходимых предметов, по отношению к которым опыт войны показал, что здесь может быть недохватка. Если европейские правительства не сумеют создать соглашений, которые открывали бы перспективы длительного мира, то вооруженный национализм, в обстановке которого останется наш народ и другие нации, вызовет требование субсидирования и национализации некоторых из этих «ключевых отраслей промышленности».

§ 4. В области специального отношения к рынку труда и положению заработной платы после войны, вероятно, должно произойти быстрое и значительное усиление деятельности государства в двух направлениях, а именно, создание промышленных палат (Trade Boards) для определения минимума заработной платы и других условий работы и введение страхования от безработицы.

Первые уже учрежденные для некоторых явно «потогонных» отраслей производства [1]) могут быть распространены на некоторые

---

[1]) Регулирование условий труда, согласно закону о промышленных палатах (Board of Trade Acts) 1909 г., привело к учреждению этих палат в 1909 г. в области изготовления цепей, и в 1910 г. в области изготовления бумажных коро-

более крупные производства, в которых заработная плата низка или подвержена опасным понижениям. Опыт фиксации норм заработной платы в угольной промышленности, хотя и не совпадает целиком с методами промышленных палат, указывает, однако, на новое расширение сферы вмешательства общества в то, что некогда рассматривалось, как «естественный закон» заработной платы. В области сельского хозяйства еще до войны были сделаны предложения об установлении минимума заработной платы по округам. Дезорганизация большинства рынков рабочей силы, которая наступит, когда вернутся назад распущенные по домам солдаты и когда прекратится действие военных контрактов, наверное, принудит правительство вмешаться с целью ликвидации «естественных» последствий временного большого излишка рабочей силы.

Распространение мероприятий страхования от безработицы на отрасли промышленности, в которых будет особенно чувствоваться после войны ослабление конъюнктуры, даст некоторое облегчение этих затруднений. Необходимость считаться после войны с положением труда создаст государству такое положение в экономической жизни, которого оно никогда раньше не занимало. Оно будет вынуждено не только обеспечить минимум заработной платы и принять меры против безработицы, но и предпринять в широком масштабе общественные «облегчающие положение» работы для того, чтобы с большей легкостью пережить период обратного поглощения армии и приведения в довоенное состояние дезорганизованного хозяйства.

§ 5. Отношение государства к банковому делу и системе финансов станет предметом серьезного внимания. Здесь снова опыт войны привел к важным открытиям. Прежде всего обнаружились кредитные возможности крупного государства при приступе к войне. В то время, когда вся система банковского дела и финансов находилась перед лицом огромной опасности краха, государство влило

бок в Англии, в кружевном производстве, в портняжном деле Англии, в производстве бумажных коробок в Ирландии и в портняжном деле там же.

«Считают, что эти шесть палат для четырех самостоятельных отраслей производства, захватывают до 200.000 рабочих, из которых около 70% женщины».

В 1913 г. действие закона было распространено на 1) конфетную промышленность и на изготовление пищевых консервов: 2) изготовление рубашек, 3) изготовление посуды, 4) вышивку по полотну и хлопчато-бумажным тканям и 5) некоторые операции паровой стирки.

Из отчетов, уже вышедших, «ясно», что законодательное введение минимума заработной платы может быть произведено без причинения серьезных неудобств как работодателям, так и рабочим отраслей промышленности с низким уровнем вознаграждения. Оказалось невозможным помочь низшему разряду «потогонных» рабочих без единовременного повышения путем прямого вмешательства заработной платы несколько лучше, но все еще скверно оплачиваемых групп. И на деле для этого слоя промышленные палаты сделали столько же, сколько и для самого низшего разряда лиц, находящихся в условиях потогонной работы. Далее, они помогали в равной степени, как мужчинам, так и женщинам, и не имели, прямо или косвенно, отношения к вопросам продолжительности рабочего дня, условиям найма и обучения молодежи» (Frederic Keeling в «The Economic Journal», март, 1914 г.).

в ее холодеющие артерии широкий поток общественного кредита. Этот факт показывает, во-первых, что банковская наличность, — денежные средства, с помощью которых ведется большинство деловых операций, — не могут соответствовать внезапным крупным требованиям. Во-вторых, публичный кредит, в форме выпуска государственных банкнот и государственной гарантии банковских операций, этим требованиям соответствовать может. Вполне естественно, что может быть поднят вопрос, «почему этот огромный национальный кредитный фонд, покоющийся, как это и должно быть, в конечном счете на праве государства посредством налогов или принудительных сборов распоряжаться всем национальным богатством, не может быть употреблен для обычных целей деловой жизни вместо того, чтобы оставаться где-то спрятанным для редкого использования в обстановке острого кризиса?» А с другой стороны: «Разумно ли и безопасно ли, чтобы частные, ищущие прибыли компании, подобно нашим банкам, знали бы, что в случае крайности, вызванной общей ли политикой или неудачами предприятий, они могут прибегнуть к ресурсам государства для спасения себя от гибели?»

Сознание того, что банки благодаря этой публичной помощи могли наслаждаться периодом большого процветания и высоких прибылей во время войны, порождает и другие основания для критики.

Затем обращает на себя внимание неспособность наших акционерных и частных банков предоставить на разумных основаниях кредит или наличные средства, нужные для некоторых потребностей торгового общества. Мелкие торговцы и промышленники жалуются, что формальное отношение администрации крупных банков не позволяет им пользоваться кредитом, и что помощь получают они только от местных мелких банков. Реформаторы аграрных отношений, заинтересованные в развитии среди фермеров кооперации и мелких держаний, нуждаются в новых кредитных учреждениях для получения той финансовой поддержки, в которой им отказывают банки. Еще более важными представляются требования какой-либо более широкой организации денежных средств, которая могла бы итти на риск поддержки и финансирования новых крупных промышленных и торговых начинаний, особенно в области колониальной и внешней торговли. Наши банки уклоняются от этой работы, не соглашаясь иммобилизировать столь значительную часть своих ресурсов. Для этих областей финансовой деятельности, равно как и для более выгодного использования мелких сбережений, притекающих в наши почтово-сберегательные кассы, необходим полный пересмотр системы наших общественных и частных финансов. Наверное будет выдвинуто требование, чтобы государство сохранило в широких размерах свое монопольное положение в области финансов, — то положение, которым оно однажды воспользовалось, и которому затем позволило уйти из-под его контроля и стать основанием для частной наживы. Чек все в большей и большей степени становится практической формой денег, и продажа

права пользования чеками является очень доходной функцией акционерных и частных банков. «Обеспечение», на котором банки строят сложную систему кредита и под которое выпускаются чеки, лишь в малой и все уменьшающейся степени составляется из подписных фондов, уплачиваемых пайщиками банков. Оно все в больших размерах создается теми самыми потребителями, которые покупают и оплачивают кредит, продаваемый банками и государством, которое дает понять, что в крайнем случае оно поддержит акционерные банки собственным кредитом. Никакая другая сфера деятельности не позволяет так манипулировать в частных интересах средствами других лиц и государства. Существование такой своеобразной и неразумной политики делается возможным, только благодаря хрупкости и сложности финансовой системы и общему невежеству в вопросах, касающихся ее структуры и функционирования. Кредит в деловой жизни во многих отношениях играет ту же роль, что и пути сообщения; по существу и то, и другое служат средствами передвижения и перемещения богатств. Современные железные дороги, как артерии общенационального значения, повсюду переходят теперь под прямой контроль государства. Рост общественных банков (National Banks) сначала для сотрудничества с банковскими компаниями и объединения их ресурсов, а затем и для замещения их представляется также неизбежным. Опасные по своей неожиданности колебания цен в их влиянии на рабочих и условия их жизни должны все в большей степени побуждать государство заняться вплотную проблемой денег. Предоставление создания денежных средств и снабжения ими целиком частной инициативе, лишь со случайным время от времени вмешательством государств в момент опасности, нельзя защищать логически и нельзя признать правильным практически.

§ 6. Другим тяжелым вторжением государства в хозяйственную систему,—вторжением, вытекающим из войны,—явится сильно возросшее податное обложение, долженствующее притти. За исключением Великобритании воюющими правительствами фактически не было сделано ни одной попытки получить значительные средства для покрытия военных расходов из текущих налоговых доходов. Обычными средствами здесь были различного вида займы и сопровождавшая их инфляция. Даже в Великобритании не более одной пятой военных расходов первых двух лет войны было покрыто с помощью повышения налогов. В результате война во всех странах создаст новый многочисленный класс «рантье». Если бы даже она окончилась в текущий фискальный год, дополнительное увеличение годовой суммы налогов для уплаты процентов и погашения военных займов и для выплаты военных пенсий почти наверное превысило бы полтораста миллионов, а скорее всего достигло бы двухсот миллионов фунтов. Во Франции и Германии положение еще хуже.

Это значит для каждой нации, что государство должно запустить свою руку в текущую годовую продукцию народного богатства

и передать значительную сумму ее—в Англии почти одну десятую—сравнительно небольшой группе состоятельных держателей ценностей, которые сами ничего не дают в данное время в обмен и которые даже не выполняют функции соединения земли или промышленного капитала с трудом в целях производства благ. Военные долги явятся мертвым грузом для работающей промышленности, вызывая соответствующее уменьшение доходов производительного капитала и труда. И давя всей своей тяжестью наиболее сильно в то время, когда промышленность и торговля будут бороться за свое восстановление и оправятся от ударов, нанесенных войной, они вызовут большие неудовольствия. Повсюду фискальная политика получит бо́льшее значение, чем когда-либо раньше. Государство должно открыть новые источники дохода и изобрести новые средства для увеличения национальной производительности с тем, чтобы оно могло получить свою долю в возросшей сумме богатства.

§ 7. Есть основания полагать, что война окажет значительное влияние на стимулирование того движения возрождения земледелия и других сельских занятий, которое приобрело за последние годы большую силу. Политические и военные соображения явятся могучими благоприятствующими факторами для реформ, имеющих целью посадить «на землю» относительно большую часть нашего населения и поднять в значительных размерах количество пищевых продуктов отечественного производства. Стремление к активной жизни на свежем воздухе в условиях свободного существования и достаточного вознаграждения будет усилено еще тем, что альтернативой здесь явится жизнь в колониях. До войны насаждение мелких держаний земли на основе добровольной или принудительной организации шло довольно медленным темпом; великая сельская равнина ждала применения к земледельческому труду страны установления заработной платы палатами, равным образом, как и поднятия этой заработной платы соответственно уровню экономической производительности и постройки в широком масштабе рабочих жилищ, свободных от власти лендлорда или фермера. Энергично продвигались вперед схемы кооперирования различных сельскохозяйственных процессов и выступления на рынке, равным образом, как и учреждения местных кредитных ассоциаций, необходимых для того, чтобы дать мелким фермерам в деловом отношении твердую почву под ногами. Распространялось агрономическое образование, и были приняты меры для улучшения системы шоссе и железных дорог.

Государство было вынуждено прибегнуть к принудительным мерам для воздействия на наиболее консервативных и упорных собственников и фермеров, чтобы быть в состоянии предпринять новые попытки облесения, исправления почвы и развития легкого транспорта, а также и для того, чтобы оказать финансовую и иную поддержку различным ассоциациям в области сельского производства. Деревенская жизнь стала более материально обеспеченной и привлекательной, а земледелие начало становиться на более научную и более деловую почву.

обстановки, при которой представители простого населения не могут иметь фактически права голоса и решения.

Но безотносительно к тому, будет ли центр тяжести британской жизни покоиться на национальной организации или на имперской,— хозяйственные метаморфозы в нашей стране должны быть больше, чем где бы то ни было. Отказ от интернационализма вызвал бы не только бо̀льшее, чем в любой другой стране, расстройство нашей промышленности, торговли, судоходства и финансов, — он повлек бы за собой также и бо̀льшие расходы, как в результате вреда, нанесенного национальным источником дохода, так и в виде возросших общественных трат. Сокращение нашей свободной торговли и нашего помещения капитала за границей не только урезало бы наши торговые барыши, но и сопровождалось бы уменьшением нашего мирового контроля над судоходством и финансами и сокращением получающихся отсюда для жизни прямых и косвенных доходов. Национальная или имперская экономическая политика, потребовавшая таких жертв, могла бы быть защищаема лишь на основе знаменитого заявления Адама Смита, гласящего, что «защита много более важна, чем благоденствие». Ограничение национального или имперского хозяйства выразилось бы, вне всякого сомнения, в сокращении национального и имперского богатства. Но из этой уменьшенной суммы богатства бо̀льшая, чем раньше, доля потребовалась бы и была бы взята для нужд обороны. Ибо в этой враждебной мировой обстановке, которую приходится предполагать, мы должны были бы к нашему превосходству в военном флоте (о чем можно говорить, лишь учитывая недавно обнаружившийся рост морской мощи Америки) прибавить армию, содержимую согласно образцу, принятому на континенте. Однако, подобного сорта жертвы благополучием вовсе не гарантировали бы безопасности. Они смягчали бы непосредственные угрозы и полагали бы сохранять то политическое равновесие, которое, устраняя войну до поры до времени, делает ее тем более неизбежной в будущем.

Такое положение индустриального мира было бы, конечно, крайне неблагоприятно для экономического прогресса. Повсюду промышленность и торговля должны были бы считаться с политическими и военными соображениями, а научный и технический прогресс, имевший место до сих пор, определялся бы более военной, чем хозяйственной пользой. Ход мысли и развитие оценок в такой обстановке были бы враждебны свободным процессам сотрудничества людей. Автокритические и покровительственные функции государства неизбежно стали бы эксплоатироваться организованными деловыми интересами в целях создания монополий и обеспечения возможностей выгодного запускания рук в общественный карман. Требование экономического самообслуживания всегда знаменует рост ренты и высокую прибыль для покровительствуемых отраслей хозяйства, наряду с вытекающим отсюда понижением реальной заработной платы.

§ 9. Единственным выходом из опасностей и избавлением от расходов, которыми грозит экономический национализм, является усиление экономического интернационализма, обеспечиваемого улучшением политических отношений между державами. Под расовыми, национальными и эмоциональными проявлениями ожесточенности, фигурирующими в качестве причин войны на авансцене истории, легко различить борьбу торговых, промышленных и финансовых групп, использующих «иностранную политику» своих государств для проведения своих частных интересов наживы. Посмотрите, что делается за ширмами дипломатии во всех современных опасных зонах, — Египте, Персии, Трансваале, Марокко, Китае, на Балканах. Фактические конфликты, которые они вызывают, действительные притязания и требования, которые определяют политику, носят по преимуществу экономический характер, — желание получить доступ к торговым путям и гаваням, обеспечить себе рынки и, прежде всего, установить капиталистический контроль над лежащими втуне ресурсами крупных отсталых стран с запасами дешевого труда и со слабой или подкупной властью. И если должен быть утвержден длительный мир, то он может быть утвержден лишь посредством международных соглашений, направленных прежде всего на прекращение столкновений деловых интересов и вытекающих отсюда политических конфликтов, которые возникают между передовыми промышленными и торговыми нациями из-за рынков и выгодного помещения капиталов. Конечно, было бы неразумным думать, что передовые страны легко и спокойно оставят свои национальные покровительственные тарифы и допустят к себе чужие товары. Но зато вполне возможно притти к соглашению о поддержании или создании равной доступности всех рынков в их колониях, протекторатах и сферах влияния и о предоставлении членам каждой нации равных возможностей участия в выгодном деле развития ресурсов этих от них зависящих стран. Подобного рода соглашение, если бы оно было достигнуто, устранило бы большую часть тех подозрений, ревнивых настроений и чувств злобы, которые скрывает в себе политика империалистической конкуренции. Свободный доступ к сухопутным и водным торговым путям, равные права как для торговцев въезжать, покупать и продавать, так и для капиталистов помещать свой капитал в дело развития и в производство этих зависимых стран совместно с международными соглашениями о разделе на равных началах коммерческих и способствующих прогрессу предприятий, представляемых отсталыми независимыми государствами, таковы должны быть основы указанной организации международных отношений.

Отчасти это будет лишь более полным применением к международной торговле начал «laissez faire, laissez aller». Но нужно применение положительных, а не просто отрицательных моментов. Государство не может просто позволить торговцам и предпринимателям на их собственный риск итти, куда они захотят, и предлагать свои товары, где им заблагорассудится. Правительства различных госу-

дарств должны были бы договориться о предоставлении в пределах их политической власти равного покровительства прав членов всех наций. И они должны не только согласиться не предпринимать сепаратных действий для обеспечения за их подданными рынков, концессий или других экономических привилегий. В их соглашение должны входить совместные действия для распределения экономических возможностей, когда дело идет о правительствах и народах таких стран, которые, подобно Китаю, созрели для развития с помощью иностранного капитала и иностранного предпринимательства.

Интернационализм чистого «laissez faire», который позволяет отдельным деловым людям или группам их в каждой нации свободно входить в любую иностранную отрасль хозяйства, раз они ее выбрали, или вкладывать на свой страх и риск свои капиталы в любое иностранное предприятие, такой интернационализм никогда практически не существовал и не может существовать. Фактически деловые люди стремились обеспечить себе помощь своего правительства в погоне за рынками, возможностями помещения капитала и концессиями за пределами их собственной страны, в конкуренции с деловыми кругами других наций, также поддерживаемыми их правительствами, в оказание дипломатического или общественного давления на власти или население каждой слабой страны, где появлялись угрозы их торговым или иным экономическим интересам. Именно это непозволительное и тайное использование иностранной политики для частных деловых интересов и поставило экономический интернационализм в то угрожаемое положение, в котором он теперь оказывается. И так как для правительств является невозможным оставаться равнодушными по отношению к коммерческим операциям их граждан в чужих странах, то единственный выход здесь заключается в установлении явного ответственного контроля над этими операциями. И если этот контроль предназначен устранить опасности, возникавшие в прошлом, то он должен вестись совместными усилиями держав. Иными словами, интернациональная экономика должна быть поддержана и подкреплена интернациональной же политикой. Такой шаг вперед в области политического и экономического интернационализма представляет собой единственное средство спасения от реакционного национализма, который в одно и то же время уменьшит «благоденствие» каждой страны и не обеспечит ее «безопасности».

УКАЗАТЕЛЬ

ААЛФАВИТНЫЙ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

———

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

———

Н.

——

О.

П.

Р

С

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Э.

Ю.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Происхождение современного капитализма.

ГЛАВА II.

Орудия капитализма.

ГЛАВА III.

Структура промышленности до введения машины.

ГЛАВА IV.

Как развивалось машинное производство.

ГЛАВА V.

Размеры и структура современного предприятия.